Рашин

В12
66

Формирование
промышленного
пролетариата в России

312 66

А. Г. РАШИН

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА В РОССИИ

СТАТИСТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1940

331(09)
Р 28 Доб. 9(с)16

Работа А. Г. Рашина «Формирование промышленного пролетариата в России» показывает динамику численности и качественные изменения промышленного пролетариата в России за период, начиная со второй половины XVIII в. и вплоть до Октябрьской Социалистической революции.

Автором использованы материалы различных ведомств, переписей, земских обследований и ряд монографий.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
665889V

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Пролетариат,—по определению товарища Сталина,—есть класс, лишенный орудий и средств производства при системе хозяйства, когда орудия и средства производства принадлежат капиталистам и когда класс капиталистов эксплоатирует пролетариат»[1]. Пролетариат как класс получает полное свое развитие и оформление в рамках капиталистического строя. Однако, изучая все явления в их развитии, мы хорошо знаем, что *зачатки* капитализма развивались уже в недрах феодализма. Процесс формирования пролетариата—это тоже очень длительный процесс. Для своего завершения от первых разнородных и разрозненных его *элементов* до сплоченного в единый осознавший свои классовые интересы и создавший свои классовые организации монолит он потребовал у нас, в России, целых столетий.

Конечно, формирование индустриального пролетариата нельзя изучать в отрыве от конкретной истории развития крупной промышленности в России, в которой, начиная уже с петровской мануфактуры XVIII в., *намечаются явные зачатки капиталистических отношений*. А эти процессы предполагают определенную ступень разложения натурального строя хозяйства, социального расслоения общества, которые сопровождаются *накоплением* капитала на одном полюсе и экспроприацией средств производства у трудящихся масс—на другом.

Буржуазное общество, возникшее в недрах феодализма, создало новые классы. С развитием господствующего класса этого общества—буржуазии—развивается и пролетариат, класс современных рабочих. Все эти процессы, однако, как и целый ряд других проблем, связанных с генезисом крупной промышленности в России, так еще мало у нас изучены, что поднимать их все сразу в связи с проблемой формирования российского пролетариата едва ли было бы посильной задачей для отдельного исследователя.

Автор предлагаемого исследования, впрочем, и не ставил перед собой таких задач. Взятая им на себя задача по данной теме и без того нелегка. Нужно сказать, что процессам формирования и роста пролетариата в России до сих пор не было посвящено ни одной сводной работы, хотя по отдельным разделам этой большой темы

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 510.

накоплен огромный фактический материал. К сожалению, он рассеян в очень большом количестве малоизвестных и труднодоступных источников. Использовав их очень широко, автор не дает пока в своей работе каких-либо далеко идущих обобщений. Он взял на себя более скромную задачу—извлечение отовсюду, накопление, тщательную проверку и систематизацию всего относящегося к данной теме *фактического* материала—и справился с ней в общем весьма удачно. Составленная им чрезвычайно добросовестно и скрупулезно сводка фактов и цифр по данной теме за целые полтора столетия представляет огромный интерес и будет, конечно, широко использована как историками, так и экономистами.

Рамки своей темы автор трактует весьма широко. Он показывает нам не только источники формирования российского пролетариата из составляющих его разнородных элементов города и деревни, количественный его рост, концентрацию и консолидацию его основных индустриальных кадров в совершенно сложившийся класс «потомственных» пролетариев. Вместе с тем вы найдете в его книге массу весьма красочных фактов и цифр, освещающих условия труда и быта этого класса на разных ступенях его развития. Сдвиги возрастно-полового состава, женский и детский труд, жилищно-санитарные условия, образовательный уровень рабочих, связь их с сельским хозяйством, влияние промышленных кризисов и целый ряд других моментов освещается автором в конкретных условиях места и времени.

В свете этих фактов совсем по-новому представляются нам между прочим некоторые весьма дискутабельные моменты нашей экономической истории, например кризис 1907/08 г. До сих пор этот кризис чаще всего трактовался у нас просто как затянувшаяся *депрессия* после кризиса 1900 г. (Туган-Барановский и др.). Но из собранных автором фактов видно совсем другое. А именно, что «затишье 1899—1903 гг. сменяется *оживлением* хлопчатобумажной промышленности, главным образом, бумаготкацкой, красильной и ситцепечатной. Открываются остановленные фабрики, *строятся новые*, *растет* фабрично-заводский пролетариат». И лишь после этого оживления наступает *новый* кризис с конца 1907 г. «Об этом достаточно красноречиво говорит то обстоятельство,—читаем мы, например, в истории Петербургского союза металлистов,—что в 1908 г. происходит во всех промышленных центрах *сжатие* производства, *массовые увольнения рабочих* и т. д.». В некоторых районах, например, на Юге и на Урале, этот кризис протекал, по исследованию т. Рашина, в более завуалированной форме «сокращенной рабочей недели», так называемой «системы неопределенных *отпусков*» на время кризиса, «сменной работы»—через неделю-две—и т. п. формах, не отражавшихся *на официальных* цифрах отчетности о числе занятых рабочих. Именно поэтому многим исследователям кризис 1907/08 г. представляется лишь депрессией. Материал, собранный А. Г. Рашиным, ставит по-новому эту проблему.

Очень интересны у автора те места, где он сопоставляет показатели дореволюционной России с данными советской эпохи. Задача дальнейшего исследования—дать работы о формировании социалистических кадров в нашу эпоху. При этом несомненную пользу принесет работа т. Рашина, дав материал для огромного числа очень красочных сопоставлений прошлого с настоящим. И таким образом и прошлому можно придать помимо всего прочего *интерес современности*.

Академик *С. СТРУМИЛИН*

ОТ АВТОРА

«...Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой... должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов...»

(Сталин)

Задачей настоящего исследования является изучение динамики численности и процессов формирования промышленного пролетариата в России, начиная со второй половины XVIII в. вплоть до Октябрьской Социалистической революции. В течение столь продолжительного периода численность промышленных рабочих подвергалась весьма значительным изменениям. Так, прирост численности фабрично-заводских рабочих за 50-летний период развития капиталистической промышленности довоенной России—с начала 60-х годов XIX в. по 1913 г.—составил свыше 2 млн. человек. Этот рост численности фабрично-заводских рабочих происходил весьма неравномерно в отдельных отраслях промышленности, в результате чего наметились существенные структурные сдвиги. Помимо исследования сдвигов, происшедших за отдельные периоды в рабочем составе всей промышленности, более детальному анализу подверглись соответствующие изменения и в важнейших отраслях—текстильной, металлопромышленности и каменноугольной. При характеристике динамики численности промышленного пролетариата мы стремились также проследить и влияние промышленных кризисов 80-х и 900-х годов.

В этой общей работе мы не могли полностью дать характеристику процессов формирования рабочего состава важнейших промышленных центров России. Но представить общую характеристику процессов формирования невозможно без определения ряда существенных особенностей, свойственных процессам формирования рабочего состава таких районов, как центрально-промышленный, петербургский, уральский, юг России.

Существенное значение в общей характеристике исторического развития промышленности и рабочего класса России имеет исследование процессов концентрации.

Как на одно из обстоятельств, определивших своеобразие русской буржуазной революции, товарищ Сталин указывал на исключи-

тельную степень концентрации русской промышленности накануне революции 1905 г.:

«Известно, напр., что в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 чел. работало в России 54% всех рабочих, между тем как в такой развитой стране, как Северная Америка, в аналогичных предприятиях работало всего 33% всех рабочих. Едва ли нужно доказывать, что уже одно это обстоятельство при наличии такой революционной партии, как партия большевиков, превращало рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны»[1].

Весьма значительные изменения произошли за крепостную и капиталистическую эпохи в степени применения труда детей и подростков и внедрения женского труда в промышленность. Основные показатели для характеристики указанных процессов приведены в специальном разделе настоящей работы.

Задачами настоящего исследования являются также анализ основных источников формирования промышленного пролетариата и характеристика процессов создания постоянных рабочих кадров в капиталистической промышленности России.

При характеристике качественных сдвигов в рабочем классе необходимо также привести основные показатели образовательного уровня промышленного пролетариата за дореволюционный период.

Используя имеющиеся разрозненные показатели за отдельные периоды и специальные исследования по различным отраслям промышленности и районам, автор ставит своей задачей дать сводную характеристику динамических процессов и структурных сдвигов в составе промышленных рабочих в течение 150 лет.

Данное исследование, основанное на изучении и анализе конкретных статистико-экономических материалов по первоисточникам, показывает процессы формирования промышленных рабочих за крепостную и капиталистическую эпохи развития России. Для этого были использованы отчеты, своды и специальные обследования различных ведомств, в ведении которых состояли промышленные предприятия за отдельные периоды, статистические издания и отчеты о съездах предпринимательских организаций, материалы первой всеобщей переписи населения, произведенной в 1897 г., и ряда городских переписей, материалы земских обследований, ряд монографий по отдельным производствам и предприятиям и др. При характеристике процессов формирования промышленных рабочих за крепостную эпоху привлечены также архивные материалы.

Материалы как за крепостную, так и за капиталистическую эпоху вследствие их неоднородности и методологических недостатков представляли весьма значительные затруднения при их разработке и сводке. Следует также указать, что ряд статистиче-

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 38.

ских материалов, не только архивных, но и опубликованных в печати, до настоящего времени не подвергался анализу.

Настоящая работа в основном построена как статистико-экономическая. Мы не ограничивали свою задачу лишь количественными показателями образования промышленного пролетариата в России и пытались также выявить и качественные показатели.

Почти полное отсутствие комплексных экономических исследований по вопросам динамики численности и состава промышленного пролетариата за дореволюционный период представляло значительные затруднения при производстве настоящего исследования. Общее построение всей работы направлено не только на установление динамических процессов, но одновременно и на выявление основных факторов, их вызвавших.

Осложнило исследование также и следующее весьма существенное обстоятельство. Динамика численности, процессы формирования промышленного пролетариата несомненно находятся в тесной зависимости и от общих процессов развития промышленности. Между тем до настоящего времени не опубликованы, за небольшим лишь исключением, более или менее подробные исследования по истории как всей промышленности, так и ее важнейших отраслей в течение всего рассматриваемого периода. Наличие соответствующих исследовательских работ, критически использовавших накопившиеся значительные статистико-экономические материалы, могло бы облегчить работу по специальному изучению процессов формирования промышленного пролетариата. При отсутствии же указанных работ пришлось привлечь при характеристике наиболее существенных процессов ряд важнейших материалов по истории развития отдельных отраслей промышленности России.

В исследовании особое внимание обращено на использование и анализ материалов социально-экономической статистики, так как эти материалы оказались в ряде случаев основными и при характеристике динамических и структурных сдвигов, процессов формирования и состава промышленного пролетариата. При этом руководящей является исключительно высокая общая оценка В. И. Лениным значения материалов социально-экономической статистики: «Социально-экономическая статистика—одно из самых могущественных орудий социального познания...»[1]. «Целый ряд вопросов и притом самых коренных вопросов, касающихся экономического строя современных государств и его развития, которые решались прежде на основании общих соображений и примерных данных, не может быть разрабатываем сколько-нибудь серьезно в настоящее время без учета массовых данных, собранных относительно всей территории известной страны по одной определенной программе и сведенных вместе специалистами-статистиками»[2].

---

[1] «Ленинский сборник» XIX, стр. 368.
[2] Там же, стр. 360.

В процессе исследования при отсутствии в отдельных случаях прямых показаний приходилось прибегать к исчислениям. Применение этого метода в данной работе, охватывающей весьма длительный период, в течение которого численность рабочих фабрично-заводской промышленности увеличилась почти в двадцать раз, вполне допустимо. Даже возможные ошибки в пределах нескольких процентов в отдельных случаях при столь значительных динамических сдвигах не имеют особого значения. Последующие исследователи уточнят эти подсчеты. Но будет неправильным исключить в отдельных случаях из анализа динамических процессов важнейшие категории рабочих фабрично-заводской промышленности и тем самым, возможно, неправильно представить и общую динамику, относящуюся ко всей массе рабочих, из-за опасения частичных погрешностей. В тексте оговаривается применение подобных исчислений и одновременно также указываются методы этих исчислений, чтобы предоставить возможность критически оценить и, по мере накопления дополнительных материалов, их исправить.

Настоящую работу следует рассматривать как одну из работ, облегчающих разрешение сложной задачи исследования процессов формирования промышленного пролетариата, так как более полные и обобщающие исследования должны будут явиться в результате длительной и ответственной коллективной работы, которая несомненно будет произведена в будущем. И если эта предварительная работа, и в частности публикация сводных показателей, хотя бы в некоторой степени облегчит работу последующих исследователей, то тем самым одна из задач настоящей работы будет разрешена.

Автор сознает всю сложность предлагаемого исследования, но одновременно учитывает и существенную необходимость изучения столь важной проблемы. Последующие исследователи при наличии более разработанной методологии и дальнейшего накопления статистико-экономических материалов смогут исправить возможные ошибки.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «...буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие,—современных рабочих, *пролетариев*» [1]. Понятно поэтому, какое огромное значение имеет вопрос о формировании рабочего класса. Характеристика процессов образования промышленного пролетариата в нашей стране является основной задачей настоящего исследования. Необходимость же производства исследования процессов формирования промышленного пролетариата в России представляется настоятельной уже потому, что это—история образования класса, который под руководством партии большевиков совершил Великую Октябрьскую Социалистическую революцию.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Манифест Коммунистической партии, 1939, стр. 35.

ОТДЕЛ I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ В КРЕПОСТНУЮ ЭПОХУ

Современное состояние статистико-экономических материалов как по вопросу о формировании рабочего состава, так и в отношении общего развития промышленности в крепостную эпоху представляет значительные затруднения для исследования даже по сравнению с весьма сложным соответствующим исследованием за капиталистическую эпоху. Те источники, которые для данного периода являются наиболее ценными—архивные материалы,—разработаны еще далеко не в достаточной степени. Поэтому предлагаемую общую характеристику процессов формирования рабочего состава в промышленности в крепостную эпоху следует рассматривать как одну из предварительных. Но совершенно отказаться от этой характеристики и начать свое исследование лишь с 60-х годов XIX в. было невозможно в силу ряда соображений. Отметим основные.

К началу 60-х годов XIX в. в обрабатывающей и горной промышленности России уже существовала весьма многочисленная группа промышленных рабочих, примерно в 800 тыс. человек. Среди этих промышленных рабочих группа вольнонаемных рабочих была значительной.

Эта свыше чем $^3/_4$-миллионная масса промышленных рабочих образовалась в России в исторически сравнительно короткий период. Так, за 1800—1860 гг. численность промышленных рабочих увеличилась примерно в четыре раза, и в течение этого периода, предшествующего капиталистическому, движение численности рабочих отдельных отраслей промышленности происходило весьма неравномерно.

Процессы формирования рабочих в капиталистическую эпоху неразрывно связаны с соответствующими процессами в крепостную эпоху. Это можно проследить по данным важнейших отраслей промышленности, как-то: металлургии, шерстяной, хлопчатобумажной и сахарной. Поэтому в целях более полной и законченной характеристики процессов формирования промышленных рабочих в их историческом развитии представляется невозможным

ограничиться лишь периодом капиталистического развития промышленности России.

Настоящая работа начинается с анализа ведомостей конца 60-х и начала 70-х годов XVIII в.

Разработка данных о численности и составе промышленных рабочих за предыдущий период, с начала XVIII в. до конца 60-х годов, весьма осложняется тем, что при явной недостаточности и в ряде случаев недостоверности печатных источников работа над архивными материалами за указанные годы представляет значительные затруднения для отдельного исследователя. Отсутствие хотя бы таких несовершенных сводных ведомостей, какие существуют для последующего периода, заставляет обратиться к архивным материалам, относящимся к отдельным фабрикам и заводам, и на основании их критического анализа составлять сводки по отдельным производствам

Первые более или менее подробные данные о численности и составе рабочих обрабатывающей промышленности в крепостную эпоху относятся к 1767—1770 гг. В отношении горнозаводской промышленности соответствующие данные приведены и за более ранний период. Более подробно приводятся данные за 1860 г., непосредственно предшествующий крестьянской реформе. Таким образом, имеющиеся в данной работе в общем сопоставимые показатели характеризуют процессы формирования рабочих за почти столетний период развития промышленности России в течение крепостной эпохи.

Предприятия обрабатывающей и горнозаводской промышленности состояли в ведении отдельных учреждений, которыми собирались отчетные сведения не по однородной программе и на разные сроки. Учитывая указанное состояние статистических материалов, данные о динамике численности промышленных рабочих за изучаемый период пришлось привести раздельно для обрабатывающей и горнозаводской промышленности.

Так как по рассматриваемому вопросу до настоящего времени не появилось ни одной сводной работы, то целесообразно привести наиболее существенные показатели не только в отношении всей промышленности, но и ряда важнейших центров—Московской и Владимирской губерний, Петербурга, Урала и некоторых других.

ГЛАВА 1

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ В КРЕПОСТНУЮ ЭПОХУ

Динамика численности рабочих обрабатывающей промышленности

Данные о численности рабочих обрабатывающей промышленности России в крепостную эпоху, учитывая состояние имеющихся печатных и, главным образом, извлеченных до настоящего вре-

мени архивных материалов, пришлось рассматривать раздельно за 60—70-е годы XVIII в. и за 1804—1860 гг. Следует отметить, что в то время как за 1804—1860 гг. удалось в общем установить динамику численности рабочих, за 1760—1770 гг. оказалось возможным лишь привести данные на отдельные даты.

Необходимо подробно остановиться на характеристике и анализе данных, содержащихся в этих первых по времени более детальных ведомостях, относящихся ко второй половине XVIII в., о численности и составе рабочих обрабатывающей промышленности, так как они освещают один из начальных этапов формирования рабочего состава в промышленности.

Во второй половине XVIII в. уже начали намечаться новые, капиталистические отношения, и мануфактуры получили значительное развитие в ряде отраслей—металлургия, суконная, полотняная и шелковая промышленность. Сравнительно крупные размеры предприятий являлись характерными для этих важнейших отраслей промышленности. Производство же на мануфактурах при их невысоком техническом оборудовании было основано почти исключительно на ручном труде. В условиях крепостной хозяйственной системы ощущался недостаток в вольнонаемном труде, и поэтому посессионные мануфактуры оказались преобладающими. К этому периоду в связи с усилением дворянской покровительственной политики относится значительное развитие помещичьих мануфактур. Более полное развитие они получают уже в первой четверти XIX в.

Ввиду неполноты и, главным образом, ввиду недостаточно точного распределения по категориям рабочих в первых ведомостях, относящихся ко второй половине XVIII в., пришлось начать с более подробного рассмотрения ведомости, составленной в 1769 г.[1].

Обратимся к данным и анализу указанной ведомости (см. табл. на стр. 14).

Всего было учтено за 1767 г. 498 предприятий обрабатывающей промышленности, в которых было занято 45,5 тыс. рабочих. Преобладающая масса рабочих была сосредоточена в четырех производствах: в суконном (17,9 тыс.), полотняном (16,2 тыс.), шелковом и золототкацком (4,5 тыс.) и писчебумажном (2,2 тыс.).

Рабочие, занятые в обрабатывающей промышленности России в 1767 г., по отдельным категориям распределялись следующим образом: покупных и отданных по указам к фабрикам и заводам—21,9 тыс. человек (48,1%), вольнонаемных—17,8 тыс. (39,2%) и крепостных—5,8 тыс. человек (12,7%). Удельный вес группы покупных и отданных по указам рабочих был более повышенным в следующих важнейших отраслях промышленности этого периода: писчебумажной (65,3%), суконной (55,8%) и шелковой и золототкацкой (53,3%). Группа крепостных в абсолютных цифрах была наиболее значительно представлена в 1767 г. в шерстяной промыш-

[1] УЦГАЛ, фонд Коммерц-коллегии 1769 г., д. 888/1726.

Число рабочих в обрабатывающей промышленности России в 1767 г.

Производства	Число фабрик и заводов[1]	Число рабочих				В % к итогу		
		покупных и отданных по указам к фабрикам	крепостных	вольнонаемных	всего	покупных и отданных по указам к фабрикам	крепостных	вольнонаемных
Все производства . . .	498	21 855	5 786	17 823	45 464	48,1	12,7	39,2
В том числе:								
суконное	74	9 961	3 229	4 681	17 871	55,7	18,1	26,2
полотняное	86	6 477	1 293	8 434	16 204	40,0	8,0	52,0
канатное	28	6	2	322	330	1,8	0,6	97,6
бумажных материй .	9	18	67	406	491	3,7	13,6	82,7
шелковое и золототкацкое	82	2 420	181	1 939	4 540	53,3	4,0	42,7
шляпное	18	71	—	46	117	60,7	—	39,3
писчебумажное . .	27	1 394	365	429	2 188	63,7	16,7	19,6
кожевенное	43	132	148	253	533	24.8	27,8	47,4
фарфоро-фаянсовое	5	68	—	12	80	85,0	—	15,0
стеклянное и хрустальное	28	326	15	337	678	48,1	2,2	49,7
проволочное, игольное, булавочное и слесарное	14	693	319	438	1 450	47,8	22,0	30,2
красочное	22	75	70	76	221	33,9	31,7	34,4

ленности—3,2 тыс. человек. Вольнонаемных рабочих в 1767 г. было учтено около 18 тыс., из них почти половина приходилась на полотняную промышленность, в которой по данным рассматриваемой ведомости их удельный вес достигал 52%.

В эти годы в горнозаводской промышленности вольнонаемный труд был представлен в весьма незначительной степени. Таким образом, помимо вольнонаемных рабочих, занятых в мелких предприятиях, указанными 18 тыс. рабочих ограничивалась численность всего вольнонаемного труда для этого периода.

При анализе этих показателей о распределении рабочих мануфактур по основным категориям необходимо принять во внимание следующее. Отнесение в фискальных целях всего населения к той или другой податной группе, наметившееся в царствование Петра I при производстве первой ревизии и более определившееся при производстве второй ревизии (1742 г.), окончательно завершилось к 60-м годам XVIII в. Таким образом, отпал целый ряд групп, из среды которых происходило формирование промышлен-

[1] В нашем изложении мы сохранили те названия предприятий, которые употреблялись в отчетных ведомостях рассматриваемой эпохи. Значительное число «фабрик и заводов» были мануфактурами.

ных рабочих за предшествующий период[1]. В. О. Ключевский, отметив процесс количественного распространения крепостного состояния, указывал:

«Крепостное состояние количественно расширялось двояким путем: посредством приписки и посредством пожалования. Приписка состояла в том, что люди низших классов, не избравшие определенного образа жизни, не принадлежавшие к основным классам общества, должны были найти себе господина, записаться в подушной оклад за частным лицом или учреждением. В противном случае, когда они не находили такого лица или учреждения, их приписывали простым полицейским распоряжением. Это было продолжением той очистки русского общества, какая началась еще в XVII в. Так постепенно попадали в крепостное состояние по второй и третьей ревизиям незаконнорожденные, вольноотпущенники, непомнящие родства и другие бродяги, сироты, приемыши, пленные инородцы, заштатные церковнослужители, дьячки и пономари с детьми, солдатские дети и т. п. Много насилий совершалось при этой приписке; но впоследствии закон признал эти насилия, запретив насильно записанным доказывать судебным порядком незаконность их приписки»[2].

Это же явление отмечал И. Д. Беляев в своей известной работе «Крестьяне на Руси». Ссылаясь на инструкцию для второй ревизии от 16 декабря 1742 г., он указывал, что «...окончательно отрицается всякое право свободных людей, еще не записанных почему-либо в ревизию, хотя и имеющих увольнительные виды от своих прежних владельцев: § 16 гласит: Ежели при генеральной ревизии явятся разночинцы, и незаконнорожденные и люди боярские, отпущенные из домов и с отпускными вечными паспортами и ни от кого себе помещиков не сыскали, и в подушной оклад ни за кем не записаны: так оных и с детьми, по желаниям их, ежели которые имеют торговые промыслы и ремесла, писать в посады и в цехи, а прочие, кои годны будут, писать в солдаты. А которые пожелают быть у помещиков, таковых всех писать к помещикам и на фабрики, к кому они в услужении итти пожелают, и кто их из платежа подушного оклада взять похочет; *дабы ни один без положения не остался*. А ежели их из платежа подушного оклада никто не возьмет, и в службу негодны, таких посылать для поселения в Оренбург или на казенные заводы»[3].

Обратимся к данным второй ведомости, а именно ведомости Мануфактур-коллегии 1778 г.[4]. Сведения в этой ведомости даны по каждому предприятию раздельно, причем о численности рабочих

---

[1] См. данные о социальном составе рабочих мануфактур по данным переписи 1737—1740 гг., опубликованные в издании Академии наук «Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.», Л. 1934.

[2] *В. О. Ключевский*, Курс русской истории, ч. V, стр. 81.

[3] *И. Д. Беляев*, Крестьяне на Руси. Исследования о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе, изд. 4-е, М. 1903, стр. 264—265 (курсив наш.—*А. Р.*).

[4] Главный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), портфель Миллера, № 385, 1.

и числе станов на две даты. В нижеприводимых таблицах дана сводка ответов на вопрос, «сколько при тех фабриках состояло мастеровых и работных людей мужеска и женска полу до моровой язвы», и, следовательно, эти ответы относились примерно к 1770 г.

Всего по группе предприятий, подотчетных Мануфактур-коллегии, в ведомости 1778 г. со сведениями о числе рабочих было учтено в 268 фабричных предприятиях 55,5 тыс. рабочих[1]. Вследствие наличия в этой ведомости только «указных» фабрик и заводов среднее число рабочих на одно предприятие превышало 200 человек. Распределение рабочих по важнейшим производствам и по отдельным категориям приведено в следующей таблице:

Число рабочих обрабатывающей промышленности России в 1770 г.

Производства	Число предприятий со сведениями о числе рабочих[2]	Число рабочих				В % к итогу		
		покупных и отданных по указам к фабрикам	крепостных	вольнонаемных	всего	покупных и отданных по указам к фабрикам	крепостных	вольнонаемных
Все производства . . .	268	32 489	5 642	17 414	55 545	58,5	10,2	31,3
В том числе:								
суконное	49	16 161	3 565	4 979	24 705	65,4	14,4	20,2
полотняное	62	8 875	1 586	7 881	18 342	48,4	8,6	43,0
канатное	12	1	—	236	237	0,4	—	99,6
шелковое	38	2 492	94	2 637	5 223	47,7	1,8	50,5
писчебумажное . .	17	3 139	96	366	3 601	87 2	2,6	10,2
стеклянное и хрустальное	20	578	89	161	828	69,8	10,7	19,5
металлических изделий (игольное, проволочное и др.)	8	585	—	257	842	69,5	—	30,5

Основная масса рабочих была занята в четырех производствах— суконном, полотняном, шелковом и писчебумажном. На эти производства из общей численности рабочих в 55,5 тыс. человек приходилось 51,9 тыс., или 93,5%.

[1] Если мы еще учтем дополнительно около 1 600 рабочих, занятых в предприятиях, подведомственных Петербургской мануфактур-конторе, согласно ведомости 1769 г., а также то, что отсутствовали данные о числе рабочих в части предприятий, то общую численность рабочих, занятых на фабриках и заводах обрабатывающей промышленности, к 1770 г. можно принять примерно в 60 тыс. человек.

В. И. Семевский определяет для этого периода численность рабочих обрабатывающей промышленности несколько более высокой цифрой («Крестьяне в царствование Екатерины II», т. I, изд. 2-е, 1903, стр. 619).

[2] В ведомости 1778 г., в которой приведены данные за 1770 г., в отношении около 80 предприятий, вероятно мелких, отсутствовали сведения о числе рабочих.

Наиболее многочисленной для этого периода явилась группа приписных и покупных рабочих. В ведении Мануфактур-коллегии их было учтено 32,5 тыс. человек, или 58,5% общей численности. Еще более значительным был удельный вес этой группы рабочих в суконной промышленности (65,4%) и в писчебумажной (87,2%).

Вольнонаемных рабочих было учтено Мануфактур-коллегией 17,4 тыс. человек, или 31,3% общей численности. Из отдельных отраслей промышленности укажем, что вольнонаемных рабочих было учтено в полотняной 7,9 тыс., в суконной—5 тыс. и в шелковой—2,6 тыс. человек[1].

Наименее значительной группой оказалась в 1770 г. группа крепостных рабочих. Их было учтено 5,6 тыс. человек, или 10,2% общей численности.

Хотя некоторые данные этих двух ведомостей расходятся, мы считали необходимым привести основные показатели на основании обеих ведомостей, так как указанные ведомости являлись первыми, сравнительно подробно характеризующими численность и общий состав рабочих крепостной мануфактуры второй половины XVIII в. При сопоставлении общих итогов сводки этих ведомостей оказывается, что численность групп вольнонаемных и крепостных рабочих, по данным обеих ведомостей, почти совпадает, значительное же расхождение численности можно установить по группе покупных и отданных по указам к фабрикам рабочих в пределах около 10 тыс. человек, внутри же последней группы рабочих—преимущественно за счет шерстяной промышленности и частью полотняной. Весьма вероятно, что это расхождение было вызвано различиями в учете этой группы рабочих, так как в первой ведомости в рассматриваемой группе учитывались почти исключительно рабочие мужчины, а во второй и женщины. Отметим также, что вследствие более высокого удельного веса, по данным второй ведомости, рабочих суконной промышленности, преимущественно посессионных, общий процент вольнонаемных рабочих в 1770 г. оказался более низким.

При всех этих сопоставлениях отдельных категорий рабочих необходимо принимать во внимание следующее обстоятельство, которое правильно отметил П. Г. Любомиров: «Пользоваться обычно фигурирующими в литературе цифрами официальных отчетов министерства внутренних дел начала XIX в. небезопасно, ибо в табелях даны несопоставляемые величины: для наемных

---

[1] Группа вольнонаемных рабочих имелась и на Тульском оружейном заводе. Так, при характеристике рабочего состава этого завода во второй половине XVIII в. В. Борисов указывает:

«Вольные работники бывали разных помещиков крестьяне, проживающие по временным паспортам; в таких рабочих в оружейной слободе недостатка не было. Мастера платили им по 8 коп. в день, а искусства те работники почти никакого не имели, только били молотом или вертели стволы ручными сверлами, работали по указаниям мастеров, и только тогда помогали им, когда привыкали к делу» («История развития кустарных промыслов в г. Туле», «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. IX, П. 1883, стр. 2256—2257).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

или вольных именно рабочие, для крепостных—очевидно тоже рабочие, а для приписных—несомненно общее число душ. Это становится очевидным из сопоставления табелей с данными о рабочих с расписаниями обязательных поставок сукна, размеры которых устанавливались по числу душ, а не рабочих»[1].

Указания о несоответствии численности приписных численности фактически работающих на фабриках встречаются в ряде источников [2].

На основании данных, помещенных в «Росписи фабрикам, состоящим в ведомстве государственной Мануфактур-коллегии, кроме С.-Петербургских»[3], составлена следующая таблица о распределении группы рабочих, впоследствии названных посессионными, занятых на фабриках обрабатывающей промышленности в начале 1770-х годов, на приписных и покупных.

Распределение приписных и покупных на фабриках обрабатывающей промышленности в начале 1770 гг.

Производства	Число фабрик и заводов	Число приписных	Число покупных	Всего	% приписных
Все производства	190	13 657	20 659	34 316	39,8
В том числе:					
суконное	32	8 673	2 597	11 270	77,0
полотняное	45	2 691	12 717	15 408	17,5
шелковое	29	1 139	2 183	3 322	34,3
бумажное	16	297	1 246	1 543	19,2
стеклянное и хрустальное	11	158	253	411	38,4
шляпное	7	44	176	220	20,0
игольное	2	137	832	969	14,1

Следовательно, группа покупных оказалась преобладающей и составляла 60,2% общей численности рассматриваемой группы

---

[1] *П. Г. Любомиров*, Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв., Л. 1930, стр. 65.

[2] Так, в отношении крупнейшей Путивльской суконной мануфактуры мы располагаем следующими сведениями. В «Трудах Вольного экономического общества» (1768 г., т. VIII, стр. 205) в статье «Продолжение ответов на предлагаемые в первой части трудов Вольного экономического общества вопросы о нынешнем состоянии в разных губерниях и провинциях земледелия и домостроительства» по Слободской Украинской провинции указано: «В здешней провинции есть только одна суконная фабрика коллежского асессора Козьмы Матвеева; а работников на оной упражняется из владеемых им казенных слобод войсковых обывателей, которых с семь тысяч душ состоит, до двух тысяч человек». В 1828 г. («Журнал мануфактур и торговли» № 10, 1829, стр. 25) «при фабрике числится крестьян мужеска пола с землями 8 611», а занятых в разных должностях и профессиях на фабрике мужчин было 3 546 человек. Следовательно, на фабрике работало из числившихся при ней крестьян мужского пола менее половины. Помимо того на разных работах в 1828 г. на фабрике было занято 2 155 женщин.

[3] ГАФКЭ, Портфель Миллера, № 365, I, тетрадь 1.

рабочих. В отдельных производствах удельный вес групп приписных и покупных рабочих в значительной степени различался. В суконной промышленности резко преобладали приписные рабочие—77%; в других производствах преобладали покупные, в частности в полотняной промышленности их удельный вес составлял 82,5%.

В X томе «Сборников Русского исторического общества» (П. 1872, стр. 370—377) была опубликована «Ведомость сколько и к каким фабрикам куплено крестьян и людей без земель». В этой ведомости, относящейся ко второй половине 60-х годов XVIII в.[1], было указано распределение покупных к фабрикам крестьян на две группы: непосредственно занятых на фабричной работе и находившихся в деревне. На основании данных указанной ведомости составлена следующая таблица:

Производства	Всего фабрик	Всего покупных к фабрикам крестьян	В том числе непосредственно занятых на фабриках	
			абсолютно	в % к общему числу покупных
Всего	127	21 286	8 332	39,1
В том числе:				
суконное	20	2 600	1 341	51,6
шелковое	16	3 630	1 217	33,5
полотняное	34	11 738	3 999	34,1
бумажное	11	570	441	77,4
стеклянное и хрустальное	6	233	185	79,4
игольная фабрика	1	969	501	51,7

Таким образом, данные рассматриваемого периода свидетельствуют, что лишь около 40% общей численности покупных к фабрикам крестьян было занято непосредственно фабричной работой. В отношении важнейших отраслей промышленности укажем, что выше среднего соответствующий показатель был в бумажной промышленности (77,7%) и суконной (51,6%) и ниже среднего—в полотняной промышленности (34,1%).

Выше мы уже отметили, что ведомость 1778 г. учитывала лишь так называемые «указные» фабрики и заводы. Вследствие этого ведомостью 1778 г. не был охвачен ряд распространенных в то время производств, как-то кожевенное и др. Таким образом, в рассматриваемой ведомости были преимущественно представлены крупные и средние предприятия. Данные о распределении предприятий по числу рабочих приведены лишь в отношении этого круга предприя-

[1] Ведомость за 1767 г. (*Дм. Бабурин*, Очерки по истории Мануфактур-коллегии, М. 1939, стр. 251—252).

тий, подотчетных Мануфактур-коллегии, так как резко преобладающая масса рабочих была занята в этих предприятиях[1]. Распределение фабрик и заводов по числу рабочих в 1770 г. приведено в следующей таблице:

Распределение предприятий обрабатывающей промышленности России по числу рабочих в 1770 г.

Производства	В подсчет вошло		В % к итогу приходилось рабочих в предприятиях с числом рабочих					В среднем приходилось на одно предприятие рабочих
	предприятий	в них рабочих	до 50	51—100	101—500	501—1 000	свыше 1 000	
Все производства . .	268	55 545	4,1	5,8	30,9	17,3	41,9	207
В том числе:								
суконное	49	24 705	0,8	2,0	25,5	13,3	58,4	504
полотняное . . .	62	18 342	2,1	3,2	34,2	21,2	39,3	296
канатное	12	237	100,0	—	—	—	—	20
шелковое	38	5 223	2,5	18,6	20,3	58,6	—	137
писчебумажное .	17	3 601	4,8	7,2	19,2	23,5	45,3	212
стеклянное и хрустальное . . .	20	828	34,8	49,5	15,7	—	—	41
металлических изделий (игольное, проволочное и др.) . . .	8	842	24,0	10,9	—	65,1	—	105

Эта таблица не отражает распределения по размерам всех предприятий обрабатывающей промышленности 70-х годов XVIII в. и дает лишь представление о величине указных фабрик и заводов. В среднем на одно предприятие рассматриваемой группы к началу 70-х годов XVIII в. приходилось 207 рабочих. По отдельным производствам этот показатель колебался в пределах от 41 рабочего в стеклянной и хрустальной промышленности до 504 рабочих в суконной. По размерам учтенные указные фабрики и заводы распределялись следующим образом: на фабриках и заводах до 50 рабочих—4,1%, от 51 до 100 рабочих—5,8%, от 101 до 500 рабочих—30,9%, от 501 до 1 тыс. рабочих—17,3% и на фабриках и заводах с числом рабочих свыше 1 тыс. рабочих—41,9% общей численности рабочих. Эти данные свидетельствуют о том, что уже к началу 70-х годов XVIII в. в обрабатывающей промышленности были значительно представлены крупные по своим размерам фабрики и заводы[2].

[1] Учитывая неоднородность круга предприятий, подотчетных Мануфактур-конторе, и незначительную численность рабочих, сведения об этих предприятиях не включены при общем распределении.

[2] Для характеристики одной из крупнейших полотняных фабрик этого периода приведем следующие данные из работы *Д. И. Малишина*, Полотняный завод в XVIII в. (Калуга 1929, стр. 14—15: «Более или менее подробные

Но кроме производств, учтенных в таблице на стр. 20, в которых представлены указные фабрики, обрабатывающая промышленность второй половины XVIII в. включала значительное число средних и преимущественно мелких предприятий. Особенно много средних и мелких предприятий было в кожевенном производстве.

На основе анализа ведомостей 1797—1803 гг., полученных Мануфактур-коллегией от свыше чем 650 кожевенных предприятий, производивших разные сорта кожи, замшу, сафьян, пергамент, П. Г. Любомиров приходит к следующим общим выводам о рабочем составе кожевенной промышленности в связи с характеристикой организации производства в этой отрасли промышленности:

«И вот из такого большого количества предприятий (более 650) не насчитано даже двух десятков таких, в которых бы было занято 20 и более рабочих...

Громадное количество кожевенных заводов не располагало и десятью рабочими каждый, и очень немало попадается ведомостей, в которых вопрос о рабочей силе освещается фразой: «обрабатываю сам (или своим «семейством»), а частью и временно наемными людьми» (или «а в случае нужды наемными людьми»)... Поэтому можно сделать общий вывод, что кожевенная промышленность в России на грани XVIII и XIX вв., за немногими исключениями, была представлена кустарным производством с слабым использованием сторонней рабочей силы, а нередко и без нее.

В составе рабочих чрезвычайно редко фигурируют крепостные у купцов-заводчиков, и на 650 ведомостей найдется не более десятка представленных помещичьими заводами. Кожевенное производство почти полностью проводилось в ту пору средствами купцов, мещан и крестьян и обеспечивалось вольными наемными рабочими, когда размеры предприятия превышали силы семьи производителя или когда владелец завода не участвовал в работе непосредственно.

Очевидно, в течение всего XVIII в. кожевенное производство было, как и ранее, мелким кустарным, и только немногие заводы поднимались над общим уровнем размерами продукции и количеством рабочих рук» [1].

Положение рабочих, занятых на фабриках и заводах, во второй половине XVIII в. было исключительно тяжелым. В другой работе проф. П. Г. Любомирова в сжатой форме сгруппирован ряд соот-

---

данные о полотняной фабрике Гончарова относятся к 1777 г., когда калужский наместник (ген.-губернатор) предписал собрать сведения о фабриках только что организованной Калужской губернии. В это время у Гончарова парусная фабрика помещалась в каменном здании. На ней было 386 станов, рабочих было мужчин 886, а женщин—1 900, мастеров—5. Всего таким образом было 2 791 человек. Близко к этой цифре подходит и сообщение Германа, который показывает в 1780 г. у Гончарова 2 559 рабочих. Наконец, автор «Топографического описания Калужского наместничества» еще более подробно говорит о количестве рабочих. «Ткачей и других мастеров,—пишет он,—бывает до 1 500, прях при фабрике до 1 000, да по деревням в разных уездах для оной работают до 2 000 душ». Таким образом с работающими на дому парусную фабрику Гончарова обслуживало до 4,5 тыс. рабочих. Продукция фабрики простиралась до 7 014 кусков по 50 арш. в каждом, т. е. фабрика выпускала до 350 тыс. аршин парусных полотен «превосходной перед прочими доброты». Полотна отвозились на продажу «к С.-Петербургскому порту», т. е. шли за границу».

[1] *П. Г. Любомиров*, Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв., 1930, стр. 147—148.

ветствующих данных. Так, отметив значительное влияние крепостного строя на промышленность, он писал:

«Это особенно резко сказывалось в положении рабочих, и не только собственных и приписных, но и «вольных». В обстановке, пропитанной рабством, и фабрикант чувствовал себя не просто как хозяин, но и вел себя как владелец не только предприятия, но также и рабочей силы. Длинный рабочий день (от 10 до 14 час. по разным регламентам, а фактически больше), очень низкая заработная плата, еле-еле обеспечивающая рабочему полуголодное существование, нередкая выдача этой платы, во всяком случае частично, продуктами (так было, по крайней мере, на уральских заводах), довольно широкое привлечение к легким работам[1] женщин и детей и т. д.—рисуют тяжелое положение работающих, даже если они явились на фабрику по вольному найму. Если же они, не говорю уже собственные, купленные владельцем, а только приписные к его предприятию, они всецело и юридически в руках фабриканта или заводчика... Малейшее ослушание, противоречие,—и рабочий по решению владельца или его управителей подвергался наказанию. И тут перед нами развертывается картина полного вотчинного, помещичьего режима. Батоги, кнут, плети в неумеренных количествах, если дело не ограничивается рукопашной расправой тут же на месте, сажанье на цепь, колодки и пр.—постоянные меры воздействия на рабочего... А если недовольство прорвется в возмущение, то к расправе владельца присоединяется еще кара власти гражданской, а то и экзекуция военного отряда, вплоть до применения оружия. Неудивительно, что фабрика и завод рассматривались как место и способ наказания, заменяли тюрьму и ссылку»[2].

* * *

В нашем дальнейшем изложении сгруппированы основные показатели динамики численности рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, за период 1800—1860 гг. Этот период заслуживает особенного внимания, так как в результате сравнительно высоких темпов роста численности рабочих в группе обрабатывающей промышленности к концу рассматриваемого периода впервые образовалась промышленная армия свыше чем в $^1/_2$ млн. рабочих.

В первые три десятилетия при продолжающемся росте численности рабочих суконной промышленности наметился процесс образования значительной группы рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности. В последующие три десятилетия указанный процесс в хлопчатобумажной промышленности продолжал протекать весьма интенсивно. За сравнительно короткий период (1830—1860 гг.) образовалась также весьма значительная

[1] И не только к легким.—*А. Р.*

[2] *П. Г. Любомиров*, Крепостная Россия XVII—XVIII вв., Энциклопедический словарь Граната, т. 36, ч. III, стр. 618—619.

группа рабочих сахарной и табачной промышленности. В течение всего рассматриваемого периода происходил постепенный рост численности рабочих на заводах металлических изделий.

Общее движение числа фабрик и заводов обрабатывающей промышленности России и занятых в них рабочих за длительный период (1770—1860 гг.) представлено в следующей таблице[1]:

Число фабрик и заводов и численность рабочих обрабатывающей промышленности России за 1770—1860 гг.

Годы	Число фабрик и заводов	Число рабочих (в тыс.)	Годы	Число фабрик и заводов	Число рабочих (в тыс.)
1770	—	Ок. 60,0	1836	6 332	324,2
1804	2 399	95,2	1837	6 450	376,8
1811	2 421	137,8	1838	6 855	412,7
1812	2 332	119,1	1839	6 894	455,0
1814	3 731	170,6	1840	6 863	435,8
1815	4 189	172,9	1841	6 831	429,6
1816	4 484	187,1	1842	6 938	455,8
1817	4 385	187,3	1843	6 813	466,6
1818	4 457	178,4	1844	7 399	469,2
1819	4 531	176,6	1845	8 302	507,6
1820	4 578	179,6	1846	8 333	508,6
1821	4 658	183,4	1847	9 029	532,1
1822	4 781	172,8	1848	8 928	483,5
1823	4 838	185,8	1849	9 172	495,4
1824	5 092	200,8	1850	9 843	501,6
1825	5 261	210,6	1851	10 123	465,0
1826	5 128	206,4	1852	10 338	470,9
1827	5 122	209,5	1853	10 087	481,0
1828	5 244	225,4	1854	9 944	459,6
1829	5 269	231,6	1855	10 943	483,2
1830	5 453	253,9	1856	11 556	518,7
1831	5 599	264,4	1857	11 809	591,4
1832	5 656	272,5	1858	13 733	572,7
1833	5 664	274,0	1859	14 214	610,7
1834	6 045	279,7	1860	15 338	565,1
1835	6 054	288,1			

[1] Настоящая таблица составлена на основании официальных данных, как печатных, так и архивных. Большинство данных заимствовано из ежегодных отчетов Департамента мануфактур и внутренней торговли. В отличие от аналогичной таблицы, приведенной М. И. Туган-Барановским в «Русской фабрике», в настоящей таблице имеются сведения также за следующие годы: 1770, 1804, 1811—1812, 1814, 1821—1824, 1834—1835, 1855, 1859—1860.

При сопоставлении динамических показателей следует принять во внимание то обстоятельство, что в начале XIX в. не учитывался ряд производств, как-то: винокуренное, селитренные и пороховые заводы, оружейные заводы. В частности, по данным Е. М. Зябловского, на двух крупных оружейных заводах—Тульском и Сестрорецком—в 1804 г. было занято значительное число рабочих.

При исследовании динамических процессов за крепостную эпоху основное внимание было уделено данным о численности рабочих. Данные же о числе фабрик и заводов, приводимые в отчетности Мануфактур-коллегии и Департамента мануфактур и внутренней торговли, в ряде случаев не являются в достаточной степени показательными, так как в эту отчетность наряду со сравнительно значительным числом крупных мануфактур, в которых было занято свыше 500 и 1 тыс. рабочих, включались в весьма большом количестве мелкие предприятия[1], причем количество предприятий этой группы за отдельные годы колебалось в значительных размерах.

При почти непрерывном и значительном росте численности рабочих обрабатывающей промышленности особенно выделяется весьма высоким приростом численности рабочих десятилетие 1830—1839 гг., когда численность рабочих увеличилась с 254 тыс. до 455 тыс. В дальнейшем изложении мы остановимся подробно на изменениях в численности рабочих за это десятилетие.

Следует также оговорить, что динамика количества фабрик и заводов в вышеприведенной таблице безусловно не является показательной хотя бы вследствие включения в учет ряда новых производств, в которых были значительно представлены предприятия мелких и средних размеров. Поэтому нельзя было на основании этих сводных данных о количестве фабрик и численности рабочих определить, сколько в среднем приходилось «на одну фабрику рабочих», как это было сделано М. И. Туган-Барановским в «Русской фабрике».

В дальнейшем изложении, чтобы по возможности исключить влияние введения в учет новых производств и установить более правильную динамику численности рабочих обрабатывающей промышленности за рассматриваемый период, приведем данные лишь в отношении 18 сопоставимых наиболее важных производств, в которых была занята резко преобладающая масса рабочих обрабатывающей промышленности,—около 96% общей численности.

При анализе приведенных данных за период 1800—1860 гг. необходимо учесть указание В. И. Ленина об организации фабрично-заводской статистики за первые десятилетия капиталистической эпохи:

«До половины 80-х годов в нашей фабрично-заводской статистике не было *никаких* определений и правил, ограничивающих понятие фабрики более крупными промышленными заведениями. В статистику «фабрик и заводов» попадали все и всякие промыш-

---

[1] Характерны в этом отношении данные «Ведомости о мануфактурах в России за 1813—1814 гг.». В этой «Ведомости» по кожевенной промышленности, в которой резко преобладал вольнонаемный труд, по 151 предприятию совершенно отсутствуют указания о числе рабочих, в 140 предприятиях было занято по 1 и в 221—по 2 рабочих. В группе мыловаренных, свечных и салотопенных предприятий по 22 предприятиям отсутствовали сведения о рабочих, в 40 предприятиях было занято по 1 и в 53—по 2 рабочих.

ленные (и ремесленные) заведения, производя, разумеется, превеликий хаос в данных, так как полная регистрация всех подобных заведений абсолютно немыслима при наличных силах и средствах (т.-е. без правильной промышленной переписи), и в одних губерниях или производствах считали сотни и тысячи самых мелких заведений, а в других—лишь более крупные „фабрики“»[1].

За весь период в 56 лет—с 1804 по 1860 г.—численность рабочих обрабатывающей промышленности увеличилась в пять раз. Данные о динамике численности рабочих рассматриваются по двум основным периодам: первый—1804—1830 гг., второй—1830—1860 гг. При этом делении учитывалось, что с 30-х годов XIX в. наметилось значительное развитие машинного производства. Начиная с 30-х годов, резко повысился привоз в Россию машин и инструментов. В течение второго периода в более интенсивном темпе развивались те отрасли промышленности, в которых преобладали вольнонаемные рабочие. Следует отметить, что значительные динамические сдвиги в численности рабочих отдельных отраслей промышленности можно проследить лишь при сопоставлении показателей на ряд дат.

Обратимся к характеристике динамики численности рабочих за первый период (см. табл. на стр. 26—27).

При анализе приведенных данных должно быть принято во внимание то обстоятельство, что в начальные годы рассматриваемого периода не все фабрики и заводы были полностью учтены. Соответствующие указания мы встречаем в ряде источников[2].

В 1812 г. в результате войны произошло сокращение промышленности и уменьшение численности занятых в ней рабочих, и потому 1811 год является тем годом, по данным которого можно проследить, насколько повысилась численность рабочих обрабатывающей промышленности с начала XIX в. С 1804 по 1811 г. по сопоставимым группам производства численность рабочих увеличилась примерно на 47%.

Несомненно, что на более интенсивное развитие промышленности и связанный с ним столь значительный прирост численности рабочих за 1804—1811 гг. отчасти повлияло и участие России в континентальной блокаде. Вследствие отсутствия достаточного

---

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 344.

[2] Так, во введении к «Ведомости о мануфактурах в России за 1813—1814 гг.» было указано: «Впрочем и сия ведомость еще не столь полна и достаточна, как бы ей быть надлежало; ибо не из всех еще губерний получены сведения за 1814 г. и притом и в доставленных от них сведениях не все фабрики и заводы помещены. К сожалению главнейшей причиной такого неисправного доставления ведомостей о мануфактурах суть сами гг. содержатели фабрик, из коих одни медлят сообщать местным начальствам требуемые от них сведения и о фабриках за частыми отлучками своими, другие же умышленно скрывают от правительства о производстве работ и об успехах своих заведений, опасаясь каких-то повинностей или податей».

Данные о численности рабочих по отдельным производствам за 1811 г., приведенные в таблице на стр. 26—27, составлены нами на основании материалов, опубликованных во втором издании книги *Е. Зябловского*, Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, П. 1815.

Динамика числа фабрик и заводов за 1804—

Производства	Число фабрик и заводов							
	1804 г.	1811 г.	1812 г.	1814 г.	1815 г.	1819 г.	1825 г.	1830 г.
Суконные и других шерстяных материй фабрики	157	209	136	223	261	290	324	389
Фабрики бумажных материй	199	201	147	491	466	493	484	538
Полотняные фабрики	285	236	170	213	222	224	196	190
Канатные фабрики	58	57	48	102	89	98	98	108
Шелковые и позументные фабрики	365	216	105	186	187	186	205	234
Шляпные фабрики	74	42	25	41	41	74	69	87
Фабрики писчей бумаги	64	68	59	79	93	98	94	111
Кожевенные заводы	843	1 226	1 150	1 514	1 659	1 718	1 784	1 619
Салотопенные, мыловаренные, свечные и воскобойные заводы	(269)	269	181	414	614	702	1 023	1 031
Сахарные заводы	10	10	30	51	39	29	47	57
Табачные фабрики	7	6	Н. св.	6	10	28	35	61
Поташные заводы	116	116	6	31	56	106	228	185
Химические и красочные заводы	12	45	44	49	45	49	59	81
Селитренные заводы	Нет сведений				5	26	40	98
Хрустальные и стеклянные заводы	114	(131)	131	155	174	156	164	172
Фарфоровые и фаянсовые заводы	55	12	13	30	31	63	45	40
Стальные, железные и чугунные заводы	28	39	33	70	77	84	170	198
Медные заводы	37	38	20	58	66	73	104	113
Итого	2 693	2 921	2 298	3 713	4 135	4 497	5 169	5 312

и занятых на них рабочих
1830 гг.

Число рабочих								Увеличение численности рабочих с 1804 по 1830 г.	
1804 г.	1811 г.	1812 г.	1814 г.	1815 г.	1819 г.	1825 г.	1830 г.	абсолютно	в %
28 689	36 547	36 833	49 535	51 290	48 505	63 603	67 241	38 552	134
8 181	13 703	14 869	39 454	31 703	39 881	47 021	76 228	68 047	832
23 711	36 612	24 864	28 484	33 363	26 630	26 832	26 845	3 134	13
1 520	2 129	2 049	2 048	2 971	3 687	2 503	2 780	1 260	83
9 161	10 265	5 571	9 072	9 581	10 604	10 709	14 019	4 858	53
678	995	461	845	885	1 344	954	1 256	578	85
5 957	6 701	5 976	7 712	8 371	8 566	8 552	10 260	4 303	72
6 304	8 262	6 438	7 842	8 870	8 027	8 001	10 547	4 243	67
687	(834)	834	2 159	3 139	4 077	5 105	6 252	5 565	810
108	123	941	1 035	881	765	1 374	1 687	1 579	1 462
19	(102)	Н. св.	102	93	164	342	306	287	1 511
469	1 354	28	604	826	1 239	2 215	1 533	1 064	227
Н. св.	312	300	481	281	333	433	1 028	—	—
» »	Нет сведений			121	287	884	1 470	—	—
3 937	5 497	5 072	5 745	5 838	5 393	5 765	6 616	2 679	68
Н. св.	1 199	1 092	1 644	1 708	1 812	1 685	1 274	—	—
4 121	12 737	12 252	12 271	11 330	13 801	22 440	19 889	15 768	383
546	670	1 118	1 411	1 210	1 331	1 713	3 103	2 557	468
94 088	138 042	118 698	170 444	172 461	176 446	210 131	252 334	158 246	168

ввоза иностранных мануфактурных изделий повысились требования к отечественной промышленности. Прирост численности рабочих за эти годы в особенности определился в отраслях промышленности, рассчитанных на более широкий рынок, а именно в суконной, шелковой и хлопчатобумажной промышленности.

Развитие промышленности в ряде районов страны[1] в период после войны 1812 г. было настолько значительным, что уже в 1814 г. численность рабочих превысила уровень 1811 г. на 23,5%. Если же сопоставить численность рабочих 1804 г. с соответствующей в 1814 г., то за указанные 10 лет прирост численности рабочих сопоставимых производств составил более 80%. 1814—1820 годы после столь резкого увеличения численности рабочих характерны сравнительной стабильностью рабочего состава. С одной стороны, осваивались и приобретали производственные навыки значительные массы рабочих, втянутых в промышленность за предшествующие годы; с другой стороны, сказалось влияние общих условий развития промышленности в течение этого периода, в частности необходимо отметить влияние перехода от чисто протекционистской политики к тарифам 1816 и 1819 гг., вызвавшим некоторое сокращение промышленности.

В следующем десятилетии, в 20-е годы, продолжается значительный рост численности рабочих: с 1819 по 1830 г. на 76 тыс. человек. За весь же первый период (1804—1830 гг.) численность рабочих по рассматриваемой группе производств повысилась на 158,2 тыс. человек, или на 168%.

При общем приросте численности рабочих за 1804—1830 гг. в 158,2 тыс. человек более значительно в абсолютных цифрах повысили свою численность хлопчатобумажная промышленность—

---

[1] В результате нашествия Наполеона в 1812 г. ряд важнейших отраслей московской промышленности серьезно пострадал. Но почти одновременно с падением московской промышленности наметилось развитие промышленности, и в особенности текстильной, в других районах страны, превратившихся впоследствии в крупные промышленные центры. А. Корсаком в работе «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России» (М. 1861, стр. 137—138) дана сводка соответствующих данных: «После московского пожара в одной Москве перестало существовать вдруг около 600 мелких и крупных заведений; но сколько погибло их в уездах московской и соседних с ней губерний!.. Московские фабриканты после такого погрома не могли скоро оправиться; этим временем воспользовались как мелкие промышленники-крестьяне, так и богатые купцы, которые обратили теперь свои капиталы от внешней торговли на основание фабрик. Бумажные, ткацкие и набивные фабрики в Серпухове впервые начали распространяться только с 1814 г., и первым основателем был богатый купец 1-й гильдии; остальные заведения этого рода основаны были здесь также купцами. В том же году основались фабрики в Суздале... В эту эпоху суздальские полотняные фабриканты богатели чрезвычайно быстро...

Тому же событию обязана была своим развитием промышленность Шуи и села Иванова. Все шуйское купечество образовалось большей частью из крестьян здешнего уезда около 1812 и 1813 гг. и принялось за выделывание ситцев и миткалей исключительно после этой эпохи; то же должно сказать и о селе Иванове, развитие которого началось только с падением ситцевых московских фабрик после 1812 г.».

на 68 тыс. и суконная—на 38,6 тыс. В этих двух отраслях промышленности численность рабочих повысилась на 106,6 тыс. человек, или примерно на $^2/_3$ общего прироста численности рабочих за рассматриваемый период.

Следует отметить исключительно повышенный темп роста численности рабочих хлопчатобумажной промышленности: в указанной отрасли промышленности было занято в 1804 г. 8,2 тыс. рабочих, а в 1830 г.—76,2 тыс.,—увеличение примерно в $9^1/_2$ раз. Как известно, в крепостную эпоху развитие хлопчатобумажной промышленности, начавшись с конца XVIII в., продолжалось в значительных размерах почти вплоть до реформы 1861 г.

О начальных стадиях этого интенсивного темпа развития хлопчатобумажной промышленности можно судить по следующим показателям увеличения производства важнейших изделий этой отрасли промышленности[1]. Так, на русских фабриках производство миткаля с 1799 по 1814 г. возросло с 70,5 тыс. до 10 024 тыс. арш., а ситца, полуситца, выбойки и набойки соответственно с 2 062 тыс. до 6 116 тыс. арш.

Для характеристики развития хлопчатобумажной промышленности за последующие годы можно ограничиться следующими данными о потреблении хлопка и бумажной пряжи[2]:

Средний ежегодный ввоз в Россию (в тыс. пудов)

Годы	Хлопка-сырца	Бумажной пряжи	Годы	Хлопка-сырца	Бумажной пряжи
1812—1815	50	120	1836—1840 . . .	320	590
1816—1820	50	190	1841—1845 . . .	530	590
1821—1825	70	230	1846—1850 . . .	1 120	350
1826—1830	100	430	1851—1855 . . .	1 670	120
1831—1835	150	560	1856—1860 . . .	2 620	210

В результате развившегося в значительных размерах с 30-х годов бумагопрядения рост привоза хлопка явился исключительным при сокращении ввоза бумажной пряжи за 1846—1860 гг.

В таблице на стр. 30—31 приведены основные показатели динамики численности рабочих за 1830—1860 гг. За 30-е и 40-е годы наблюдался сравнительно значительный прирост абсолютной численности рабочих по рассматриваемой группе производств. При оценке этого прироста необходимо принять во внимание, что в течение указанных десятилетий раздача пряжи для работы на дому приняла более широкие размеры и в ряде случаев значитель-

[1] *П. Г. Любомиров*, Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России, «Исторический сборник» № 5, изд. Академии наук, М.—Л. 1936, стр. 57—58.

[2] *М. И. Туган-Барановский*, Русская фабрика, стр. 61.

Динамика числа фабрик и заводов за 1830—

Производства	Число фабрик и заводов					
	1830 г.	1835 г.	1836 г.[1]	1852 г.	1858 г.	1860 г.
Суконные и других шерстяных материй фабрики	389	456	495	657	645	706
Фабрики бумажных материй	538	711	708	911	1 043	1 200
Полотняные фабрики	190	186	171	181	160	117
Канатные фабрики	108	125	122	160	143	166
Шелковые и позументные фабрики	234	243	248	544	374	393
Шляпные фабрики	87	81	82	37	25	18
Фабрики писчей бумаги	111	137	141	211	184	207
Кожевенные заводы	1 619	1 728	1 862	2 081	2 355	2 515
Салотопенные, мыловаренные, свечные и воскобойные заводы	1 031	1 149	1 253	1 203	1 754	1 827
Сахарные заводы	57	69	93	408	504	467
Табачные фабрики	61	113	133	345	306	343
Поташные заводы	185	177	200	199	220	263
Химические и красочные заводы	81	108	100	110	103	135
Селитренные заводы	98	102	86	130	185	101
Хрустальные и стеклянные заводы	172	190	183	189	170	195
Фарфоровые и фаянсовые заводы	40	57	55	43	36	55
Стальные, железные и чугунные заводы	198	364	358	495	462	693
Медные заводы	113			156	145	161
Итого	5 312	5 996	6 290	8 060	8 814	9 562

и занятых на них рабочих
1860 гг.

Число рабочих						Увеличение численности рабочих с 1830 по 1860 г.	
1830 г.	1835 г.	1836 г.[1]	1852 г.	1858 г.	1860 г.	абсолютно	в %
67 241	69 425	73 403	106 651	120 580	120 025	+52 784	+ 78,0
76 228	90 539	105 834	140 635	163 472	152 236	+76 008	+ 100,0
26 845	26 801	25 581	15 735	12 977	17 284	— 9 561	— 35,6
2 780	2 942	2 992	3 526	4 055	5 385	+ 2 605	+ 93,7
14 019	13 420	14 416	16 078	13 764	14 287	+ 268	+ 6,0
1 256	3 167	3 148	462	432	412	— 844	— 67,2
10 260	13 278	13 575	16 105	11 647	12 804	+ 2 544	+ 25,0
10 547	10 425	10 512	14 818	13 481	14 151	+ 3 604	+ 34,0
6 252	6 717	8 717	8 690	11 248	12 122	+ 5 870	+ 94,0
1 687	2 840	4 633	46 151	68 337	64 763	+63 076	+3 739,0
306	848	923	4 861	5 287	6 059	+ 5 753	+1 880,0
1 533	1 140	2 188	1 709	993	1 531	— 2	—
1 028	1 250	1 335	2 773	2 787	3 440	+ 2 412	+ 234,0
1 470	1 585	3 019	4 469	5 999	3 467	+ 1 997	+ 136,0
6 616	8 592	8 849	11 650	9 359	11 464	+ 4 848	+ 73,0
1 274	1 194	1 173	1 976	2 348	2 629	+ 1 355	+ 106,0
19 889	33 272	43 573	45 438	50 796	54 832	+34 943	+ 176,0
3 103			4 396	13 831	8 504	+ 5 401	+ 174,0
252 334	287 435	323 871	446 123	511 393	505 395	+253 061	+ 100,0

[1] В отчетах Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1837—1851 гг. данные по отдельным производствам о числе фабрик и заводов и занятых в них рабочих отсутствуют.

ное число рабочих этой группы было включено в общее число рабочих.

Данные о динамике численности рабочих по сопоставимой группе производств за 1852—1860 гг. свидетельствуют о том, что и в 50-е годы продолжался дальнейший рост численности рабочих. Таким образом, является неправильным утверждение М. И. Туган-Барановского о том, что численность рабочих фабрик и заводов в годы непосредственно после реформы значительно отставала от численности рабочих в 40-х годах, каковую он считал наивысшей. За рассматриваемые 30 лет (1830—1860 гг.) численность рабочих по 18 сопоставимым отраслям промышленности увеличилась с 252,3 тыс. до 505,4 тыс. человек, или вдвое.

В отношении отдельных групп производств следует отметить значительный рост абсолютной численности рабочих с 1830 по 1860 г. в хлопчатобумажной промышленности—на 76 тыс. человек, в шерстяной—на 52,8 тыс., в сахарной промышленности—на 63 тыс. и в группе металлических изделий—на 34,9 тыс. человек. В последней группе производств численность рабочих в основном увеличилась вследствие дополнительного учета в течение этих десятилетий рабочих некоторых металлургических заводов. Понизили за рассматриваемый период свою численность полотняные фабрики, примерно на $^1/_3$. Основными причинами снижения за эти десятилетия явились уменьшение заграничного спроса на парусное полотно и одновременное значительное распространение хлопчатобумажных материй.

Темпы роста численности рабочих свеклосахарной промышленности с 1830 по 1860 г. были исключительно высокими. Именно на эти десятилетия приходилось в основном наиболее значительное развитие этой отрасли промышленности. Так, К. Г. Воблый в своей работе, приведя официальные данные о времени возникновения свеклосахарных заводов, писал: «Строительство заводов (свеклосахарных) приняло заметные размеры только с 1825 г. Пора наиболее интенсивного, можно сказать, бурного роста свеклосахарных заводов падает на период с 1835 по 1850 г., когда возникало в среднем по сотне заводов в пятилетие. Прирост заводов с каждым пятилетием усиливался. Перелом в рождаемости заводов произошел во второй половине двадцатых годов; до этого заводы возникали единицами и то не каждый год»[1].

Общая численность рабочих по 18 сопоставимым производствам составила в 1804 г. 94 тыс., а в 1860 г. — 505,4 тыс. человек.

Таким образом, общий прирост численности рабочих в рассматриваемой группе производств составил за период 1804—1860 гг. свыше 410 тыс. Учитывая, что в начале этого периода часть предприятий была недоучтена и что к концу указанного периода в подсчет были включены некоторые металлургические заводы, можно

---

[1] *К. Г. Воблый*, Опыт истории свеклосахарной промышленности России, т. I, М. 1928, стр. 171.

предполагать, что общая численность рабочих за 1804—1860 гг. увеличилась примерно в пять раз.

Из общего прироста численности рабочих за рассматриваемый период в 410 тыс. человек преобладающая масса приходилась на следующие три отрасли промышленности:

1. Хлопчатобумажная промышленность . . 144,1 тыс. рабочих
2. Шерстяная » . . 91,3 » »
3. Сахарная » . . 64,7 » »

Всего по трем отраслям промышленности—300 тыс. рабочих, или 73,2% всего прироста.

Из показателей по отдельным производствам отметим следующие: в суконной промышленности было учтено в 1804 г. 28,7 тыс., в 1860 г.—120 тыс. рабочих. Соответствующие показатели в хлопчатобумажной промышленности—8,2 тыс. и 152,2 тыс. Численность рабочих, следовательно, в этой отрасли промышленности увеличилась в 19 раз. В сахарной промышленности в 1804 г. было учтено совершенно незначительное число рабочих—около 100 человек, к 1860 г. численность рабочих достигла в ней почти 65 тыс. человек. Из более значительных отраслей промышленности этого периода понизила свою численность с 1804 по 1860 г. полотняная промышленность—с 23,7 тыс. до 17,3 тыс. человек. Это снижение численности рабочих произошло в результате закрытия ряда полотняных мануфактур.

При значительном общем росте численности рабочих по указанным 18 отраслям промышленности за рассматриваемый период произошли также и структурные сдвиги в соотношениях численности рабочих отдельных отраслей (см. табл. на стр. 34).

Весьма существенные сдвиги произошли в отраслях текстильной промышленности.

Хотя общая численность рабочих, занятых в отраслях текстильной промышленности, за рассматриваемый период (1804—1860 гг.) по отношению к численности рабочих всей обрабатывающей промышленности продолжала оставаться высокой, в пределах $^2/_3$, но внутри всей группы рабочих текстильной промышленности в значительной степени изменились соотношения в численности рабочих основных отраслей промышленности. Эти сдвиги происходили в общем в следующих направлениях: удельный вес численности рабочих шерстяной промышленности хотя остается высоким, но все же несколько понизился; исключительно резко понизился удельный вес численности рабочих полотняной промышленности (26,6% в 1804 г. и 4,5% в 1860 г.); соответствующее понижение в шелковой промышленности было следующее: 9,7% в 1804 г. и 2,8% в 1860 г. За этот же период в значительной степени повысился удельный вес численности рабочих хлопчатобумажной промышленности (8,7% в 1804 г. и 30,1% в 1860 г.).

Весьма резко повысился удельный вес численности рабочих сахарной промышленности: в 1804 г. совершенно незначительная величина—0,1% и в 1860 г.—12,8% общей численности. Вследствие

Структурные сдвиги в численности рабочих за 1804—1860 гг.

Показатели	1804 г.	1819 г.	1830 г.	1852 г.	1860 г.
Всего учтено рабочих по 18 производствам (в тыс. человек)	94,1	176,4	252,3	446,1	505,4
Из них в % к общей численности по важнейшим производствам:					
суконные и других шерстяных материй фабрики	30,5	27,5	26,6	23,9	23,7
фабрики бумажных материй	8,7	22,6	30,2	31,5	30,1
полотняные и канатные фабрики	26,8	17,2	11,7	4,3	4,5
шелковые и позументные фабрики	9,7	6,0	5,5	3,6	2,8
фабрики писчей бумаги	6,3	4,9	4,1	3,6	2,5
кожевенные заводы . . .	6,7	4,5	4,2	3,3	2,8
салотопенные, мыловаренные, свечные и воскобойные заводы . .	0,7	2,3	2,5	2,0	2,4
сахарные заводы	0,1	0,4	0,7	10,3	12,8
табачные фабрики . . .	—	0,1	0,1	1,1	1,2
стеклянные и хрустальные заводы	4,2	3,1	2,6	2,6	2,3
заводы металлических изделий	5,0	8,6	9,1	11,2	12,5

более интенсивного развития хлопчатобумажной и сахарной промышленности, в которых было занято значительное число рабочих, понизили свой удельный вес по численности рабочих бумажная и кожевенная промышленность.

Обратимся к характеристике размеров предприятий как во всей обрабатывающей промышленности, так и в ее важнейших отраслях за 1804—1860 гг.[1] (см. табл. на стр. 35).

Рассматриваемая группа предприятий охватывала весьма разнообразные производства, в которых были значительно представлены как крупные и средние предприятия—шерстяное и хлопчатобумажное, так и производства с преобладанием мелких предприятий—кожевенное, салотопенное, мыловаренное, свечное.

В период 1804—1860 гг. в обрабатывающей промышленности имелось значительное число крупных предприятий. В среднем на одно предприятие в 1804 г. приходилось 35 рабочих, а в 1860 г.— 53 рабочих. В 1860 г. в производствах с резким преобладанием

[1] Таблица построена на основании материалов, относящихся к тем же 18 производствам, для которых были исчислены вышеприведенные динамические показатели.

крупных и средних предприятий на одно предприятие в среднем приходилось: в суконном—170 рабочих, в хлопчатобумажном—127 и сахарном—139 рабочих. В 1852—1860 гг. в производствах полотняном, канатном, писчебумажном и металлических изделий в среднем на одно предприятие приходилось 60—80 рабочих.

Среднее число рабочих, приходящееся на 1 предприятие, в 1804—1860 гг.

Производства	1804 г.	1819 г.	1830 г.	1852 г.	1860 г.
Все производства	35	39	48	55	53
В том числе:					
суконные и других шерстяных материй фабрики	183	167	173	162	170
фабрики бумажных материй	41	81	142	154	127
полотняные и канатные фабрики	74	94	99	56	80
шелковые и позументные фабрики	25	57	60	30	36
фабрики писчей бумаги .	93	87	92	76	62
кожевенные заводы . .	7	5	7	7	6
салотопенные, мыловаренные, свечные и воскобойные заводы . .	—	6	6	7	7
сахарные заводы	11	26	30	113	139
табачные фабрики . . .	—	6	5	14	18
стеклянные и хрустальные заводы	34	35	38	62	59
заводы металлических изделий	72	96	74	77	74

Но при оценке указанных процессов в течение изучаемого периода следует учитывать то обстоятельство, что приведенные показатели относились в основном к мануфактурам, т. е. предприятиям, основанным на ручном труде.

При общей же значительной концентрации обрабатывающей промышленности в течение всего рассматриваемого периода в некоторых отраслях промышленности на отдельные даты наблюдалось снижение среднего числа рабочих на одно предприятие. Так, на фабриках суконных и других шерстяных изделий это снижение было вызвано появлением наряду со старыми фабиками, работавшими для казны, новых фабрик, работавших на широкий рынок, в которых применялся в основном уже вольнонаемный труд. В хлопчатобумажной промышленности снижение произошло в результате введения на многих фабриках машин взамен ручного труда, господствовавшего в мануфактурах. В полотняной же промышленности снижение было связано с общим уменьшением численности рабочих в этой отрасли промышленности.

О происходившем укрупнении производства в шелковой и хлопчатобумажной промышленности в начале XIX в. весьма существенные указания имеются в книге Е. Зябловского:

«Еще достойно заметить здесь: в отчетах министерства внутренних дел за 1804 г. означено 328 фабрик, а в 1811 г. только 194. При первом взгляде каждому покажется, что шелковые фабрики ослабевают; но иное открывается, если взять в рассуждение количество рабочего народа и выработанных изделий в каждом годе. В последнем как рабочего народа, так и выработанных изделий против 1804 г. означено больше. Из сего следует заключить, что по причине усиливания больших фабрик малые сами собою остановились и тем в общем количестве фабрик произвели ощутительную разность...

В отчете министра внутренних дел за 1804 г. означено ситцевых и миткалевых фабрик 199; на оных выработано разных бумажных материй и платков 4 287 656 арш.; напротив, в 1811 г. на 150 фабриках того же изделия более 8 млн. арш. Столь ощутительная разность в количестве изделий не от чего иного произошла, как от того, что многие мелкие фабрики, при усиливании других, сами собою должны были уничтожиться»[1].

Дополнительно к этим общим показателям мы на основании материалов разработки «Ведомости о мануфактурах в России в 1813—1814 гг.» приводим также показатели распределения по размерам предприятий обрабатывающей промышленности и занятых в них рабочих в 1814 г., исходя из числа рабочих в отдельных предприятиях[2] (см. табл. на стр. 37).

Отметим основные показатели. В подавляющей массе (около 70% учтенных в «Ведомости о мануфактурах») предприятий число рабочих не превышало 15 человек в каждом, но в этой группе предприятий было занято сравнительно незначительное число рабочих— лишь 7,3% общей численности рабочих. Предприятий с числом рабочих свыше 100 человек в каждом оказалось лишь 8,6% общего числа учтенных предприятий, но в этих предприятиях было занято около 75% общей численности рабочих. Если обратиться к данным 1814 г. о распределении по числу рабочих предприятий отдельных отраслей промышленности, то выступают весьма резкие различия. Для суконной, хлопчатобумажной и полотняной промышленности характерным являлось сосредоточение резко преобладающей массы рабочих в предприятиях с числом рабочих свыше 100 человек. В ряде других отраслей—кожевенной, салотопен-

---

[1] *Е. Зябловский*; Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, изд. 2-е, П. 1815, стр. 21 и 32.

[2] К сожалению, за рассматриваемый период (1804—1860 гг.) до настоящего времени были опубликованы данные о численности рабочих в отдельных предприятиях обрабатывающей промышленности лишь за 1812 и 1814 гг. Во всех же остальных ведомостях были даны сводные итоги по производствам и губерниям. Поэтому мы не могли выделить на ряд дат предприятия определенного ценза как для более детального исследования процессов концентрации, так и для установления более правильной динамики численности рабочих в обрабатывающей промышленности.

Распределение предприятий обрабатывающей промышленности России по числу рабочих в 1814 г.

Группировки по размерам / Производства	В подсчет вошло предприятий со сведениями о числе рабочих	В них рабочих (в тыс.)	В % к итогу приходилось									
			предприятий с числом рабочих					рабочих в предприятиях с числом рабочих				
			до 15	16—50	51—100	101—500	свыше 500	до 15	16—50	51—100	101—500	свыше 500
Все производства . . .	3 573	170,7	69,7	16,2	5,5	6,8	1,8	7,3	9,5	8,3	31,0	43,9
В том числе:												
суконное	216	49,5	13,0	27,8	21,3	28,6	9,3	0,4	3,6	6,9	28,9	60,2
бумажных материй .	426	39,3	60,3	15,3	7,1	12,6	4,7	4,1	4,6	5,8	29,0	56,5
полотняное	207	28,5	23,7	24,2	14,5	32,8	4,8	1,4	5,3	7,3	52,0	34,0
шелковое	153	8,7	45,1	33,3	10,5	8,5	2,6	5,7	18,4	12,7	32,2	31,0
писчебумажное . . .	70	7,6	12,9	35,7	21,4	25,7	4,3	0,9	10,7	14,8	42,2	31,4
кожевенное	1 229	7,8	91,5	7,3	1,2	—	—	59,0	29,5	11,5	—	—
салотопенное, мыловаренное, свечное .	338	2,0	94,4	5,0	0,6	—	—	80,0	15,0	5,0	—	—
стеклянное, хрустальное	149	5,7	28,9	55,7	8,7	6,7	—	7,0	38,6	14,0	40,4	—
фарфоро-фаянсовое .	30	1,6	46,7	20,0	23,3	10,0	—	1,8	7,9	32,9	56,4	—
стальных, чугунных, железных и игольных изделий	389	13,7	87,1	6,9	1,6	3,1	1,3	12,4	5,9	2,9	19,7	59,1

ной, мыловаренной и свечной промышленности—были более значительно представлены мелкие и средние предприятия.

Если рассматривать раздельно данные о группе предприятий, в которой было занято свыше 16 рабочих в каждом, а в указанной группе предприятий насчитывалось 93% общей численности рабочих, то эти данные безусловно свидетельствуют о сравнительно высокой степени концентрации в 1814 г. как во всей обрабатывающей промышленности, так и в ее важнейших отраслях.

Для характеристики отдельных крупных и наиболее технически передовых предприятий этого периода приведем из статьи В. Пельчинского «О Санктпетербургских фабриках» следующее описание Александровской мануфактуры:

«Императорская *Александровская мануфактура;* за Шлиссельбургской заставой. Фабрика сия, основанная в 1799 г., ныне занимается прядением хлопчатой бумаги и пеньки, тканием миткаля, фламского полотна, парусины и деланием карт для игры. Обширностью действия, механическим богатым и усовершенствованным устройством она есть важнейшая из всех в *России* фабрик и без сомнения может занять место между первейшими в сем роде английскими фабриками. Начиная от чески пеньки, приготовление оной для пряжи, прядение пеньки и хлопчатой бумаги и ткание миткаля, все производится машинами, для присмотра за коими приставлены в прядении на два стана один работник, а на один ткацкий стан один мальчик. Сия фабрика может служить образцовой для всякого, намеревающегося основать какую-либо фабрику, а равно дать понятие о фабриках, все производящих машинами. Все действие производится тремя паровыми машинами, силою в 170 лошадей. Работников употребляется до 4 000; если же принять в соображение, что ческа пеньки, пряжи оной и бумаги и тканье миткаля производится машинами и что для прядильных двух станов в 280 веретен задолжается один только работник, тогда можно себе представить, какое множество рук было бы потребно для сей фабрики, если бы все сии работы производились обыкновенным образом, как на других фабриках» [1].

Обратимся к динамике численности рабочих обрабатывающей промышленности по ряду губерний. В таблице на стр. 40—41 приведены соответствующие данные на пять дат: 1815, 1825, 1835, 1846 и 1860 гг. Отдельные губернии расположены в убывающем порядке по численности рабочих на последнюю дату.

За период 1815—1860 гг. численность рабочих обрабатывающей промышленности увеличилась в 3,3 раза. Примерно в указанном же темпе повысилась численность рабочих в двух наиболее промышленных губерниях, а именно в Московской в 3,36 раза и во Владимирской в 3,1 раза.

Лишь в этих двух губерниях центрального района на фабриках и заводах в 1860 г. было занято почти 200 тыс. рабочих [2]. Еще

---

[1] «Журнал мануфактур и торговли» № 5, 1828, стр. 33.

[2] В обзоре фабрично-заводской промышленности Владимирской губернии за 1828 г. («Журнал мануфактур и торговли» № 6, 1830, стр. 67) указаны следующие причины, способствовавшие развитию промышленности в этой губернии: «После Московской губернии, Владимирская есть без сомнения из числа тех, в коих мануфактурная промышленность наиболее распространилась, и ныне еще с каждым годом быстро продолжает ход свой. Многие причины содействовали к тому: великое население сей древней, в центре России лежащей, и некогда престольной губернии; удобство водяных сообщений судоходными реками, Окой, Клязьмой и Волгой, с Москвой, Нижним-

в XVIII в. в этом районе в значительной степени сосредоточивалась обрабатывающая промышленность. П. Г. Любомиров в статье «Крепостная Россия XVII—XVIII вв.» указывал на следующие важнейшие факторы, способствовавшие развитию промышленности в центральном районе в середине XVIII в.:

«При наличии достаточного количества рабочих рук в центральном районе весьма энергично развертывалось в середине XVIII в. промышленное строительство. Здесь же были готовы для этого и другие условия. Центр, особенно Москва, был издавна местом накопления капиталов, собираемых разнообразными путями (торговлей, откупами и поставками в казну, ростовщичеством по отношению желавших жить на широкую ногу дворян и прожигавших жизнь офицеров из разных классов). Здесь под рукой для многих отраслей промышленности было сырье. Тут же сосредоточивались центры потребления или распределения по всему государству (особенно Москва, ярмарки) продукции этой промышленности, по рекам—более громоздкой и дешевой, на обратных подводах, привозивших разные продукты в центр,—более дорогой и более портативной»[1].

Рост численности рабочих в Петербургской губернии за последние два десятилетия рассматриваемого периода происходил в более интенсивном темпе, и в итоге с 1815 по 1860 г. численность рабочих увеличилась в этой губернии с 5,3 тыс. до 33,1 тыс. человек. Исключительно высоким в результате развития сахарной промышленности оказался рост численности рабочих в Киевской губернии.

Наиболее промышленными губерниями, если исходить из численности занятых рабочих, к концу рассматриваемого периода для обрабатывающей промышленности явились губернии Московская, Владимирская, Петербургская, Киевская, Тамбовская, Пензенская и Нижегородская. В этих семи губерниях в 1860 г. было учтено свыше 300 тыс. рабочих. Но необходимо при этом оговорить, что одни лишь показатели абсолютной численности рабочих не с достаточной полнотой характеризуют промышленное значение той или иной губернии. Так, например, по данным отчета Департамента мануфактур и внутренней торговли, в 1860 г. было учтено в Петербургской губернии 33,1 тыс. и в Киевской губернии 32,1 тыс. рабочих. Но следует принять во внимание, что в Киевской губернии основную массу учтенных рабочих составляли сезонные рабочие сахарной промышленности, в то время как в Петербургской губрении мы встречаем в значительной степени сложившиеся рабочие кадры, уже довольно тесно связанные с фабрикой и заводом.

Новгородом, поволжскими и всеми внутренними губерниями; изобилие материалов и выгодная доставка оных из других мест; дешевизна работ, проистекающая от многолюдства и дешевизны съестных припасов; и наконец природная наклонность и предприимчивость жителей к мануфактурным изделиям».

[1] *П. Г. Любомиров*, Крепостная Россия XVII — XVIII вв., Энциклопедический словарь Граната, т. 36, ч. III, стр. 633—634.

Губернии	Число фабрик и заводов				
	1815 г.	1825 г.	1835 г.	1846 г.	1860 г.
Все губернии	4 189	5 261	6 054	8 333	15 388
В том числе:					
Московская	515	748	996	1 279	1 436
Владимирская	366	374	363	327	399
Петербургская	205	209	292	364	572
Киевская	64	107	75	183	236
Тамбовская	38	100	155	190	278
Пензенская	70	58	73	82	98
Нижегородская	340	338	338	281	535
Оренбургская	1	124	162	185	352
Симбирская	85	51	75	110	241
Калужская	93	124	141	125	253
Черниговская	47	74	122	229	245
Харьковская	12	76	144	160	330
Рязанская	55	94	103	123	164
Тверская	35	45	55	264	465
Вятская	51	63	71	102	196
Тульская	88	105	111	172	261
Курская	174	188	195	265	323
Лифляндская	50	41	43	99	120
Саратовская	198	181	187	197	347
Полтавская	32	29	44	201	238
Костромская	57	51	91	72	522
Пермская	133	250	229	352	332
Казанская	169	155	153	171	257

промышленности по губерниям за 1815—1860 гг.

Численность рабочих (в тыс.)					Увеличение численности рабочих с 1815 по 1860 г.	
1815 г.	1825 г.	1835 г.	1846 г.	1860 г.	в тыс.	в %
172,9	210,5	288,1	508,6	565,1	392,2	227
31,9	45,0	66,8	114,5	107,3	75,4	236
28,1	35,5	66,0	83,4	87,1	59,0	210
5,3	5,9	5,9	21,8	33,1	27,8	524
1,6	3,2	2,6	12,1	32,1	30,5	В 19 раз
5,7	9,3	13,2	13,5	16,8	11,1	195
2,7	3,7	4,7	6,2	15,7	13,0	481
9,2	11,5	13,5	8,9	15,3	6,1	66
0,4	2,4	2,4	16,0	13,6	13,2	В 34 раза
2,9	3,4	4,5	5,6	13,1	10,2	352
12,1	13,5	20,0	17,5	12,4	0,3	2
2,3	3,0	4,5	8,4	12,3	10,0	435
2,7	0,9	3,0	10,7	12,1	9,4	348
5,4	5,8	7,2	8,9	11,7	6,3	117
1,8	1,3	2,0	3,8	11,5	9,7	539
1,0	2,5	8,1	9,8	11,2	10,2	В 11 раз
2,2	3,0	4,3	23,0	10,4	8,2	373
10,7	11,2	8,5	11,2	10,0	— 0,7	— 6
1,3	1,6	2,9	5,4	9,7	8,4	646
1,3	2,1	2,1	1,8	9,2	7,9	608
1,5	1,6	2,5	9,4	8,8	7,3	487
6,2	6,8	7,3	18,2	8,6	2,4	39
0,3	3,3	0,8	37,7	6,8	6,5	В 23 раза
3,5	3,8	5,1	7,0	6,2	2,7	77

Следует также более подробно остановиться на данных отчетов Департамента мануфактур и внутренней торговли об изменении численности рабочих фабрик и заводов за 1835—1840 гг.—пятилетие со сравнительно высоким темпом роста численности. За указанные годы при увеличении числа фабрик и заводов с 6 054 до 6 843, или на 13%, численность рабочих увеличилась с 287,4 тыс. до 435,8 тыс. человек, или на 51,6%. Но несомненно, что в результате изменения методов учета этот показатель оказался несколько преувеличенным.

Это обстоятельство отчасти можно проследить при сопоставлении данных о численности рабочих по важнейшим губерниям за 1835 и 1840 гг. По отчетам Департамента мануфактур и внутренней торговли, в Пермской губернии оказалось в 1835 г. 800 рабочих, а в 1840 г.—39,4 тыс. рабочих, в Оренбургской губернии соответственно 2,4 тыс. и 5,4 тыс. рабочих. Несомненно, что в этих двух губерниях в 1840 г. было учтено значительное число рабочих на металлургических заводах, не учтенных в 1835 г. За рассматриваемые годы наблюдался интенсивный рост численности рабочих в Московской, Владимирской и Петербургской губерниях, главным образом в результате значительного развития хлопчатобумажной промышленности.

Выше мы отметили, что численность рабочих повышалась и за счет рабочих на дому, которые в ряде случаев были включены в общую численность. Остановимся несколько подробнее на этом вопросе.

В. И. Ленин указывал, что «...капиталистическая работа на дому встречается на всех стадиях развития капитализма в промышленности, но наиболее характерна она именно для мануфактуры... Мануфактурный же период развития капитализма,—со свойственным ему сохранением связи работника с землей, с обилием мелких заведений вокруг крупных—трудно, почти невозможно себе представить без раздачи работы по домам»[1].

Следующие данные достаточно ярко свидетельствуют о том, насколько значительным было в течение рассматриваемого периода число рабочих на дому при некоторых мануфактурах полотняной и хлопчатобумажной промышленности.

Костромская губерния[2]. «Полотняная фабрика костромского 1-й гильдии купца Василия Дурыгина... Ткание производится на 345 станах, в разных деревнях, по контрактам, в выстроенных от фабриканта светлицах, казенными и господскими людьми... Число людей: в мастерствах 560, в простых работах 8 человек; в том числе ткачеством занимаются по разным деревням мужеска пола 227, женска—133 души».

В гор. Муроме, Владимирской губернии[3]. «Полотняная фабрика М. А. Суздальцева, основанная в 1820 г... рабочих при фабриках 40 человек; вне оной по селениям до 150 ткачей...

Полотняная фабрика Я. И. Суздальцева, устроенная в 1844 г... рабочих при фабрике 120 человек, а вне оной—793 человек.

...Полотняная фабрика С. Т. Суздальцева, основанная в 1788 г... ткачей и прочих рабочих при фабриках 87 человек, вне оной до 300 ткачей».

---

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 343.

[2] «Состояние фабрик и заводов в Костромской губернии в 1828 г.», «Журнал мануфактур и торговли» № 5, 1830, стр. 14—15.

[3] «О действиях губернских механиков», «Журнал мануфактур и торговли», ч. 2-я, 1853, стр. 74—75.

Владимирская губерния[1]. «Ставрово (Владимирского уезда), миткалевых фабрик—2. На оных... рабочих 140 на самых фабриках и 650 чел. по домам...

Шуя. Миткалевых фабрик 11... Число рабочих при фабриках 1 670, вне фабрик 14 513 человек».

Динамика численности рабочих горнозаводской промышленности

В то время когда в отношении обрабатывающей промышленности было возможно наметить общую динамику численности рабочих за рассматриваемый период, гораздо более сложной представлялась соответствующая задача в отношении горной и горнозаводской промышленности. Исключительно своеобразные условия формирования рабочего состава в этой группе производств, а также имеющиеся статистические материалы заставили ограничиться данными на несколько показательных дат[2].

Более подробно рассмотрены данные о рабочем составе горнозаводской промышленности Урала, так как именно Урал являлся тем центром, в котором в XVIII и в первой половине XIX в. была занята преобладающая масса рабочих горнозаводской промышленности.

О времени основания горных заводов в течение XVIII в. по Пермской губ. говорят следующие данные[3]:

С	1723	по	1733	19	частных заводов
»	1733	»	1743	11	» »
»	1743	»	1753	27	» »
»	1753	»	1763	68	» »
»	1763	»	1773	23	» »
»	1773	»	1783	12	» »
»	1783	»	1793	22	» »
»	1793	»	1803	7	» »

Приведя эти данные, Н. Колюпанов писал:

«Из настоящей таблицы видно: 1) что с сороковых годов XVIII в., после издания берг-регламента, число горных заводов начало быстро увеличиваться, 2) что в период с 1753—1763 гг. построено большинство наших горных заводов. Время это совпадает с раздачей казенных заводов разным вельможам, после чего необходимо последовала щедрая раздача со стороны правительства людей и земель заводчикам других сословий».

---

[1] «Очерк мануфактурной промышленности Европейской России, служащий текстом промышленной карты», составленный П. Крюковым, СПБ 1853, стр. 13—29.

[2] Вопросу о численности и составе рассматриваемой группы было уделено значительное внимание в ряде работ наших историков и экономистов. Наиболее существенные положения, установленные этими работами в части, относящейся к настоящему исследованию, использованы нами в дальнейшем изложении. Из этих работ отметим важнейшие: *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, изд. 2-е, СПБ 1903, т. II, 1901; *Р. Попов*, Горнозаводский Урал, «Отечественные записки» № 12, 1874; *Ю. Гессен*, История горнорабочих России до 60-х годов XIX в., М. 1926.

[3] *Н. Колюпанов*, Колонизация Пермской губернии и распространение горного промысла, «Беседа» № 9, 1871, стр. 195—196.

В ряде источников о численности рабочих горнозаводской промышленности приводятся сведения о численности группы «мастеровых и работных людей» и группы «приписных». Так как участие в производственном процессе обеих этих групп было весьма различным, то пользоваться указанными данными на одинаковых основаниях для характеристики динамических процессов будет неправильным. Ю. Гессен следующим образом определяет различия этих двух групп: «Мастеровые и работные люди, постоянно занимаясь на горнозаводских предприятиях, не имели иных основных источников дохода, но они обладали известного рода техническими знаниями или, по крайней мере, навыками, которыми не могли не дорожить, так как высшая квалификация давала большой заработок. А приписные крестьяне, лишь периодически появляясь на горнозаводских предприятиях, не имели никакой квалификации, так как их обращали на работы, не требующие особой подготовки, и вместе с тем их материальное благополучие покоилось на их земледельческом хозяйстве, а не на горнозаводской работе»[1].

В основном для характеристики динамики численности рабочих в горнозаводской промышленности должны служить данные о числе мастеровых и работных людей на ряд дат.

В первые десятилетия развития горнозаводской промышленности основная масса рабочих образовалась из приписных крестьян, которые, однако, были заняты на заводской работе не все время. Но вскоре начали формироваться постоянные кадры заводских рабочих, которые составляли мастеровые и работные люди и купленные заводчиками крестьяне. Материалами о динамике численности этих двух групп горнозаводских рабочих, относящимися к значительному кругу предприятий, мы располагаем с 70-х годов XVIII в. К обзору этих данных мы и обратимся.

Численность мастеровых и работных людей, крепостных крестьян и приписных крестьян на уральских заводах в 1777 г.[2].

Группы заводов	Число заводов	На заводах находилось	
		мастеровых и работных людей и крепостных крестьян	приписных крестьян
Казенные	16	4 036	77 117
Частные	122	45 946	58 936
Всего . . .	138	49 982	136 053

[1] *Ю. Гессен*, История горнорабочих России до 60-х годов XIX в., М. 1926, стр. 73.

[2] Таблица построена на основании данных списка уральских заводов, составленного в 1778 г. и помещенного на рукописной карте Урала, хранящейся в Уральском областном архиве. Список опубликован в качестве Приложения III к книге *Н. Б. Бакланова*, Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, М.—Л. 1935, стр. 309—323.

Таким образом, на одних лишь уральских заводах было учтено, по данным 1777 г., занятых преимущественно на заводских работах почти 50 тыс. мастеровых и работных людей и крепостных крестьян. Помимо этого к вспомогательным работам привлекалось значительное число приписных крестьян. Следует также отметить вполне определившуюся в рассматриваемый период концентрацию производства: в среднем на один завод приходилось 362 мастеровых и работных людей и крепостных крестьян.

Наиболее полные данные, относящиеся к предприятиям горнозаводской промышленности всех районов России, в начале XIX в. были опубликованы в работе F. I. Hermann[1]. Эти данные были приведены по каждому отдельному заводу. По сравнению с другими работами Hermann указанная работа содержит более исчерпывающие сведения. На основании этих данных была составлена следующая таблица о численности занятых в горнозаводской промышленности России за пятилетие 1802—1806 гг. (см. табл. на стр. 46).

Заводскими работами были заняты обе группы мастеровых. Приписные крестьяне были заняты на вспомогательных работах. Всего мастеровых насчитывалось к началу XIX в. около 100 тыс. человек, причем из них почти 70% было занято в уральской горнозаводской промышленности. На частных заводах удельный вес численности уральских рабочих превышал даже 80%. Вопрос о степени участия приписных крестьян в горной и горнозаводской промышленности будет рассмотрен в дальнейшем изложении.

Таким образом, весьма распространенное представление о том, что Урал занимал почти монопольное положение в горнозаводской промышленности в течение всей крепостной эпохи, является не вполне правильным. Хотя Урал в течение всего этого периода резко преобладал, но наряду с ним в горнозаводской промышленности в пределах около 30% по численности мастеровых были представлены и другие районы страны (данные начала XIX в.).

При определении численности рабочих, занятых в горнозаводской промышленности в 1860 г., были использованы данные по отдельным предприятиям, опубликованные в изданиях Ученого комитета горных инженеров[2]. Для небольшой части предприятий ввиду отсутствия данных за 1860 г. были приняты данные за 1861 г. Согласно данным в 1860 г. общая численность рабочих, занятых в казенных и частных предприятиях горнозаводской промышленности, может быть определена в 245 тыс. человек. О распределении же рабочих горнозаводской промышленности в 1860 г.

---

[1] *F. I. Hermann*, Die Wichtigkeit des Russischen Bergbaues, St.-Petersburg 1810.

[2] «Памятная книжка для русских горных людей на 1863 г.», СПБ 1863; «Сборник статистических сведений по горной части на 1864 г.», СПБ 1864.

Численность рабочих горнозаводской промышленности России за 1802—1806 гг.

Районы и группы заводов	При заводах находится		
	мастеровых		приписных крестьян
	государственных	собственных	
I. Урал			
а) казенные заводы	9 919	—	158 745
б) частные »	12 954	48 185	94 402
Всего на Урале . . .	22 873	48 185	253 147
II. Прочие губернии России			
а) казенные заводы	4 410	—	17 052
б) частные »	1 954	9 522	586
Всего . . .	6 364	9 522	17 638
Сверх того: колывано-воскресенские заводы	10 000	—	70 000
Сверх того: нерчинские заводы . . .	5 000[1]	—	13 000
Итого . . .	44 237	57 707	353 785

по группам заводов и важнейшим районам можно судить по следующей таблице:

Численность рабочих горнозаводской промышленности России в 1860 г.

Группы заводов и районы	Численность рабочих (в тыс.)
I. Казенные горные заводы	
а) уральские	34,2
б) прочие	27,7
Всего . . .	61,9
II. Частные горные заводы[2]	
а) подведомственные Уральскому горному правлению	101,3
б) подведомственные Московскому горному правлению[3]	15,7
Всего . . .	117,0

[1] В том числе 2 тыс. заключенных.
[2] В число рабочих горных заводов включены и внезаводские рабочие.
[3] Данные за 1861 г.

Группы заводов и районы	Численность рабочих (в тыс.)
III. Частные золотые прииски Восточной и Западной Сибири и Уральской горной области	45,8
IV. Прочие (соляная промышленность и др.)	20,0
Итого . . .	244,7

Как мы уже ранее отметили, состояние и особенности статистических данных за дореформенный период не позволили представить в таблицах сводную характеристику динамики общей численности рабочих, занятых как в обрабатывающей, так и в горной и горнозаводской промышленности. Это обстоятельство и осложнило задачу по установлению удельного веса численности рабочих обрабатывающей и горнозаводской промышленности по отношению ко всей массе рабочих. Но вместе с тем мы не считали возможным ограничиться вышеприведенной характеристикой указанных процессов лишь в пределах обрабатывающей промышленности, так как при этом не принималась во внимание динамика численности рабочих, занятых в горной и горнозаводской промышленности. Но некоторые исчисления, устанавливающие структурные сдвиги численности рабочих отдельных отраслей по отношению к общей численности рабочих, мы считаем возможным привести. В то время как в начале XIX в. промышленные рабочие, занятые на фабриках и заводах, распределялись примерно пополам между обрабатывающей и горнозаводской промышленностью, иные соотношения установились в период, непосредственно предшествующий падению крепостного права,—в это время удельный вес рабочих горнозаводской промышленности составлял около 30% общей численности промышленных рабочих.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что удельный вес группы рабочих, занятых в горной и горнозаводской промышленности, за период 1800—1860 гг. заметно снизился в результате застойного характера развития этой промышленности при крепостном праве. Ленин указывал: «Главной причиной застоя Урала было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве»[1]. Одновременно происходил интенсивный рост численности рабочих в ряде отраслей обрабатывающей промышленности, в частности в хлопчатобумажной и сахарной промышленности.

О том, как значительны были размеры предприятий горнозаводской промышленности в начале XIX в., можно судить на основании данных о численности мастеровых, занятых на каждом из заводов этой отрасли промышленности, опубликованных в работе

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 377.

Hermann[1]. Общие условия, при которых развивалась горнозаводская промышленность, а именно монопольное положение горнозаводчиков, постоянная поддержка казны (правительственные заказы, ссуды и т. д.), техническая отсталость этой отрасли как результат господства принудительного труда способствовали тому, что в этой промышленности в значительной степени были представлены предприятия с большим числом занятых рабочих. Ограничимся наиболее характерными данными. Так, на частных заводах было занято (по данным за 1802—1806 гг.):

Районы	Число заводов	На них занято мастеровых (государственных и собственных)	В среднем на 1 завод приходилось мастеровых
Уральские заводы	117	61 139	523
Заводы прочих районов	49	11 476	234
Итого . . .	166	72 615	437

На один частный завод приходилось в среднем по стране 437 мастеровых, причем на Урале этот показатель повышался до 523. Следует также учесть, что сверх указанных мастеровых к этим заводам было приписано весьма значительное число крестьян.

Приведем также данные о числе мастеровых на отдельных наиболее крупных частных уральских заводах:

Название заводов	Число мастеровых (государственных и собственных)	Название заводов	Число мастеровых (государственных и собственных)
Нитвенский	947	Ревдинский	2 296
Билимбаевский . . .	1 659	Юговский	817
Нижне-Тагильский .	1 605	Нижне-Сергинский .	1 436
Нижне-Салдинский .	1 302	Верхне-Исетский . .	1 169
Чермозский	1 082		

По количеству мастеровых выделялись также следующие частные заводы в других районах: Песочинские Гончарова в Казанской губернии—670 мастеровых, Выксунские Баташева в Нижегородской губернии—554 мастеровых, Баташева во Владимирской губернии: Гусевский—870 и Железницкий—1 141 мастеровой.

[1] *F. I. Hermann*, Die Wichtigkeit des Russischen Bergbaues, St.-Petersburg 1810.

Из группы казенных заводов отметим следующие: Луганский—1 548 мастеровых, Александровский (Петрозаводск)—680, Воткинский—595 и Ижевский—635 мастеровых.

Все эти данные свидетельствуют о весьма значительной степени концентрации, достигнутой в горнозаводской промышленности в начале XIX в.

О значительной концентрации в горнозаводской промышленности свидетельствуют также весьма характерные данные о том, что бóльшая часть уральских заводов была основана сравнительно незначительной группой крупных заводовладельцев.

«Просматривая состав главнейших основателей и список основанных ими в XVIII и XIX вв. уральских заводов, мы должны отметить чрезвычайно большую концентрированность заводского строительства. Из 250 заводов, основанных в течение двухсотлетнего существования уральской металлургической промышленности, свыше 180 заводов было основано двумя десятками наиболее крупных заводовладельцев (включая и казну), деятельность которых преимущественно развертывается в XVIII в. Из 176 заводов, возникших в течение XVIII в., имена основателей которых нам известны, этими крупнейшими основателями было построено 156 заводов (свыше 80%)»[1].

В частности на основании данных таблицы С. П. Сигова отметим, что на Урале было основано Демидовым 36 заводов, Строгановым 17 заводов, Твердышевым (с Мясниковым) 14 заводов, Яковлевым 11 заводов и Осокиным 10 заводов.

Некоторые данные о применении женского и детского труда в промышленности за крепостную эпоху

Мы не располагаем сплошными данными о степени применения труда женщин, детей и подростков в фабрично-заводской промышленности за рассматриваемый период. Но в работах отдельных исследователей и в официальных изданиях был опубликован ряд соответствующих данных. Приведем наиболее существенные показатели.

В отношении применения женского труда в текстильной промышленности мы встречаем следующие указания:

Ярославская губерния[2]. На трех полотняных мануфактурах (Яковлевской, Рыбинской и Крапивнинской) и бумажной фабрике при Яковлевской мануфактуре работало в 1806 г. 1586 рабочих мужчин и 2 390 работниц.

Тамбовская губерния[3]. «Суконная фабрика коммерции советника Мартина Львовича Лиона... Ныне же в сей фабрике находятся

---

[1] *С. П. Сигов*, Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, Свердловск 1936, стр. 34—35.

[2] *Карл Герман*, Статистическое описание Ярославской губернии, СПБ 1808, стр. 110—112.

[3] «Состояние фабрик и заводов в Тамбовской губернии в 1828 г.», «Журнал мануфактур и торговли» № 5, 1830, стр. 62—66.

в действии 500 ткацких станов для сукон, на коих вырабатывается в год до 17 000 половинок солдатских сукон... На фабрике имелись также многие другие машины... Число людей: приказчиков—2, конторщиков—8, фабричных мастеровых—16, подмастерьев—8, фабричных крестьян при разных работах мужеска пола—410, женска—540, приписных—74, вольноработающих: мужеска пола—900, женска—700, а всего 2 774 души».

Калужская губерния[1]. «Полотняная парусная и бумажная фабрика надворного советника Афанасия Николаевича Гончарова... Ныне при оных двух фабриках, по последней седьмой ревизии, состоит приписных и покупных крестьян и мастеровых людей мужеска пола 1 407, женска 1 650 душ, которые, кроме престарелых и малолетних, обращаются всегда в фабричных мастерствах и работах, а престарелые и малолетние содержатся на счет самого владельца».

Ряд отрывочных сведений о значительном применении женского труда в хлопчатобумажной промышленности мы встречаем в работе К. А. Пажитнова:

«На Гусевской бумагопрядильной фабрике в середине 50-х годов из 893 рабочих женщин было 551, т. е. 62%. На Фряновской шелковой фабрике из 800 рабочих в 1818 г. женщин насчитывалось не менее половины. На полотняной и писчебумажной фабрике Яковлева в Ярославле в это же время насчитывалось 1 048 мужчин и 1 323 женщины»[2].

О распределении рабочих сахарной промышленности по полу и возрасту в период, близкий к освобождению крестьян, можно судить по следующим данным:

Распределение рабочих сахарной промышленности по полу и возрасту в 1856/57—1861/62 гг.[3]

Годы	Численность рабочих						
	в тыс.				в % к итогу		
	мужчин	женщин	подростков	всего	мужчин	женщин	подростков
1856/57	45,3	20,1	6,6	72,0	62,9	27,9	9,2
1858/59	49,3	19,8	8,4	77,5	63,6	25,6	10,8
1861/62	44,8	18,6	5,9	69,3	64,6	26,9	8,5

[1] «Состояние фабрик и заводов в Калужской губернии в 1828 г.», «Журнал мануфактур и торговли» № 1, 1830, стр. 70.

[2] *К. А. Пажитнов*, Положение рабочего класса в России, т. I, Л. 1925, стр. 74.

[3] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в работе *К. Г. Воблого*, Опыт истории свеклосахарной промышленности России, т. I, М. 1928, стр. 246—247.

Эти данные свидетельствуют о сравнительно устойчивом удельном весе женщин среди рабочих сахарной промышленности. Так как часть подростков составляли девушки, то можно предположить, что женщины составляли примерно около 30% общей численности рабочих. Несомненно, что для рассматриваемого периода этот показатель следует признать сравнительно высоким.

Подростки составляли около 10% общей численности рабочих сахарной промышленности.

Ю. Гессен приводит ряд данных о работе женщин при весьма тяжелых условиях труда в горнозаводской промышленности, причем применение женского труда в этой отрасли промышленности можно проследить еще с первой половины XVIII в.:

«Так как некоторые заводы обслуживались крепостными людьми, то естественно было ожидать, что на этих заводах работали и крепостные женщины. И, действительно, специальное расследование, предпринятое значительно позднее на основании архивных документов, обнаружило, что уже в первой половине XVIII в. заводчики, опираясь на свое помещичье право, заставляли женщин работать на своих горнозаводских предприятиях и этому примеру последовали и прочие заводчики. Известно, что трудом женщин пользовались с самого своего возникновения Шайтанский (1736 г.) и Кананикольский (1751 г.) заводы. Имеется сообщение, что на малолюдных заводах у корыстолюбивых промышленников женщин ставили к засыпке угля, руды и извести. По словам Палласа, на Каслинском заводе работали, наряду с детьми, жены и дочери местных работников—они добывали и складывали руду, получая сдельно за урок. Судя же по тому, что и в более позднее время женщин ставили также на самые тяжелые работы, обычно возлагавшиеся на мужчин, можно предположить, что и в первую половину XVIII в. женщины выполняли самые тяжелые работы... Мы видели выше, что женщины работали на горнозаводских предприятиях не только добровольно, но и по принуждению, причем обязательная работа возлагалась не на одних лишь помещичьих крепостных, но и на жен и дочерей мастеровых. Принудительный женский труд применялся и на частных, и на казенных заводах. Как выше указывалось, женщины работали на Златоустинском и Миасском заводах, где рабочие выступили в 1812 г. с жалобой по этому поводу. Они также работали на Туринском и Буйском заводах, где первый владелец за недостатком мужчин заставлял женщин и девушек находиться в куренных работах при рубке дров; труд женщин продолжался в течение ряда десятилетий... На Н.-Тагильском заводе женщины издавна занимались возкой земли и добычей железной руды... Заводчик Расторгуев посылал женщин на золотые промыслы за 40 верст; случалось, и за 250 верст» [1].

В первой половине XIX в. систематический учет применения труда детей и подростков на фабриках и заводах России не был организован. Наиболее полная сводка ряда отрывочных сведений по этому вопросу в отношении важнейших отраслей обрабатывающей промышленности приведена в работе В. Ю. Гессена:

«Процент малолетних рабочих к общему числу рабочих на некоторых предприятиях был очень высок. Например, в Ярославле на фабрике Угличанинова среди 528 рабочих находилось 90 малолетних в возрасте от 9 до 12 лет; кроме того, для этой же фабрики много детей от 7 до 9 лет работало на дому по разматыванию пряжи. На предприятии Лиона из общего числа рабочих 3 150 было 800 чело-

[1] *Ю. Гессен*, История горнорабочих России до 60-х годов XIX в., М. 1926, стр. 86—87 и 183—184.

век в возрасте от 8 до 16 лет. На Тамбовской суконной фабрике работало большое количество крестьянских детей 8—9-летнего возраста. На помещичьих фабриках в Курской губернии на 392 рабочих приходилось 90 малолетних в возрасте не старше 12 лет. Помещица Брискорн отправляла на фабрику крестьянские семьи целиком, со всеми малолетними детьми. То же наблюдалось и на фабрике шелковых изделий Реброва, на которой значительная доля работы выполнялась детьми в возрасте от 8 до 15 лет. Суконная фабрика Пипкова (Екатеринославская губ.) отличалась тем, что главный контингент ее рабочих составляли девочки, начиная с 8 лет. На бумагопрядильне в Переяславле-Залесском работало 183 малолетних при общем количестве рабочих в 792 человека. Дети выполняли здесь тяжелую работу присучальщиков-ставильщиков. На Купавинской фабрике в Московской губернии работало 250 малолетних при 1 250 взрослых. На фабрике Осипова в Москве на работе было занято 150 детей при 710 взрослых мужчинах и женщинах. На петербургских бумагопрядильных фабриках процент малолетних был ниже. Там из 8 209 рабочих было всего 616 детей в возрасте от 8 до 14 лет. Значительно больше малолетних рабочих находилось на табачных петербургских фабриках. Здесь из 1 925 рабочих малолетних было 399 человек (21%).

Таким образом, мы видим, что в первой половине XIX в. труд детей в возрасте от 8 до 15 лет используется в весьма широких размерах, причем число малолетних достигало зачастую 25% общего количества рабочих.

Особенно много детей было занято на фабриках центральных губерний, техника которых значительно отстала от петербургских фабрик, вследствие чего владельцы их могли конкурировать с более дешевой продукцией петербургских предприятий только путем экономии на заработной плате. А эту экономию можно было провести лишь еще бóльшим использованием детского труда, понижающего цены на рабочие руки, чему в свою очередь способствовала бóльшая плотность крепостного населения в центральных губерниях»[1].

Но и на петербургских бумагопрядильнях детский труд применялся в значительных размерах. Так, Н. Воскобойников в статье «Несколько вопросов о положении фабричных рабочих, преимущественно на петербургских фабриках» указывает, что на петербургских бумагопрядильнях работало 414 мальчиков и 212 девочек. На основании материалов, собранных особой комиссией в 1859 г., в этой статье приведено следующее удручающее описание влияния тяжелых условий труда на развитие детей, работающих в петербургских бумагопрядильнях: «Работа на бумагопрядильнях действует особенно гибельно на развитие малолетних. В числе фабричных детей, пришедших в воскресную школу, вы тотчас отличите работающих на «мануфактурах». Желтизна

[1] *В. Ю. Гессен*, Труд детей и подростков в России, т. I, М.—Л. 1927, стр. 33—34.

лица, красные, опухшие веки, усталый, болезненный взгляд, впалая грудь и пр. является непреложным свидетельством и непременным последствием двух-трех годов, проведенных на бумагопрядильне. Подойдите к такому, часто страшно изнуренному мальчику и спросите, который ему год, и вы может быть содрогнетесь от полученного ответа: шестнадцатилетние мальчики глядят десятилетними, одиннадцатилетними измученными ребятами. Так работа на бумагопрядильнях останавливает развитие детей.

Подобные результаты вовсе неудивительны, если вспомнить, что, например, при мюль-машинах малолетний проводит до 14 часов в сутки, беспрестанно ползая в растяжку по полу и стирая пыль»[1].

В статье В. Бухиной «Из истории детского труда в крепостной России» опубликованы официальные документы, свидетельствующие о значительном распространении в 40-х годах XIX в. кабального детского труда в московской текстильной и спичечной промышленности. Фабриканты заключали договоры с помещиками, которые за определенную плату отдавали на фабрики детей крепостных. Характерными являются следующие данные, приводимые в отношении министра внутренних дел Перовского московскому военному генерал-губернатору от 27 февраля 1847 г.: «В заведение зажигательных спичек помянутого фабриканта (Гевелинга) доставлено помещиком Калужской губернии Нарышкиным 100 крепостных его мальчиков, имевших от 9 до 16 лет от роду, с условием, чтобы Гевелинг в 3 года обучил их выделке спичек не только, как пишет доктор Янихен, без всякого на то вознаграждения, но еще заплатил г. Нарышкину по 75 руб. асс. за каждого мальчика. Очевидно, что подобный контракт есть ни что иное, как сделка Гевелинга с Нарышкиным о найме первым у последнего крепостных его людей в 3-х годичную на фабрике работу, прикрывши лишь предлогом обучение, ибо трудно предположить, чтобы один помещик нашел свою выгоду обучать столь великое число мальчиков, при том столь ничтожному ремеслу, каково делание спичек»[2].

Аналогичная практика применения кабального детского труда наблюдалась также в начале 50-х годов и на петербургских табачных фабриках:

«Принимая к себе на фабрику малолетних рабочих по контрактам на несколько лет (обыкновенно на пять), фабриканты обязываются снабжать их одеждой и пищей и сверх того платить родителям или помещикам ежегодную сумму, которая, смотря по возрасту и силам малолетнего, составляет от 10 до 42 руб. сер. в год. Наиболее обыкновенная плата есть 18 руб. как за мальчика, так и за девочку, или по 1 р. 50 к. сер. в месяц»[3].

Малолетние рабочие были заняты на табачных фабриках в течение 12 часов в сутки.

---

[1] «Библиотека для чтения», т. 171, СПБ 1862, стр. 99.

[2] «История пролетариата СССР» № 4, 1934, стр. 120 и 148.

[3] «О табачных фабриках в С.-Петербурге», «Журнал министерства внутренних дел», ч. 40, 1852, стр. 265.

Сохранился также ряд указаний о труде детей и подростков в горнозаводской промышленности.

Н. Зобнин приводит следующие данные о применении труда подростков на заводах Алтайского горного округа в первой половине XIX в.:

«Нечто вроде особого класса рабочих составляли *подростки*. Все мальчики горнозаводского населения, начиная с 7 и с 1849 г. с 8 лет и до 18 лет подлежали заводской повинности. Судьба этих юных рекрутов представляет наиболее печальную страницу из прежней истории заводов. Начиная с ранней весны ежегодно происходил набор и отправка детей-рекрутов на заводы и рудники. Центром сбора этих рекрутов был Змеиногорск и Салаир, откуда их распределяли по рудникам и заводам. В Змеиногорске ежегодно их собиралось до 500—800 мальчиков не старше 12 лет. Весну, лето и зиму они должны были заниматься рудоразборными и прочими легкими (!) работами; на зиму те из них, родители которых могли учить их у себя дома, отпускались месяца на 4 к родителям, другие же до 10-летнего, а с 1828 г. до 12-летнего возраста должны были ходить в заводские школы, которых уже в 1781 г. было 6..., где и зимой училось тогда 827 мальчиков; после этого возраста они уже все должны быть на работах»[1].

Таким образом, уже приведенные показатели указывают, что еще в крепостную эпоху в чрезвычайно тяжелых условиях работало значительное число женщин, подростков и детей не только в обрабатывающей, но и в горнозаводской промышленности. Привлечение к фабричной или заводской работе с самого раннего возраста, часто с 8—10 лет, исключительно низкая заработная плата, непомерная продолжительность рабочего дня—нередко в 12—15 часов, отсутствие какой-либо законодательной защиты труда этих групп рабочих ярко характеризуют безграничную эксплоатацию женского и детского труда в течение рассматриваемой эпохи.

ГЛАВА 2

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ В КРЕПОСТНУЮ ЭПОХУ

При характеристике процессов формирования промышленных рабочих за рассматриваемый период приходится исследовать соответствующие процессы раздельно для рабочих, занятых в обрабатывающей и горнозаводской промышленности. Формирование рабочих двух указанных групп производств происходило в весьма различных условиях. Так, эти группы производств в значительной степени различались по степени применения вольнонаемного труда. В то время как в период накануне падения крепостного

[1] *Н. Зобнин*, Положение рабочих, Алтай. Историческо-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Под ред. П. А. Голубева, Томск 1890, стр. 398.

права в первой группе производств вольнонаемные рабочие составляли уже около $^4/_5$ общей численности рабочих, во второй группе производств в значительной степени господствовал крепостной труд. Предприятия этих двух групп производств были расположены также в различных районах страны. Предприятия обрабатывающей промышленности были сосредоточены преимущественно в центральном районе страны, а горнозаводская промышленность была сосредоточена в более отдаленных районах, главным образом на Урале.

Обратимся к данным об основных источниках комплектования рабочего состава фабрик и заводов в течение XIX в. вплоть до отмены крепостного права[1].

В разделе о динамике численности рабочих за крепостную эпоху мы уже отметили тот сравнительно ограниченный круг производств, по которым собирались сведения Мануфактур-коллегией и впоследствии Департаментом мануфактур и внутренней торговли. Приводимые ниже данные о распределении рабочих по отдельным категориям также относятся лишь к этому кругу производств. Так как эти данные не распространялись на горнозаводскую промышленность, в которой резко преобладал принудительный труд, то эти данные ни в какой степени не отразили действительного применения принудительного труда во всей промышленности. В последующем изложении мы приводим дополнительно ряд расчетов по этому вопросу, относящихся уже ко всей промышленности.

За первую четверть XIX в. мы располагаем на значительное число дат данными о распределении рабочих фабрик и заводов

---

[1] На многих фабриках и заводах работали исключительно или в резко преобладающем числе рабочие одной из основных категорий—посессионные, крепостные и вольнонаемные. Но имелись и такие предприятия, в которых в значительном числе были представлены рабочие двух или даже и трех указанных категорий.

Так, в данных о составе рабочих крупной шерстяной фабрики коммерции советника М. Л. Лиона в Тамбовской губернии («Состояние фабрик и заводов в Тамбовской губернии в 1828 г.», «Вестник мануфактур и торговли» № 5, 1830, стр. 66) указано, что в числе 2 774 рабочих на этой фабрике было занято «...фабричных крестьян при разных работах: мужеска пола 410, женска 590, приписных 74, вольноработающих: мужеска пола 900, женска 700».

Еще более значительное число различных категорий рабочих было представлено в рабочем составе технически передовой для своего времени Александровской мануфактуры («Александровская мануфактура в начале 1831 г.», «Северная пчела» № 112, 1831). «Число людей, занимающихся работами на мануфактуре, простирается до 2 700 человек. Немногие из них получают жалованье за время, но бо́льшая часть работает на задельной плате. Всего людей, занимающихся на мануфактуре и живущих около нее, включая женщин и детей, считается до 4 000 душ. Люди сии разделяются на шесть разрядов: 1) питомцы Воспитательного дома, обоего пола, несовершеннолетние; 2) таковые же питомцы, оставшиеся по совершеннолетии своем на сроки; 3) таковые же питомцы, выслужившие свои сроки и оставленные здесь по обоюдному согласию, Правления мануфактуры и их собственному; 4) казенные и приписные к мануфактуре мастеровые; 5) инвалиды из трех рот, расположенных здесь для содержания караулов и работ; и 6) вольнонаемные, коих ныне бывает около 1 000 человек, приходящие как из деревень, приписанных к мануфактуре, так и других мест».

по отдельным категориям. Последним годом, в отношении которого мы располагаем этими показателями для всей страны, является 1825 год. В следующей таблице приведены итоговые данные о распределении рабочего состава за 1804—1825 гг.

Число фабрик и заводов и распределение занятых на них рабочих по отдельным категориям за 1804—1825 гг. [1]

Годы	Число фабрик и заводов	Число рабочих						
		в тыс.				в % к итогу		
		приписных и покупных (посессионных)	помещичьих (крепостных)	вольнонаемных	итого	приписных и покупных (посессионных)	помещичьих (крепостных)	вольнонаемных
1804	2 399	30,2	19,4	45,6	95,2	31,7	20,4	47,9
1811	2 421	45,0	26,0	66,8	137,8	32,7	18,8	48,5
1812	2 332	31,2	27,3	60,6	119,1	26,2	22,9	50,9
1814	3 731	35,6	34,2	99,8	169,6	21,0	20,2	58,8
1815	4 189	29,7	47,8	95,4	172,9	17,2	27,6	55,2
1816	4 484	22,4	56,8	107,9	187,1	12,0	30,4	57,6
1817	4 385	20,6	67,3	99,4	187,3	11,0	35,9	53,1
1818	4 457	23,5	51,9	103,0	178,4	13,2	29,1	57,7
1819	4 531	23,1	55,9	97,6	176,6	13,1	31,6	55,3
1820	4 578	22,4	52,5	96,3	171,2	13,1	30,7	56,2
1821	4 658	28,1	58,4	96,9	183,4	15,3	31,9	52,8
1822	4 781	18,0	64,0	90,8	172,8	10,4	37,0	52,6
1823	4 838	25,6	65,1	95,1	185,8	13,8	35,0	51,2
1824	5 092	24,0	70,4	106,4	200,8	11,9	35,1	53,0
1825	5 261	29,4	66,7	114,5	210,6	14,0	31,6	54,4

С 1804 по 1825 г. при общем росте численность рабочих рассматриваемой группы производств с 95,2 тыс. до 210,6 тыс. человек в абсолютных цифрах более значительно повысилась группа вольнонаемных рабочих—с 45,6 тыс. до 114,5 тыс. человек. Свыше чем в три раза за эти годы увеличилась группа крепостных рабочих—с 19,4 тыс. до 66,7 тыс.—и почти стабильной, если сопоставить данные на начальную и конечную даты, осталась группа рабочих посессионных фабрик—в пределах 30 тыс. человек. В результате этих изменений с 1804 по 1825 г. удельный вес группы вольнонаемных рабочих в отношении общей численности рабочих повысился с 47,9 до 54,4%, крепостных рабочих—с 20,4 до 31,6%

[1] При составлении настоящей таблицы были использованы абсолютные данные, опубликованные в следующих изданиях: «Табели к отчету министерства внутренних дел за 1804 г.»; *Е. Зябловский*, Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, П. 1808, изд. 2-е, 1815; «Ведомость статистическая о мануфактурах за 1815—1820 гг.», П. 1822, и *Л. Н. Нисселович*, История заводско-фабричного законодательства Российской империи, ч. II, СПБ 1884, приложение II.

Таблица (приложение II) к работе Л. Н. Нисселовича заимствована из отчета Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1826 г.

при одновременном снижении удельного веса посессионных рабочих с 31,7% в 1804 г. до 14% в 1825 г.

Таким образом, в 1825 г. удельный вес вольнонаемных рабочих в отношении этой группы производств, где применение вольнонаемного труда было гораздо более значительно, уже достигал 54,4%. Снижение в отдельные годы процента вольнонаемных было связано в основном с некоторым сжатием промышленности в эти же годы, так как сокращение численности рабочих в обрабатывающей промышленности происходило обыкновенно за счет группы вольнонаемных.

Если учесть помимо указанной численности в 1804 г. еще некоторое количество вольнонаемных рабочих, занятых в неучтенных отраслях промышленности и в горнозаводской промышленности, то, вероятно, общая численность этой категории рабочих лишь незначительно превышала 50 тыс. человек. В отношении же общей численности рабочих, занятых в обрабатывающей и горнозаводской промышленности, несколько превышавшей 200 тыс. человек в начале XIX в., группа вольнонаемных рабочих составляла примерно $^1/_4$ общей численности рабочих промышленных предприятий.

В 1825 г., как было указано, удельный вес численности вольнонаемных рабочих в обрабатывающей промышленности составлял 54,4%. Если же дополнительно учесть резко преобладающее применение принудительного труда в горнозаводской промышленности, то удельный вес вольнонаемного труда во всей промышленности—обрабатывающей и горнозаводской—в 1825 г. хотя и несколько повысился по сравнению с началом XIX в., все же колебался в пределах $^1/_3$ в отношении к общей численности рабочих.

Помимо этих общих показателей, характеризующих распределение промышленных рабочих в течение первой четверти XIX в. по трем рассматриваемым категориям, мы считали также необходимым сгруппировать все данные, относящиеся к каждой из указанных категорий рабочих, дабы можно было проследить динамику их численности и удельный вес в историческом развитии[1].

Рабочие посессионных и помещичьих мануфактур и казенных предприятий

В ряде печатных работ уже была дана характеристика основных законодательных постановлений по вопросам формирования промышленных рабочих в течение крепостной эпохи, а потому мы

[1] В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин указывает, что «...еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения» (Соч., т. III, стр. 127). Вопрос о том, за счет каких групп крепостного крестьянства происходило формирование рабочих фабрик и заводов, представляет громадный интерес и требует самостоятельного исследования. В данной работе этот вопрос не освещен.—*Ред.*

ограничились лишь сжатым изложением этих постановлений и их влияния на образование отдельных категорий промышленных рабочих.

Весьма значительное количество постановлений было издано в отношении посессионных рабочих.

Одним из наиболее важных актов явился указ 18 января 1721 г. «О покупке к заводам деревень». Приводим его основную часть:

«Понеже хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе Государственной других никаких заводов не имели; а ныне по нашим указам, как всем видно, что многие купецкие люди компаниями, и особенно многие возымели к приращению Государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебряные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к томуж и шелковые, и полотняные, и шерстяные фабрики, из которых многие уже и в действо произошли. Того ради позволяется сим нашим указом, для размножения таких заводов, как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения Берг и Мануфактур-коллегии, токмо под такой кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно»[1].

В начале 1736 г. по просьбе крупных фабрикантов этого периода И. Затрапезного, В. Щеголина, А. Микляевой, Ф. Подсевальщикова и И. Тамеса был издан именной указ «об укреплении за фабрикантами оказавшихся у них на мануфактурах разного ведомства людей и крестьян; об исключении сих людей из подушного оклада и о предписании фабрикантам заплатить за них кому следует определенную сумму денег». Основной пункт указа 7 января 1736 г. был следующий:

«...для пользы Государственной и чтоб те фабрики от разобрания мастеровых и работных людей в упадок и в разоренье не пришли, учинить нижеследующее: всех, которые по ныне при фабриках обретаются и обучились какому нибудь мастерству, принадлежащему к тем фабрикам и мануфактурам, а не в простых работах обретались, *тем быть вечно при фабриках*... а за тех мастеровых людей тем, чьи они были, заплатить от тех фабрик деньги»[2].

Таким путем произошло закрепощение владельцами фабрик значительных групп рабочих. Прежние их владельцы должны были быть вознаграждены за этих рабочих по определенным нормам. Что же касается чернорабочих, то указ 1736 г. предписывал вернуть их обратно прежним владельцам.

Эти положения указа 1736 г. были развиты и распространены на другие предприятия сенатским указом 15 июня 1744 г. «О переписи рабочих людей, находящихся на фабриках и мануфактурах». Приводим соответствующий пункт этого указа:

«Как на вышеобъявленных в указе 1736 г. главных семи фабриках, так и тех, как по вышеупомянутому Мануфактур-коллегии рассмотрению достойные и Государству полезные явятся, всех мастеровых людей, принятых по состоянию того 1736 г. указа, чьиб они ни были, написать при тех фабриках и быть у них вечно, равно яко их купленные или крепостные, как оным указом повелено»[3].

Из других указов отметим также указ 1752 г. Одним из пунктов этого указа ограничивалось для ряда отраслей промышленности количество душ, которое могли приобретать отдельные предприятия в зависимости от их основного оборудования.

---

[1] «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года», т. VI, 1830, стр. 311.

[2] Там же, т. IX, 1830, стр. 707—712 (курсив наш.—*А. Р.*).

[3] Там же, т. XII, 1830, стр. 150.

Обратимся к показателям, характеризующим численность и удельный вес группы посессионных рабочих как в целом по обрабатывающей промышленности, так и по тем отраслям, в которых, главным образом, была представлена указанная группа рабочих. Сопоставимые данные приведены за период 1770—1825 гг. в следующей таблице:

Годы	Число приписных и покупных (посессионных) рабочих							
	в обрабатывающей промышленности		в том числе					
			в суконной промышленности		в полотняной промышленности		в писчебумажной промышленности	
	абсолютно	в % к общей численности рабочих	абсолютно	в % к общей численности рабочих	абсолютно	в % к общей численности рабочих	абсолютно	в % к общей численности рабочих
1770	32 489	58,5	16 161	65,4	8 875	48,4	3 139	87,2
1804	30 202	31,7	15 123	52,7	7 982	33,7	2 284	38,3
1814	35 581	21,0	16 460	33,3	7 522	26,0	2 107	32,8
1825	29 328	14,0	13 315	20,9	6 629	24,6	2 903	35,1

За эти 55 лет при общем незначительном изменении абсолютной численности группы посессионных рабочих резко понизился их удельный вес. Так, в среднем по обрабатывающей промышленности посессионные рабочие составляли в 1770 г. 58,5%, а в 1825 г.—14%. Соответствующие показатели для суконной промышленности—65,4 и 20,9%.

Накануне крестьянской реформы в действующих посессионных предприятиях было учтено 17,6 тыс. рабочих, что составило около 3% общей численности рабочих обрабатывающей промышленности этого периода.

Наиболее полные данные о численности приписных и покупных при фабриках и заводах обрабатывающей промышленности были опубликованы в табели № XVII к отчету министерства внутренних дел за 1804 г., в «Ведомости о количестве состоявших в 1804 г. при фабриках и заводах приписных и покупных мужеска пола людей». Существенные показатели из этой «Ведомости» в сводном виде приведены в следующих таблицах (см. табл. на стр. 60).

В 1804 г. на 130 фабриках и заводах было учтено 15 994 приписных и 22 931 покупной. Основная масса рабочих рассматриваемой группы приходилась на суконные (17 тыс.) и полотняные фабрики (11,3 тыс. человек).

Число приписных и покупных рабочих на фабриках и заводах обрабатывающей промышленности в 1804 г.

Производства	Число фабрик и заводов	Число приписных	Число покупных	Всего
Все производства	130	15 994	22 931	38 925
В том числе:				
суконные фабрики	23	12 426	4 567	16 993
полотняные »	43	1 498	9 820	11 318
шелковые »	13	744	2 941	3 685
бумажные »	19	488	3 050	3 538
игольные »	3	749	1 006	1 755
стеклянные заводы	9	58	764	822
ситцевые и кумачные фабрики	4	—	401	401
кожевенные заводы	2	—	257	257

Приводим также соответствующие данные по отдельным губерниям, в которых более значительно представлены были посессионные фабрики и заводы:

Губернии	Число фабрик и заводов	Число приписных	Число покупных	Всего
Все губернии	130	15 994	22 931	38 925
В том числе:				
Курская	1	8 614	332	8 946
Московская	35	1 629	4 500	6 129
Рязанская	12	521	4 475	4 996
Калужская	14	1 381	2 917	4 298
Ярославская	7	4	2 857	2 861
Воронежская	7	426	1 912	2 338
Владимирская	8	34	1 789	1 823
Казанская	1	1 225	377	1 602
Малороссийско-Полтавская	1	1 467	—	1 467
Тульская	3	—	1 123	1 123
Костромская	8	—	691	691
Тамбовская	6	183	378	561
Симбирская	2	26	353	379
Орловская	3	23	294	317

В четырех губерниях центрального района—Курской, Московской, Рязанской и Калужской—в 1804 г. было учтено свыше чем по 4 тыс. приписных и покупных в каждой.

Насколько значительны были по размерам посессионные фабрики и заводы к началу XIX в., можно судить по ряду показателей. В среднем на одно предприятие приходилось почти 300 человек; в суконной промышленности этот показатель достигал 740 человек.

Группировка посессионных фабрик и заводов обрабатывающей промышленности в 1804 г. по числу рабочих

Группы предприятий по числу приписных и покупных рабочих	Число предприятий		Число приписных и покупных рабочих	
	абсолютно	в % к итогу	абсолютно	в % к итогу
До 50 приписных и покупных . . .	53	40,8	959	2,5
51—100 приписных и покупных . .	16	12,3	1 191	3,1
101—200 » » »	17	13,1	2 457	6,3
201—500 » » »	24	18,4	6 956	17,8
501—1 000 » » »	11	8,5	7 037	18,1
Свыше 1 000 » » »	9	6,9	20 325	52,2
Итого . . .	130	100,0	38 925	100,0

Таким образом, в 44 посессионных фабриках и заводах с числом рабочих свыше 200 человек было учтено 88% общей численности приписных и покупных рабочих.

Дополнительно приводим также данные о числе приписных и покупных на крупнейших предприятиях в 1804 г.

Название производства, губернии и владельца	Число приписных	Число покупных	Всего
Суконное, Курская, супруги графа Потемкина	8 614	332	8 946
Полотняное, Ярославская, колл сов. Яковлева с бр.	—	1 928	1 928
Суконное, Казанская, колл. сов. Осокина	1 225	377	1 602
Игольное, Рязанская, колл. сов. Хлебникова	521	966	1 487
Суконное, Малороссийско-Полтавская, кн. Юсупова	1 467	—	1 467
Полотняное, Калужская, колл. ас. Гончарова	1 281	166	1 447
Полотняное, Рязанская, колл. ас. Хлебникова	1 298	—	1 298
Бумажное, Московская, колл. сов. Губина .	—	1 112	1 112
Суконное, Воронежская, колл. сов. и капитана Тулиновых	219	819	1 038

Все эти данные свидетельствуют о значительной концентрации в группе посессионных фабрик и заводов к началу XIX в., хотя необходимо отметить, что в числе приписных и покупных учитывались не только рабочие.

Вследствие недостаточной выгодности применения труда посессионных рабочих в 30-х и 40-х годах XIX в. владельцы посессионных фабрик обращались с ходатайствами об освобождении прикрепленных к фабрикам рабочих.

Характерной в этом отношении явилась записка 1837 г. к министру финансов фабрикантов Московской губернии—губернии со сравнительно передовой техникой и в которой вольнонаемный труд уже был весьма значительно представлен[1]. Ввиду существенного интереса указанной записки мы приводим ее вводную часть:

«Записка о неспособных посессионных фабричных»

Вашему сиятельству небезызвестно, что посессионные фабрики, бывшие прежде рассадниками, в которых образовывались мастера для многих отраслей рукодельной промышленности, соделались в текущем столетии тягостными как для владельцев посессионных фабрик, так и для фабричных производств вообще, изменившихся совершенно против прежнего улучшениями механики и химии. В то время, когда в России не было еще ни ремесл, ни искусств, один только навык в деле фабричном был уже достаточен для определения достоинства фабричного, и тогда посессионные мастеровые конечно имели преимущество перед вольными тем, что занимались исключительно мануфактурным делом и, оставаясь чуждыми грубым трудам хлебопашества и сельского хозяйства, были способнее вольных; но со времени водворения машин в области мануфактур и замены прежней ручной способности автоматным действием механики, требуется уже от хорошего мастерового не одной ловкости ручной, но и ловкости и способности умственной. Обязанность владельцев посессионных фабрик занимать исключительно фабричным делом всех приписных к их заведениям крестьян и без изъятия без различия способных от неспособных, порождает ныне большие затруднения, и нередко случается, что фабрикант единственно для исполнения сей тягостной обязанности жертвует временем и материалом для занятия мастерового, неумеющего и неспособного, от какового пожертвования владельцы вольных фабрик освобождены, следовательно, не терпя этих убытков, пользуются большим против посессионных фабрикантов преимуществом. Плохие мастеровые, удаляемые с вольных фабрик, составляют вечное бремя посессионных заведений.

Посессионные фабричные, обеспеченные по законоположению нашему, всем, их состоянию необходимым, умножаются с каждым годом и весьма заметно их нерадение к фабричному делу, ибо, зная обязанность владельцев доставлять им способы и пропитания, не обучают даже детей своих, а предоставляют эту обязанность фабриканту».

В статье также указано, что в результате последовавшего обсуждения в Государственном совете вопроса о посессионных фабриках стали удовлетворяться в 40-х и 50-х годах ходатайства фабрикантов.

Приведя ряд данных о количестве освобожденных рабочих посессионных фабрик, М. Б. (автор статьи) на основании архивных материалов Государственного совета утверждал: «Ко времени крестьянской реформы действующих посессионных предприятий (исключая горных) насчитывалось 44, при которых числилось 26 206 душ муж. пола»[2].

Если распространить на все действующие посессионные предприятия (исключая горные) то соотношение между рабочими и приписными мужского пола, которое было в крупнейшей суконной мануфактуре, находившейся в Курской губернии[3], то можно опре-

---

[1] «Исторический архив» № 1, изд. Академии наук, 1936, стр. 269—270.

[2] Там же, стр. 268.

[3] «Состояние фабрик и заводов Курской губернии в 1828 г.», «Журнал мануфактур и торговли», 1829, стр. 24—25.

делить, что общая численность рабочих обрабатывающей промышленности, занятых в посессионных предприятиях, в 1860 г. равнялась 17,6 тыс. человек.

Уже с 60—70-х годов XVIII в. определился рост численности группы крепостных рабочих в обрабатывающей промышленности. Но по своей абсолютной численности наиболее значительный прирост крепостных рабочих приходился на период 1804—1825 гг.

Производства	Численность помещичьих (крепостных) рабочих			
	абсолютно		в % к общему числу	
	1804 г.	1825 г.	1804 г.	1825 г.
Всего по учтенным производствам .	19 375	66 725	20,6	31,7
В том числе:				
суконное	10 778	38 538	37,6	60,6
стальное, железное и чугунное	2 099	14 820	50,9	66,0
хрустальное и стеклянное . . .	1 347	3 664	34,2	63,6
писчебумажное	2 140	3 350	35,9	39,2
полотняное	1 402	1 483	5,9	5,5
поташное	456	1 162	97,2	52,5
шелковое	393	658	4,3	6,1

Одновременно за эти годы (1804—1825) сравнительно значительно повысился также и удельный вес рассматриваемой группы рабочих: в среднем по учтенным производствам с 20,6 до 31,7% и в частности по суконной промышленности—с 37,6 до 60,6%.

П. И. Лященко следующим образом характеризует общие условия развития крепостной фабрики: «Это была помещичья мануфактура, работавшая исключительно на крепостном труде принадлежащих помещику крестьян и преимущественно на сырье, получаемом из его имений... Материальной базой для развития таких предприятий являлась наличность свободных и «даровых» рабочих рук, особенно не занятых зимой, и наличность сырья—льна, пеньки, шерсти, кожи, зерна и пр.,—которое было более выгодно сбывать в переработанном виде»[1].

В следующей таблице, по данным трех отраслей промышленности, в которых крепостные рабочие были сравнительно значительно представлены, можно более отчетливо проследить развитие крепостной фабрики и связанное с этим повышение удельного веса этой группы рабочих.

В связи с развитием купеческой мануфактуры и наметившимися процессами применения машин в ряде отраслей промышленности к периоду крестьянской реформы уже в значительной степени понизился процент крепостных рабочих (см. табл. на стр. 64).

[1] *П. И. Лященко*, Экономическое развитие России в XIX и в начале XX вв. Энциклопедический словарь Граната, т. 36, ч. IV, стр. 70.

Годы	Число крепостных рабочих					
	в суконной промышленности		в стеклянной и хрустальной промышленности		в писчебумажной промышленности	
	абсолютно	в % к общей численности рабочих	абсолютно	в % к общей численности рабочих	абсолютно	в % к общей численности рабочих
Около 1770 . .	3 565	14,4	89	11,1	96	12,6
» 1804 . .	10 778	37,6	1 347	34,2	2 140	35,9
» 1814 . .	20 326	41,0	3 304	57,5	3 015	39,1
» 1825 . .	38 588	60,6	3 664	63,6	3 350	40,5
» 1861 . .	40 824	34,0	4 622	40,3	4 720	36,9

Таким образом, материалы 1825 г. свидетельствуют о наиболее высоком проценте группы крепостных рабочих. К этому году группа крепостных рабочих повысила свой удельный вес в суконной промышленности до 60,6% и в стеклянной и хрустальной до 63,6% общей численности рабочих. Соответствующие показатели к 1860 г. понизились до 34,0 и 40,3%. Это явилось результатом того, что при интенсивном росте общей численности рабочих за 1825—1860 гг. группа крепостных рабочих в указанных трех отраслях промышленности лишь в незначительной степени изменила общую численность.

А. Шабаловым в «Архиве истории труда в России» была опубликована «ведомость фабрик и заводов в *помещичьих имениях* с указанием числа крепостных людей, работавших в этих предприятиях за задельную плату или в виде барщины»[1]. Эта ведомость, относящаяся к 1861 г., была составлена на основании материалов министерства финансов. Согласно указанной ведомости в 1861 г. общее число крепостных людей, занятых на фабриках и заводах в помещичьих имениях, достигало 59 375 человек. На основании этой ведомости 1861 г. нами составлены две нижеприведенные таблицы (см. табл. на стр. 65).

Преобладающая масса крепостных рабочих (40,8 тыс.) была занята на суконных фабриках[2]. Если к этому производству при-

[1] «Фабрично-заводские предприятия в помещичьих имениях», сообщил А. Шабалов, «Архив истории труда в России», кн. III, П. 1922, стр. 148—150.

[2] Существенный интерес представляют замечания А. Н. Путилова («Материалы для истории фабрично-заводской промышленности Ульяновской губернии», 1928, стр. 5) об условиях развития крепостной суконной промышленности в указанной губернии, где она была значительно представлена:

«Возникновению и развитию суконной промышленности в Симбирской губ. благоприятствовали следующие условия: здесь был центр поместного дворянства, располагавшего громадным количеством даровых работников. Суконные фабрики обеспечивались сбытом в казну, что избавляло от многих коммерческих хлопот, несвойственных нашему дворянству. Симбирская губ. в начале прошлого столетия имела обширные пастбища и

соединить писчебумажное, стеклянное и хрустальное, то в указанных производствах было занято около 85% общей численности крепостных рабочих.

Число крепостных рабочих на фабриках и заводах в помещичьих имениях в 1861 г. по производствам

Производства	Число фабрик и заводов	Число рабочих
Всего рабочих	381	59 375
В том числе по производствам:		
суконное	129	40 824
писчебумажное	46	4 720
стеклянное и хрустальное	67	4 622
железное, чугунное, механическое и медное	31	1 404
кожевенное	27	1 005
полотняное и льнопрядильное	15	413

В общем помещичьи фабрики по своим размерам были крупные. Так, в среднем на одно предприятие приходилось 150 рабочих, в суконной промышленности—316 рабочих.

О распределении помещичьих фабрик по отдельным губерниям можно судить по следующим данным:

Число крепостных рабочих на фабриках и заводах в помещичьих имениях в 1861 г. по губерниям

Название губерний	Число фабрик и заводов	Число рабочих	Название губерний	Число фабрик и заводов	Число рабочих
Всего рабочих	381	59 375	Тамбовская	11	1 877
В том числе:			Пермская	9	1 872
			Черниговская	26	1 618
Симбирская	32	9 131	Рязанская	7	1 558
Пензенская	29	8 588	Харьковская	10	1 478
Самарская	17	5 617	Волынская	29	1 462
Саратовская	14	4 247	С.-Петербургская	5	1 351
Московская	9	3 097	Киевская	12	1 292
Орловская	20	3 072	Полтавская	13	1 216
Владимирская	16	2 048	Курская	5	1 002
Нижегородская	9	1 897	Казанская	4	932

Преобладание суконных фабрик в рассматриваемой группе в значительной степени определило распределение помещичьих фабрик и по отдельным губерниям.

большое число овец, кроме того она граничит со степными губерниями, и доставка шерсти оттуда при гужевом транспорте для симбирских фабрикантов требовала меньших издержек, чем для предпринимателей центральных губерний».

Но если просмотреть производства, по которым указана численность крепостных рабочих, в ведомости, составленной А. Шабаловым, то в ней отсутствуют данные в отношении двух групп производств, в которых труд крепостных рабочих был весьма значительно представлен, а именно свеклосахарной и винокуренной. И для того чтобы определить общее количество крепостных рабочих на фабриках и заводах (без горнозаводской промышленности) накануне крестьянской реформы, необходимо к 59,4 тыс. крепостных рабочих, указанных в ведомости А. Шабалова, прибавить численность крепостных рабочих в свеклосахарной и винокуренной промышленности.

В свеклосахарной промышленности согласно ведомости Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1860 г. было занято 64,7 тыс. рабочих. К. А. Пажитнов [1] на основании ряда данных утверждает, что две трети из них были крепостными. К. Г. Воблый в своей специальной работе по истории свеклосахарной промышленности отчасти оспаривает эти расчеты. Он указывает, что «решающее влияние на удельный вес крепостных должна оказывать Киевская губ., выделявшаяся большим числом свеклосахарных заводов. В Киевской губ. коммерческие заводы, использовавшие по преимуществу только наемный труд, стали возникать в конце 40-х и в 50-х годах»[2]. Поэтому К. Г. Воблый полагает, что данные 40-х годов, которые были использованы К. А. Пажитновым, не вполне показательны и для периода накануне крестьянской реформы. Поэтому, считая правильным указание К. Г. Воблого, можно принять удельный вес группы крепостных в отношении общего числа рабочих свеклосахарной промышленности в 50%, тогда группа крепостных рабочих в этой отрасли промышленности может быть исчислена в 32,3 тыс. человек.

В отношении винокуренной промышленности мы в ряде исследований встречаем указания, что в этой отрасли промышленности почти исключительно работали крепостные рабочие. Так, К. А. Пажитнов утверждает, что процент вольнонаемных рабочих на винокуренных заводах был незначителен, и приводит следующие данные: «На винокуренных заводах,—говорится в описании Екатеринославской губернии,—работники состояли исключительно из крепостных помещичьих людей. Из них небольшая часть находилась на заводах постоянно и причислялась к дворовым людям; остальные наряжались по дням на барщину. Плата этим людям в помещичьих имениях почти не производилась, так как труд их был обязателен....

В Киевской губернии Журовский также относит все 6 тыс. рабочих, занятых в винокуренном производстве, в группу крепостных»[3].

---

[1] *К. А. Пажитнов*, Очерки по истории рабочего класса на Украине, стр. 29.

[2] *К. Г. Воблый*, Опыт истории свеклосахарной промышленности России, т. I, М. 1928, стр. 248.

[3] *К. А. Пажитнов*, Очерки по истории рабочего класса на Украине, стр. 29—30.

Поэтому представляется возможным отнести все 26 тыс. рабочих винокуренной промышленности к группе крепостных, и, следовательно, общая численность крепостных на фабриках и заводах (без горнозаводской промышленности) в период, непосредственно предшествующий крепостной реформе, может быть исчислена в 117—118 тыс. человек, причем рабочие свеклосахарной и винокуренной промышленности в своем большинстве были сезонными и на заводской работе были заняты лишь в течение сравнительно незначительной части года.

Приведем ряд конкретных данных в отношении рассматриваемой группы фабричных рабочих. В описании Рязанской губернии были опубликованы сведения о составе рабочих суконных фабрик, которые в общем являются характерными для группы помещичьих крестьян, постоянно занятых на фабричной работе:

«На всех суконных фабриках считается 3 329 человек мужеского и женского полов, взрослых и детей, из них не более 500 человек вольнонаемных, прочие все крепостные, работающие на барщинных положениях. Они разделяются на разряды; мужчины бывают ткачи, присучальщики, настильщики, прядильщики, ровнильщики и шпульники; женщины: присучальщицы, переборщицы, прядильщицы и узельщицы. Число рабочих изменяется смотря по степени производства на фабриках; но *работники должны быть постоянные, полевою работою они уже не занимаются* и, разве только для сенокосов, дается им свободное время. Жалованье получают они помесячно, поденно или задельную плату. Более других получает ткач и ровнильщик, а самое меньшее присучальщица и переборщица»[1].

Соответствующие указания мы встречаем также в ряде работ. Так, М. И. Туган-Барановский в статье «Крепостная фабрика» писал: «При устройстве фабрики помещики иногда свозили своих крепостных рабочих из нескольких окрестных сел и часть этих подневольных поселенцев помещали в фабричных казармах и занимали их исключительно фабричной работой, часть поселяли по близости от фабрики и давали в их распоряжение небольшое количество земли.

Так, например, в Можайском уезде в 20-х годах была устроена кн. Гагариным бумагопрядильня, в которой работало свыше 1 000 рабочих крепостных из 12—15 окрестных деревень. В том же уезде была основана в 40-х годах гр. Уваровым суконная фабрика с 1 000 человек крепостных рабочих»[2].

Приведем еще одну характерную иллюстрацию из текстового обзора Ф. Ф. Эрисмана материалов обследования фабрик Московского уезда, произведенного в 1880—1881 гг.:

«Самой типичной из вотчинных фабрик Московского уезда бесспорно были теперешняя бумагопрядильная фабрика Третьяковых при сельце Горенках Пехорской волости. Она устроена в бывшем дворце кн. Разумовских, дворянином Н. А. Волковым, купившим в 1828 г. здания дворца, вместе с землей, для устройства фабрики. Нуждаясь в рабочих руках, он привез сюда значительное количество взрослых работников и много мальчиков из других своих имений, бывших расположенными в 7-ми центральных губерниях: Рязанской, Костромской, Тверской, Смоленской, Тульской и пр. Часть этих невольных переселенцев были помещены на самой фабрике, остальным же помещик отвел для поселения небольшой участок земли, на расстоянии $1^1/_2$ в. от фабрики, теперешняя дер. Николаевка. Не подлежит сомнению, что, отрывая этих крестьян от земли и употребляя их исключительно для работы на фабрике, Волков положил основание фабричному пролетариату, работающему и в настоящее время на Горенской мануфактуре и не имеющему другого источ-

---

[1] «Материалы для географии и статистики России», Рязанская губ. Сост. М. Баранович, СПБ 1860, стр. 270—271 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] «Великая реформа», т. III, М. 1911, стр. 145—146.

ника пропитания, так как и Положением 19-го февраля эти крестьяне были оставлены при нищенском наделе (50 десятин на 37 дворов)»[1].

В работе И. И. Игнатович сгруппированы следующие существенные материалы о положении группы крепостных рабочих:

«Но был еще разряд барщинников, положение которых было несравненно тяжелее, которые еще больше зависели от произвола помещика при работе, требующей большей напряженности. Мы говорим о фабрично-заводских крестьянах. Эта группа крестьян была поставлена несравненно хуже других уже по самым условиям труда на фабриках и заводах. Здесь рабочий находится под постоянным присмотром, вся работа его была на виду. Жизнь рабочего могла быть строго регламентирована...

По способу отработки крестьяне занимали различные положения. На некоторых фабриках работа производилась «брат на брата», т. е. крестьяне разделялись на две смены, поочередно работавшие на фабриках. Здесь фабричная работа производилась, как и всякая другая барщина. На некоторых фабриках крестьяне отпускались на два месяца в году для сенокоса и уборки хлеба. Положение этих крестьян было все же лучше, чем положение фабрично-заводских «месячников». «На некоторых помещичьих фабриках,—говорит Заблоцкий-Десятовский,—работают месячники без всякой заработной платы; сверх того, им задаются уроки, за неисполнение коих следует взыскание.... Один помещик завел в Нижегородской губ. суконную фабрику и уничтожил большую часть крестьянской запашки. Мужики переведены частью на месячину, частью на запашку и работают каждый день. Они не привыкли к работе, дело отправляют худо, их наказывают. Не выполнившего урок секут и сажают в воскресенье на работу. По отзывам соседей все эти люди, точно вышедшие из тюрьмы. Многие находятся в бегах». Зачастую помещики назначали плату крепостным, но эта плата была обыкновенно ниже платы вольнонаемному... Крестьяне с ужасом говорили об этих заведениях; они говорили: «в этой деревне есть фабрика», с таким выражением, как если бы они хотели сказать: «в этой деревне есть чума».

Положение этих фабричных рабов было тем ужаснее, что законодательство совершенно не регулировало его»[2].

До каких исключительных пределов доходила эксплоатация крепостных рабочих, можно судить по материалам следственной комиссии, образовавшейся в начале 1820-х годов в результате жалобы крестьян помещицы Брискорн на их тяжелое положение:

«Особенно печально было положение крестьян г-жи Брискорн, обращенных в рабочих на суконных фабриках. Целые семейства брались на фабрику и работали на ней постоянно; у некоторых при этом отбирали их домашнюю собственность, в том числе и скот. Брали также на фабрику обедневших крестьян, чле-

---

[1] *Ф. Ф. Эрисман*, Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда, ч. I. Сборник статистических сведений по Московской губернии, т. III, вып. IV, М. 1882, стр. 106.

[2] *И. И. Игнатович*, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, изд. 3-е, 1926, стр. 181—185.

нов семейств, в которых были беглые, и вообще в виде наказания. Всего фабричных было 392 чел., в том числе 91 чел. детей 12 лет и менее, из которых не работало только 13 чел. Им давали весьма плохую пищу: хлеб из непросеянной муки, в щи на всех клали 10 ф. говядины, иногда несвежей; каши давали крайне мало. Одежда и обувь у некоторых была своя, другие получали ее от экономии, но шуб не полагалось. У фабричных, которым было назначено жалованье, за харчи и одежду полагался вычет, вследствие чего почти никому денег на руки получать не приходилось. Особых помещений для рабочих устроено не было; лишь немногие имели ночлег на селе, а остальные ночевали на фабрике без различия пола и возраста: проводить ночь на открытом воздухе не позволялось из опасения побега. Работа производилась по урокам—с весны до осени при дневном свете, а в остальное время до 10—11 часов ночи и даже позднее. Здесь так же, как и при постройках, работали и подвергались побоям беременные женщины; матерей не отпускали с работы даже в виду смерти их ребенка. Лечение изувеченных на фабричных и других работах (их было 26 человек) было поручено двум дворовым, которые не имели никаких медицинских знаний и иногда приносили больным прямой вред. За побег самих виновных или их родных содержали в оковах. Фабричным и другим крепостным иногда надевали на шею железные рога. Одну женщину истязали, подозревая в том, что она ведьма; телесные наказания производились иногда даже кнутом, обвитым проволокой. Некоторые умирали очень скоро после наказания. Понятно, что крестьяне г-жи Брискорн бежали порозно и семьями.

В 1820 г. суконная фабрика, устроенная за два года перед тем, была переведена в каменное здание, совершенно сырое, вследствие чего среди рабочих начались болезни и смертность; в полтора года умерло 122 человека» [1].

В течение всего рассматриваемого периода и даже к концу его, в котором уже преобладающим являлся вольнонаемный труд, существовала сравнительно значительная группа так называемых «кабальных» рабочих. Приводим отдельные иллюстрации относительно указанной группы рабочих.

Так, А. В. Погожев в уже цитированной нами статье «Вотчинные фабрики и их фабричные» отмечает эту своеобразную группу рабочих:

«К числу вотчинных и посессионных фабричных, судя по сохранившимся на местах в некоторых уездах Московской губернии (Можайский, Дмитровский и др.) историческим преданиям, следует отнести также особый вид «кабальных» фабричных, представляющих оригинальный способ применения оброчной системы.

Из рассказов различных лиц выяснилось именно, что в Можайском уезде, кроме вотчинных фабричных, встречался также тип *подневольных* рабочих из среды кабальных крестьян, т. е. таких, которых помещики отдавали «в кабалу» в ближайшие вотчинные и другие фабрики, получая за каждого рабочего около 25 руб. в год. Такая система отдачи крепостных крестьян, которые почему-либо не могли заработать бóльшего оброка на стороне, практиковалась весьма многими помещиками вблизи суконной фабрики Пушкина, Орфоно, кн. Гагарина и др. В особенности этим была известна бывшая владелица с. Красновидова Кукаринской волости Можайского уезда, заключившая, как говорят, особые условия

[1] Статья В. И. Семевского в сборнике статей «Крестьянский строй», П. 1905, стр. 197—198.

относительно этого с французом—главным управителем княжеской фабрики в сельце Марфин-Брод.

Далее на Вознесенской мануфактуре Морозовской волости Дмитровского уезда семь спальных корпусов для рабочих до сих пор известны под общим весьма характерным названием «кабальных», причем каждый из них носит особое прозвище по фамилиям тех помещиков, крепостные которых были в прежнее время отдаваемыми в «кабалу» на «новенький завод» и помещались в отдельных спальнях, ныне весьма обветшавших и годных лишь на слом. Так, известны казармы Брокирская, Корская, Шепелевская, Колпаковская и др.»[1].

И. Фундуклей, указывая, что в 1846—1847 гг. на сахарных заводах Киевской губернии было занято «рабочих мужского пола 6 802 и женского 3 308 и полурабочих мужского пола 1 147 и женского пола 670 душ», сообщает следующие интересные данные об условиях найма рабочего состава в сахарной промышленности: «Во многих заводах нужное число рабочих набирается из крестьян собственных заводчиков имений, а в уездах, имеющих меньше сахарных заводов, недостающее число рабочих без затруднения дополняется вольнонаемными; но в Черкасском уезде, в котором, как видели мы выше, заводы требуют почти половины общего числа рабочих, недостаток людей всегда был чувствителен, и несмотря на большую плату, невозможно их было набирать на месте. Это заставило Смелянские заводы, требующие значительнейшего числа рабочих, нанимать их в других губерниях, в Полтавской, Могилевской и Минской, чтобы не иметь в заводах остановки. *Наем рабочих всегда делается по условиям, заключенным с помещиками их*, по которым обеспечивалось, с одной стороны, содержание и плата людям, а с другой—аккуратность в присылке рабочих и надзора за их исправностью»[2].

В значительных размерах применялся также труд кабальных рабочих на постройке первых русских железных дорог. В. Крутиков в статье «Положение рабочих на постройке Петербургомосковской железной дороги (1843—1851 гг.)», указав, что снабжение строительства рабочими производилось подрядчиками, писал:

«Подрядчики, как было отмечено, хорошо знали, где раздобыть рабочую силу. Неурожайные, либо испытавшие те или иные бедствия районы были наилучшим полем жатвы для них. Также хорошо они знали, где какую рабочую силу им искать. Западные губернии (Витебская, Могилевская, Смоленская и Псковская) давали наибольшее количество рабочих для земляных работ. Западные губернии притягивали внимание подрядчиков и тем, что там сохранялось еще за помещиками право отдавать любых из своих крестьян на работы по подрядам. В остальной России в эти годы на работы могли быть направляемы лишь одни недоимщики.

[1] «Вестник Европы», т. IV, 1889, стр. 22—23.

[2] *И. Фундуклей*, Статистическое описание Киевской губернии, ч. III, П. 1852, стр. 78 (курсив наш.—*А. Р.*).

Поскольку таковых в стране было достаточное количество, то на земляных работах встречались крестьяне из различных мест, отстоящих иногда за *несколько сот километров* от места строительства»[1].

* * *

В горнозаводской промышленности, как было уже указано, в течение всей крепостной эпохи был представлен почти исключительно крепостной труд. Но условия, при которых формировался рабочий состав в рассматриваемой отрасли, были весьма разнообразны. К характеристике основных процессов формирования и условий труда в горнозаводской промышленности мы и переходим.

Наиболее многочисленную группу, роль которой в начальный период развития горнозаводской промышленности была значительна, составляли приписные к заводам крестьяне.

В. И. Семевский приводит детальные данные о процессах формирования и росте численности горнозаводских крестьян. Указанную группу он определяет так: «...горнозаводские или приписные к горным заводам крестьяне составляли в прошлом столетии часть государственных крестьян, но отличались от них тем, что не уплачивали своих податей деньгами, а обязаны были отрабатывать эти подати (или, по крайней мере, часть их) на казенных и частных заводах за определенную плату»[2]. Не останавливаясь на данных, относящихся к XVII и начальным годам XVIII в., мы на основании материалов В. И. Семевского составили следующую таблицу о росте численности горнозаводских крестьян за период 1719—1796 гг.

Динамика численности приписных к горным заводам крестьян в XVIII в.

Даты	Число приписных крестьян		
	к казенным заведениям	к частным заведениям	всего
1719 г.	—	—	31 383
По второй ревизии в 1741—1743 гг.	63 054	24 199	87 253
» третьей ревизии в 1762 г.	99 300	43 187	142 487
» четвертой ревизии в 1781—1783 гг. . . .	209 554[3]	54 345	263 899
» пятой ревизии в 1794—1796 гг.	241 253	70 965	312 218

С 1719 г. до пятой ревизии (1794—1796 гг.) численность рассматриваемой группы повысилась с 31,4 тыс. до 312,2 тыс. человек. На все даты резко преобладающую группу среди горнозаводских крестьян составляли приписные к казенным заводам.

---

[1] «Красный архив» № 4, 1937, стр. 43.

[2] *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, СПБ 1901, стр. 304—305.

[3] В том числе к казенным пермским заводам приписано было 99 917 душ.

С. П. Сигов, характеризуя группу приписных крестьян, занятых на уральских заводах в XVIII в., указывает: «На Урале «приписка» приобретает совершенно исключительный размах, причем утрачивается всякое соответствие между получаемым вознаграждением и выполняемой работой и в значительной степени стирается самая грань между положением «приписных» и крепостных крестьян. Помимо казенных заводов, где вспомогательные работы базировались на труде «приписных» и для выполнения заводских работ в заводские мастеровые переводились те же государственные крестьяне, в чрезвычайно широких размерах «приписка» практиковалась и по отношению к частным заводам... При весьма высоких нормах отработки, огромном влиянии и значительной независимости заводовладельцев от административно-судебных органов и фактическом бесправии населения, положение «приписных» было в достаточной степени тягостным и зачастую лишь немногим отличалось от положения заводских крепостных, не говоря уже о неоднократно производившихся с разрешения правительства или практиковавшихся самовольных перечислениях «приписных» в разряд постоянных рабочих»[1].

В то время как в первые десятилетия XVIII в. на Урале определенно ощущался недостаток рабочих, к концу этого столетия, когда темп развития металлургии в этом районе в силу ряда причин замедлился, недостатка в рабочей силе уже не было. Так, П. Г. Любомиров, характеризуя строительство новых заводов в этом районе в конце XVIII в., писал: «На Урале было уже достаточно рабочей силы, ищущей применения вне пределов своего хозяйства или не имеющего его совсем. Население Пермского края росло в эту пору довольно быстро»[2]. В доказательство последнего обстоятельства П. Г. Любомиров приводит соответствующие данные по материалам третьей и четвертой ревизий.

Н. Б. Бакланов, отметив, что «...в начале развития горнозаводской промышленности, пока население Урала было очень редко, рабочих рук нехватало, и с рабочими, как с постоянными мастеровыми, так и временными, обращались довольно осторожно», о положении рабочих на уральских заводах в последующие годы писал: «По мере заселения Урала, прилива к заводам рабочих, орабочения местного коренного населения: башкир, вогулов, положение начинает изменяться... Чернорабочих же из приписных крестьян начинают эксплоатировать беспощадно, применяя их не только для заводской работы, но и для работы на самого заводчика, наравне с крепостными; увеличивают сроки их работы на заводе настолько, что им становится невозможно обрабатывать свои земельные участки, перегоняют их на заводские работы за сотни верст без оплаты за время перехода. Особенно обострилось положение в середине XVIII в., после раздачи казенных заводов

[1] *С. П. Сигов*, Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, Свердловск, 1936, стр. 39.

[2] *П. Г. Любомиров*, Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности, Л. 1937, стр. 187.

в частные руки, так как новые вельможные владельцы заводов, смотря на них лишь как на доходную статью, поручали своим приказчикам управление заводами и выколачивание из них максимальной прибыли, мало заботясь о том, как будет получена эта прибыль. Вслед за ними многие заводчики из купечества стали так же относиться к своим заводам»[1].

В особенности тяжело отзывалась на положении крестьян приписка их к заводам, расположенным на значительном расстоянии от их деревень. Нередко передвижения на место работы и обратно отнимали гораздо больше времени, нежели самая работа для завода. Приведем ряд характерных иллюстраций.

В «Наказе Чердынского уезда разных станов от приписных к партикулярным заводам государственных черносошных крестьян» указано: «А оные Петропавловские и Туринские заводы от наших приписных жительств состоят не меньше: от дальных шести, и от ближних пяти сот верст. В хождении же нам на завод для заводских работ за прохожие дни никакой платы не производится. А ходим на завод в летнее и зимнее время дальные по четырнадцати и по шестнадцати, а ближние по двенадцати и более дней, как вперед, так и обратно, а скорее того никак дойтить невозможно. И за тем дальным расстоянием в заводскую работу, в апреле, мае, июне месяцах, и за бытием в заводских работах и за неотпуском в домы наши к посеву ярового и приготовлению для посева-ж озимого хлеба и пахоты наши запустели, и хлеба за недосевом, а паче за бытие в то время при заводских работах, великий недород бывает. И за тем пришли мы в крайнее разорение и нищету и дворы наши многие запустели» [2].

Н. К. Чупин в статье «О Богословских заводах и заводчике Походяшине» писал:

«В 1760 г., по сенатскому указу было приписано к заводам Походяшина, Петропавловскому и предположенному Богословскому, 4 200 душ крестьян Чердынского уезда на 10 лет, с тем, чтобы к концу этого срока Походяшин приобрел себе собственных крестьян.

Но в приписку попали селения, отдаленные от Богословских заводов (верст за 300 и 400), потому что более близкие уже были приписаны к Аннинскому заводу Чернышева (в нынешнем Осинском уезде). Крестьянам приходилось ходить на работы через места совершенно ненаселенные, через леса и болота и перебираться с одной стороны Уральских гор на другую. Понятно, что это не особенно радовало крестьян.

Несмотря на то, что для приписки и увещевания их послан был из Екатеринбурга капитан Метлин с командой, крестьяне не слушались и лишь с 1764 г. стали выходить на работы»[3].

В. И. Семевским во введении к работе «Крестьяне в царствование Екатерины II» дана следующая общая характеристика обязательных работ, выполняемых приписными к заводам крестья-

---

[1] *Н. Б. Бакланов*, Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, 1935, стр. 26—27.

[2] «Сборник Русского исторического общества», т. 115, П. 1903, стр. 294.

[3] «О Богословских заводах и заводчике Походяшине», «Сборник статей, касающихся Пермской губернии», вып. I, Пермь 1887, стр. 106.

нами, и их продолжительности: «Так как приписные крестьяне трудились за определенное вознаграждение, то продолжительность этой обязательной работы обусловливалась с одной стороны размером подати, а с другой—величиною платы за труд. В 1724 г. крестьянам было назначено следующее поденное вознаграждение: летом 10 к. за конную работу и 5 к. за пешую, зимою—6 к. за конную и 4 к. за пешую. Так как подати (до 1760 г.) состояли из 70 к. подушных и 40 к. оброчного сбора, то этот оклад пеший работник мог бы отработать в $3^1/_2$—4 недели, но каждый из них трудился не только за себя, а также и за все ревизские души, т. е. за стариков, малолетних и умерших после ревизии, и потому каждому взрослому крестьянину приходилось работать гораздо долее». Отметив ряд обстоятельств, усложнивших и вместе с тем в значительной степени увеличивших обязательные работы, как-то: превращение поденной платы в задельную, привлечение к работам крестьян, живших в далеком расстоянии от заводов, В. И. Семевский писал: «Крестьяне стали тратить много времени на путешествие, а между тем увеличилось и количество обязательных работ. Это зависело от того, что поденная плата за работу, назначенная указом 1724 г., не была повышена в течение 45 лет, а между тем подати в 1760 г. были увеличены с 1 р. 10 к. до 1 р. 70 к. с ревизской души, и, следовательно, приходилось работать на заводах в полтора раза более прежнего. Количество труда увеличивалось иногда вследствие того, что дозволялось заставлять крестьян зарабатывать и сверх назначенного количества податей (вполне определенно это было запрещено в 1779 г.)...

Что касается продолжительности работ, то, по свидетельству Геннина, в 1728 г. приписной взрослый крестьянин мог отработать приходившийся на его долю оклад (т. е. считая подати за стариков и малолетних) в 4 месяца»[1].

Вопрос об условиях ликвидации группы приписных крестьян в горнозаводской промышленности в 1807 г. был весьма подробно освещен в ряде работ. Ограничимся краткой характеристикой, приведенной в работе С. П. Сигова: «Из числа «приписных» были выделены так называемые «непременные работники» по 58 чел. на каждую тысячу приписных для частных заводов и в необходимом количестве для действия на казенных заводах. Эти «непременные работники» (в количестве около 18 тыс. чел.) отдавались заводам для постоянного выполнения заводских работ, с освобождением остальных бывших приписных крестьян от повинности по обслуживанию заводов.

Недостаточность того количества работников, которое оставалось у заводов, по преимуществу основывавшихся на труде «приписных», была компенсирована передачей некоторым из этих заводов дополнительного количества государственных крестьян и рекру-

---

[1] *В. И. Семевский*, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, СПБ 1901, стр. XIX—XX.

тов, в большей же части покупкой, или переводом на заводы собственных крестьян»[1].

Вторую и в общем основную группу рабочих горнозаводской промышленности, группу постоянно занятых на заводской работе, составляли «мастеровые и работные люди». Эта группа образовалась из весьма разнородных элементов. Отметим основные. Рекруты вместо военной службы направлялись на заводскую работу, условия которой для этого периода зачастую оказывались значительно более тяжелыми по сравнению с военной службой. Сыновья их были обязаны продолжать работу отцов на заводах. Беглые из помещичьих и иных крестьян, раскольники укрывались на горных заводах, к которым впоследствии их в значительном числе прикрепляли. И, наконец, группу мастеровых и работных людей пополняли также приписные крестьяне, посадские и др., попадавшие в кабалу к заводчикам.

О процессах образования группы мастеровых и работных людей на некоторых уральских заводах мы встречаем следующие конкретные указания в наказах в екатерининскую Комиссию в 1767 г. Так, в наказе Кунгурского уезда, Пермской провинции, от приказных служителей, мастеровых и работных людей, находящихся при медеплавильных заводах графа Чернышева, мы читаем: «Браны мы, именованные в силу именных указов, из черносошных пахотных государственных крестьян в рекрутские наборы для определения на военную службу. А в силу же указов из тех рекрутских наборов взяты и определены при разных Сибирских и Пермских казенных заводах к разным мастерствам. А иные взяты Сибирской и Казанской губерний гарнизонных полков из солдат, *и они к тому же к разным мастерствам определены с начала построения заводов, то-есть с 1722 г.* И рождающиеся у них и у нас мужеского пола душ дети, и определены и ныне определяются к тем же мастерствам и работам, где и находимся безотлучно»[1]. В наказе Кунгурского уезда от мастеровых и работных людей на Ягошихинском и Мотовилихинском заводах сказано: «Мы же, нижайшие, на оные ея императорского величества на службу браны из рекрутов, солдат, а иные из крестьянства в рекрутский зачет кроме воскресных и праздничных дней. Действительно при оных заводах, кто и какой работе нижайшие находились и ныне находятся». И далее: «У нас же, нижайших, берутся дети в те же ремесла, где мы находимся, по возрасту своему свыше пятнадцати лет, и производится жалованье по двенадцати рублев в год, и обращаются безотлучно к заводской работе, без всякого нам нижайшим отцам замены»[2].

Весьма существенные данные о тех своеобразных приемах, какими создавались подневольные рабочие кадры крупными уральскими заводчиками за рассматриваемый период, сообщает также Н. К. Чупин.

«Походяшин умел обратить часть приписных крестьян в постоянных своих работников: выдавал им хлеб, одежду, обувь, иногда деньги, в случае какой-либо надобности; все эти выдачи они обязывались заработать теми работами, в какие назначены будут, уже как бы по вольному найму. Забирая снова у заводчика хлеб и одежду, назначение цен которым зависело исключительно от заводского управления, многие крестьяне входили все более и более в долги Походяшину. Кончалось тем, что они попадали в полную безысходную к нему кабалу: никакого денежного расчета с ними уже не производилось, а только давали им пропитание и одежду.

---

[1] *С. П. Сигов*, Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, Свердловск 1926, стр. 43.

[2] «Сборник Русского исторического общества», т. 115, П. 1903, стр. 286 (курсив наш.—*А. Р.*).

[3] Там же, стр. 281—283.

Приказчики Походяшина, жившие в разных городах, нередко ссужали посадских и других вольных людей во время крайней нужды деньгами рублями десятью, двадцатью и более, обязавши их подписками заработать долг на заводах. Но раз попавши на заводы, эти люди постепенно также становились кабальными Походяшина. Такой же исход ожидал и неплательщиков податей, которых Сибирский губернатор Чичерин, сильно покровительствовавший Походяшину, отдавал ему на заработки, и ссыльных, которых Верхотурское уездное начальство отправляло на Богословские заводы.

Еще менее относительно расчетов за работы могли быть требовательны беглые и беспаспортные, которых не малое число постоянно находилось на Богословских заводах» [1].

В предыдущем изложении при характеристике динамики численности рабочих горнозаводской промышленности уже приводились данные о численности крепостных крестьян в этой отрасли промышленности. В основном указанная группа образовалась в результате насильственного переселения на Урал купленных крестьян из различных районов страны. Приведем дополнительные данные относительно этой значительной группы горнозаводских рабочих.

Так, характеризуя эту значительную группу горнозаводского населения—крепостных, купленных во внутренних губерниях России и переведенных заводчиками на уральские заводы, Р. Попов в статье «Горнозаводский Урал» писал: «...тысячи крестьян-земледельцев с развитием горного промысла на Урале отрывались от насиженных мест во внутренней России и переводились в дальний, пустынный еще в то время край с суровым климатом и безлюдной почвой и поселялись при заводах, где должны были приниматься за тяжелый, непривычный для них горнозаводский труд. В видах того же обеспечения горнозаводской промышленности рабочими руками правительство поощряло такую покупку крестьян, чтобы избежать отдачи казенных людей, нередко давало даже необходимые для этого средства и т. п. Даже после уничтожения общего права заводчиков покупать к заводам и фабрикам крепостных людей (1762 г.) Урал был поставлен в исключительное положение... Это крепостное население едва ли не было самым несчастным в среде горнозаводского населения: в то время как приписные крестьяне все-таки были местные жители и не отрывались окончательно от своей оседлости, беглые и раскольники шли на заводы в известном отношении по своей воле, крепостные крестьяне всегда поселялись против воли и приводились иногда из весьма дальних расстояний (например, из Малороссии)» [2].

Соответствующие весьма существенные указания содержатся и в работе В. Швецова и К. Петрова Из прошлого южноуральских заводов: «Есть некоторые сведения, что первые заводчики Твердышевы, Мясниковы, Масаловы, Лучинины, Строгановы вывезли крестьян на уральские заводы из центральных губерний России.

В докладной записке Каличева упоминается, что Мясников и Твердышев большую часть крестьян вывезли из губерний Рязанской, Тамбовской и Смоленской, покупая там «оных годных в работу как и порознь, так и семьями и деревнями...»

---

[1] «О Богословских заводах и о заводчике Походяшине», «Сборник статей, касающихся Пермской губернии», вып. I, Пермь 1882, стр. 109.

[2] «Отечественные Записки» № 12, 1874, стр. 330.

Судя по данным ревизии 1811 г., население Кусинского завода состояло из крестьян, переведенных сюда на вечное жительство из разных местностей. Здесь были крестьяне ветлужские, демидовские, мосоловские, тульские, чемодановские, графские, соткинские, миасские, златоустовские: по этой ревизии мужского населения числилось 1 125 человек, а женского 1 157»[1].

Мы привели ряд подробных данных для характеристики процессов формирования основных групп подневольного труда в горнозаводской промышленности. Но отмеченные различия отдельных групп горнозаводского населения при крепостническом строе и при исключительном влиянии заводчиков весьма часто в жизни не находили соответствующего отражения.

В. Белов, написавший по поручению уральских заводчиков «Исторический очерк уральских горных заводов», при характеристике положения рабочих горнозаводской промышленности Урала в царствование Николая I, отметив значительное различие в правах отдельных групп горнозаводских рабочих-крепостных, посессионных и других, был вынужден все же указать:

«Это существенное различие... в действительности имело слишком мало значения. Сила и влияние заводчиков сделали то, что как вечноотданные, так и непременные работники одинаково шли за крепостных; все роды закрепощения смешались так, что даже сами рабочие не знали, к какому разряду они собственно принадлежали»[2].

Весьма значительную группу среди промышленных рабочих России конца XVIII и первой половины XIX в. составляли рабочие казенных военных заводов—оружейных, пороховых, судостроительных и др. Ряд своеобразных моментов следует отметить относительно условий формирования их рабочего состава. В этом разделе о применении принудительного труда на фабриках и заводах приходится остановиться и на таком значительном источнике комплектования рабочих военных заводов, каким являлись рекруты. Приведем ряд соответствующих показателей.

В. Родзевич, характеризуя рабочий состав Петербургского арсенала к концу XVIII в., указывал: «Разница с петровскими временами заключалась лишь в том, что контингент мастеровых и рабочих уже не комплектовался «с бору да с сосенки», арестантами и каторжниками, но по общему рекрутскому набору из числа молодых, неспособных к строевой службе». В первые десятилетия XIX в., когда личный состав Арсенала составлял около 900 человек, состав его в основном пополнялся следующим образом: «Комплектование мастеровых Арсенала до штатного состава производилось несколько раз в году в общем порядке рекрутского набора... На службу в Арсенал набирались молодые люди от 19 лет, по возможности крепкого телосложения, из числа неспособных к фронту»[3]. В. Род-

[1] «Записки Златоустовского окружного общества краеведения», вып. II, Златоуст, 1927, стр. 27—28.

[2] *В. Белов*, Исторический очерк уральских горных заводов, II. 1896, стр. 69.

[3] *В. Родзевич*, Историческое описание С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования. 1712—1912 гг., СПБ 1914, стр. 108 и 214—215.

зевич отмечал также, что хотя должны были принимать преимущественно уроженцев Петербургской губернии, но по набору 1819 г. в общем составе нижних чинов Арсенала были уроженцы 38 губерний. Более значительно были представлены уроженцы следующих губерний: Петербургской—23,4%, Тульской—12,2, Ярославской—10,4, Смоленской—8,3 и Новогородской—6,6%.

По материалам, опубликованным в работе Я. Абрамова «Очерк крестьянского хозяйства в С.-Петербургском уезде», можно также проследить, за счет каких групп происходило в основном в первые десятилетия XIX в. комплектование рабочего состава такого крупного оружейного завода, каким являлся Сестрорецкий завод: «В 1808 г. завод снова был подвергнут переустройству. Увеличенное число рабочих, потребовавшееся при расширении производства завода, пополнялось отчасти мастерами, переведенными с Кременчугского оружейного завода, а главным образом поставкою на заводские работы рекрут. В 1808 г. на завод поступило из милиционных ратников 639 человек, в 1809 г.—142, в 1810 г. потребовалось еще 425 человек»[1]. Положение о Сестрорецком заводе 1823 г. предусматривало пополнение рабочего состава завода в основном рекрутами: «В случае убыли мастеровых таковые пополнялись рекрутами. Последние входили в число поселян (заводских) и получали право вырубать лес для дома и хозяйственного обзаведения и получали для той же цели денежное пособие. Жен рекрутов выписывали на счет завода. Их дети делались также оружейниками»[2].

Относительно Ижевского оружейного завода:

«В 1807 г., при преобразовании железоделательной фабрики в оружейный завод, было назначено для работ 7 тыс. рекрут. В последующие годы рабочие пополнялись частью рекрутами из губерний Вятской, Пермской и Казанской и др., частью детьми лиц, поселившихся в завод после окончательной службы (в последний раз были присланы рекруты Тверской губернии набора 1849 г.)»[3].

Историк Охтенского порохового завода К. И. Каменев, приведя ряд данных о том, что нижние чины являлись мастеровыми, в частности отметил, что значительное расширение производства пороха на Охтенском заводе в начале XIX в. «...сильно увеличило состав мастеровых; всего потребовалось 1 442 чел.; таким образом, к наличным 444 чел. и было прибавлено по выс. повелению еще 998 чел. рекрут, для которых помещений не имелось»[4].

В статье «Рабочие Экспедиции заготовления государственных бумаг в первую половину XIX в.» С. Вознесенский указывал, что в течение этого периода «...присылка рекрут продолжала попреж-

---

[1] «Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии», вып. V, ч. 2-я, СПБ 1887, стр. 19.

[2] Там же.

[3] *А. Романов*, Ижевский оружейный завод (медико-топографический очерк), «Сборник сочинений по судебной медицине», т. III, 1875, стр. 20.

[4] *К. И. Каменев*, Историческое описание Охтенского порохового завода. Период первый, СПБ 1891, стр. 231—233.

нему служить главным источником рабочих рук». В частности о составе рабочих Экспедиции накануне реформы 1861 г. он писал: «В 1858 г. количество рабочих было доведено до 473 чел... В числе 473 штатных мастеровых состояло 53 крепостных и 420 рекрут, взятых у военного ведомства. Вскоре из военного ведомства были затребованы еще 170 чел.» [1].

Количество соответствующих показателей можно увеличить, но мы полагаем, что и вышеприведенные данные в достаточной степени характеризуют существенную роль, которую в течение рассматриваемого периода выполняли рекруты при комплектовании рабочего состава большого числа казенных военных заводов, в которых были заняты значительные массы рабочих.

Вольнонаемные рабочие в промышленности за 1800—1860 гг.

Переходим к более детальной характеристике процессов развития вольнонаемного труда в обрабатывающей промышленности. К концу рассматриваемого периода в этой группе производств вольнонаемные рабочие по своему удельному весу резко преобладали, а в некоторых производствах были почти исключительно представлены. Значительная масса вольнонаемных рабочих формировалась из оброчных крестьян.

Дм. Бабурин, приведя данные об отказе московских фабрикантов использовать для работы на фабриках труд осужденных еще по материалам 1770-х годов, писал:

«Столь решительный отказ свидетельствует о том, что на рынке появилось достаточно дешевой рабочей силы, использование которой теперь было выгоднее, нежели применение такого «дарового» труда. В это время на возникшем рынке крепостного труда повляется в большом количестве оброчный крестьянин» [2].

В статье «О соотношении мастеровых к их хозяевам» дана следующая характеристика этой группы рабочих: «*Вольнонаемные мастеровые* из помещичьих крестьян, быв отпускаемы от своих помещиков с пашпортами для прокормления себя работой, сами приискивают себе работу на фабриках и нанимаются по вольным ценам, иногда помесячно, а иногда за задельную плату по словесному условию. Они живут при фабриках, но содержатся пищею и одеждою за свой счет из получаемой платы; за прогульные дни хозяин вычитает из их жалованья, обыкновенно вдвое против того, сколько бы им следовало за работу... Из получаемой платы мастеровой оплачивает свой оброк, а вся заработка, сверх оброка, остается в его пользу. Если оброк умерен, а мастеровой прилежен и трезвого житья, то заработка сия бывает иногда довольно значительна, но, говоря вообще, редкой мастеровой, после годовой работы, приносит домой больше ста рублей, а по большей части меньше.

---

[1] «Архив истории труда в России», вып. 6—7, стр. 91—92.

[2] *Дм. Бабурин*, Очерки по истории Мануфактур-коллегии, М. 1939, стр. 315—316.

В числе причин дешевизны наших фабричных произведений обыкновенно приводят дешевую задельную плату; плата сия действительно мала в сравнении с той, какая производится в чужих краях, и даже с той, какую получают у нас мастеровые иностранцы. Это происходит от того, что наших мастеровых ценят не по их искусству и трудам, а сравнительно против крестьянской заработки. Мастеровой принужден довольствоваться тем, что ему дают: ибо, оставаясь в деревне, и того не промыслить»[1].

О том, насколько широко была распространена оброчная система в период непосредственно перед реформой 1861 г., можно судить по следующим весьма существенным данным, приведенным в статье А. Лосицкого «Хозяйственные отношения при падении крепостного права». «Уже к 80-м годам XVIII в. оброчная система достигла громадного развития. Из общего количества крепостных крестьян отпущено было на оброк в Костромской губернии 85%, в Вологодской 83, Ярославской 78, Нижегородской 82, Олонецкой 66%. По 13-ти нечерноземным губерниям, по вычислению В. Семевского, оброчных крестьян было 55%, а в 7-ми черноземных этот процент опускался до 26»[2].

В дальнейшем изложении А. Лосицкий, по материалам редакционных комиссий, приводит данные о проценте оброчных крестьян по значительному числу губерний и указывает, что сравнительно с XVIII в. процент оброчных крестьян повысился в большинстве промышленных губерний.

В шести губерниях с более развитой промышленностью для этого периода, а именно в Московской, Владимирской, Петербургской, Костромской, Ярославской и Нижегородской, оброчные крестьяне составляли свыше $^2/_3$ общей численности крепостных крестьян, причем в Костромской и Ярославской губерниях удельный вес всей этой группы достигал даже 87—88%.

Основную и весьма значительную группу среди вольнонаемных рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности за рассматриваемый период, составляли оброчные крестьяне. Так, отметив развитие разных отраслей промышленности во второй четверти XIX в., А. Бутовский писал:

«Оброчные составляют большую часть рабочего сословия мануфактурного в Московской и Владимирской губернии; они же отправляют в наших столицах и больших городах ремесло плотников, каменщиков; почти все наемные люди, слуги, носильщики, поденщики принадлежат к этому же сословию»[3]. Ряд соответствующих указаний по отдельным отраслям промышленности мы приводим в последующем изложении.

И даже на далеких золотых приисках Восточной Сибири в 40-х годах XIX в. имелись в числе рабочих оброчные крестьяне: «В числе крестьян из Европейской России были и крепостные. Так,

[1] «Журнал мануфактур и торговли» № 6, 1832, стр. 22—25.

[2] «Образование» № 11, 1906, стр. 215—216.

[3] *А. Бутовский*, Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии, т. II, СПБ 1897, стр. 423.

в Восточной Сибири работало на приисках в 1847 г. 1 722 помещичьих крестьянина, в 1848 г.—1 437 чел. и в 1849 г.—2 118 чел. Значительный процент среди великороссов составляли уроженцы Нижегородской губернии, вследствие чего всех приисковых рабочих из Европейской России стали называть нижегородами»[1]. О начале же отхода на сибирские золотые прииски В. И. Семевский приводит следующую выдержку из сообщения председателя Нижегородской казенной палаты в 1845 г.: «...в прошлом 1844 г., вследствие разнесшихся между крестьянами Нижегородской губернии слухов о выгодных заработках на золотых промыслах в Сибири, несколько крестьян отправились туда и по возвращении убедили и других заняться этим промыслом, который они нашли для себя выгодным»[2].

Приведенные данные указывают на существенное значение, которое имели оброчные крестьяне в деле формирования группы вольнонаемных рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности. Но имелась и другая также многочисленная часть населения России—государственные крестьяне, из среды которых направлялись значительные группы на заработки в фабрично-заводскую промышленность. Ввиду того что этот вопрос в недостаточной степени был освещен в литературе, мы приводим ряд соответствующих материалов по наиболее промышленным губерниям—Московской и Владимирской. Хотя в этих двух губерниях численность государственных крестьян не является, по сравнению с рядом других губерний, особенно значительной, но все же и в этих губерниях имелось среди государственных крестьян многочисленное население, из среды которого формировались фабричные рабочие (по девятой ревизии в 1851 г. государственных крестьян было в Московской губернии 351,2 тыс. и во Владимирской губернии 285,2 тыс. человек).

В отношении Московской губернии согласно сведениям, собранным в 1848—1850 гг., были опубликованы в «Извлечении из сведений, собранных при производстве оценки доходов государственных крестьян Московской губернии», следующие данные: «...вообще в губернии на 100 промышленников, занятия которых равняются годовому сроку, приходится:

Занимающихся фабричными работами 36... Из этого видно, что деятельность крестьян предпочтительно пред другими занятиями избирает себе фабричные работы. Причиною этого служит ужеи то, что также другие производства не требуют столько народа, как фабрики; кроме того, обучение ткачеству, особенно простых материй, которые по массе составляют главную массу здешней фабрикации, особенно селений, гораздо проще, нежели обучение мастерствам»[3].

Отмечая неудовлетворительное состояние сельского хозяйства в большей части Владимирской губернии, избыток свободных от занятий земледелием рук и значительное развитие в этой губернии внеземледельческих заработков, в «Извлечении из сведений, собранных при оценке земель казенных селе-

---

[1] *В. И. Семевский*, Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. I, П. 1898, стр. 93—94.

[2] Там же.

[3] «Материалы для статистики России, собираемые по ведомству министерства государственных имуществ», вып. I, СПБ 1858, стр. 40—41.

ний Владимирской губернии», указано: «При таких обстоятельствах образовались там не только в городах, но и в селениях, многие заводы, фабрики и разные другие промышленные заведения, на которых большая часть местных жителей, свободных от занятия земледелием, находят для себя заработки: почти во всех северных уездах преимущественно развилась промышленность фабричная, и особенно производство хлопчатобумажных изделий, составляющее главный промысел Владимирской губернии, а в уездах южных особенно распространилась промышленность заводская»[1].

Заслуживают внимания также следующие сведения, которые приводит А. Ламанский в отношении государственных крестьян Боровского уезда в «Опыте описания крестьянской промышленности Калужской губернии» (сведения относятся к средине 50-х годов): «Ни один из уездов губернии не представляет такого числа отходящих на промыслы, как Боровский уезд. Хозяйство почти повсеместно предоставляется старикам и женщинам. Главный промысел большей части уезда—ткачество; только в западной его части число плотников превышает число ткачей. Ткачество дома у местных мастеров, сравнительно с работами на бумажных, шерстяных и суконных фабриках, весьма незначительно как по величине заработков, так и по достоинству материй и числу ткачей. Большая часть работает в течение 10 месяцев на московских фабриках, преимущественно материи высших сортов. С мужчинами на заработки ходят нередко и женщины. Ткачество так усвоилось в этом уезде, что, кроме занятий на фабриках и у местных мастеров, почти в каждой избе, в свободное время, работают на нескольких станках, для сего пряжу берут у тех же мастерков»[2]. Далее А. Ламанский, указав, что «ткачи, занимающиеся работами на фабриках в Москве и в Московской губернии, нанимаются обыкновенно на 10 или 9 месяцев», писал: «фабричные же совершенно отвыкают от крестьянской жизни и составляют в крестьянстве совершенно отдельный класс фабричных»[3].

Несомненно, что в течение рассматриваемого периода группа вольнонаемных рабочих частично пополнялась также из среды отдельных групп городского населения, численность которого непрерывно возрастала. Так, мы располагаем следующими сопоставимыми показателями о динамике численности городского населения России за 1794—1856 гг.[4] (см. первую табл. на стр. 83).

Таким образом, согласно этим данным численность городского населения увеличилась за 62 года примерно в $2^1/_2$ раза. В 1856 г. насчитывалось уже 10 крупных городов с населением свыше 50 тыс.

---

[1] «Материалы для статистики России, собираемые по ведомству министерства государственных имуществ», вып. V, СПБ 1871, стр. 38—39.

[2] «Журнал министерства государственных имуществ», ч. 73, 1860, стр. 3—7.

[3] Там же.

[4] Данные о городском населении России приведены на основании следующих источников: за 1794 г.—*H. Storch*, Statistische Uebersicht der Statthalterschaften des Russischen Reichs etc... in Tabellen, Riga 1795; за 1811 г.—*К. Герман*, Статистические исследования относительно Российской империи, ч. I, СПБ 1819; за 1825 г.—«Статистическое изображение городов и посадов Российской империи за 1825 г.»; за 1840 г.—«Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи», СПБ 1842; за 1856 г.—«Статистические таблицы Российской империи за 1856 г.», СПБ 1858.

Опубликованные П. Милюковым в «Очерках по истории русской культуры» (ч. I, изд. 5-е, 1904, стр. 82) данные о численности городского населения на четыре даты указанного периода (1796, 1812, 1835 и 1851 гг.), впоследствии использованные рядом авторов и даже включенные в статьи, помещенные в энциклопедических словарях, являются неправильными и безусловно в значительной степени преуменьшили фактическую численность городского населения России за эти годы.

Годы	Численность городского населения (в тыс.)
1794	2 279
1811	2 851
1825	3 521
1840	4 906
1856	5 684

в каждом. Состав рабочих развивавшейся за этот период промышленности пополнялся также из среды этого растущего городского населения. Ниже приведены отдельные иллюстрации этого процесса.

Насколько сравнительно устойчивым был удельный вес группы вольнонаемных по отношению к общему числу рабочих отдельных производств в течение всей первой четверти XIX в., можно судить по следующим показателям, исчисленным по девяти главнейшим производствам [1].

Производства	Процент вольнонаемных рабочих			
	1804 г.	1814 г.	1820 г.	1825 г.
Фабрики бумажных материй	85,4	97,1	98,5	94,7
Кожевенное	96,9	97,8	97,3	93,2
Канатное	85,2	94,4	93,1	92,0
Шелковое	74,0	75,1	72,0	83,1
Полотняное	60,4	66,9	67,1	69,8
Стеклянное и хрустальное	42,8	36,8	39,0 [2]	29,7
Писчебумажное	25,7	20,2	16,3	24,4
Стальное, игольное и чугунное	27,8	21,7	20,3	22,1
Суконное	9,7	25,5	23,7	18,4

Резко преобладающим оказалось, по данным первой четверти XIX в., применение вольнонаемного труда в четырех отраслях промышленности—в хлопчатобумажной, кожевенной, канатной и шелковой. Так, в 1825 г. вольнонаемные рабочие составляли в первых трех отраслях промышленности 92—94%, а в шелковой—83%. В полотняной промышленности около $^2/_3$ общей численности рабочих составляли вольнонаемные рабочие. Примерно $^1/_3$ составляла эта группа среди рабочих стеклянных и хрустальных заводов. И лишь в пределах 20—25% общей численности рабочих были вольнонаемные в писчебумажном, металлических изделий

[1] Настоящая таблица составлена на основании следующих источников: за 1804 г.—*Е. Зябловский*, Статистическое описание Российской империи, кн. 2, ч. V, П. 1808; за 1814 г.—«Ведомость о мануфактурах за 1813—1814 гг.», П. 1816; за 1820 г.—«Ведомость статистическая о мануфактурах за 1815—1820 гг.», П. 1822; за 1825 г.—отчет Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1826 г.

[2] Данные за 1819 г.

и суконном производствах. Выше было указано, что к концу первой четверти XIX в., в 1825 г., в обрабатывающей промышленности было занято 114,5 тыс. вольнонаемных рабочих. Если же обратиться к данным, как распределялась эта группа рабочих по отдельным производствам, то из общей численности в 114,5 тыс. вольнонаемных на пять производств текстильной промышленности приходилось рабочих:

Производства	Число вольнонаемных рабочих в 1825 г. (в тыс.)
Фабрики бумажных материй	44,5
Полотняное	18,7
Суконное	11,7
Шелковое	8,4
Канатное	2,3
Всего	85,6

Таким образом, в указанных производствах текстильной промышленности было занято в 1825 г. 85,6 тыс. человек, или почти $^3/_4$ общей численности вольнонаемных рабочих.

То обстоятельство, что в хлопчатобумажной промышленности удельный вес вольнонаемных рабочих был весьма повышенным по сравнению с другими важнейшими отраслями промышленности этого периода (суконная, полотняная, писчебумажная, металлургия), являлось результатом, главным образом, того, что эта отрасль промышленности развивалась позже других, и в первой четверти XIX в., когда она впервые получила значительные размеры, уже представлялась возможность привлекать на фабрики многочисленные кадры вольнонаемных рабочих. Кроме того, в десятилетия, предшествовавшие 1861 г., в этой отрасли промышленности получила более широкое применение машинная техника.

Характеризуя определившиеся сдвиги в отношении фабрично-заводского труда к началу XIX в., М. Балабанов писал:

«По сравнению с половиной XVIII в. положение существенно изменилось: тогда капиталы были, рабочих рук недоставало—теперь недостает капиталов, рабочих искать не приходится. Очевидно, купечество, встретив препятствия по приобретению рабов, не ушло от промышленности, но обратилось к вольному найму рабочих. Оно могло это сделать, так как деревня—и дворянская и казенная—выбрасывала во все большем количестве крестьян на отход, в той или иной мере обезземеленных. Найти вольных рабочих стало многим легче, потому что они искали работы на фабриках»[1].

О том, как значительна была численность вольнонаемных рабочих на отдельных фабриках в начале XIX в., можно судить по данным следующей таблицы[2]:

[1] *М. Балабанов*, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I, Киев 1923, стр. 61.

[2] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в «Ведомости о мануфактурах России за 1813—1814 гг.», СПБ 1816.

Производство	Губерния	Владелец	Численность вольнонаемных рабочих в 1814 г.
Суконное	Москва	Мануфактур-советника Залюбовского	1 537
»	»	Купцов Рыбникова и Бабкиных	845
»	»	Купца Жукова	1 377
Шелковое	»	Купца Александрова	894
Фабрики бумажных материй	Владимирская	Купцов Шевелкиных	1 333
То же	»	Купца Г. Горохова с братьями	1 071
» »	»	Купца М. Гарелина	1 180
» »	»	» Симановского	1 155
» »	Москва	Коммерции советника Титова	1 036
» »	Московская	Купца Александрова	1 310
» »	Ярославская	» Воробьева	1 169
Полотняное	Владимирская	Купцов Ковыляевых	663
»	Костромская	» Дурыгиных	809
»	Московская	Купца Серикова	586

Для периода после 1825 г. вплоть до 1860 г. мы не располагаем прямыми показателями о том, как росла численность группы вольнонаемных рабочих.

При значительном росте общей численности рабочих обрабатывающей промышленности за эти годы несомненным является весьма интенсивный рост группы вольнонаемных рабочих.

Известна общая численность рабочих обрабатывающей промышленности в 1860 г.—565 тыс. человек. Ранее были приведены расчеты о численности групп посессионных и крепостных рабочих (вместе 135 тыс. человек), поэтому группа вольнонаемных рабочих в обрабатывающей промышленности в 1860 г. может быть определена в 430 тыс. человек. Таким образом, за 1825—1860 гг. численность вольнонаемных рабочих увеличилась в 3,7 раза. Группа вольнонаемных рабочих увеличилась во многих отраслях промышленности. Отдельные иллюстрации указанного процесса мы приводим в последующем изложении.

Насколько интенсивно росла численность вольнонаемных рабочих за 1825—1860 гг., показывают данные о динамике численности рабочих хлопчатобумажной промышленности, в которой почти исключительно был представлен вольнонаемный труд (уже в 1825 г.

95%). В этой отрасли промышленности было занято в 1825 г. 47 тыс., а в 1860 г. 152 тыс. рабочих. Следовательно, в одной лишь хлопчатобумажной промышленности за рассматриваемый период 35 лет численность рабочих увеличилась на 105 тыс. человек, причем безусловно весь этот прирост происходил за счет группы вольнонаемных. Если вспомнить, что в 1825 г. общая численность вольнонаемных рабочих во всех отраслях обрабатывающей промышленности составляла 114,5 тыс. человек, то легко представить, как значительно повлияло на численность вольнонаемных рабочих интенсивное развитие хлопчатобумажной промышленности за рассматриваемый период.

При широком применении в течение рассматриваемого периода на фабриках и заводах труда вольнонаемных рабочих, среди которых значительную массу составляли помещичьи крестьяне, фабриканты были заинтересованы в том, чтобы удержать занятых в их предприятиях рабочих. В результате непрерывных жалоб фабрикантов на самовольный уход этой группы рабочих с предприятий появился закон 1835 г., в котором интересы фабрикантов и заводчиков нашли вполне определенное выражение. В этом законе были впервые также установлены отношения между фабрикантами и рабочими. Приведем основные пункты закона 1835 г. в этой части [1]:

«§ 1. Всякому лицу податного состояния, получившему от начальства или своего владельца узаконенный паспорт или установленный билет, дозволяется наниматься для фабричных работ на некоторое или на все время, на которое уволен по паспорту, но не далее назначенного в оном срока.

§ 2. Порядившемуся на сем основании для работы на фабрике или заведении воспрещается оставлять сии заведения до истечения договорного срока, без согласия на сие хозяина фабрики, равномерно не дозволяется ему требовать от него до того срока какой-либо прибавки задельной платы сверх установленной. Посему владельцы или начальства, выдавшие паспорты или билеты, не имеют права отзывать обратно или требовать с фабрики или заведения порядившегося работника до истечения назначенного в паспорте срока, или до окончания договорного срока, если оный истечет прежде паспортного, исключая прикосновенности их по делам следственным или уголовным и законных распоряжений, в случае, еслиб назначен был рекрутский набор в необыкновенное время.

§ 3. От хозяина фабрики или заведения не отъемлется право отпускать от себя работника до истечения договорного срока, по причине невыполнения сим последним его обязанностей, или за дурное поведение, но для сего хозяин обязан объявить работнику за две недели до его отпуска».

Об условиях развития вольнонаемного труда в других отраслях промышленности помимо хлопчатобумажной мы встречаем ряд указаний в печатных работах, относящихся к отдельным отраслям промышленности. Приведем наиболее характерные показатели, извлеченные из этих работ.

Так, авторы «Обозрения главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России» при характеристике состава рабочих на московских «вольных» суконных фабриках в 40-х годах приводят следующие данные относительно всей группы фабричных рабо-

[1] Второе полное собрание законов, № 8157.

чих из оброчных и казенных крестьян, приходящих в Москву на заработки: «Московские же (фабрики), выделывающие около $^2/_3$ всех тонких сукон российских, нанимают господских или казенных крестьян, приходящих из дальних мест с паспортами годовыми или полугодовыми. Таковых людей перебывает в Москве до 40 тыс., не считая рассеянных по целой губернии. Цель их заработать несколько денег для уплаты податей, оброка и для прокормления семейства, оставшегося в деревне. Большая часть возвращается домой во время сенокоса и жатвы, и московским фабрикантам стоит много труда удержать их у себя летом, когда работы на фабриках самые спешные. Хозяин в праве заставить отслужить рабочего до срока, назначенного в паспорте»[1].

В отношении полотняной промышленности существенные данные имеются в работе Евг. Дюбюка:

«На отдельных фабриках вольный труд применялся еще в конце 60-х годов XVIII в., т. е. в самый начальный период существования полотняных фабрик. Например, на фабрике Стригалева в Костроме работало вольных рабочих 206 мужчин и 29 женщин; на фабрике Пастухова в Нерехте все 299 рабочих были вольными».

Приведя еще ряд данных, Евг. Дюбюк продолжает: «Таким образом, на полотняных фабриках XVIII и начала XIX в. мы встречаем наряду с крепостными, повидимому, в значительном количестве также и вольных рабочих (по крайней мере по отношению к фабрикантам; в ряде случаев эти вольные рабочие были помещичьми крепостными крестьянами). Более того, повидимому, можно считать с достаточной определенностью, что даже в XVIII в. вольный труд уже преобладал на полотняных фабриках Костромского края.

Эти вольные рабочие рекрутировались частью из горожан, например, на костромских полотняных фабриках из жителей г. Костромы... Рядом с горожанами и жителями городских слобод на фабриках в качестве наемных рабочих работают и крестьяне. Вообще на полотняных фабриках XVIII в. мы встречаем разные категории рабочих: и крепостных фабриканта, и помещичьих крестьян, работавших по вольному найму, и вольнонаемных городских мещан, и разночинцев.

В общем, чем ближе подвигаемся мы к половине XIX в., тем все большее значение приобретает труд вольный. С развитием оброчной системы, с ростом отхожих промыслов свободный труд получает непрерывно растущее распространение, так что, *в канун крестьянской реформы в конце 50-х годов пользование для фабричных работ трудом крепостных представляет собою уже весьма редкое явление, особенно если иметь в виду городские полотняные фабрики*»[2].

Столь категорическое утверждение, возможно, явилось спра-

---

[1] «Обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России», СПБ 1845, стр. 134.

[2] *Евг. Дюбюк*, Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX в., Кострома 1921, стр. 59—60 (курсив наш.—*А. Р.*).

ведливым для Костромской губернии, но не для всей страны в целом.

П. И. Лященко [1] причину высокого удельного веса группы вольнонаемных рабочих в шелковой промышленности усматривал, главным образом, в том, что эта отрасль промышленности, работая на привозном сырье, нуждалась в квалифицированном рабочем составе.

К. Г. Воблый указывал, что в сахарной промышленности появление новых, технически лучше оборудованных предприятий способствовало развитию вольнонаемного труда: «...когда появились крупные, коммерческие заводы со сложным техническим оборудованием, с паровыми машинами, с механическими двигателями, с точным учетом работы, с выведением себестоимости, тогда стала ясной невыгодность барщинного подневольного труда. На коммерческих заводах все работы стали выполняться наймом»[2].

В статье «Русская табачная фабрика в XVIII и XIX вв.» И. В. Джервис отметил характерные черты рабочего состава табачной промышленности Петербурга: «Русская табачная промышленность не знала ни крепостного труда, ни строго регламентированного цехового ремесла, ни даже примитивной зачаточной иерархии ремесла вне-цехового. Она развивалась исключительно на основе применения вольнонаемной рабочей силы, находя при этом рабочие руки, главным образом, среди городской бедноты. Производственные отношения укладывались в табачной промышленности в капиталистические рамки купли-продажи рабочей силы, и мелкий табачный фабрикант выступал перед своими рабочими в качестве такого же капиталиста, как и владелец Прохоровской мануфактуры или другого какого-либо крупного капиталистического предприятия той эпохи»[3].

Распределение по отдельным категориям в 1825 г. рабочих фабрик и заводов ряда губерний со значительно развитой промышленностью приведено на стр. 89. За последующие годы соответствующие показатели в отношении всей обрабатывающей промышленности не сохранились. Отдельные губернии расположены в убывающем порядке в зависимости от удельного веса группы вольнонаемных рабочих. Преобладание в той или другой губернии отдельных отраслей промышленности оказало значительное влияние на распределение рабочих по категориям.

В трех губерниях центрального промышленного района—Владимирской, Московской и Костромской—и в Петербургской вольнонаемный труд, по данным 1825 г., оказался резко преобладающим. Весьма незначительно были представлены вольнонаемные рабочие—ниже 10%—в Курской, Пензенской и Симбирской губерниях.

---

[1] *П. И. Лященко,* История народного хозяйства СССР, М. 1939, стр. 281—282.

[2] *К. Г. Воблый,* Опыт истории свеклосахарной промышленности России, т. I, М. 1928, стр. 235.

[3] «Известия Академии наук СССР». Отделение общественных наук, № 10, 1932, стр. 874

Распределение рабочих фабрик и заводов отдельных губерний по категориям в 1825 г.[1]

Губернии	Число фабрик и заводов	Число рабочих						
		абсолютное				в % к итогу		
		приписных и покупных (посессионных)	помещичьих (крепостных)	вольнонаемных	всего	приписных и покупных (посессионных)	помещичьих (крепостных)	вольнонаемных
Всего учтено	5 261	29 328	66 725	114 515	210 568	14,0	31,6	54,4
В том числе по губерниям:								
Владимирской . . .	374	1 831	2 783	30 905	35 519	5,2	7,8	87,0
Московской	748	2 583	4 678	37 707	44 968	5,7	10,4	83,9
Костромской	51	860	558	5 422	6 840	12,6	8,2	79,2
Петербургской . . .	209	855	710	4 297	5 862	14,6	12,1	73,3
Воронежской	92	1 205	147	2 571	3 923	30,7	3,7	65,6
Казанской	155	37	1 946	1 767	3 750	1,0	51,9	47,1
Тульской	105	862	910	1 249	3 021	28,5	30,1	41,4
Орловской	237	293	1 442	1 209	2 944	9,9	49,0	41,1
Волынской	185	—	2 857	1 520	4 377	—	65,3	34,7
Ярославской	96	3 483	963	2 146	6 592	52,8	14,6	32,6
Нижегородской . . .	338	—	7 912	3 587	11 499	—	68,8	31,2
Калужской	124	3 553	5 808	4 149	13 510	26,3	43,0	30,7
Тамбовской	100	2 751	4 509	2 028	9 288	29,6	48,5	21,9
Черниговской . . .	74	—	2 376	618	2 994	—	79,4	20,6
Рязанской	94	1 115	3 613	1 065	5 793	19,3	62,3	18,4
Пермской	250	—	2 732	548	3 280	—	83,3	16,7
Киевской	107	—	2 723	441	3 164	—	86,0	14,0
Курской	188	8 511	1 657	1 062	11 230	75,8	14,8	9,4
Пензенской	58	485	3 066	157	3 708	13,1	82,7	4,2
Симбирской	51	121	3 199	125	3 445	3,5	92,9	3,6

Наиболее значительно были представлены рабочие, занятые на посессионных фабриках, в Курской и Ярославской губерниях. Группа помещичьих (крепостных) рабочих была преимущественно сосредоточена в Симбирской, Киевской, Пензенской и Пермской губерниях.

Наряду с вышеприведенными общими показателями о распределении рабочих обрабатывающей промышленности по категориям, относящимися ко всей стране, весьма характерными являются соответствующие показатели в отношении одной из наиболее промышленных губерний—Московской. Данные 1814 г. уже свидетельствуют о резко преобладающей роли вольнонаемного труда в промышленности Московской губернии.

---

[1] Таблица составлена на основании данных, приведенных в отчете Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1826 г.

Распределение рабочих обрабатывающей промышленности Московской губернии по производствам и категориям рабочих в 1814 г. [1]

Производства	Число предприятий	Число рабочих				В % к численности рабочих данного производства		
		приписных и покупных	помещичьих (крепостных)	вольнонаемных	всего	приписных и покупных	помещичьих (крепостных)	вольнонаемных
Все производства . . .	563	3 047	1 659	37 548	42 254	7,2	3,9	88,9
В том числе:								
суконное	35	455	1 101	6 434	7 990	5,7	13,8	80,5
полотняное	17	29	16	1 999	2 044	1,4	0,8	97,8
бумажных материй .	128	318	40	18 738	19 096	1,7	0,2	98,1
шелковое	138	1 816	175	6 777	8 768	20,7	2,0	77,3
позументные, плющильные и волочильные фабрики .	16	—	—	378	378	—	—	100,0
шляпное	10	—	—	495	495	—	—	100,0
писчебумажное . . .	14	382	220	501	1 103	34,6	20,0	45,4
кожевенное	101	—	20	447	467	—	4,3	95,7
фарфоровое и фаянсовое	17	47	1	777	825	5,7	0,1	94,2
медное и пуговичное	18	—	12	483	495	—	2,4	97,6

В промышленности Московской губернии, в которой было учтено 42,3 тыс. рабочих, 89% были вольнонаемными, в то время как в промышленности всей страны соответствующий показатель достигал в 1814 г. 58,8%. В основной отрасли промышленности—хлопчатобумажной—почти все рабочие были вольнонаемными (98,1%). Даже в суконной промышленности Московской губернии вольнонаемные рабочие составляли 80,5% общей численности рабочих, что объяснялось особыми условиями развития суконной промышленности в Московской губернии.

Это отмечено Ф. Евгеньевым в его работе «Развитие русской шерстяной промышленности»:

«На долю Москвы и ее губернии в этом году приходилось почти 30% всего российского производства, причем в значительной степени она составлялась из выработки тонких сукон (из 1 089 290 арш. сделано было всего 440 тыс. арш. солдатского сукна). Из общего количества рабочих, занятых в суконной промышленности в Московской губернии (7 990), на долю вольнонаемных приходилось 6 434 человека, что составляло 80%. Это чрезвычайно интересный факт. Московская промышленность, чисто купеческая, занятая

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в «Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.», СПБ 1816.

по преимуществу приготовлением тонких сукон и работавшая на вольный рынок и почти одним вольнонаемным трудом,— резко выделяется из всей России, где суконное производство, по преимуществу грубых сукон, находилось в руках помещиков, занявших на своих фабриках до 90% подневольного, крепостного труда»[1].

Последним годом, в отношении которого мы располагаем на основании материалов Департамента мануфактур и внутренней торговли данными о распределении по отдельным категориям рабочих фабрик и заводов обрабатывающей промышленности, является 1825 год. За последующие годы сохранились лишь отдельные данные, на основании которых возможно исчислить примерное распределение рабочего состава всей обрабатывающей промышленности по отдельным категориям в 1860—1861 гг.

Но предварительно следует отметить следующее обстоятельство. Ряд исследователей утверждал, что к моменту реформы 1861 г. роль крепостного труда на фабриках и заводах была фактически весьма ничтожной. Несмотря на то, что эти утверждения относились исключительно к обрабатывающей промышленности (без горнозаводской промышленности), все же они нуждаются в некоторых поправках. Применение вольнонаемного труда в среднем по обрабатывающей промышленности после 1825 г. должно было резко повыситься вследствие роста удельного веса численности рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности. Но за 1830—1860 гг., кроме хлопчатобумажной, развивались также другие отрасли промышленности, в частности сахарная промышленность, в которой крепостной труд применялся в сравнительно значительных размерах.

В 1860 г. на фабриках и заводах обрабатывающей промышленности было занято 565 тыс. рабочих. К этому времени общее число крепостных рабочих в обрабатывающей промышленности составляло около 118 тыс. человек. Посессионных рабочих, как было указано, насчитывалось 17,6 тыс. человек. Следовательно, численность группы вольнонаемных рабочих должна была составить 430 тыс. человек. В двух отраслях промышленности со значительным применением принудительного труда—в сахарной и винокуренной—труд рабочих был сезонным. Учитывая эту сезонность, можно утверждать, что удельный вес принудительного труда в обрабатывающей промышленности составлял в период, непосредственно предшествующий крестьянской реформе, все же около 18%.

Численность рабочих горнозаводской промышленности России в 1860 г. достигала 245 тыс. человек, но в эту цифру включены и внезаводские рабочие, при распределении же по отдельным категориям последняя группа рабочих не может быть принята во внимание. Хотя в горнозаводской промышленности в значительной степени преобладал крепостной труд, но вольнонаемные рабочие были представлены на частных золотых приисках и имелись также и в соляной

[1] «Шерстяное дело» № 10—12, 1923, стр. 59.

промышленности. По нашим расчетам, крепостной труд в горнозаводской промышленности в 1860 г. достигал 70%.

В итоге по отношению ко всей массе фабрично-заводских и горнозаводских рабочих (включая и рабочих казенных военных заводов) удельный вес крепостного труда в 1860 г. составлял 33—34%, и это обстоятельство необходимо учесть при оценке результатов влияния крестьянской реформы на промышленность и занятых в ней рабочих. Так, известно, что в ближайшие годы после освобождения крестьян наблюдались затруднения в тех отраслях промышленности, где в значительных размерах был представлен крепостной труд (металлургия, суконная промышленность). Рабочие многих предприятий этих отраслей, бывшие крепостные, после освобождения от крепостной зависимости массами уходили с фабрик и заводов.

Следует оговорить, что хотя приведенные расчеты являются приблизительными, но несомненно, что в общем они отразили фактические соотношения между отдельными категориями рабочих, установившиеся к 1860 г.

Для характеристики состава промышленных рабочих весьма важным явилось и то, что часть их была занята в технически более совершенных предприятиях. Ограничимся наиболее существенными показателями о распространении машинной техники в промышленности. Так, о наметившихся процессах развития машинного производства, особенно усилившихся с 50-х годов, свидетельствуют приводимые С. Вознесенским следующие сводные показатели о ввозе машин и инструментов за 40-е и 50-е годы XIX в.[1].

В среднем в год ввозилось:

В 1841—1845 гг.	машин	на	668	тыс.	руб.,	инструментов	на	373	тыс.	руб.
» 1846—1850 »	»	»	1 681	»	»	»	»	505	»	»
» 1851—1855 »	»	»	2 103	»	»	»	»	412	»	»
» 1856—1860 »	»	»	7 503	»	»	»	»	859	»	»

С. Вознесенский отмечает «...более быстрое увеличение ввоза машин и аппаратов сравнительно с ввозом ручных инструментов». Следующие данные также свидетельствуют о процессах внедрения машин в промышленность.

В отношении хлопчатобумажной промышленности:

«Со времени уничтожения в Англии запрещения ввоза из оной машин в 1842 г. бумагопрядение в России и Московской губернии начало быстро принимать обширные размеры. Бумагопрядильные московские мануфактуры в самое короткое время приобрели все усовершенствованные известные в Англии прядильные снаряды, содействующие к улучшению качества пряжи. *Некоторые из этих мануфактур внешним видом и внутренним устройством своим в техническом и хозяйственном отношениях не уступают лучшим заграничным бумагопрядильным фабрикам.*

[1] *С. Вознесенский*, Рост промышленного капитала в 20—50-х годах и его столкновения с феодально-крепостным строем, в очерках «Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг.», М. 1932, стр. 101—102.

В доказательство этого кроме старейшей Горенской мануфактуры Н. А. Волкова... можно назвать мануфактуры Московского уезда при селе Реутове, почетного гражданина М. С. Мазурина, с 22 тыс. веретенами и годовым производством на сумму более 671 тыс. руб. серебром и коммерции советника С. Л. Лепешкина, Дмитровского уезда, при селе Муромцеве, которая на 34 тыс. веретенах приготовляет пряжи в год на 890 тыс. руб. сер.»[1].

Одной из наиболее технически оборудованных петербургских фабрик являлась Российская бумагопрядильная мануфактура. «*Российская бумагопрядильная мануфактура* в С.-Петербурге называется попросту *большою фабрикою*. Это последнее название придается фабрике за ее громадность. И действительно бумагопрядильная мануфактура считается одною из самых громадных в России. Корпус ее, в семь этажей, выстроен покоем; отопление паром, освещается газом. Работает слишком на 80 тыс. веретен, на 40 пар больших мюль-машин и на 20 пар малых. Две паровые машины: одна в 60 сил, другая—старой конструкции—в 140 сил... Пара мюль-машин дает в месяц от 80 до 90 пудов пряжи. Прядут 36—40 №№. Все машины в начале лета (1858 г.) были возобновлены. До того упрощено их устройство, что, сравнительно с прежними, вместо пяти рабочих для каждой требуется теперь только три. Но, несмотря на это, фабрика занимает до 900 рабочих. Новые машины выпрядают на $^1/_3$ более против старых»[2].

Приведем еще краткое описание хлопчатобумажной фабрики купцов Хлудовых в Рязанской губернии, постройкой которой руководил англичанин Томас Годеон, впоследствии он же в течение 14 лет управлял этой фабрикой: «Фабрика действует двумя паровыми машинами, в 80 и в 120 сил, имеет разных машин и аппаратов 778 и 58 тыс. тонкопрядильных веретен; паровые машины самого совершенного устройства, обе среднего давления и с холодильниками. Для отливки потребных для фабрики чугунных аппаратов устроена литейная с одной домной.

При фабрике состоят: 5 механиков-англичан, 21 приказчиков и конторщиков и 1899 разных фабричных рабочих. Рабочие все вольнонаемные»[3].

В отношении шерстяной промышленности:

«В последние пять лет большая часть суконных, шерстобумажных и других московских фабрикантов усвоили на собственных заведениях все сделанные за границей усовершенствования, состоящие в водворении производства гребенной пряжи, введении новейших щипательных, чесальных, стригальных и набивных машин,

---

[1] *С. Тарасов*, Статистическое обозрение промышленности Московской губернии, М. 1856, стр. 25—26 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] *А. К. Чугунов*, Отчет по обозрению фабрик и заводов Самарской, Московской и С.-Петербургской губерний, произведенному в летние месяцы в 1858 г., «Ученые записки, издаваемые Казанским университетом», кн. IV, Казань 1859, стр. 195—196.

[3] «Материалы для географии и статистики России...», Рязанская губерния, сост. М. Баранович, СПБ 1860, стр. 262.

приборов, называемых континю, мюльжени в 300 и более веретен, механических станов и лучших апретурных снарядов, которые непосредственно содействуют к улучшению по части прядения, ткачества, набивки и отделки производимых на московских фабриках изделий»[1].

В 1850 г.[2] на 29 писчебумажных фабриках с 40 бумагоделательными машинами было выработано 760 тыс. стоп, что составило около половины всей продукции, на сумму в 2 млн. руб. сер.

Историк сахарной промышленности К. Г. Воблый приводит следующие данные, свидетельствующие об усовершенствовании техники производства в этой отрасли промышленности в течение 50-х годов: «В результате такого роста паровых заводов число их увеличилось с 64 в 1851 г. до 183 в 1861—1862 гг., другими словами, возросло втрое»[3].

Следует также указать, что и в дореформенный период уже появились отдельные сравнительно крупные машиностроительные заводы. Так, в частности Е. Дюбюк указывал: «В 1852 г. в Костроме возникает завод Шипова, сыгравший крупную роль в деле оборудования частями машин ряда текстильных фабрик в Костроме и Иваново-Вознесенском районе—сначала в виде меднолитейни для приготовления медных ситцепечатных валов, затем очень скоро к меднолитейне присоединяется чугунолитейная мастерская, потом гвоздильное отделение, наконец, целая пароходная верфь, и в результате вырастает крупный завод с числом рабочих, меняющимся от 800 до 1400. На этом заводе были заняты почти исключительно вольнонаемные рабочие»[4].

Соответствующие показатели можно привести и в отношении ряда других отраслей промышленности. Эта группа промышленных предприятий, технически более передовых, предъявляла требования на более квалифицированные кадры рабочих и уже не мирилась с крепостным трудом. И представляется несомненным также то обстоятельство, что в годы, предшествующие крестьянской реформе, имелись уже сравнительно значительные группы промышленных рабочих, занятых в этих предприятиях с передовой техникой для рассматриваемого периода.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» указано:

«Новые производительные силы требуют, чтобы работники производства были более культурными и понятливыми, чем забитые и темные крепостные, способными понять машину и правильно обращаться с ней. Поэтому капиталисты предпочитают иметь дело со свободными от крепостных уз наемными рабочими, достаточно

---

[1] *С. Тарасов*, Статистическое обозрение промышленности Московской губернии, М. 1856, стр. 12.

[2] «О писчебумажном производстве в России вообще и бумагоделательной фабрике Варгуниных в особенности», «Журнал мануфактур и торговли», ч. I, 1852, стр. 404—406.

[3] *К. Г. Воблый*, Опыт истории свеклосахарной промышленности России, т. I, 1928, стр. 172.

[4] *Е. Дюбюк*, Обрабатывающая промышленность Костромского края в ее прошлом, Кострома 1924, стр. 7.

культурными для того, чтобы правильно обращаться с машинами»[1].

Так, автор обзора «Влияние уничтожения крепостного права на промышленность и торговлю», опубликованного в органе промышленной буржуазии («Вестник промышленности» № 12, 1861 г.), следующим образом характеризовал условия подневольного труда фабричных рабочих при существовании крепостного права: «Говоря о влиянии освобождения крепостного сословия на промышленность, не можем мы пропустить без внимания того укора, который лежит на наших рабочих и ремесленниках и которым и те и другие весьма много были обязаны своему состоянию. Из фабричных рабочих едва ли не две трети, а может и целых три четверти были из крепостных; часто они были отдаваемы в наем своими господами, часто сами господа получали за них плату. При таком положении какое поощрение было рабочему быть истинно хорошим работником? Одно чувство долга. Но самое чувство долга только может развиваться, когда рука об руку с долгом помещается право, а право крепостного человека едва ли было не одно—зависеть от своего господина. Потом чувство долга тогда является вполне необходимым нравственно, когда оно общее для всех—при крепостном праве оно было на первом плане у крепостных, а на самом последнем у барина, по крайней мере на поприще деятельности, или, что еще виднее, в дневном занятии того и другого...

У мастеровых крепостное право ввело еще другое зло, подтачивающее всякое понятие о добросовестности в деле мастерства и уничтожившее его в корень—это принудительный выбор своего ремесла... Прибавьте ко всему этому бесцельность усовершенствования в своем ремесле. Снискал мастеровой расположение барина и окончена его перспектива; часто случалось даже и то, что самолюбие иметь отличного, по мнению околотка, мастерового, останавливало от того, чтобы позволить ему выкупиться на волю. Ни передать своего ремесла в наследство своим детям, ни устроить состояние своей семьи, ничто не заставляло крепостного мастерового напрягать свои усилия; достижение совершенства нисколько его не облагораживало, ибо рядом с ним, и выше всего, было другое, постоянно низводящее его и уничтожающее всякое проявление чувства собственного достоинства,—неисключимое рабство, из которого не было никакого прямого законного выхода, даже выкупа, помимо воли и часто прихоти барина... Свободное развитие ума, таланта и какого бы то ни было самостоятельного знания может быть только в свободном человеке: Рабы, влачащие оковы, высоких песен не поют».

В ряде работ при характеристике все большего проникновения машинной техники в промышленность отмечались также значительные препятствия, которые встречала развивающаяся промышленность при крепостном строе. Б. И. Сыромятников, отметив значительные требования на рабочую силу, которые предъявляла промышленность, и сложные взаимоотношения, в которых оказывалась значительная группа «вольнонаемых» рабочих, оставаясь в то же время оброчными крестьянами, писал: «Резервная армия труда только еще зарождалась, а главная ее масса попрежнему комплектовалась из крепостных элементов, хотя и брошенных на вольный рынок. Связанные со своими господами оброчными обязательствами, стесненные в своем передвижении, они связывали и фабрикантов в свободном маневрировании на трудовом рынке. Естественно, что промышленная буржуазия особенно настойчиво должна была выдвинуть вопрос об «освобождении» помещичьих рабов в качестве первоочередного вопроса, тем самым оправдывая боевой тезис, провозглашенный накануне реформы на страницах

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 121.

«Вестника промышленности»: «Промышленное развитие есть первый враг крепостного труда»[1]. Вышеприведенные данные о распределении рабочих фабрично-заводской промышленности России по отдельным категориям накануне реформы 1860 г. ясно показывают ту значительную роль, которую она сыграла и в отношении указанных групп рабочих. В результате реформы 1861 г. были непосредственно освобождены около 400 тыс. крепостных и посессионных рабочих, занятых, главным образом, в горнозаводской, шерстяной, сахарной и винокуренной промышленности, причем для рабочих горнозаводской промышленности пережитки крепостного строя сохранились еще на долгое время. Влияние реформы 1861 г. было также весьма значительным и в отношении другой многочисленной группы вольнонаемных рабочих, в массе своей состоявших из оброчных крестьян, после их освобождения от крепостной зависимости.

Характеристика наиболее существенных изменений в численности рабочих фабрично-заводской промышленности в период непосредственно после реформы 1861 г. будет дана в следующем разделе нашей работы.

* * *

В заключение напомним основные показатели, характеризующие динамику численности промышленных рабочих, и наметившиеся процессы в деле создания еще в течение дореформенной эпохи сравнительно значительной армии формирующегося пролетариата.

За 60 лет в обрабатывающей и горнозаводской промышленности России образовалась весьма значительная масса промышленных рабочих—примерно 200 тыс. в начале XIX в. и около 800 тыс. человек в 1860 г., причем темпы роста численности рабочих были высокими.

Образовались компактные массы фабрично-заводских рабочих в ряде районов, в частности в текстильной промышленности—Московская и Владимирская губернии, в металлургии—Пермская губерния. Были уже созданы значительные группы фабрично-заводских рабочих также в отдельных районах, особенно развившихся в последующий период (в Петербургской губернии в 1860 г. насчитывалось 33 тыс. рабочих, не считая занятых на военных заводах).

Уже в этот период развития промышленности России определились процессы значительной концентрации как во всей промышленности, так и в ее главнейших отраслях, как-то: металлургии, хлопчатобумажной и шерстяной. При оценке этой концентрации в течение рассматриваемых десятилетий необходимо учитывать преобладание ручного труда в производстве и сравнительно значительное применение крепостного труда.

Особенно интенсивным был рост численности группы вольнонаемных рабочих в промышленности—около 50 тыс. в начале

[1] Проф. *Б. И. Сыромятников*, «Распадение крепостного строя и переход к буржуазному государству», Энциклопедический словарь Граната, т. 36, ч. IV, стр. 489—490.

XIX в. и свыше 400 тыс. человек в период, непосредственно предшествующий реформе 1861 г.

И в дореформенный период уже образовались значительные группы фабрично-заводских рабочих, для которых промышленный труд представлял уже занятие нескольких поколений рабочих. Главнейшими из указанных групп являлись рабочие уральской горнозаводской промышленности, рабочие фабрик суконных и бумажных материй Московской губернии, рабочие полотняной промышленности Ярославской и Костромской губерний. В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» при характеристике мануфактуры отмечал это явление: «Но вся эта пестрота форм зависимости только прикрывает ту основную черту мануфактуры, что здесь уже раскол между представителями труда и капитала проявляется во всей силе. *Ко времени освобождения крестьян этот раскол в крупнейших центрах нашей мануфактуры был уже закреплен преемственностью нескольких поколений*»[1].

Следует также отметить и в отношении промышленности рассматриваемого периода неоднородность рабочего состава, причем эта неоднородность, как выше было отмечено, проявлялась в различных формах. Так, в частности укажем на отрасли промышленности с резким преобладанием вольнонаемного труда, например хлопчатобумажную, и на горнозаводскую промышленность Урала, в которой почти исключительно применялся крепостной труд. Наряду с отраслями промышленности, в которых уже в значительных размерах были заняты рабочие со сравнительно продолжительным производственным стажем, в ряде отраслей основную массу рабочих составляли еще сезонные рабочие, лишь часть года работавшие на фабриках или заводах и еще в значительной степени связанные с сельским хозяйством.

В рассматриваемую эпоху выявилось также сравнительно значительное применение труда женщин, подростков и детей в ряде отраслей промышленности. При общем господстве крепостных отношений в стране и большей беззащитности этих групп рабочих условия труда оказались для них особенно тяжелыми.

---

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 338 (курсив наш.—*А. Р.*).

ОТДЕЛ II

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Задачей настоящего отдела является исследование динамики численности промышленного пролетариата свыше чем за 50 лет развития капиталистической промышленности России, с начала 60-х годов XIX в. и до 1917 г., в течение которого численность рабочих увеличилась в четыре раза.

В основном вся эта свыше чем 50-летняя эпоха развития капиталистической промышленности России подразделена на два основных периода—эпоха промышленного капитализма и эпоха империализма. При характеристике динамики численности рабочих за капиталистическую эпоху пришлось также учитывать и фактическое состояние соответствующих статистических материалов.

Выделение 1887—1900 гг. вызвано тем, что это были в общем годы промышленного оживления и подъема, в которые происходил весьма значительный рост численности промышленных рабочих.

За 1887—1897 гг. мы располагали в общем сопоставимыми данными. Пришлось дополнительно привести также показатели за 1897—1900 гг.

Эпоха империализма как высшей и последней стадии капитализма подлежит отдельному исследованию. Эта эпоха охватывает в нашей стране годы с начала 900-х годов до Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 г.

Особо рассматриваются годы 1914—1917, чтобы можно было проследить весьма своеобразные процессы в динамике численности и в условиях формирования рабочего состава в промышленности за период империалистической войны.

Ряд исследователей положения рабочего класса в дореволюционной России уделял основное, а иногда и исключительное, внимание данным о динамике численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции. Данные же в отношении другой весьма значительной группы предприятий, подчиненных

надзору горной инспекции, или вовсе не привлекались или их учитывали далеко не в достаточной степени. Между тем при характеристике как процессов промышленного подъема, так и промышленного кризиса или депрессии в дореволюционной России за отдельные периоды динамика численности рабочих в отраслях тяжелой индустрии являлась решающей. Эти отрасли промышленности состояли под надзором горной инспекции.

В нашем исследовании свыше чем за 50 лет мы стремились использовать одновременно данные фабричной и горной инспекции, а также статистических учреждений предпринимательских организаций. Вне нашего исследования осталось сравнительно незначительное число предприятий и занятых в них рабочих. Поэтому можно считать, что те сводные показатели динамики численности промышленных рабочих за указанный период, которые были получены в результате наших подсчетов, являются в достаточной степени характерными для динамики численности рабочих всей фабрично-заводской промышленности за капиталистический период развития России.

Следует отметить, что за дореволюционный период мы не располагали сплошными данными о динамике численности рабочих горной и фабрично-заводской промышленности. Эти данные собирались отдельными ведомствами, причем они собирались и обрабатывались различными методами; весьма часто ряд предприятий и даже отраслей переходил из одного ведомства в другое, поэтому, для того чтобы представить общую динамику численности рабочих за капиталистическую эпоху, необходимо было ее проследить по отдельным периодам раздельно для фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности и затем на основании этих показателей уже определить общую динамику численности рабочих в течение всего рассматриваемого периода.

В годы, непосредственно следующие за реформой 1861 г., произошло сокращение численности рабочих, занятых в обрабатывающей и горнозаводской промышленности. Но указанное сокращение не было столь значительным, как это весьма часто представляют. Обычно сравнивают итоговые данные численности рабочих во всей обрабатывающей промышленности за 1860 и 1863 гг. и не обращают внимания на то обстоятельство, что за 1863 г. в сводку не был включен ряд производств, учтенных в 1860 г. В 1860 г. было учтено в обрабатывающей промышленности 565,1 тыс., а в 1863 г.— 363,6 тыс. рабочих. В трех отраслях промышленности, не вошедших в учет 1863 г., а именно в сахарной, винокуренной и табачной, было занято в 1860 г. 99,9 тыс. рабочих. Таким образом, численность рабочих по сопоставимым отраслям промышленности была в 1863 г. на 101,6 тыс. менее, чем в 1860 г.

Необходимо также обратить внимание на следующий весьма существенный момент. Исследователи положения промышленности за 60-е годы не в достаточной степени учитывают то, что крестьянская реформа по времени совпала с годами хлопкового голода. О влиянии же хлопкового кризиса на снабжение фабрик хлоп-

ком можно судить по следующим данным о привозе хлопка за 1860—1865 гг.[1]:

Годы	По европейской границе	По азиатской границе
	(в тыс. пуд.)	
1860	2 610,6	228,6
1861	2 491,4	151,8
1862	444,7	404,8
1863	587,3	494,9
1864	993,0	704,5
1865	1 124,6	465,9

Несмотря на увеличившийся привоз по азиатской границе, общий привоз хлопка в 1862—1863 гг. составил лишь около $^1/_3$ привоза 1860 г. В результате этого часть предприятий хлопчатобумажной промышленности закрылась, другие работали с неполной загрузкой[2].

Численность рабочих в двух важнейших отраслях хлопчатобумажной промышленности за 1860—1866 гг., по данным Департамента мануфактур и торговли, изменялась так:

Число рабочих в производствах

(в тыс.)

Годы	Бумагопрядильное	Бумаготкацкое
1860	41,3	77,8
1861	36,8	68,8
1862	22,4	59,7
1863	21,7	36,4
1864	19,6	32,2
1865	26,6	49,3
1866	39,1	59,1

Таким образом, в этих производствах в 1860 г. было 119,1 тыс., а в 1863 г.—58,1 тыс. рабочих. Следовательно, уменьшение численности рабочих только в этих двух отраслях промышленности составило 61 тыс. человек.

На эту динамику численности рабочих хлопчатобумажной промышленности имели совокупное влияние оба фактора: отмена крепостного права и хлопковый кризис. Сравнительно значительное сокращение численности рабочих за рассматриваемые

[1] *А. Голубев*, Пряжа и ткани из хлопчатой бумаги. Историко-статистический обзор промышленности России, т. II, П. 1886, стр. 97.

[2] Останавливаясь на истории хлопкового голода, К. Маркс указывал, что в английской хлопчатобумажной промышленности «...по достоверной оценке в октябре 1862 г. бездействовало 60,3% веретен и 58% ткацких станков» («Капитал», т. I, 1935, стр. 352—353).

годы следует отметить также и в шерстяной промышленности, в которой перед реформой применение крепостного труда было еще высоким.

В горной и горнозаводской промышленности уменьшение численности рабочих в период непосредственно после реформы 1861 г. было более значительным, чем в обрабатывающей промышленности.

В этой одной из наиболее старых отраслей промышленности в отличие от обрабатывающей промышленности, где в течение 1800—1860 гг. происходил интенсивный процесс развития вольнонаемного труда, продолжал в значительной степени господствовать крепостной труд. Поэтому влияние отмены крепостного права как на горнозаводскую промышленность, так и на ее рабочий состав было наиболее ощутительным.

Так, по подсчетам С. П. Сигова, указанное сокращение численности рабочих в уральской горнозаводской промышленности достигало 25%.

«...За период с 1861 по 1865 г. число рабочих, занятых на горных заводах, рудниках и приисках Урала, сократилась (в тыс.):

	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.	1865 г. в % к 1861 г.
Всего рабочих .	134,3	114,1	104,2	103,0	102,5	76,3
В том числе:						
на казенных заводах . .	30,1	27,4	19,4	17,8	18,8	62,5
на частных заводах . . .	104,2	86,7	84,8	85,2	83,7	80,3

Число рабочих сократилось более чем на 30 тыс. человек, или на $^1/_4$ рабочего состава. В особенности значительным было сокращение числа рабочих на казенных заводах, где рабочие штаты в крепостной период были наиболее раздутыми. Здесь сокращение в 1865 г. достигало 37% (а в 1864 г. даже 41%) по отношению к численности рабочих в год освобождения. При этом необходимо иметь в виду, что число рабочих в 1861 г. было уже пониженным (в 1860 г. их было 34 тыс. чел.)»[1].

ГЛАВА 3

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ ЗА 1865—1900 гг.

В связи с развитием промышленного капитализма в России с 1865 г. определился рост численности фабрично-заводских рабочих, причем он протекал более интенсивно в период промышленного подъема 90-х годов.

[1] *С. П. Сигов.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, Свердловск 1936, стр. 208.

Сопоставимые статистические данные имеются для рассматриваемого периода, начиная с 1865 г. Непосредственно после реформы 1861 г., как было указано, наметилось некоторое сокращение численности фабрично-заводских рабочих. Примерно к 1865 г. лишь восстановилась численность рабочих периода реформы.

В таблицах, составленных В. И. Лениным для характеристики динамики за 1865—1890 гг. и использованных нами, 1865 год является базисным годом.

Несмотря на наличие ряда дефектов в статистических материалах за период 1865—1900 гг., приводимые показатели в общем отражают происходившие процессы формирования индустриального пролетариата и тем самым способствуют пониманию ряда существенных моментов в истории русской промышленности.

Весь основной статистический материал о динамике численности рабочих, занятых в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности за период с 60-х по первую половину 90-х годов, был весьма тщательным образом проанализирован В. И. Лениным. Подробная критическая характеристика этих материалов была им дана в «Этюдах» и в «Развитии капитализма в России».

В нашем исследовании из всех материалов фабрично-заводской статистики использованы, главным образом, данные о численности рабочих. Относительно этих данных Ленин писал:

«Переходя от числа фабрик к числу рабочих, мы должны прежде всего сказать, что общие числа рабочих в нашей фабрично-заводской статистике гораздо достовернее, чем числа фабрик. Путаницы, конечно, и здесь немало, а также пропусков и уменьшений действительного числа. Но здесь нет такой разнокалиберности данных, а непомерные колебания в числе мелких заведений, то включаемых в число фабрик, то исключаемых, отражаются очень мало на итоге рабочих по той простой причине, *что даже очень значительный процент самых мелких заведений дает очень небольшой процент общего числа рабочих*»[1].

Мы приводим в дальнейшем изложении для характеристики общей динамики численности рабочих, процессов концентрации и размещения фабрично-заводского пролетариата за указанный период соотвстствующие подсчеты В. И. Ленина. Ряд дополнительных данных привлечен в отношении важнейших отраслей обрабатывающей промышленности, горной и заводской промышленности. В разделе «Увеличивается ли число рабочих в крупных капиталистических предприятиях» В. И. Ленин указывает:

«Чтобы рассмотреть данные по интересующему нас вопросу, мы должны взять, во-1-х, сведения о всех производствах; во-2-х, сведения за большой промежуток времени. Только при этих условиях гарантирована более или менее сравнимость данных. Мы берем 1865 и 1890 годы,—двадцатипятилетний период пореформенной эпохи»[2].

---

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 357 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] Там же, т. III, стр. 386.

Приводим итоговые расчеты В. И. Ленина о динамике численности за 1865—1890 гг. за исключением численности рабочих на железных дорогах, не включенных в круг настоящего исследования.

Динамика численности рабочих в крупной промышленности Европейской России за 1865—1890 гг.[1]

Годы	Численность рабочих (в тыс.)		
	в фабр.-зав. промышленности	в горной промышленности	всего
1865	509	165	674
1890	840	340	1 180

Таким образом, согласно этим данным численность рабочих за 1865—1890 гг. увеличилась в фабрично-заводской промышленности на 65%, в горной—на 106 и во всей промышленности—на 75,1%.

«Необходимо, однако, иметь в виду,—указывает В. И. Ленин,—что *на деле увеличение было несомненно больше, чем показывают эти цифры:* выше было подробно доказано, что данные ф.-заводской статистики за 1860-ые годы преувеличены вследствие включения мелких кустарных, ремесленных и сельско-хозяйственных заведений, а также рабочих на дому»[2].

Обращаясь к характеристике динамики численности рабочих отдельных производств, мы располагали данными по ограниченному кругу производств (в частности не включены производства, облагаемые акцизом). В дополнение к вышеприведенным показателям об общей численности рабочих фабрично-заводской промышленности наиболее существенные данные об изменении численности рабочих главнейших производств за 1865—1890 гг. приведены в таблице на стр. 104.

Приведенные в таблице данные основаны на сведениях Департамента торговли и мануфактур. При анализе этих показателей следует учесть следующие моменты. Весьма значительный прирост численности рабочих в хлопчатобумажной промышленности за 1865—1890 гг.[3] отчасти объясняется тем обстоятельством, что

---

[1] См. там же, стр. 388.

[2] Там же, стр. 387.

[3] В. П. Безобразов в работе «Народное хозяйство в России, Московская (Центральная) промышленная область» (ч. I, СПБ 1882, стр. 288—290), указав, что промышленное оживление началось со второй половины 1877 г., следующим образом характеризовал положение в 1879 г., когда промышленный подъем был наиболее значительным:

«В наших разъездах по фабрикам и заводам и коммерческим и промышленным центрам мы не видали ни одной отрасли, которая бы не хвалилась усилившимся сбытом своих продуктов, и ни одной категории работ, на кото-

Динамика численности рабочих главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России за 1865—1890 гг. [1]

Производства	Число фабрик и заводов						Число рабочих (в тыс.)						Увеличение числа рабочих с 1865 по 1890 г.	
	1865 г.	1870 г.	1875 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1865 г.	1870 г.	1875 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.	в тыс.	в %
Обработка шерсти . . .	683	774	762	766	708	773	109,1	98,2	85,0	96,9	72,3	80,4	—28,7	—26
» хлопка . . .	724	877	761	575	468	491	76,3	105,3	149,0	167,0	168,7	214,0	137,7	180
» льна	144	149	147	158	169	177	23,8	23,3	28,2	24,6	33,1	36,9	13,1	55
Шелковое и парчевое .	340	192	202	220	227	253	9,3	10,9	10,8	12,7	14,9	18,7	9,4	101
Красильное, набивное и отделочное	420	413	435	407	368	344	21,0	34,7	31,2	33,7	31,3	35,4	14,4	69
Писчебумажное	138	137	144	136	141	139	7,5	8,6	11,3	11,4	13,9	13,9	6,4	85
Химическое	520	511	576	650	523	631	8,6	8,6	10,4	13,7	15,4	24,1	15,5	180
Кожевенное	2 773	1 899	2 764	3 563	2 328	1 889	12,3	14,9	14,6	20,7	20,2	20,8	8,5	69
Стеклянное	226	180	168	177	197	212	10,8	9,6	11,6	13,6	16,8	21,2	10,4	96
Фарфоровое и фаянсовое	52	60	46	50	40	41	2,4	4,7	5,7	7,3	7,5	9,0	6,6	275
Машиностроительное .	126	145	133	202	256	347	17,8	27,1	41,3	43,9	37,9	46,2	28,4	159

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных во вводной статье «Развитие фабрично-заводской промышленности губерний Европейской России за последнее двадцатипятилетие» в «Указателе фабрик и заводов Европейской России» П. А. Орлова и С. Г. Будагова, изд. 3-е, П. 1894, стр. VIII.

в начальный период (1865 г.) численность рабочих в этой отрасли промышленности была все еще пониженной, главным образом в результате хлопкового кризиса. За весь рассматриваемый период примерно на $^1/_4$ уменьшилась численность рабочих в суконной промышленности.

При анализе снижения численности рабочих в суконной промышленности необходимо учесть указание В. И. Ленина в отношении этой отрасли в его работе «Развитие капитализма в России»: «...до 1860-х годов включительно суконное производство имело особую, оригинальную организацию: оно было сосредоточено в сравнительно крупных заведениях, которые однако отнюдь не относились к капиталистической фабричной индустрии, а были основаны на труде крепостных или временно-обязанных крестьян. В обзорах «ф.-заводской» промышленности 60-х годов вы встретите поэтому разделение суконных фабрик на 1) помещичьи или дворянские и 2) купеческие. Первые производили преимущественно армейское сукно, при чем казенные подряды распределялись поровну между фабриками по числу аппаратов. Обязательный труд обусловливал отсталость техники подобных заведений и употребление ими несравненно бо́льшего числа рабочих по сравнению с купеческими фабриками, основанными на вольнонаемном труде»[1]. При упадке помещичьих и одновременном росте капиталистических

рую не возрос бы спрос. Кипели не только большие фабричные и заводские заведения, но и все мелкие и кустарные производства, не успевая работать соразмерно с поднявшимся спросом на все товары. Не доставало рабочих рук на всякое дело. Все цены, и на товары и на работу, возвышались. Фабриканты нанимали рабочих без всякого разбора, только чтобы увеличить число рук. Во многих промышленных местностях рабочие платы на зиму 1879—1880 гг. (с 1 октября) были оставлены летние, которые всегда выше зимних. При этих условиях наклонность к расширению производства распространилась как зараза, перед которой устояли немногие, самые благоразумные, люди».

Отметив в дальнейшем значительное расширение производства и строительства новых фабрик, В. П. Безобразов писал: «Самых крайних пределов это возбуждение достигло в обширной хлопчатобумажной отрасли, где всего резче характеризуется это движение... На всех лучших бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках вся выработка была продана за год вперед...

Промышленные прибыли или барыши за 1878 и 1879 гг., отчасти и за 1877 г. (по некоторым отраслям) достигали неслыханных, колоссальных размеров. Это всего лучше можно видеть на компанейских предприятиях... Во многих годовых отчетах они показывались до 40, 50 и даже до 70% на складочный капитал».

О том, насколько интенсивно росла численность рабочих на отдельных фабриках за эти годы, можно судить по следующим данным, относящимся к бумагопрядильной и самоткацкой фабрике компании Богородско-глуховской мануфактуры, основанной Зах. Сав. Морозовым около 1845 г. Число рабочих на этой фабрике составляло в 1856 г. 465 человек, в 1871 г.—2 269 и в 1884 г.—8 500 человек (*А. В. Погожев*, Санитарное исследование фабричных заведений Богородского уезда. Сборник статистических сведений по Московской губ. Отдел санитарной статистики, т. III, вып. XI, М. 1885, стр. 6).

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 364—365.

фабрик произошло общее сокращение численности рабочих, занятых на обработке шерсти [1].

Отметим еще сравнительно значительный прирост численности рабочих за 1865—1890 гг. в развивающихся металлопромышленности [2] и химической промышленности.

В отношении динамики численности рабочих, занятых в производствах по обработке хлопка, за период 1866—1890 гг. имеется указание В. И. Ленина в «Развитии капитализма в России»:

«Здесь мы наблюдаем одну из самых крупных ошибок нашей ф.-заводской статистики, именно: смешение с фабричными рабочими—капиталистически занятых рабочих на дому. *Развитие крупной машинной индустрии состояло здесь (как и во многих других случаях) в стягивании домашних рабочих на фабрику*» [3].

Значительные различия имелись в динамике численности рабочих, занятых на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках и в пореформенный период. Так, в то время как с 1866 по 1879 г. численность рабочих на бумагопрядильных фабриках увеличилась с 39,1 тыс. до 88 тыс., или на 125%, за этот же период на бумаготкацких фабриках прирост численности рабочих был сравнительно незначительным—с 59,1 тыс. до 62,7 тыс., или на 6% [4]. Следовательно, и указанный период характерен для хлопчатобумажной промышленности более интенсивным развитием бумагопрядильного производства. Это обстоятельство отмечалось исследователями.

---

[1] Напомним также следующие общие замечания о развитии шерстяной промышленности в пореформенный период в статье И. Литвинова и А. Голубева «Шерстяные изделия» («Историко-статистический обзор промышленности в России», т. II, П. 1886, стр. 150—152). Приведя данные о том, что с 1856 по 1879 г. при сокращении численности рабочих шерстяной промышленности определился весьма значительный рост производительности труда, авторы указанной статьи писали: «Такая резкая разница производительности труда объясняется, помимо постепенного введения технических усовершенствований, коренным изменением в условиях фабричного производства, в силу отмены крепостного права, при котором только и могло существовать столь ненормальное соотношение между рабочей силой и результатами производства».

[2] Но еще в течение предшествующих 10 лет был основан ряд значительных механических заводов (*П. К. Худяков*, Машины, аппараты и машиностроение, в изд. «Производительные силы России», под ред. В. И. Ковалевского, СПБ 1896, стр. 1).

«К началу именно этого благоприятного периода и относится возникновение значительного числа механических заводов, получивших в настоящее время широкое развитие своей деятельности: в 1853 г. основан завод Сан-Галли в С.-Петербурге, в 1859 г.—завод Бромлей в Москве и завод Лесснера в С.-Петербурге, в 1863 г. завод Листа в Москве, Струве в Коломне и механическое отделение горного Кушвинского завода, в 1864 г.—Пермский пушечный и механический завод в Мотовилихе и завод Беллино-Фендериха в Одессе, в 1866 г.—завод Вейхельта в Москве и механическое отделение Воткинского завода».

[3] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 366 (курсив наш.—*А. Р.*).

[4] Абсолютные данные опубликованы в «Своде данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1867—1888 гг.», П. 1890.

Данные за более длительный период о развитии механических и машиностроительных заводов, опубликованные в статье А. Гатцука «Обработка металлов и механическое производство»[1], свидетельствуют о том, что формирование рабочих кадров в этой важнейшей отрасли промышленности происходило в основном за пореформенный период. Нижеприводимая таблица была составлена по данным Департамента торговли и мануфактур[2].

Годы	Число заводов	Число рабочих (в тыс.)	Производство (в млн. руб.)
1861	106	12,4	7,0
1865	126	18,0	12,0
1870	198	30,0	29,0
1875	133	41,0	41,0
1885	336	42,8	41,0
1890	412	49,0	52,5
1892	569	50,0	53,5
1896	680	93,9	136,0
1897	682	120,3	142,0

Таким образом, со времени реформы 1861 г. по 1897 г. численность рабочих рассматриваемой отрасли промышленности увеличилась почти в 10 раз.

Обратимся к данным о динамике численности рабочих горнозаводской промышленности России (включая Сибирь). В 1865 г. было учтено 173,3 тыс. рабочих[3]. Если дополнительно учесть численность рабочих в соляной промышленности, в отношении которой отсутствовали сведения, а также сделать небольшую поправку на неполноту сведений, то общая численность рабочих горнозаводской промышленности России может быть принята для 1865 г. в 195—200 тыс. человек. В 1887 г. общая численность рабочих горнозаводской промышленности России составляла 398,2 тыс. человек[4]. Таким образом, за период 1865—1887 гг. произошло удвоение численности рабочих горнозаводской промышленности России, причем в основном этот прирост происходил в черной

[1] «Россия в конце XIX в.», под ред. В. И. Ковалевского, изд. министерства финансов, П. 1900, стр. 289.

[2] В примечании к таблице А. Гатцуком указано, что он считает эти данные преуменьшенными, «...так как сюда не вошли данные, относящиеся к механическим заводам, связанным в одно целое с металлургическими, часть ремонтных заводов, фабрик, часть казенных заводов разных ведомств, мастерские железных дорог».

[3] В «Ежегоднике министерства финансов» (вып. I, составлен под редакцией А. В. Бушена, Отд. III, П. 1869, стр. 36 и 56) приведены данные о числе рабочих на промыслах, рудниках и заводах горнозаводской промышленности в 1865 г.

[4] «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1887 г.», П. 1890.

металлургии, каменноугольной и золото-платиновой промышленности.

Дополнительно приведем данные о движении общей численности рабочих горнозаводской промышленности России на ряд дат за 1870—1887 гг.[1]:

Годы	Число рабочих (в тыс.)	Годы	Число рабочих (в тыс.)
1865	Ок. 200,0	1883	323,0
1870	223,4	1884	330,8
1875	268,0	1885	349,3
1880	283,4	1886	356,3
1881	280,4	1887	393,2
1882	314,0		

Этот прирост численности рабочих горнозаводской промышленности был результатом, главным образом, усиленного железнодорожного строительства (длина железных дорог в 1865 г.—3,5 тыс. и в 1886 г.—24 тыс. верст) и связанного с ним роста потребления в стране продуктов металлургии. Так, в частности за эти годы производство железа и стали увеличилось примерно в три раза.

В начале 80-х годов произошел один из наиболее сильных кризисов в капиталистической промышленности России, отразившийся на положении рабочих. В результате кризиса произошли значительные изменения в численности фабрично-заводских рабочих.

В отношении указанного кризиса 80-х годов, который совпал с неурожаем и весьма тяжело отразился на положении промышленных рабочих, сохранилась детальная и вместе с тем конкретная характеристика в журналах этого периода. Наиболее подробно о нем писал С. Приклонский. По материалам его статей мы сгруппировали наиболее существенные данные об увольнениях рабочих на заводах и фабриках и о безработице в крупных промышленных центрах:

«Зимой 1880—1881 гг. рабочие во всех отраслях промышленности были поставлены в самое бедственное положение. В Петербурге крупные заводы, особенно механические, стали распускать рабочих. Механическое прозводство у нас преимущественно поддерживалось казенными заказами, которые теперь значительно уменьшились, а от этого сократилось и самое производство. Так, например, на огромном заводе Берда, где прежде работало 3—4 тыс. человек, теперь осталась 1 тыс. рабочих, на Александровском заво-

[1] «Горнозаводская промышленность России. Всемирная Колумбова выставка 1893 г.», изд. Горного департамента, II. 1893, стр. 10.

де, вместо 800, осталось 350 рабочих, на Сампсониевском, вместо 1 200—1 500, только 450 человек; на заводе Нобеля, вместо 900—1 200, около 600; на остальных механических заводах точно так же произошло значительное уменьшение числа рабочих...

Из Москвы пишут «Голосу», что туда прибыли искать заработков рабочие Хлудовской мануфактуры и тысячи человек, отпущенных с Коломенского завода Струве; в течение марта и апреля с последнего завода будут распущены и остальные 2 тыс. рабочих за недостатком дела...

В особенно жалком положении оказались, в 1881 и 1882 гг., рабочие казенных заводов. Так, например, на оружейном заводе в Туле было произведено значительное сокращение работ, причем рассчитано, за ненадобностью, 3 тыс. рабочих. Только небольшая часть уволенных рабочих нашла себе занятие на патронном заводе... На известном казенном Луганском литейном заводе в 1882 г. наступила страшная безработица; много рабочих рассчитано... В Петрозаводске работы на казенном пушечном заводе значительно сократились, заработок упал и, при чрезмерно усилившейся дороговизне, рабочее население города поставлено в самое тяжелое положение.

В Москве и Московской губернии, где фабричное производство развито более всех остальных местностей России, застой в промышленности начался еще весною 1880 г. Сначала уменьшилась заработная плата, которая в особенности сильно упала после Нижегородской ярмарки, а затем зимой 1880/81 г. начался роспуск рабочих. Мелкие фабриканты не в силах были выдержать тяжести застоя в промышленности и были вынуждены закрыть свои фабрики. Крупные фабриканты по необходимости поддерживали производство, но тоже сократили его, насколько было возможно, распустив множество лишних рабочих. В то же самое время фабрики осаждались предложением труда со стороны постоянно прибывающих из деревень толпами сельских работников...

Во Владимирской губернии размеры промышленности все продолжают суживаться. На многочисленных фабричных заведениях в Орехово-Зуеве, в нынешнем году, было чрезвычайно обильное предложение рабочих рук на летние работы, считая с пасхи до осеннего периода заговенья. К пасхе сюда нахлынули массы рабочих из губерний Владимирской, Рязанской, Тульской, Московской, Калужской. Наплыв рабочих вызвал понижение и без того невысокой платы, отчего коренные местные рабочие встретили пришельцев крайне недружелюбно. Фабрики не могли удовлетворить весь громадный спрос на работу и много рабочих должны были возвратиться на родину, не найдя заработка. Вскоре оказалось, что даже нанятым рабочим нет достаточно занятий, потому что фабриканты, вследствие застоя в делах, были вынуждены сократить производство. На некоторых фабриках ночные смены совсем уничтожены, так что число рабочих должно уменьшиться наполовину».

В цитированной статье Приклонского дана также весьма детальная и конкретная характеристика, как отразился кризис на положении рабочего. Отметим наиболее существенные моменты:

«Оставшиеся на фабриках работники были поставлены в самое тяжелое бедственное положение, вследствие уменьшения заработка при непомерно увеличившейся дороговизне на все предметы необходимости. Это уменьшение заработка достигалось частью открытым сокращением заработной платы, частью непомерно строгим взысканием штрафов, произвольно налагаемых на рабочих фабрикантами, отчасти же сокращением рабочего времени».

На это резкое уменьшение заработной платы повлиял также весьма значительный приток из деревень голодных крестьян уже при сократившейся общей численности рабочих, занятых на фабриках и заводах.

«В то же время, в промышленные местности нахлынули из деревень громадные толпы сельских работников, которые, как милости, просили принять их на фабрики, соглашаясь работать на самых невыгодных условиях. Все эти обстоятельства, взятые вместе, повели к ужасному падению заработной платы, и без того чрезвычайно низкой у нас».

До каких пределов снижалась заработная плата рабочих во время этого кризиса, в особенности в менее крупных промышленных центрах, можно судить по следующим данным («Дело» № 1, 1883, стр. 60): «В Саратове заработная плата упала до того, что здоровый, сильный рабочий, работая с раннего утра до позднего вечера, едва мог приобрести в день 12—25 коп. и редко 30—45 коп.

Множество работников бродили по городу, нигде не находя заработка.

Винокуренные и маслобойные заводы, пользуясь чрезмерным предложением рабочих рук, нанимали рабочих по 4—5 руб. в мес. на хозяйских харчах. Вскоре цены на труд были сбиты до такой степени, что рабочие стали наниматься по 2 р. в месяц на хозяйских харчах. Затем начались случаи найма рабочих из-за одних хозяйских харчей. Наконец, наниматели стали уменьшать расходы на пищу для рабочих: прежде кормили их щами с кашею, а теперь кашу заменили картофелем. При всем том, вследствие всеобщей бедности и отсутствия спроса, производство сократилось до такой степени, что многие заводы должны были закрыться».

О резком ухудшении материального положения рабочих, вызванном промышленным кризисом 80-х годов, свидетельствуют еще следующие факты: «В другом промышленном городе Владимирской губернии, в Шуе, фабриканты всевозможными средствами старались сократить заработную плату. Никогда еще штрафы на работах не достигали такого развития, как в эту зиму. Например, на одной фабрике штрафовали за все,—и за то, что челнок вылетит из станка, и за то, что зубец сломается на шестерне и проч.; наконец, штрафы дошли до того, что, несмотря на безработицу, рабочие все до одного потребовали расчета... В многолюдном фабричном центре, селе Орехово-Зуеве, Покровского уезда, имеющем до 30 тыс. фабричного населения, размеры производства были сокращены в весьма значительной степени. Средней руки фабриканты, вследствие промышленного застоя, сократили размер рабочей платы. Крупные фабриканты не хотели открыто последовать примеру их и старались достигнуть уменьшения заработной платы путем увеличения штрафов, которые были доведены до беспощадной строгости...

В Смоленской губернии предложение рабочих рук было так велико, что крестьяне толпами ходили, отыскивая работу и соглашаясь за самую низкую заработную плату, даже по 1 р. 50 к. в месяц. В то же самое время, в больших

фабричных заведениях шел роспуск рабочих и сокращение заработной платы»[1].

Приводимые данные о положении Сормовского завода во время промышленного кризиса начала 1880-х годов характерны и для других заводов металлопромышленности. «В связи с общим застоем промышленности начала 80-х годов стоит тот кризис Сормовского завода, который был отмечен и Безобразовым, писавшим, что заказы на заводе ниже его сил, и балахнинским земством, которое признало не вполне благоприятное положение завода и отсрочило платеж уездного земства. «Дела Сормовского завода, как и вообще всех русских механических, пришли в упадок; казенные вагонные заказы прекратились; от частных лиц заказов значительных тоже нет; число рабочих, обычное в 2 500, спустилось до 850; многие мастерские стояли без дела; нечего думать о прибыли; на будущий год без помощи правительства и надеяться нечего на улучшение наших дел». Такими словами заводоуправление характеризовало положение дел в 1882 г. в своем заявлении Балахнинскому земскому собранию. В этом заявлении стоит отметить связь критического положения одного завода с общим кризисом русской промышленности и вместе с тем такую характерную и все продолжающуюся зависимость крупной промышленности от казенных заказов»[2].

Обратимся к основным показателям динамики численности промышленных рабочих России за 1887—1900 гг. Предлагаемая таблица на стр. 112—113 построена на данных о численности рабочих в 1887, 1890, 1893 и 1897 гг., опубликованных в разделе I «Свода данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.», «Итоги по группам производств»[3].

Во введении к «Своду данных за 1897 г.» указано:

«В первом отделе «Свода» помещены итоги фабрично-заводской промышленности по группам и главным отраслям производств за 1887, 1890, 1893, 1896 и 1897 гг. Данные за 1887—1896 гг. были вновь пересмотрены и проверены, оказавшиеся неточности в подсчете и опечатки прежних изданий исправлены, а отдельные производства соединены в группы для удобства их сравнения с итогами 1897 г...

Сведения о горных производствах приведены по изданию Горного ученого комитета «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1897 г.», а данные, относящиеся к производствам, подлежащим обложению акцизными сборами, заимствованы из материалов Главного управления неокладных сборов и Казенной продажи питей. Дополнительные и поверочные материалы по некоторым губерниям показали также сведения, заключающиеся в отчетах местных фабричных инспекторов»[4].

При анализе динамических рядов роста общей численности фабрично-заводских рабочих за десятилетие (1887—1897 гг.) можно проследить постепенное и весьма значительное нарастание темпа прироста численности. Это нарастание темпа прироста численности более наглядно выступает в следующей таблице, причем

---

[1] «Русская мысль» № 4, 5 и 10, 1882; «Дело» № 1, 1883.

[2] *С. Архангельский*, Пролетариат Сормовского промышленного района. Исторические сборники «Труд в России», Л. 1924, стр. 55.

[3] «Министерство финансов», П. 1900, стр. II и III.

[4] Там же.

Группы производств	Число фабрик и заводов				Численность ра	
	1887 г.	1890 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1890 г.
Волокнистые вещества	2 847	2 985	3 025	4 449	399,2	433,3
Питательные продукты . . .	14 508	15 640	13 607	16 592	205,2	203,0
Питательные продукты без мукомольного производства	9 229	8 637	10 081	10 588	176,8	173,4
Животные продукты	4 425	3 806	3 350	4 238	38,9	39,7
Обработка дерева [1]	1 093	1 121	1 191	2 357	30,7	36,1
Писчебумажные производства	242	274	343	532	19,5	27,4
Химические производства . .	588	748	688	769	21,1	27,8
Химические производства без спичечного	374	458	463	603	10,8	12,0
Керамическое производство .	2 380	2 380	2 031	3 413	67,3	72,4
Горная и горнозаводская промышленность	2 656	2 935	3 482	3 412	390,9	426,6
Металлические изделия . . .	1 377	1 536	1 832	2 412	103,3	110,0
Производства, не вошедшие в предыдущие группы . .	772	829	799	935	41,8	48,5
Итого по всем группам	30 888	32 254	30 343	39 109	1 317,9	1 424,8
Итого по всем группам без мукомольного производства	25 609	25 251	26 817	33 105	1 289,5	1 395,2

[1] Сильное увеличение числа рабочих с 1896 г. объясняется, главным образом, более полной регистрацией лесопильных заводов.

заводских рабочих за 1887—1897 гг.

бочих (в тыс.)		Увеличение (+) или уменьшение (—) численности рабочих в % к предыдущей дате			Прирост численности рабочих с 1887 по 1897 г.	
1893 г.	1897 г.	1890 г. к 1887 г.	1893 г. к 1890 г.	1897 г. к 1893 г.	в тыс.	в %
497,9	642,5	+ 8,5	+14,9	+ 29,0	243,3	60,9
216,8	255,4	— 1,1	+ 6,8	+ 17,8	50,2	24,5
187,5	207,6	— 1,9	+ 8,1	+ 10,7	30,8	17,4
44,2	64,4	+ 2,1	+11,3	+ 45,7	25,5	65,6
39,9	86,3	+17,6	+10,5	+116,3	55,6	181,1
33,9	46,2	+40,5	+23,7	+ 36,3	26,7	136,9
28,4	35,3	+31,8	+ 2,2	+ 24,3	14,2	67,3
14,5	20,7	+11,1	+20,8	+ 42,8	9,9	91,7
75,5	143,3	+ 7,6	+ 4,3	+ 89,8	76,0	112,9
461,5	544,3	+ 9,1	+ 8,2	+ 17,9	153,4	39,2
132,6	214,3	+ 6,5	+20,5	+ 61,6	111,0	107,5
52,9	66,2	+16,0	+ 9,1	+ 25,1	24,4	58,4
1 583,6	2 098,2	+ 8,1	+11,1	+32,5	780,3	59,2
1 554,3	2 050,4	+ 8,2	+11,4	+31,9	760,9	59,0

при построении этой таблицы можно было исходить лишь из тех дат, на которые имелись сведения в сводной таблице.

Годы	Прирост численности рабочих за период	
	в тыс.	в %
С 1887 по 1890 г.	106,9	8,1
» 1890 » 1893 »	158,8	11,1
» 1893 » 1896 »	235,6	14,9
» 1896 » 1897 »	279,0	15,4
С 1887 по 1897 г.	780,3	59,2

Рост численности фабрично-заводских рабочих за рассматриваемое десятилетие был наиболее интенсивным за весь дореволюционный период. С 1887 по 1897 г. численность рабочих, занятых во всей промышленности, увеличилась на 780,3 тыс. человек, или на 59,2%. Следует отметить весьма значительный прирост численности рабочих за рассматриваемый период в группе производств металлических изделий (на 107,5%) и в керамическом производстве (на 112,9%). В производствах волокнистых веществ, в которых было занято около $^1/_3$ всей численности фабрично-заводских рабочих, рост численности рабочих за 1887—1897 гг. почти совпадал со средним по всей промышленности—60,9%.

Из общего прироста численности фабрично-заводских рабочих за десятилетний период (1887—1897 гг.) в 780,3 тыс. человек на четыре отрасли промышленности приходилось 583,7 тыс. человек, или около 75% всего прироста, а именно:

Прирост численности за 1887—1897 гг.

Производства по обработке волокнистых веществ	243,3	тыс.	человек
Горная и горнозаводская промышленность . . .	153,4	»	»
Производства металлических изделий	111,0	»	»
Керамическое производство	76,0	»	»
Итого по 4 отраслям промышленности .	583,7	тыс.	человек

Как в целом по всей промышленности, так и по отдельным отраслям рост численности рабочих в течение рассматриваемого десятилетия был весьма неравномерным. Следует также отметить, что в двух важнейших отраслях промышленности—производствах металлических изделий и керамическом производстве—резко преобладающая часть прироста численности приходилась на 1893—1897 гг.

М. И. Туган-Барановский, отмечая эти процессы и указывая, что более интенсивный подъем промышленности начался в период после 1893 г., писал: «...за шесть лет 1887—1893 число рабочих на фабриках и заводах возросло на 264 856, а ценность производства на

400 498 тыс. руб. Напротив, за 4 года 1893—1897 число рабочих возросло на 515 358, а ценность производства на 1 104 147 тыс. руб. За первое шестилетие средний годовой прирост рабочих равнялся приблизительно 44 тыс., а ценность производства—67 млн. руб. За второе четырехлетие средний годовой прирост рабочих уже достигал 129 тыс., а ценность производства—276 млн. руб.

С 1893 г. наблюдался быстрый подъем во всех отраслях производства. Особенно бросается в глаза огромный рост ценности вырабатываемых продуктов в обработке металлов и горном деле. Число горнозаводских рабочих возрастает однако гораздо слабее, чем можно было бы ожидать. Причина этого лежит в быстром росте производительности труда именно в этой отрасли промышленности. Новые южные металлургические заводы требуют несравненно меньшего числа рабочих для производства определенного количества металла, чем старинные заводы на Урале, хозяйство которых сложилось на принудительном труде и до сих пор не может вполне освободиться от остатков крепостного права. Вполне возможно, что технический прогресс на уральских заводах поведет к значительному сокращению спроса на труд со стороны этих заводов, ибо, повторяем, спрос этот в современных размерах в значительной мере основывается на отсталости техники уральского металлургического дела.

Итак, промышленное развитие последних годов характеризовалось весьма энергичным подъемом, особенно сильным в обработке металлов и горном деле»[1].

Одной из наиболее существенных причин промышленного подъема 90-х годов было крупное железнодорожное строительство. Оно способствовало дальнейшему развитию основных отраслей тяжелой промышленности—металлургии и топливной промышленности. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» указано:

«Промышленный подъем 90-х годов был связан в первую очередь с усиленным железнодорожным строительством. За десятилетие (1890—1900 годы) было выстроено свыше 21 тысячи верст новых железнодорожных путей»[2].

В работе П. И. Лященко сопоставлены, по данным министерства финансов, основные капиталы в главных отраслях промышленности в 1890—1900 гг.[3] (см. табл. на стр. 116).

За рассматриваемое десятилетие основные капиталы акционерных обществ в среднем по всем отраслям увеличились в три раза. Но в ряде отраслей тяжелой промышленности рост акционерных капиталов происходил в исключительно высоком темпе, в значительной степени превысившем средний рост, а именно в металлической, керамической, химической и горнозаводской. В последней отрасли промышленности следует отметить высокие абсолютные размеры новых вложений. Укажем также, что в текстильной и пище-

[1] *М. И. Туган-Барановский*, Русская фабрика в прошлом и настоящем, изд. 3-е, II. 1907, стр. 341 и 343.

[2] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 7.

[3] *П. И. Лященко*, История народного хозяйства СССР, т. I, М. 1939, стр. 447.

Отрасли промышленности	Основной капитал (в млн. руб.)		Прирост (в %)
	1890 г.	1900 г.	
Горнозаводская	85,7	392,2	358
Металлическая	27,8	257,3	826
Химическая	15,6	93,8	501
Керамическая	6,7	59,0	781
Текстильная	197,5	373,7	89
Пищевая	87,6	153,1	75

вой промышленности темп роста основных капиталов в акционерных обществах значительно отставал от среднего.

Наличие значительных масс избыточного рабочего населения как одного из факторов, способствующих промышленному подъему 90-х годов, отмечалось рядом исследователей. Так, М. Балабанов писал: «Промышленный подъем 90-х годов получил сразу столь большой размах между прочим и потому, что к тому времени образовалось избыточное рабочее население, не находившее применения своей рабочей силе в деревне, предприятия широко разбросались по стране и притом часто вне городов, поближе к тому резервуару, из которого капитал мог черпать рабочую силу»[1].

В дополнение к вышеприведенным данным о динамике численности рабочих отдельных группп производств за 1887—1897 гг. необходимо также привести соответствующие показатели в отношении двух важнейших отраслей промышленности, а именно обработки волокнистых веществ, горной и горнозаводской промышленности.

Динамика численности рабочих, занятых в производствах волокнистых веществ, за 1887—1897 гг.

Производства	Число рабочих (в тыс.)		Увеличение численности рабочих с 1887 по 1897 г.	
	1887 г.	1897 г.	в тыс.	в %
Вся группа производств волокнистых веществ	399,2	642,5	243,3	61
В том числе:				
обработка хлопка	207,7	316,1	108,4	52
» шерсти	79,0	137,1	58,1	73
» шелка	20,1	37,6	17,5	87
отбельное, красильное, набивное и отд. льна	39,5	59,3	19,8	50
обработка льна	29,4	52,1	22,7	77
» пеньки	7,4	18,6	11,2	151

[1] *М. Балабанов*, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. III, М. 1926, стр. 33.

В общем следует признать, что за исключением пеньковой промышленности с наиболее высоким темпом прироста численности рабочих во всех остальных производствах группы волокнистых веществ темп прироста численности незначительно различался от среднего по всей группе.

В следующей таблице приведены также соответствующие показатели по важнейшим отраслям горной и горнозаводской промышленности.

Динамика численности рабочих горнозаводской промышленности России за 1887—1897 гг.[1]

Отрасли промышленности	Число рабочих (в тыс.)		Увеличение численности рабочих с 1887 по 1897 г.	
	1887 г.	1897 г.	в тыс.	в %
Вся горнозаводская промышленность	398,2	547,9	149,7	37,6
В том числе:				
золото-платиновая	85,6	83,3	—2,3	—2,7
медная	9,0	11,0	2,0	22,2
железорудная	224,7	39,5	89,6	39,9
металлургия черных металлов		274,8		
каменноугольная	32,8	65,5	32,7	99,7
нефтяные промысла	4,1	11,9	7,8	190,2
соляная	19,0	18,1	—0,9	—4,7

Из общего прироста численности рабочих в горной и горнозаводской промышленности с 1887 по 1897 г. в 149,7 тыс. человек в абсолютных числах в основном прирост приходился на железорудную и металлургию черных металлов (89,6 тыс.) и на каменноугольную промышленность (32,7 тыс. человек).

За десять лет численность рабочих в каменноугольной промышленности увеличилась вдвое. Отметим также весьма значительный темп роста численности рабочих за рассматриваемый период в нефтяной промышленности.

За 1897—1900 гг. не было опубликовано данных об общей динамике численности рабочих фабрично-заводской промышленности, аналогичных данным за 1887—1897 гг., поэтому за эти три года пришлось произвести специальные исчисления.

В отношении круга предприятий, подчиненных надзору горной инспекции, имелись сопоставимые данные. Сложнее обстояло дело с установлением динамики численности рабочих, подчиненных надзору фабричной инспекции. В отношении этого круга предприятий пришлось поступить следующим образом. Из данных «Свода

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в «Сборниках статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1887 и 1897 гг.»

отчетов за 1897 г.» было взято число рабочих всех групп производств за исключением горнозаводской промышленности. Для 1900 г. были взяты данные на 1 января 1901 г., опубликованные в первом полном «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1901 г.».

Динамика численности рабочих фабрично-заводской промышленности за 1897—1900 гг.

Фабрики и заводы	Число рабочих (в тыс.)		Прирост с 1897 по 1900 г.	
	1897 г.	1900 г.[1]	в тыс.	в %
А. Подчиненные надзору фабричной инспекции	1 554,0	1 692,3	138,3	8,9
Б. Подчиненные надзору горной инспекции	547,9[2]	715,5	167,6	30,6
Всего . . .	2 101,9	2 407,8	305,9	14,6

При производстве приведенных подсчетов принималось, что данные в отношении круга предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, за 1897 и 1900 гг. вполне сопоставимы. Но круг предприятий, учитываемый фабричной инспекцией с начала 900-х годов, был несомненно у́же круга предприятий, учтенных в 1897 г. На динамику численности за 1897—1900 гг. это обстоятельство не оказало значительного влияния, так как хотя по данным 1897 г. и было включено значительное число мелких предприятий, но число занятых в них рабочих было сравнительно невысоким. С 1897 по 1900 г. численность рабочих, подчиненных фабричной инспекции, увеличилась на 8,9%, а занятых в горнозаводской промышленности—на 30,6%, всего по учтенному кругу предприятий—на 14,6%. Ранее мы указали, что прирост численности рабочих за 1887—1897 гг. составил 59,2%. С учетом указанного роста за 1897—1900 гг. общий прирост численности рабочих фабрично-заводской промышленности за весь этот период (1887—1900 гг.) определился в 82% и явился наиболее значительным за всю эпоху капиталистического развития промышленности России.

---

[1] Для круга предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, данные на 1 января 1901 г.

[2] По «Сборнику статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1897 г.».

Необходимо оговорить, что хотя данные о численности рабочих предприятий, подчиненных надзору горной инспекции, за 1897—1900 гг. сопоставимы, но абсолютная численность рабочих по этой группе и, следовательно, также и общая численность рабочих является несколько преувеличенной, так как отчетность горной инспекции включала и численность внезаводских рабочих металлургии. Помимо того горная инспекция учитывала некоторые предприятия, уже учтенные фабричной инспекцией.

Приведенные динамические показатели за 1897—1900 гг. в общем являются безусловно правильными, но абсолютные итоговые данные за 1897 и 1900 гг. несколько преувеличены, так как в итог по группе предприятий, подчиненных надзору горной инспекции, была включена численность рабочих ряда железоделательных заводов, также учтенных и в группе предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции. Таким образом, если принять во внимание, что вследствие указанной особенности учета предприятий железоделательной промышленности итоговая цифра за 1900 г. должна быть снижена, то она после уменьшения окажется близкой к соответствующим подсчетам за 1900 г., произведенным В. Е. Варзаром.

На основании итоговых данных о состоянии промышленности в 1900 г., опубликованных В. Е. Варзаром, общая численность рабочих на фабриках и заводах России в 1900 г. была следующая (не включены рабочие железных дорог)[1]:

Число фабрик и заводов в России и численность занятых в них рабочих в 1900 г.

Группы фабрик и заводов	Число заведений	Число рабочих (в тыс.)
А. Фабрики и заводы по производствам, не обложенным акцизом, в Европейской России и на Кавказе, по регистрации 1900 г. . .	12 702	1 343,3
Б. Фабрики и заводы по тем же производствам в Сибири и Средней Азии	1 165	19,3
В. Фабрики и заводы по производствам, обложенным акцизными сборами	6 971	242,8
Г. Заведения горной и горнозаводской промышленности (без Финляндии)	3 622	672,2
Итого[2] . . .	24 460	2 277,6

О том, насколько интенсивным был прирост численности рабочих за рассматриваемый период в отдельных предприятиях, можно судить по следующим данным:

---

[1] *В. Е. Варзар*, Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г., изд. Отдела промышленности министерства финансов, П. 1903, стр. X—XI.

[2] Сверх того 13 681 мелкое заведение Европейской России, причисленные к фабрикам по регистрации 1897 г. и не вошедшие в сводку 1900 г. В указанных заведениях было занято 95 767 рабочих.

Динамика среднегодовой численности рабочих Путиловского завода с 1885/86 по 1900/01 г. [1]

Годы	Численность рабочих	Годы	Численность рабочих
1885—1886	2 306	1893—1894	5 975
1886—1887	2 373	1894—1895	6 926
1887—1888	2 388	1895—1896	8 443
1888—1889	2 589	1896—1897	10 175
1889—1890	2 542	1897—1898	11 331
1890—1891	3 095	1898—1899	11 780
1891—1892	3 506	1899—1900	11 793
1892—1893	4 419	1900—1901	12 441

За 15 лет число рабочих Путиловского завода увеличилось с 2 306 в 1885—1886 гг. до 12 441 человека в 1900—1901 гг., или в 5,4 раза. Особенно интенсивным был прирост численности рабочих Путиловского завода в 90-е годы.

Также весьма интенсивным был рост численности рабочих на Балтийском судостроительном и механическом заводе[2]:

	1878 г.	1884 г.	1894 г.	1904 г.
Численность рабочих	1 011	1 198	2 763	6 868

За 20 лет (1884—1904 гг.) численность рабочих на Балтийском заводе увеличилась почти в шесть раз.

На Обуховском заводе (ныне «Большевик») численность рабочих за 1884—1912 гг. увеличилась свыше чем в пять раз[3]:

	1884 г.	1888 г.	1902 г.	1912 г.
Численность рабочих	982	1 721	3 500	Свыше 5 000

Приведем также соответствующие данные о динамике численности рабочих по Ижорским заводам за 1872—1902 гг.[4]:

	1872 г.	1877 г.	1882 г.	1887 г.	1892 г.	1897 г.	1902 г.
Число мастеровых	1 484	1 997	1 893	2 125	2 655	3 429	4 729

За 30 лет (1872—1902 гг.) численность мастеровых на Ижорских заводах увеличилась более чем в три раза, причем численность рабочих на этих заводах весьма значительно увеличилась за десятилетие 1892—1902 гг.—свыше чем на 2 тыс. человек.

Остановимся более подробно на показателях в отношении горнозаводской промышленности.

---

[1] «К столетию Путиловского завода. 1801—1901 гг.», П. 1902, стр. 29.

[2] *П. Н. Столпянский*, Жизнь и быт петербургской фабрики 1704—1914 гг., Л. 1925, стр. 165.

[3] *М. Гордон*, Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе, «Архив истории труда в России» № 9, 1923, стр. 55.

[4] «Адмиралтейские Ижорские заводы». Краткий исторический очерк, составлен Г. Городковым, СПБ 1903, стр. 127.

В среднем по горнозаводской промышленности, как выше было указано, лишь за три года (1897—1900) численность рабочих увеличилась на 167,6 тыс. человек, или на 30,6%. Таким образом, абсолютный прирост численности рабочих в рассматриваемой группе производств за три года был более высоким, чем за все предыдущее десятилетие (1887—1897 гг.). При столь значительном приросте численности рабочих в горнозаводской промышленности существенным представляется проследить, в каких именно отраслях промышленности указанный прирост был наиболее интенсивным.

Динамика численности рабочих горнозаводской промышленности за 1897—1900 гг. [1]

Отрасли промышленности	Число рабочих (в тыс.)		Увеличение численности с 1897 по 1900 г.	
	1897 г.	1900 г.	в тыс.	в %
Вся горнозаводская промышленность	547,9	715,5	+ 167,6	+ 30,6
В том числе:				
золото-платиновая	83,3	92,7	+ 9,4	+ 11,3
медная	11,0	10,8	— 0,2	— 1,8
железорудная	39,5	57,7	+ 18,2	+ 46,1
металлургия черных металлов	274,8	331,8	+ 57,0	+ 20,7
каменноугольная	65,5	109,2	+ 43,7	+ 66,7
марганцевая	2,5	6,1	+ 3,6	+ 144,0
нефтяная	11,9	27,6	+ 15,7	+ 131,9

Абсолютный прирост численности рабочих за 1897—1900 гг. был наиболее значительным в железоделательной, каменноугольной и нефтяной промышленности.

С 1887 по 1900 г. численность рабочих горной и горнозаводской промышленности увеличилась на 83%. Указанный значительный прирост рабочих был связан с весьма интенсивными темпами развития важнейших отраслей этой промышленности за рассматриваемый период. Наиболее значительные вложения иностранного капитала в эпоху промышленного оживления и подъема 90-х годов приходились на горнозаводскую и металлическую промышленность. Рост продукции трех отраслей горной и горнозаводской промышленности за десятилетие 1890—1900 гг. был следующим (см. табл. на стр. 122).

Свыше чем в три раза увеличились за эти годы добыча железной руды и выплавка чугуна и почти в три раза добыча каменного угля. Следует отметить исключительно высокие темпы развития тяжелой промышленности на юге России. Так, при росте выплавки чугуна с 1890 по 1900 г. в среднем по России в 3,2 раза соответ-

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в «Сборниках статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1897 и 1900 гг.»

Динамика добычи каменного угля и железной руды и выплавки чугуна (с 1890 по 1900 г.)

Показатели	1890 г.	1900 г.	1900 г. в % к 1890 г.
	млн. пуд.		
I. Добыто каменного угля в России .	367,2	995,3	271
В том числе на юге России	183,3	691,5	377
II. Добыто железной руды в России . .	106,3	367,2	345
В том числе на юге России	23,0	210,1	913
III. Выплавлено чугуна в России . . .	55,2	176,7	320
В том числе на юге России	13,4	91,5	683

ствующий показатель составил для юга России 6,8. Результатом этого явилось увеличение удельного веса выплавки чугуна на юге России к общей выплавке с 24,3 до 51,8%. В связи с этим в значительной степени повысился также за рассматриваемое десятилетие удельный вес численности рабочих, занятых в металлургии юга России.

Следует также отметить, что условия труда на металлургических заводах юга России были исключительно тяжелыми. Так, в отчете старшего фабричного инспектора С. С. Аксенова «Положение фабрично-заводской промышленности и рабочих в Екатеринославской губернии в 1899—1900 гг.» мы встречаем следующие указания о тяжелых условиях работы на металлургических заводах юга России в 90-е годы:

«*Железо- и трубопрокатные заводы* в Екатеринославской губернии представляют собою, конечно, естественный продукт развития горнозаводской промышленности. Все они возникли также сравнительно в позднейшее время, и в смысле технической постановки дела почти все являются довольно удачно оборудованными, но по характеру производства это—едва ли не самые тяжелые *в отношении обстановки труда рабочих*; это станет понятным, если вспомнить, что все операции при прокатке изделий производятся с раскаленным железом, причем все время рабочим приходится манипулировать, почти не выпуская из клещей этих красных болванок, листов, труб и проч., особенно поспешно по весьма применимой здесь пословице: «куй железо, пока горячо». Вместе с тем, в холодное время года, прокатные отделы этих заводов, обыкновенно представляющие собой колоссальные балаганы, открытые во многих местах для сквозняков, крайне опасны для здоровья рабочих, так как одетые во время работ в одни сорочки и обливаясь потом, они непрерывно попадают из огненной температуры у печей или у столов—в стужу ледяного ветра, несущегося через ворота, открытые в крыше люки или просто через незабранную часть стены. Ввиду таких тяжелых условий работы самые отделы прокатные на языке рабочих зовутся «проклятыми»[1].

В течение 1887—1900 гг. впервые происходил весьма интенсивный рост численности рабочих в каменноугольной промышленности (см. табл. на стр. 123).

За 1887—1900 гг. численность рабочих каменноугольной промышленности увеличилась в 3,3 раза, а именно с 32,8 тыс. в 1887 г. до 109,2 тыс. человек в 1900 г. В значительной степени прирост численности приходился на последние четыре года.

[1] «Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1903 г.», стр. 139—140.

Динамика численности рабочих каменноугольной промышленности за 1887—1900 гг. [1]

Годы	Число рабочих (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) за год	
		в тыс.	в %
1887	32,8	—	—
1888	38,0	+ 5,2	+15,9
1889	43,3	+ 5,3	+13,9
1890	40,6	— 2,7	— 6,2
1891	40,2	— 0,4	— 1,0
1892	43,2	+ 3,0	+ 7,5
1893	48,1	+ 4,9	+11,3
1894	51,2	+ 3,1	+ 6,4
1895	51,2	—	—
1896	52,4	+ 1,2	+ 2,3
1897	65,2	+12,8	+24,4
1898	69,9	+ 4,7	+ 7,2
1899	85,4	+15,5	+22,2
1900	109,2	+23,8	+27,9

За пятилетие 1896—1900 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием 1891—1895 гг. численность рабочих в этой отрасли промышленности повысилась на 63%. В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России», вышедшей в начале 1899 г., писал о развитии каменноугольной промышленности и об изменениях в результате этого развития общественных отношений производства: «По мере того, как истребляются леса при хищническом хозяйстве лесопромышленников (а этот процесс идет с громадной быстротой),—все сильнее чувствуется нужда в замене дров каменным углем, все быстрее развивается каменноугольная промышленность, которая одна только в состоянии служить прочным базисом для крупной машинной индустрии. Наличность дешевого топлива, которое бы можно было получить в любое время в любом количестве за определенную и мало колеблющуюся цену,—таково требование современной фабрики... Что касается до общественных отношений производства, то в этом отношении лесопромышленность относится к каменноугольной промышленности приблизительно так же, как капиталистическая мануфактура относится к крупной машинной индустрии. Лесопромышленность означает самое примитивное состояние техники, эксплуатирующей первобытными способами природные богатства; каменноугольная промышленность ведет к полному перевороту в технике и к широкому употреблению машин. Лесопромышленность оставляет производителя крестьянином, каменноугольная промышленность превращает его в фабричного... Каменноугольная промышленность со-

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в «Сборниках статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1887—1900 гг.»

здает подвижность населения, образует крупные индустриальные центры и неизбежно ведет к общественному контролю за производством. Одним словом, описываемая смена имеет такое же прогрессивное значение, как смена мануфактуры фабрикою»[1].

И в другой важнейшей отрасли топливной промышленности—*нефтедобывающей*—численность рабочих в течение второй половины 90-х годов резко увеличилась. В работе К. А. Пажитнова опубликована по материалам статистических сборников Горного ученого комитета следующая сводная таблица за 1883—1900 гг.[2]:

Динамика численности рабочих бакинской нефтедобывающей промышленности за 1883—1900 гг.

Годы	Число рабочих (в тыс.)	Годы	Число рабочих (в тыс.)
1883	1,3	1892	5,6
1884	1,5	1893	7,1
1885	2,3	1894	5,9
1886	2,8	1895	6,2
1887	3,9	1896	10,5
1888	2,9	1897	10,8
1889	4,4	1898	17,4
1890	5,6	1899	22,8
1891	7,4	1900	25,2

С 1883 по 1900 г. численность рабочих бакинской нефтедобывающей промышленности увеличилась с 1,3 тыс. до 25,2 тыс. человек. К. А. Пажитнов указывает, что «...данные Горного ученого комитета получились от нефтедобывающих фирм, поэтому рабочие, занятые у подрядчиков по бурению и в механических мастерских, обслуживающих нефтяные промыслы, но не принадлежащих означенным фирмам, сюда, очевидно, не попали»[3].

В результате весьма неравномерного прироста численности рабочих горнозаводской промышленности по отдельным районам за 1887—1900 гг. удельный вес численности рабочих важнейших районов в значительной степени изменился. Отметим основные показатели[4]. При общем приросте численности рабочих горнозаводской промышленности за рассматриваемый период почти на 80% рост численности рабочих за 1887—1900 гг. был равен на Урале 12%, а на юге России—255%. Следствием указанных процессов явилось повышение почти в два раза удельного веса численности горнозаводских рабочих юга России—с 12,5% в 1887 г. до 24,6%

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 413—414.

[2] *К. А. Пажитнов*, Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности, М. 1940, стр. 95.

[3] Там же.

[4] Абсолютные данные о численности рабочих опубликованы в «Сборниках статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1887 и 1900 гг.».

общей численности в 1900 г.—и снижение соответствующего показателя для рабочих Урала с 59 до 38%. За эти же годы повысился также удельный вес численности рабочих горнозаводской промышленности Кавказа, главным образом в связи со значительным развитием бакинской нефтяной промышленности.

Выше указано было снижение удельного веса Урала по численности рабочих за 1887—1900 гг., но по продукции снижение роли Урала за эти годы было гораздо более значительным, учитывая резкие различия в техническом оборудовании промышленности Урала и юга России.

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин, исследуя развитие промышленности Урала, указывал на исключительное отставание этого района к концу XIX в.: «В исходный период пореформенного развития России главным центром горной промышленности был Урал. Образуя район,—до самого последнего времени резко отделенный от центральной России,—Урал представляет из себя в то же время оригинальный строй промышленности. В основе «организации труда» на Урале издавна лежало крепостное право, которое и до сих пор, до самого конца 19-го века, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта»[1]. «Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени—такова общая картина Урала»[2].

Для определения динамики численности рабочих фабрично-заводской промышленности России мы располагаем за период 1865—1900 гг. двумя основными сопоставимыми динамическими рядами, а именно: за 1865—1890 гг.—исчисление В. И. Ленина, за 1887—1897 гг.—исчисление, приведенное в «Своде данных о фабрично-заводской промышленности России за 1897 г.». Эти два основных динамических ряда имеют три общих года (1887—1890). Чтобы связать эти два динамических ряда, следует выделить из динамики за 1887—1897 гг. данные о динамике за 1887—1890 гг. За эти три года в среднем по всей фабрично-заводской промышленности численность рабочих увеличилась на 8,1%. И следовательно, исключая из общей динамики за 1887—1897 гг. указанные три года, рост численности рабочих фабрично-заводской промышленности определится за 1890—1897 гг. в 47,1%. За последующие 1897—1900 гг. численность рабочих увеличилась на 14,5%. Таким образом, общий рост численности рабочих за 1890—1900 гг. должен был составить 68,4%. Согласно вышеприведенным данным численность рабочих повысилась за 1865—1890 гг. на 75,1%. Общий же прирост

---

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 376.
[2] Там же, стр. 379.

численности рабочих России за весь период 1865—1900 гг. представляется возможным исчислить в 194,8%.

Таким образом, за пореформенный период до 1900 г. численность рабочих увеличилась почти в три раза. В. И. Ленин в статье «„Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция» писал: «И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»[1].

И одним из ярких проявлений этого интенсивного развития капитализма в России явились те сравнительно высокие темпы роста численности промышленного пролетариата, которые наблюдались за рассматриваемый период после 1861 г. вплоть до конца XIX в.

Дополнительно необходимо привести подсчеты В. И. Ленина в «Развитии капитализма в России» о росте числа фабрик за период с 1866 по 1903 г. Методы этих подсчетов были указаны В. И. Лениным в примечании, которое мы также приводим:

«Необходимо прежде всего установить какой-либо точный признак понятия «фабрика»,—без этого условия было бы нелепо иллюстрировать развитие крупной машинной индустрии данными о заведениях, в число которых в разное время попадали разные количества мелких мельниц, маслобоек, кирпичных сараев и пр. и пр. Возьмем таким признаком наличность числа рабочих в заведении не менее 16, и тогда мы увидим, что таких промышленных заведений в Европейской России в 1866 г. было maximum 2,5—3 тысячи, в 1879 г. их было около 4,5 тысячи, в 1890 г.—около 6 тысяч, в $189^4/_5$ г.—около 6,4 тысячи, в 1903 г.—около 9 тысяч[2]. След., *число фабрик в России в пореформенную эпоху увеличивается и притом увеличивается довольно быстро*»[3].

Сводные данные по десятилетиям о динамике численности рабочих фабрично-заводской промышленности за весь рассматриваемый период были опубликованы в издании «Материалы учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса в движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднезем-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XV, стр. 143.

[2] Прим. Ленина: «Данные относятся ко всем производствам (т.-е. включая акцизные), кроме горных. За 1879, 1890 и $189^4/_5$ г.г. данные подсчитаны нами из «Указателей» и «Перечня». Из данных «Перечня» исключены типографии, которые раньше не считались ф.-заводской статистикой (см. «Этюды», стр. 273). (См. том II Сочин., стр. 350—351. *Ред.*). За 1866-ой год имеем, по данным «Ежегодника» о 71 производстве, 1.861 заведение с 16 и более рабочими из всего числа 6.891 заведения; в 1890 г. эти 71 производство давал около $^4/_5$ всего числа заведений с 16 и более рабочими. Взятый нами признак понятия «фабрика» мы считаем наиболее точным, так как принадлежность заведений с 16 и бол. рабочими к числу фабрик стояла вне сомнения для самых различных программ нашей ф.-заводской статистики и для всех производств. Несомненно, что ф.-з. статистика никогда не могла и теперь не может зарегистрировать *все* заведения с 16 и бол. рабочими (см. примеры в VI главе, § II), но у нас нет никаких оснований думать, что пропусков было прежде больше, чем теперь. За 1903 г.—данные из «Свода отчетов ф. инсп.». По 50 губ. Евр. России 8.856 фабрик и заводов с числом рабочих более 20. (Сведения за 1903 г. добавлены во втором издании. *Ред.*)».

[3] *Ленин*. Соч., т. III, стр. 363—364.

ледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России».

Относительно источников данных о численности фабрично-заводских рабочих в этом издании указано:

«Основными источниками для исчисления фабрично-заводских рабочих послужили следующие официальные издания: Военно-статистический сборник, Приложения к отчетам губернаторов, Ежегодник министерства финансов, Статистические сборники по горнозаводской промышленности изд. Горного ученого комитета, Сборники по производствам, облагаемым и необлагаемым акцизом, изд. Департаментом торговли и мануфактур и неокладных сборов. Одно перечисление источников дает уже понятие о той разнохарактерности материала, на основании которого пришлось определять число фабрично-заводских рабочих, и действительно каждый источник имеет свои особенности как по объему содержания, так и относительно качества заключающихся в нем сведений» [1].

В дальнейшем изложении авторы текстового обзора отметили как ряд существенных дефектов указанных статистических материалов, так и ряд исчислений, которые были приняты при отсутствии прямых показаний. Таким образом, хотя эти данные не являются точными, но все же они в общем отражают происшедшие за период с 1861—1870 гг. по 1900 г. значительные динамические сдвиги.

Эти данные особо важны для характеристики динамики численности фабрично-заводских рабочих в отдельных районах страны за указанные десятилетия, так как из опубликованных до настоящего времени динамических показателей по отдельным губерниям они являются наиболее полными.

На основании этих статистических данных и составлена следующая таблица об общей динамике численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности Европейской России с 1861—1870 гг. по 1900 г.[2]:

Динамика численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности 50 губерний Европейской России с 1861—1870 гг. по 1900 г.

Показатели	1861—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	1900 г.
Численность рабочих (в тыс.)	797,6	945,6	1 160,1	1 637,6	1 990,3
Прирост численности рабочих в % к предшествующей дате	—	18,6	22,7	41,2	21,5

С 1861—1870 гг. по 1900 г. численность рабочих фабрично-заводской промышленности 50 губерний Европейской России повысилась в $2^1/_2$ раза. В наиболее интенсивном темпе происходил рост численности рабочих фабрично-заводской промышленности в 90-е годы: по сравнению с предшествующим десятилетием прирост составил 41,2%, причем как прирост абсолютной численности,

[1] Разработано Департаментом окладных сборов, ч. III, П. 1903, стр. 107.
[2] Там же, ч. I, стр. 216—217.

так и темп прироста за указанное десятилетие превышали соответствующие показатели за два предшествующие десятилетия (1871—1880 и 1881—1890 гг.). Следует также отметить, что численность рабочих в 1900 г. превышала на 21,5% численность рабочих за десятилетие 1891—1900 гг.

Дополнительно к этим общим показателям динамики численности промышленных рабочих мы приводим также соответствующие данные в отношении наиболее промышленных губерний. Эти данные охватывают как фабрично-заводскую, так и горнозаводскую промышленность. Отдельные губернии расположены в убывающем порядке по численности рабочих в 1900 г.

Динамика численности рабочих наиболее промышленных губерний Европейской России с 1861—1870 гг. по 1900 гг.

Губернии	Число рабочих (в тыс.)					Прирост численности рабочих с 1861—1870 гг. по 1900 г.	
	1861—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	1900 г.	в тыс.	в %
50 губерний Европейской России	797,6	945,6	1 160,8	1 637,6	1 990,3	1 192,7	149,5
В том числе:							
Московская	134,5	163,4	181,4	249,6	280,7	146,2	108,7
Пермская	73,3	110,7	147,7	168,3	180,3	107,0	146,0
Петербургская	54,9	74,4	78,8	126,6	163,7	108,8	198,2
Владимирская	73,0	84,9	100,0	123,9	149,0	76,0	104,1
Екатеринославская	5,2	8,7	23,8	64,3	101,0	95,8	В 19,4 раза
Костромская	13,0	22,7	31,4	47,5	61,7	48,7	374,6
Киевская	47,8	39,1	39,7	47,4	55,3	7,5	15,7
Лифляндская	12,0	16,1	20,4	36,2	50,8	38,8	323,3
Ярославская	10,6	12,6	20,8	35,8	47,2	36,6	345,3
Оренбургская	19,2	20,9	33,8	44,3	45,1	25,9	134,9
Донская обл.	1,5	8,7	21,3	35,2	45,0	43,5	В 30 раз
Вятская	16,3	22,0	30,6	42,7	44,9	28,6	175,5
Орловская	24,8	34,0	33,7	37,3	43,4	18,6	75,0
Харьковская	19,6	19,7	21,6	30,5	42,9	23,3	118,9
Саратовская	9,9	11,1	18,2	26,4	40,0	30,1	304,0
Нижегородская	13,9	13,9	14,2	28,4	39,4	25,5	183,5
Уфимская	12,5	16,6	19,0	30,5	36,1	23,6	188,8
Херсонская	6,6	6,4	15,6	28,7	33,0	26,4	400,0
Тульская	15,3	14,4	15,3	28,0	32,3	17,0	111,1
Тверская	15,3	20,5	22,6	27,7	32,3	17,0	111,1

Резко отличаются особо высокими показателями темпы роста численности промышленных рабочих Донской области и Екате-

ринославской губернии, в которых бурно развивалась за эти годы, главным образом, горнозаводская промышленность.

Необходимо указать, что значительный рост за рассматриваемые годы численности рабочих в трех губерниях—Пермской, Оренбургской и Уфимской—объясняется отчасти повышенным ростом численности вспомогательных рабочих в горнозаводской промышленности в этих губерниях. В последующий период численность группы вспомогательных рабочих понизилась.

Внутри центрально-промышленного района сравнительно повышенные показатели прироста следует отметить в Костромской и Ярославской губерниях. По показателям роста абсолютной численности рабочих фабрично-заводской промышленности с 1861—1870 гг. по 1900 г. выделяется следующая группа губерний: Московская—146 тыс., Петербургская—109 тыс., Пермская—107 тыс., Екатеринославская—96 тыс. и Владимирская—76 тыс. На эти пять промышленных губерний приходилось 534 тыс. рабочих из общего прироста за рассматриваемый период по Европейской России в 1 193 тыс.

За рассматриваемый период резко повысилось промышленное значение Екатеринославской губернии в результате развития горной и горнозаводской промышленности. В связи с этим в весьма интенсивном темпе увеличилась в этой губернии и численность промышленных рабочих. На основании сведений губернского статистического комитета о состоянии промышленности за 1866, 1888 и 1898 гг., опубликованных в статье С. Аксенова «Положение фабрично-заводской промышленности и рабочих в Екатеринославской губернии в 1899—1900 гг.»[1], составлена следующая таблица:

Динамика численности рабочих в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Екатеринославской губернии за 1866—1898 гг.

По обработке	1866 г.		1888 г.		1898 г.	
	число заведений	число рабочих	число заведений	число рабочих	число заведений	число рабочих
Животных продуктов	260	2 709	106	955	72	343
Растительных продуктов	229	1 564	161	2 196	476	3 160
Ископаемых (по добыче и обработке)	144	1 124	278	20 120	791	104 506
Всего . . .	633	5 397	545	23 271	1 339	108 009

[1] «Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1903 г.», Екатеринослав 1903, стр. 127—128.

С. Аксенов указывает в цитированной статье, что данные по третьей группе ископаемых (по добыче и обработке) «относятся ко всем производствам по добыче и обработке металлов и минеральных веществ, т. е. как к горнозаводским предприятиям, так и к машиностроительным и др. заводам».

Таким образом, в результате развития этих отраслей промышленности общая численность промышленных рабочих Екатеринославской губернии увеличилась с 5,4 тыс. в 1866 г. до 108 тыс. в 1898 г.[1] В основном указанный прирост происходил в течение десятилетия 1888—1898 гг.

Для характеристики процессов динамики численности рабочих фабрично-заводской промышленности за капиталистическую эпоху представляют интерес также данные о времени основания промышленных предприятий.

На основании данных «Списка фабрик и заводов» за 1900 г. (изд. министерства финансов, 1903 г.) А. В. Погожевым произведено распределение 14 464 промышленных предприятий по времени их основания (см. табл. на стр. 131)[2].

Около $^2/_3$ общего числа учтенных предприятий основано в период 1881—1900 гг., причем за десятилетие 1881—1890 гг. основано 21%, а за десятилетие 1891—1900 гг.—40%. И в основных группах производства на эти два последних десятилетия XIX в. также приходилось 61% общего числа предприятий.

В результате промышленного подъема 90-х годов удельный вес возникших предприятий за это десятилетие был сравнительно повышенным, причем из 5 788 возникших предприятий за 90-е годы во второй половине этого десятилетия было основано 3 524 предприятия.

ГЛАВА 4

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ ЗА 1900—1913 гг.

О динамике численности рабочих, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, за период 1901—1914 гг. содержатся сведения в двух ежегодных изданиях: в «Сводах отчетов фабричных инспекторов» и в «Статистике несчастных случаев с рабочими в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции». В первом из этих изданий за период 1901—1909 гг. были опубликованы лишь итоговые данные. Начиная с 1910 г., в «Сводах отчетов фабричных инспекторов» были опубликованы сведения о численности рабочих по производствам и губерниям.

В другом издании—«Статистика несчастных случаев с рабочими

---

[1] В 1900 г. в результате кризиса численность рабочих понизилась.

[2] *А. В. Погожев*, Учет численности и состава рабочих в России, П. 1906, стр. 76—81.

Распределение промышленных предприятий по группам производств и времени их основания

Группы производств	В абсолютных числах							В %						
	до 1861 г.	1861—1870 гг.	1870—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	1901—1903 гг.	всего	до 1861 г.	1861—1870 гг.	1870—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	1901—1903 гг.	всего
Обработка хлопка	161	86	106	152	270	4	779	20,7	11,1	13,6	19,5	34,6	0,5	100,0
» шерсти	141	71	129	164	346	5	856	16,5	8,3	15,1	19,1	40,4	0,6	100,0
» шелка	33	24	43	57	64	—	221	14,9	10,9	19,5	25,8	28,9	—	100,0
» льна, пеньки и джута	83	36	64	86	105	—	374	22,2	9,6	17,1	23,0	28,1	—	100,0
Обработка смешанных волокнистых веществ	26	24	50	97	141	2	340	7,6	7,1	14,7	28,5	41,5	0,6	100,0
Всего по обработке волокнистых веществ	444	241	392	556	926	11	2 570	17,3	9,4	15,2	21,6	36,0	0,5	100,0
Бумажное и полиграфическое производство	119	89	174	245	393	2	1 022	11,6	8,7	17,0	24,0	38,5	0,2	100,0
Обработка дерева	65	65	155	247	817	14	1 363	4,8	4,8	11,4	18,1	59,9	1,0	100,0
» металлов	252	146	274	351	651	6	1 680	15,0	8,7	16,3	20,9	38,7	0,4	100,0
» минеральных веществ	171	86	196	224	766	3	1 446	11,8	5,9	13,6	15,5	53,0	0,2	100,0
Обработка животных продуктов	292	113	186	232	343	5	1 171	24,9	9,7	15,9	19,8	29,3	0,4	100,0
Обработка питательных веществ	168	128	284	516	1 075	15	2 186	7,7	5,9	13,0	23,6	49,2	0,6	100,0
Химическое производство	46	31	45	92	127	3	344	13,4	9,0	13,1	26,7	36,9	0,9	100,0
Не вошедшие в предыдущие группы	1	—	3	5	22	—	31	3,2	—	9,7	16,1	71,0	—	100,0
Подлежащие акцизу	617	386	391	568	668	19	2 649	23,3	14,6	14,8	21,4	25,2	0,7	100,0
Всего	2 175	1 285	2 100	3 036	5 788	78	14 462	15,1	8,9	14,5	21,0	40,0	0,5	100,0

в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричных инспекторов»—с 1901 по 1912 г. ежегодно публиковались данные о динамике численности рабочих по группам производств. В нашем исследовании, чтобы получить сплошную динамику численности рабочих по важнейшим группам производств за 1901—1913 гг., пришлось сочетать данные, опубликованные в «Сводах отчетов фабричных инспекторов», с данными, опубликованными в «Статистике несчастных случаев с рабочими в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции». За период 1901—1912 гг. использованы данные «Статистики несчастных случаев», на 1 января 1914 г. данные извлечены из «Свода отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.».

Вторым основным источником для характеристики динамических процессов в области численности значительной группы рабочих являются «Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России».

Они издавались Горным ученым комитетом с 1886 по 1911 г. И хотя этот источник содержит значительное количество ошибок, все же эти данные, опубликованные по однообразной программе и даже для отдельных предприятий за 25 лет, представляют весьма существенный интерес. В течение этого периода, в 90-е годы, происходило развитие ряда отраслей горнозаводской промышленности в исключительном темпе. В эти же годы имели место промышленный кризис, депрессия и новый промышленный подъем 1910—1913 гг. В отношении большинства отраслей тяжелой промышленности, как в целом, так и по отдельным районам, помимо этого источника мы располагаем также другими статистическими сведениями — материалами предпринимательских организаций и материалами других ведомств. Но все же этот источник является наиболее существенным. Поэтому «Сборники» Горного ученого комитета были использованы при исследовании динамических процессов численности рабочих горной и горнозаводской промышленности за дореволюционный период.

Как при характеристике общей динамики численности промышленных рабочих, так и при характеристике женского труда и труда подростков мы считали необходимым наиболее подробно использовать материалы, опубликованные в ежегодных текстовых обзорах в «Сводах отчетов фабричных инспекторов». В основном эти текстовые обзоры составлялись на основании полученных с мест отчетов фабричных инспекторов и содержали весьма часто конкретную характеристику состояния промышленности и положения рабочих в том или другом районе. Эти сведения являются весьма недостаточными, но все же если их сопоставить с материалами из других источников и при этом также учесть динамические процессы в отношении численности рабочих, то представляется возможным проследить общую динамику численности фабрично-заводских рабочих за рассматриваемый период. Мы считали поэтому необходимым по возможности наиболее полно использовать в нашем исследовании указанный источник, в особенности при ха-

рактеристике динамики численности рабочих отдельных отраслей фабрично-заводской промышленности.

При исчислении общей динамики численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, за период 1901—1913 гг. нами были исключены данные о численности рабочих, занятых в бакинской нефтяной промышленности, по следующим основаниям. До 1907 г. бакинская нефтяная промышленность была подчинена горной инспекции, с 1907 г. она была подчинена фабричной инспекции. Но включение в итоговые данные с 1907 г. данных о численности рабочих бакинской нефтяной промышленности безусловно внесло неправильности в подсчеты, в особенности значительные за 1907 г.

В «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1907 г.» указано: «Организация надзора фабричной инспекции по территории империи в течение отчетного года во всех губерниях и областях, кроме Бакинской губернии, оставалась без изменения та же, что была в предшествующем 1906-м. До сего времени в городе Баку и его окрестностях все предприятия по добыче нефти были подчинены надзору горной инспекции, с 1 же сентября 1907 г. надзор за ними перешел к фабричной инспекции, на которой, таким образом, с этого времени лежит надзор за всею как нефтедобывающей, так и нефтеобрабатывающей промышленностью»[1].

Динамика численности рабочих, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г. представлена в следующей таблице:

Динамика численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г.

	Число предприятий	Численность рабочих (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) численности рабочих в год		Численность рабочих в % к 1 января 1901 г.
			в тыс.	в %	
1 января 1901 г.	18 729	1 692,3	—	—	100,0
1 » 1902 »	17 819	1 691,4	— 0,9	—	99,9
1 » 1903 »	16 173	1 640,4	— 51,0	—3,0	96,9
1 » 1904 »	15 375	1 684,3	+ 43,9	+2,7	99,5
1 » 1905 »	14 615	1 660,7	— 23,6	—1,4	98,1
1 » 1906 »	14 267	1 684,6	+ 23,9	+1,4	99,5
1 » 1907 »	14 048	1 718,1	+ 33,5	+2,0	101,5
1 » 1908 »	14 428	1 768,7	+ 50,6	+2,9	104,5
1 » 1909 »	14 649	1 762,2	— 6,5	—0,4	104,1
1 » 1910 »	14 438	1 793,4	+ 31,2	+1,8	106,0
1 » 1911 »	15 438	1 922,6	+129,2	+7,2	113,6
1 » 1912 »	16 336	2 024,2	+101,6	+5,3	119,6
1 » 1913 »	17 080	2 120,8	+ 96,6	+4,8	125,3
1 » 1914 »	17 563	2 282,1	+161,3	+7,6	134,9

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1907 г.», введение, стр. 1.

Изменения в численности фабрично-заводских рабочих по данным, опубликованным в сводах отчетов фабричных инспекторов на начало 1904, 1905 и 1906 гг., являются сравнительно незначительными. Но надо полагать, что во время русско-японской войны и революции 1905 г. соответствующие изменения были более значительными. Для более детального освещения изменения в численности рабочих фабрично-заводской промышленности за указанный период следует использовать неопубликованные архивные материалы, в частности отчеты фабричных инспекторов по *отдельным* губерниям и в особенности данные крупнейших фабрик и заводов об изменениях в численности рабочих в течение 1904 и 1905 гг. по *месяцам*. Мы надеемся, что соответствующая разработка указанных архивных материалов будет произведена.

В течение 1906—1909 гг. после незначительного сокращения численности фабрично-заводских рабочих за 1901—1905 гг. наблюдался сравнительно замедленный прирост рабочих. По рассматриваемому кругу предприятий численность рабочих на 1 января 1910 г. лишь на 101 тыс. человек, или на 6%, превышала численность рабочих начала 1901 г.[1]. Затем в связи с промышленным подъемом наметился в течение 1910—1913 гг. уже более значительный прирост рабочих: с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г. число рабочих увеличилось на 489 тыс., или на 27,3%. За весь же 13-летний период—с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г.—численность рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, увеличилась на 589,8 тыс. человек, или на 34,9%.

Средний годовой прирост численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, за период 1900—1913 гг. составил 2,5%.

Если сопоставить средний годовой прирост численности рабочих крупной промышленности в СССР за десятилетие 1927—1936 гг.[2], который составил 11,4%, с указанным средним годовым приростом численности фабрично-заводских рабочих России эпохи империализма, то темп прироста численности рабочих в социалистической промышленности СССР превышал в пять раз темп прироста численности фабрично-заводских рабочих капиталистической промышленности России за 1900—1913 гг. При этом следует также учесть исключительно высокие абсолютные уровни прироста численности рабочих в крупной промышленности СССР. В капиталистической же промышленности прирост рабочих не являлся непрерывным. В периоды кризисов и промышленных депрессий массы рабочих безжалостно выбрасывались с заводов и фабрик.

---

[1] Следует указать, что В. Е. Варзар при сравнении результатов переписи 1900 и 1908 гг., произведя сложную переработку статистических материалов с целью установления однородности и соизмеримости результатов указанных переписей, утверждал, что число рабочих за 1900—1908 гг. увеличилось на 16%. Это утверждение нам представляется неправильным и весьма значительно преувеличивающим фактический рост численности рабочих за годы промышленного кризиса и депрессии.

[2] Темпы прироста численности рабочих крупной промышленности в течение восстановительного периода были еще более высокими.

Более подробные материалы об условиях, при которых происходили изменения в численности рабочих фабрично-заводской промышленности за 1900—1913 гг., мы рассмотрим раздельно: 1) за годы кризиса и депрессии (1900—1909) и 2) за годы промышленного подъема (1910—1913). Обратимся к материалам за период 1900—1909 гг. и в первую очередь к характеристике промышленного кризиса начала 900-х годов.

Уже в конце 1897 г. В. И. Ленин в брошюре «Задачи русских социал-демократов» писал о наступлении этого кризиса: «В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим»[1].

М. Балабановым дана следующая общая характеристика промышленного кризиса начала 900-х годов:

«Первые признаки кризиса появились в середине 1899 г., максимальной силы кризис достиг в 1902 г. Вслед за сотрясением денежного рынка наступило падение товарных цен, сокращение производства, закрытие предприятий, массовая безработица. Выплавка чугуна в 1902 г. пала по всем районам до 157 млн. пуд. против 177 млн. пуд. в 1900 г.; в Донецком бассейне в начале 1900 г. находилось в действии 35 доменных печей, к концу 1900 г.—29 печей, к концу 1902 г.—23 печи.

Добыча каменного угля в Донецком бассейне понизилась в 1902 г. до 642 млн. пуд., против 691 млн. пуд. в 1900 г., число копей сократилось с 290 до 240, число занятых рабочих с 82 тыс. до 76 тыс. Добыча руды в том же бассейне пала в 1902 г. до 111 млн. пуд. (в 1900 г.—156 млн. пуд.), из 78 рудников находилось в бездействии 41. Наряду со всеми прочими производствами не избежала, разумеется, кризиса и мануфактура.

Уже весной 1900 г. на московском рынке падает торговля мануфактурой, ощущается сильный недостаток в деньгах. Нижегородская ярмарка этого года не выдерживает попытки фабрикантов поднять цены, и в конце концов продавцы идут на многие уступки чтобы развязаться с товаром.

К лету 1902 г. на мануфактурном рынке наблюдался необыкновенный застой, а нижегородская ярмарка закончилась неблагоприятно; к концу 1902 г. у многих крупных фабрикантов оказались

---

[1] *Ленин*, Соч., т. II, стр. 186.

запасы товара, каких не наблюдалось в продолжение последней четверти века»[1].

В ряде корреспонденций, помещенных в «Искре», сообщалось о все усиливающейся безработице почти во всех крупных центрах в результате промышленного кризиса:

«*Безработица* становится все сильнее, и сведения о ней приходят отовсюду. В «Южном рабочем» (№ 3, ноябрь 1900 г.) пишут: «В Екатеринославе, Харькове, Одессе, Николаеве, Мариуполе, Юзовке и других местах везде сокращение работы, увольнение рабочих десятками и сотнями, везде ужасы нужды и призрак голодной смерти встает в рабочих поселках... Заработная плата упала до последней степени: дело дошло до того, что на всем юге почти нигде не вырабатывают аккорда... В Юзовке отменены ночные работы (раньше работа производилась безостановочно в три смены). Происходит постепенное увольнение рабочих небольшими партиями... В Николаеве общее число уволенных доходит до 2 тыс. чел., в Мариуполе до 600. В особенно широких размерах происходит увольнение в Екатеринославе: некоторые заводы, как например, вагонные мастерские Франко-русского общества, пользуются этим случаем, чтобы заменить боевой и сознательный состав своих рабочих покорными сермягами. Даже в железнодорожных мастерских работы сокращены более, чем наполовину, причем проектированная правительством постройка нового пути Екатеринославской дороги по случаю войны с Китаем отменена». В петербургском «Рабочем листке» (№ 4, декабрь 1900 г.) читаем: «Сотнями выгоняют наши «кормильцы» и «поильцы» рабочих за ворота, на холод и голод. Как тени, ходят по улицам наши безработные товарищи с Волынки, где одну смену расчитали, от Паля, где половина почти, смены не работает, от Кенига, с Малой Охтенской ткацкой, от Шаво, от Торнтона и др. Заработки почти на всех фабриках понижены на 20—30%. У Торнтона ткачи вырабатывают от 6—8 руб. в месяц, у Максвеля женщины—3—4 руб., мужчины—8—11 руб., у Паля поденщики получают 20 коп. в день и т. п.». Про Костромскую губернию и про Шуйско-Ивановский фабричный район газеты сообщают, что многие фабрики сократили производство и распустили половину или треть рабочих, а оставшимся убавили плату на 30%. Увеличиваются воровства и грабежи. Орехово-Зуево переполнено толпами пришлых из разных мест безработных, ютящихся по всевозможным конуркам и страшно бедствующих в ожидании какого ни на есть заработка» («Искра» № 2, февраль 1901 г.). «Безработица на Юге все растет». Как сообщает корреспондент «Нового времени», к 15 января только в Бахмутском и Славяносербском уездах насчитывалось около 10 тыс. безработных. В начале же февраля, когда надежды углепромышленников на улучшение дел не оправдались, число безработных «стало увеличиваться не по дням, а по часам» («Искра» № 3 , апрель 1901 г.)[2].

---

[1] *М. Балабанов*, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. III, М. 1921, стр. 19—20.

[2] «Искра», вып. 1, стр. 40—41 и 68.

В работе М. И. Туган-Барановского также приведены характерные данные о безработице, связанной с промышленным кризисом конца 90-х и начала 900-х годов:

«„Нижегородский листок“ писал в феврале 1900 г., что „начавшийся осенью прошлого года промышленный кризис коснулся и Нижнего. Осенью усиленно сокращали штат рабочих на Сормовских заводах и на заводе Доброва и Набгольц; сокращение это продолжалось до доброй половины зимы. Рассчитывали рабочих и на заводе Курбатова. К заводскому кризису присоединился ряд крахов в пароходном мире, благодаря которым остались без работы целые группы судовых рабочих, как, например, масленщики, кочегары, слесаря и т. д. И рабочий люд вполне основательно и справедливо назвал нынешнюю зиму „тяжелой“...

Из Тулы „Орловский вестник“ писал в конце апреля, что „положение рабочего населения г. Тулы становится все более и более тягостным. Фабрики и заводы сокращают или вовсе приостанавливают свою деятельность, уменьшается точно так же спрос на рабочие руки; напротив количество последних увеличивается. Многие рабочие давно уже перезаложили свои более или менее ценные вещи, даже кое-что из домашнего скарба, чтобы только не остаться без хлеба“...

В Донецком бассейне, где грюндерская горячка была особенно сильна, так же сильна была реакция. По словам „Одесского листка“, с сентября по март в этом районе прекратили платежи 18 бельгийских предприятий, преимущественно переделочных. Пассив их доходил до 4½ млн. руб. Вздорожание угля еще более затруднило металлургические заводы, сократившие производство. По сообщению „Приднепровского края“ из Мариуполя (январь 1900 г.), „с прекращением работ на мариупольских заводах несколько тысяч рассчитанных рабочих за неимением заработка разошлись с заводов и увеличили собой толпу голодающего пролетариата“.

В конце 1899 г. кризис чрезвычайно обострился в Киеве в сахарной промышленности»[1].

В результате промышленного кризиса 900-х годов уменьшилась не только общая численность рабочих в горной и горнозаводской промышленности Урала, но еще в большей степени в этом районе проявилась частичная безработица. В работе А. М. Митинского мы встречаем следующие указания:

«Если просматривать официальную статистику числа рабочих на Урале с момента его сильной работы (1900—1901 гг.) по сие время, то покажется, как будто никакого кризиса на Урале нет и количество их в общем не уменьшилось. Действительно, официальные цифры дают 2—3 тыс. рабочих на платине, 36—37 тыс. на золоте, 61—69 тыс. заводских и 96—81,5 тыс. вспомогательных, 2,5—4 тыс. на медных рудниках, 3,5—5 тыс. на медных заводах. Сильное сокращение наблюдается только в цифре железорудных

---

[1] *М. И. Туган-Барановский*, Русская фабрика в прошлом и настоящем, П. 1907, стр. 358—359.

рабочих—с 31 тыс. до 16 тыс. чел., а всего таким образом 232—215 тыс. На самом деле при заводах кормится то же число рабочих, но как? *Где было 2 рабочих смены в сутки, теперь 3—4 и даже 6—8 смен, чтобы каждому дать заработок хотя бы незначительный»*[1].

При характеристике влияния промышленного кризиса и депрессии на положение рабочего класса в течение 1900—1909 гг. приходится учитывать не только снижение численности рабочих отдельных отраслей промышленности за годы кризиса, а также и то обстоятельство, что за целое десятилетие (1900—1909 гг.) абсолютное увеличение численности фабрично-заводских рабочих было сравнительно весьма невысоким. Таким образом, за эти годы не происходило того массового вовлечения в промышленность пролетаризировавшихся элементов и в первую очередь из сельского хозяйства, которое в столь значительных темпах происходило в предшествующий период промышленного подъема 90-х годов и в последующий период предвоенного промышленного подъема 1910—1913 гг.

Ряд дополнительных данных за рассматриваемое десятилетие мы приводим в дальнейшем изложении при обзоре соответствующих процессов по важнейшим отраслям промышленности.

Переходим к характеристике тех общих условий, при которых в годы промышленного подъема происходили изменения в численности фабрично-заводских рабочих.

Указания о наметившемся подъеме промышленности мы впервые встречаем в «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1910 г.»: «Приведенные выше данные об изменениях в числе промышленных заведений и рабочих в них за 1910 г. неоспоримо свидетельствуют об общем весьма благоприятном положении нашей фабрично-заводской промышленности в этом году, которое и отмечается в отчетах фабричных инспекторов по всем местностям империи, за исключением одной лишь Бакинской губернии: там продолжался и даже усилился застой в предприятиях по бурению нефтяных скважин и отчасти по переработке нефти.

Обрабатывающая промышленность, как и вся вообще экономическая жизнь страны, складывалась в 1910 г. под влиянием двух последовательных хороших урожаев.

Отразившись прежде всего непосредственно на таких тесно связанных с сельским хозяйством фабрично-заводских производствах, как сахарное, крахмальное, винокуренное, мукомольное, обильные урожаи в то же время создали усиленное требование на сельскохозяйственные машины и орудия, на льняные и джутовые мешки для зерна и муки и т. п. фабрично-заводские изделия, а главное—существенно подкрепили покупательные средства как деревенского, так и городского потребителя и оживили этим путем спрос и на все вообще продукты нашей обрабатывающей промыш-

---

[1] *А. М. Митинский*, Горнозаводский Урал, П. 1909 г., стр. 106—108 (курсив наш.—*А. Р.*).

ленности. Отразилось на промышленности и увеличение правительственных заказов заводам главным образом со стороны военного ведомства, а также морского и путей сообщения. В городах развилось в 1910 г. усиленное строительство, вследствие чего сильно возросло потребление изготовляемых на заводах строительных материалов—обработанного дерева, кирпича, цемента, железа в разных видах, оконного стекла и т. д.» [1].

М. И. Туган-Барановский приводит следующие данные относительно акционерных компаний, «действительно открывших свои действия» в течение 1910—1913 гг. [2]:

Наименование групп	Сумма основных капиталов акционерных компаний (в тыс. руб.)			
	1910 г.	1911 г.	1912 г.	за 8 мес. 1913 г.
Все группы	108 657	186 503	234 169	247 206
В том числе:				
горное дело	15 880	57 789	57 461	107 721
выплавка и обработка металлов	26 512	18 890	28 825	28 895
обработка питательных и вкусовых веществ	20 600	23 360	27 105	17 550
обработка волокнистых веществ	9 713	23 085	23 250	11 800
обработка минеральных веществ	150	4 403	8 600	12 050
бумажно-полиграфическое производство	4 350	5 900	4 850	9 525
химические продукты	5 079	3 450	3 700	3 500

Особенно значительным оказался рост основных капиталов акционерных компаний в горной промышленности.

Обратимся к динамике численности рабочих за рассматриваемый период по группам производств. Основные динамические показатели за период с 1901 г. по 1 января 1914 г. приведены в следующей таблице (см. табл. на стр. 140).

При среднем приросте численности рабочих по кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, за период с 1901 г. по 1 января 1914 г. в 35% рост численности рабочих отдельных групп производств был весьма неравномерным. Отметим наиболее крайние отклонения: в то время как за рассматриваемый период численность рабочих по обработке дерева увеличилась на 65,7%, численность рабочих в смешанных производствах по обработке волокнистых веществ и в обработке животных продуктов даже несколько уменьшилась. В общем следует признать, что в группах производств средств производства темп прироста чис-

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 г.», введение, стр. XXIII—XXIV.

[2] *М. И. Туган-Барановский*, Народное хозяйство, «Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г.», СПБ, стр. 347.

Динамика численности рабочих в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, за 1901—1914 гг.

Группы производств	Число рабочих (в тыс.)		Увеличение (+) или уменьшение (—) с 1901 г. по 1 января 1914 г.	
	1901 г.	1 января 1914 г.	в тыс.	в %
Обработка хлопка	391,1	566,1	+175,0	+ 44,7
» шерсти	144,2	166,6	+ 22,4	+ 15,5
» шелка	28,1	34,7	+ 6,6	+ 23,5
» льна, пеньки и джута	97,2	104,5	+ 7,3	+ 7,5
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	47,6	46,3	— 1,3	— 2,7
Всего по текстильной промышленности	708,2	918,2	+210,0	+29,7
Бумажное и полиграфическое производство	78,4	107,7	+ 29,3	+37,4
Обработка дерева	79,7	132,1	+ 52,4	+65,7
» металла	252,2	385,6	+133,4	+52,9
» минеральных веществ	150,8	215,6	+ 64,8	+43,0
» животных продуктов	56,2	55,7	— 0,5	— 0,9
» пищевых веществ	303,2	369,0	+ 65,8	+21,7
Химические производства	60,1	90,5	+ 30,4	+50,6
Прочие производства, не вошедшие в предыдущие группы	2,1	7,6	+ 5,5	+261,9
Итого	1 690,9	2 282,0	+591,1	+35,0

ленности рабочих был повышенным по сравнению с темпами роста численности в производствах средств потребления. Так, укажем, что рост численности рабочих с 1901 г. по 1 января 1914 г. составил в обработке дерева 65,7%, обработке минеральных веществ— 43, обработке металлов—52,9%. В двух главнейших группах производств средств потребления прирост численности рабочих за рассматриваемый период составил в текстильной промышленности 29,7% и в производствах по обработке пищевых и вкусовых веществ 21,7%.

О динамике численности рабочих, занятых в предприятиях по обработке металлов, производстве машин, инструментов и орудий ремесл, *подчиненных надзору фабричной инспекции*, за период с 1901 г. по 1 января 1914 г. можно судить по следующей таблице (см. табл. на стр. 141).

В 1902 г. численность рабочих, занятых в обработке металлов и машиностроении, оказалась пониженной по сравнению с 1901 г. Затем после роста численности в 1903—1905 гг. в течение ряда лет в результате промышленного кризиса численность рабочих в рассматриваемой отрасли промышленности уменьшалась и в 1910 г.

Динамика численности рабочих по обработке металлов, производству машин, инструментов и орудий ремесл с 1901 г. по 1 января 1914 г.

Годы	Численность рабочих (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) за год	
		в тыс.	в %
1901	252,2	—	—
1902	244,9	— 7,3	— 2,9
1903	260,5	+15,6	+ 6,4
1904	267,2	+ 6,7	+ 2,6
1905	272,5	+ 5,3	+ 2,0
1906	257,5	—15,0	— 5,5
1907	259,3	+ 1,8	+ 0,7
1908	249,9	— 9,4	— 3,6
1909	251,9	+ 2,0	+ 0,8
1910	245,9	— 6,0	— 2,4
1911	302,5	+56,6	+23,0
1912	335,2	+32,7	+10,8
1 января 1914	385,6	+50,4	+15,0

была даже на 2,5% ниже численности 1901 г. Таким образом, почти за десятилетний период в обработке металлов и машиностроении численность рабочих не только не увеличилась, но даже снизилась.

В связи с промышленным подъемом в этой отрасли промышленности с 1910 г. наметился резкий рост численности рабочих, причем этот прирост был настолько значительным, что к 1 января 1914 г. численность рабочих в обработке металлов и машиностроении уже превышала численность рабочих в 1901 г. на 52,9%. Таким образом, темп прироста численности рабочих за весь период с 1901 г. по 1 января 1914 г. в обработке металлов и машиностроении оказался повышенным по сравнению с соответствующим темпом, исчисленным в отношении всей фабрично-заводской промышленности. В рассматриваемой отрасли промышленности по кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, численность рабочих увеличилась с 252,2 тыс. в 1901 г. до 385,6 тыс. человек на 1 января 1914 г.

Хотя общее сокращение численности рабочих в металлообрабатывающей промышленности и в машиностроении за 1904—1910 гг. было не особенно значительным, но в ряде важнейших промышленных центров происходили массовые увольнения рабочих. Ограничимся наиболее существенными показателями. Так, в работе Ф. Булкина приведены следующие данные о сокращении численности рабочих в петербургской металлопромышленности в 1907 г.:

«Об этом достаточно красноречиво говорит то обстоятельство, что в 1908 г. происходит во всех промышленных центрах сжатие производства, массовые увольнения рабочих. Особенно тяжело отозвался кризис на металлистах Петербурга. Ознакомившись с приводимой ниже таблицей (№ 31) сокращения числа рабочих на петербургских заводах, мы можем судить о размерах кризиса, о его глубине.

Число уволенных за один год составляет для крупнейших предприятий 8 030, что равно 35,99% общего числа рабочих. Менее значительны цифры

сокращения рабочих по мелким предприятиям, где количество сокращенных, всего 473 человека, составляет лишь 2,12% общего числа рабочих»[1].

Сокращение числа рабочих на крупнейших предприятиях в Петербурге с 1 января 1907 г. по 1 января 1908 г.[2]

Название предприятий	Состояло на 1 января 1907 г.	Состояло на 1 января 1908 г.	Число уволенных
Путиловский завод	10 950	7 000	3 950
Невский судостроительный и механический завод	5 000	3 500	1 500
Вагоностроительный завод	2 100	400	1 700
Металлический завод	2 000	1 700	300
Механический завод Нобеля	800	700	100
Машиностроительный завод Лесснера	600	400	200
Чугуно-труболитейный завод	460	300	160
Механический завод Копелль	400	280	120
Итого	22 310	14 280	8 030

Мы считаем необходимым остановиться подробно на характеристике кризиса и депрессии 900-х годов в металлопромышленности, ибо в этом кризисе весьма отчетливо выступают все явления, свойственные промышленному кризису. Поэтому в дальнейшем изложении на основании преимущественно официальных материалов мы приводим ряд наиболее существенных данных, причем мы стремились привести как показатели общего сокращения численности рабочих, так и наиболее яркие показатели явлений частичной безработицы в металлопромышленности за рассматриваемый период.

В «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1906 г.» указано: «Говоря вообще, наибольшее влияние неблагоприятных условий отразилось на механических заводах, значительно сокративших число рабочих во многих местностях империи. Такое сокращение имело место на Брянском и Вагоностроительном заводах в Орловской губернии, на Тульском патронном заводе (с 7 100 в начале года до 3 150 в конце 1906 г.), на машино- и паровозостроительном заводе «Сормово» в Нижегородской губ. и т. п. Необходимо отметить также, что во многих местностях, по крайней мере в Харьковском округе, по заявлению окружного фабричного инспектора, «наличный состав рабочих в отчетном году далеко не был использован в надлежащей норме вследствие того, что некоторые промышленные заведения во избежание сокращения штата рабочих *производили работу при уменьшенной норме рабочего времени*

[1] *Ф. Булкин*, На заре профдвижения, 1924, стр. 159.
[2] Там же.

в продолжение дня или в продолжение недели (три, четыре дня в неделю)»[1].

О широко распространенной помимо общей также и частичной безработице среди рабочих металлопромышленности в период промышленного кризиса 900-х годов заимствуем также следующие сведения из «Свода отчетов фабричных инспекторов за 1907 г.»:

«*При этом необходимо принять в расчет, что в списках рабочих некоторых крупных заводов* (Брянский завод, Харьковский паровозостроительный и др.) *в отчетном году рабочих значилось гораздо больше, чем состояло в действительности на работе*, так как *вследствие сильного сокращения заказов и необходимости соответствующего сокращения* числа рабочих стала применяться *система* неопределенных *отпусков*, т. е. рабочему, назначенному к увольнению, чтобы сохранить за ним право преимущественного приема на работу, когда он явится, *давался отпуск на неопределенное время*. Те же рабочие, которые сохраняли за собой работу, по совершенно понятным причинам вовсе не стремились кончать ее поскорее, а, наоборот, растягивали ее на возможно большее время, заботясь лишь о том, чтобы сохранить только цеховую окладную оплату. Вследствие этого, например, токари Брянского завода, зарабатывающие в 1906 г. по 40 руб. в неделю, в 1907 г. выработали всего 7—10 руб. Если при этом вспомнить, что многие заводы временно приостанавливали работу и *что работа нередко производилась в течение* лишь *четырех или пяти суток в неделю*, то становится ясным, что в ожидании лучших условий работы, помимо известного сокращения числа рабочих, работа велась бо́льшим числом рабочих, чем это было нужно, и рабочие руки в отчетном году не были использованы в надлежащей мере» [2].

Из «Сводов отчетов фабричных инспекторов» за последующие годы приводим дополнительно ряд сведений: «...несколько крупных фабрик всю осень отчетного года работали только пять дней в неделю... То же самое наблюдалось в механическом производстве, уже несколько лет испытывающем кризис. «Заминки в делах механического производства, говорит старший инспектор Московской губ., замечавшиеся в 1907 г., продолжались и в отчетном: число рабочих на многих заводах было ниже нормы и заводы работали, так сказать, изо дня в день, почти не имея заказов на более или менее продолжительное время. Некоторые заводы настолько широко практикуют временные отпуска рабочим, что все рабочие делятся на две половины, из которых две недели работает одна, в то время как в отпуску другая, и наоборот».

Общепромышленный кризис на Урале,—пишет старший инспектор Пермской губернии,—коснулся механических заводов, на которых, за отсутствием достаточного количества заказов, работы

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1906 г.», введение стр. III (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1907 г.», введение, стр. IV—V (курсив наш.—*А. Р.*).

значительно сокращены и уменьшено число рабочих дней в неделю на каждого рабочего до четырех, в целях предоставления возможно большему числу рабочих оставаться на заводе, хотя бы и за счет уменьшения заработка»[1].

Кризис в металлопромышленности продолжался и в 1909 г., и в «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1909 г.» указано: «Особого упоминания заслуживает непрекращающийся кризис нашей металлургической промышленности, особенно той ее части, которая зависит от железнодорожных и казенных заказов. Переживаемый этой промышленностью в течение последних лет кризис в истекшем году не обнаружил признаков улучшения. Крупные заводы и преимущественно вагоностроительные и судостроительные, как Коломенский, Русско-Балтийский, Усть-Катавский, Гартмана, сократили производство и число занятых рабочих. На Сормовском заводе число рабочих сокращено на половину: с 10 тыс. до 5 тыс. человек. Но помимо уменьшения числа рабочих сокращалась и продолжительность работы. Вследствие недостатка работы, доносит окружной инспектор Поволжского района, некоторые цехи Сормовского завода приостанавливались. Паровозные цехи не работали около $1^1/_2$ месяцев, полускатный 1 месяц, ковочный 5 месяцев, бондарный работал всего 3 месяца и то с перерывами, причем штат рабочих был далеко не полный.

В других цехах: чугунно-сталелитейном и меднолитейном, было сокращено рабочее время. Чтобы не распускать рабочих, найти которых не всегда можно, как специализировавшихся в своем деле, им со второй половины апреля был гарантирован известный минимум числа рабочих дней в месяц—4 дня для медно- и чугунно-литейных цехов и 6 дней для фасонно-литейного цеха. *Фактически*, однако, *работа производилась в течение 3 дней в неделю.* В декабре началась нормальная работа. Кроме того, целый ряд мелких железоделательных и переделочных заводов, главным образом в Саратовской, Пермской, Уфимской, Нижегородской, Московской губерниях, сократили свое производство или вовсе закрылись. Из изложенного нельзя не усмотреть, что застой в нашей металлургической промышленности с особенной остротой отражается в Северо-восточном районе, которому при общем стесненном положении металлургического производства конкуренция с южными заводами становится особенно затруднительной» [2].

Выше мы уже отметили, что за сравнительно короткий период (1910 г.—1 января 1914 г.) численность рабочих, занятых по обработке металлов, производству машин, инструментов и орудий ремесл, увеличилась на 57%. Ряд данных, характеризующих этот процесс резкого прироста численности рабочих в металлопромышленности за указанный период, мы находили в «Сводах отчетов фабричных инспекторов» за соответствующие годы. Заимствуем из «Сводов» наиболее существенные показатели:

«В металлообрабатывающей промышленности в 1910 г. впервые после долгого застоя появились признаки значительного улучшения, отмечаемые в отчетах фабричной инспекции почти по всем местностям империи. Не распространилось это оживление лишь на паровозостроительные и вагонные заводы, работавшие попрежнему далеко не полным ходом. Чрезвычайно усилилось производство земледельческих машин и орудий на юге России—в Екатеринославской, Харьковской (число рабочих увеличилось на 50%),

---

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 г.», введение, стр. 7 и 11.

[2] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 г.», введение, стр. XI (курсив наш.—*А. Р.*).

Киевской, Херсонской, Таврической губерниях и на востоке—в губерниях Самарской, Саратовской, Пермской, а также на Брянском (Бежицком) заводе в Орловской губернии, введшем у себя в последние годы производство плугов в виду хронического недостатка заказов на паровозы и вагоны...

Усиленный спрос, преимущественно со стороны мелкой промышленности, на двигатели внутреннего сгорания вызвал заметное увеличение их производства, отмечаемое в отчетах по С.-Петербургской и Самарской губерниям. Наряду с этим возросло значительно и производство паровых котлов (в Петроковской и Нижегородской губерниях). В связи с усиленным строительством увеличилось производство металлического посудного товара: самоваров в Тульской губернии, эмалированной посуды в Петроковской и Келецкой губерниях; в Пермской губернии завод князя Львова увеличил на 400 человек число рабочих в ведерном и лудильном цехах. Отчеты фабричных инспекторов указывают на увеличение производства электрических ламп и оптических приборов (в Варшавской и Люблинской губерниях), швейных машин и стальных перьев (в Московской губернии), ткацких станков (во Владимирской губернии), телефонов и напильников (в С.-Петербургской губернии). Требования на телефоны усилились со стороны земства и городов, а также военного ведомства. Увеличились также заказы на снаряды, лафеты, патроны и т. п., что, по сообщениям инспекторов, способствовало оживленной деятельности петербургских механических заводов и Тульского меднопрокатного и патронного. В Херсонской, Астраханской, Нижегородской губерниях отмечено оживление судостроения. В последней губернии очень хорошо работал судостроительный цех Сормовского завода, в три раза расширился, по числу рабочих, цепной завод и в четыре раза мастерские для пароходов»[1].

Из «Свода отчетов фабричных инспекторов за 1911 г.»:

«Наибольшее абсолютное увеличение числа рабочих произошло за 1911 г. в предприятиях по обработке металла—свыше 25 тыс. чел., что составляет 9% от количества рабочих по этой группе к концу предшествующего 1910 г. В особенности крупно увеличилось число рабочих на машиностроительных заводах (подгруппа *б*)»[2].

«В С.-Петербургской губернии число рабочих по подгруппе *а* VIII группы производств (железоделательные и т. п. заводы) увеличилось за 1911 г. на 14%, а на машиностроительных заводах (подгруппа *б*) на 21%. Крупные петербургские механические заводы расширялись и переоборудовались, увеличив основные капиталы дополнительным выпуском акций. Главную роль сыграли в этом быстром развитии металлического дела казенные заказы ведомств морского, артиллерийского и отчасти путей сообщения,

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 г.», введение, стр. XXVIII—XXIX.

[2] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 г.», введение, стр. XXXVII и XLIII—XLIV.

давшего во второй половине года значительные заказы на вагоны. Одни только паровозные заводы не имели полного состава рабочих. Возникли новые весьма крупные предприятия для изготовления снарядов и военных припасов...

На Сормовском заводе многие отделения заново оборудовываются ввиду значительных заказов на вагоны, суда, мосты; только паровозный цех этого завода работает слабо...

Харьковскому паровозному заводу было заказано только 36 паровозов при производительности в 150, но тем не менее он увеличил число рабочих, расширив производство сельскохозяйственных машин и получив крупный заказ на механизмы для оборудования судостроительного завода. Брянский завод в Бежице (Орловской губернии) также продолжал развивать свое сельскохозяйственное машиностроение...

В общем отмеченное в отчете за 1910 г. оживление в обработке металлов не только продолжалось, но и значительно усилилось в 1911 г...

Наибольшее абсолютное увеличение числа рабочих произошло в 1912 г. в предприятиях по обработке металлов—свыше 33 тыс. чел., что составляет 10,8% от количества рабочих по этой группе к концу предшествовавшего 1911 г. В особенности крупно увеличилось число рабочих на машиностроительных заводах (подгруппа *б*)—21 590 рабочих»[1].

Из этого же «Свода» заимствуем также следующие наиболее существенные указания:

«Для железоделательных и металлообрабатывающих предприятий С.-Петербургской губернии отчетный год был особенно благоприятным. *Более всего повлияли на оживление металлической промышленности казенные заказы по постройке и вооружению флота, по улучшению артиллерии, по заказам интендантства и вообще военного ведомства.* В связи с этими заказами металлообрабатывающие заводы расширяли свои мастерские и увеличивали число рабочих...

В Херсонской губернии усиленно работали судостроительные заводы, получив казенные заказы на суда для черноморского флота»[2].

Из «Свода отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.»:

«Отчетный год был благоприятным для металлообрабатывающей промышленности... *В С.-Петербургской губернии, в связи с усиленными заказами военного и морского ведомств, особенно интенсивно производились работы на металлообрабатывающих заводах, многие из коих расширили свои мастерские, устроили новые отделения заводов и по мере возможности увеличивали состав рабочих,* причем *спрос на рабочие руки для этих заводов далеко превышал предложение.*

---

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 г.», введение, стр. XXXVII и XLII (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] Там же (курсив наш.—*А. Р.*).

Расширяющееся применение электрической энергии для телефонных сетей, трамвайного сообщения, электрического освещения и передачи движения на фабриках вызвало усиленный спрос на проволоку, кабели и трамвайные вагоны, что повлекло за собой развитие соответствующих заводов. Экономическое положение заводов земледельческих машин и орудий несколько улучшилось, благодаря удовлетворительному урожаю. *В Херсонской губернии* значительно *увеличилось число рабочих на судостроительных заводах, изготовляющих военные суда.* В Нижегородской губернии Сормовский завод работал в отчетном году все время очень интенсивно, вследствие обеспеченности большими заказами на вагоны, паровозы, разные предметы военного снабжения, и занимал до 9 600 человек, несмотря на постоянное применение сверхурочных работ...

В Пермской губернии сильно развилось производство молотилок, на которые благодаря хорошему урожаю хлебов в Пермской и соседних сибирских губерниях появился громадный спрос, который заводы в отчетном году не в состоянии были удовлетворить, несмотря на увеличение производства»[1].

В следующей таблице приведены данные о динамике численности рабочих хлопчатобумажной промышленности за период с 1901 г. по 1 января 1914 г. За рассматриваемый период численность рабочих этой отрасли промышленности увеличилась с 391,1 тыс. до 566,1 тыс. человек, или на 44,7%.

Динамика численности рабочих по обработке хлопка с 1901 г. по 1 января 1914 г.

Годы	Численность рабочих (в тыс.)	Прирост за год	
		в тыс.	в %
1901	391,1	—	—
1902	407,0	+15,9	+4,1
1903	420,0	+13,0	+3,2
1904	415,3	— 4,7	—1,1
1905	416,5	+ 1,2	+0,3
1906	440,2	+23,7	+5,7
1907	451,2	+11,0	+2,5
1908	477,8	+26,6	+5,9
1909	483,1	+ 5,3	+1,1
1910	501,0	+17,9	+3,7
1911	540,6	+39,6	+7,9
1912	554,3	+13,7	+2,5
1 января 1914 г.	566,1	+11,8	+2,1

В отличие от динамики численности рабочих других отраслей промышленности рост численности рабочих хлопчатобумажной

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.», введение, стр. XXXIX—XL (курсив наш.—*А. Р.*).

промышленности за 1901—1913 гг. был в общем непрерывным, хотя следует отметить, что он происходил в сравнительно невысоком темпе. Несколько выделяется 1911 год, когда за один год прирост численности рабочих составил 39,6 тыс. человек, или 7,9%.

П. И. Лященко приводит ряд данных, указывающих на сравнительно незначительное влияние кризиса начала 900-х годов на хлопчатобумажную промышленность:

«Кризисом захвачена была и легкая индустрия, хотя опустошения здесь не были столь велики, как в тяжелой индустрии. Причиной этого было то обстоятельство, что легкая индустрия, особенно хлопчатобумажная, в большей мере опиралась на внутренний массовый рынок (в особенности крестьянский), который в связи со сравнительно благоприятными урожаями 1900—1903 гг. увеличил свою покупательную способность. Поэтому, например, в хлопчатобумажной промышленности само производство сократилось очень незначительно, испытав лишь небольшую заминку в 1900 г. и вновь продолжая довольно быстрый рост в последующие годы. Это видно из следующей таблицы:

Годы	Число веретен (тыс.)	Число самоткацких станков (тыс.)	Переработка хлопка (тыс. пуд.)	Потребление хлопчатобумажных тканей на 1 душу (фунт.)
1899	6 091	145,8	16 126	3,55
1900	6 645	151,3	16 006	3,51
1901	6 864	157,9	16 123	3,55
1902	6 996	164,7	17 427	3,70
1903	7 146	171,2	18 000	3,60

Из сравнения этой таблицы с вышеприведенными таблицами, рисующими положение тяжелой индустрии, хорошо видно то различное влияние, которое оказал кризис на эти производства. В наибольшей степени от кризиса пострадала тяжелая индустрия—черная металлургия, топливная промышленность и др., связанные с казенными заказами и со строительством железных дорог. Сохранение и даже рост массового внутреннего рынка позволили хлопчатобумажной промышленности более легко перенести кризис»[1].

Но при общем относительном благополучии текстильной промышленности в период кризиса и русско-японской войны все же наряду с отдельными закрывшимися фабриками на некоторых других фабриках происходило сокращение производства, при

[1] *П. И. Лященко*, История народного хозяйства СССР, М. 1939, стр. 547—548.

этом или увольнялась часть рабочих или уменьшалось количество дней работы всего предприятия.

Приводим также из «Сводов отчетов фабричных инспекторов» наиболее существенные данные о развитии хлопчатобумажной промышленности за рассматриваемый период. В «Сводах отчетов фабричных инспекторов» мы находим следующие сообщения о положении текстильной промышленности: «В центрально-промышленном районе в текстильной промышленности, оживившейся в 1905—1907 гг., в отчетном году наблюдался, напротив, некоторый застой. Во Владимирской губернии слабое возрастание числа рабочих старший фабричный инспектор объясняет именно этим застоем. В Московской губернии, по отчету старшего фабричного инспектора, фабрики по обработке хлопка, работавшие хорошо в 1906 и 1907 гг., в отчетном году, особенно к концу года, стали испытывать затруднения и хотя не сокращали числа рабочих, но прибегали к другим мерам для уменьшения производительности фабрик и несколько крупных фабрик всю осень отчетного года работали только пять дней в неделю» [1].

«Наблюдавшееся в отчетном году расширение производства находится в непосредственной зависимости от обильных урожаев хлебов в 1909 г. Оно коснулось, главным образом, тех отраслей промышленности, которые обслуживают преимущественно сельского потребителя. Сюда относится прежде всего производство хлопчатобумажных тканей» [2].

Это расширение хлопчатобумажной промышленности было еще в большей степени заметным в следующем году—в 1910:

«В частности, сильно развились *производства по обработке хлопка* как в центральном промышленном районе (в губерниях: Московской, Владимирской, Костромской, Тверской, Рязанской), так и в Привислинском, в последнем особенно в Петроковской губернии. Наряду с возникновением новых, преимущественно небольших, заведений значительно расширили свое производство и фабрики, ранее существовавшие, открывая новые отделения или увеличивая число рабочих смен» [3].

Накануне войны и в хлопчатобумажной промышленности в общем наметился подъем. В «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.» на основании пояснительных отчетов фабричных инспекторов дана следующая характеристика этой отрасли:

«Положение хлопчатобумажной промышленности в 1913 г. изменилось к лучшему. *В Шуйском* районе для прядильных и ткацких фабрик отчетный год можно назвать удовлетворительным, производство их, как и раньше, продолжало развиваться. Иначе обстояло дело с ситцепечатными фабриками, часть которых должна была сократить производство. *В Иваново-Вознесенском* районе производительность хлопчатобумажных фабрик если и сократилась, то в весьма незначительной степени, сокращение это не выходит из пределов нормального колебания средней выработки и произошло вследствие естественной сдержанности в предоставлении кредита покупателям со стороны фабрикантов, потерявших с 1912 г. от неплатежей. Во многих уездах *Владимирской* губернии бумажноткацкое производство в начале 1913 г. все еще находилось под влиянием неблагоприятной конъюнктуры рынка. Мелкие фабрики, работавшие из чужих материалов, работали большей частью только для того, чтобы не сокращать производство. Крупные фабрики, не имея возможности работать при существующих ценах без убытка, передавали работу мелким, с дешевыми рабочими руками, пользуясь комиссионной разницей. Только с осени, когда выяснились результаты урожая и благоприятное течение Нижегородской ярмарки, дела бумаготкацкой промышленности улучшились, цены за обработку тканей увеличились и мелкие фабрики заработали интенсивно. *В Московской* губернии целый ряд заведений хлопчатобумажной промышленности расширил свое производство переходом с односменной на двусменную работу...

---

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 г.», введение, стр. 7.
[2] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 г.», введение, стр. VIII.
[3] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 г.», введение, стр. XXVI.

В С.-Петербургской губернии некоторые фабрики значительно увеличили производство, ведя двусменную работу»[1].

Основные показатели динамики численности рабочих в производствах по обработке минеральных веществ за период 1901 г.—1 января 1914 г. приведены в следующей таблице:

Динамика численности рабочих в производствах по обработке минеральных веществ с 1901 г. по 1 января 1914 г.

Годы	Численность рабочих (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) за год	
		в тыс.	в %
1901	140,8	—	—
1902	152,9	+12,1	+ 8,6
1903	147,8	— 5,1	— 3,3
1904	140,5	— 7,3	— 4,9
1905	131,0	— 9,5	— 6,8
1906	121,9	— 9,1	— 6,9
1907	128,0	+ 6,1	+ 5,0
1908	133,2	+ 5,2	+ 4,1
1909	140,8	+ 7,6	+ 5,7
1910	152,9	+12,1	+ 8,6
1911	181,3	+28,4	+18,6
1912	196,4	+15,1	+ 8,3
1 января 1914 г.	215,6	+19,2	+ 9,8

Влияние кризиса отразилось на численности рабочих рассматриваемой отрасли промышленности с 1903 г. Численность рабочих в производствах по обработке минеральных веществ в 1906 г. составляла 87% численности 1901 г. Значительный рост численности рабочих наблюдался в 1911—1913 гг. К 1 января 1914 г. численность рабочих, занятых в производствах по обработке минеральных веществ, уже на 53,1% превышала численность рабочих в 1901 г. Таким образом, темп прироста численности рабочих в рассматриваемой отрасли за 1901—1913 гг. был повышенным по сравнению со средним по всей промышленности.

В «Сводах отчетов фабричных инспекторов за 1910—1913 гг.» мы встречаем ряд указаний о подъеме в производствах по обработке минеральных веществ и в связи с этим также о значительном росте численности рабочих:

«Из производств *по обработке минеральных веществ* значительно возросли кирпичное (повсеместно) и цементное (например в губерниях: Калужской, где Мальцевский завод увеличил производство в полтора раза, Пермской, Радомской, Черноморской), в связи с оживлением в строительном деле, а также во многих местностях фарфоро-фаянсовое и стеклянное производства. Спрос на цемент рос настолько быстро, что заводы не успевали его удовлетворять»[2]. «*Обработка минеральных веществ.* Производства этой группы, в особенности же кирпичное и цементное, были в отчетном году повсеместно в чрезвычайно благоприятном положении. В С.-Петербургской губернии воз-

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.», введение, стр. XXIII—XXXVII.

[2] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 г.», введение, стр. XXIX.

ник новый цементный завод, на стеклянных заводах число рабочих возросло на 13%, на кирпичных заводах на 10%. В Новгородской губернии открыт новый стеклянный завод с 177 рабочими и чрезвычайно интенсивно работал цементный завод. В Рязанской губернии значительно расширилось цементное производство. В Смоленской губернии число рабочих на кирпичных заводах увеличилось в $1^1/_2$ раза, а цена на кирпич поднялась на 60%... В губерниях Поволжского округа число рабочих на кирпичных и цементных заводах значительно увеличилось, а еще больше возросла производительность этих заведений, в связи с введением машинного производства кирпича вместо ручного и с постановкой новых печей для обжига цемента». Увеличение производства и числа рабочих отмечается в «Своде отчетов фабричных инспекторов» также в Харьковской, Калужской и Черноморской губерниях: «Весьма благоприятно было положение стеклянных заводов в Екатеринославской, Орловской и Калужской губерниях, вследствие сильного спроса на стекло, особенно оконное»[1]. «*Обработка минеральных веществ.* Благодаря продолжавшемуся оживлению в строительном деле, весьма интенсивно работали цементные, кирпичные и стеклянные заводы. В Владимирской губернии увеличилось производство хрустальных и бутылочных фабрик, что объясняется усовершенствованием приемов выработки. В Орловской губернии стеклянные заводы продолжали свою усиленную работу...

В Саратовской губернии число рабочих на кирпичных заводах значительно увеличилось, вследствие усиленной выработки кирпича на саратовских заводах» [2]. «Продолжающееся оживление в строительстве вызвало усиленный спрос на строительные материалы, что отразилось на усиленной деятельности кирпичных, цементных и стекольных заводов и на усовершенствовании производства» [3].

Обратимся к данным о динамике численности рабочих, занятых в производствах по обработке пищевых и вкусовых веществ, за 1901—1913 гг.:

Динамика численности рабочих по обработке пищевых и вкусовых веществ с 1901 г. по 1 января 1914 г.

Годы	Численность рабочих (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—)	
		в тыс.	в %
1901	303,2	—	—
1902	302,9	— 0,3	— 0,1
1903	305,1	+ 2,2	+ 0,7
1904	284,3	—20,8	— 6,8
1905	285,0	+ 0,7	+ 0,2
1906	295,2	+10,2	+ 3,6
1907	302,5	+ 7,3	+ 2,5
1908	305,4	+ 2,9	+ 1,0
1909	297,9	— 7,5	— 2,4
1910	299,8	+ 1,9	+ 0,6
1911	315,7	+15,9	+ 5,3
1912	326,3	+10,6	+ 3,4
1 января 1914 г.	369,0	+42,7	+13,1

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 г.», введение, стр. XLIII—XLIV.

[2] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 г.», введение, стр. XLII—XLIII.

[3] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.», введение, стр. XL.

За весь рассматриваемый период численность рабочих увеличилась с 303,2 тыс. в 1901 г. до 369 тыс. человек на 1 января 1914 г., или на 21,7%. И в этой отрасли промышленности вплоть до 1909 г. с незначительными колебаниями наблюдалось снижение численности. Прирост численности рабочих в основном приходился на три года (1911—1913), в особенности на 1913 г., когда в связи с хорошим урожаем в отдельных производствах по обработке пищевых и вкусовых веществ наметился прирост численности рабочих.

Динамика численности рабочих в горной и горнозаводской промышленности за 1900—1913 гг. представлена в следующей таблице:

Динамика численности рабочих горной и горнозаводской промышленности за 1900—1913 гг. [1]

Отрасли промышленности	Число рабочих (в тыс.)		Увеличение (+) или уменьшение (—) с 1900 по 1913 г.	
	1900 г.	1913 г.	в тыс.	в %
Горнодобывающая				
I. Топливная	183,3	325,0	+141,7	+ 77,3
В том числе:				
каменноугольная	109,2	224,5	+115,3	+105,6
нефтедобывающая	27,6	44,5	+ 16,9	+ 61,2
торфяная	46,5	56,0	+ 9,5	+ 20,4
II. Прочая горнодобывающая	181,8	171,8	— 10,0	— 5,5
В том числе:				
золото-платиновая	92,8	88,6	— 4,2	— 4,5
железорудная	57,8	49,6	— 8,2	— 14,2
марганцевая	6,1	6,2	+ 0,1	+ 1,6
асбестовая	1,3	7,2	+ 5,9	+454,0
соляная	21,6	19,0	— 2,6	— 12,0
Итого по горнодобывающей (I+II)	365,1	496,8	+131,7	+ 36,1
III. Металлургия черных металлов	134,2	139,5	+ 5,3	+ 3,9
IV. Металлургия цветных металлов	7,2	11,4	+ 4,2	+ 58,3
Всего по горной и горнозаводской промышленности	506,5	647,7	+141,2	+ 27,9

За 13-летний период (1900—1913 гг.) прирост численности рабочих, занятых в горной и горнозаводской промышленности, в целом по этой группе производств происходил в несколько замедленном темпе по сравнению с общим приростом рабочих фабрично-завод-

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в работе «Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887—1926 гг.)», Госиздат, т. I, ч. 1, 1930, стр. 96, ч. III, стр. 176.

ской промышленности. Рост численности рабочих в этих отраслях промышленности за рассматриваемый период составил 27,9%.

Для динамики численности рабочих горной и горнозаводской промышленности за период 1900—1913 гг. весьма характерной является исключительная неравномерность динамики по отдельным отраслям. Отметим основные моменты: в то время как за рассматриваемый период численность рабочих во всей горнодобывающей промышленности увеличилась на 36,1%, соответствующий прирост численности рабочих в черной металлургии был равен лишь 3,9%, и, таким образом, численность рабочих в этой отрасли промышленности оставалась почти стабильной. Внутри же горнодобывающей промышленности наиболее интенсивно повысилась численность рабочих в топливной промышленности. За 13 лет численность рабочих увеличилась на 77,3%, причем в каменноугольной промышленности прирост численности составил за указанный период 105,6%, в нефтяной—61,2 и в торфяной—20,4%.

Прирост численности рабочих в каменноугольной промышленности был вызван значительным развитием этой отрасли, так как за эти годы резко возросло потребление каменного угля, главным образом железными дорогами и промышленностью. В связи с ростом добычи асбеста преимущественно для экспорта в европейские страны увеличилась численность рабочих асбестовой промышленности.

В железорудной, соляной и золото-платиновой промышленности численность рабочих за 1900—1913 гг. даже несколько уменьшилась.

Также неравномерной была динамика численности рабочих за рассматриваемый период и по основным районам. В общем движение численности рабочих в горной и горнозаводской промышленности происходило в направлении значительного роста в промышленности юга России при одновременном значительном снижении численности рабочих, занятых в горной и горнозаводской промышленности Урала. На юге России за этот период в особенности значительным был рост численности рабочих в каменноугольной промышленности.

В результате указанных процессов в значительной степени изменился удельный вес численности рабочих, занятых в отдельных районах горной и горнозаводской промышленности, в отношении общей численности рабочих. Так, Урал, в начале XX в. еще бывший на первом месте по своей численности рабочих, уступил к 1913 г. это место югу России.

Таким образом, если сопоставить конечные даты рассматриваемого периода—1900—1913 гг., то численность рабочих, занятых в металлургии черных металлов, в общем оставалась почти стабильной. Прирост числа рабочих за эти годы составил 4%. Но одновременно наблюдался значительный прирост продукции в этой отрасли промышленности. Производительность же труда на заводах металлургии юга России была в значительной степени повышенной, по сравнению с Уралом.

Вышеприведенные данные за 1900—1913 гг. о движении численности рабочих, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, предоставляют возможность определить и общую динамику численности фабрично-заводских рабочих за указанный период. Мы располагаем следующими сопоставимыми показателями:

Динамика численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности России за 1900—1913 гг.

Фабрики и заводы	Число рабочих (в тыс.)		Прирост с 1900 по 1913 г.	
	1900 г.	1913 г.	в тыс.	в %
А. Подчиненные надзору фабричной инспекции	1 692,3	2 282,1	589,8	34,9
Б. Подчиненные надзору горной инспекции	506,5	647,7	141,2	27,9
Всего	2 198,8	2 929,8	731,0	33,2

В итоге по двум основным группам предприятий, которые охватывали резко преобладающую массу фабрично-заводских рабочих— в них было занято в 1913 г. 2 930 тыс. человек,—численность рабочих увеличилась с начала 900-х годов по 1913 г. на 33,2%. Следовательно, темп прироста численности фабрично-заводских рабочих за рассматриваемый период (1900/01—1913 гг.) оказался в $2^1/_2$ раза ниже, чем за предшествующие 13 лет (1887—1900 гг.).

Обращаясь к общей численности фабрично-заводского пролетариата в 1913 г., следует указать, что согласно приведенным данным к концу 1913 г. численность рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, равнялась 2 282,1 тыс. и в предприятиях, подчиненных надзору горной инспекции,— 647,7 тыс. человек. Если к двум основным группам фабрично-заводских рабочих присоединить рабочих предприятий морского (22,4 тыс., по данным 1908 г.) и военного министерств (37,3 тыс., по данным 1908 г.)[1] и принять во внимание недостающие данные в отношении группы коммунальных промышленных предприятий и возможный небольшой недоучет, то общая численность рабочих на фабриках и заводах может быть определена на территории довоенной России примерно в 3—3,1 млн. человек[2].

[1] «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.», министерство торговли и промышленности. Отдел промышленности, П. 1912, стр. 2—3.

[2] Сверх того в 1908 г. было занято в железнодорожных ремонтных мастерских (министерства путей сообщения) 85,4 тыс. рабочих.

Обратимся к более подробной характеристике динамики численности рабочих важнейших отраслей горной и горнозаводской промышленности.

Из всех отраслей промышленности за период 1900—1913 гг. в наиболее интенсивном темпе повышалась численность рабочих каменноугольной промышленности.

В следующей таблице приведены данные по годам о динамике численности рабочих каменноугольной промышленности:

Динамика численности рабочих каменноугольной промышленности за 1900—1913 гг.

Годы	Число рабочих (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) за год	
		в тыс.	в %
1900	109,2	—	—
1901	118,2	+ 9,0	+ 8,2
1902	105,7	—12,5	—10,6
1903	105,8	+ 0,1	+ 0,1
1904	117,7	+11,9	+11,2
1905	120,2	+ 2,5	+ 2,1
1906	144,4	+24,2	+20,1
1907	160,9	+16,5	+11,4
1908	174,1	+13,2	+ 8,2
1909	170,1	— 4,0	— 2,3
1910[1]	158,4	—11,7	— 6,9
1911	180,5	+22,1	+14,0
1912	190,8	+10,3	+ 5,7
1913	224,5	+33,7	+17,7

За рассматриваемый период (1900—1913 гг.) численность рабочих в каменноугольной промышленности увеличилась свыше чем в два раза. Следует отметить уменьшение численности рабочих в 1902—1903 и 1909—1910 гг. За остальные годы наблюдался заметный рост численности рабочих, в особенности повышенный в 1906, 1911 и 1913 гг.

Мы считали необходимым при характеристике динамики численности рабочих в железоделательной промышленности привести эти данные раздельно по двум основным группам рабочих—горнозаводских и вспомогательных. Группа вспомогательных рабочих была весьма значительной, составляя в среднем около половины общего числа занятых в рассматриваемой отрасли промышленности. В отдельных районах и в особенности на Урале удельный вес этой группы рабочих был еще более повышенным. Динамика же этих двух основных групп различалась в значительной степени за отдельные годы.

Удельный вес вспомогательных рабочих в общей численности рабочих железоделательной промышленности непрерывно пони-

[1] Число рабочих в 1910 г. уменьшилось в результате бегства рабочих из Донецкого бассейна в связи с эпидемией холеры.

жался, главным образом в результате падения доли рабочих Урала, так как именно в уральской железоделательной промышленности удельный вес вспомогательных рабочих был высоким.

В результате, главным образом, более передового технического оборудования металлургия юга по производительности труда резко превосходила уральскую, но все же вследствие неоднородности методов учета рабочих металлургии Урала и юга России ряд приводимых в экономической литературе сопоставлений численности рабочих и производительности труда в этих двух важнейших районах не является вполне правильным, ибо в то время как на Урале в расчет принимались не только *горнозаводские* рабочие, но и весьма многочисленная группа *вспомогательных* рабочих, в своей преобладающей массе состоявших из рабочих, занятых заготовкой и вывозкой топлива, на юге России учет распространялся преимущественно на горнозаводских рабочих.

Несомненно, что моменты учетного порядка оказали также значительное влияние на обычно приводимые показатели динамики численности рабочих железоделательной промышленности за 1900—1911 гг. В следующей таблице приведены сопоставимые данные за 1901 и 1911 гг. о динамике как общей численности рабочих железоделательной промышленности, так и *раздельно* о динамике численности двух основных групп рабочих, обычно учитываемых в «Сборниках статистических сведений о горнозаводской промышленности России», а именно горнозаводских и вспомогательных. Указанные данные исчислены как в отношении всей железоделательной промышленности, так и ее важнейших районов.

Динамика численности рабочих железоделательной промышленности за 1900—1911 гг.

Районы	Группы рабочих	Численность рабочих (в тыс.)		Увеличение (+) или уменьшение (—) с 1900 по 1911 г.	
		1900 г.	1911 г.	в тыс	в %
Вся промышленность	Горнозаводские . . .	123,4	120,3	— 3,1	— 2,5
	Вспомогательные . . .	139,6	70,9	—68,7	—49,2
	Всего	263,0	191,2	—71,8	—27,3
В том числе:					
Урал	Горнозаводские . . .	61,8	57,3	— 4,5	— 7,3
	Вспомогательные . . .	107,5	52,8	—54,7	—50,9
	Всего	169,3	110,1	—59,2	—35,0
Замосковский район	Горнозаводские . . .	20,3	14,4	— 5,9	—29,1
	Вспомогательные . . .	16,9	5,6	—11,3	—66,9
	Всего	37,2	20,0	—17,2	—46,2
Юг России	Горнозаводские . . .	32,5	43,2	+10,7	+32,9
	Вспомогательные . . .	13,1	11,7	— 1,4	—10,7
	Всего	45,6	54,9	+ 9,3	+20,4

Приведенные данные свидетельствуют о том, что из общего уменьшения численности рабочих в железоделательной промышленности за рассматриваемый период в 71,8 тыс. человек 68,7 тыс. приходится за счет вспомогательных рабочих и лишь 3,1 тыс. за счет горнозаводских. Следует обращать внимание, главным образом, на динамику численности группы горнозаводских рабочих. Последняя группа показывает снижение численности на 2,5%, в то время как общая численность рабочих понизилась на 27,3%, а группа вспомогательных—на 49,2%. В особенности эти различия динамики численности отдельных групп рабочих можно проследить в отношении железоделательной промышленности Урала. В этом районе за 1900—1911 гг. общая численность рабочих уменьшилась на 35%, группы горнозаводских—соответственно на 7,3% и группы вспомогательных—на 50,9%.

На основании абсолютных данных, опубликованных по официальным материалам в работе С. П. Сигова[1], нами составлена следующая таблица, по которой предоставляется возможность проследить за длительный период, как изменялась численность основных групп рабочих, занятых в черной металлургии Урала, а также и удельный вес группы вспомогательных рабочих:

Динамика численности рабочих в черной металлургии Урала за 1865—1914 гг.

Годы	Численность рабочих (в тыс.)			Численность рабочих в % к 1865 г.			Вспомогательные рабочие в % к общей численности
	горнозаводских	вспомогательных	всех	горнозаводских	вспомогательных	всех	
1865 . .	53,8	48,4	102,2	100,0	100,0	100,0	47,4
1876 . .	57,5	75,3	132,8	106,9	155,6	129,9	56,7
1885 . .	53,8	83,6	137,4	100,0	172,7	134,4	60,8
1890 . .	54,3	87,9	142,2	100,9	181,6	139,1	61,8
1895 . .	51,4	96,1	147,5	95,5	198,5	144,3	65,2
1900 . .	63,3	108,7	172,0	117,7	224,6	168,3	63,2
1905 . .	64,5	81,3	145,8	119,9	168,0	142,7	55,8
1910 . .	53,8	52,8	106,6	100,0	109,1	104,3	49,5
1914 . .	80,0	44,5	124,5	148,7	91,9	121,8	35,7

За 50 лет, если сравнивать данные за 1865 и 1914 гг., число горнозаводских рабочих увеличилось на 48,7%. С. П. Сигов указывает, что «новый значительный рост (после сокращения их числа в период 1905—1910 гг.) может быть объяснен возобновлением действия некоторых заводов, остановленных в годы кризиса, и расширением работы других, а также возникновением на неко-

[1] *С. П. Сигов*, Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, Свердловск 1936, стр. 214—215.

торых заводах металлообрабатывающих производств». Численность вспомогательных рабочих на уральских металлургических заводах была наиболее высокой в 1900 г., когда она в $2^1/_4$ раза превышала соответствующую цифру 1865 г. В последующие годы она резко снизилась и в 1914 г. составляла уже лишь 92% численности 1865 г. С. П. Сигов приводит следующие объяснения этому явлению:

«Сокращение количества вспомогательных рабочих, очевидно, связано с развитием железнодорожных путей (в том числе и подъездных ветвей), в связи с чем уменьшились удельный вес и расстояния гужевых перевозок». Некоторое влияние на эту динамику оказали моменты учетного характера.

Общее же число рабочих уральской горной металлургии в 1914 г. увеличилось со 102,2 тыс. в 1865 г. до 124,5 тыс. человек в 1914 г. Но если принять во внимание, что в 1861 г. на уральских казенных и частных заводах было занято 134,3 тыс. рабочих, то численность рабочих уральской горной металлургии в 1914 г. оказалась ниже, чем в 1861 г.

Удельный вес группы вспомогательных рабочих в отношении общей численности рабочих был максимальным в 1900 г., а именно 63,2%. В последующие годы этот показатель в значительной степени понизился и составлял в 1914 г. 35,7%.

Во вводном очерке А. Таняева «Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны» дана следующая характеристика промышленного кризиса и депрессии на Урале в 900-е годы:

«Промышленный кризис, охвативший с начала XX в. всю Россию, принял на Урале особенно затяжной и острый характер. Начиная с 1901 г., в течение почти целого десятилетия уральская промышленность под влиянием неблагоприятной конъюнктуры не выходила из полосы тяжелой депрессии. Для нее это было время резкого сокращения производства, закрытия целого ряда заводов, потери своих старых рынков, а вместе с тем окончательной утраты своего былого значения как основного металлургического района. Выплавка чугуна, достигшая на Урале в 1900 г. 50 175 тыс. пудов, снизилась в 1905 г. до 41 077 тыс. пудов, а в 1909 г. — в период наибольшей депрессии—до 34 510 тыс. пудов»[1].

В этой же статье, приведя ряд данных о значительном финансировании уральской промышленности и о росте продукции в период предвоенного промышленного подъема 1909—1913 гг., а также о процессах концентрации и технических улучшениях в уральской промышленности, А. Таняев писал:

«Из всего вышесказанного можно заключить, что уральская промышленность сделала довольно крупный шаг вперед в результате толчка, данного общепромышленным подъемом в стране. Во внутреннем строе и организации уральской промышленности произошли значительные изменения, и уральские заводы посте-

---

[1] «Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах», под редакцией А. Таняева, т. I, Свердловск 1927, стр. IX.

пенно стали приобретать совершенно новый тип. Правда, они еще были далеки от техники заводов юга России, но теперь различие между ними сделалось уже гораздо меньшим, чем оно было в 1909 г. В общем же можно сказать, что за годы подъема Урал встал на тот же путь развития, который характерен для экономической жизни передовых промышленных районов и далеким от того, что представляет собой традиционный Урал с его «веками освященным» укладом промышленной жизни»[1].

Соответствующие указания встречаются и в других статьях. Ограничимся наиболее характерными[2].

Вот еще одна из конкретных характеристик указанного процесса:

«С течением времени техника производства, хотя и медленным темпом, прогрессировала, и совершался очень крупный переворот, вызванный переходом с кричного и пудлингового способа производства железа на мартеновский. При этом процессе осталось за бортом довольно значительное количество рабочих. Мы знаем следующие примеры: один завод, перейдя с кричного способа на мартеновский, при сохранении одной и той же выделки в 300 тыс. пудов кровельного железа в год, освободил 160 человек, которые не могли найти себе работы на этом заводе. На другом заводе одна мартеновская 20-тонная печь заменила собой 20 пудлинговых и освободила 170 человек рабочих. А так как аналогичное этому явление происходило в нескольких десятках заводов, то освободилось несколько тысяч, а быть может и десятков тысяч человек»[3].

Выше, в главе 3, были приведены указания В. И. Ленина в «Развитии капитализма в России» об общей значительной отсталости уральской горной промышленности. В то же время еще по данным конца 90-х годов XIX в. В. И. Ленин отмечал: «В последнее время и Урал начинает преобразовываться под влиянием новых условий жизни.. »[4]

Приведем также данные о динамике численности рабочих и служащих, занятых в бакинской нефтяной промышленности. Так как рабочие этой отрасли промышленности в течение рассматриваемого периода учитывались и фабричной и горной инспекцией, то для получения сопоставимых показателей динамики численности при-

---

[1] Там же, стр. XV.

[2] Так, автор статьи «Задачи агитации на Урале», опубликованной в «Искре» № 45 от 1 августа 1903 г., указав на необходимость удешевления производства на Урале в связи с конкуренцией юга, писал: «Под влиянием этого требования на главных, по крайней мере, заводах округа ставятся новые, более совершенные машины, оборудовываются новые цехи и иногда строятся даже новые заводы. Вместе с этими техническими усовершенствованиями меняются условия труда и нарушаются соотношения спроса и предложения на рабочем рынке настолько, что половина, по меньшей мере, всех рабочих старого завода оказывается излишней».

[3] *И. Гибсон*, Уральский рабочий, «Бюллетень Политехнического общества, состоящего при Техническом училище», № 2, 1909, стр. 113.

[4] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 384 (прим.).

шлось обратиться к «Обзору бакинской нефтяной промышленности за 1913 г.»[1].

Динамика численности рабочих и служащих бакинской нефтяной промышленности за 1898—1913 гг.

Годы	Число рабочих и служащих (в тыс.)	Годы	Число рабочих и служащих (в тыс.)
1898	20,5	1906	42,5
1899	25,5	1907	50,0
1900	32,0	1908	42,4
1901	37,0	1909	39,3
1902	31,5	1910	35,4
1903	27,7	1911	33,6
1904	31,8	1912	36,4
1905	33,5	1913	43,1

В связи с общим промышленным подъемом в 1898—1901 гг. и в бакинской нефтяной промышленности наблюдался значительный рост численности рабочих и служащих—с 20,5 тыс. в 1898 г. до 37 тыс. человек в 1901 г. Следовательно, прирост численности составил 80%. В эти же годы происходил также значительный рост добычи нефти, причем ее уровень за 1900—1901 гг. превышал уровень 1913 г. В 1902—1905 гг.[2] в результате промышленного кризиса и депрессии численность рабочих и служащих в бакинской нефтяной промышленности находилась на пониженном уровне по сравнению с достигнутым в 1901 г. В 1906—1907 гг. вновь определился значительный рост численности рабочих и служащих в рассматриваемой отрасли промышленности, который сменился в 1908—1911 гг. уменьшением численности. В «Сводах отчетов фабричных инспекторов» за 1908 и 1909 гг. указано:

«В нефтяной промышленности в г. Баку следы бывшего кризиса далеко еще не сгладились. По наблюдениям фабричных инспекторов в продолжение всего 1908 г. на заводах не происходило сокращения числа рабочих»[3].

«Заметное сокращение рабочих произошло на нефтяных промыслах Бакинской губ.—на 5 тыс. чел. (9,5%). Уменьшение это

[1] «Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1913 г.», Баку 1914, стр. 114—115.

[2] О начавшемся еще в 1901 г. сокращении численности рабочих в бакинской нефтяной промышленности «Отчет горного департамента за 1900 и 1901 гг.» (П. 1903, стр. 831) сообщает следующее: «...падение цен на сырую нефть, начавшееся в 1900 г. и продолжавшееся безостановочно в следующем, вызвало сокращение буровых работ, а, следовательно, и числа рабочих, и, вместе с тем, уменьшение на некоторых промыслах заработной платы. Принятыми губернской администрацией мерами безработные рабочие не оставались в Баку, а выселялись на родину, по удешевленому тарифу или бесплатно».

[3] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 г.», введение, стр. 6.

вызвано значительным сокращением буровой деятельности и коснулось главным образом рабочих, занятых в подрядном бурении и в подрядных механических мастерских, почти не отразившись на числе рабочих, занятых собственно добычей нефти»[1].

В 1912—1913 гг. наметился новый прирост численности рабочих и служащих в бакинской нефтяной промышленности. Следует отметить, что хотя динамика численности рабочих и служащих в этой отрасли промышленности за отдельные годы различалась от общей динамики, но если сопоставить прирост численности рабочих и служащих бакинской нефтяной промышленности за весь период 1900—1913 гг. (34,7%) с соответствующим по всей промышленности, то эти показатели почти совпадут.

Наряду с общими показателями в таблице на стр. 162 приведены данные о динамике численности рабочих по кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, в наиболее индустриальных губерниях за период с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г.[2].

В этой таблице сравниваются данные за период с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г., затем за период промышленного подъема—с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г.—и, наконец, за весь рассматриваемый период—с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г. По большинству наиболее индустриальных губерний, в том числе по Московской, Петербургской и Владимирской, за весь рассматриваемый период темп прироста численности рабочих почти совпадал со средним темпом прироста численности рабочих, исчисленным для всей промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции.

Если рассматривать данные о динамике численности рабочих раздельно с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г. и с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г., то выступают значительные различия в динамике для губерний со значительным преобладанием текстильной или металлообрабатывающей промышленности. Так, в губерниях с преобладанием текстильной промышленности (Московская, Владимирская и Костромская) прирост численности рабочих наблюдался в оба периода. В губерниях с преобладанием металлообрабатывающей промышленности (Петербургская, Екатеринославская, Харьковская и Херсонская) в первый период—с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г.—численность рабочих или уменьшилась или весьма незначительно увеличилась, во втором же периоде—с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г.—численность рабочих в этой группе губерний повышалась в интенсивном темпе. В итоге с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г. темп прироста численности рабочих в Московской (33,9%) и Петербургской (32%) губерниях почти совпал, несмотря на то, что с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г. динамика численности рабочих в этих губерниях резко различалась.

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 г.», введение, стр. X—XI.

[2] Таблица составлена на основании данных «Сводов отчетов фабричных инспекторов» за 1901, 1909 и 1913 гг.

Динамика численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, по важнейшим губерниям с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г.

Губернии	Численность рабочих на 1 января (в тыс.)			Увеличение (+) или уменьшение (—)					
	1901 г.	1910 г.	1914 г.	с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г.	с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г.	с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г.	с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г.	с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г.	с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г.
				в тыс.			в %		
Все губернии	1 692,3	1 809,0	2 282,1	+116,7	+473,1	+589,8	+ 6,9	+26,2	+34,9
В том числе:									
Московская	286,8	315,4	384,1	+ 28,6	+ 68,7	+ 97,3	+10,0	+21,8	+33,9
Петербургская	165,4	142,5	218,3	— 22,9	+ 75,8	+ 52,9	—13,8	+53,2	+32,0
Владимирская	158,2	182,7	208,9	+ 24,5	+ 26,2	+ 50,7	+15,5	+14,3	+32,0
Костромская	59,9	83,3	93,2	+ 23,4	+ 9,9	+ 33,3	+39,1	+11,9	+55,6
Киевская	63,0	65,4	77,9	+ 2,4	+ 12,5	+ 14,9	+ 3,8	+19,1	+23,7
Харьковская	38,2	41,9	53,2	+ 3,7	+ 11,3	+ 15,0	+ 9,7	+27,0	+39,3
Тверская	33,7	37,5	44,1	+ 3,8	+ 6,6	+ 10,4	+11,3	+17,6	+30,9
Ярославская	33,6	34,6	39,2	+ 1,0	+ 4,6	+ 5,6	+ 3,0	+13,3	+16,7
Херсонская	30,9	32,1	50,4	+ 1,2	+ 18,3	+ 19,5	+ 3,9	+57,0	+63,1
Екатеринославская	28,4	28,3	39,3	— 0,1	+ 11,0	+ 10,9	— 0,4	+38,9	+38,4
Пермская	18,9	23,3	24,3	+ 4,4	+ 1,0	+ 5,4	+23,3	+ 4,3	+28,6

Динамика численности фабрично-заводских рабочих Украины за 1901—1913 гг. представлена в следующей таблице:

Динамика численности фабрично-заводских рабочих Украины за 1901—1913 гг.[1]

Годы[2]	Численность рабочих (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) за год	
		в тыс.	в %
1901	360,2	—	—
1902	354,7	— 5,5	— 1,5
1903	370,7	+16,0	+ 4,5
1904	372,4	+ 1,7	+ 0,5
1905	371,0	— 1,4	— 0,4
1906	418,0	+47,0	+12,7
1907	431,3	+13,3	+ 3,2
1908	449,5	+18,2	+ 4,2
1909	441,7	— 7,8	— 1,7
1910	481,0	+39,3	+ 8,9
1911	513,4	+32,4	+ 6,7
1912	549,6	+36,2	+ 7,1
1913	631,4	+81,8	+14,9

В каменноугольной промышленности и в металлургии Украины темп прироста численности рабочих за рассматриваемый период был сравнительно повышенным, а так как эти две отрасли промышленности значительно представлены в украинской промышленности, то общий прирост численности рабочих в промышленности Украины за 1901—1913 гг. в 75,3% в значительной степени превышал темп прироста численности рабочих во всей промышленности дореволюционной России за тот же период.

Следует также отметить, что в то время как за 1901—1909 гг. численность рабочих повысилась с 360,2 тыс. до 441,7 тыс. человек, или на 22,6%, за годы предвоенного промышленного подъема рост численности происходит в гораздо более интенсивном темпе, а именно с 441,7 тыс. в 1909 г. до 631,4 тыс. человек в 1913 г., или на 42,9%.

Наряду с данными, относящимися ко всей промышленности Украины, приведем дополнительно данные по более узкому кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции (см. табл. на стр. 164).

За восьмилетний период 1901—1909 гг. численность рабочих Украины, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, увеличилась на 15,9 тыс. человек, или на 6,6%, а за четырехлетний период 1909—1913 гг. соответствующий прирост численности рабочих составил 74,1 тыс. человек, или почти 30%. За весь же рассматриваемый период 1901—1913 гг. численность рабочих, занятых в предприятиях, подчиненных

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в «Україна. Статистичный щорічник 1929», Харків 1929, стр. 243.

[2] На конец года.

Динамика численности рабочих, занятых в предприятиях Украины, подчиненных надзору фабричной инспекции, за 1901—1913 гг.

Годы	Число рабочих (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) за год	
		в тыс.	в %
1901	242,0	—	—
1902	239,4	— 2,6	—1,1
1903	239,3	— 0,1	—
1904	240,1	+ 0,8	+0,3
1905	248,1	+ 8,0	+3,3
1906	254,5	+ 6,4	+2,6
1907	260,4	+ 5,9	+2,3
1908	253,0	— 7,4	—2,8
1909	257,9	+ 4,9	+1,9
1910	273,6	+15,7	+6,1
1911	287,7	+14,1	+5,2
1912	307,6	+19,9	+6,9
1913	332,0	+24,4	+7,9

надзору фабричной инспекции, увеличилась с 242 тыс. до 332 тыс. человек, или на 37,2%.

Следует также отметить, что за период с 60-х годов по 1913 г. в значительной степени повысился удельный вес численности промышленных рабочих на Украине. Так, по исчислению К. А. Пажитнова, «общее количество рабочих, занятых на фабриках, заводах и рудниках Украины к концу крепостного периода, можно принять около 110 тыс. человек»[1]. Накануне империалистической войны, в 1913 г., соответствующая численность рабочих составила 631 тыс. человек[2]. Таким образом, свыше чем за 50-летний период развития капиталистической промышленности Украины численность рабочих увеличилась примерно в $5^1/_2$ раз, и темп прироста численности промышленных рабочих на Украине был выше, чем во всей стране. Необходимо также указать следующее существенное обстоятельство. Столь значительный прирост численности рабочих на Украине произошел, главным образом, в результате процессов весьма интенсивного развития отраслей тяжелой промышленности (каменноугольной, металлургии) на Украине и роста численности рабочих в указанных отраслях промышленности.

По весьма существенному вопросу о распределении фабрично-заводских и горнозаводских рабочих в городах и вне городов мы располагаем весьма немногочисленными данными.

Группируя фабричные центры по числу рабочих в каждом центре и по роду центров (города и села), В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» указывал, что к началу 90-х годов не менее

[1] *К. А. Пажитнов*, Очерки по истории рабочего класса по Украине, Харьков 1927.

[2] «Україна. Статистичный щорічник 1929», Харьків 1929, стр. 245.

половины общей численности фабрично-заводских и горных рабочих сосредоточено вне городов:

«Сравнение городских и сельских центров показывает, что последние охватывали в 1890 г. *около трети* всего числа рабочих в важнейших центрах (152 тыс. из 451). Для всей России это отношение должно быть выше, т.-е. более трети ф.-заводских рабочих должно находиться вне городов. В самом деле, все выдающиеся городские центры вошли в нашу таблицу, тогда как сельских центров, имеющих по несколько сот рабочих, имеется кроме упомянутых нами очень и очень много (селения с стеклянными, кирпичными, винокуренными, свеклосахарными заводами и пр.). Горнорабочие тоже размещены главным образом вне городов. Можно думать поэтому, что из всего числа ф.-заводских и горных рабочих Евр. России не менее (а, пожалуй, и более) половины размещено вне городов»[1].

В последующие годы А. В. Погожевым на основании данных, относящихся к отдельным предприятиям в 1902 г., было произведено распределение промышленных предприятий на размещенные в городах и вне городов[2]. Это распределение было произведено по весьма значительному кругу предприятий. Но при этом необходимо учитывать следующее существенное обстоятельство, а именно, что при группировке А. В. Погожев исходил из административного деления. Таким образом, значительное число поселений, в которых было сосредоточено по 3—4 тыс. одних только фабрично-заводских рабочих, было отнесено к сельским поселениям (см. табл. на стр. 166).

Около 70% распределенных фабрично-заводских рабочих были заняты в 1902 г. в предприятиях, расположенных вне городов. В двух важнейших отраслях промышленности вне городов было занято в обработке металла 70% и в обработке волокнистых веществ 63%; на эту же группу предприятий в горной промышленности приходилось 92% общего числа занятых в ней рабочих.

На основании материалов 1902 г. А. В. Погожев приходит к следующим выводам о размещении крупных предприятий в городах и вне городов:

«При общем необычайно быстром росте промышленности в городских и сельских индустриальных центрах оказывается, что наиболее крупные предприятия (Riesenunternehmungen) по терминологии германской промысловой переписи 1895 г. или «гиганты промышленности» (соответственно своим размерам от 1 до 2 тыс. рабочих и т. д.) сосредоточены, главным образом, вне городов.

Из общего числа 458 предприятий этого рода в России (свыше 1 155 тыс. рабочих) на города приходится около 32% заведений (146 городских предприятий) и 30% рабочих (351 тыс. рабочих), тогда как вне городов расположено 312 «гигантов промышленности» (68% общего числа во всей России) и 804 тыс. рабочих, или около

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 407.

[2] *А. В. Погожев*, Учет численности и состава рабочих в России, II. 1906, стр. 59.

Распределение крупных предприятий[1] в городах и вне городов по производствам в 1902 г.

Производства	Всего учтено		Из них вне городов		% рабочих, занятых в предприятиях, расположенных вне городов, к общему числу учтенных рабочих
	предприятий	рабочих (в тыс.)	предприятий	рабочих (в тыс.)	
Обработка волокнистых веществ	174	453,0	105	285,5	63,0
Обработка металлов	158	423,8	113	299,3	70,6
» минеральных веществ	13	21,7	11	17,9	82,5
Обработка питательных веществ	25	39,2	15	24,1	61,5
Химическое производство	7	11,5	5	7,3	63,5
Производство бумажное и полиграфическое	7	12,3	3	4,9	39,8
Обработка дерева	5	6,0	3	3,7	61,7
» животных продуктов	4	13,0	—	—	—
Всего по обрабатывающей промышленности	393	980,5	255	642,7	65,5
Добыча золота	11	24,8	11	24,8	100,0
» каменного угля	46	137,1	46	137,1	100,0
» нефти	8	13,9	—	—	—
Всего по горной промышленности	65	175,8	57	161,9	92,1
Итого по обрабатывающей и горной промышленности	458	1 156,3	312	804,6	69,6

70% общей численности их. Притом чем крупнее предприятие, тем более повышается в процентном отношении и численность рабочих в заведениях, расположенных вблизи внегородских поселений. То же самое обнаруживается и по отдельным отраслям промышленности, включая добычу и обработку железа, а равно и различные отрасли горной промышленности. Как в городах, так и в селениях крупные предприятия заняты преимущественно обработкой металлов и волокнистых веществ, сосредоточивая в общей сложности до 877 тыс. рабочих на 332 заведениях, или около 76% всех рабочих, занятых очень крупными предприятиями»[2].

[1] Свыше 1 тыс. рабочих в каждом.

[2] *А. В. Погожев*, Учет численности и состава рабочих в России, II. 1906, введение, стр. XVII.

О численности строительных рабочих

Помимо основной массы промышленных рабочих—фабрично-заводских рабочих—была еще одна весьма многочисленная группа промышленных рабочих—строительные рабочие. В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России» на основании материалов, относящихся к концу XIX в., была дана следующая общая оценка этой группы рабочих: «Строительные рабочие представляют из себя образующийся промышленный пролетариат, связи которого с землей,—очень слабые уже в настоящее время,—с каждым годом ослабевают все более и более. По своему положению строительные рабочие резко отличаются от лесных рабочих, приближаясь более к фабричным. Работают они в крупных городских и промышленных центрах, которые, как мы видели, значительно поднимают их культурный уровень. Если падающая лесная промышленность характеризует малоразвитые формы капитализма, мирящегося еще с патриархальным строем жизни, то *развивающаяся строительная промышленность характеризует высшую стадию капитализма, ведет к образованию нового класса промышленных рабочих* и знаменует глубокое разложение старого крестьянства»[1].

Хотя данные о численности и составе рабочих фабрично-заводской промышленности за дореволюционный период не вполне удовлетворительны, однако имеющиеся материалы позволяют проследить динамику численности фабрично-заводских рабочих за ряд периодов. В несравненно худшем состоянии находились данные о численности и составе строительных рабочих за дореволюционный период. В отношении столь многочисленной группы рабочих имеются лишь материалы по отдельным районам страны. В. И. Ленин писал: «Все число строительных рабочих в Евр. России должно быть весьма значительно, судя по имеющимся отрывочным данным»[2]. Приведя ряд данных по отдельным губерниям, В. И. Ленин указывал: «Судя по этим цифрам, число строительных рабочих в Евр. России должно составлять *не менее 1 миллиона* человек. Эту цифру надо скорее признать минимальною, ибо все источники свидетельствуют, что число строительных рабочих быстро возрастает в пореформенную эпоху»[3]. Несомненно, что в последующие годы в результате развития промышленности и роста городов численность строительных рабочих продолжала увеличиваться, и накануне империалистической войны численность указанной группы рабочих уже значительно превышала цифру, указанную В. И. Лениным для конца XIX в.

Междуведомственным совещанием при Главном управлении землеустройства и земледелия была проведена за 1911 г. анкета «для выяснения размеров выхода рабочих различных специальностей по отдельным уездам Европейской России». В специальном издании были опубликованы частичные результаты разработки

---

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 417 (курсив наш.—*А. Р.*).
[2] Там же, стр. 416.
[3] Там же, стр. 416—417.

этой анкеты, а именно сведения о рабочих строительных и дорожных цехов.

Общая численность и группировка рабочих указанных групп по специальностям были следующие:

«Рабочие строительных и дорожных цехов представляют наиболее многочисленную группу рабочих, охваченных обследованием. В нисходящем по численности порядке рабочие эти распадаются на следующие подгруппы:

Чернорабочие	1 738 049
Плотники	284 657
Каменщики	152 462
Землекопы	141 543
Маляры	41 142
Штукатуры	41 092
Кирпичники	32 781
Печники	24 967
Кровельщики	13 922
Стекольщики	8 849
Бетонщики	1 125
Разных специальностей	21 362

Наибольшей по численности подгруппой являются, таким образом, чернорабочие, составляющие 69,5% всего числа рабочих строительных и дорожных цехов. Нет никакого, однако, сомнения, что эта бесформенная подгруппа представляет весьма большую сложность, включая в себя всех рабочих, не имеющих одной определенной специальности, но нередко становящихся и на земляные, и на плотничные, и на другие работы. В особенности близка связь этой подгруппы с землекопами. Железнодорожное строительство получило у нас в последние годы столь значительное развитие, что численность подгруппы землекопов, очевидное не находится в соответствии со спросом на земляные работы, но любому чернорабочему не нужно обладать большей приспособленностью, чтобы перейти в разряд землекопов, а затем специализироваться на этой работе. То же можно сказать и относительно других простых специальностей: вчерашний месильщик глины завтра может заняться штукатурной работой, носильщик кирпичей сделается каменщиком и т. д. Таким образом, чернорабочие представляют собою тот материал, из коего при постоянстве работ и приобретаемой постепенно привычке формируются кадры специальных рабочих»[1].

Если исключить из общих итогов, полученных в результате указанной официальной анкеты, наиболее многочисленную группу чернорабочих, то численность остальных профессий строительных рабочих согласно данным этой анкеты 1911 г. составит около 800 тыс. человек. Но несомненно, что в общей весьма многочисленной группе чернорабочих частично имелись также строители; так

[1] «Движение рабочих на заработки в 1911 г. Строительные и дорожные работы», изд. Комитета по заселению Дальнего Востока, составил А. А. Панов, П. 1911, стр. 5.

как последние были выделены не во всех ответах на анкету[1]. А если также принять во внимание недоучет вследствие отсутствия данных по некоторым губерниям и то обстоятельство, что к 1911 г. в городах уже имелась сравнительно значительная группа постоянно живущих в них строителей, то можно признать, исходя в основном из материалов анкеты 1911 г., что общая численность строительных рабочих накануне империалистической войны безусловно превышала 1 млн. человек. Приходится снова указать, что состояние отчетности в отношении столь многочисленной и важной группы промышленных рабочих было столь печальным[2], что приходится ограничиться лишь этими ориентировочными расчетами.

ГЛАВА 5

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕНТРАЦИИ ПРОЛЕТАРИАТА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Исследование процессов концентрации русской фабрично-заводской промышленности за 1866—1894/95 гг. было произведено В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России».

Во второй половине 90-х годов наблюдался весьма интенсивный рост численности фабрично-заводских рабочих, но специальных исследований о процессах концентрации за этот период не было произведено. Лишь отдельные соответствующие подсчеты содержатся в исследовании А. В. Погожева «Учет численности и состава рабочих в России». С 1901 г. мы располагаем сопоставимыми данными о распределении фабрично-заводских предприятий по численности занятых в них рабочих. Эти данные ежегодно публиковались в «Сводах отчетов фабричных инспекторов».

В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» приводит статистические данные на ряд дат о процессах концентрации фабрично-заводской промышленности Европейской России.

---

[1] В этом нас убеждает совпадение, или почти полное совпадение, общей численности всех учтенных рабочих строительных и дорожных цехов с численностью группы чернорабочих в ответах на анкету, полученных из некоторых губерний.

[2] В «Обзоре строительной деятельности в России» (СПБ 1912, стр. 28—29) указано, что ответы на анкету 1911 г. редакции «Вестника финансов» в части, относящейся к выяснению численности рабочих, занятых на строительных работах, были недостаточны и неполны. Это обстоятельство автор текстового обзора объяснял тем, что «строительным рабочим почти никакой регистрации не ведется. А если она и введена в отдельных городах, то и там она страдает значительными пробелами». Он также указывал, что «...при том условии, что наше законодательство не знает никаких правил, охраняющих интересы строительных рабочих, наподобие, например, правил для фабричных рабочих, а следовательно, и нет органов, вроде чинов фабричной инспекции или горного надзора, которым было бы интересно и которые могли бы вести учет строительных рабочих, естественно, что определить число строительных рабочих при настоящих условиях почти невозможно».

В. И. Лениным была произведена выборка предприятий, имеющих 100 и более рабочих, за все сравниваемые годы. На основании этих материалов составлены следующие таблицы концентрации промышленности за период 1866—1894/95 гг.[1]:

Распределение крупнейших фабрик Европейской России по размерам за 1866—1879 гг.[2]

Группы фабрик по числу рабочих	Число фабрик		Число рабочих			
					в % к итогу	
	1866 г.	1879 г.	1866 г.	1879 г.	1866 г.	1879 г.
А. От 100 до 499 рабочих .	512	641	109 061	141 727	47,1	36,3
Б. » 500 » 999 » .	90	130	59 867	91 887	25,8	23,5
В. » 1 000 и более » .	42	81	62 801	156 760	27,1	40,2
Итого . . .	644	852	231 739	390 374	100,0	100,0

При росте общей численности рабочих, занятых в рассматриваемой группе крупных фабрично-заводских предприятий Европейской России, за 1866—1879 гг. на 68,5% прирост численности рабочих, занятых в наиболее крупных фабриках (1 тыс. и более рабочих) был весьма повышенным и составил 150%, а в группе фабрик с числом рабочих от 100 до 499 человек соответствующий прирост составил 30%. В результате столь неравномерного роста численности рабочих в различных по размерам предприятиях удельный вес численности занятых на крупнейших фабриках рабочих (1 тыс. и более) с 1866 по 1879 г. значительно повысился—с 27,1 до 40,2% общей численности рассматриваемой группы предприятий. По данным второй таблицы можно проследить последующие процессы концентрации в период 1879—1894/95 гг. (см. табл. на стр. 171).

Число рабочих на этих крупнейших фабриках увеличилось за период с 1879 по 1894/95 г. с 496,4 тыс. до 655,7 тыс. человек, или на 32%. При этом следует отметить, что за этот период повысился особенно удельный вес численности рабочих крупнейших фабрик, в которых занято было 1 тыс. и более рабочих. На эту группу фабрик приходилось в 1879 г. 32,9%, а в 1894/95 г.—39,6% общей численности рабочих, занятых на фабриках с числом 100 и более рабочих. Одновременно понизился удельный вес группы фабрик с численностью 100—499 рабочих. Среднее число рабочих, приходившееся на одну фабрику с числом рабочих 1 тыс. и свыше, также выросло за рассматриваемый период, а именно на одну

[1] См. *Ленин*, Соч., т. III, стр. 397.

[2] Данные по 71 производству, о которых есть сведения за 1866 г.

Распределение крупнейших фабрик Европейской России по размерам за 1879—1894/95 гг.[1]

Группы фабрик по числу рабочих	Число фабрик						Число рабочих					
	абсолютное			в % к итогу						в % к итогу		
	1879 г.	1890 г.	1894/95 г.	1879 г.	1890 г.	1894/95 г.	1879 г.	1890 г.	1894/95 г.	1879 г.	1890 г.	1894/95 г.
А. От 100 до 499 рабочих . . .	979	1 131	1 136	79,7	79,6	77,4	219 436	252 063	252 676	44,2	42,1	38,5
В. » 500 » 999 » . . .	164	182	215	13,3	12,8	14,6	113 936	120 936	143 453	22,9	20,2	21,9
С. » 1 тыс. и более рабочих .	86	108	117	7,0	7,6	8,0	163 044	226 207	259 541	32,9	37,7	39,6
Итого	1 229	1 421	1 468	100,0	100,0	100,0	496 416	599 206	655 670	100,0	100,0	100,0

[1] По всем производствам за исключением рельсового (сталелитейного).

фабрику указанного ценза приходилось в 1879 г. 1 896 рабочих, в 1890 г.—2 094 и в 1894/95 г.—2 218 рабочих, или прирост с 1879 по 1894/95 г. составил 17%.

В. И. Ленин также отметил высокий уровень концентрации в горной промышленности (по данным 1890 г.): «В горной промышленности концентрация рабочих в крупных предприятиях еще сильнее... 258 тыс. рабочих из 305 тыс., т.-е. 84,5% горнорабочих сосредоточены в предприятиях с 100 и более рабочих; почти половина горнорабочих (145 тыс. из 305 тыс.) занята на немногочисленных крупнейших заводах, имеющих по 1.000 и более рабочих»[1].

Остановимся на процессах концентрации важнейшей для того периода отрасли промышленности—хлопчатобумажной.

На основании данных, опубликованных в «Русской фабрике в прошлом и настоящем» М. И. Туган-Барановского, составлена следующая таблица о процессах концентрации в хлопчатобумажной промышленности за период 1879—1894 гг.[2]:

Распределение фабрик хлопчатобумажной промышленности, имеющих более 100 рабочих, по размерам в 50 губерниях Европейской России за 1879—1894 гг.

Группа фабрик по размерам	Число фабрик				Число рабочих			
	абсолютное		в % к итогу		в тыс.		в % к итогу	
	1879 г.	1894 г.	1879 г.	1894 г.	1879 г.	1894 г.	1879 г.	1894 г.
От 100 до 500 рабочих	118	108	58,1	48,2	28,2	27,0	18,4	11,5
От 500 до 1 000 рачих	44	48	21,7	21,4	32,6	33,5	21,3	14,3
От 1 000 до 5 000 рабочих	40	60	19,7	26,8	83,6	119,0	54,5	50,8
5 000 и свыше рабочих	1	8	0,5	3,6	8,9	55,0	5,8	23,4
Всего . . .	203	224	100,0	100,0	153,3	234,5	100,0	100,0

М. И. Туган-Барановский указывает, что сведения за 1879 г. приведены по данным П. Масленникова («К вопросу о развитии фабричной промышленности в России»), а для 1894 г. произведены специальные подсчеты по «Перечню фабрик и заводов в России»[3]. За 15 лет—с 1879 по 1894 г.—в значительной степени увеличилось число рабочих в наиболее крупных предприятиях. Весь прирост численности рабочих в хлопчатобумажной промышленности

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 403.

[2] *М. И. Туган-Барановский*, Русская фабрика в прошлом и настоящем, изд. 3-е, П. 1907, стр. 377—378.

[3] «Перечень фабрик и заводов в России», П. 1897.

в предприятиях со 100 и свыше рабочими в 81 тыс. человек за рассматриваемый период приходился на крупнейшие предприятия с 1 тыс. и свыше рабочих. В результате этого удельный вес численности рабочих, занятых в последней группе предприятий, повысился с 60,3% в 1879 г. до 74,2% в 1894 г. В особенности выросла численность рабочих, занятых в наиболее крупных предприятиях,— с 5 тыс. человек и свыше: в 1879 г. в этой группе была учтена одна фабрика с 8,9 тыс. рабочих, а в 1894 г.—уже восемь фабрик, в которых было занято 55 тыс. рабочих.

Число рабочих в наиболее крупных предприятиях начала XX в. наиболее полно было учтено в работе А. В. Погожева, в которой он подверг этот вопрос специальному исследованию. Общую численность предприятий этого размера (от 1 тыс. рабочих и свыше) он определил за 1900—1902 гг. в 458, а численность занятых в них рабочих—в 1.165 тыс. человек [1].

Для характеристики основных процессов концентрации промышленности с начала 900-х годов до 1914 г. приведем раздельно данные для предприятий, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции. Таблица на стр. 174 составлена на основании данных фабричной инспекции. В подсчет включены лишь заведения с числом рабочих свыше 20 человек. При этом мы руководствовались следующими замечаниями по этому вопросу В. И. Ленина. В примечании ко второму изданию «Развития капитализма в России», отмечая как достижения фабрично-заводской статистики появление в «Сводах отчетов фабричных инспекторов» распределения по числу рабочих, В. И. Ленин писал: «В сводах отчетов фабричных инспекторов, издаваемых мин-вом торговли и промышленности (за 1901—3 годы), есть сведения о числе фабрик и заводов, а также рабочих на них (64 губ. России), с распределением фабрик и заводов на группы по числу рабочих (до 20; 21—50; 51—100; 101—500; 501—1000;свыше 1000). Это—крупный шаг вперед нашей ф.-з. статистики. *Данные о крупных мастерских* (21 и более рабочих), *вероятно, хоть сколько-нибудь надежны*. Данные о «фабриках» с числом рабочих менее 20 явно случайны и никуда не годны. Напр., за 1903 г. в Нижегородской губ. показано 266 фабрик с числом рабочих менее 20; рабочих в них 1.975, т.-е. в среднем менее 8-ми рабочих. В Пермской—10 таких фабрик с 159 рабочими! Разумеется, смешно. Итог за 1903 год по 64 губерниям: 15.821 фабрика с 1.640.406 рабочими, а если выкинуть ф. и з. с числом рабочих менее 20, то получим 10.072 ф. и з. с 1.576.754 рабочими» [2].

В то время как в группах заведений с числом рабочих до 100 человек мы в общем наблюдаем лишь незначительные изменения численности рабочих и, если сравнить крайние даты—1901 и 1914 гг., даже почти постоянство рабочего состава во всей промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, общее число рабочих по группам заведений с числом рабочих свыше 20 человек увели-

[1] *А. В. Погожев*, Учет численности и состава рабочих в России, II. 1906, введение, стр. XVII и 40—50.

[2] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 363 (курсив наш.—*А. Р.*).

Распределение промышленных предприятий по размерам за 1901—1914 г.[1]

Группировки по размерам / Годы	В подсчет вошло		В % к итогу приходилось										В среднем на 1 предприятие приходилось рабочих
			предприятий с числом рабочих					рабочих в предприятиях с числом рабочих					
	предприятий	в них рабочих (в тыс.)	от 21 до 50	от 51 до 100	от 101 до 500	от 501 до 1 000	свыше 1 000	от 21 до 50	от 51 до 100	от 101 до 500	от 501 до 1 000	свыше 1 000	
1901	11 055	1 636,2	51,0	22,2	20,9	3,7	2,2	10,4	10,6	30,3	16,6	32,1	148
1902	11 077	1 642,6	51,2	21,7	21,0	4,0	2,1	10,4	10,2	30,3	17,8	31,3	148
1903	10 072	1 576,8	50,3	22,5	20,8	4,0	2,4	10,1	9,9	29,4	17,5	33,1	157
1905	9 351	1 599,5	49,2	22,1	21,8	4,2	2,7	9,5	9,2	29,1	17,1	35,1	171
1906	9 098	1 630,8	48,2	22,5	21,8	4,5	3,0	8,8	9,0	27,6	17,2	37,4	179
1907	9 152	1 663,7	47,9	22,1	22,4	4,5	3,1	8,7	8,7	27,9	17,2	37,5	182
1908	9 542	1 748,1	47,6	22,0	22,9	4,4	3,1	8,5	8,7	28,3	16,7	37,8	183
1909	9 582	1 744,1	47,7	22,1	22,6	4,5	3,1	8,7	8,6	28,5	16,1	38,1	182
1910	9 722	1 769,3	48,3	21,4	22,9	4,2	3,2	8,7	8,4	28,5	16,0	38,4	182
1911	10 267	1 884,3	47,6	22,2	22,7	4,3	3,2	8,6	8,8	28,1	16,4	38,1	184
1912	10 690	1 978,1	47,6	22,2	22,9	4,1	3,2	8,5	8,6	28,3	15,7	38,9	185
1913	11 238	2 076,0	47,8	22,4	22,5	4,1	3,2	8,5	8,7	27,6	15,6	39,6	185
1914	11 729	2 243,8	46,1	23,1	23,2	4,3	3,3	7,9	8,7	27,5	15,6	40,3	191

[1] Данные на 1 января отчетного года.

чилось с 1 636,2 тыс. в 1901 г. до 2 243,8 тыс. человек в 1913 г., т. е. прирост численности рабочих составлял за этот период 607,6 тыс. человек, или 37,7%. Но за те же годы число рабочих в наиболее крупных заведениях с числом рабочих свыше 1 тыс. человек резко возросло. Из общего прироста численности рабочих за рассматриваемый период в 607,6 тыс. прирост в одной лишь этой группе наиболее крупных заведений достигал 377 тыс. человек. С 1901 по 1913 г. численность рабочих в заведениях с 1 тыс. рабочих и свыше увеличилась на 72% при среднем приросте численности рабочих на 37,1%. В результате указанных процессов концентрации удельный вес численности рабочих, занятых в наиболее крупных заведениях (с 1 тыс. и более рабочих), в отношении к численности рабочих во всей промышленности значительно повысился: в 1901 г. в этой группе заведений было занято 32,1% всей массы рабочих, занятых в заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, в 1913 же году соответствующий показатель повысился до 40,2%. Удельный вес численности рабочих, занятых в заведениях с числом рабочих 501—1 000 человек, за все эти годы сравнительно незначительно изменялся. В общем процессы концентрации за годы кризиса происходили в более интенсивном темпе, чем в последующие годы[1]. Так, среднее число рабочих, приходящееся на одно заведение, увеличилось со 148 на 1 января 1901 г. до 171 на 1 января 1905 г.; за более длительный период с 1 января 1905 г. по 1 января 1914 г. этот показатель увеличился со 171 до 191 человека. За весь же рассматриваемый период с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г. среднее число рабочих, приходящееся на одно заведение, увеличилось со 148 до 191 человека, или на 29%.

Обратимся к данным о распределении промышленных предприятий отдельных производств по числу занятых в них рабочих за 1913 г. (см. табл. на стр. 176).

Отметим наиболее существенные показатели. Резко повышенной степенью концентрации выделяются и в 1913 г. следующие производства, в которых удельный вес численности рабочих в предприятиях с числом рабочих свыше 1 тыс. человек к общей численности рабочих данного производства соответственно составлял: в обработке хлопка—77,9%, в обработке льна и пеньки—62,2 и обработке металлов и производстве машин—43%. Одновременно укажем, что предприятия средних размеров с числом рабочих свыше

---

[1] М. И. Туган-Барановский в статье «Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900—1909 гг. и виды на будущее» (сборник статей «К лучшему будущему», П. 1912, стр. 17[illegible]) отметил влияние кризиса 900-х годов на процессы концентрации промышленности:

«Но в то же время кризис оказал глубокое действие на промышленность в смысле ее концентрации: мелкие предприятия не могли его выдержать, и многие из них прекратили свое существование, за счет которых значительно расширили свои обороты крупные предприятия и притом наиболее крупные. Все это повело к тому, что техника производства сделала значительные успехи, и в этом отношении истекшее десятилетие займет выдающееся место в истории нашей промышленности».

Распределение промышленных предприятий по группам производств и размерам в 1913 г.

Группы производств	В подсчет вошло		Рабочие в % к итогу в заведениях с числом рабочих				
	предприятий	в них рабочих (в тыс.)	21—50	51—100	101—500	501—1 000	свыше 1 000
Обработка хлопка . . .	675	564,1	0,9	1,1	9,5	10,6	77,9
» шерсти . . .	797	162,0	6,2	8,6	29,3	21,4	34,5
» льна и пеньки	217	104,0	1,6	2,8	17,1	16,3	62,2
Бумажное производство	211	38,3	5,0	12,5	40,8	17,9	23,8
Типографии и литографии	646	44,5	29,9	22,5	36,4	7,4	3,8
Механическая обработка дерева	1 482	119,3	23,7	20,1	38,2	12,6	5,4
Обработка металлов и производство машин .	1 785	377,8	6,3	9,2	26,5	15,0	43,0
Стеклянное и пр. . . .	246	62,6	2,2	5,6	51,4	26,4	14,4
Мукомольное	789	32,4	35,5	25,9	34,0	4,6	—
Сахарное	314	178,3	—	—	38,4	35,7	25,9
Прочие пищевые производства	1 575	129,6	24,1	19,7	31,2	13,0	12,0
Химические производства	388	88,5	5,4	7,2	33,1	13,9	40,4

100 человек среди учтенных были значительно представлены в типографиях, в производствах по обработке дерева, мукомольном и в группе «Прочие пищевые производства».

Следующие показатели, опубликованные С. Г. Струмилиным, также свидетельствуют о значительных процессах концентрации каменноугольной промышленности за 1887—1911 г.

Число рабочих и добыча на одну шахту изменялись следующим образом [1]:

Годы	Число рабочих	Добыча (в тыс. *m*)
1887	30	3,16
1891	32	4,10
1896	42	6,12
1901	92	10,06
1906	96	13,22
1911	176	25,21

«За 24 года по 1911 г. число рабочих на каждой шахте возросло раз в шесть, а добыча раз в восемь».

[1] Акад. *С. Г. Струмилин*, Черная металлургия в России и в СССР, изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1935, стр. 82.

В этой же работе С. Г. Струмилин приводит следующие существенные показатели о процессах концентрации в черной металлургии за период 1880—1910 гг.:

«О сравнительных масштабах концентрации производства на Урале и юге России можно судить по следующим данным о годовой выплавке чугуна в этих районах:

Годы	Число заводов		Выплавка чугуна (в тыс. пуд.)			
			на 1 завод		на 1 действующую домну	
	Урал	Юг	Урал	Юг	Урал	Юг
1880	60	1	306	1 089	175	544
1890	63	9	440	1 500	256	960
1900	76	20	663	4 600	359	2 040
1910	50	13	770	9 650	500	3 140

Уральские заводы и домны за 30 лет сильно увеличили свою продукцию—заводы в 2,5 раза, а домны в 2,9 раза, по южным домны и заводы росли гораздо быстрее и к 1910 г. домны уже раз в шесть превышали по своей продукции уральские, а заводы—раз в тринадцать»[1].

Указанные процессы оказали свое влияние на рост производительности труда.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о значительных процессах концентрации. Развитие капиталистических монополий в России было связано с этой высокой степенью концентрации промышленности. В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин, указывая, что «всю «мощь» петербургских крупнейших банков автор (Е. Агад по данным за 1913 г.—*А. Р.*) определяет в 8.235 миллионов рублей...», писал: «Из этой суммы, 8.235 миллионов, функционирующего капитала—3.687 миллионов, т.-е. свыше 40%, приходится, по расчету автора, на синдикаты: Продуголь, Продамета, синдикаты в нефтяной, металлургической и цементной промышленности. Следовательно, слияние банков и промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперед»[2].

Приведем для характеристики процессов концентрации за капиталистический период еще дополнительные данные в отношении текстильной промышленнсти нынешней Ивановской области, опубликованные в работе «Районы Ивановской промышленной области»[3]: «За время с 1867 г. по 1913 г. текстильная промышленность

[1] Там же, стр. 248.

[2] *Ленин*, Соч., т. XIX, стр. 112—113.

[3] «Районы Ивановской промышленной области», ч. I. Экономическая характеристика, М.—Иваново 1933, стр. 11.

значительно сократила число своих предприятий: с 357 до 243, в особенности хлопчатобумажных, за счет мелких ситценабивных и красильных фабрик. Однако, сокращение текстильных предприятий происходило при одновременном росте рабочих в текстильной промышленности, число которых за это время увеличилось в 4 раза: с 62 тыс. до 261,5 тыс.

В результате интенсивного процесса концентрации средний размер текстильного предприятия увеличился с 211 рабочих до 1 076 рабочих. Интенсивность этого процесса за период с 1867 по 1913 г. ясно видна из группировки предприятий по числу рабочих (в %):

Группы предприятий по числу рабочих	1867 г.			1913 г.		
	число предприятий	число рабочих	сумма продукции	число предприятий	число рабочих	сумма продукции
До 99 рабочих	73,6	9,4	14,5	8,8	0,4	0,3
От 100 до 499 рабочих .	15,6	22,2	32,8	41,7	9,6	8,9
» 500 » 999 » .	6,0	22,8	30,1	16,2	10,4	8,8
» 1 000 » 1 999 » .	3,1	22,8	14,3	17,1	20,5	21,5
» 2 000 » 4 999 » .	1,7	22,8	8,3	11,8	32,4	33,9
» 5 000 и более	—	—	—	4,4	25,7	26,6
Итого по всем группам	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0»

Таким образом, в то время как в группе предприятий текстильной промышленности Ивановской области с числом рабочих свыше 2 тыс. человек насчитывалось в 1867 г. 22,8% общей численности рабочих, соответствующий показатель в 1913 г. достигал уже 58,1%, в том числе $^1/_4$ общего числа рабочих была занята в предприятиях с числом рабочих свыше 5 тыс. человек. Еще более значительные сдвиги с 1867 по 1913 г. можно проследить, если обратиться к данным о сумме продукции.

Процессы концентрации в промышленности не ограничивались только наличием значительного числа рабочих на отдельных предприятиях, но также выявились и в форме сосредоточения значительных масс фабрично-заводских рабочих в отдельных центрах и районах страны. В этом отношении весьма характерны нижеприводимые данные, относящиеся к первому и началу второго десятилетия XX в.

В фабрично-заводской промышленности Петербурга накануне империалистической войны было занято 242,6 тыс. рабочих. По главнейшим отраслям промышленности они распределялись следующим образом:

Число рабочих в фабрично-заводской промышленности Петербурга [1] на 1 января 1914 г. [2]

Отрасли промышленности	Число рабочих	
	в тыс.	в %
Вся промышленность .	242,6	100,0
В том числе:		
металлопромышленность	107,6	44,4
текстильная	40,1	16,5
полиграфическая . .	23,1	9,5
пищевкусовая . . .	22,7	9,4
химическая	21,6	8,9
одежда и туалет . .	10,2	4,2
обработка дерева .	5,0	2,1
бумажная	4,4	1,8

Лишь одна петербургская металлопромышленность насчитывала 107,6 тыс. рабочих. Следующей по численности рабочих была текстильная промышленность с 40 тыс. рабочих. В петербургской полиграфической и химической промышленности было занято свыше чем по 20 тыс. рабочих.

Данные о численности рабочих в предприятиях Москвы, подчиненных надзору фабричной инспекции, сохранились за период 1906—1913 гг. Эти данные опубликованы в «Статистическом ежегоднике г. Москвы»[3].

На основании этих данных нами составлена следующая таблица:

Динамика численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции г. Москвы, за 1906—1913 гг.

Годы	Число рабочих (в тыс.)	Прирост за год	
		в тыс.	в %
1906	121,4	—	—
1907	124,9	3,5	2,9
1908	127,6	2,7	2,2
1909	127,3	— 0,3	— 0,2
1910	136,4	9,1	7,1
1911	141,5	5,1	3,7
1912	147,9	6,4	4,5
1913	159,3	11,4	7,7

За семь лет—с 1906 по 1913 г.—прирост численности рабочих фабрично-заводской промышленности Москвы составил 37,9 тыс. человек, или 31,2%. Среднегодовой прирост численности рабочих составил 3,9%. И в промышленности Москвы аналогично тому, что мы наблюдали в отношении всей фабрично-заводской промыш-

[1] Со включением казенных заводов военной промышленности и Экспедиции заготовления государственных бумаг.

[2] «Положение труда Петербургской губ. за 1918—1923 гг.», статистический атлас, составила К. Н. Яковлева, П. 1923.

[3] «Статистический ежегодник г. Москвы», вып. 4, 1911—1913 гг., М. 1916.

ленности за довоенный период, более значительный прирост численности рабочих приходился на 1910—1913 гг.

О динамике численности рабочих по отдельным отраслям промышленности за этот же период (1906—1913 гг.) можно судить по следующей таблице:

Динамика численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции г. Москвы, по отраслям промышленности за 1906—1916 гг.

Отрасли промышленности	Число рабочих (в тыс.)		Прирост с 1906 по 1913 г.	
	1906 г.	1913 г.	в тыс.	в %
Вся промышленность	121,4	159,3	37,9	31,2
В том числе:				
металлопромышленность	18,2	26,8	8,6	47,3
текстильная	53,7	64,6	10,9	20,3
полиграфическая	7,7	12,5	4,8	62,3
пищевкусовая	16,6	19,7	3,1	18,7
химическая	6,6	7,7	1,1	18,2
обработка кожи	5,2	5,0	—0,2	—3,9

При среднем приросте численности рабочих фабрично-заводской промышленности г. Москвы за 7 лет в 31,2% более интенсивный темп прироста численности следует отметить в металлопромышленности (47,3%) и в полиграфической (62,3%). За указанный период наметились некоторые сдвиги в соотношениях численности рабочих важнейших отраслей московской фабрично-заводской промышленности. Удельный вес численности рабочих текстильной промышленности составлял в 1906 г. 44,2%, а в 1913 г.—40,6%. Соответствующие показатели для металлопромышленности в 1906 г.—15% и в 1913 г.—16,8%.

Весьма интересные данные о ярко выраженной концентрации текстильной промышленности Владимирской губернии в начале 1900 г. в ряде определенных районов мы встречаем в издании «О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губернии в 900-х годах»:

«К особенностям характера текстильной промышленности Владимирской губернии необходимо еще отнести и территориальное расположение основных промышленных районов в ней, концентрирующих иногда более нескольких десятков тысяч рабочих.

К таким районам необходимо отнести:

1) Иваново-Вознесенский	44 500	рабочих
2) Орехово-Зуевский	23 000	»
3) Александровский	13 500	»
4) Шуйский	10 000	»
5) Вязниковский	6 500	»
6) Гусь-Хрустальный	6 000	»
Всего . . .	103 500	рабочих

Таким образом, 70% всего пролетариата Владимирской губернии было сосредоточено только в 6 пунктах губернии, а четыре первых из них являлись наиболее мощными. Эта сосредоточенность пролетариата определяла и его революционность»[1].

О высоких темпах роста численности рабочих в фабричных центрах на территории Ивановской области за период 1879—1913 гг. и о концентрации значительных масс рабочих в сравнительно небольшом числе городов и фабричных сел можно судить также по таблице, опубликованной в работе «Районы Ивановской промышленной области».

«Основными фабричными центрами на территории Ивановской области в период капиталистического развития ее промышленности являлись следующие пункты[2] (см. табл. на стр. 182).

Эти 30 пунктов при небольшом количестве предприятий сконцентрировали у себя в 1913 г. около 200 тыс. рабочих, или 65% общей их численности в крае, из них города 37% и фабричные села 28%. При средней численности рабочих на одном предприятии края в целом в 433 человека, в фабричных его центрах на одно предприятие приходилось в среднем 1 080 человек. При этом характерным является то обстоятельство, что концентрация производства в фабричных селах превышала концентрацию в городах. В первом случае на одно предприятие в среднем приходилось 2 467 рабочих, во втором лишь 737 рабочих»[3].

Вышеприведенные данные о численности рабочих в фабричных центрах Ивановской области представляют значительный интерес, так как они свидетельствуют о том, что «фабричные села», насчитывающие одних промышленных рабочих по 4—5 тыс., не считая численности их семей, только условно можно было относить к сельским поселениям.

И в отношении Костромской губернии мы встречаем указания о концентрации промышленности этой губернии в нескольких лишь уездах:

«Характерную особенность довоенной фабричной промышленности Костромской губ. составляла ее скученность на сравнительно небольшой площади юго-западных уездов (Кинешемский, Костромской, Нерехтский и Юрьевецкий). По разработанным нами сведениям фабричной инспекции за 1908 г., из общего по губернии числа 190 предприятий и 82,7 тыс. занятых в них рабочих в юго-западных уездах находилось 169 предприятий (89%) и 81 тыс. рабочих (98%). По данным «Обзора Костромской губ. за 1911 г.» из общей суммы годового производства в 127,5 млн. руб. на юго-

---

[1] «О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губернии в 900-х годах», вып. II, изд. Владимирского истпарта, 1926, стр. 10—11.

[2] За 1879 и 1890 гг. данные приводятся по книге *В. И. Ленина*, Развитие капитализма в России. Приложение 3, за 1913 г.—по данным промышленной переписи 1918 г.

[3] «Районы Ивановской промышленной области», ч. I. Экономическая характеристика, М.—Иваново 1933, стр. 12—13.

Тип и наименование фабричных центров	1879 г.		1890 г.		1913 г.	
	число предприятий	число рабочих	число предприятий	число рабочих	число предприятий	число рабочих
Города						
Иваново-Вознесенск	49	9 943	52	15 387	33	33 500
Кострома	32	5 181	24	4 907	25	11 950
Шуя	38	4 879	32	5 473	17	12 800
Ярославль	49	4 206	47	9 779	44	15 700
Вязники	8	3 017	6	3 331	7	6 430
Меленки	16	2 769	15	2 498	1	2 930
Переяславль	8	2 154	6	2 157	5	3 810
Ковров	4	1 723	5	2 062	2	3 800
Кинешма	4	157	9	1 748	18	11 960
Середа	—	—	—	—	3	11 300
Фабричные села						
Карабаново Александровского у.	1	4 248	1	3 879	1	4 000[1]
Тейково Шуйского у.	4	3 524	4	3 581	1	7 073
Гусь Меленковского у.	2	3 438	2	5 241	4	4 770
Кохма Шуйского у.	9	2 413	6	1 666	4	5 500
Бонячки Кинешемского у.	3	2 365	3	1 495	1	5 090
Норский посад Ярославского у.	1	2 304	2	1 639	1	1 519
Собино Владимирского у.	1	1 819	1	2 000	1	5 831
Струнино Александровского у.	2	1 688	1	2 771	3	4 260
Яковлевское Нерехтского у.	5	1 095	5	2 177	3	5 100
Тезино Кинешемского у.	3	950	3	2 420	2	6 058
Горки Ковровского у.	1	838	1	1 332	1	2 560
Вичуга Кинешемского у.	1	800	2	1 138	2	3 428
Родники Юрьевецкого у.	4	776	3	2 792	2	8 800
Колобово Ковровского у.	1	575	2	885	2	2 546
Н. Гольчиха Кинешемского у.	4	265	4	686	3	3 500
Южа Вязниковского у.	1	—	1	1 961	1	5 400
Наволоки Кинешемского у.	—	—	1	1 305	1	3 189
Камешки Ковровского у.	—	—	—	—	1	3 954
Ундол Владимирского у.	—	—	—	—	1	1 963
Лемешки Владимирского у.	1	300[2]	Св.	нет	1	1 591

западные уезды приходилось 124,1 млн., или 97%. Такая сильная сконцентрированность промышленности на юго-западе губернии объясняется частью историческими условиями ее возникновения и развития благодаря близости Иваново-Вознесенского фабричного района, частью географическим положением района, его близостью к Волге, служащей естественной связью с Нижегородской ярмаркой и восточными рынками»[3].

[1] Цифры приблизительные.

[2] По данным 1882 г. статистические сведения, извлеченные из описей и оценок фабрик и заводов Владимирской губ.

[3] *Е. Дюбюк*, Обрабатывающая промышленность Костромского края, сборник «Прошлое и настоящее Костромского края, Кострома 1926, стр. 226.

Выше мы приводили также данные о том, как в Екатеринославской губернии за сравнительно непродолжительный период (с 1866 по 1898 г.) численность рабочих в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности увеличилась с 5,4 тыс. до 108 тыс. человек. В этой губернии и в последующие годы наблюдался рост численности рабочих.

Все эти группы показателей свидетельствуют о том, как в результате развития промышленности в ряде районов России были сосредоточены значительные массы фабрично-заводских рабочих.

* * *

Основные показатели, характеризующие динамику численности рабочих фабрично-заводской промышленности за рассматриваемую эпоху, следующие.

Численность рабочих фабрично-заводской промышленности в пределах территории царской России увеличилась в течение 50 лет ее капиталистического развития в 3,9 раза и достигла в 1913 г. 3 млн.—3,1 млн. человек. Фактически указанный темп был несколько более высоким, так как в начальный период в учет численности фабрично-заводских рабочих были частично включены рабочие домашней промышленности.

Необходимо также отметить значительную неравномерность темпов прироста численности рабочих фабрично-заводской промышленности за отдельные периоды. Так, например, в связи с промышленным оживлением и подъемом прирост численности за 1887—1900 гг. был наиболее интенсивным: за эти годы численность рабочих фабрично-заводской промышленности увеличилась на 82%. По сравнению с указанным резко повышенным темпом прироста численности рабочих за 1887—1900 гг. соответствующий прирост за рассматриваемые годы развития империализма в России (1900—1913) был примерно в $2^1/_2$ раза ниже и составил 32—33%.

В отдельные периоды в связи с промышленным кризисом или депрессией происходило сокращение численности фабрично-заводских рабочих как в целом по промышленности, так в особенности в отдельных районах и отраслях промышленности.

В результате более интенсивных темпов роста численности рабочих группы отраслей тяжелой промышленности России, в особенности в 90-е годы XIX в., несколько повысился удельный вес численности рабочих указанных отраслей промышленности, главным образом каменноугольной.

В эпоху капиталистического развития России процессы концентрации промышленного пролетариата протекали весьма интенсивно как вследствие увеличения удельного веса численности промышленного пролетариата, занятого в крупных и крупнейших предприятиях страны, так и вследствие сосредоточения значительных масс фабрично-заводских рабочих в группе старых промышленных центров (московский, владимирский, уральский и пе-

тербургский) и в группе новых районов (Донбасс, Баку), а также образования многочисленных фабричных и заводских центров.

Концентрация промышленности России способствовала образованию постоянных рабочих кадров в промышленности. В. И. Ленин писал: «Крупная фабрика усиливает эксплуатацию, удлиняя рабочий год до максимума и тем создавая совершенно рвущий с деревней пролетариат»[1].

Высокая степень концентрации промышленности усиливала революционность российского пролетариата. И. В. Сталин, приведя данные о значительной концентрации промышленности России в годы монополистического капитализма, писал:

«Едва ли нужно доказывать, что уже одно это обстоятельство при наличии такой революционной партии, как партия большевиков, превращало рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны»[2].

ГЛАВА 6

ТРУД ЖЕНЩИН, ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ. ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ РАБОЧИХ

Капиталистический период характеризуется усиленным вовлечением женщин, детей и подростков в фабрично-заводскую промышленность. В настоящей главе мы стремились сгруппировать основные показатели, характеризующие указанные процессы в их динамическом развитии. Состояние статистических материалов было таково, что более полно они представлены лишь с 80-х годов. В этой же главе мы приводим также показатели о возрастном составе фабрично-заводских рабочих за капиталистический период развития промышленности России.

Динамика численности фабрично-заводских работниц

Для первых десятилетий капиталистического периода (60-е и 70-е годы XIX в.) мы не располагаем суммарными данными о развитии женского труда в промышленности России. Имеются лишь разрозненные данные, относящиеся к отдельным районам страны. Поэтому наш обзор мы начинаем с 80-х годов.

В «Своде данных о фабрично-заводской промышленности за 1885—1887 гг.»[3] были опубликованы массовые данные о распределении рабочих фабрично-заводской промышленности России в 1887 г. по полу. На основании этих данных и составлена следующая таблица:

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVI, стр. 105.

[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 38.

[3] «Свод данных фабрично-заводской промышленности за 1885—1887 гг.», изд. Департамента торговли и мануфактур, П. 1889, стр. XV—XVI.

Производства	Общее число рабочих	Из них работниц	Работницы в % к общей численности рабочих
	в тыс.		
Всего учтено	789,3	192,5	24,4
В том числе по производствам:			
обработки волокнистых веществ	419,4	160,7	38,3
металлическим	113,3	3,0	2,6
питательных продуктов	79,6	6,0	7,5
извести, кирпича, стекла	67,3	7,3	10,8
по обработке животных продуктов	39,6	3,5	8,8
по обработке дерева	30,7	4,7	15,3
химическим	21,1	5,7	27,0
прочим	14,0	1,4	10,0

Отметим наиболее характерные показатели: в 1887 г. численность работниц достигала в производствах по обработке волокнистых веществ 38,3%, питательных веществ—7,5 и в металлических производствах—лишь 2,6% общей численности рабочих. Приведенные итоговые данные не являются характерными для всей фабрично-заводской промышленности, так как это распределение рабочих по полу не распространялось на предприятия, уплачивающие акцизный сбор, а также на предприятия, находившиеся в ведении Горного департамента.

А. В. Погожевым произведена сводка статистических материалов о распределении рабочих по полу за период 90-х годов. Для 1894/95 г. на основании опубликованных им данных составлена следующая таблица[1] (см. табл. на стр. 186).

Число заведений (17,7 тыс.) и среднее число рабочих, приходящееся на одно заведение (60 человек), показывают, что этим учетом охвачено также значительное число мелких и средних заведений. Одновременно следует отметить, что и этот учет не распространялся на горную и горнозаводскую промышленность, поэтому исчисленный в этой таблице в итоге для всей промышленности удельный вес числа женщин—25,8% общей численности фабрично-заводских рабочих—является характерным именно для данного круга учтенных рабочих, среди которых рабочие текстильной промышленности составляли 45,4%, а не для всей фабрично-заводской промышленности 1894/95 г., в которой удельный вес женского труда несомненно был более низким. Из наиболее существенных показателей по отдельным отраслям

[1] *А. В. Погожев*, Учет численности и состава рабочих в России, П. 1906, стр. 82—84.

Состав фабрично-заводских рабочих по группам производств и полу в 1894/95 г.

Группы производств	Число заведений	Число рабочих (в тыс.)		Женщины в % к общему числу рабочих
		всего	в том числе женщин	
Обработка хлопка	665	275,9	114,4	41,5
» шерсти	1 087	121,5	41,9	34,5
» шелка	269	16,2	7,5	46,3
» льна и пеньки	366	53,0	21,7	40,9
» смешанных волокнистых веществ	421	23,2	10,9	47,0
Всего по текстильной промышленности	2 808	489,8	196,4	40,1
Бумажная и полиграфическая промышленность	846	45,3	11,3	24,9
Обработка дерева	1 027	38,6	4,2	10,9
» металлов	1 530	120,6	5,0	4,1
» минеральных веществ	1 283	74,3	9,5	12,8
Обработка животных продуктов	1 797	40,1	5,3	13,2
Обработка питательных веществ	4 782	202,7	36,8	18,2
Мукомольное производство	2 854	29,2	0,3	1,0
Сенопрессовочные заведения	21	0,4	0,1	25,0
Всего	16 948	1 041,0	268,9	25,8

промышленности отметим, что в 1894/95 г. работницы составляли 40% общей численности рабочих текстильной промышленности и меньше 4,2% в производстве по обработке металла.

На основании материалов первой переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., составлена следующая таблица[1] (см. табл. на стр. 187).

Несмотря на все несовершенства переписи 1897 г., все же приведенные данные о распределении рабочих промышленности России по полу являются наиболее массовыми, относящимися к концу XIX в. В итоге по всей промышленности женщины составляли 15% общей численности рабочих. Наиболее значительно были представлены работницы в табачной промышленности—61,3% и в обработке волокнистых веществ—41,4%. Из основных отрас-

[1] «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.», под ред. Н. А. Тройницкого, П. 1905, стр. VI—VII.

Распределение рабочих, занятых в промышленности России, по группам занятий и полу в 1897 г.

Группы занятий	Число рабочих			Женщины в % к общему итогу рабочих
	мужчины	женщины	всего	
Добыча руд и копи	155 079	8 765	163 844	5,4
Выплавка металлов	41 203	2 556	43 759	5,8
Обработка волокнистых веществ	310 356	218 862	529 218	41,4
» животных продуктов	71 258	3 024	74 282	4,1
» дерева	166 290	6 762	173 052	3,9
» металлов	364 726	6 276	371 002	1,7
» минеральных веществ	74 471	8 740	83 211	10,5
Химические производства	45 354	15 964	61 318	26,0
Винокурение	36 920	1 824	38 744	4,7
Производство напитков и бродильных веществ	4 041	185	4 226	4,4
Обработка растительных и животных питательных продуктов	184 020	10 764	194 784	5,5
Производство табака и изделий из него	10 984	17 383	28 367	61,3
Полиграфическое производство	46 552	5 627	52 179	10,8
Производство инструментов	7 724	553	8 277	6,7
Ювелирное дело, живопись и предметы культа	25 213	558	25 771	2,2
Изготовление одежды	256 903	69 352	326 255	21,3
Устройство и ремонт жилищ и строительные работы	345 792	—	345 792	—
Производство экипажей и постройка деревянных судов	8 859	43	8 902	0,5
Занятия, не вошедшие в предыдущие группы	54 042	11 354	65 396	17,4
Вся промышленность	2 209 787	388 592	2 598 379	15,0
Сверх того прислуга на фабриках, заводах и в усадьбах	205 731	21 023	226 754	9,3

лей промышленности весьма назначительным был удельный вес работниц в обработке металла—1,7% и в обработке дерева—3,9%.

В работе С. Бернштейн-Когана приведена сравнительная таблица удельного веса женщин среди рабочих фабрично-заводской промышленности Петербургской губернии за 1885 и 1900 гг. (см. табл. на стр. 188).

В пояснение к этой таблице С. Бернштейн-Коган пишет: «...цифры этой таблицы, как и все приведенные в настоящей главе, указывают на то, что приложение женского труда в промышленности растет, и притом в отдельных производствах довольно быстро. Мы не могли сделать приведенную таблицу более детальной, потому что дальнейшая разбивка на подгруппы сделала бы итоги 1885 г., и без того незначительные, еще меньшими и это могло бы отразиться на ценности вычисленных нами относительных величин.

Производства	Процент женщин к общему числу рабочих Петербургской губернии	
	1885 г.	1900 г.
Обработка хлопка	44,7	54,9
» шерсти	39,0	49,0
» шелка	32,5	39,5
» льна, пеньки и джута	Нет св.	55,2
» смешанных волокнистых веществ	27,1	60,3
Полиграфические производства	14,6	22,0
Механическая обработка дерева	0,0	2,1
Обработка металлов	0,1	1,1
» минеральных веществ	2,7	10,3
» животных веществ	18,5	14,3
» питательных веществ[1]	23,3	25,3
Химические производства[2]	39,5	33,6

И без того относительные цифры для 1885 г., повидимому, случайны: мало вероятно, например, чтобы в этом году совершенно не было женщин среди рабочих по обработке льна, пеньки и джута. Вполне достоверны и неслучайны цифры 1885 г. для групп I, II, VI, XI и XII. Из них процент женщин упал только в последней (химические производства), что, впрочем, не противоречит данным, которые мы получили при сравнении цифр городских переписей 1881 и 1900 гг., так как в последних двух источниках группа «химических производств» охватывает далеко не те же производства, как в отчетах фабричных инспекторов за 1885 г. и в «статистических сведениях» за 1900 г.»[3].

В работе Ф. Булкина о начальном периоде применения женского труда в петербургской металлопромышленности содержатся следующие данные[4]:

Женский труд в петербургской металлообрабатывающей промышленности

Годы	Общее количество рабочих Петербурга с пригородами	Количество женщин	% к общему числу рабочих
1881	31 305	156	0,5
1885	26 489	29	0,1
1890	33 720	67	0,2
1895	42 120	489	1,2
1900	74 856	1 048	1,4

[1] Сюда не входят табачные фабрики, почему процент женщин и низок.

[2] Сюда входит обработка резины, чем повышается процент женщин.

[3] *С. В. Бернштейн-Коган*, Численность, состав и положение петербургских рабочих, П. 1910, стр. 83—85.

[4] *Ф. Булкин*, На заре профдвижения, М.—Л. 1924, стр. 46.

В 1881 г. женщины составляли лишь 0,5% общего числа рабочих, занятых в петербургской металлопромышленности. В результате кризиса первой половины 80-х годов даже этот столь незначительный показатель еще понизился до 0,1%, и число работниц в петербургской металлопромышленности исчислялось в 80-х годах лишь десятками. В связи с промышленным подъемом 90-х годов абсолютное число работниц в рассматриваемой отрасли промышленности несколько повысилось и к 1900 г. уже несколько превысило 1 тыс. человек и составляло 1,4% общего числа рабочих, занятых в петербургской металлопромышленности.

Переход на механические станки способствовал значительному росту применения женского труда в хлопчатобумажной промышленности. Исследователи положения рабочих в текстильной промышленности России неоднократно отмечали это явление[1]. Так, Ф. Эрисман в «Общей сводке по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879—1885 гг.» указывал, что «...на механических ткацких фабриках женский труд процветает значительно больше, чем в ручных ткацких; отсюда можно заключить, что с постепенной заменой ручных ткацких станков механическими число женщин, ищущих занятий в этой отрасли фабричного труда, будет непрерывно возрастать»[2].

Этот процесс интенсивного роста применения женского труда в текстильной промышленности в период 80-х и 90-х годов можно

---

[1] Весьма яркую иллюстрацию тех условий, в которых совершались процессы внедрения женского труда в текстильную промышленность в 90-е годы, мы находим в следующей корреспонденции Городищенской отбельной фабрики С. Морозова (Орехово-Зуево), опубликованной в «Искре» («Искра» № 14, 1 января 1902 г. Отдел хроники рабочего движения и письма с фабрик и заводов, вып. 2, Истпарт, Л. 1926, стр. 11): «Лет восемь тому назад директор этой фабрики был Вейс, и тогда преимущественно работали одни мужчины, около 400 человек, исключая сшивалок при отбельном и крахмальном отделении, да подметалок полов. В то время, можно сказать, женщины жили припеваючи со своими мужьями, так как заработок последних стоял около 27 руб. в месяц (320 в год). Но вот поступает распорядитель фабрики Герман в 1893 г. и начинается выбрасывание мужчин за стену фабрики, взамен которых являются девушки и женщины с более дешевой платой за свои рабочие руки, с более смиренным, покорным видом глуповатой овцы и несущие с собой возможность сверхэксплоатации и кражи рабочей силы, эксплоатацию и кражу женского тела, женской стыдливости, женской чести. Глумление и надругательство над семейной женщиной русского крестьянина и рабочего под покровительством русских законов и с ведома царя-батюшки, который старается покрывать своей властью эти гнусности и бесстыдные приемы и в то же время заставляет высылать и сажать в тюрьму тех же непокорных рабочих, которые возмутились против таких низких и деспотических личностей, как Назаровы, Свешниковы, Жозефы, Германы и т. п. В течение 4—5 лет француз Герман выкинул за фабричную стену чуть не всех мужчин, исключая колотильщиков. Но это объясняется тем, что колотильщиком может быть лишь физически сильный человек. Так, при Вейсе было больше 20 человек складальщиков, а теперь только 2 человека и то для таскания роликов; голандировщиков заменил женским полом; в крахмально-отбельном отделении мужчины очень редки».

[2] «Сборник статистических сведений по Московской губернии». Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. I, М. 1890, стр. 209.

проследить и в петербургской промышленности. Следующая таблица показывает изменения численности рабочих по полу в этой отрасли промышленности с 1881 по 1900 г.[1]:

Динамика численности рабочих по обработке волокнистых веществ по полу в Петербурге с 1881 по 1900 г.

Годы	Численность рабочих		Процент женщин среди рабочих
	мужчин	женщин	
1881	9 783	7 247	42,6
1900	13 154	16 526	55,7

Таким образом, в обработке волокнистых веществ в Петербурге с 1881 по 1900 г. число рабочих мужчин увеличилось на 35%, за этот же период число работниц увеличилось на 128%. В результате этого неравномерного прироста удельный вес работниц в общей массе рабочих повысился с 42,6 до 55,7%.

Описывая соответствующие процессы в английской хлопчатобумажной промышленности, Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» (1845 г.) писал: «...развитие машинного производства все более и более вытесняет работу взрослых мужчин. Работа при машинах, как прядильных, так и ткацких, сводится главным образом к связыванию разорванных нитей, а все остальное делает машина; для этой работы требуется не столько сила, сколько большая гибкость пальцев. Вот почему взрослые мужчины для этого не только не нужны, но даже, вследствие более сильного развития мышц и костей их рук, менее пригодны, чем женщины и дети, и потому из этой отрасли труда они почти совершенно вытеснены. Таким образом, чем больше деятельность рук, сила мышц заменяются с введением машин силой воды или пара, тем менее фабрикант нуждается во взрослых мужчинах, а так как женщины и дети получают более низкую плату и, как уже сказано, более пригодны к этой работе, то они и занимают место взрослых мужчин»[2].

В сборнике «Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет (1887—1926 гг.)» опубликованы данные о распределении по полу рабочих значительного числа производств обрабатывающей промышленности России в 1900 г.[3]:

---

[1] *С. В. Бернштейн-Коган*, Численность, состав и положение петербургских рабочих, II. 1910, стр. 77.

[2] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. III, стр. 430.

[3] «Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926 г.», т. I, ч. I. Промышленность 1900 г., Госиздат, стр. 70—73.

Распределение рабочих обрабатывающей промышленности России по отраслям промышленности и полу в 1900 г.

Отрасли промышленности	Число рабочих (в тыс.)			% женщин
	мужчин	женщин	всего	
I. Силикатные	111,7	16,3	128,0	12,7
В том числе:				
керамическая	7,0	1,2	8,2	14,6
кирпичная и черепичная	42,6	4,6	47,2	9,7
цементная	10,4	0,5	10,9	4,6
стекольная	34,9	5,0	39,9	12,5
фарфоро-фаянсовая	12,0	4,2	16,2	25,9
прочие производства	4,8	0,8	5,6	14,3
II. Металлическая	224,4	6,3	230,7	2,7
В том числе:				
выплавка цветных металлов	0,3	—	0,3	—
обработка » »	13,5	2,1	15,6	13,5
массовое и штамповальное производство массовых изделий	17,7	2,5	20,2	12,4
производство прочих металлических изделий (кроме машин и орудий)	45,2	1,2	46,4	2,6
паровозо- и вагоностроение	56,08	0,05	56,13	0,1
судостроение	9,5	—	9,5	—
производственное машиностроение	70,1	0,4	70,5	0,6
сельскохозяйственное машиностроение	12,0	—	12,0	—
III. Обработка дерева	66,4	7,6	74,0	10,3
В том числе:				
лесопильно-фанерное	42,0	0,4	42,4	0,9
прочие производства	24,4	7,2	31,6	22,8
IV. Химическая	29,0	7,5	36,5	20,3
В том числе:				
основная химическая промышленность и прочие химические производства	14,1	0,6	14,7	4,1
мыловаренная, жировая, парфюмерно-косметическая и химико-фармацевтическая	5,5	2,3	7,8	29,5
анилинокрасочная, лако-красочная и коксобензольная	4,0	0,4	4,4	9,1
химическая обработка дерева	1,0	—	1,0	—
резиновая	4,5	4,1	8,6	47,7
V. Пищевкусовая	64,2	6,8	71,0	9,7
В том числе:				
мукомольная и крупяная	33,8	0,7	34,5	2,0
маслобойная	8,3	0,3	8,6	3,5
крахмало-паточная	6,1	0,4	6,5	6,2
прочие производства	16,0	5,5	21,5	25,6
VI. Обработка материалов животного происхождения	5,5	1,9	7,4	25,6
VII. Кожевенная, меховая и обувная	29,8	3,4	33,2	10,2
В том числе:				
кожевенная, меховая и шорная	28,5	3,1	31,6	9,8
обувная	1,3	0,3	1,6	18,8

(Продолжение)

Отрасли промышленности	Число рабочих (в тыс.)			% женщин
	мужчин	женщин	всего	
VIII. Текстильная	340,8	271,5	612,3	44,3
В том числе:				
обработка хлопка (без хлопкоочистительного производства)	201,1	171,0	372,1	46,0
обработка шерсти	81,3	46,5	127,8	36,4
» шелка	12,4	12,4	24,8	50,0
» льна, пеньки и прочих волокнистых веществ	37,9	33,6	71,5	47,0
обработка смешанных волокнистых веществ и изделий из текстильных материалов	8,1	8,0	16,1	49,7
IX. Производство одежды и туалета .	3,3	5,9	9,2	64,1
X. Бумажная	25,3	15,0	40,3	37,2
XI. Полиграфическая	24,2	2,2	26,4	8,3
XII. Научно-художественное	4,7	0,4	5,1	7,8
Итого . . .	929,4	344,8	1 274,2	27,1

Эти данные являются одними из наиболее полных, относящихся к началу XX в.—1900 г.—и к значительному числу детальных производств.

Распределено было по полу всего 1 274 тыс. рабочих. В отношении этого круга предприятий численность работниц была равна 345 тыс. человек, или 27,1% общей численности. Вне подсчета оказались вся горнодобывающая промышленность, значительная часть металлической промышленности, заводы черной и цветной металлургии—отрасли промышленности, в которых удельный вес женского труда был весьма незначительным,—и производства, облагаемые акцизом. С поправкой же на численность работниц, занятых в этих отраслях промышленности, общая численность работниц, занятых в фабрично-заводской промышленности, может быть определена примерно в 400 тыс. человек, и их удельный вес к общей численности рабочих будет равен 18—19%. По отдельным отраслям промышленности этот показатель весьма колебался. Наиболее высоким он оказался в производствах одежды и туалета—64,1% и в текстильной промышленности—44,3%, пониженным в следующих отраслях: в обработке дерева—10,3%, в пищевкусовой—9,8, в полиграфической—8,3 и в металлической промышленности—2,7%.

Внутри отраслей промышленности процент женщин различался по отдельным производствам. Отметим наиболее характерные показатели: в текстильной промышленности повышенным этот показатель был в обработке шелка—50%, пониженным в обработ-

ке шерсти—36,4%; в металлической промышленности расхождения были следующие: в массовом штамповальном производстве—12,4%, в паровозо- и вагоностроении и судостроении—0,1%; в химической промышленности: в резиновой промышленности—47,7% и в основной химической промышленности—4,1%.

За период 1885—1900 гг. при значительном росте абсолютной численности работниц, занятых в фабрично-заводской промышленности, удельный вес их в отношении общей численности рабочих изменился сравнительно незначительно. Последнее явление объясняется тем, что за эти годы рост численности рабочих в наиболее интенсивном темпе происходил в ряде отраслей горной и горнозаводской промышленности и в обработке металлов и машиностроении—отраслях промышленности со сравнительно незначительным применением женского труда.

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин, характеризуя итоги развития капитализма в промышленности и в частности приводя данные 90-х годов о применении труда женщин и подростков, дает также следующую общую оценку процессов внедрения труда женщин и подростков в промышленность:

«В частности, говоря о преобразовании фабрикой условий жизни населения, необходимо заметить, что привлечение к производству женщин и подростков есть явление в основе своей прогрессивное. Бесспорно, что капиталистическая фабрика ставит эти разряды рабочего населения в особенно тяжелое положение, что по отношению к ним особенно необходимо сокращение и регулирование рабочего дня, обеспечение гигиенических условий работы и пр., но стремления совершенно запретить промышленную работу женщин и подростков или поддержать тот патриархальный строй жизни, который исключал такую работу, были бы реакционными и утопичными. Разрушая патриархальную замкнутость этих разрядов населения, которые прежде не выходили из узкого круга домашних, семейных отношений; привлекая их к непосредственному участию в общественном производстве, крупная машинная индустрия толкает вперед их развитие, повышает их самостоятельность, т.-е. создает такие условия жизни, которые стоят несравненно выше патриархальной неподвижности до-капиталистических отношений»[1].

Динамика численности работниц, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, за период 1901—1913 гг. представлена в предлагаемой таблице (см. табл. на стр. 194).

За 13-летний период численность фабрично-заводских работниц указанного круга предприятий увеличилась с 441 тыс. до 723,9 тыс. человек, или на 64,1%. Следовательно, темп прироста численности работниц в значительной степени превышал темп прироста общей численности рабочих.

При характеристике динамики численности работниц за 1901—1913 гг. следует отметить два периода: первый—с 1 января 1901 г.

---

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 428.

Динамика численности работниц, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г.

Дата	Численность работниц (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) за год		В % к 1 января 1901 г.
		в тыс.	в %	
1 января 1901 г. . . .	441,0	—	—	100,0
1 » 1902 » . . .	453,4	+12,4	+2,8	102,8
1 » 1903 » . . .	447,8	— 5,6	—1,2	101,5
1 » 1904 » . . .	461,5	+13,7	+3,1	104,6
1 » 1905 » . . .	457,9	— 3,6	—0,8	103,8
1 » 1906 » . . .	478,0	+20,1	+4,4	108,4
1 » 1907 » . . .	508,8	+30,8	+6,4	115,4
1 » 1908 » . . .	538,5	+29,7	+5,8	122,1
1 » 1909 » . . .	545,0	+ 6,5	+1,2	123,6
1 » 1910 » . . .	565,2	+20,2	+3,7	128,2
1 » 1911 » . . .	606,0	+40,8	+7,2	137,4
1 » 1912 » . . .	638,3	+32,3	+5,3	144,7
1 » 1913 » . . .	667,3	+29,0	+4,5	151,3
1 » 1914 » . . .	723,9	+56,6	+8,5	164,1

по 1 января 1910 г.—и второй—с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г. В течение первого периода численность хотя непрерывно и нарастала, но в сравнительно замедленном темпе—прирост численности работниц в среднем за год с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г. равнялся 13,8 тыс., за девять лет—124,2 тыс. В течение второго периода рост численности работниц происходил в значительно более интенсивном темпе—за четыре года (с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г.) численность работниц увеличилась на 158,7 тыс., или в среднем за год прирост численности составил 39,7 тыс. человек.

Таким образом, согласно вышеприведенным данным за 1900—1913 гг. происходил не только значительный рост абсолютной численности работниц, занятых в фабрично-заводской промышленности, но одновременно за этот сравнительно короткий период—13 лет—удельный вес численности работниц в отношении к общей численности фабрично-заводских рабочих повысился с 26,1 до 31,7%.

Следует также отметить, что за эти же годы заметно увеличилось применение женского труда в металлопромышленности и каменноугольной промышленности, хотя и к 1913 г. удельный вес работниц в указанных отраслях все же оставался на сравнительно пониженном уровне—4—5%.

Об общих процессах внедрения женского труда за рассматриваемый период мы встречаем ряд указаний в «Сводах отчетов фабричных инспекторов»:

«Таким образом, это относительное повышение численности подростков и взрослых рабочих женского пола, при положитель-

ном понижении даже в абсолютном числе рабочих мужского пола, в отчетном году не оставляет никакого сомнения в верности тех наблюдений, которые были сделаны фабричными инспекторами еще в 1904 г. Явление это есть результат бывшего рабочего движения: фабриканты всюду, где только возможно, заменяют мужчин женщинами не только среди взрослых, но и среди подростков, *считая женский элемент на фабриках более спокойным и устойчивым, чем мужской*, тем более что такая замена выгодна еще и тем, что женский труд оплачивается вообще дешевле мужского. Мужчины заменяются женщинами даже по таким занятиям, которые раньше составляли исключительное достижение первых»[1].

На это же явление указано в «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1909 г.»:

«Встречаются фабрики (в текстильной промышленности),—пишет в своем отчете старший фабричный инспектор Московской губернии,—которые в принципе решили заменять мужской труд женским и увольняющихся рабочих заменяют только женщинами. Этот процесс распространяется и на некоторые другие производства—сахарное, табачное, спичечное, на канатные, стеклянные, цементные и кирпичные заводы, причем сфера распространения все ширится, захватывая такие отрасли промышленности, где прежде применялся исключительно мужской труд. Причины подобного явления уже были выяснены в предыдущих отчетах—женщины являются более спокойным и умеренным элементом на фабриках, а главное—значительно более дешевой рабочей силой, чем мужчины» [2].

В ряде производств со сравнительно незначительным применением женского труда еще до империалистической войны наметился процесс дальнейшего развития женского труда. Так, в «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.» мы находим следующие указания: «В С.-Петербургской губернии в отчетном году замечалось увеличение применения женского труда на машиностроительных заводах, где женщин начали занимать работами на некоторых сверлильных станках малого размера... В Екатеринославской губ. увеличение женского труда замечалось в таких производствах, где раньше он почти не применялся, как, например, на лесопильных заводах. В металлообрабатывающей промышленности количество женщин возросло на 18%, преимущественно при работе на станках для изготовления петель, костылей, проволочных сит и т. д. Вообще замечается тенденция расширения применения труда женщин везде, где не требуется особой физической силы» [3].

Значительный рост применения женского труда в хлопчатобумажной промышленности, наблюдавшийся в 80—90-х годах

---

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1906 г.», введение, стр. VII (курсив наш.—*А. Р.*)

[2] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 г.», введение, стр. XIV.

[3] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.», введение, стр. XLIII—XLIV.

прошлого столетия, продолжался также и в период 1900—1913 гг. Отметим, что за 1908—1913 гг. почти все абсолютное увеличение численности рабочих в хлопчатобумажной промышленности преимущественно происходило за счет числа работниц: из общего прироста числа рабочих за этот период в 83 тыс. человек прирост численности работниц за эти же годы составил 63 тыс. человек.

Более детальные показатели о развитии женского труда в хлопчатобумажной промышленности за период 1901 г.—1 января 1914 г. приведены в следующей таблице:

Динамика численности работниц хлопчатобумажной промышленности с 1902 г. по 1 января 1914 г.

Годы	Численность работниц (в тыс.)	Прирост за год		Удельный вес работниц в общей численности рабочих
		в тыс.	в %	
1902	194,7	—	—	47,8
1903	202,7	8,0	4,1	48,3
1904	201,7	— 1,0	— 0,5	48,6
1905	206,8	5,1	2,5	49,7
1906	220,2	13,4	6,5	50,0
1907	228,3	8,1	3,7	50,6
1908	247,8	19,5	8,5	51,9
1909	255,1	7,3	2,9	52,8
1910	265,5	10,4	4,1	53,0
1911	293,3	27,8	10,5	54,3
1912	306,1	12,8	4,4	55,2
1 января 1914	318,1	12,0	3,9	56,2

С 1902 г. по 1 января 1914 г. численность работниц хлопчатобумажной промышленности увеличилась со 194,7 тыс. до 318,1 тыс. человек, или на 63,3%. Следовательно, темп прироста численности работниц в рассматриваемой отрасли был повышенным по сравнению с общим темпом прироста численности всех рабочих. Работницы составляли в 1902 г. 47,8%, а на 1 января 1914 г.— 56,2% общей численности рабочих хлопчатобумажной промышленности.

В «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1907 г.» имеются характерные указания о причинах значительного увеличения применения женского труда в хлопчатобумажной промышленности:

«Так, старший инспектор Владимирской губ. сообщает: «...неизменно ежегодно повторяющееся увеличение числа женщин наблюдалось *с особой силой* и в отчетном году. В то время, как число мужчин, достигавшее в начале года 88 832 человек, увеличилось на 970 человек, т. е. на 0,85%, число женщин возросло на 7 316, т. е. на 9,25%. Усиление применения женского труда особенно резко выразилось в бумаготкацкой промышленности, где женщина-ткачиха вытесняет мужчину. Причины этого все те же, что были

и раньше: большее трудолюбие, внимательность и воздержание женщин (не пьют, не курят), а также уступчивость и меньшая требовательность их относительно заработной платы». В Московской губернии наблюдалось то же самое. Так, например, по сообщению старшего инспектора, фабрика Г. Флетчер в Москве заменила сначала 70 мужчин женщинами и постепенно увеличила состав рабочих-женщин до 770 вместо бывших 520, за счет увольнения мужчин, мотивируя эту замену тем, что замененные рабочие-мужчины были на фабрике самым беспокойным элементом»[1].

Необходимо также учесть еще следующее обстоятельство. Ряд исследователей кустарной промышленности за 90-е годы отмечал высокий удельный вес женщин среди домашних ткачей, и когда в 900-е годы происходило дальнейшее увеличение числа работниц в крупной текстильной промышленности при одновременном значительном сжатии домашней промышленности, то наличные частично подготовленные кадры работниц привлекались из домашней промышленности на текстильные фабрики.

Период 1901—1913 гг.—это период уже сравнительно значительного роста численности работниц, занятых в обработке металла и в машиностроении. С 1901 г. по 1 января 1914 г. удельный вес численности работниц повысился с 2,9 до 5,9%.

Динамика численности работниц в обработке металлов, производстве машин, инструментов и орудий ремесл с 1901 г. по 1 января 1914 г.

Годы	Численность работниц (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (−) за год		Удельный вес численности работниц в общей численности рабочих
		абсолютно	в %	
1901	7,4	—	—	2,9
1902	7,9	+0,5	+ 6,8	3,2
1903	8,6	+0,7	+ 8,9	3,3
1904	10,9	+2,3	+26,7	4,1
1905	11,8	+0,9	+ 8,3	4,3
1906	12,3	+0,5	+ 4,2	4,8
1907	12,1	−0,2	− 1,6	4,7
1908	10,9	−1,2	− 9,9	4,4
1909	11,7	+0,8	+ 7,3	4,6
1910	12,3	+0,6	+ 5,1	5,0
1911	16,2	+3,9	+31,7	5,4
1912	19,2	+3,0	+18,5	5,7
1 января 1914	22,9	+3,7	+19,3	5,9

В абсолютных числах за указанный период численность работниц увеличилась с 7,4 тыс. до 23 тыс. человек. Прирост численности работниц в обработке металлов и машиностроении за 1901—

[1] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1907 г.», введение, стр. VII—VIII.

1913 гг. свыше чем на 15 тыс. человек кажется по современным масштабам не особенно высоким. Но следует учесть, что в 1901 г. численность работниц, занятых в рассматриваемой отрасли промышленности, составляла лишь 7,4 тыс. человек, и при этих условиях прирост в 15 тыс. человек за 1901—1913 гг. является значительным. Таким образом, в 1910—1913 гг. впервые наметился процесс сравнительно значительного внедрения женского труда в металлопромышленность. В предприятиях металлопромышленности СССР было занято на 1 июля 1935 г.[1] почти 600 тыс. женщин, причем численность одних лишь работниц в этой отрасли промышленности по своей абсолютной величине превышает общую численность всех рабочих, занятых в металлопромышленности в начале XX в. Во всей же металлопромышленности России было занято накануне империалистической войны лишь 23 тыс. работниц.

На основании данных, опубликованных в статистических сборниках «Каменноугольная промышленность России», составлена следующая табличка об удельном весе работниц в численности рабочих каменноугольной промышленности юга России за 1904—1913 гг. [2]:

	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Процент работниц	2,82	2,48	3,20	3,21	4,26	4,15	3,52	3,99	4,38	4,49

Хотя в отдельные годы под влиянием различных факторов наблюдалось снижение процента работниц в общей численности рабочих каменноугольной промышленности юга России, но с 1904 по 1913 г. их удельный вес повысился с 2,82 до 4,49. Численность работниц в рассматриваемой отрасли промышленности в общем возрастала и могла быть определена для 1913 г. в 7,5 тыс. Более половины из них были дети и подростки.

Наиболее массовые данные о распределении фабрично-заводских рабочих по полу за довоенный период содержатся в работе «Данные о продолжительности распределения рабочего времени в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, за 1913 г.».

Относительно круга обследованных предприятий и способа собирания сведений в текстовом обзоре указано: «Настоящее издание представляет сводку данных о продолжительности и распределении рабочего времени рабочих в фабрично-заводских и горных предприятиях, приуроченных для постоянно работающих предприятий на 1 ноября 1913 г., а для предприятий сезонных (сахароварение, винокуренные, кирпичные заводы и т. п.)—к периоду наибольшего развития производства за сезон 1913 г.

---

[1] «Труд в СССР», статистический справочник, М. 1936, стр. 151.

[2] «Каменноугольная промышленность России», изд. Статистического бюро Совета съезда горнопромышленников юга России.

Эти данные были собраны через чинов фабричной инспекции путем составления для каждого промышленного предприятия особых ведомостей... В разработку вошли сведения о 17 726 фабриках и заводах с общим числом рабочих в 2 212 477 человек (из коих 1 971 202 заняты работами по производству) и о 1 566 горных предприятиях с 424 327 рабочими (из коих заняты по производству 314 350 человек)»[1]. Таким образом, это обследование было распространено не только на предприятия, подчиненные надзору фабричной инспекции, но и на предприятия, подчиненные надзору горной инспекции. Сводки, составленные на основании этих статистических данных, относятся ко всей массе обследованных рабочих, занятых в предприятиях на территории царской России. Так как эти статистические данные относятся к 19 292 предприятиям, в которых было занято в 1913 г. 2 636,8 тыс. рабочих, то они являются в достаточной степени показательными для характеристики распределения рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности по полу (см. табл. на стр. 200).

Еще в 1913 г., накануне империалистической войны, из общей численности работниц фабрично- и горнозаводской промышленности в 704 тыс. было занято в предприятиях, подчиненных надзору горной инспекции, лишь 16 тыс. человек, или 2,3% общей численности учтенных работниц.

По данным этого обследования, в другой основной отрасли промышленности—обработке металлов, производстве машин, аппаратов и орудий ремесл—в 1913 г. было занято в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, 20,8 тыс. человек, или 3% общей численности работниц.

Основная масса работниц в довоенный период была занята в текстильной промышленности, а именно 479 тыс. человек, или 67,9% общей численности работниц, и в производствах по обработке пищевых и вкусовых веществ — 73,8 тыс. человек, или 10,5% общей численности работниц. Таким образом, в этих двух отраслях промышленности было занято в 1913 г. почти $^4/_5$ фабрично-заводских работниц.

Насколько значительными оказались за послереволюционный период сдвиги в соотношениях численности работниц, занятых в отдельных отраслях промышленности, достаточно лишь указать, что в 1935 г. удельный вес численности работниц в СССР, занятых в этих двух последних отраслях промышленности, был равен 41% общей численности фабрично-заводских работниц.

Во всех учтенных предприятиях, находящихся под надзором фабричной и горной инспекции, в которых было занято в 1913 г. 2 636,7 тыс. рабочих, работницы составляли 26,7% общей численности рабочих. Вне этого учета оставалось в 1913 г. сравнительно

---

[1] «Данные о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, за 1913 г.», министерство торговли и промышленности, Отдел промышленности, П., 1914, стр. 2.

Распределение рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности по полу в 1913 г.

Группы производств	Общее число рабочих (в тыс.)			
	мужчин	женщин	всего	% женщин
А. Предприятия, подчиненные надзору фабричной инспекции				
Обработка хлопка	249,6	309,5	559,1	55,4
» шерсти	94,4	63,8	158,2	40,3
» шелка	11,8	23,7	35,5	66,8
» пеньки, льна	42,9	52,8	95,7	55,2
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	18,6	29,0	47,6	60,9
Всего по текстильной промышленности	417,3	478,8	896,1	53,4
Производства бумажное и полиграфическое	72,6	24,5	97,1	25,2
Механическая обработка дерева	120,1	14,9	135,0	11,0
Обработка металлов, производство машин, аппаратов и орудий ремесл	326,5	20,8	347,3	6,0
Обработка минеральных веществ	170,2	37,6	207,8	18,1
» животных продуктов	43,9	7,9	51,8	15,3
» пищевых и вкусовых веществ	287,3	73,7	361,0	20,4
Химические производства	51,5	30,4	81,9	37,1
Добывающая промышленность	28,8	—	28,8	—
Прочие производства, не вошедшие в предшествующие группы	5,5	0,1	5,6	1,8
Всего в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции	1 523,7	688,7	2 212,4	31,1
Б. Предприятия, подчиненные надзору горной инспекции				
Фабрично-заводские производства при горных предприятиях	105,2	3,5	108,7	3,2
Добыча полезных ископаемых	268,2	11,9	280,1	4,2
Обработка полезных ископаемых	34,8	0,7	35,5	2,0
Всего в предприятиях, подчиненных горной инспекции	408,2	16,1	424,3	3,8
А+Б. Всего в предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции	1 931,9	704,8	2 636,7	26,7

незначительное число рабочих. Если же учесть и эту группу рабочих (а в этой группе удельный вес женского труда был ниже среднего), то следует принять, что в среднем в отношении всей массы фабрично-заводских рабочих в 1913 г. работницы составляли 26%.

По отдельным же отраслям промышленности этот показатель значительно колебался. Отметим наиболее существенные показатели. В текстильной промышленности женщины составляли в 1913 г. 53,4% общей численности рабочих. Из отдельных производств текстильной промышленности повышенные показатели в шелковой промышленности (66,8%), в смешанных производствах по обработке волокнистых веществ (60,9%), пониженный—в шерстяной промышленности (40,3%). Сравнительно близкими к средним оказались показатели в химических производствах (37,1%), в бумажных и полиграфических производствах (25,2%), в производствах по обработке пищевых и вкусовых веществ (20,4%). Все еще незначительным оставалось в 1913 г. применение женского труда в двух основных отраслях тяжелой индустрии—в обработке металлов, производствах машин, аппаратов, орудий ремесл (6%) и добыче полезных ископаемых (4,2%).

Весьма характерны различия в степени применения женского труда в группах предприятий, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции. Так, удельный вес женского труда в предприятиях, подчиненых надзору фабричной инспекции, равнялся 31,1%, а горной инспекции—3,8%. Отрасли же тяжелой промышленности находились в ведении горной инспекции.

В заключение для общей характеристики процессов развития женского труда в фабрично-заводской промышленности России напомним некоторые существенные показатели.

За 26 лет—с 1887 по 1913 г.—удельный вес женщин среди рабочих текстильной промышленности, где наиболее значительно был представлен женский труд, увеличился с 38,3 до 53,4%. Хотя общее число работниц в металлопромышленности и каменноугольной все еще продолжало оставаться незначительным, но с начала XX в. уже определился некоторый прирост их численности. За 1900—1913 гг. происходил не только значительный рост абсолютной численности работниц, занятых в фабрично-заводской промышленности, но одновременно за этот сравнительно короткий период—13 лет—удельный вес численности работниц в общей численности всех фабрично-заводских рабочих повысился с 18—19 до 26%.

Для характеристики капиталистической эксплоатации женского труда за рассматриваемый период приведем также общие данные о заработной плате и условиях труда фабрично-заводских работниц.

В работе С. Г. Струмилина «Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 гг.»[1] опубликована таблица о поденных заработках рабочих мужчин и работниц

[1] *С. Г. Струмилин*, Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 г., М. 1923, стр. 70. В примечании указано, что эта таблица пересчитана по данным работы *И. М. Козьминых-Ланина*, Заработки фабрично-заводских рабочих в России, вып. I, М. 1918.

фабрично-заводской промышленности России за июнь 1914 г. Таблица была исчислена в отношении 1 058,4 тыс. обследованных рабочих. Согласно этим данным поденный заработок взрослого рабочего в июне 1914 г. равнялся 1 р. 41 к. а взрослой работницы—72 коп. Таким образом, в среднем по фабрично-заводской промышленности заработная плата работниц накануне империалистической войны была почти в два раза ниже даже по сравнению с весьма пониженным уровнем заработной платы рабочих мужчин. По отдельным же производствам эти соотношения заработков колебались весьма резко. Наиболее значительное отставание можно отметить в металлопромышленности, где заработки работниц составляли лишь 41% заработков рабочих мужчин. Отчасти это было вызвано различиями в профессиональном составе рабочих и работниц, так как в ряде производств фабрично-заводской промышленности применение женского труда ограничивалось, главным образом, полуквалифицированным и неквалифицированным трудом.

Хотя в 1913 г. в результате непрерывной борьбы рабочего класса за улучшение условий труда произошло некоторое сокращение рабочего дня, но и в 1913 г., по материалам специального обследования, средняя продолжительность рабочего дня (без сверхурочных) фабрично-заводских работниц в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, составляла 9,65 часа, а в предприятиях, подчиненных горной инспекции,—9,9 часа.

Но наряду с этими средними показателями следует также отметить, что, по данным этого обследования, у значительных групп работниц продолжительность рабочего дня достигала 10 час. и выше. Так, в группе предприятий, подчиненных фабричной инспекции, работало в 1913 г. 10 час. 27%, 10—11 час.—13% и более 11 час.—7,6% общей численности обследованных работниц.

В результате исключительно низкого уровня заработной платы, весьма продолжительного рабочего дня, неблагоприятных гигиенических условий труда, отсутствия охраны труда работниц, тяжелых жилищных и бытовых условий смертность среди детей фабрично-заводского пролетариата была резко повышенной даже по сравнению с общей высокой детской смертностью в России. С. Каплун в своей работе «Женский труд и его охрана» пишет: «По исследованиям отдельных русских врачей наблюдается несомненная значительная разница между смертностью чисто «фабричных детей» и детской смертностью среди всего прочего населения». Приведя основные результаты исследований д-ров И. С. Вегера, А. В. Письменного и А. В. Смирнова, С. Каплун приходит к выводу: «Таким образом, все три исследования дали очень близкие друг к другу конечные итоги: фабричных детей умирает в возрасте до 10 лет 59—64 из 100 родившихся, т. е. на 11,5—12,5% больше, чем местных сельских детей или всех детей в губернии. Дети фабричных рабочих дают лишних 12% смертей сверх обычной у нас нормы детской смертности» [1].

---

[1] *С. Каплун*, Женский труд и его охрана, Госиздат, 1921, стр. 29—30.

Труд детей и подростков в капиталистической промышленности России

О степени применения детского труда в отдельных производствах в начале 70-х годов можно судить по следующим данным, извлеченным В. Ю. Гессеном из материалов архива Государственного совета[1]:

Производства	Процентное отношение всех несовершеннолетних к общему числу рабочих
Пеньковое (канатное заведение)	6,0
Резиновых изделий	6,5
Шелковое	8,0
Стеариновое и мыльное	8,5
Металлическое	10,5
Табачное	12,2
Кожевенное	12,2
Шерстяное	14,0
Типографии и словолитни	15,5
Лесопильные заводы	15,5
Спичечное	15,5
Экспедиция заготовления государственных бумаг	15,6
Гончарное	16,6
Писчебумажное	17,0
Винокуренное	20,0
Экипажное	22,0
Хлопчатобумажное	22,4
Льняное	28,5
Рогожное	33,0
Стеклянное	34,0
Шляпное и фуражечное	40,0

Процент детей и подростков по отдельным производствам колебался в весьма значительных пределах: ниже 10% — в канатном, резиновом, шелковом и стеариновом и выше $^1/_3$ общей численности рабочих — в рогожном, стеклянном и шляпном производствах.

В. Ю. Гессен указывает, что «...те предприятия, которые в той или иной степени сохранили кустарный характер, пользовались трудом детей в значительно больших размерах.

В предприятиях, ранее других перешедших к капиталистическим способам производства, число малолетних и несовершеннолетних редко превышает 15%, а количество подростков доминирует над малолетними. Другое мы видим в тех предприятиях, которые сохранили еще характер мелких кустарных фабрик. Там число несовершеннолетних достигает иногда почти половины общего числа рабочих и во всяком случае редко-редко опускается до 20%. Интересно также отметить, что на этих предприятиях число детей в возрасте от 10 до 14 лет в большинстве случаев почти не отстает от числа подростков в возрасте от 14 до 18 лет»[2].

---

[1] *В. Ю. Гессен*, Труд детей и подростков в России, М.—Л. 1925, стр. 51.

[2] Там же.

И далее он пишет: «Кустарная фабрика может конкурировать с капиталистической по линии удешевления своей продукции только путем еще большей эксплоатации дешевой рабочей силы. Поэтому в тех предприятиях, которые сохранили дореформенные способы производства, в которых техническое оборудование весьма примитивно, процент работающих детей и подростков особенно велик»[1].

Насколько значительным было число детей и несовершеннолетних на отдельных фабриках, можно судить по данным, относящимся к крупной Тверской морозовской фабрике[2]. На этой фабрике в 1878 г. из общей численности 4 566 рабочих детей моложе 15 лет было 736 и несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет—1 228, всего 1 964, или 43%.

В 70-е годы, когда почти совершенно отсутствовали какие-либо серьезные законодательные ограничения в применении труда малолетних и подростков, в фабрично-заводской промышленности наблюдался процесс весьма интенсивного вовлечения в производство малолетних и подростков. Выше мы приводили данные в отношении ряда отраслей фабрично-заводской промышленности. Не менее характерными являются также данные в отношении казенных военных заводов. В частности исключительным было применение труда малолетних на Ижевском оружейном заводе. А. Романов в статье «Ижевский оружейный завод», указав, что в 1874 г. на заводе около 25% рабочих были малолетними и подростками, писал о причинах столь значительного применения труда этой группы рабочих следующее:

«Прежде всего фабрике крайне выгодно иметь подростков, особенно при машинной разработке, где не требуется долгого обучения и большого искусства,—выгодно потому, что заработная плата подросткам дается меньше, чем взрослым, и кроме того сами взрослые, встречая себе сильную конкуренцию в молодых, поневоле должны подчиняться той расценке в штучной работе, какую дает фабрика»[3].

В дальнейшем изложении А. Романов, определив, что по отношению к общей численности малолетков работало на заводе в возрасте 10—15 лет 56%, а взрослых (18—60 лет) работало на заводе 44,6%, указывал:

«Такой громадный процент малолетков, работающих на фабрике, взятый сам по себе и потом в сравнении с процентом взрослых, наглядно говорит с одной стороны о сильной нужде жителей, решающих превращать в ценность слабые силы своих детей, с другой указывает на ловкий маневр фабричной администрации—вытеснением взрослых рабочих и заменою их труда трудом мало-

---

[1] *В. Ю. Гессен*, Труд детей и подростков в России, М.—Л. 1925, стр. 50—51.

[2] «Историческое описание Тверской губернии, составленное В. Покровским», т. II, вып. 1 и 2. Тверь и Тверской уезд, 1882, стр. 43.

[3] *А. Романов*, Ижевский оружейный завод, «Сборник сочинений по судебной медицине... общественной гигиене...», т. I, 1876, стр. 13—14.

летков увеличить свои выгоды и извлечь из населения возможно большее количество работы по возможно низкой цене»[1].

Общая сводка данных о применении труда малолетних рабочих на «фабриках, мануфактурных и иных промышленных заведениях», полученная в результате специального обследования Департамента торговли и мануфактур в течение 1882—1883 гг., опубликована в работе Е. Андреева [2] (см. табл. на стр. 206).

Эти данные относятся к 3 316 заведениям, в которых было занято около 541 тыс. рабочих, и показывают в среднем по указанным группам производств, что удельный вес малолетних (до 15 лет) достигал 9,17%, по ряду же групп производств он был исключительно высоким. Из отдельных групп производств отметим группу «Печатное, переплетное, художественное», в которой малолетние составляли 17,7% общей численности рабочих, группу «Обработка минеральных веществ»—17,3%—и группу «Обработка волокнистых веществ»—12,69%.

Перечислим также те производства, в которых особенно интенсивно применялся труд малолетних [3]:

Производства	% малолетних до 15 лет
Спичечное	33,2
Шерстопрядильное	31,2
Рогожные фабрики	29,9
Обойное и клееночное	25,7
Стеклянное и хрустальное	24,9

На основании анализа ряда статистических данных В. Ю. Гессен приходит к следующим выводам: «Приведенные выше таблицы говорят за то, что в начале 80-х годов эксплоатация детского труда приняла огромные размеры. И это придется признать даже в том случае, если мы примем во внимание только те предприятия, в которых число рабочих или равно или превышает 100. В виде иллюстрации можно взять даже горные, металлические, механические и машиностроительные заводы и каменноугольные копи, в которых число малолетних рабочих, в возрасте до 15 лет, раньше всегда было крайне незначительно, а позднее, в 80-х годах, они насчитывали в рядах своих рабочих по 4,5—5,5% малолетних. Таким образом можно констатировать, что в пореформенное время, от опубликования акта об освобождении крестьян до издания закона о труде малолетних, т. е. за время промышленного подъема, число малолетних рабочих, занятых в предприятиях фабрично-заводской промышленности, и в абсолютных и в процентных цифрах сильно и заметно возросло»[4].

---

[1] Там же.

[2] *Е. Андреев*, Работа малолетних в России и в Западной Европе, П. 1884, стр. 160.

[3] Там же, стр. 154—160.

[4] *В. Ю. Гессен*, Труд детей и подростков в России, т. I, 1927, стр. 57.

Число малолетних рабочих в фабрично-заводской промышленности в 1882—1883 гг.

Группы производств	Число заведений	В них рабочих	Число малолетних рабочих абсолютно				В % к общей численности рабочих			
			до 10 лет	10—12 лет	12—15 лет	всего	до 10 лет	10—12 лет	12—15 лет	всего
Обработка волокнистых веществ	507	237 733	514	4 718	24 939	30 171	0,22	1,98	10,49	12,69
» дерева	709	17 649	46	114	933	1 093	0,26	0,65	5,29	6,20
» питательных веществ	811	105 726	154	848	5 456	6 458	0,15	0,80	5,16	6,11
» животных продуктов	150	7 922	50	66	262	378	0,63	0,83	3,30	4,76
Добыча и обработка руд и металлов	709	145 053	55	404	7 208	7 667	0,04	0,28	4,97	5,29
Обработка минеральных веществ	209	15 003	142	688	1 767	2 597	0,94	4,59	11,78	17,31
Химические производства	142	8 172	0	86	505	591	—	1,05	6,18	7,23
Печатное, переплетное, художественное . . .	79	3 536	—	17	609	626	—	0,48	17,22	17,70
Итого	3 316	540 794	961	6 941	41 679	49 581	0,18	1,28	7,71	9,17

Об исключительно тяжелых условиях работы детей и подростков на фабриках в первые десятилетия капиталистической эпохи сохранился ряд описаний. Ограничимся наиболее характерными.

В одном из своих очерков крупный журналист 70-х годов Н. А. Благовещенский так описывает условия труда малолетних фабричных рабочих в этот начальный период капиталистического развития России:

«И вот с десяти лет уже он становится на свои ноги, делается настоящим мужиком, и на его не окрепший еще организм всею своею тяжестью сразу наваливаются все невзгоды той каторжно-фабричной жизни, какую испытывает и взрослый работник. Он работает ничуть не меньше взрослого—те же, то-есть шесть часов днем и шесть часов ночью; а где нет ночных работ, он начинает свою работу еще раньше взрослого, в пятом часу утра, а кончает позже, в девятом вечера, следовательно работает в сутки около пятнадцати часов. На этих фабриках в течение целого дня ему дается для отдыха только один час времени, назначенный для обеда, который он большею частью и проводит тут же, при машине, за куском хлеба. Бог знает, какую работу переносит он легче, ночную или дневную. На тех фабриках, где существует четыре смены, как у нас, например, он работает всего двенадцать часов, тогда как на фабриках, имеющих одну дневную работу, ему приходится работать до пятнадцати часов, но, кажется, что ночная работа изнуряет детей гораздо больше, чем дневная, хотя им и меньше приходится работать; по крайней мере, там, где есть ночные работы, они имеют вид более хилый и измученный.

Самый процесс работы ребенка на прядильных фабриках ничуть не легче работы взрослого, если только не тяжелее. Ребенок все время должен быть внимателен к машине так же, как и взрослый; над ним во всей силе тяготеет тяжелая система штрафов, если он самостоятельный работник, и при малейшей оплошности на него сыплются увесистые пинки и толчки, если он нанят другим рабочим. При чистке машин труд ребенка громаден: его маленьким недоразвившимся телом пользуются, чтобы заставить его пролезать в такие теснины между валами, рычагами и колесами, куда взрослый не пролезет, и там дитя, скрючившись в три погибели, сметает щетками пыль и приставшие волокна хлопка, задыхаясь от этой пыли и мучительного положения тела. При мюль-машине дети очищают от пыли ее бруски и тележки во время их хода и работы и таким образом большую часть дня проводят под машиной в согнутом положении, постоянно корчась и извиваясь, чтобы не быть раздавленными движущимися частями машины.

Тем-то, говорят, и необходимы маленькие дети на прядильных машинах, что их во многих случаях никакой взрослый заменить не может: тело у них, во-первых, более тонко и гибко, чем у взрослых, а во-вторых (что самое главное)—пальцы их гораздо меньше, гибче и проворнее, так что они неизмеримо лучше

и ловчее и ловят и перевязывают порванные нитки, чем грубые пальцы мужиков»[1].

О низком уровне заработной платы этой группы малолетних рабочих Н. А. Благовещенский приводил следующие общие данные: «Таким образом, дитя-рабочий, при самом тяжелом, непосильном труде вырабатывает в месяц средним числом около пяти рублей, и то только в том случае, если он ничем не провинился или с него не вычли рубля—двух штрафу. Из этих денег рубля три или четыре он тратит на свое содержание, а остальное старается сберечь и спрятать, чтобы потом при «верной оказии» отослать домой на подмогу»[2].

В заключение Н. А. Благовещенский писал:

«Не удивительно, после этого, что от такого огромного труда и жалкого вознаграждения детский организм быстро надламывается и искажается. Мальчики и девочки 14—15 лет часто кажутся детьми не более 8—9 лет, и наоборот, многие десятилетние так дряблы, и лица у них такие старческие, что они кажутся сорокалетними карликами. Девочки 12 лет походят на какие-то высохшие остовы, еле движущиеся и сгорбленные, хотя сравнительно их работа гораздо легче, чем работа мальчиков. Вглядитесь вы пристальнее в мальчика, проработавшего на фабрике два—три года, и вы надолго запомните отличительный тип этой «рабочей силы». Желтое, худое лицо, вялые щеки, больные глаза и понурая голова; на всех его движениях и всей его фигуре лежит уже отпечаток преждевременной и неестественной солидности и дряхлости; он уже истратил весь запас своих сил, не дав им правильно сформироваться; ходит он сгорбившись и съежившись, глядит сбычившись, исподлобья, говорит хрипло, и говор его часто прерывается глухим и удушливым кашлем, вырывающимся из истощенной и вдавленной груди. В нем не осталось и следов его детства, кроме его маленького роста»[3].

Приводим также описание условий труда на спичечных фабриках Черниговской губернии в начале 80-х годов, основанное на материалах специальной записки и опубликованное в работе Е. Андреева «Работа малолетних в России и Западной Европе»:

«В Новозыбкове (Черниговской губ.) и прилежащих к нему местностях имеется 8 фабрик, на которых вырабатываются исключительно фосфорные спички самого грубого типа. В производстве этом участвуют не менее 1 500 человек обоего пола, около половины которых составляют дети моложе 12-летнего возраста, около трети—подростки до 16 лет и затем уже остальной контингент составляют более или менее взрослые. На фабрике можно встретить не мало пяти- и даже четырехлетних детей... О числе рабочих непосредственно от фабрикантов узнать трудно, так как это ими тщательно скрывается, а малолетние, в случае посещения фабрики кем-либо из властей, немедленно укрываются фабрикантами или даже без дальнейших околичностей разгоняются

---

[1] «На ткацкой фабрике», из заметок и наблюдений конторщика, впервые напечатано было в журн. «Неделя», 1870, и перепечатано в сборнике статей Н. А. Благовещенского «Семидесятые годы на фабриках и заводах», 1929, стр. 32—33.

[2] Там же.

[3] Там же.

по трущобам, где бы они не могли быть замечены посетителем. Вообще, производство фосфорных спичек уже по самому свойству своему принадлежит к самым губительным для здоровья рабочих, представляет собою обширное поле для их эксплоатации тем более, что самый контингент рабочих состоит главным образом из детей, а производство находится в руках кулаков, которые все свои заработки, достигающие весьма крупной цифры, строят на ничтожной затрате капитала для устройства фабрики и широкой эксплоатации труда малолетних, хотя бы труд этот стоил жизни многим из них...

Обыкновенно в зимнее время приходят на работу между 5 и 6 часами утра, и самая работа продолжается до 11 часов утра, когда рабочие сдают работу приказчику. Затем час назначается на обед... После обеда работа продолжается до 11 часов ночи, а иногда и долее, особенно в мокальной, если заготовлено значительное количество фосфорной массы. Работы идут на всех фабриках круглый год за исключением больших праздников. Как же вознаграждается этот труд? Один одиннадцатилетний мальчик, работавший на фабрике более 3 лет, заявил, что он в первый год зарабатывал 1 р. 50 к. в месяц, второй— 2 руб. и затем, когда уже значительно изловчился в работе,—не более 3 руб., и все это на своих харчах...

Ко всему этому следует прибавить: 1) жестокое обращение с малолетними детьми; их немилосердно бьют за неисправность в работе; 2) невозможное устройство самих фабрик, где о предохранении рабочих от вредных газов нет и речи... 3) следствием плохого устройства фабрик являются болезни, обезображивающие рабочих (лишение зубов, челюстей и проч.) и нередко причиняющие преждевременную смерть, особенно малолетним... 4) отсутствие при фабриках школ; 5) деморализацию детей; 6) постоянную опасность пожара»[1].

В 1882 г. был издан первый закон о труде малолетних рабочих[2]. По этому закону, малолетние, не достигшие 12-летнего возраста, не принимались в промышленные заведения; ночные работы малолетним 12—15 лет были запрещены, а дневные должны были продолжаться не более четырех часов сряду и не долее восьми часов в сутки. Фактически в ближайшие годы после издания закона 1882 г. под нажимом заводчиков и фабрикантов был допущен ряд отступлений и изъятий от указанного закона.

Заимствуем из отчета главного фабричного инспектора следующие сведения о том, как происходило сокращение численности малолетних рабочих после введения закона 1 июня 1882 г.:

«Одним из результатов знакомства промышленников с законом 1 июня было распущение значительного числа малолетних рабочих и не только тех, которым фабричная работа законом воспрещается (до 12 лет), но и узаконенного возраста, как это, впрочем, можно было наперед предвидеть, судя по примеру Англии и других государств, в которых ранее введен фабричный закон. Даже причины распущения были почти одинаковы. Одни промышленники отказывались от детского труда, вопреки советам и даже увещаниям инспекции в видах заведомо демонстративных, из нежелания подчиниться требованиям закона, что они, впрочем, и не считали нужным скрывать; другие делали это вследствие преувеличенного представления о сложности формальностей, сопряженных с введе-

[1] *Е. Андреев*, Работа малолетних в России и в Западной Европе, П. 1884, стр. 182—184.

[2] *М. Г. Лунц*, Фабричное законодательство в России, сборник статей «Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России», М. 1909, стр. 8—18.

нием закона и от которых им хотелось избавиться; третьи, действительно, не нуждались, по условиям производства, в детском труде, и если держали прежде в своих заведениях малолетних рабочих, то в очень ограниченном числе, да и то в виде исключения. *Но главная причина той легкости, с какой распускались малолетние рабочие из промышленных заведений, заключалась в господствующем у нас, как и вообще за границей, вот уже несколько лет промышленном кризисе*: вследствие сокращения и даже прекращения производства на многих фабриках в разных местностях России предложение рабочих рук значительно превысило запрос на них; а потому фабриканты без большого труда и ущерба для себя могли в своих заведениях заменить малолетних не только подростками и женщинами, но и взрослыми мужчинами, давая этим последним почти ту же заработную плату, что и детям»[1].

В статье Е. Дементьева «Рабочие фабричной промышленности» дана следующая общая характеристика сокращения применения труда малолетних за 80-е и 90-е годы:

«Непосредственно перед изданием закона, регулирующего труд малолетних, численность их на фабриках достигала 9,1% всего числа рабочих, причем в отдельных отраслях промышленности она доходила до 17,7% (в обработке волокнистых веществ—12,7%, минеральных веществ—17,3%, в полиграфических производствах—17,7%). Но уже через год по вступлении в силу закона о работе малолетних, в 1885 г., количество последних на фабриках резко уменьшилось и составило только 5,5%; это падение их численности имело место, главным образом, на фабриках, обрабатывающих волокнистые вещества, где число малолетних с 12,7% понизилось до 5,1%. В настоящее время число их на фабриках еще ниже и не превосходит 2%, а в некоторых губернихя опускается до 1,5% (Владимирская губ.) и даже до 1,2% (Московская губ.)»[2].

В отчете фабричного инспектора Владимирского округа д-ра Пескова содержатся данные о весьма значительном применении труда малолетних на фабриках Владимирского округа в начале 80-х годов и о последовавшем сильном сокращении малолетних:

---

[1] «О деятельности фабричной инспекции», отчет за 1885 г. главного фабричного инспектора Е. Т. Михайловского, II. 1886, стр. 77 (курсив наш.—*А. Р.*).

Это обстоятельство отмечалось и другими исследователями. Так, Ф. Ф. Эрисман указывает («Сборник статей по Московской губ.». Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. I, М. 1890, стр. 194): «Несомненно, что борьба предпринимателей против установленного законом нового порядка велась бы еще гораздо энергичнее и с более разнообразными средствами, чем она велась на самом деле, если бы с изданием закона не совпадал упомянутый нами неоднократно промышленный кризис, который, выбрасывая большое количество рук на улицу, значительно усилил предложение труда и облегчил предпринимателям замену детского труда почти таким же дешевым женским трудом, или же замену малолетних подростками и даже взрослыми мужчинами».

[2] «Россия в конце XIX в.», под общей редакцией В. И. Ковалевского, изд. министерства финансов, П. 1900, стр. 562.

«Вообще при сравнении числа всех рабочих и малолетних в 1885 г. с 1883 г. на сказанных 40 фабриках (Владимирской губ.) получаются следующие цифры:

Число всех рабочих на 40 фабриках		Количество малолетних из всего числа рабочих на 40 фабриках	
в 1883 г.	в 1885 г.	в 1883 г.	в 1885 г.
41 713	39 411	4 595	1 371»[1].

Д-р Песков в этом же отчете отметил также следующие основные причины сокращения малолетних: «Прежде всего в силу закона, по которому некоторым категориям малолетних рабочих совсем запрещено работать на фабриках. Затем, промышленный кризис и экономические условия. Вследствие сокращения на большинстве фабрик производства и множества оставшихся поэтому свободных рук, предложение их сделалось настолько велико, что фабрикантам нет никакой почти выгоды пользоваться детским трудом, *ибо почти за ту же плату, а иногда и совсем за ту же плату предлагают свои услуги фабрикантам подростки и женщины.* При этих условиях, само собой понятно, фабриканты, которые и прежде уже высказывали намерения распустить всех малолетних, чтобы избавиться от всякой ответственности за нарушение закона, пользовались этим обстоятельством и постепенно приводили свои дела на фабриках к сказанной цели, и там, где этому помогали еще местные условия, как например, в Иваново-Вознесенске, распустили почти всех малолетних. Многие фабриканты, как это мне не раз приходилось лично убедиться, нарочно нанимали всех малолетних поденно, для того, чтобы в случае надобности, во всякое время и не стесняясь числом рассчитывать их. Правда, они и прежде мало стеснялись удалением малолетних во всякое время, но по одиночке и не раз по несколько человек; при поденной же оплате это не представляло для них никаких затруднений...

От многих фабрикантов мне приходилось слышать в числе причин удаления малолетних также и возлагаемая законом на фабрикантов обязанность заботиться о школьном обучении их»[2].

А. В. Погожевым произведена была выборка данных о численности малолетних и подростков, занятых в 17,7 тыс. промышленных заведений, из «Перечня фабрик и заводов» за 1894/95 г.[3]. В этой сводке отсутствуют данные о горной и горнозаводской промышленности, но все же это—наиболее полная сводка численности малолетних и подростков, занятых в промышленности к середине 90-х годов (см. табл. на стр. 212).

По этим данным за 1894/95 г. было учтено малолетних около 2%, а малолетних и подростков 10,35% общего числа вошедших

---

[1] «Владимирский фабричный округ», отчет за 1885 г. фабричного инспектора Владимирского округа д-ра Пескова, П. 1886, стр. 29—30.

[2] Там же (курсив наш.—*А. Р.*).

[3] *А. В. Погожев*, Учет численности и состава рабочих в России, П. 1906, стр. 83—84.

Численность рабочих малолетних и подростков по группам производств за 1894/95 г.

Группы производств	Число заведений	Всего рабочих	В том числе			В % к общему числу рабочих		
			малолетних	подростков	малолетних и подростков	малолетних	подростков	малолетних и подростков
Обработка хлопка	665	275 880	4 491	20 754	25 245	1,63	7,52	9,15
» шерсти	1 087	121 514	2 033	12 753	14 786	1,67	10,50	12,17
» шелка	269	16 235	805	1 785	2 590	4,96	10,99	15,95
» льна и пеньки	366	52 963	1 247	4 769	6 016	2,35	9,00	11,35
» смешанных волокнистых веществ	421	23 209	623	3 324	3 947	2,68	14,33	17,01
» дерева	1 027	38 579	415	2 422	2 837	1,07	6,28	7,35
» металлов	1 530	120 635	1 336	12 452	13 788	1,11	10,32	11,43
» минеральных веществ	1 283	74 315	3 812	7 370	11 182	5,13	9,92	15,05
» животных продуктов	1 797	40 057	487	2 274	2 761	1,21	5,68	6,89
» питательных веществ	4 782	202 661	2 453	12 761	15 214	1,21	6,30	7,51
Писчебумажное производство	846	45 251	1 564	6 313	7 877	3,46	13,95	17,41
Химическое производство	733	38 279	835	3 442	4 277	2,18	8,99	11,17
Мукомольное	2 854	29 165	69	1 065	1 124	0,23	3,62	3,85
Сенопрессовальное заведение	21	350	—	32	32	—	9,14	9,14
Всего	17 681	1 079 093	20 170	91 506	111 676	1,87	8,48	10,35

в подсчет рабочих. Из общего числа учтенных малолетних и подростков в 111,7 тыс. человек на текстильную промышленность приходилось 52,6 тыс. человек, или 47,1%. Наибольший удельный вес малолетних был в производствах по обработке минеральных веществ—5,13% и в группе писчебумажного производства—3,45%. Можно предположить, что в первую группу было включено стеклянное, а во вторую—полиграфическое производство. В четырех отраслях промышленности в значительном числе были представлены малолетние и подростки—свыше 15% общей численности рабочих, а именно в писчебумажном (17,40%), в обработке смешанных волокнистых веществ (17,01%), в обработке шелка (15,95%) и в обработке минеральных веществ (15,05%). Удельный вес малолетних и подростков был сравнительно незначителен в обработке животных продуктов (6,89%) и в мукомольном производстве (3,85%).

В следующей таблице приведены данные о динамике численности рабочих малолетних и подростков, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, за период с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г.:

Динамика численности рабочих подростков и малолетних, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г.

Даты	Численность малолетних и подростков (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) за год		В % к 1 января 1901 г.
		в тыс.	в %	
1 января 1901 г. . . .	174,7	—	—	100,0
1 » 1902 » . . .	179,8	+ 5,1	+ 2,9	102,9
1 » 1903 » . . .	176,1	— 3,7	— 2,1	100,8
1 » 1904 » . . .	186,9	+10,8	+ 6,1	107,0
1 » 1905 » . . .	176,6	—10,3	— 5,5	101,1
1 » 1906 » . . .	175,4	— 1,2	— 0,7	100,4
1 » 1907 » . . .	183,4	+ 8,0	+ 4,6	105,0
1 » 1908 » . . .	181,6	— 1,8	— 1,0	103,9
1 » 1909 » . . .	179,2	— 2,4	— 1,3	102,6
1 » 1910 » . . .	181,6	+ 2,4	+ 1,3	103,9
1 » 1911 » . . .	202,3	+20,7	+11,4	115,8
1 » 1912 » . . .	220,7	+18,4	+ 9,1	126,3
1 » 1913 » . . .	231,4	+10,7	+ 4,8	132,5
1 » 1914 » . . .	258,8	+27,4	+11,8	148,1

Аналогично тому, что мы наблюдали в отношении применения женского труда, но еще в большей степени прирост численности этой группы рабочих приходился почти исключительно на период с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г. В то время как за девятилетний период, с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г., численность малолетних и подростков увеличилась со 174,7 тыс. до 181,6 тыс. человек, т. е. лишь на 3,9%, за четыре года, с 1 января 1910 г.

по 1 января 1914 г., численность малолетних и подростков увеличилась со 181,6 тыс. до 258,8 тыс. человек, или на 42,5%. В особенности значительным был прирост численности рассматриваемой группы рабочих за 1913 г.—на 11,8%[1]. За 13 лет, с 1 января 1901 г. по 1 января 1914 г., численность малолетних и подростков, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, увеличилась на 48,1%.

При анализе этих данных не следует забывать, что фактическое число занятых в фабрично-заводской промышленности малолетних и подростков было повышенным по сравнению с официальными статистическими данными, ибо как массовое явление была распространена практика показаний более старшего возраста, чем он был в действительности. Ряд наблюдений подтверждает это явление. И в первую очередь следует обратиться к непосредственным показаниям рабочих. Так, в опубликованном сборнике автобиографий рабочих завода «Серп и молот» (бывший Гужон) и Трехгорной мануфактуры мы неоднократно встречаем рассказы о том, как для поступления на производство приходилось прибегать к неправильным показаниям о возрасте. Ограничимся рядом иллюстраций.

О. Чаадаева в предисловии к автобиографии работниц указывает:

«Большинство старых работниц не знали по-настоящему детства и шли работать по найму малолетними. Петрова, Донцова, Комиссарова рассказывают о том, что нужда дома в крестьянской и рабочей семье гнала их на работу даже ранее срока, установленного законодательством. 12—13—14 и 15-летние девушки приписывали себе года и нанимались на фабрику. Мещерякова нанялась на шелковую фабрику 10-ти лет. Ее прятали в подвал, когда ждали приезда надзора. Комиссарова начала работать с 12 лет. Когда перестали брать на фабрики и заводы малолетних, Комиссарова приписала себе $2^1/_2$ года и снова поступила на фабрику. Донцова пошла работать 15 лет. Петрова одиннадцатилетней девочкой поступила учиться к портнихе, фактически не училась, а несла тяжелую и черную работу, потом 14-ти лет поступила на фабрику. Ухова стала работать на фабрике 14 лет, Туморина—13 лет. Подростки в большинстве случаев работали наравне со старшими—10 и больше часов в день. О школьной учебе и говорить не приходилось. Донцова, Мещерякова и некоторые другие оставались неграмотными и выучились читать только при советской власти. Грамотные подростки настолько были задавлены тяжелым трудом, что почти не читали газет и книжек» [2].

Приведем дополнительно интересные наблюдения земского статистика, основанные на изучении положения труда на двух фабриках и одном заводе Покровского уезда Владимирской губернии (расположенных почти на границе Московской губернии):

[1] Следует отметить повышенные показатели роста численности подростков в петербургской промышленности. Так, в «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.» (введение, стр. XLVI—XLVII) указано:

«*В С.-Петербургской губ.* число подростков возросло с 13 344 до 17 620, т. е. на 32%, причем большая часть увеличения падает на подростков мужского пола. Увеличение числа подростков женского пола наблюдалось, главным образом, в хлопкообрабатывающих предприятиях, а увеличение числа подростков мужского пола произошло, главным образом, в металлообрабатывающих предприятиях, на которых особенно сильно ощущался недостаток в рабочих руках, вследствие чего владельцы старались широко использовать работы подростков».

[2] «Работница на социалистической стройке», Партиздат, 1932, стр. 22—23.

«Говоря о возрастном составе фабричных рабочих, необходимо подробнее остановиться на эксплоатации фабрикой детского труда и труда подростков. На 2-х фабриках (фарфоровой и ткацко-прядильной) детей до 14 лет включительно работает на 100 рабочих—8,1. В точильном отделении в Дулеве есть даже ребята моложе 12 лет—17 человек. Нам встретился там мальчик 13 лет, который работает на фабрике 6-й год. Как известно, по фабричным законам работа детям до 12 лет воспрещена. Существование на Дулеве этих детей, быть может, объясняется тем, что старообрядцы, которых вокруг фабрики много, имеют возможность, благодаря отсутствию у них метрик, увеличивать на бумаге возраст своих детей. По крайней мере, сами рабочие говорят: «Староверам хорошо, детям в 13 лет выправляют в правлении свидетельство на 16 лет» (по внешнему виду). *По сведениям фабричной инспекции на Дулевской фабрике детей до 15 лет почти вдвое меньше, чем по нашей переписи.* Уменьшение числа детей на фабрике выгодно фабриканту в том отношении, что каждый ребенок, работающий на фабрике, влечет за собой расходы на обязательное посещение школы. Фабрика больше, чем всякий другой промысел, эксплоатирует труд малолетних. В главных отраслях отхожих промыслов, например, в Суздальском и Меленковском уездах (20 тыс. промышленников), лиц мужского пола до 18 лет работает 8,7% всех промышленников, тогда как на наших фабриках рабочих в таком возрасте 21,7%. Чем ближе к фабрике, тем мы видели большую эксплоатацию труда малолетних. Так, из района до 15 верст от фабрики работает около 10% всех рабочих, дальше на 15 верст—только $7^1/_2$%. Точно так же и относительно подростков (от 15 до 17 лет)—25 и $12^1/_2$%. Деревенская семья меньше щадит детский труд, чем семья фабричная, т. е. живущая на фабрике, всем своим составом, порвавшая всякие связи с деревней. Если мы возьмем с одной стороны рабочих, выходящих из деревни, а с другой—поселившихся на фабрике со своими семьями, то среди первых детей до 14 лет включительно будет 8,8%, среди последних—6,6%» [1].

Фабричный инспектор С. Гвоздев, характеризуя практику нарушений фабрикантами и заводчиками закона о работе малолетних в конце 90-х годов, писал:

«Тот аргумент, что малолетние принимались на работу из жалости к ним, приходится слышать почти на всех заведениях, пользующихся их трудом. Действительно, бывают иногда случаи, что работа на фабрике является необходимой малолетнему для поддержания его существования. (Это не значит, конечно, что, принимая малолетнего на работу, фабрика исходит из соображений о его нужде). Мне не раз приходилось встречать круглых сирот или единственных детей у убогих, неспособных к труду родителей, которые работой на фабрике содержали и себя и семью. Но такие случаи не часты. Несравненно чаще случаи, когда семья при взрослых работниках, но при большом числе неспособных к труду едоков настолько нуждается, что рада всякому гривеннику, приносимому в дом ребенком, только что вышедшим из самого нежного возраста. Так как малолетние принимаются сравнительно немногими

[1] *А. Смирнов*, Фабрика и фабричный рабочий, «Русская мысль» № 5, 1902, стр. 160—161 (курсив наш.—*А. Р.*).

фабриками, то приходится ждать до 15-летнего возраста. Многие не выдерживают такого срока и стараются пристроить на фабрике малолетка под видом подростка. Сделать это, повидимому, очень просто: достаточно только попросить волостное правление, выдающее необходимые для поступления на фабрику «видки», поставить в «видке» (или паспорте) требуемое число лет. Волостные правления делают это очень охотно. Без малейшего стеснения они покажут возраст, какой вам угодно. Таким путем мог бы быть сведен на-нет весь закон о работе малолетних, если бы фабричным инспекторам не было предоставлено наказом право требовать в удостоверение возраста малолетних и подростков (до 17 лет) представления выписей из метрических книг. Только это обстоятельство и сдерживает заведующих от приема на фабрику без разбора всех, кому по видку или паспорту значится не менее 15 лет; ведь им так было бы выгодно держать малолетних, которые работали бы наравне со взрослыми. И тем не менее, в моей практике бывали поразительные в этом отношении случаи. Например, на одной вполне благоустроенной, солидной фабрике не оказалось метрик у подростков; я предложил заведующему вытребовать метрики и доставить их мне для просмотра, при этом отметил несколько лиц, которым по видкам значилось даже 17 лет. И вот когда метрики были представлены, оказалось, что не только тем, у которых в видках стояло 15—16 лет, но даже числившимся 17-летними, в действительности было только 14, 13 и даже 12 лет» [1].

С. Гвоздев отмечает также следующие весьма часто наблюдаемые факты нарушений закона о работе малолетних владельцами мелких предприятий:

«Официально малолетние на этих заводах не работают, и инспектор, если не будет принимать особых мер, действительно никогда малолетних в заводе не найдет: перед его приездом они все из завода исчезают. Если владелец был предуведомлен о приезде инспектора, то малолетние заблаговременно удаляются из завода. Если же инспектор застает более или менее взрослых, то их все же успевают спрятать на чердаках, в подвалах или просто в товаре, разных корзинах и мешках. А чтобы инспектор не мог явиться совершенно неожиданно, владельцами выработана целая система наблюдений и донесений» [2].

Указанная практика массовых показаний несовершеннолетними рабочими более старшего возраста по сравнению с их фактическим была распространена и в каменноугольной промышленности. Соответствующие указания мы встречаем в работе В. Ю. Гессена:

«Чтобы составить себе понятие об условиях детского труда,—говорит один наблюдатель,—надо на любом из рудников зайти в здание углеподъемных и других машин или же в ламповое отделение, где наливают и зажигают предохранительные лампы и где воздух настолько насыщен парами бензина, что вызывает головокружение и тошноту. В этих помещениях можно увидеть вереницы мальчуганов, движущихся среди батареи ламп. С бледными, истомленными лицами, перепачканные копотью и сажей, с черными руками, замасленные донельзья, быстро движутся они по огромному зданию под недремлющим оком десятника. *Большинству из них трудно дать и тринадцать лет, сплошь и рядом попадаются дети лет одиннадцати. Но если вы спросите любого, сколько ему лет, он к вашему изумлению ответит* : «*пятнадцать*». Делается это часто по распоряжению низшей администрации (конечно, неофициальному), выполняющей, таким образом, закон (запрещающий работу

---

[1] *С. Гвоздев*, Записки фабричного инспектора, изд. 2-е, 1925, стр. 48.
[2] Там же.

подростков моложе 15 лет). Да и не в интересах самого мальчугана открыть истину: он мог лишиться места»[1].

Мы стремились сгруппировать по материалам различных отраслей промышленности и районов страны ряд данных о том, как несовершеннолетним для поступления и работы на фабриках и заводах приписывали более старший возраст по сравнению с фактическим. Это весьма распространенное явление характерно для капиталистической промышленности. Поэтому нам представляется несомненным, что вышеприведенные статистические данные о применении труда детей и подростков в капиталистической промышленности России являются преуменьшенными.

К. Маркс в «Капитале» на основании материалов английских фабричных инспекторов за 30—50-е годы XIX в. указывал, что официально признанные врачи (certifying surgeons) удостоверяли повышенный возраст по сравнению с действительным при поступлении детей на фабрику: «Уменьшение числа занятых фабрикантами детей моложе 13 лет, совершающееся нередко скачками и так поражающее в английской статистике последних 20 лет... было в большой мере делом этих certifying surgeons, изменяющих возраст детей сообразно эксплоататорской жажде капиталистов и продавщической потребности родителей»[2].

Обратимся к данным о динамике численности рабочих малолетних и подростков, занятых в ряде отраслей промышленности, за 1900—1913 гг.

Численность группы рабочих малолетних и подростков, занятых в хлопчатобумажной промышленности, в период 1901—1910 гг. оставалась в общем стабильной, хотя по отдельным годам наблюдались колебания численности рабочих этой группы, причем эти колебания были сравнительно незначительными:

Годы	Численность малолетних и подростков (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) за год		Удельный вес малолетних и подростков в общей численности рабочих
		в тыс.	в %	
1902	46,8	—	—	11,5
1903	47,8	+1,0	+ 2,1	11,4
1904	47,0	−0,8	− 1,7	11,3
1905	46,5	−0,5	− 1,1	11,2
1906	46,1	−0,4	− 0,9	10,5
1907	46,7	+0,6	+ 1,3	10,3
1908	48,1	+1,4	+ 3,0	10,1
1909	45,8	−2,3	− 4,8	9,5
1910	46,1	+0,3	+ 0,7	9,2
1911	53,5	+7,4	+16,1	9,9
1912	56,2	+2,7	+ 5,0	10,1
1 января 1914	59,5	+3,3	+ 5,9	10,5

[1] *В. Ю. Гессен*, История горнорабочих в СССР, т. II, М. 1929, стр. 152 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] *Маркс*, Капитал, т. I, 1935, стр. 301.

Так как за эти же годы общая численность рабочих в хлопчатобумажной промышленности увеличилась, то эта стабильность численности подростков и малолетних повлияла на уменьшение удельного веса этой группы с 11,5% в 1902 г. до 9,2% в 1910 г. В последующие годы (1911—1913) численность рабочих малолетних и подростков в хлопчатобумажной промышленности значительно увеличилась. В итоге за весь период с 1902 г. по 1 января 1914 г. численность рабочих этой группы увеличилась с 46,8 тыс. до 59,5 тыс. человек, а удельный вес численности рабочих малолетних и подростков в хлопчатобумажной промышленности незначительно понизился—с 11,5 до 10,5%.

Следует также отметить, что при общем росте численности всей группы рабочих малолетних и подростков за указанный период абсолютная численность малолетних уменьшилась, а подростков увеличилась.

Весьма характерной представляется динамика численности рабочих малолетних и подростков, занятых в обработке металлов и машиностроении:

Динамика численности рабочих малолетних и подростков в обработке металлов, производстве аппаратов и орудий ремесл с 1901 г. по 1 января 1914 г.

Годы	Численность малолетних и подростков (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (—) за год		Удельный вес малолетних и подростков в общей численности рабочих
		в тыс.	в %	
1901	22,8	—	—	9,0
1902	23,1	+0,3	+ 1,3	9,4
1903	26,1	+3,0	+13,0	10,0
1904	27,3	+1,2	+ 4,6	10,2
1905	25,9	—1,4	— 5,1	9,5
1906	23,8	—2,1	— 8,1	9,2
1907	24,0	+0,2	+ 0,8	9,3
1908	22,4	—1,6	— 6,7	9,0
1909	23,1	+0,7	+ 3,1	9,2
1910	23,5	+0,4	+ 1,7	9,6
1911	32,3	+8,8	+37,4	10,7
1912	36,7	+4,4	+13,6	10,9
1 января 1914	41,2	+4,5	+12,3	10,7

Темп роста численности рассматриваемой группы рабочих за 1911—1913 гг. был весьма интенсивным и повышенным по сравнению с темпом роста общей численности рабочих. С 1901 г. по 1 января 1914 г. численность рабочих малолетних и подростков, занятых в обработке металла и машиностроении, увеличилась с 22,8 тыс. до 41,2 тыс. человек, или на 80,7%. Удельный вес рабочих этой группы за указанный период также повысился с 9 до 10,7%, причем следует отметить, что в 1910 г. численность

малолетних и подростков находилась примерно на уровне 1901 г. Следовательно, весь этот значительный прирост численности рассматриваемой группы рабочих в обработке металлов и машиностроении приходился на три года—1910—1913.

Выше мы уже отметили, что наиболее высокий удельный вес малолетних и подростков был в производстве по обработке минеральных веществ. В следующей таблице приведены основные показатели о применении труда малолетних и подростков в рассматриваемой группе производств за 1901—1913 гг.:

Динамика численности рабочих малолетних и подростков в производствах по обработке минеральных веществ с 1901 г. по 1 января 1914 г.

Годы	Численность малолетних и подростков (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (−) за год		Удельный вес малолетних и подростков в общей численности рабочих
		в тыс.	в %	
1901	22,6	—	—	16,0
1902	24,9	+2,3	+10,2	16,3
1903	20,9	−4,0	−16,1	14,1
1904	21,4	+0,5	+ 2,4	15,2
1905	18,4	−3,0	−14,0	14,0
1906	18,1	−0,3	− 1,6	14,8
1907	20,6	+2,5	+13,8	16,1
1908	20,9	+0,3	+ 1,5	15,7
1909	22,6	+1,7	+ 8,1	16,0
1910	24,9	+2,3	+10,2	16,3
1911	28,8	+3,9	+15,7	15,9
1912	30,2	+1,4	+ 4,9	15,4
1 января 1914	33,9	+3,7	+12,3	15,7

Абсолютное число рабочих малолетних и подростков в производствах по обработке минеральных веществ в 1901 г. было высоким—22,6 тыс. человек. В годы кризиса произошло снижение числа рабочих этой группы. За 1909—1913 гг. наблюдался значительный рост численности малолетних и подростков, и к началу 1912 г. эта группа рабочих составляла 33,9 тыс. человек и повысилась по сравнению с 1901 г. на 50%. Удельный вес малолетних и подростков в этой отрасли промышленности в 1903—1906 гг. несколько понизился, но в последующие годы этот показатель вновь увеличился и к 1 января 1914 г. все еще остается весьма повышенным—15,7% общей численности рабочих.

О применении труда детей и подростков в каменноугольной промышленности юга России за 1909—1913 гг. можно судить по следующим данным[1]:

[1] «Каменноугольная промышленность России в 1913 г.», вып. II, Харьков 1915, стр. XXXVII.

Годы	% детей и подростков среди рабочих каменноугольной промышленности юга России		
	мужчин	женщин	всего
1909	5,37	2,67	8,04
1910	4,57	2,70	7,27
1911	4,19	2,43	6,62
1912	5,54	2,08	7,62
1913	5,19	2,57	7,76

Таким образом, за рассматриваемые годы дети и подростки составляли 7—8% общей численности рабочих каменноугольной промышленности юга России.

На основании обследования 1913 г. нами составлена сводка общей численности малолетних и подростков, занятых в 1913 г. в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности[1] (см. табл. на стр. 221—222).

В трех отраслях была сосредоточена преобладающая масса малолетних и подростков, занятых в фабрично-заводской промышленности, а именно: в текстильной промышленности—102,2 тыс. человек, в обработке металлов и производстве машин, аппаратов и орудий ремесл—36,9 тыс. и в обработке минеральных веществ—32,7 тыс. человек.

Таким образом, в указанных трех отраслях промышленности было занято в 1913 г. 171,8 тыс. малолетних и подростков, или около 63% их общей численности. Характерным является сравнительно незначительное число малолетних и подростков, занятых в предприятиях, подчиненных надзору горной инспекции, а именно из общей численности рабочих этих возрастов в 273,3 тыс., занятых в фабрично-заводской промышленности, в предприятиях, подлежащих надзору горной инспекции, работало 27,7 тыс., или 10,1% общей численности.

В среднем во всей фабрично-заводской промышленности малолетние и подростки составляли в 1913 г. 10,4% общей численности рабочих, причем в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, они составляли 11,1%, а в предприятиях, подчиненных надзору горной инспекции,—6,6%. Удельный вес малолетних и подростков в текстильной промышленности был в 1913 г. несколько повышенным по сравнению со средним, а именно 11,4%, в обработке металлов, производстве машин, аппаратов и орудий ремесл—весьма близким к среднему—10,6%. В следующих группах производств удельный вес малолетних и подростков был повышенным: в бумажных и полиграфических производствах—17,9%, в льняной промышленности—16,3, в обработке минераль-

[1] «Данные о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, за 1913 г.», министерство торговли и промышленности. Отдел промышленности, П. 1914.

Численность и удельный вес рабочих малолетних и подростков в фабрично-заводской и горной промышленности в 1913 г.

Группа производств	Число рабочих			В % к общей численности рабочих		
	малолетних	подростков	малолетних и подростков	малолетних	подростков	малолетних и подростков
А. Предприятия, подчиненные надзору фабричной инспекции						
Обработка хлопка	6 054	51 288	57 342	1,1	9,2	10,3
» шерсти	1 691	15 331	17 022	1,1	9,7	10,8
» шелка	1 086	4 082	5 168	3,1	11,5	14,6
» льна, пеньки .	3 802	11 846	15 648	4,0	12,3	16,3
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	604	6 442	7 046	1,2	13,5	14,7
Всего по текстильной промышленности . . .	13 237	88 989	102 226	1,5	9,9	11,4
Производства бумажное и полиграфическое . . .	3 318	14 115	17 433	3,4	14,5	17,9
Механическая обработка дерева	1 151	11 450	12 601	0,9	8,5	9,4
Обработка металлов, производство машин, аппаратов и орудий ремесл	1 474	35 426	36 900	0,4	10,2	10,6
Обработка минеральных веществ	9 718	22 957	32 675	4,7	11,1	15,8
Обработка животных продуктов	329	4 255	4 584	0,6	8,3	8,9
Обработка пищевых и вкусовых веществ	875	27 968	28 843	0,2	7,8	8,0
Химические производства .	1 457	8 745	10 202	1,8	10,7	12,5
Добывающая промышленность	—	51	51	—	0,2	0,2
Прочие производства, не вошедшие в предшествующие группы	5	51	56	—	0,1	0,1
Всего в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции .	31 564	214 007	245 571	1,4	9,7	11,1

(Продолжение)

Группа производств	Число рабочих			В % к общей численности рабочих		
	малолетних	подростков	малолетних и подростков	малолетних	подростков	малолетних и подростков
Б. Предприятия, подчиненные надзору горной инспекции						
Фабрично-заводская промышленность при горных предприятиях . .	929	6 553	7 482	0,9	6,1	7,0
Добыча полезных ископаемых	2 555	16 023	18 578	0,9	5,7	6,6
Обработка полезных ископаемых	149	1 477	1 626	0,4	4,2	4,6
Всего в предприятиях, подчиненных надзору горной инспекции . .	3 633	24 053	27 686	0,9	5,7	6,6
А+Б. Всего в предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции	35 197	238 060	273 257	1,3	9,1	10,4

ных веществ—15,8, в смешанных производствах по обработке волокнистых веществ—14,7, в шелковой промышленности—14,6%.

Пониженные показатели следует отметить в добыче полезных ископаемых—6,6%, в обработке полезных ископаемых—4,6%.

Из общей численности в 273,3 тыс. малолетних и подростков, занятых в 1913 г. в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности, резко преобладающая масса состояла из подростков, которых насчитывалось 239 тыс. человек, или 9,1% общей численности рабочих; малолетних было учтено 35,2 тыс. человек, или 1,3% общей численности рабочих.

По своей абсолютной величине наиболее значительно представлены были малолетние в двух отраслях промышленности: в текстильной промышленности—13,2 тыс. и в производствах по обработке минеральных веществ—9,7 тыс. человек. Удельный же вес малолетних был повышенным в обработке минеральных веществ—4,7%, в льняной промышленности—4, в бумажных и полиграфических производствах—3,4 и в шелковой промышленности—3,1%.

В следующей таблице приведены данные о распределении общей численности учтенных в 1913 г. малолетних и подростков по полу,

а также исчислен удельный вес девочек и девушек в общей численности малолетних и подростков:

Распределение малолетних и подростков, занятых в 1913 г. в фабрично-заводской и горной промышленности, по полу

Группы производств	Общее число малолетних и подростков			% девочек и девушек
	мужского пола	женского пола	обоего пола	
Вся фабрично-заводская и горная промышленность	167 023	106 634	273 657	39,0
В том числе:				
1. Предприятия, подчиненные надзору фабричной инспекции	144 006	101 565	245 571	41,4
2. Предприятия, подчиненные надзору горной инспекции	23 017	5 069	28 086	18,0
3. Текстильная промышленность	41 332	60 894	102 226	59,6
4. Производства бумажное и полиграфическое	12 227	5 206	17 433	29,9
5. Механическая обработка дерева	10 285	2 316	12 601	18,4
6. Обработка металлов, производство машин, аппаратов и орудий ремесл . . .	34 117	2 783	36 900	7,5
7. Обработка минеральных веществ	21 793	10 882	32 675	33,3
8. Обработка пищевых и вкусовых веществ	16 869	11 974	28 843	41,5
9. Химические производства .	4 062	6 140	10 202	60,2
10. Добыча полезных ископаемых	14 707	3 871	18 578	20,8

Из общей численности в 273,3 тыс. малолетних и подростков мужского пола было 167 тыс., а женского пола — 106,6 тыс. человек. Удельный вес девочек и девушек был 39%, следовательно, повышенным по сравнению с удельным весом всех работниц к общей численности рабочих фабрично-заводской и горной промышленности. На основании соответствующих показателей, исчисленных по важнейшим отраслям промышленности, можно проследить, что удельный вес девочек и девушек и в этих отраслях промышленности был также выше удельного веса всех работниц.

К характеристике возрастного состава фабрично-заводских рабочих

В этом разделе мы приводим данные о возрасте, в котором рабочие впервые начали работать в промышленности, и имеющиеся данные о распределении фабрично-заводских рабочих по возрастным группам. Обратимся к первой группе показателей.

Уже одно из первых массовых обследований состава рабочих

фабрично-заводской промышленности Московской губернии, произведенное в начале 80-х годов, показало, что резко преобладающая масса рабочих начала впервые работать на фабриках в раннем возрасте—до 14 лет. В результате этого в промышленности в этот период имелись значительные кадры, связанные с фабрикой и заводом длительной работой на них.

В «Общей сводке по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879—1885 гг.» опубликованы массовые данные о возрасте поступления на фабрику рабочих Московской губернии, преимущественно рабочих текстильной промышленности:

	Мужчин	Женщин	Итого
Всего вошло в подсчет	49 555	5 378	54 933
В том числе в % к итогу поступили на фабрику в возрасте:			
ранее 10 лет	10,05	9,95	10,04
10—11 лет	23,48	18,24	22,96
12—14 »	31,81	20,57	30,71
15—16 »	12,12	9,74	11,89
17—24 »	14,33	21,01	14,98
25 лет и старше	8,21	20,49	9,42

«Стало быть 10% всех рабочих, вошедших в эти таблицы, поступили на фабричную работу, не достигнув 11-летнего возраста, и 33%, или целая треть рабочих, поступили на фабрики ранее 12 лет, т. е. ранее того возраста, который по нашему новому фабричному закону [1] является предельным для поступления ребенка на какое-либо фабричное заведение. Наибольшее относительное количество поступлений падает на возраст от 12 до 14 лет (30,71%), и в общей сложности *в малолетнем возрасте поступило на фабрику около 63%, или почти 2 трети всех рабочих.* Очень немногие рабочие (всего 9,42%) поступили на фабрику уже по достижении 25-летнего возраста,—факт, который также указывает на то, что мы здесь имеем дело, в огромном большинстве случаев, с настоящим рабочим сословием, так сказать, с исконными, а не случайными фабричными рабочими» [2].

Указанные процессы в еще более резкой форме выступали в отношении столь многочисленных по своему составу профессий, как прядильщики и ткачи.

Так, Ф. Ф. Эрисман на основании материалов, собранных во время санитарных обследований фабричных заведений Московской губернии за 1879—1885 гг., приводит данные о распределении рабочих мужчин прядильщиков и ткачей по возрасту, в котором они поступили на фабрику:

[1] Закон 1882 г.—*А. Р.*

[2] «Сборник статистических сведений по Московской губернии». Отдел санитарной статистики, под редакцией Ф. Ф. Эрисмана, т. IV, ч. I, стр. 288—289.

Возрастные группы	Прядильщики		Ткачи	
	абсолютно	в %	абсолютно	в %
Ранее 10 лет	1 785	18,9	1 977	10,2
От 10—11 »	3 105	32,9 } 79,2	5 084	26,3 } 71,4
» 12—14 »	2 590	27,4	6 755	34,9
» 15—16 »	625	6,6	2 407	12,5
» 17—24 »	702	7,4	2 430	12,6
25 лет и позже	641	6,8	684	3,5

Таким образом, даже среди начавших впервые работать в возрасте менее 10 и 10—11 лет было учтено среди прядильщиков 51,8%, а среди ткачей 36,5% общей численности рабочих этих профессий, а также весьма значительная группа рабочих рассматриваемых профессий впервые пошла работать на производство в возрасте 12—14 лет. Анализируя эти данные, Ф. Ф. Эрисман приходит к следующим выводам:

«Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, *что прядильщики и ткачи поступают на фабрику в значительно более раннем возрасте, нежели другие группы рабочих*; и это явление совершенно соответствует наблюдению, с подлинностью которого согласится всякий, знакомый с нашей фабричной промышленностью, и по которому именно *приготовительные, прядильные и ткацкие отделения наших мануфактур выработали тип настоящего фабричного рабочего*, часто родившегося на фабрике, выросшего в фабричных казармах, с ранних лет поступившего, в качестве рабочего, в фабричные мастерские и ни к чему, кроме фабричной работы, не приспособленного»[1].

Заимствуем из текстового обзора Н. И. Воробьева к работе «Промысла крестьянского населения» интересные данные о возрасте, в котором начали работать на фабриках рабочие одного из промышленных районов Владимирской губернии. Данные относятся к 1899 г.:

«Детский труд на фабриках воспрещен теперь законом, но раньше он применялся в широких размерах, и поэтому многие из современных рабочих начали работать в детском возрасте; из всех рабочих, зарегистрированных в «Ямах», 4,2% из числа семейных и 2,4% из одиночек мужчин начали работать на фабрике в возрасте до 10 лет. Работниц, начавших работать на фабрике в том возрасте, насчитывается только 1,2%...

Большинство рабочих мужчин начало работать в возрасте 11—20 лет, а именно в этом возрасте среди семейных рабочих мужчин начали работать 54,3% всех рабочих, среди одиночек 63,7%. У работниц на эти две группы приходится 59,7% и 66,4%. Около $^1/_4$ всех рабочих начали работу в возрасте 11—15 лет и более $^1/_3$—в возрасте 16—20 лет.

В возрасте старше двадцати лет начало работать очень значительное число рабочих—от 37,3% до 30,5%, и даже начавших работать в возрасте старше 30 лет насчитывается около $^1/_{10}$ части всех рабочих...

В последнее время фабрика начинает стягивать главным образом молодежь. Причину этого следует видеть в том, что фабричный труд для сельского населения становится все более необходимым, и подрастающие поколения в последние годы идут на фабрику в большем числе, чем это было раньше,

[1] «Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879—1885 г.», под ред. Ф. Ф. Эрисмана, М. 1890, стр. 291—292.

когда фабрика не в такой мере захватывала рабочие руки. Поступая на фабрику в раннем возрасте, рабочий дольше остается на ней, сильнее втягивается в быт и условия фабричной и городской жизни и легче порывает связь с деревней.

Значит расслоение населения, выделение из сельского земледельческого населения городского и фабричного, под влиянием фабрик, за последнее время происходит сильнее, чем было раньше. Вероятно и условия сельскохозяйственной жизни не благоприятствуют удержанию рабочих рук в деревне; *молодежь не только притягивается к городам, но и выталкивается деревней, где она не находит приложения своим рабочим силам.* И этот процесс дифференциации усиливается в последнее время, так как фабричные рабочие в последние годы выселяются из деревни в более раннем возрасте, чем их предшественники на фабрике»[1].

В работе С. Гвоздева приведены следующие данные о возрасте рабочих при их поступлении на фабрику на основании произведенного им в 1897 г. обследования 41 промышленного предприятия, в которых было занято 18,7 тыс. рабочих, из них 7,3 тыс. были заняты на мануфактурных фабриках:

«По возрасту поступления рабочих на фабрику оказалось: 1,84% поступивших 7—9 лет, 5,25%—в возрасте 10—11 лет, 17,62%—12—14 лет, старше 25 лет равно 8,63%. Женщины поступают в более зрелом возрасте, чем мужчины. Так, поступивших до 15 лет в числе мужчин 31,05%, а среди женщин равно 14,03%. Не следует забывать, что данные относятся к 1897 г., когда на фабриках было еще много рабочих, поступивших на работу до издания закона о работе малолетних; в настоящее время поступивших на фабрику в детском возрасте, конечно, уже значительно меньше»[2].

В результате применения закона о работе малолетних в последующие годы значительно понизился удельный вес группы рабочих, впервые начавших работать в промышленности в возрасте до 14 лет.

При производстве обследования состава фабрично-заводских рабочих Московской губернии, произведенного за 1908 г., в числе других вопросов был поставлен также вопрос: «с каких лет работает на фабрике». Основные результаты разработки этого вопроса можно проследить на основании помещаемых ниже таблиц[3] (см. табл. на стр. 227).

К сожалению, в принятом при разработке распределении рабочих группа 12—15 лет не включила 15-летних, и 15-летние оказались в следующей группе—15—17 лет, что в значительной степени затруднило сопоставление этих данных с данными последующих обследований. На бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках Московской губернии из обследованных в 1908 г. 44,4 тыс. рабочих 6,8 тыс. впервые начали работать в промышленности в возрасте

---

[1] «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X. Шуйский уезд, вып. III. Промыслы крестьянского населения, Владимир 1908, стр. 108—109 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] *С. Гвоздев*, Записки фабричного инспектора, изд. 2-е, 1925, стр. 34.

[3] Таблицы составлены на основании материалов, опубликованных в работе *И. М. Козьминых-Ланина*, Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии, М. 1912.

Группировка рабочих по возрасту первоначального поступления в промышленное заведение на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках Московской губернии в 1908 г.

Группы по возрасту первоначального поступления в промышленное заведение	Число рабочих			В %		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
До 10 лет	690	428	1 118	3,5	1,7	2,5
10—12 »	1 136	755	1 891	5,8	3,1	4,3
12—15 »	5 452	6 398	11 850	28,0	25,7	26,7
15—17 »	7 259	10 412	17 671	37,2	41,9	39,8
17—20 »	2 109	2 698	4 807	10,8	10,8	10,8
20—25 »	1 230	1 995	3 225	6,3	8,0	7,3
25—30 »	832	975	1 807	4,3	3,9	4,1
30 лет и старше	787	1 223	1 010	4,1	4,9	4,5
Итого . . .	19 495	24 884	44 379	100,0	100,0	100,0

до 12 лет. На возрастную группу 12—15 лет приходилось 26,7% и на возрастную группу 15—17 лет—39,8%. В итоге в возрасте до 17 лет впервые начали работать в промышленности, по данным 1908 г., 73,3% рабочих. На более старшие возрастные группы приходилось несколько больше $^1/_4$ всего числа обследованных рабочих—26,7%. Рассматриваемые показатели в общем почти совпадали у рабочих мужчин и работниц. Следует лишь отметить у рабочих мужчин повышенный удельный вес группы рабочих, начавших работать в промышленности в наиболее раннем возрасте,—до 12 лет. На эту группу приходилось у рабочих мужчин 9,3%, а у работниц—4,8%.

Группировка рабочих по возрасту первоначального поступления в промышленное заведение на фабриках по обработке шелка Московской губернии в 1908 г.

Группы по возрасту первоначального поступления в промышленное заведение	Число рабочих			В %		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
До 10 лет	41	30	71	3,5	0,5	0,9
10—12 »	73	72	145	6,3	1,1	1,9
12—15 »	277	941	1 218	23,9	14,6	16,0
15—17 »	293	2 665	2 958	25,3	41,4	38,9
17—20 »	180	1 185	1 365	15,5	18,4	18,0
20—25 »	139	928	1 067	12,0	14,4	14,1
25—30 »	97	371	468	8,4	5,8	6,2
30 лет и старше	58	248	306	5,0	3,8	4,0
Итого . . .	1 158	6 440	7 598	100,0	100,0	100,0

На фабриках Московской губернии по обработке шелка удельный вес группы рабочих, впервые начавших работать в промышленности в возрасте до 17 лет, был менее значителен—57,8%, в том числе начавших работать в промышленности в возрасте до 15 лет—18,9%.

В этой отрасли промышленности в возрасте 20 лет и старше впервые начали работу в промышленности 24,2%.

В группе рабочих механических заводов преимущественно были представлены рабочие Коломенского завода.

Группировка рабочих мужчин по возрасту первоначального поступления в промышленное заведение на механических заводах Московской губернии в 1908 г.

Группы по возрасту первоначального поступления в промышленное заведение	Число рабочих мужчин	В %
До 10 лет	68	0,8
10—12 »	302	3,6
12—15 »	1 899	22,4
15—17 »	3 141	37,0
17—20 »	1 624	19,1
20—25 »	651	7,7
25—30 »	432	5,0
30 лет и старше	374	4,4
Итого	8 491	100,0

Так как этот завод в период, предшествующий 1908 г., в значительной степени увеличил свои кадры, то удельный вес рабочих, впервые начавших работать в промышленности в более старших возрастах, был сравнительно значительным. Так, в возрасте 17 лет и старше впервые начали работать в промышленности 36,2% общего числа рабочих. Но одновременно следует отметить, что процент рабочих механических фабрик Московской губернии, впервые начавших работать в промышленности в возрасте до 15 лет, составлял, по данным этого обследования, 26,8.

Еще по одному источнику можно судить о раннем возрасте начала работы в производстве в дореволюционный период. Как известно, значительные группы рабочих впервые приступали к работе в промышленности в качестве учеников в ремесленных заведениях.

Произведенное за 1910 г. министерством торговли и промышленности обследование ремесленного производства в городах в числе других вопросов выяснило также и вопрос о возрасте начала обучения учеников:

«Что касается возраста, с какого принимаются в обучение ученики, то сообщенные по этому предмету данные по отдельным городам и отраслям ремесленного производства (см. последнюю

графу таблиц отдела IV) объединены в особую сводную таблицу № 9»[1].

Общие итоги были следующие:

Ученики принимаются в обучение с возраста в							
9 лет	10 лет	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет
число городов (в %)							
0,7	8,2	1,3	24,8	19,7	20,1	17,1	8,1

Таким образом, около $^3/_4$ учеников начали свое обучение производству в возрасте до 15 лет.

В кустарной промышленности, откуда в значительных размерах притекали новые пополнения в фабрично-заводскую промышленность, дети привлекались на работу в еще более раннем возрасте[2].

* * *

Данные о возрастном составе фабрично-заводских рабочих за исключением данных первой всеобщей переписи населения 1897 г. в своей значительной части являются отрывочными и относятся преимущественно к рабочему составу предприятий отдельных районов. Помимо того распределение по отдельным возрастным группам в сохранившихся переписях и обследованиях было весьма разнородным. Последнее обстоятельство в значительной степени осложняло сопоставление этих данных, в особенности в динамическом разрезе. Но так как эти данные являются весьма существенными для характеристики состава промышленного пролетариата за дореволюционный период и необходимы при сопоставлениях с соответствующими данными за советский период, то мы считаем нужным привести в этом разделе наиболее существенные и массовые показатели, характеризующие возрастной состав рабочих капиталистической промышленности России.

---

[1] «Ремесленники и ремесленное управление в России», министерство торговли и промышленности, П. 1916, стр. 30—31.

[2] Е. Н. Андреев, указав, что «обыкновенно в кустарной семье ребенок начинает учиться работать раньше, чем в мастерской, принимающей учеников со стороны», приводит на основании материалов обследований кустарной промышленности в России, произведенных в конце 70-х и первой половине 80-х годов, следующие характерные данные: «...на гончарные заводы Александрийского уезда Херсонской губернии в ученики поступают подростки не моложе 14 лет, дома же начинают учиться 12-летние мальчики; в том же промысле Балахнинского уезда Нижегородской губернии ученики не бывают моложе 12 лет, а собственные дети кустаря принимаются за работу с 10-летнего возраста; в железо-медном промысле Безводного района Нижегородской губ. в ученики принимаются 10—12-летние мальчики, в семье же кустаря 7—8-летний ребенок уже поможет отцу, а к десяти годам он даже довольно сносно работает; в Красносельском металлическо-ювелирном районе Курляндской губ. дети в 7—8 лет уже занимаются полировкой и спайкой изделий; в семеновском ложкарном промысле дети начинают работать с 7 лет от роду; в производстве берд Арзамасского уезда—с 8 лет; в столярном—тоже с 8-ми» (*Е. Н. Андреев*, Обзор действия Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. XIV, СПБ 1885, стр. 433—434).

В текстовом обзоре к «Общей сводке санитарных исследований фабричных заведений Московской губ. за 1879—1885 гг.»[1] опубликованы данные о распределении фабрично-заводских рабочих по возрастным группам.

На основании этих данных составлена следующая таблица:

Распределение фабрично-заводских рабочих Московской губернии по возрастным группам

Возрастные группы	Мужчины	Женщины	Обоего пола
Всего учтено рабочих	65 041	36 200	101 241
Из них в % к итогу:			
моложе 10 лет	0,2	0,4	0,3
от 10 до 11 лет включительно .	1,8	2,3	2,0
» 12 » 14 » » .	8,3	10,9	9,2
» 15 » 16 » » .	7,9	13,8	10,0
» 17 » 39 » » .	61,8	61,2	61,6
» 40 » 59 » » .	17,9	10,9	15,4
» 60 лет и старше	2,1	0,5	1,5

Малолетние и подростки в первой половине 80-х годов были представлены в значительном числе среди фабрично-заводских рабочих Московской губернии. Так, в возрасте до 15 лет было учтено 11,5% и в возрасте 15—16 лет 10% общего числа рабочих.

Если распределить рабочих мужчин и работниц по трем основным возрастным группам, то представляется возможным установить следующие соотношения:

Возрастные группы	В % к итогу: мужчины	женщины
До 16 лет	18,2	27,4
17—39 лет	61,8	61,2
40 лет и старше . . .	20,0	11,4

В возрасте 17—39 лет представлена преобладающая масса учтенных рабочих мужчин и работниц, причем эти группы почти одинаковы: 61,8% общего числа рабочих мужчин и 61,2% работниц. Но в двух остальных возрастных группах показатели для рабочих мужчин и работниц в значительной степени различаются: работницы преобладают в младшей, рабочие мужчины—в старшей возрастной группе.

На основании материалов специальной переписи мы располагаем массовыми данными о распределении в 1897 г. фабрично-заводских рабочих Владимирской губернии по возрастным группам:

---

[1] «Сборник статистических сведений по Московской губернии». Отдел санитарной статистики, под ред. Ф. Ф. Эрисмана, т. IV, ч. I, стр. 182.

Распределение фабрично-заводских рабочих Владимирской губернии по возрастным группам в 1897 г.[1]

Возрастные группы	Мужчины	Женщины	Всего
Всего учтено рабочих в тыс.	71,2	45,6	116,8
Из них в % к итогу по возрастным группам:			
от 12 до 15 лет	2,3	1,6	2,0
» 15 » 17 »	6,0	7,7	6,7
» 17 » 20 »	13,6	20,4	16,3
» 20 » 25 »	17,0	21,5	18,7
» 25 » 30 »	16,3	16,2	16,3
» 30 » 40 »	25,3	21,9	24,0
» 40 » 50 »	12,9	8,1	11,0
» 50 » 60 »	4,6	2,2	3,7
60 лет и старше	2,0	0,4	1,3

В возрасте до 20 лет было учтено 25% общего числа рабочих, причем этот показатель был равен у рабочих мужчин 21,9%, а у работниц—29,7%. Вообще работницы были значительно представлены среди младших возрастных групп: в возрасте до 30 лет их насчитывалось $^2/_3$ их общей численности—67,4%. В возрасте 40 лет и старше оказалось всего 16% рабочих.

Обратимся к данным, полученным в результате разработки материалов первой всеобщей переписи населения 1897 г. Хотя распределение по возрастным группам, принятое в разработке материалов указанной переписи, является ограниченным (в частности укажем, что рабочие в возрасте 20—39 лет составляли одну лишь группу), все же эти данные явились наиболее массовыми и отразили возрастной состав рабочих фабрично-заводской промышленности в конце XIX в. В годы, предшествующие переписи, наблюдалось интенсивное вовлечение новых кадров в фабрично-заводскую промышленность. Следующие обстоятельства необходимо принимать во внимание при анализе нижеприведенных данных. При разработке материалов переписи населения 1897 г. рабочие распределялись по группам профессий, при этом чернорабочие, удельный вес которых являлся довольно высоким, не включались в подсчеты, а были выделены в особую группу «Поденщики и чернорабочие». В этой группе рабочие младших возрастов были представлены весьма значительно. В результате указанных обстоятельств и получался, несомненно несколько повышенный для рассматриваемого периода, удельный вес группы рабочих в возрасте 40 лет и старше.

[1] Таблица исчислена на основании данных, опубликованных в «Отчете чинов фабричной инспекции Владимирской губ. 1894—1897 гг.», Владимир 1899, стр. 207.

Распределение фабрично-заводских рабочих Европейской России по возрастным группам в 1897 г. [1]

Группы профессий	Всего распределено рабочих (в тыс.)	Из них в % к итогу в возрасте:						
		до 12 лет	13—14 лет	15—16 лет	17—19 лет	20—39 лет	40—59 лет	60 лет и старше
Добыча руд и копи	108,1	0,4	0,9	3,3	11,1	63,0	19,0	2,3
Выплавка металлов	38,4	0,3	1,3	4,7	10,4	54,9	25,0	3,4
Обработка волокнистых веществ	445,7	0,9	2,2	7,1	15,1	55,1	17,5	2,1
Обработка животных продуктов	59,9	1,2	3,9	7,3	14,0	51,4	19,0	3,2
Обработка дерева	144,6	1,3	4,7	8,8	14,6	50,6	17,4	2,6
Обработка металлов	316,3	0,8	3,1	8,1	15,7	55,1	15,5	1,7
Обработка минеральных веществ	65,3	1,6	4,1	7,8	13,9	51,3	18,2	3,1
Химические производства	54,1	0,4	2,0	6,5	14,2	58,6	16,5	1,8
Винокурение, пиво- и медоварение	32,5	0,1	0,6	3,1	12,9	65,8	15,7	1,8
Прочие напитки	3,6	0,3	1,7	4,9	13,0	61,9	16,1	2,1
Обработка растительных и животных продуктов	158,4	0,8	2,8	6,2	13,8	54,8	18,7	2,9
Табачное производство	25,4	1,2	4,7	9,9	18,5	52,0	12,5	1,2
Полиграфическое производство	46,5	2,6	8,0	14,0	18,8	47,6	8,2	0,8
Производство инструментов	7,0	2,9	11,4	17,1	20,0	40,0	7,2	1,4
Всего	1505,8	0,9	3,0	7,3	14,6	54,9	17,1	2,2

В среднем фабрично-заводские рабочие в 1897 г. по основным возрастным группам распределялись следующим образом:

В возрасте до 20 лет . . . . . 25,8% общей численности
» » » 20—39 лет . . . . . 54,9% » »
» » » 40 лет и старше . . . 19,3% » »

Этот сравнительно высокий удельный вес рабочих младших возрастных групп (25,8%) объясняется, помимо влияния ряда

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в следующих изданиях: «Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Численность и состав рабочих в России», под ред. Н. А. Тройницкого, т. I, П. 1906, и *Б. А. Кадомцев*, Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г., П. 1909, приложение III.

других факторов, также тем обстоятельством, что рассматриваемая перепись была произведена в 1897 г., после десятилетия весьма интенсивного роста численности рабочих, причем в фабрично-заводскую промышленность вовлекались в значительных размерах рабочие в возрасте до 20 лет.

В возрасте до 20 лет было учтено в полиграфической промышленности 43,4%, в табачной промышленности—34,3 и в обработке дерева—29,4% рабочих указанных отраслей. Вследствие значительного развития ученичества в возрасте до 14 лет было занято в производстве инструментов 14,3% и в полиграфическом производстве—10,6% рабочих.

В возрасте 20—39 лет повышенные показатели следует отметить в винокурении и пивоваренном производстве (65,8%) и в добыче руд и в копях (63%).

Рабочие в возрасте 40 лет и старше наиболее значительно были представлены в выплавке металлов (28,4%) и незначительно в полиграфическом производстве (9%).

О распределении фабрично-заводских рабочих и работниц всех производств и в частности занятых в обработке волокнистых веществ по возрастным группам в 1897 г. можно судить по следующим данным:

Распределение фабрично-заводских рабочих и работниц Европейской России в 1897 г. по возрастным группам

Возрастные группы	Все производства		В том числе обработка волокнистых веществ	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Всего распределено рабочих (в тыс.)	1 240,7	264,0	256,9	188,8
Из них в % к итогу в возрасте:				
до 12 лет	0,8	1,4	0,7	1,2
13—14 »	2,9	3,1	2,0	2,4
15—16 »	6,9	9,0	6,1	8,1
17—19 »	13,9	18,3	13,5	17,3
20—39 »	55,3	53,3	55,2	55,5
40—59 »	17,9	13,2	20,3	13,8
60 лет и старше	2,3	1,7	2,2	1,7

Удельный вес рабочих и работниц в возрасте 20—39 лет был сравнительно близким. Но рабочие и работницы фабрично-заводской промышленности значительно различались по их распределению в младших и старших возрастных группах. Так, в возрасте до 20 лет было учтено среди рабочих мужчин 24,5% и среди работниц 31,8%, а в возрасте 40 лет и старше среди рабочих 20,2% и среди работниц 14,9% их общей численности.

По материалам, опубликованным в работе А. Н. Чиколева[1], мы располагаем данными о распределении в 1906 г. рабочих одного из крупных петербургских металлургических заводов—Балтийского—по возрастным группам:

Распределение рабочих Балтийского завода по возрастным группам в 1906 г.

Возрастные группы	Всего по заводу	В том числе по специальностям					
		слесаря	подручные	плотники и шаблонщики	сверловщики и обрубщики	сборщики	станочники
Всего учтено рабочих . .	4 551	751	487	500	460	394	310
В том числе в % к итогу в возрасте:							
до 21 года	13,1	9,1	16,6	8,6	7,8	1,3	12,0
21—30 лет	33,2	32,8	40,5	19,6	52,2	30,2	30,9
31—40 »	35,5	37,6	34,1	46,2	31,3	49,0	29,7
41—50 »	14,4	15,9	8,0	21,4	7,4	16,7	19,0
старше 50 лет	3,8	4,6	0,8	4,2	1,3	2,8	8,4

Данные эти были получены в результате общего медицинского переосвидетельствования рабочих, произведенного при приеме рабочих в начале 1906 г. А. Н. Чиколев указывает, что «8 декабря 1905 г. на политической почве по сочувствию, произошла полная забастовка мастеровых и рабочих Балтийского завода». Численность рабочих в 1906 г. была ниже численности рабочих за предыдущие годы, так как не все рабочие были приняты обратно. Вероятно, что при этом новом приеме часть рабочих младших возрастных групп не была принята, и поэтому можно предположить, что удельный вес рабочих старших возрастных групп является несколько повышенным. В среднем по заводу было учтено в возрасте до 21 года 13,1%, в возрасте 21—40 лет—68,7 и в возрасте старше 40 лет—18,2% общей численности рабочих. В других заводах металлопромышленности процент рабочих в последней группе был ниже. Распределение многочисленной профессии слесарей по возрастным группам в общем совпадало со средним по заводу. Отметим также, что в возрасте старше 30 лет сравнительно значительное число рабочих оказалось среди плотников и шаблонщиков—71,8% и сборщиков—68,5%.

На основании данных переписи 1902 г. мы располагаем мас-

[1] *А. Н. Чиколев*, Опыт исследования по влиянию заводских работ на заболеваемость и состояние здоровья рабочих, П. 1909.

совыми данными о распределении рабочих фабрик и заводов Москвы по возрастным группам в начале XX в.:

Распределение рабочих фабрик и заводов Москвы в 1902 г. по возрастным группам[1]

Возрастные группы	Мужчины	Женщины	Всего
Всего распределено рабочих по возрасту (в тыс.)	77,9	29,7	107,6
Из них в % к итогу в возрасте:			
до 14 лет	0,9	0,8	0,9
15—17 »	10,3	11,1	10,5
17—19 »	9,4	10,6	9,6
20—24 »	17,3	21,3	18,5
25—29 »	17,5	17,8	17,6
30—39 »	24,4	22,5	23,9
40—49 »	14,2	11,2	13,3
50—59 »	4,9	3,8	4,6
60 лет и старше	1,1	0,9	1,1

В наиболее работоспособных возрастных группах (20—39 лет) оказалось до 60% общей численности переписанных рабочих; соответствующие показатели для рабочих мужчин—59,2%, а для работниц—61,6%. В младших возрастных группах (до 19 лет) работницы были несколько более значительно представлены—22,5%, чем рабочие мужчины—20,6%. В возрастных группах 40 лет и старше всего было учтено 19% общей численности переписанных фабрично-заводских рабочих Москвы, причем удельный вес численности рабочих этих возрастных групп оказался повышенным для мужчин—20,2%—по сравнению с работницами—15,9%.

В этом отношении представляют значительный интерес сравнительные данные о возрастном составе населения Глуховской фабрики и Богородского уезда во второй половине 90-х годов[2]:

Возрастные группы	Возрастной состав населения (в % к его численности)	
	Глуховской фабрики	Богородского уезда
0— 9 лет	24,4	24,9
11—19 »	21,2	20,5
20—29 »	22,6	16,1
30—39 »	17,3	13,2
40—49 »	9,0	10,1
50—59 »	3,8	7,6
60 лет и старше	1,7	7,6

По данным, относящимся ко второй половине 90-х годов, было учтено в наиболее работоспособном возрасте 20—39 лет среди

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в издании «Перепись Москвы 1902 г. Население», ч. I, вып. 2, М. 1906, стр. 2—7.

[2] *С. М. Богословский*, Заболеваемость фабричных рабочих Богородско-Глуховской и Истоминской мануфактур Богородского уезда за 1896—1900 гг., изд. Московского губернского земства, М. 1906, стр. 21—28.

населения Глуховской фабрики почти 40%, а среди населения Богородского уезда—29%. Иные соотношения можно было проследить для старших возрастных групп: среди населения Глуховской фабрики в возрасте старше 50 лет оказалось 5,5%, а среди населения Богородского уезда—15,2%. Приводим заключение С. М. Богословского, основанное на анализе этих данных:

«Сравнение возрастного состава населения Глуховской фабрики с составом населения всего Богородского уезда показывает, что фабрика как из среды мужчин, так и из среды женщин притягивает к себе наиболее сильный молодой возраст из населения до 40 лет, последующие же старшие возрасты с значительной энергией отталкивает от себя, особенно в среде мужчин, отпуская их, очевидно, то в раннюю могилу, то в виде инвалидов назад в деревню»[1].

На основании материалов обследования фабрично-заводской промышленности Московской губернии, произведенного в начале 80-х годов, Е. М. Дементьев, отметив сравнительно незначительный удельный вес рабочих в возрасте старше 40 лет в отношении всей массы рабочих по обработке волокнистых веществ и приведя также таблицы возрастного состава рабочих по отдельным занятиям, писал: «Таблицы эти говорят нам, что исчезновение рабочих после сорокалетнего возраста имеет место не по всем занятиям в одинаковой степени; напротив, различия очень велики, но все в одном направлении: *чем хуже условия работы, тем относительно меньшее число рабочих мы находим свыше сорокалетнего возраста...*

Куда же уходят после 40 лет рабочие с менее здоровых занятий и в особенности рабочие, обрабатывающие волокнистые вещества?—На кладбище. Но лишь немногие из них умирают на фабриках. Наш рабочий идет умирать «на родину». Сплошь и рядом он знает свою деревню лишь понаслышке от отца, да из своего паспорта, но достаточно, если он знает о существовании там какого-нибудь родственника,—он идет «на родину». Найдутся статистики, которые докажут нам на основании безусловно верных цифр ошибочность нашего взгляда на фабрику и укажут на более высокую смертность в деревне и на меньшую в более «культурных центрах»—на фабриках. Но земские врачи, знающие население своих участков и ведущие по собственной инициативе посемейные списки заболеваемости и смертности, и пока только они одни знают истинную причину этой высокой смертности: город и фабрику. Они знают, что на другой же день по приезде «на родину» вернувшийся с фабрики рабочий будет сидеть в их амбулатории со всеми признаками различных неизлечимых легочных страданий и по прошествии очень короткого времени будет отмечен в их списках «умер от чахотки»[2].

---

[1] *С. М. Богословский*, Заболеваемость фабричных рабочих Богородско-Глуховской и Истоминской мануфактур Богородского уезда за 1896—1900 гг., изд. Московского губернского земства, М. 1906, стр. 163.

[2] *Е. М. Дементьев*, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, изд. 2-е, М. 1897, стр. 245—246 и 248—249.

Весьма характерными в этом отношении представляются также материалы обследования 1899 г. о распределении по возрастным группам свыше 18 тыс. рабочих и служащих бакинской нефтяной промышленности. Были обследованы Балахано-Сабунчинские промыслы [1]. Средний возраст обследованных рабочих за исключением учеников достигал лишь 26,7 года. Обратимся к данным о распределении по возрастным групам:

Распределение по возрастным группам рабочих и служащих бакинской нефтяной промышленности в 1899 г.

	Возрастные группы	Абсолютно	В %
Моложе	15 лет	322	1,7
	15—20 лет	3 842	20,9
	20—30 »	9 620	52,2
	30—40 »	3 448	18,8
	40—50 »	942	5,1
	50 лет и старше	243	1,3
	Всего	18 417	100,0

Наиболее многочисленные группы рабочих бакинской нефтяной промышленности, по данным обследования 1899 г., были в возрасте 20—30 лет; в этой группе оказалось свыше половины общей численности учтенных рабочих (52,2%). Этот показатель был резко повышенным по сравнению с соответствующим в других отраслях промышленности. Значительно представлены были также рабочие в двух других возрастных группах: в возрасте 15—20 лет—20,9% и в возрасте 30—40 лет—18,8%. Весьма пониженным оказался удельный вес рабочих в возрасте 40 лет и старше—лишь 6,4% общей численности рабочих.

Отмечая столь незначительное число рабочих в старших возрастных группах, Т. Е. Старцев писал:

«Куда же, спрашивается, деваются промысловые рабочие по достижении ими сорока лет? Категорически ответить на этот вопрос не берусь, но во всяком случае достоверно одно: покидают они промыслы не для того, чтобы отдыхать на родине, вкушая от плодов своего промыслового труда, на сделанные сбережения». Указав на отсутствие сбережений у рабочих, Т. Е. Старцев продолжал:

«Зная же условия жизни и труда на наших промыслах, с известной вероятностью можно так ответить на поставленный выше вопрос: с каждым годом организм промыслового рабочего изнашивается все сильнее, и к сорока годам он превращается в большинстве случаев в инвалида, неспособного от преждевременной старости и болезней к производительному труду. Уходит он на родину не по доброй воле и гонит его туда не поэтичная тоска по ней, а тяжелая, глубоко прозаичная необходимость» [2].

---

[1] См. доклад *Т. Е. Старцева*, Рабочие и служащие на нефтяных промышленных заводах, в журн. «Нефтяное дело» № 5, 1900.

[2] Там же.

В этом же докладе Т. Е. Старцев, приведя данные о числе рабочих в возрасте 40 лет и старше по отдельным профессиям, отмечал также влияние тяжелых условий труда на возраст рабочих:

«Хуже всего обставлен труд тормозовых, ключников, тартальщиков и помощников буровых мастеров, в большинстве случаев тех же ключников. У рабочих этой категории труда из ста человек переходит сорокалетний возраст 2—3 человека».

В некоторых производствах исключительно тяжелые условия работы требовали физически крепких работников, и это обстоятельство в значительной степени влияло на возрастной состав рабочих. Так, И. Л. Лиссер[1] приводит следующие данные о распределении рабочих ряда рудников железорудной промышленности Криворожского района по возрастным группам в начале XX в.:

Возрастные группы	В % к итогу
От 18 до 20 лет	14,5
» 21 » 25 »	44,7
» 26 » 30 »	29,2
» 31 » 35 »	6,6
» 36 » 40 »	3,3
Старше 40 »	1,7

Таким образом, в возрасте 18—30 лет оказалось почти 90% учтенных рабочих железорудной промышленности. На возрастные группы старше 35 лет приходилось лишь 5% рабочих.

Условия работы в указанной отрасли промышленности были таковы, что И. Л. Лиссер был вынужден указать, что «и эти сильные и здоровые люди, за небольшим исключением, не могут долго и непрерывно заниматься горными работами. Проработав некоторое время, более или менее продолжительное в зависимости от индивидуальности, они рассчитываются и уезжают на родину»[2].

Приведенные данные в отношении возрастного состава капиталистической промышленности России хотя по состоянию статистических материалов являются отрывочными, все же безусловно характеризуют то положение, о котором К. Маркс писал в «Капитале»: «К тому же капитал потребляет рабочую силу так быстро, что рабочий уже в среднем возрасте оказывается более или менее одряхлевшим. Он попадает в ряды избыточных или оттесняется с высшей ступени на низшую, в то время как его место занимает более свежая рабочая сила. Как раз у рабочих крупной промышленности мы наталкиваемся на самую короткую продолжительность жизни»[3].

---

[1] См. *И. Л. Лиссер*, Горнорабочие на железных рудниках Криворожского района, «Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова» № 8, 1907, стр. 749—750.

[2] Там же.

[3] *Маркс*, Капитал, т. I, 1935, стр. 511.

ГЛАВА 7

ИЗМЕНЕНИЯ В ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

В четвертой главе при характеристике динамики численности промышленного пролетариата за капиталистическую эпоху мы уже указали, что эту главу закончим 1913 г., а характеристика соответствующих изменений за 1914—1917 гг. будет выделена в специальную главу. Это вызвано следующими обстоятельствами. Империалистическая война внесла значительные изменения как в развитие самой промышленности, так и относительно численности и состава занятых в ней рабочих. В частности необходимо отметить следующие моменты: работа промышленности в течение рассматриваемого периода была направлена преимущественно на нужды, связанные с войной; в результате мобилизации, в особенности в первой ее стадии, была отвлечена от работы в промышленности часть фабрично-заводских рабочих; своеобразные условия пополнения рабочего состава промышленности в годы войны.

Показатели динамики численности рабочих фабрично-заводской промышленности за период империалистической войны, опубликованные в ряде работ, весьма часто основаны или на материалах, относящихся к кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, или, главным образом, на данных, относящихся к еще менее значительному кругу предприятий, на которых распространилась промышленная перепись 1918 г. Тот и другой источник не включают основной массы предприятий горнозаводской промышленности, военных и морских заводов, в которых происходил более интенсивный рост численности рабочих за период империалистической войны. В отношении территориального охвата следует также отметить, что промышленная перепись 1918 г. не распространилась на такие важнейшие индустриальные районы, как Украина и Урал.

Помимо того в подавляющем большинстве случаев из материалов промышленной переписи 1918 г. были использованы данные в отношении не всего числа обследованных предприятий, а лишь определенного более узкого круга предприятий, а именно «непрерывно действующих заведений на 1913—1918 гг.».

В «Статистическом сборнике за 1913—1917 гг.»[1] опубликованы данные о численности рабочих, занятых в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, за 1913—1916 гг., причем за 1913—1915 гг. помимо итоговых данных опубликованы также данные по губерниям в пределах отдельных производств. За 1916 г. опубликованы лишь две итоговые таблицы: первая—по группам производств, вторая—по губерниям. На основании этих материалов и составлены все нижепомещаемые таблицы о динамике чис-

[1] «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 1, изд. ЦСУ, М. 1921, стр. 4—39.

ленности рабочих в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции.

За все эти четыре года данные о промышленных предприятиях, находящихся в Варшавском фабричном округе (10 губерний бывшего Царства Польского, Виленская, Ковенская и Гродненская губернии), в «Статистическом сборнике за 1913—1917 гг.» не приводятся. Данные по губерниям Лифляндской, Курляндской и Эстляндской хотя и представилось возможным выделить из итогов за 1913—1915 гг., но за 1916 г. их по производствам в отдельных губерниях не было. Поэтому для того, чтобы проследить динамику численности рабочих за четыре года по производствам, пришлось оставить данные и в отношении этих губерний за 1913—1915 гг. Но на динамические показатели по всей промышленности и по отраслям промышленности это не могло повлиять в значительной степени, так как все число рабочих в этих трех губерниях составляло в 1913 г. 2—3% общей численности рабочих, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции. Показатели, исчисленные на основании этих материалов, представляют весьма существенный интерес при исследовании динамики численности рабочих за период империалистической войны, так как они основаны на наиболее массовом материале. В этих промышленных заведениях было занято около 2 млн. фабрично-заводских рабочих. Все же, несмотря на всю массовость этих данных, они безусловно не могут отразить динамики численности рабочих по всей фабрично-заводской промышленности в период империалистической войны, так как эти статистические данные не охватывали горной и горнозаводской промышленности, казенных заводов, а именно в этих отраслях промышленности за рассматриваемый период и происходил наиболее интенсивный рост численности рабочих. В дальнейшем изложении мы приводим данные и в отношении горной и горнозаводской промышленности и пытаемся также исчислить динамические показатели численности рабочих, занятых во всей фабрично-заводской промышленности. Следует также оговорить, что последние опубликованные сводные данные о предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, были приурочены к 1 января 1917 г. (за 1916 г).

После этих предварительных замечаний обратимся к характеристике динамических процессов в отношении численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции (см. табл. на стр. 241).

В итоге по всему кругу предприятий рассматриваемой группы промышленности численность рабочих в 1914 и 1915 гг. даже несколько снизилась по сравнению с численностью предыдущего года. В 1916 г. численность рабочих повысилась на 8,9%. В итоге за три года—с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.—численность рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, повысилась на 6,5%. В отношении отдельных отраслей промышленности мы наблюдаем в результате всех особенностей динамики численности рабочих в период империалистической войны

Динамика численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.

Отрасли промышленности	Численность рабочих (в тыс.)				В % к предыдущему году			
	1 января 1914 г.	1 января 1915 г.	1 января 1916 г.	1 января 1917 г.	1 января 1915 г. к 1 января 1914 г.	1 января 1916 г. к 1 января 1915 г.	1 января 1917 г. к 1 января 1916 г.	1 января 1917 г. в % к 1 января 1914 г.
Обработка хлопка	496,6	485,6	479,3	458,8	97,8	98,7	95,7	92,4
» шерсти	94,5	93,9	86,9	87,7	99,4	92,5	100,9	92,8
» шелка	31,5	31,3	27,5	26,7	99,4	87,9	97,1	84,8
» льна, пеньки и джута	89,6	96,9	103,2	108,1	108,1	106,5	105,4	121,4
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	27,8	29,1	33,6	42,0	104,7	115,5	125,0	151,1
Всего по текстильной промышленности	740,0	736,8	730,5	724,0	99,6	99,1	99,1	97,8
Производства бумажные и полиграфические	94,3	92,2	82,5	80,5	97,8	89,5	97,6	85,4
Механическая обработка дерева	116,0	106,3	79,3	87,8	91,6	74,6	110,7	75,7
Обработка металлов	327,8	347,0	416,7	546,1	105,9	120,1	131,1	166,6
» минеральных веществ	187,9	174,1	114,9	101,6	92,7	66,0	88,4	54,1
» животных продуктов	45,1	50,5	61,2	70,2	112,0	121,2	114,7	155,7
» пищевых и вкусовых веществ	329,0	330,9	319,6	338,6	100,6	96,6	105,9	102,9
Химические производства	81,3	76,8	70,2	92,7	94,5	91,4	132,1	114,0
Добывающая промышленность	37,5	38,3	39,5	41,3	102,1	103,1	104,6	110,1
Электрические станции и прочие производства, не вошедшие в предыдущие группы	7,1	8,1	7,9	11,0	114,1	97,5	139,2	154,9
Всего	1 966,0	1 961,0	1 922,3	2 093,8	99,7	98,0	108,9	106,5

исключительную неравномерность. Как и следовало ожидать, значительно повысилась за этот период численность фабрично-заводских рабочих в производствах, связанных с работой на оборону, а именно в производствах по обработке металлов—на 66,6%, в обработке животных продуктов (за счет обувной)—на 55,6%, в смешанных производствах по обработке волокнистых веществ (преимущественно за счет швейной)—на 51%. Одновременно за рассматриваемый период снизили свою численность основные отрасли текстильной промышленности, бумажная и полиграфическая промышленность, производства по обработке дерева и минеральных веществ,—в двух последних отраслях промышленности в результате уменьшения строительства. Еще раз следует подчеркнуть, что прирост численности рабочих с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. по кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, в 6,5% далеко не отражает тех значительных как динамических процессов, так и структурных сдвигов, которые произошли за эти годы в отношении численности фабрично-заводских рабочих.

В следующей таблице приведены наиболее существенные показатели для характеристики процессов в области динамики рабочего состава фабрично-заводской промышленности в период империалистической войны по важнейшим отраслям промышленности с учетом изменений по полу и основным возрастным группам, (см. табл. на стр. 243).

При общем приросте численности рабочих за три года в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, в 127,6 тыс. человек численность рабочих взрослых мужчин уменьшилась на 156,8 тыс. человек, или на 12,6%, численность же взрослых женщин увеличилась на 198,6 тыс. человек, или на 38,3%, а группы подростков и малолетних обоего пола—на 85,8 тыс. человек, или на 41,4%.

В текстильной промышленности уменьшение численности взрослых мужчин за три года было настолько значительным (за три года на 103,9 тыс. человек, или на 34,7%), что хотя за этот же период возросла численность взрослых работниц и группы подростков и малолетних, все же общая численность рабочих текстильной промышленности уменьшилась, хотя следует отметить, что это уменьшение было сравнительно незначительным. Из основных отраслей промышленности лишь в производствах по обработке металла произошел как общий рост численности рабочих—за три года на 66,6%,—так и рост численности отдельных групп. Этот прирост численности рабочих был весьма неравномерным: темп прироста численности взрослых работниц был более чем в 10 раз выше темпа прироста численности взрослых рабочих мужчин, хотя в абсолютных цифрах прирост численности взрослых работниц в металлопромышленности был сравнительно невысоким.

Обратимся к более детальным показателям.

Численность рабочих мужчин всех возрастных групп за рассматриваемый период уменьшилась по всему кругу предприятий,

Изменения численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.

Отрасли промышленности	Увеличение (+) или уменьшение (−) числа рабочих с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.							
	в тыс.				в %			
	взрослые мужчины	взрослые женщины	подростки и малолетние обоего пола	все рабочие	взрослые мужчины	взрослые женщины	подростки и малолетние обоего пола	все рабочие
Все предприятия, подчиненные надзору фабричной инспекции	−156,8	+198,6	+85,8	+127,6	−12,6	+ 38,3	+ 41,4	+ 6,5
В том числе:								
текстильная промышленность	−103,9	+ 59,9	+28,4	− 15,8	−34,7	+ 16,8	+ 34,4	− 2,1
обработка металла	+112,4	+ 73,4	+32,4	+218,2	+40,0	+489,3	+102,2	+66,6
обработка пищевых и вкусовых веществ .	− 47,9	+ 37,5	+20,0	+ 9,6	−19,7	+ 60,5	+ 83,3	+ 2,9

подчиненных надзору фабричной инспекции, на 102 тыс. человек, или на 7,5%.

Динамика численности рабочих мужчин, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.

Отрасли промышленности	Численность рабочих мужчин[1] (в тыс.)		Увеличение (+) или уменьшение (—) с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.	
	1 января 1914 г.	1 января 1917 г.	в тыс.	в %
Обработка хлопка	215,3	140,4	— 74,9	—34,8
» шерсти	55,1	43,0	— 12,1	—22,0
» шелка	10,2	8,2	— 2,0	—19,6
» льна, пеньки и джута	40,3	37,5	— 2,8	— 6,9
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	11,6	10,0	— 1,6	—13,8
Всего по текстильной промышленности	332,5	239,1	— 93,4	— 28,1
Производства бумажные и полиграфические	71,6	49,7	— 21,9	— 30,6
Механическая обработка дерева	104,4	71,1	— 33,3	— 31,9
Обработка металлов	311,1	448,0	+136,9	+ 44,0
» минеральных веществ	147,5	70,4	— 77,1	— 52,3
» животных продуктов	37,3	49,1	+ 11,8	+ 31,6
» пищевых и вкусовых веществ	256,7	221,5	— 35,2	— 13,7
Химические производства	51,0	55,7	+ 4,7	+ 9,2
Добывающая промышленность	37,5	41,3	+ 3,8	+ 10,1
Электрические станции и производства, не вошедшие в прочие группы	6,8	8,8	+ 2,0	+ 29,4
Всего	1 356,4	1 254,7	—101,7	— 7,5

Динамика численности рабочих мужчин по важнейшим отраслям промышленности была весьма неравномерной. С 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. численность рабочих мужчин в производствах по обработке металла повысилась на 44%, за тот же период численность рабочих мужчин в текстильной промышленности уменьшилась на 28,1% и в обработке минеральных веществ на 52,3%.

Остановимся более подробно на динамике численности работниц[2] и группы подростков и малолетних в период империалистической войны.

В следующей таблице приводятся данные об изменении численности всех работниц по отраслям промышленности:

[1] Включая подростков и малолетних.
[2] То же

Динамика численности работниц[1], занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.

Отрасли промышленности	Численность работниц (в тыс.)		Увеличение (+) или уменьшение (—) с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.	
	1 января 1914 г.	1 января 1917 г.	в тыс.	в %
Обработка хлопка	281,3	318,4	+ 37,1	+ 13,2
» шерсти	39,4	44,7	+ 5,3	+ 13,5
» шелка	21,3	18,6	— 2,7	— 12,7
» льна, пеньки и джута	49,3	71,3	+ 22,0	+ 44,6
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	16,2	32,1	+ 15,9	+ 98,1
Всего по текстильной промышленности	407,5	485,1	+ 77,6	+ 19,0
Производства бумажные и полиграфические	22,7	30,8	+ 8,1	+ 35,7
Механическая обработка дерева	11,6	16,6	+ 5,0	+ 43,1
Обработка металлов	16,7	98,1	+ 81,4	+487,4
» минеральных веществ	40,4	31,2	— 9,2	— 22,8
» животных продуктов	7,8	21,1	+ 13,3	+170,5
» пищевых и вкусовых веществ	72,3	117,1	+ 44,8	+ 62,0
Химические производства	30,3	37,0	+ 6,7	+ 22,1
Добывающая промышленность	—	—	—	—
Электрические станции и прочие производства, не вошедшие в предыдущие группы	0,3	2,1	+ 1,8	+600,0
Всего	609,6	839,1	+229,5	+ 37,6

Из общего прироста численности работниц по кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. в 229,5 тыс. человек на три отрасли промышленности—текстильную, обработку металла и обработку пищевых и вкусовых веществ — приходится 203,8 тыс. человек, или 89,2% общего прироста. В отношении отдельных отраслей промышленности следует отметить, что в текстильной промышленности хотя абсолютный прирост численности работниц был сравнительно значительным, темп прироста оказался сравнительно невысоким—19%. В производствах по обработке металла еще в 1913 г. было занято незначительное число работниц—около 17 тыс., и хотя абсолютная численность работниц увеличилась за три года почти в шесть раз, все же прирост в абсолютных цифрах почти совпадал с приростом численности работниц в текстильной промышленности.

[1] Включая подростков и малолетних.

Еще в двух производствах, связанных с обороной, а именно в смешанных производствах по обработке волокнистых веществ (преимущественно швейная промышленность) и в обработке животных продуктов (обувная), наблюдался более интенсивный темп роста численности работниц. Соответствующие показатели численности работниц с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. были 98,2 и 170,5%.

В результате значительного роста численности работниц при одновременном сокращении численности рабочих мужчин произошло резкое повышение удельного веса работниц в общей массе рабочих.

Динамика удельного веса работниц по отраслям промышленности с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.

Отрасли промышленности	% работниц среди всех рабочих			
	1 января 1914 г.	1 января 1915 г.	1 января 1916 г.	1 января 1917 г.
Обработка хлопка	56,6	58,6	63,9	69,4
» шерсти	41,7	43,9	49,1	51,0
» шелка	67,6	66,0	65,9	69,4
» льна, пеньки и джута	55,0	57,2	61,9	65,5
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	58,3	62,7	71,1	76,2
Всего по текстильной промышленности	55,1	57,0	62,3	67,0
Производства бумажные и полиграфические	24,1	25,0	30,2	38,3
Механическая обработка дерева	10,0	11,5	14,0	18,9
Обработка металла	5,1	5,5	11,0	18,0
» минеральных веществ	21,5	18,3	24,7	30,7
» животных продуктов	17,3	19,0	26,1	30,1
» пищевых и вкусовых веществ	22,0	23,3	28,9	34,6
Химические производства	37,3	37,7	39,2	39,9
Добывающая промышленность	—	—	—	—
Электрические станции и прочие производства, не вошедшие в предыдущие группы	4,2	8,1	10,3	19,3
Всего	31,0	31,8	36,5	40,1

В среднем по всему кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, процент работниц повысился с 33,4 на 1 января 1914 г. до 40,1 на 1 января 1917 г. В текстильной промышленности, в которой к началу 1914 г. было занято $^2/_3$ общего числа работниц, удельный вес работниц повысился с 55,1% на 1 января 1914 г. до 67% на 1 января 1917 г. Резко повысился

удельный вес работниц, в особенности в 1915 и 1916 гг., в производствах по обработке металла. В этой отрасли промышленности численность работниц на 1 января 1914 г. составляла 5,5%, а на 1 января 1917 г.—18% общего числа рабочих. Отметим также сравнительно высокий рост удельного веса работниц в производствах бумажном и полиграфическом—с 24,1% в 1913 г. до 38,3% в 1916 г.—и в механической обработке дерева—с 10 до 18,9% за этот же период.

Группа малолетних и подростков повысила свою численность в фабрично-заводской промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, с 206,8 тыс. в 1913 г. до 296,5 тыс. человек в 1916 г., или на 43,4%. Как видно, темп прироста группы малолетних и подростков даже несколько превышал темп прироста женщин в промышленности.

Динамика численности рабочих малолетних и подростков, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.

Отрасли промышленности	Численность малолетних и подростков (в тыс.)		Увеличение (+) или уменьшение (—) с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.	
	1 января 1914 г.	1 января 1917 г.	в тыс.	в %
Обработка хлопка	50,3	63,0	+12,7	+ 25,2
» шерсти	11,3	14,6	+ 3,3	+ 29,2
» шелка	4,0	5,5	+ 1,5	+ 37,5
» льна, пеньки и джута	14,5	23,1	+ 8,6	+ 59,3
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	2,4	4,7	+ 2,3	+ 95,8
Всего по текстильной промышленности	82,5	110,9	+28,4	+ 34,4
Производства бумажные и полиграфические	16,7	19,0	+ 2,3	+ 13,8
Механическая обработка дерева	9,8	11,5	+ 1,7	+ 17,3
Обработка металлов	31,7	64,1	+32,4	+102,2
» минеральных веществ	28,2	19,3	— 8,9	— 31,6
» животных продуктов	4,0	12,5	+ 8,5	+212,5
» пищевых и вкусовых веществ	24,0	44,0	+20,0	+ 83,3
Химические производства	9,3	13,4	+ 4,1	+ 44,1
Добывающая промышленность	0,1	0,8	+ 0,7	+700,0
Электрические станции и другие производства, не вошедшие в предыдущие группы	0,5	1,0	+ 0,5	+100,0
Всего	206,8	296,5	+89,7	+43,4

Из общего прироста численности рабочих этой группы резко преобладающая часть приходится на три отрасли: текстильную промышленность, обработку металла и обработку пищевых и вкусовых веществ.

Общее число малолетних и подростков на начало 1914 и 1917 гг. распределялось по этим возрастным группам следующим образом:

Возрастные группы	В тыс.		В % к итогу	
	1 января 1914 г.	1 января 1917 г.	1 января 1914 г.	1 января 1917 г.
Малолетние от 12 до 15 лет	30,3	49,9	14,6	17,0
Подростки » 15 » 17 »	176,7	242,9	85,4	83,0
Всего . . .	207,0	292,8	100,0	100,0

Таким образом, число малолетних рабочих достигало в 1916 г. 50 тыс. человек, причем их удельный вес в общей численности малолетних и подростков повысился с 14,6% в 1913 г. до 17% в 1916 г. По полу малолетние рабочие и подростки распределяются следующим образом: в 1913 г. малолетних и подростков мужского пола было 122,8 тыс., женского пола—84,2 тыс. человек. Соответствующие показатели для 1917 г.—170,7 тыс. и 122,1 тыс. человек.

Об изменениях удельного веса малолетних и подростков в общей численности рабочих за 1913 —1916 гг. можно проследить по следующим данным (см. табл. на стр. 249).

По всему кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, удельный вес группы рабочих малолетних и подростков повысился с 10,6% на 1 января 1914 г. до 14,1% на 1 января 1917 г. Приведенные данные показывают, что повышение удельного веса рассматриваемых возрастных групп наблюдалось во всех отраслях промышленности, причем в более интенсивном темпе оно происходило в производствах по обработке животных продуктов и пищевых и вкусовых веществ. Удельный вес группы рабочих малолетних и подростков был к началу 1917 г. весьма повышенным в ряде производств и достигал в бумажном и полиграфическом производстве 23,6%, в обработке льна, пеньки и джута—21,2 и в обработке шелка—20,6% общей численности рабочих этих производств.

На основании данных указанной разработки материалов промышленной переписи 1918 г. составлены следующие таблицы о динамике численности рабочих фабрично-заводской промыш-

Динамика удельного веса рабочих малолетних и подростков по отраслям промышленности за 1913—1916 гг.

Отрасли промышленности	% малолетних и подростков среди всех рабочих			
	1 января 1914 г.	1 января 1915 г.	1 января 1916 г.	1 января 1917 г.
Обработка хлопка	10,1	10,8	12,6	13,7
» шерсти	12,0	12,4	14,8	16,6
» шелка	12,7	14,1	17,8	20,5
» льна, пеньки и джута	16,2	17,8	20,0	21,2
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	8,6	6,8	9,0	11,2
Всего по текстильной промышленности	11,1	11,9	13,9	15,3
Производства бумажные и полиграфические	17,7	17,9	21,0	23,6
Механическая обработка дерева	8,4	9,2	12,2	13,1
Обработка металлов	9,7	9,6	10,8	11,7
» минеральных веществ	15,0	15,0	18,0	19,0
» животных продуктов	8,9	9,1	10,8	17,8
» пищевых и вкусовых веществ	7,3	8,1	11,3	13,0
Химические производства	11,4	11,9	14,2	14,5
Добывающая промышленность	0,3	0,4	1,1	1,9
Электрические станции и прочие производства, не вошедшие в предыдущие группы	7,0	5,2	6,4	9,2
Всего	10,5	11,0	12,9	14,2

ленности за 1913—1917 гг.[1] В 3043 «непрерывно действующих одних и тех же промышленных заведениях» было занято около 40% всей численности фабрично-заводских рабочих.

Динамика численности рабочих в 3 043 непрерывно действующих одних и тех же промышленных заведениях за 1913—1917 гг.

Годы	Среднее суточное число рабочих (в тыс.)	Прирост за год		В % к 1913 г.
		в тыс.	в %	
1913	987,4	—	—	100,0
1914	1 012,8	25,4	2,6	102,6
1915	1 059,4	46,6	4,6	107,3
1916	1 125,4	66,0	6,2	114,0
1917	1 170,3	44,9	4,0	118,5

[1] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», изд. ЦСУ, М. 1926, стр. 110—125.

Следовательно, в отношении этого круга промышленных предприятий прирост численности рабочих за 1913—1917 гг. составил 18,5%. Несомненно, что и этот показатель прироста численности рабочих не совсем точен. Численность рабочих того круга предприятий, в отношении которого Н. Я. Воробьев определил динамические показатели за период империалистической войны, как выше было указано, не могла отразить динамику всей численности рабочих фабрично-заводской промышленности. Отсутствие Украины и Урала и тем самым основной массы рабочих каменноугольной и металлургической промышленности и значительной части производств по обработке металла и машиностроения и резкое преобладание в этом круге предприятий текстильной промышленности, расположенной в центральных районах, способствовали преуменьшению темпов роста численности. Следует также принять во внимание, что в годы империалистической войны динамика численности рабочих в отдельных отраслях промышленности и в районах была весьма неравномерной. Поэтому мы считаем необходимым в дальнейшем изложении определить на основании ряда источников динамику численности рабочих в тех отраслях промышленности и районах, на которые не была распространена перепись 1918 г., а затем после производства этих предварительных подсчетов исчислить динамику численности рабочих всей фабрично-заводской промышленности за период 1913—1917 гг.

В материалах переписи фабрично-заводской промышленности, произведенной в 1918 г., имеются также данные о динамике численности рабочих за 1913—1918 гг. по одному и тому же кругу непрерывно действующих предприятий, причем эти данные приведены раздельно по полу. Хотя в этих предприятиях было занято значительное число рабочих—969,6 тыс. в 1913 г. и 1 151 тыс. в 1917 г.— и, следовательно, эти данные безусловно являются показательными, все же нельзя признать их в полной степени характерными для динамики численности рабочих всей промышленности в силу вышеуказанных причин. Следует особо подчеркнуть еще раз то обстоятельство, что в материалах данной переписи в весьма значительных размерах была представлена текстильная промышленность, в то время как каменноугольная промышленность и металлургия почти отстутствовали, а машиностроение было явно недостаточно представлено; это обстоятельство оказало свое влияние на общие показатели динамики численности рабочих по полу (см. табл. на стр. 251).

По учтенному кругу предприятий число рабочих мужчин за четыре года увеличилось на 9,5%, а число работниц—на 33,3%. В результате этого неравномерного прироста численности рабочих мужчин и работниц удельный вес женского труда в фабрично-заводской промышленности повысился с 38,7% в 1913 г. до 43,4% в 1917 г., причем в основном это повышение произошло в 1913—1916 гг. 43,4% применения женского труда в фабрично-заводской промышленности для 1917 г. исчислено лишь в отношении данного

Динамика численности рабочих, занятых в непрерывно действующих предприятиях фабрично-заводской промышленности, за 1913—1917 гг. по полу

Годы	Среднее суточное число рабочих (в тыс.)			% работниц к общей численности рабочих
	мужчин	женщин	всего	
1913	594,6	374,9	969,5	38,7
1914	601,7	393,0	994,7	39,5
1915	609,8	432,1	1 041,9	41,5
1916	623,6	482,3	1 105,9	43,6
1917	651,3	499,8	1 151,1	43,4

круга предприятий. Если же учесть остальные районы, где более значительно представлены отрасли промышленности со сравнительно небольшим применением женского труда (каменноугольная, металлургия, машиностроение и др.), то показатель удельного веса женского труда в фабрично-заводской промышленности эпохи империалистической войны должен был сильно понизиться.

Дополнительно приведем данные о динамике численности рабочих за 1913—1917 гг. по кругу непрерывно действующих предприятий в трех основных отраслях промышленности на основании данных промышленной переписи 1918 г.

О динамике численности рабочих, занятых в машиностроении, за период империалистической войны можно судить также на основании данных указанной переписи. На основании данных, относящихся к 180 одним и тем же непрерывно действующим предприятиям, по 38 губерниям Европейской России составлена следующая таблица:

Динамика численности рабочих, занятых в производстве машин, инструментов и аппаратов, в 1913—1917 гг.

Годы	Среднее суточное число рабочих (в тыс.)	Прирост за год		В % к 1913 г.
		в тыс.	в %	
1913	138,8	—	—	100,0
1914	158,9	20,1	14,5	114,5
1915	208,0	49,1	30,9	150,0
1916	265,6	57,6	27,7	191,4
1917	292,9	27,3	10,3	211,0

Начиная с 1914 г., в продолжение всего периода империалистической войны происходил значительный рост численности рабочих, занятых в машиностроении, и в 1917 г. численность рабочих этой отрасли промышленности превысила уровень 1913 г. на 111%. Наиболее интенсивный прирост численности рабочих

в машиностроении следует отметить в 1915 г. (+30,9%) и в 1916 г. (+27,7%).

Динамика численности рабочих по полу в машиностроении за 1913—1917 гг. отличалась от динамики в ряде других отраслей промышленности. В этой отрасли промышленности за рассматриваемый период резко повысились как общая численность рабочих, так и раздельно численность рабочих мужчин и женщин.

Динамика численности рабочих машиностроения по полу за 1913—1917 г.

Годы	Среднее суточное число рабочих (в тыс.)			% работниц к общей численности рабочих
	мужчин	женщин	всего	
1913	130,0	7,2	137,2	5,2
1914	147,5	9,7	157,2	6,2
1915	188,0	19,0	207,0	9,2
1916	224,6	36,9	261,5	14,1
1917	247,1	42,9	290,0	14,8

Все же рост численности работниц, занятых в машиностроении, происходил в столь интенсивном темпе, что за эти годы их удельный вес в общей численности рабочих повысился с 5,2 до 14,8%.

Совершенно иной характер носила динамика численности рабочих в хлопчатобумажной промышленности.

В хлопчатобумажной промышленности переписью 1918 г. было учтено 282 непрерывно действующих за период 1913—1917 гг. предприятия.

Динамика численности рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности, за 1913—1917 гг.

Годы	Среднее суточное число рабочих (в тыс.)	Увеличение (+) или уменьшение (−) за год		В % к 1913 г.
		в тыс.	в %	
1913	420,8	—	—	100,0
1914	419,2	− 1,6	− 0,4	99,6
1915	411,2	− 8,0	− 1,9	97,7
1916	397,0	−14,2	− 3,5	94,3
1917	403,1	+ 6,1	+ 1,5	95,8

И в отношении этого круга предприятий следует установить за 1913—1916 гг. систематическое, хотя и незначительное, снижение численности рабочих, более заметное в 1916 г., когда, главным образом в результате недостатка топлива, численность рабо-

чих в этой отрасли понизилась на 3,5%. В 1917 г. среднее суточное число рабочих повысилось на 1,5%. В итоге за весь рассматриваемый период (1913—1917 гг.) по кругу непрерывно действующих предприятий численность рабочих уменьшилась на 20 тыс. человек, или на 4,2%. Весьма характерной являлась динамика численности рабочих по полу за 1913—1917 гг. в хлопчатобумажной промышленности:

Динамика численности рабочих хлопчатобумажной промышленности по полу за 1913—1917 гг.

Годы	Среднее суточное число рабочих (в тыс.)			% работниц к общей численности рабочих
	мужчин	женщин	всего	
1913	187,9	229,6	417,5	55,0
1914	178,7	237,8	416,5	57,1
1915	156,8	251,6	408,4	61,6
1916	132,0	262,5	394,5	66,6
1917	135,3	265,2	400,5	66,2

Общая численность рабочих хлопчатобумажной промышленности уменьшилась за четыре года на 4,1%. Численность рабочих мужчин и по указанному кругу предприятий уменьшилась в более резком темпе—на 28%. Одновременно численность работниц в этой отрасли промышленности увеличилась на 15,5%. В результате этих процессов удельный вес работниц в хлопчатобумажной промышленности за 1913—1917 гг. повысился с 55 до 66,2% общей численности рабочих.

В связи с работой на военные нужды также в весьма интенсивном темпе происходил рост численности в химической промышленности. За четыре года (1913—1917) численность рабочих в этой отрасли промышленности по данным, относящимся к 121 непрерывно действующему предприятию, почти удвоилась:

Динамика численности рабочих химической промышленности за 1913—1917 гг.

Годы	Среднее суточное число рабочих (в тыс.)	Прирост за год		В % к 1913 г.
		в тыс.	в %	
1913	39,4	—	—	100,0
1914	44,3	4,9	12,4	112,4
1915	52,8	8,5	19,2	134,0
1916	66,8	14,0	26,5	169,5
1917	77,7	10,9	16,3	197,2

Как и в других отраслях промышленности, связанных с работой на оборону, более значительный прирост численности наблюдался в 1916 г. За этот год численность рабочих химической промышленности повысилась на 26,5%. При общем высоком росте абсолютной численности рабочих в химической промышленности в годы империалистической войны внедрение женского труда и в этой отрасли промышленности происходило в еще более значительном темпе:

Динамика численности рабочих химической промышленности по полу за 1913—1917 гг.

Годы	Среднее суточное число рабочих (в тыс.)			% работниц к общей численности рабочих
	мужчин	женщин	всего	
1913	24,2	14,0	38,2	36,6
1914	26,2	16,7	42,9	38,9
1915	31,0	20,5	51,5	39,8
1916	37,9	27,8	65,7	42,3
1917	44,3	31,7	76,0	41,7

В результате этого удельный вес женского труда по кругу непрерывно действующих предприятий химической промышленности повысился с 36,6% в 1913 г. до 41,7% в 1917 г.

В статье Н. Я. Воробьева определена динамика численности рабочих и валовой выработки отдельных групп производств в период империалистической войны в связи с их работой на нужды войны [1].

По отдельным группам производств, распределенным на основании их связи с работой на оборону, Н. Я. Воробьевым была установлена значительная неравномерность динамики численности рабочих за 1913—1917 гг. Отметим наиболее существенные показатели. Группа производств, вырабатывающих предметы вооружения, непрерывно повышала количество занятых в них рабочих. За четыре года (1913—1917) численность рабочих в этой группе производств увеличилась на 85,6%, причем более значительный прирост приходился на 1915—1916 гг. Значительный рост численности рабочих происходил в группе производств, вырабатывающих предметы снаряжения,—на 26,5%.

В следующей таблице приведены данные о динамике численности рабочих каменноугольной промышленности за 1913—1917 г.:

[1] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», изд. ЦСУ, М. 1926, стр. 39.

Динамика численности рабочих каменноугольной промышленности за 1913—1917 гг.[1]

Районы \ Годы	Средняя годовая численность рабочих								
	в абсолютных числах					в % к 1913 г., принятому за 100			
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Донецкий бассейн	168 440	185 823	180 600	247 180	280 372	110,3	107,2	146,7	166,5
Подмосковный бассейн . .	(2 119)[2]	2 119	2 442	7 371	10 182	100,0	115,2	347,8	480,5
Уральская область	7 225	8 675	8 405	11 897	15 904	120,1	116,3	164,7	220,1
Сибирь	9 639	11 578	13 041	16 638	20 655	120,1	135,3	172,6	214,3
Итого .	187 423	208 195	204 488	283 086	327 113	111,1	109,1	151,0	174,5

Так как за все эти годы число рабочих каменноугольной промышленности Донецкого бассейна составляло 87—90% общего количества рабочих каменноугольной промышленности, то динамика рабочих этой отрасли промышленности в Донецком бассейне в основном и определяла динамику численности рабочих всей каменноугольной промышленности страны. Наиболее интенсивный прирост численности рабочих каменноугольной промышленности был в 1916 г.—прирост за этот год составил 33,4%. За все четыре года (1913—1917) численность рабочих во всей каменноугольной промышленности повысилась примерно на 140 тыс. человек, или 74,5%. Следовательно, прирост численности рабочих в этой отрасли промышленности по своему темпу значительно превышал прирост численности рабочих за годы империалистической войны во всей фабрично-заводской промышленности. Резкий недостаток топлива, наблюдавшийся за рассматриваемый период, вызвал более интенсивный рост добычи местного топлива, в результате чего темп роста численности рабочих во всех остальных районах значительно превысил темп роста численности рабочих в Донецком бассейне. В особенности следует отметить рост численности (почти в пять раз по сравнению с довоенным периодом) рабочих в Подмосковном бассейне. Но столь интенсивный прирост численности рабочих каменноугольной промышленности за четыре года империалистической войны—почти на 75%—со-

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в «Статистических бюллетенях» Особого совещания по топливу и Отдела топлива ВСНХ.

[2] Данные взяты за 1914 г.

провождался значительным ухудшением качественного состава рабочих этой отрасли промышленности.

При характеристике указанного процесса следует обратить внимание на наличие значительного числа военнопленных среди рабочих каменноугольной промышленности. На основании данных, относящихся к первой половине 1917 г., составлена следующая таблица для четырех основных районов каменноугольной промышленности [1]:

Районы	Численность рабочих каменноугольной промышленности в первой половине 1917 г.		% военнопленных к общему числу рабочих
	всего	в том числе военнопленных	
Донецкий бассейн	284 936	73 880	25,9
Подмосковный бассейн	11 202	5 129	45,8
Уральская область	15 933	4 487	28,2
Западная Сибирь [2]	10 519	2 628	25,0
По 4 районам	322 590	86 124	26,7

Таким образом, в этих четырех районах каменноугольной промышленности к началу 1917 г. работало свыше 86 тыс. военнопленных, что составляло около 27% всего числа рабочих. Если вспомнить, что максимальный прирост численности рабочих в каменноугольной промышленности в годы империалистической войны по сравнению с довоенным периодом составлял около 140 тыс., то наличие в этом числе 86 тыс. военнопленных, труд которых как принудительный и малоквалифицированный был весьма непроизводительным, сильно снижает значение столь высокого абсолютного прироста численности рабочих. Если дополнительно также учесть, что в первой половине 1917 г. в этих важнейших районах каменноугольной промышленности было занято около 14 тыс. женщин и свыше 22 тыс. подростков и малолетних и преобладающую массу мужчин составляли военнообязанные, то все эти показатели свидетельствуют об ухудшении качественного состава рабочих в каменноугольной промышленности в период империалистической войны. При этом следует также учитывать и то обстоятельство, что и в довоенный период в силу ряда особенностей—как процессов формирования, так и исключительно тяжелых условий труда—качественный состав рабочих в этой отрасли промышленности находился на сравнительно пониженном уровне.

[1] Таблица составлена на основании статистических данных, опубликованных в «Известиях Отдела по топливу Высшего совета народного хозяйства» № 1 (8), 1918 г.

[2] Средняя за 4 месяца.

В изданном ЦСУ «Статистическом ежегоднике за 1918—1920 гг.»[1] опубликованы данные о числе железоделательных заводов и занятых в них рабочих за период империалистической войны. На основании этих данных и составлена следующая таблица[2]:

Динамика численности заводских рабочих в металлургии за 1913—1917 гг.

Годы	Число заводов	Число заводских рабочих (в тыс.)	Прирост за год		В % к 1913 г
			в тыс.	в %	
1913	223	221,5	—	—	100,0
1914	223	236,0	14,5	6,5	106,5
1915	223	282,0	46,0	19,5	127,3
1916	219	350,6	68,6	24,3	158,3
1917	219	374,3	23,7	6,8	169,0

За 1913—1917 гг. число заводских рабочих, занятых в металлургии, увеличилось на 153 тыс. человек, или на 69%. Темп роста численности рабочих в этой отрасли тяжелой промышленности также в значительной степени превышал темп роста во всей фабрично-заводской промышленности, но все же несколько отставал от соответствующего темпа прироста числа рабочих в каменноугольной промышленности. Наиболее интенсивный прирост численности рабочих в металлургии наблюдался в 1915 г. (+19,5%) и в особенности в 1916 г. (+24,3%).

На основании всех вышеприведенных показателей за 1913—1917 гг. представляется возможным произвести следующее расчеты общей динамики численности фабрично-заводских рабочих за период империалистической войны.

Напомним основные показатели. По кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, численность рабочих с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. увеличилась на 128 тыс. человек, или на 6,5%. В несравненно более интенсивном темпе повышалось число рабочих по кругу предприятий, подчиненных надзору горной инспекции. Так, за 1913—1917 гг. численность рабочих увеличилась в каменноугольной промышленности на 140 тыс. человек, или на 74,5%. За 1913—1917 гг. число заводских рабочих, занятых в металлургии, увеличилось на 69%. Прирост численности рабочих лишь в этих двух важнейших отраслях тяжелой промышлености по своей абсолютной величине был почти в два раза выше прироста во всей промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции. И если дополнительно учесть прирост численности рабочих в других отраслях промышленности, подчиненных надзору горной инспекции, а также в группе военно-морских заводов, то общий

[1] «Статистический ежегодник за 1918—1920 гг.», вып. II, М. 1922, стр. 230.

[2] Эти показатели исчислены по материалам железоделательной статистики, которая включила в свои подсчеты не только чисто металлургические заводы.

прирост численности фабрично-заводских рабочих за годы империалистической войны можно принять в 400 тыс. рабочих, или примерно в 16% общей численности рабочих 1913 г. Но одновременно следует также учесть значительные изменения в течение рассматриваемого периода в качественном составе фабрично-заводских рабочих, на что мы уже обращали внимание. К более детальной характеристике этого явления мы обратимся в дальнейшем изложении.

Дополнительно к вышеприведенным данным о динамике численности рабочих в период империалистической войны во всей фабрично-заводской промышленности и в основных отраслях за этот период приведены соответствующие показатели также и для наиболее важных районов и в первую очередь для Ленинграда и Московской губернии.

За этот период динамика численности рабочих в петроградской промышленности является характерной для центра с широко развитой металлопромышленностью. Прирост численности рабочих в Петрограде в значительной степени превышал средний прирост во всей стране и составил за три года—с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.—145 тыс. рабочих, или 61,9%. На основании данных петроградской статистики труда[1] составлена следующая таблица о динамике численности рабочих по группам производств с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. (см. табл. на стр. 259).

Наиболее интенсивным был абсолютный прирост численности рабочих за три года в обработке металла (на 125 тыс.) и в химической промышленности (на 20 тыс.) Резко повысилось в связи с военными заказами число рабочих в швейной промышленности и также повысилась значительно численность рабочих в производствах по обработке кожи. Одновременно за рассматриваемый период понизилась численность рабочих в пищевой, полиграфической, бумажной и текстильной промышленности.

На основании данных, опубликованных в сборнике «Труд в Московской губ. в 1923—1925 гг.»[2], составлена следующая таблица о динамике численности рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, Московской губернии в период империалистической войны (см. табл. на стр. 260).

Так как в Московской губернии преобладающей отраслью промышленности к началу 1914 г. являлась текстильная промышленность, а металлическая промышленность по удельному весу численности занятых в ней рабочих составляла в это время лишь около 14% общей численности фабрично-заводских рабочих, то в резком отличии от тех динамических процессов, которые мы наблюдали за этот период в петроградской промышленности, численность

---

[1] «Положение труда в Петроградской губернии за 1918—1923 гг.». Статистический атлас. Составила К. Н. Яковлева, изд. «Вопросы труда», П. 1923, стр. 7.

[2] «Труд в Московской губ. в 1923—1925 гг.», изд. «Труд и книга», М. 1926, стр. 21.

Динамика численности рабочих, занятых в предприятиях обрабатывающей промышленности Петрограда, с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. (предприятия с числом рабочих свыше 50 человек)

Группы производств	Численность рабочих		Увеличение (+) или уменьшение (−) с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.	
	1 января 1914 г.	1 января 1917 г.	абсолютно	в %
Обработка металла	108 932	233 432	+ 124 500	+114,3
» волокна	40 686	38 441	— 2 245	— 5,5
Химические производства [1] . .	27 331	47 682	+ 20 351	+ 74,5
Полиграфическое производство	21 014	19 120	— 1 894	— 9,0
Обработка дерева	4 697	5 139	+ 442	+ 9,4
Швейное производство . . .	727	4 441	+ 3 714	+510,9
Производство бумажное и изделия из бумаги	3 932	3 611	— 321	— 8,2
Обработка пищевых продуктов	10 559	6 643	— 3 916	— 37,1
Табачное производство . . .	7 272	8 395	+ 1 123	+ 15,4
Обработка кожи	7 914	10 912	+ 2 998	+ 37,9
Электрические станции . . .	1 183	1 411	+ 228	+ 19,3
Итого по обрабатывающей промышленности	234 247	379 227	+144 980	+61,9

рабочих в фабрично-заводской промышленности Московской губернии увеличилась с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. лишь на 7%.

За этот период незначительно уменьшилась численность рабочих в текстильной промышленности (на 6,7%) и в значительных размерах в обработке минеральных веществ (на 59,6%). Увеличили численность рабочих с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. следующие производства: по обработке металлов—с 53,1 тыс. до 88,8 тыс. человек, или на 67,7%, по обработке животных продуктов (в которую входила обувная промышленность)—с 8,1 тыс. до 18,2 тыс., или на 124,7%, химические производства—с 9,7 тыс. до 22,1 тыс., или на 127,8%, группа смешанных производств по обработке волокнистых веществ (включая швейную промышленность)—с 16,4 тыс. до 28 тыс. человек, или на 70,7%.

В фабрично-заводской промышленности Петрограда и Московской губернии за рассматриваемые годы увеличились как абсолютная численность женщин и подростков, так и в особенности их удельный вес в общей численности рабочих.

[1] К группе химических производств отнесены обработка минеральных веществ и обработка животных продуктов.

Динамика численности рабочих, занятых в предприятиях Московской губернии, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.

Группа производств	Численность рабочих (в тыс.)		Увеличение (+) или уменьшение (—) с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г.	
	1 января 1914 г.	1 января 1917 г.	в тыс.	в %
Текстильная промышленность (включая и швейную промышленность)	248,5	231,8	— 16,7	— 6,7
В том числе:				
обработка хлопка	156,4	142,8	— 13,6	— 8,7
» шерсти	45,8	37,2	— 8,6	— 18,8
» шелка	29,2	20,7	— 8,5	— 29,1
» льна, пеньки и джута	0,7	3,1	+ 2,4	+343,0
смешанные производства по обработке волокнистых веществ (включая и швейную промышленность) .	16,4	28,0	+ 11,6	+ 70,7
Бумажно-полиграфическая промышленность	15,9	15,0	— 0,9	— 5,7
Обработка дерева	4,6	4,0	— 0,6	— 13,0
» металла и производство машин	53,1	88,8	+ 35,7	+ 67,2
Обработка минеральных веществ	24,0	9,7	— 14,3	— 59,6
Обработка животных продуктов	8,1	18,2	+ 10,1	+124,7
Обработка пищевых и вкусовых веществ	19,6	19,6	—	—
Химические производства . .	9,7	22,1	+ 12,4	+127,8
Прочие производства	0,7	1,9	+ 1,2	+171,4
Всего . . .	384,2	411,1	+ 26,9	+ 7,0

Аналогичные процессы можно проследить и в отношении рабочего состава промышленности Украины. Вследствие того что на Украине преобладали каменноугольная промышленность и металлургия—отрасли промышленности, повысившие в значительной степени численность рабочих за период империалистической войны, то и общий прирост занятых рабочих в промышленности Украины был также сравнительно высоким (см. табл. на стр. 261).

Численность взрослых мужчин, занятых в промышленности Украины, за период с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. повысилась на 11,5%. Но за эти же три года численность взрослых женщин увеличилась на 170,8% и численность подростков на 60%.

Динамика численности рабочих промышленности Украины по полу и возрасту с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. [1]

Группировка по полу и возрасту	Число рабочих (в тыс.)		Увеличение (+) или уменьшение (—)		В % к общей численности рабочих	
	на 1 января 1914 г.	на 1 января 1917 г.	в тыс.	в %	на 1 января 1914 г.	на 1 января 1917 г.
Все рабочие	642,3	821,8	+179,5	+ 27,9	100,0	100,0
В том числе:						
взрослые мужчины .	536,8	598,5	+ 61,7	+ 11,5	83,6	72,8
взрослые женщины .	49,3	133,5	+ 84,2	+170,8	7,7	16,2
подростки обоего пола	56,2	89,9	+ 33,7	+ 60,0	8,7	10,9

В результате столь неравномерного прироста численности отдельных групп рабочих повысился в значительной степени удельный вес труда женщин и подростков в украинской промышленности: женщины на 1 января 1914 г.—7,7% и на 1 января 1917 г.—16,2%; подростки на те же даты—8,7 и 10,9%.

Отмеченный нами значительный прирост численности женщин и подростков в промышленности, получавших пониженную заработную плату, за годы империалистической войны несомненно усилил эксплоатацию рабочего класса. Столь интенсивный прирост оказался возможным вследствие того, что были отменены все постановления, ограничивающие как применение труда, так и продолжительность рабочего времени женщин и подростков в ряде отраслей промышленности.

Постановлением от 19 октября 1915 г. фактически в широких размерах было допущено применение в промышленности женского труда и труда малолетних и подростков. Приводим постановление:

«Министру торговли и промышленности предоставляется право разрешать для фабрично-заводских, горных и горно-заводских предприятий, изготовляющих предметы, необходмые для государственной обороны, отступление от указанных в статьях 64, 65, 68, 74, 75 и 194—200 Устава о промышленном труде (Свод законов, т. XI, ч. 2, изд. 1913 г.) требований правил о работе женщин и лиц, недостигших семнадцатилетнего возраста, о продолжительности и распределении рабочего в названных предприятиях времени, с изданием соответственных правил» [2].

[1] Статистический справочник «Труд и профсоюзы на Украине за 1921—1928 гг.», Харьков 1928, стр. 374.

[2] «Отчет Отдела промышленности за 1915 г.», министерство торговли и промышленности, П. 1916, стр. 173.

Насколько широко толковались эти отступления, можно судить по следующей выдержке из циркуляра Горного департамента. Приведя указанные выше постановления, циркуляр указывает: «Отступления от действующих правил о промышленном труде в поясненных выше пределах предполагается допускать, конечно, исключительно в случае действительной в том надобности и, притом, как для отдельных предприятий, *так и для всех предприятий данной отрасли производства или данной местности*»[1].

При характеристике изменений в составе промышленных рабочих в годы империалистической войны в первую очередь следует учесть следующее указание В. И. Ленина: «Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы»[2]. Эти группы при недостатке рабочих в условиях усиленной работы промышленности на оборону принимались на заводы в весьма большом числе.

Наиболее значительный прирост численности рабочих фабрично-заводской промышленности за период империалистической войны произошел в основном в районах, где особенно сосредоточена тяжелая промышленность (Петроградская, Московская губернии, на Украине и на Урале). Приводим ряд дополнительных материалов, преимущественно из официальных источников, об условиях комплектования рабочего состава за эти годы в указанных районах.

Отметив на основании отчетов о деятельности городской биржи труда превышение с начала промышленной мобилизации спроса труда в Петрограде над предложением, автор обзора о петроградском рынке труда писал: «Положение промышленности в течение последних месяцев прошлого 1915 г. было тем тягостнее, что соотношение между спросом и предложением труда квалифицированного оставалось все время для нее еще более благоприятным, чем в общих цифрах труда всех категорий. В самом лучшем для нее случае, в ноябре, спрос в два раза превышал предложение; в другие же месяцы, как например, в октябре, он был больше предложения даже в четыре раза. Особенно сильное расхождение между предложением и спросом отмечалось в кожевенном, текстильном и полиграфическом производствах: при наличности всего нескольких десятков предложений труда, спрашивалось временами несколько сот человек. Усиленный был спрос и на специалистов в металлообрабатывающем производстве, особенно на представителей отдельных специальностей, как первоклассных токарей, слесарей-разметчиков и т. д., а некоторых же специалистов, как прово-

---

[1] Циркуляр Горного департамента напечатан в книге «Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах», под редакцией А. Танаева, т. I, «Рабочее движение в годы войны», Свердловск 1927, стр. 131—132 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 211.

лочников, паяльщиков и др., совершенно уже не было на рынке в этом периоде.

Таким образом, последние несколько месяцев прошлого года—август—ноябрь, характеризуются значительным превышением спроса над предложением и сильным обострением кризиса квалифицированного труда»[1].

В «Материалах по учету рабочего состава и рабочего рынка» приводятся интересные сведения об изменениях возрастного состава рабочих, посещающих биржи труда, в связи с мобилизацией: «Как и следовало ждать, на рынке значительно понизилась процентная цифра рабочих в возрасте призванных уже годов. Каждая мобилизация уменьшала не только наличность рабочих, предлагавших свой труд, но, выбирая призываемые возрасты в деревне, тем самым количественно и качественно истощала и тот резерв, который питал рабочий рынок. Те слои крестьянства, которые обычно выделяли рабочие руки для промышленности, разрежившись убылью призывных возрастов, усилили выделение возрастов малолетних и зрелых. Этот процесс убывания призывных возрастов и увеличение возрастов до- и послепризывных интересно зафиксирован Морозовской биржей. По ее данным, возрастной состав рыночных рабочих в три различные момента представлялся в процентах следующим:

	1914 г.	1915 г.	1916 г.
До 17 лет	7,3	13,2	21,0
От 18 до 25 лет	38,2	33,6	20,9
» 25 » 40 »	43,3	36,5	33,0
» 40 » 50 »	9,6	13,6	20,0
Свыше 50 лет	1,6	3,1	5,1
	100,0	100,0	100,0

Отмечается резкое уменьшение рабочих в возрасте от 18 до 40 лет—в возрасте призывном и самом трудоспособном. В 1914 г. эта возрастная группа была в подавляющем большинстве—81,5%, в 1915 г. она уменьшилась до 70,1%, а в настоящем 1916 г.—даже до 53,9%. Таким образом, после $2^1/_2$ лет войны в массе посетителей биржи в указанном возрасте оказалось на 26% меньше, чем их было к началу 1915 г. Иначе говоря, половина их составляется ныне из лиц моложе 17 и старше 40, т. е. в возрасте неполной трудоспособности.

Рынок пополняется исключительно за счет этих, неполной трудоспособности, возрастов. Притом пополнение ведется почти исключительно возрастом между 40 и 50 годами и моложе 17 лет. За полтора года войны как первая группа, так и вторая увеличились больше, чем в два раза. Прямым следствием такого пополнения не может не быть понижение качественного уровня рыночного труда»[2].

---

[1] «Материалы по учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. I, изд. Центрального военно-промышленного комитета, П. 1916, стр. 47—48.

[2] Там же, вып. II, 1917, стр. 67—68.

В «Материалах по учету рабочего состава и рабочего рынка» автор при характеристике петроградского рынка труда весной 1916 г. писал: «Наконец, истекшие март, апрель и май характеризуются не только значительным превышением спроса, но и чрезвычайной бедностью рынка квалифицированного труда». Указывая на «происходящее численное и качественное истощение квалифицированного труда», автор на основании данных регистрации Петроградского окружного военно-промышленного комитета отмечает, что «первоклассные специалисты—литейщики, модельщики, медники, паяльщики и т. д., а также представители таких производств, как текстильное и кожевенное—являются в последнее время только единичными случайными посетителями рынка...» И далее он пишет: «Характеризуя качественный состав рынка, деловые люди говорят: на рынке есть люди, но нет специалистов. Качественный состав рыночных рабочих признавался еще в прошлом году неудовлетворительным. После же периода, истекшего под знаком сильного спроса, он еще значительно обеднел с качественной стороны. В большинстве случаев на рынке малопригодный для квалифицированного труда балласт. Рыночные специалисты на деле оказываются никуда негодными работниками, потому что рынок в значительной степени пополняется не действительными специалистами, а лишь именующими себя таковыми. В категорию квалифицированных на рынке попадают, например, дворники, мелкие торговцы и представители других профессий, ничего не имеющих общего с промышленным трудом. В промышленные предприятия, по тем или иным причинам, тянутся самые разнообразные элементы. Поэтому понятно, что такой состав в лучшем случае может быть годен для простого труда, но никогда для квалифицированного. Насколько качественный состав рабочих не удовлетворяет требования, которые ставятся предприятиями, отчасти свидетельствует еще несколько цифр, взятых из практики отдела Промышленного труда при о-ве заводчиков и фабрикантов московского промышленного района. По данным отдела, в ноябре 1915 г. на заводы было направлено 2 300 чел. и уволено после испытания 1 200 чел.; в декабре того же года испытывалось 1 900 чел., и отказано 1 000 чел. Таким образом, из направленных Отделом оставалось в предприятиях только 40—50%»[1].

На Путиловском заводе, где из-за опасений администрации не выполнить огромные военные заказы уже в самом начале войны квалифицированные рабочие были оставлены на заводе, в последующие месяцы понадобились для ряда военных производств значительные массы новых рабочих. В «Истории Путиловского завода» описано, как происходило комплектование рабочих в шрапнельных мастерских (заводе), оборудованных уже на четвертый месяц войны: «Люди в большинстве не имели рабочего прошлого и стали рабочими благодаря войне. Свежему человеку легче всего было поступить на шрапнельный завод, потому что он был новый и потребовал сразу несколько тысяч человек.

Деревенские люди пришли сюда в надежде поправить за счет войны свои деревенские дела и получить отсрочку...

Торговцы и кустари поступали на шрапнельный завод, потому что автоматы шрапнельных мастерских после трех дней обучения давали квалификацию и отсрочку по мобилизации. В другом цеху так быстро отсрочку не получали. Торговцы работали сколько требовало приличие. Душа и главный заработок оставались в собственной лавочке, в собственной мастерской, где хозяйничала жена»[2].

Заимствуем из обзора «Рынок труда» наиболее существенные данные о положении рабочей силы в московской промышленности в половине 1915 г.:

«Как удалось выяснить из специальных опросов, произведенных в начале июня с. г. статистическим отделом Общества заводчиков и фабрикантов, большое количество рабочих вакансий в металлообрабатывающих предприятиях г. Москвы и Московской губ. остается незанятым. Приходится отмечать

---

[1] «Материалы по учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. I, изд. Центрального военно-промышленного комитета, П. 1916, стр. 50—51.

[2] *М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский*, История Путиловского завода, Соцэкгиз, 1939, стр. 521.

крайне прискорбное явление, что на многих заводах работает половина нормального рабочего состава. Особенно значительный недостаток чувствуется в токарях и слесарях (более полуторы тысяч человек), и на эти профессии падает приблизительно половина всего спроса на рабочих металлистов. Много требуется молотобойцев, инструментальщиков, литейщиков, кузнецов, рабочих на строгальных, сверлильных станках, на прессах и т. п. Помимо упомянутой категории обученных рабочих, крупный недостаток замечается и в чернорабочих...

Из каких элементов слагается сейчас предложение рабочих рук? Прежде всего, разумеется, промышленностью были использованы все резервы безработных, а также пенсионеров, утративших некоторую долю своей трудоспособности; на работы принимались также неподготовленные рабочие, которые обучались тут же, во время самой работы. Большое количество рабочих при станках находится в возрасте 15—16 лет и даже моложе. Теперь на некоторых заводах делаются даже опыты обучения работе на металлообрабатывающих станках женщин и работниц. Разумеется, эти наскоро подученные рабочие, хотя номинально и увеличивали рабочие кадры, однако они не могли содействовать положительному успеху производства. А между тем обученные фабрично-заводские рабочие постепенно покидали мастерские вследствие ряда мобилизаций и наборов. Особенно при этом поредели подготовленные рабочие в московском районе, который позже других был привлечен к работам на оборону. Наоборот, в петроградском районе, работающем специально для нужд морского и военного ведомства, где довольно свободно практиковалась отсрочка призываемым рабочим, особого недостатка в обученных рабочих не было... Как и в довоенное время, московская промышленность, в особенности ее металлическая отрасль, осталась обойденной другими районами, которые теперь усиленно стягивают к себе всех свободных рабочих. В особенности здесь мы имеем в виду петроградский промышленный район, который, в силу особенно благоприятных для него условий, всегда отнимал у московского района наиболее искусных и подготовленных рабочих по металлу [1]. Экономические условия производства в Петрограде (специальность петроградских заводов и в мирное и в военное время—снаряжение армии) неизменно складываются так, что петроградские заводы могут предложить рабочим более высокую плату, чем московские. Не характерно ли для такого ненормального положения, что Петроградская биржа имеет сейчас в своем распоряжении достаточное количество обученных рабочих и свободно удовлетворяет спрос со стороны заводов, тогда как Москва буквально бедствует рабочими?» [2]

В «Материалах по учету рабочего состава и рабочего рынка» мы встречаем следующие указания об условиях пополнения рабочими каменноугольной промышленности в 1916 г.:

«В начале войны, а также в 1915 г., несмотря на тяжелые условия трудового рынка, все же можно было найти русских рабочих. Как мы уже сказали, в течение 1915 г. на каменноугольных рудниках было привлечено около 70 тыс. рабочих. В этом числе было около 50 тыс. чел. русских рабочих. Деревня, бедная работниками, все же имела возможность посылать некоторых из них на рынок. К началу 1916 г. трудовой рынок совершенно истощился, и попол-

---

[1] В этих замечаниях несомненно отразилась конкуренция московских заводчиков с петроградскими. Последние в течение этого периода также жаловались на недостаток квалифицированных рабочих. Переход же квалифицированных рабочих из московских предприятий в петроградские был вызван более высоким уровнем заработной платы в Петрограде, по сравнению с соответствующим в Москве.—*А. Р.*

[2] *Ф. К-ий*, Рынок труда, «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» № 7, 1915, стр. 4—5.

нение рабочего состава велось в течение всего года исключительно на счет военнопленных, женщин и подростков—в этом особенность 1916 г.»[1].

О применении труда военнопленных в уральской промышленности содержатся следующие указания в статье А. Таняева «Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны»:

«Поэтому в поисках новых рабочих рук горнопромышленники главное свое внимание обратили на привлечение военнопленных. Близость заводов к концентрационным лагерям позволяла промышленникам без труда заполучать большие партии пленных. И они, как нельзя шире, использовали это выгодное географическое положение Урала. По насыщенности рабочего состава военнопленными, уральские заводы стояли на первом месте.

В сущности военнопленные были тем основным источником, из которого и пополнялась убыль и росла численность рабочего состава Урала. Из всех групп они дают наибольшее увеличение. Если к концу 1915 г. в 29 предприятиях работало 24 тыс. военнопленных, или 17,4% всего количества рабочих, то к концу 1916 г. количество их только в 23 предприятиях поднялось до 53,4 тыс., т. е. более чем в два раза. Кроме военнопленных, в широких размерах практиковалось привлечение китайцев, которых к началу 1917 г. было не менее 10 тыс.»[2].

Наряду с этими группами рабочих, начавших работать впервые в фабрично-заводской промышленности в годы империалистической войны, в течение рассматриваемого периода на фабриках и заводах работало значительное число рабочих с продолжительным производственным стажем. В предыдущем изложении было указано что за период промышленного кризиса и депрессий в 1900—1909 гг. приток рабочих был незначителен, и в основном новые пополнения пришли в фабрично-заводскую промышленность в 1910—1913 гг. Так, из общего прироста численности рабочих по кругу предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, за период 1900—1913 гг. в 590 тыс. человек 83% приходилось на последние четыре года (1910—1913). Когда же началась империалистическая война, то при производстве первых мобилизаций часть промышленных рабочих также была мобилизована. Впоследствии рабочие многих отраслей фабрично-заводской и горнозаводской промышленности пользовались отсрочками и от мобилизации были освобождены. Те же, которые были призваны в армию во время первых мобилизаций, несомненно в своей значительной массе были рабочими младших возрастных групп, причем многие из них вступили в производство в период промышленного подъема 1910—1913 гг. Учитывая указанное обстоятельство, следует полагать, что наряду с новыми пополнениями на фабриках и заводах в годы империалистической войны работали в значительном числе

[1] «Материалы по учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. II, изд. Центрального военно-промышленного комитета, П. 1917, стр. 18.

[2] «Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах», под редакцией А. Таняева, т. I, Свердловск 1927, стр. 12—13.

также старые кадры рабочих со сравнительно продолжительным производственным стажем.

Отметим также при общей характеристике изменений в рабочем составе за 1914—1917 гг. рост абсолютной численности фабрично-заводских работниц и их удельного веса как в целом по промышленности, так и в ряде отраслей. Более интенсивно этот процесс происходил в отраслях промышленности, где применение женского труда до начала войны было сравнительно ничтожным. За эти же годы численность рабочих подростков и малолетних в фабрично-заводской промышленности повысилась весьма значительно. Процент же рабочих этой группы увеличился с 10,6 на 1 января 1914 г. до 14 на 1 января 1917 г.

ОТДЕЛ III

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Задача исследователя при построении настоящего отдела оказалась более сложной, чем при установлении динамики численности промышленных рабочих за длительный период нашего исследования. В отличие от массовых статистических материалов по рассматриваемому вопросу, какие имеются на ряд дат послеоктябрьского периода, для всего периода развития капиталистической промышленности России сохранились лишь разрозненные материалы, в своей значительной части относящиеся лишь к отдельным отраслям промышленности, районам или даже отдельным предприятиям за различные периоды. Поэтому при отсутствии в общем систематических данных, собранных по определенной программе в течение продолжительного периода, приходилось использовать частичные материалы, относящиеся к отдельным отраслям промышленности отдельных районов, а иногда даже лишь к отдельным крупным предприятиям. В приводимом в дальнейшем изложении фактическом материале более значительно представлены статистико-экономические материалы о рабочих хлопчатобумажной промышленности центрально-промышленного района, каменноугольной промышленности Донбасса, горной и горнозаводской промышленности Урала и обработки металлов и машиностроения ряда районов. Хотя в приведенном перечне представлены основные отрасли промышленности, но имелось недостаточно данных о процессах формирования рабочих по ряду отраслей промышленности, в том числе по пищевкусовой, деревообрабатывающей и др. Все это затрудняет составление общей характеристики процессов формирования промышленного пролетариата в капиталистической промышленности России.

Что же касается статистико-экономических материалов, относящихся к отдельным отраслям промышленности, то следует указать, что наиболее подробно представлены материалы, характеризующие процессы формирования рабочего состава в текстильной промышленности, причем указанные материалы и в качественном отношении выделяются по сравнению с соответствующими

материалами других отраслей промышленности. По отдельным районам металлопромышленности материалы представлены неравномерно. Более подробные материалы сохранились в отношении старого района—Урала. Ряд материалов имеется о формировании рабочего состава ряда крупных заводов центрально-промышленного района, как-то: Коломенского, Сормовского и др. К сожалению, в отношении двух важнейших районов металлопромышленности, какими являются петербургский и южный, имеются лишь сравнительно ограниченные материалы.

В отношении статистико-экономических материалов по каменноугольной промышленности следует указать, что ряд данных, освещающих рассматриваемый вопрос, имеется в материалах съездов горнопромышленников. Но на этих съездах вопросы, связанные с недостатком и подготовкой рабочих, ставились и обсуждались весьма тенденциозно. Эти выступления горнопромышленников неоднократно подвергались критической оценке в периодической печати и в специальных исследованиях. И лишь сочетая материалы всех указанных источников, возможно было наметить в общих чертах характеристику процессов формирования рабочих каменноугольной промышленности.

Неравномерность динамики численности рабочих в отдельных отраслях промышленности оказала значительное влияние на процессы формирования промышленного пролетариата. Это особенно ярко выступает при сопоставлении условий формирования рабочего состава в 90-е годы XIX в. в текстильной промышленности, в которой уже имелись значительные кадры потомственных пролетариев, и в бурно развивавшейся каменноугольной промышленности и металлургии юга России, в которых численность рабочих за десятилетний период увеличилась в три раза.

Уже поэтому диференцированный подход в нашем исследовании являлся необходимым. Так, например, условия формирования рабочего состава в текстильной промышленности по ряду причин отличались от условий формирования рабочих в горной и горнозаводской промышленности. Внутри же всей горной и горнозаводской промышленности процессы формирования пролетариата протекали различно для рабочих металлургии и каменноугольной промышленности. Даже в пределах одной и той же отрасли промышленности мы наблюдаем ряд особенностей в отношении рабочих отдельных районов. Для иллюстрации укажем на различные условия процессов формирования промышленных кадров в металлургии центрально-промышленного района, Урала и юга России.

Насколько сложными и весьма разнообразными являлись условия формирования промышленных рабочих даже в пределах одной губернии, можно судить по следующим выводам, сделанным С. Архангельским на основании детального анализа процессов формирования промышленных рабочих в отдельных районах Нижегородской губернии в его статье «Крупная промышленность и образование пролетариата в Нижегородском крае»:

«В соответствии с этим идет в губернии процесс образования

пролетариата, такой же сложный, как процесс роста промышленности. В Выксунском районе из обезземеленных крепостных крестьян формируется будущий пролетариат; в Павловском районе в процессе исторического развития и образования классов между крепостным крестьянином и пролетарием стоит сначала крепостной, потом свободный ремесленник-кустарь, как промежуточное звено. В Нижнем Новгороде, на купеческих фабриках и заводах уже в конце XVIII в. применяется труд вольнонаемных рабочих. В состав этого пролетариата вошли низы городского населения и выходцы из окрестных деревень. Разрастаясь с течением времени, этот городской пролетариат становится наиболее развитым; на нем лежит печать людей городской культуры. Влияние города на себе испытал и пролетариат промышленного района[1], лежащего между Волгой и Окой, образовавшийся из местных и пришлых крестьян, порвавших на половину или вполне связи с землей»[2].

Но, к сожалению, при недостатке соответствующих статистико-экономических материалов задача отобразить все различные формы образования промышленного пролетариата в настоящем исследовании не могла быть полностью разрешена.

Из отдельных источников следует отметить земские статистико-экономические обследования, произведенные в конце 90-х и начале 900-х годов. Эти обследования способствовали более углубленным исследованиям процессов формирования рабочего состава в промышленности, в частности изучению вопроса о связи рабочих с сельским хозяйством. Более правильная методологическая постановка, включение в программы обследований ряда дополнительных вопросов, проведение комбинационной разработки ряда основных вопросов—все это безусловно заставляет признать значительную заслугу земских статистиков за указанный период. К сожалению, резко преобладающая масса этих работ относилась только к рабочему составу текстильной промышленности. В частности укажем, что в 1899 г. были произведены по весьма подробной программе переписи крестьянского населения двух губерний, в которых была наиболее развита промышленность в этот период,—Московской и Владимирской, в последней в частности переписан был Шуйский уезд (ныне Иваново-Вознесенский район). Результаты этих переписей, подвергавшиеся весьма детальной разработке и опубликованные в 1907—1909 гг., имеют весьма важное значение в деле изучения процессов формирования фабрично-заводского пролетариата в центрально-промышленном районе. Момент производства этих подворных переписей следует также признать удачным. 1899 год несомненно отразил конец периода промышленного подъема 90-х годов. К сожалению, эти работы, представляющиеся нам одними из наиболее ценных из земских статистических работ для исследования процессов формирования пролетариата, далеко не в достаточной степени были использованы последующими

---

[1] В состав этого района входил Сормовский завод.

[2] «Краеведческий сборник», т. I, Нижний Новгород 1924, стр. 218.

исследователями. А между тем в указанных работах содержатся весьма ценные материалы для освещения ряда кардинальных вопросов истории образования пролетариата, как-то: времени начала работы по найму, возрастного состава рабочих, преемственности фабричного труда, процессов формирования фабрично-заводских рабочих из крестьянских семей, формы связи этих групп фабрично-заводских рабочих с сельским хозяйством и т. д.

Ряд исследователей процессов формирования рабочего состава в течение капиталистического периода развития промышленности России не ограничивался при публикации своих работ лишь приведением статистико-экономических показателей и их анализа, а стремился на основании разработанных ими частных материалов наметить ряд общих выводов.

Несомненно, что эти отдельные исследования весьма способствовали созданию правильных представлений о процессах формирования фабрично-заводского пролетариата капиталистической промышленности России. В этом отделе приведены материалы о процессах формирования фабрично-заводских рабочих за всю эпоху капиталистической промышленности России до войны 1914—1918 гг. Ряд существенных особенностей, характерных для комплектования фабрично-заводских рабочих за 1914—1917 гг., рассмотрен в предшествующей главе в связи с исследованием динамики численности за эти годы. В частности отметим, что в отношении общих условий образования промышленного пролетариата за 1914—1917 гг. не сохранилось специальных исследований.

ГЛАВА 8

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА И СВЯЗАННЫХ С НИМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Наиболее массовым источником, из которого непрерывно притекали новые пополнения в фабрично-заводскую промышленность, во все периоды капиталистического развития России, были выходцы из сельских местностей[1]. В ряде работ отмечалось то тяжелое

[1] Соответствующие процессы можно проследить и в других странах в связи с их промышленным развитием.

К. Г. Воблый в своем исследовании «Третья профессионально-промысловая перепись в Германии» (стр. 518—521) указывает на высокий удельный рост рожденных в деревне среди индустриальных рабочих.

По материалам профессиональной переписи 1907 г. мы располагаем следующими данными в отношении индустриальных рабочих:

	Подсчитано	
	в городе	в деревне
На 100 рожденных в городах . . .	94,4	5,6
» 100 » » деревне . . .	55,3	44,7

Отмечая значительный отлив населения из деревни в город, К. Г. Воблый указывает: «Достаточно сказать, что в индустрии было занято в 1907 г. 4 млн. с лишком рабочих, рожденных в деревне, из них $2^1/_4$ млн. уже были зарегистрированы переписью в городах».

положение, в котором оказались значительные массы крестьянского населения в результате реформы 1861 г.

П. И. Лященко при характеристике влияния реформы в 1861 г. на дальнейшее экономическое развитие отмечал «общее снижение размеров крестьянского землепользования сравнительно с фактическим пользованием в крестьянском хозяйстве»[1]. Так, окончательные наделы были снижены по черноземной полосе в 50 уездах из 142, т. е. в 33%, и в нечерноземных губерниях в 107 уездах из 232, т. е. в 46%. По приводимым им расчетам, в 36 губерниях так называемые «отрезки» от крестьянских земель сравнительно с прежним землепользованием составили около 18% всего землепользования, причем в некоторых губерниях этот показатель достигал 40% и выше.

Приведя эти данные, П. И. Лященко писал: «Последующее малоземелье и безземелье было предрешено уже самой реформой. За это уменьшенное землепользование крестьяне обязаны были платить сильно возросшие повинности»[2].

К сожалению, для всего периода развития капиталистической промышленности России мы не располагаем материалами специально произведенных статистических обследований, которые могли бы непосредственно характеризовать высокий удельный вес группы рабочих выходцев из сельского хозяйства среди новых кадров фабрично-заводских рабочих. Но ряд показателей безусловно свидетельствует о том, что основным источником, откуда притекали наиболее массовые новые пополнения в фабрично-заводскую промышленность, являлось сельское хозяйство. Процессы разорения крестьянских хозяйств происходили за все эти годы весьма интенсивно. Ряд неурожаев 80-х годов и в особенности исключительный неурожай 1891 г. ускорили процессы обнищания и пролетаризации крестьянского населения. Крестьянские массы в поисках заработков были вынуждены направиться в промышленные центры[3]. Хотя и косвенными, но в то же время весьма существенными показателями в этом отношении являются данные о значительном распространении так называемых «промыслов» среди крестьянского населения.

---

[1] *П. И. Лященко*, Экономическое развитие России в XIX и в начале XX в., Энциклопедический словарь Граната, т. 36, ч. IV, стр. 89—90.

[2] Там же.

[3] Уже в период непосредственно после реформы 1861 г. приток пролетаризованных масс из сельских местностей был настолько значителен, что на каждое освободившееся место на фабрике или заводе всегда имелись массы желающих поступить. И. Н. Кубиков («Рабочий класс в русской литературе», М. 1928, стр. 105) приводит из очерка Н. Благовещенского «На ткацкой фабрике» («Отечественные записки», 1870) образную характеристику этого явления: «Каждый день у ворот фабричных отбою нет от народу—все спрашляются, нет ли у «машины» работки какой. На места рвутся чуть не с бою. Иной по нескольку недель сряду выжидает очереди и ежедневно справляется у привратника: не разочли ли кого, не расшибло ли кого, не опросталось ли местечко, и сует даже при этом гривну привратнику, чтобы оповестил поскорее, если опростается».

Из многочисленных материалов по этому вопросу мы ограничимся лишь отдельными наиболее характерными данными, относящимися к некоторым районам, в которых были значительно представлены текстильная и металлическая промышленность. Так как аналогичные материалы в отношении десятилетий, близких к 60-м годам, уже ранее были опубликованы, то мы свое внимание сосредоточим преимущественно на данных, относящихся к 90-м годам XIX и к первому десятилетию XX в.

В. И. Ленин в «Аграрном вопросе в России к концу XIX века» писал:

«На другом полюсе деревни статистика не дает нам обыкновенно сведений о числе дворов, отпускающих наемных рабочих всякого рода. В целом ряде вопросов наша земская статистика сделала чрезвычайно крупный шаг вперед по сравнению со старой казенной статистикой губернаторских отчетов и всяческих департаментов. Но в одном вопросе старая казенная точка зрения сохранилась и в земской статистике, именно в вопросе о так называемых «заработках» крестьян. Занятие земледелием на своем наделе считается настоящим занятием крестьянина; всякое же постороннее занятие относится к сторонним «заработкам» или «промыслам», причем тут смешиваются такие хозяйственные категории, различать которые требует азбука политической экономии. В рязряд «сельско-хозяйственных промышленников», например, попадут на-ряду с массой наемных рабочих и хозяева-предприниматели... Ясно, что эта вопиющая политико-экономическая путаница есть прямой пережиток крепостничества»[1]. В дальнейшем В. И. Ленин указывает: «*Большинство крестьянских дворов с заработками, несомненно, принадлежат к числу дворов, отпускающих наемных работников...*»[2].

Материалы земских статистико-экономических обследований, произведенных в конце XIX и в начале XX в., свидетельствуют о весьма высоком удельном весе неземледельческих промыслов среди сельского населения ряда губерний центрально-промышленного района. Мы считаем необходимым привести наиболее существенные показатели, основанные на материалах этих исследований.

В текстовом обзоре материалов подворной переписи, произведенной в Московской губернии в 1898—1900 гг., П. А. Вихляев писал: «Чисто земледельческие семьи, опирающиеся в своем существовании на один земледельческий труд, представляют в среде крестьянского населения Московской губ. редкое и исключительное явление. Из наличных крестьянских семей всего 6% не имеют в своем. составе лиц, занимающихся тем или иным промыслом, 94% семей уделяют большую или меньшую долю труда своих членов промысловым занятиям». В дальнейшем он указывал, что «из общего числа лиц обоего пола, входящих в состав наличных приписных крестьянских семей, занято промыслами 39,2%», причем «преобладающую

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XII, стр. 253.

[2] Там же, стр. 254 (курсив наш.—*А. Р.*).

категорию промысловых занятий сельского населения Московской губернии составляет обрабатывающая промышленность, в которой находят занятие $^2/_3$ общего числа обоего пола, посвящающих свой труд промысловым занятиям»[1].

Дополнительно к этим данным по Московской губернии приведем также сводные показатели в отношении трех других центральных промышленных губерний, извлеченные из работы «Районы Ивановской промышленной области». Эти показатели составлены на основании разработки материалов земских статистико-экономических обследований, произведенных в конце XIX и в начале XX в.

«О быстроте вовлечения сельского населения в ряды фабрично-заводских рабочих можно судить по тому, что за время с 1868 г. по 1909 г. во Владимирской губ. число рабочих увеличилось на 157%, в то время как все ее население увеличилось лишь на 51%; в Костромской губ., при общем росте населения на 52%, численность рабочих возросла на 499%; в Ярославской губ. росту всего населения на 21% соответствовал рост ее рабочих на 473%.

Картина развития неземледельческих промыслов в конце прошлого и начале текущего века среди сельского населения Владимирской, Костромской и Ярославской губ. является весьма показательной (в %):

Показатели	Владимирская губ.	Костромская губ.	Ярославская губ.	В среднем
Число хозяйств с промыслами . .	89,8	88,4	86,4	88,6
Число всех промысловиков в % ко всему населению	30,0	27,5	29,3	28,8
а) мужчины	48,0	46,3	49,0	47,5
б) женщины	13,3	9,4	11,9	11,7
Число промысловиков в % к населению в рабочем возрасте	49,8	46,4	45,7	47,8
а) мужчины	84,6	80,5	78,1	80,5
б) женщины	20,9	15,5	17,7	13,3

Без малого $^9/_{10}$ наличных крестьянских хозяйств на территории края и почти половина взрослого населения принимали участие в каких-либо неземледельческих промыслах, причем в этих промыслах принимали участие $^4/_5$ взрослых работников мужчин.

В большинстве случаев занятие неземледельческими промыслами вызывало отход населения с обычного места жительства. Во Владимирской губ. среди сельского населения, имевшего неземледельческие промыслы, 61% уходили на заработки из своей деревни, 4% имели как местные, так и отхожие промыслы и лишь 35% были заняты исключительно в местных промыслах. В Ярославской

[1] «Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения», т. IV, вып. II, М. 1908, стр. 1, 2 и 65.

губернии уходили из деревни 88,4% всего числа промысловиков мужчин в рабочем возрасте.

По данным земских переписей во Владимирской губ. среди мужчин в рабочем возрасте, занимавшихся промыслами, 52,8% имели промыслы, совершенно отрывавшие их от сельского хозяйства; в Костромской губ. их было 34,4%, в Ярославской губ. 53,8%, а в среднем по трем губерниям 46,3%»[1].

Приведем соответствующие данные и по Нижегородской губернии, так как в дальнейшем изложении нам придется остановиться на процессах формирования промышленного пролетариата в этой губернии.

На основании материалов местных земско-статистических исследований, произведенных путем подворного опроса за 1887—1890 гг., было установлено, что в ряде уездов Нижегородской губернии было свыше $^2/_3$ дворов с промыслами и что столь же высоким был удельный вес работников, занятых промыслом. Показатели по отдельным уездам приведены в следующей таблице[2]:

Уезды	% дворов с промыслами	% работников, занятых промыслом
Семеновский	87,3	89,7
Балахнинский	87,8	86,5
Макарьевский (луговая, приволжская часть)	84,4	82,4
Макарьевский (приветлужская часть)	77,7	92,4
Ардатовский	83,1	81,1
Горбатовский	81,1	81,2
Нижегородский	71,6	64,8
Макарьевский (заволжская часть)	57,1	55,9
Васильевский	47,4	44,0
Княгининский	42,5	41,1
Княгининский без Б. Мурашкина	41,0	39,1

О причинах столь интенсивного развития неземледельческих заработков М. А. Плотников писал: «Малоземелье, являющееся следствием недостаточности надела или возрастания населения, естественное неплодородие почвы, не вознаграждающей в достаточной мере труд обработки, малая производительность крестьянского земледелия,—результат низкой сельскохозяйственной техники и общих культурно-экономических условий,—несоответствие платежей с доходностью земли,—все это вызывает необходимость существования внеземледельческих заработков в крестьянском хозяйстве»[3].

В главах 7 и 8 «Развития капитализма в России» В. И. Ленин на основании материалов, относящихся к первым десятилетиям развития капитализма в нашей стране, указал, каким путем обни-

---

[1] «Районы Ивановской промышленной области», ч. I. «Экономическая характеристика», Москва—Иваново 1933, стр. 19—20.

[2] *М. А. Плотников*, Кустарные промыслы Нижегородской губернии, Нижний Новгород 1894, стр. 14—17.

[3] Там же.

щавшее крестьянство пополняло собою ряды рабочих, занятых в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности, в строительстве, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства.

К этому вопросу он неоднократно обращался и в последующих своих работах. В статье «Рабочая партия и крестьянство», опубликованной в № 3 «Искры» в апреле 1901 г., В. И. Ленин писал: «Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: *громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев*, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все *пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания*, процесс медленного, мучительного вымирания»[1].

Процессы пролетаризации крестьянства и пополнения им рядов фабрично-заводского пролетариата можно проследить не только по массовым статистическим данным, но и по материалам автобиографий рабочих текстильщиков, металлистов. В своих воспоминаниях бывший иваново-вознесенский ткач Ф. Самойлов писал: «Маленькая убогая деревушка из восемнадцати крытых соломой крестьянских изб прикурнула на берегу безымянной речки. Вдалеке от промышленного городка, в стороне от больших и малых дорог, деревушка затерялась в окружающих больших лесах, принадлежащих помещикам и прочим частным владельцам и лишь в ничтожной доле своей крестьянам.

Земли у мужиков было мало, да и та плохо родила. Истощенная веками, сотни раз паханная песчаная почва требовала хорошего удобрения, а его не водилось: нехватка кормов не позволяла держать лишнюю корову; даже для прокорма имеющихся немногочисленных лошадей и коров покосы приходилось покупать у помещика. То же самое и с топливом. «Кругом в лесу, ругались мужики, а дров нет». Крестьяне поголовно, за исключением нескольких кустарей, были бедняки и вести свое нищенское хозяйство без заработка на стороне не могли. Уходили на зиму в город, на фабрики. Некоторые семьи отпускали работника в город на круглый год, спасая его заработком едва державшееся хозяйство. В деревню отходники являлись только на праздники».

О материальных условиях своей семьи Ф. Самойлов пишет: «Основное занятие семьи составляло, конечно, крестьянское хозяйство. Вести его можно было только при поддержке «заработков на стороне». Отец, а позднее и мать, являлись главными работниками, поддерживающими семью денежными средствами.

Отец еще с малых лет (лет с девяти—десяти) ушел на фабрику в ближайшее село Лежнево (в 7 верстах от нашей деревни) и жил там на квартире, а домой приходил только на праздники. Весь свой заработок он аккуратно отдавал семье, то же делала и моя мать, поступив работать на ту же фабрику»[2].

И хотя автор воспоминаний указал, что «основное занятие семьи... крестьянское хозяйство», все же роль фабричного заработка была преобладающей.

«Своего хлеба у нас хватало не дальше, как до пасхи, а на остальное время до нового урожая хлеб приходилось покупать. Поэтому хозяйство наше держалось главным образом заработком отца и матери и некоторым приработком в зимнее время на дому другими членами семьи»[3].

Весьма характерна также автобиография металлиста Т. Е. Трещалова, рабочего завода б. Гужон:

---

[1] *Ленин*, Соч., т. IV, стр. 101 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] *Ф. Самойлов*, По следам минувшего. Воспоминания старого большевика, глава «Моя деревня», М. 1934, стр. 11—17.

[3] Там же.

«Я родился в 1882 г. в деревне Яковлево, Острецкой волости, Гжатского уезда, Смоленской губернии. В этой деревне я и провел все свое детство, не выезжая, до 1898 г. Жил я у родителей, которые были крестьянами помещика Синегина. Отец занимался крестьянством и кроме того работал кочегаром в Москве на фабрике Носова. Мать же моя все время работала по крестьянству. Я с малых лет помогал отцу в уходе за скотом, поил лошадей и т. д.

Учился я в сельской школе, но третий класс окончить не удалось, так как у отца не было средств учить дальше. Из деревни я должен был уйти на завод, потому что нечем было жить. У нас была семья в 11 человек: кроме отца с матерью 9 человек детей. Земли было мало: десятин 4—5 на всю семью. Поэтому два моих старших брата еще раньше меня отправились на завод. Не успел я подрасти, как отец сказал мне:

— Жить в деревне нечем, иди на работу в город.

Я и поехал в Москву к своим братьям. Они меня с помощью нашего деревенского устроили мальчиком в строительном отделении завода Гужон»[1].

Процесс формирования рабочего состава капиталистической промышленности происходил непрерывно также в результате распада кустарной промышленности и перехода бывших кустарей в ряды фабрично-заводского пролетариата. Роль этого источника в деле формирования пролетариата была весьма значительной и вследствие того, что эти новые пополнения были сравнительно более подготовленными к фабрично-заводскому труду, так как они уже обладали рядом производственных навыков.

В. И. Ленин, указав, что «...детальщик «кустарь» является составной частью капиталистической мануфактуры», писал в «Развитии капитализма в России»: «Второе обстоятельство, которое необходимо особенно подчеркнуть, это—подготовление искусных рабочих мануфактурой. Крупная машинная индустрия не могла бы так быстро развиться в пореформенный период, если бы позади нее не стояла продолжительная эпоха подготовки рабочих мануфактурой. Напр., исследователи «кустарного» ткачества Покровского уезда Владимирской губ. отмечают замечательную «техническую умелость и опытность» ткачей Кудыкинской волости (в ней находится село Орехово и известные фабрики Морозовых): «нигде... мы не встречаем такой напряженности... в труде... здесь всегда практикуется строгое разделение труда между ткачом и шпульником... «Прошлое... выработало в кудыкинцах»... совершенные технические приемы производства... уменье ориентироваться при всевозможных затруднениях». «Нельзя строить фабрик в любом селении и в каком угодно числе»,—читаем о шелкоткачестве: «фабрика должна идти вслед за ткачом в те селения, где образовался путем отхода» (или, добавим, путем домашней работы) «достаточный контингент знакомых с делом работников». Такие заведения, как петербургская фабрика обуви, не могли бы так быстро развиться, если бы, скажем, в районе села Кимры не выработались веками искусные рабочие, которые теперь ударились в отход; и т. д.»[2].

---

[1] «Русский рабочий в революционном движении», сборник статей «Рабочие завода «Серп и молот» (б. Гужон) в 1905 г.», 1931, стр. 189.

[2] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 333—334.

В отношении текстильной промышленности имеются наиболее полные статистико-экономические материалы, отражающие указанные процессы. Поэтому возможно было дать более или менее подробную характеристику процессов формирования фабричных рабочих из разоряющихся кустарей в указанной отрасли промышленности в капиталистическую эпоху. Именно в текстильной промышленности удельный вес бывших кустарей среди фабричных рабочих был наиболее значительным.

Ряд соответствующих показателей мы приводим также и по металлической промышленности. В отношении других отраслей промышленности состояние статистико-экономических материалов не предоставило возможности осветить надлежащим образом рассматриваемый вопрос, и пришлось ограничиться лишь отдельными данными.

Насколько значительны были эти группы работников, из среды которых непрерывно вливались новые пополнения в фабрично-заводскую промышленность, можно судить по некоторым сводным подсчетам, произведенным В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России». Так, приведя данные отдельных обследований, произведенных в Московской, Владимирской, Костромской, Вятской, Нижегородской, Пермской и других губерниях, В. И. Ленин следующим образом определяет общую численность «капиталистически употребляемых рабочих» к концу XIX в.:

«Как ни отрывочны эти данные,—(других в нашем распоряжении не было)—но они все-таки ясно показывают, что, в общем и целом, в число «кустарей» попадает *масса капиталистически употребляемых рабочих*. Напр., работающих по домам на капиталистов насчитывается (по вышеприведенным данным) *свыше 200 тыс. чел.* Это по каким-нибудь 50—60 уездам, из которых далеко не все обследованы сколько-нибудь полно. Во всей России таких рабочих должно быть, вероятно, до двух миллионов человек. Прибавляя же к ним наемных рабочих у «кустарей»,—число этих наемных рабочих, как видно из вышеприведенных данных, вовсе не так мало, как у нас иногда думают,—мы должны признать, что цифра 2 мил. промышленных рабочих, капиталистически занятых вне так называемых «фабрик и заводов», есть скорее цифра минимальная»[1].

В связи с указанными процессами происходил заметный рост удельного веса численности фабричных рабочих при одновременном резком снижении удельного веса численности капиталистически занятых рабочих на дому. Это явление можно проследить также по данным о численности фабричных рабочих и работающих на дому для фабрик по обработке хлопка за пореформенный период.

В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» при анализе историко-статистических данных о развитии производства по обработке хлопка писал: «Развитие крупной машинной индустрии

[1] *Ленин*, Соч., т, III, стр. 350—351.

состояло здесь (как и во многих других случаях) в стягивании домашних рабочих на фабрику»[1]. Обратимся к соответствующим данным.

М. И. Туган-Барановский приводит следующие сравнительные данные о динамике занятых в хлопчатобумажной промышленности на фабриках и на дому за период 1866—1894/95 гг.:

«Число рабочих на хлопчатобумажных фабриках в 50 губерниях Европейской России[2]

Годы	Работающих в фабричном здании	На-дому
1866	94 566	66 178
1879	162 691	50 152
1894—1895	242 051	20 475

Мы видим, что число регистрируемых рабочих в фабричном здании быстро растет, а число регистрируемых рабочих на стороне столь же быстро падает. В 1866 г. цифра регистрируемых домашних рабочих достигла 70% работающих в фабричном здании, а в 1894—1895 гг. домашние рабочие составляли только 8% этих последних»[3]. Как видно из приведенных в «Русской фабрике» данных, процесс уменьшения работающих на дому в хлопчатобумажной промышленности происходил в более интенсивном темпе в 80-х годах и первой половине 90-х годов.

Для последующего периода мы располагаем данными на основании материалов обследования фабрично-заводской промышленности, произведенного в 1908 г. Согласно этим данным[4] в хлопчатобумажной промышленности России в 1908 г. было занято работающих в фабричном здании 492,3 тыс. и работающих на стороне 20,6 тыс. человек. Следовательно, группа работающих на дому в 1908 г. составляла лишь 4,2% работающих в фабричном здании[5].

---

[1] Там же, стр. 366.

[2] Вычислено для 1866 и 1879 гг. по данным *Масленникова*, К вопросу о развитии фабричной промышленности России, а для 1894—1895 гг.—по «Перечню фабрик и заводов», СПБ 1897.

[3] *М. И. Туган-Барановский*, Русская фабрика в прошлом и настоящем, изд. 7-е, 1938, стр. 370—371.

[4] «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г. Министерство торговли и промышленности. Отдел промышленности», под ред. В. Е. Варзара, П. 1912, стр. 24.

[5] Резкое сокращение занятых в домашней текстильной промышленности Германии можно проследить по данным переписей 1882, 1895 и 1907 гг. (*К. Г. Воблый*, Третья профессиональная промысловая перепись в Германии, Киев 1911, стр. 387—388):

«Сокращение домашней промышленности произошло главным образом за счет убыли в текстильной промышленности. В этой группе было занято в 1882 г. 206 тыс., в 1895 г.—133 тыс., а в 1907 г.—только 82 тыс.».

Характеризуя причины указанного сокращения, К. Г. Воблый писал: «Громадные успехи техники в области механического ткачества содейство-

И в других работах мы встречаем указания на процесс притока из среды бывших кустарей новых пополнений на текстильные фабрики. Ограничимся отдельными иллюстрациями.

Так, Н. Н. Владимирский, отметив, что в то время как за 19 лет—с 1868 по 1887 г.—отход мужчин в Костромской губернии оставался почти стационарным, а отход женщин непрерывно возрастал, писал:

«Уезды с наибольшим ростом женского отхода—Костромской и Нерехтский, основой этого роста имеют развитие крупной текстильной фабричной промышленности, поглотившей значительное количество женщин костромской деревни, преимущественно в Костромском и Нерехтском уездах, где почва была подготовлена широким развитием кустарного ткачества среди крестьянства»[1].

Представляют также интерес следующие данные в отношении хлопчатобумажной промышленности Владимирской губернии:

«Когда же к концу 1903 г. появляются первые признаки окончания промышленной депрессии, немедленно затишье 1899—1903 гг. сменяется оживлением хлопчатобумажной промышленности, главным образом, бумаготкацкой, красильной и ситцепечатной.

Открываются остановленные фабрики, строятся новые, растет фабрично-заводский пролетариат. Рост этот идет преимущественно в тех районах, где ранее действовали раздаточные конторы и ручные ткачи-кустари создают главный контингент рабочих новых фабрик. Приобретение навыков и обучение механическому ткачеству, требуя не более 4—6 недель обучения, не могло служить препятствием к такому переходу; заработная плата, вдвое большая, чем плата ручного ткача, влекла кустарей на фабрику. Открытие фабрик в кустарных районах устраивало и фабрикантов, давая большую возможность для эксплоатации бывшего кустаря-рабочего, связанного с сельским хозяйством и привыкшего к эксплоатации со стороны раздатчиков в предыдущие годы своей работы»[2].

В работе П. Фомина приведены весьма характерные данные о падении гвоздарного промысла в течение длительного периода в одном из его центров—Тверской губернии:

«О дальнейшей эволюции гвоздарного промысла мы находим краткое указание в «Сборнике статистических сведений о Тверской губернии», т. VIII, Тверской уезд, вып. 2 (Тверь 1892 г.). Промысел год от году падает, уменьшается число кузниц и производителей, как это видно из следующей таблицы:

вали концентрации производства. Мелкое ткачество теряет более и более почву, уступая место крупным централизованным предприятиям. Ткачи домашней промышленности поступают на фабрику в качестве мастеров или других рабочих или меняют свои профессии».

[1] *Н. Н. Владимирский*, Отход крестьянства Костромской губ. на заработки, Кострома 1927, стр. 88.

[2] «О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губернии в 90-х годах», вып. II, изд. Владимирского истпарта, 1926, стр. 7—8.

		1851 г.	1880 г.	1892 г.
Васильевское	Число кузниц	61	38	25
	» кузнецов	488	275	100
Михайловское	Число кузниц	32	10	9
	» кузнецов	248	79	64
Орудово	Число кузниц	26	17	10
	» кузнецов	208	135	64
Яковлево	Число кузниц	38	31	25
	» кузнецов	304	200	150

Гвоздари бросают промысел и землю и идут искать заработков в Тверь и Питер. Уходящие для обработки земель нанимают батраков из оставшихся дома соседей. В начале 90-х годов в селе Васильевском уже до 190 человек (из 657 человек мужчин рабочего возраста) работало на Тверских мануфактурах и на калошных фабриках С.-Петербурга; в дер. Орудово до 125 человек (из 452 человек рабочего возраста) жили в Петербурге чернорабочими и фабричными в Твери; в дер. Яковлеве—70 человек из 212 мужчин рабочего возраста. Десять-двенадцать лет тому назад *из всей* Васильевской волости уходило около 200 мужчин, женщин и детей в С.-Петербург на резиновые мануфактуры и до 100 человек в Тверь»[1].

Для иллюстрации значительного уменьшения роли кустарных промыслов за последующий период приведем также весьма характерное описание Гусевым соответствующих процессов, происходивших в особенно резкой форме с 90-х годов в таком старом районе стале-слесарных промыслов, каким являлся Павловский промышленный район Нижегородской губернии:

«С 90-х годов усовершенствования техники производства механических изделий, примененные в то время на фабриках Западного края и Польши, ставят Павловский промышленный район в тяжелое положение: рынки, на которых дотоле павловские изделия находили массовый сбыт—Западный край, Украина, юго-запад Европейской России, даже Харьков были быстро потеряны и павловский нож и замок едва удерживал за собой Поволжье, ср.-азиатские владения и Сибирь. Весь Павловский промышленный район испытывает ряд жестоких кризисов. Заработок кустаря резко падает, товар нейдет. По данным земской статистики в 900—901 гг. средний заработок кустаря-ножевщика равнялся 2 руб. 40 коп., а замочника 3 р. 50 к. в неделю, в следующем году он несколько повышается, но в 1903—1904 гг. падает до 2 руб., поднимаясь несколько в следующие годы японской войны и революции. В 1907—1909 гг. вся павловская промышленность переживает снова длительный и тяжкий кризис—заработок кустаря падает до 1 р. 50 к. в неделю и вообще доходит до той грани, когда самое производство становится экономически бессмысленным. При таких условиях металлической промышленности Павловского района

[1] *П. Фомин*, Очерк истории гвоздарной промышленности в России, Харьков 1897, стр. 39.

в целях самосохранения не оставалось ничего иного, как спешно перестраиваться на новых началах»[1].

Указав далее на значительный технический прогресс в производстве, выразившийся в частности в появлении новых машин, в росте применения паровых двигателей, Гусев в цитированной статье писал:

«Истощенный продолжительными и частыми кризисами кустарь, не будучи в состоянии далее выдерживать натиск капитала и машины, начинает с поразительной быстротой терять свою вековую самостоятельность и превращается прямо или косвенно в покорного слугу капитала. Этот процесс наглядно определяется следующими цифровыми данными (в %):

	1889 г.	1901 г.	1912 г.
Число самостоятельных кустарей	47,6	36,0	25,0
Работавших на раздатчиков	43,0	50,0	45,0
Рабочих фабричных	9,4	14,0	30,0

Эта постепенно понижающаяся цифра самостоятельного кустаря достаточно ясно говорит о полной победе в промысле капитала»[2].

На основании разработки материалов анкеты о кустарной промышленности, произведенной редакцией «Торгово-промышленной газеты» в 1913 г., на которую было получено весьма значительное количество ответов, Я. Я. Полферов также отмечал падение кустарной промышленности в результате конкуренции крупных фабрично-заводских предприятий и уход из нее лучших работников:

«Все более и более увеличивающийся отход кустарей на фабрики и заводы не мог не остаться без известного влияния на кустарные промыслы. ...Уходят лучшие мастера... Потянулись на фабрики целыми семьями... в районах производства сельскохозяйственных машин, особенно в земледельческих, кустари стали поступать к сложным паровым машинам, в качестве кочегаров, машинистов, слесарей. Затем многие кузнецы и слесаря перешли на работы при железных дорогах»[3].

На основании материалов общих обследований, произведенных земствами, и специальных обследований так называемой кустарной промышленности был опубликован ряд обстоятельных данных об условиях труда при домашней форме капиталистической промышленности. Для нашей темы представляют особый интерес сравнительные данные об оплате и прочих условиях труда при домашней форме капиталистической промышленности и на фабриках и заводах крупной промышленности.

---

[1] *Гусев*, Промыслы Нижегородской губ., «Краеведческий сборник», т. I, Нижний Новгород 1925, стр. 138—139.

[2] Там же.

[3] *Я. Я. Полферов*, Кустарная промышленность в России. (Опыт экономического исследования), СПБ 1913, стр. 35.

Они указывают, что как ни исключительно тяжелы были условия труда на фабриках и заводах капиталистической России, еще более тяжелыми оказались условия труда при домашней форме капиталистической промышленности.

Для ряда периодов и отраслей промышленности мы располагаем данными о сравнительной оплате труда кустарей и фабричных рабочих, занятых в одних и тех же производствах, причем во все периоды можно проследить исключительно резкое отставание оплаты труда занятых в домашней системе капиталистической промышленности[1] по сравнению с соответствующей оплатой в фабрично-заводской промышленности[2]. В результате наблюдался значительный переход кустарей на фабрики и заводы. Приведем характерные данные, относящиеся к концу XIX и первому десятилетию XX в. Описывая на основании обследования 1899 г. один из значительных районов, занятых изготовлением бумажных материй, расположенный в юго-восточной части Московской губернии, в котором преобладали домашние ткачи, П. Вихляев указывает на условия, определившие преобладание ручного ткачества при домашней форме капиталистической промышленности:

«Ручное ткачество бумажных материй встречает сильную конкуренцию механического ткачества и держится на почве крайне низкой расценки труда и необыкновенно высокой продолжительности рабочего дня. В 1899 г. за кусок нанки от 40 до 70 арш. платили от 60 коп. до 1 руб.; причем дневной заработок ткача достигал всего 20—30 коп. в день, от 1 р. 20 к. до 2 руб. в неделю. Только хороший ткач, при высокой интенсивности труда в состоянии был заработать на нанке 8 руб. в месяц, заработок же среднего ткача спускается до 6 руб. в месяц. Женщины, работающие над изготовлением более дешевых и ниже оплачиваемых сортов тканей, зарабатывают в месяц не более 3—4 руб.

---

[1] Указания на аналогичные процессы в германской промышленности содержатся в письме Ф. Энгельса А. Бебелю от 11 декабря 1884 г. («Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932, стр. 290):

«Вследствие того, что рабочий домашней промышленности обычно обрабатывает свой клочок земли, возникает возможность больше, чем где бы то ни было, снижать его заработную плату. То, что прежде было счастьем маленького человека—сочетание полеводства и промышленной деятельности,—становится теперь сильнейшим средством капиталистической эксплоатации. Грядка картофеля, корова, клочок пашни позволяют ему продавать свою рабочую силу ниже существующей цены; они *принуждают* его к этому, потому что приковывают рабочего к земле, которая в состоянии его прокормить лишь отчасти. Так наша промышленность приобретает способность экспортировать благодаря тому, что она сплошь и рядом дарит всю прибавочную стоимость покупателю, между тем как доход капиталиста образуется путем урезки нормальной заработной платы. Это в той или иной мере наблюдается во всякой сельской домашней промышленности, но нигде не выражено так резко, как у нас».

[2] О весьма своеобразном явлении, связанном с низкой оплатой труда кустарей, сообщает В. Борисов («История развития кустарных промыслов в городе Туле, Тульского уезда...», «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. IV, 1882, стр. 2288): «Известно, что хотя у нас существуют паровые самоварные, замочные, скобяные и другие фабрики, но благодаря дешевизне рабочих фабриканты нередко прибегают в громадных размерах к помощи кустарей. Весьма часто мы получаем вещи наших фабрикантов Теплова, Воронцова, Баташевых, Балашева, Лямина и других, а на самом деле такие вещи сделаны кустарями и только помечены клеймом известного фабриканта».

Но и такой ничтожный заработок достигается только при необыкновенной продолжительности рабочего дня в 14—16 часов и при крайнем напряжении сил. При застое в сбыте расценка труда еще более понижается и общий годовой заработок кроме того сокращается невольными прогулами, вызываемыми недостачей основы у работников.

Заработок фабричного ткача бумажных материй значительно выше. По записям, произведенным при исследовании 1899 г., месячный заработок ткача на местных более мелких фабриках достигает 13—15 руб., а на крупных мануфактурах повышается до 23—26 руб. при 9-часовой продолжительности рабочего дня. *При указанных условиях молодое поколение местного крестьянского населения стремится освободиться от домашнего ручного станка, и ручное ткачество бумажных материй переходит в руки женщин, стариков и подростков.*

К темным сторонам бумажного ручного ткачества принадлежит также эксплоатация детского труда в раннем возрасте, при размотке утка на шпули. Фабричный отход исследуемого района продолжает развиваться с каждым годом, причем ткачи уходят на заработок в Егорьевск, Павловский посад, Богородск, Зуево и в соседние фабричные местности Владимирской губернии»[1].

На основании детального анализа значительного статистического материала Н. И. Воробьевым дана следующая общая оценка нефабричных промыслов Шуйского уезда Владимирской губернии:

«Но красной нитью по всем решительно промыслам, не исключая и варежниц, проходит одна важная особенность в организации производства и сбыта,—это зависимость мелкого производителя от крупного предпринимателя, который является обыкновенно собственником и сырья и продуктов производства, и работа «на хозяина», «на скупщика», «на раздаточную контору» отмечена почти у всех рабочих нефабричной промышленности. Поэтому все нефабричные промыслы в общем обзоре пришлось характеризовать как, главным образом, домашнюю форму крупной промышленности, крупной не столько, может быть, в смысле размеров предприятия, сколько в смысле эксплоатации рабочего в целях получения прибавочной стоимости. Низкие заработки, полная беспомощность рабочего и важное значение промыслового заработка в бюджете семьи рабочего, все эти и многие другие черты положения труда и рабочего как нельзя лучше соответствуют определению так называемой системы выжимания пота. *За немногими исключениями, все промыслы держатся на труде малолетних, стариков и лиц, занятых в домашнем хозяйстве, которого они не могут оставить.* Эксплоатируются силы, которые не могут свободно распределяться в производстве страны и которые, поэтому, получают крайне низкую оценку и мало производительное употребление. Домашняя ткачиха может конкурировать с фабричной только при условии очень низкой оплаты труда первой» [2].

Н. И. Воробьев в текстовом обзоре к подворной переписи населения Шуйского уезда (Иваново-Вознесенский район), произведенной

---

[1] *П. А. Вихляев*, Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения, М. 1908, стр. 485—486 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X, вып. III. Шуйский уезд. Промыслы крестьянского населения, Владимир 1908, стр. 40—41 (курсив наш.—*А. Р.*).

в 1899 г., приводит также следующие весьма характерные данные о резком отставании заработков рабочих, занятых в домашней промышленности, по сравнению с заработками фабричных рабочих в этом крупном промышленном районе:

«Одиночки в наиболее развитых промыслах, как обработка волокна и кож, зарабатывают чрезвычайно мало сравнительно с фабричными. У фабричной работницы средний месячный заработок 11—12 руб., а у домашней ткачихи менее 5 руб. С заработком до 5 руб. в месяц фабричных работников только 4,4%, а нефабричных—36—38% и притом в производстве, которое требует хороших рабочих (обработка кож).

Только сравнивая эти цифры о заработке фабричных и нефабричных рабочих, можно уяснить себе, какая пропасть лежит между домашней и фабричной промышленностью.

Такие заработки, какие дает домашняя промышленность, могут быть только подсобными при другом, главном промысле; если же главный промысел—земледелие—не удовлетворяет своему назначению и подсобный заработок приобретает значительный вес в бюджете крестьянской семьи, то положение рабочего становится трагическим, ему приходится испытать весь ужас системы, получившей такое страшное название—системы «выжимания пота». При крайнем низком заработке рабочий сам, без всякого личного принуждения напрягает свои силы до крайних пределов, до полного истощения, работая по 15—18 часов в сутки. Причина такого напряжения сил лежит не только в стремлении капиталиста, посредника, скупщика и пр. получить большую прибыль за счет заработной платы, но и в низкой производительности домашнего труда»[1].

Ряд исследователей отметил в своих работах исключительно тяжелые условия работы домашних портных. Ограничимся наиболее характерными данными. П. А. Вихляев в текстовом обзоре к обследованию Московской губернии за 1899 г. писал:

«Заработок домашнего портного представляется сравнительно с состоянием других сельских промыслов довольно высоким и достигает 4—7 руб. в неделю, но условия работы представляются крайне неблагоприятными. Работа начинается с 6 ч. утра и продолжается до 10 ч. вечера, с перерывами для обеда и чая в 2—3 часа, таким образом средняя продолжительность рабочего дня достигает 13—14 часов.

Продолжительность и интенсивная работа очень дурно отзывается на здоровье работающих. Года 3 пристальной работы с заработком по 7 р. в неделю почти всегда ведут за собой скоротечную чахотку. Вид работников производил на местных исследователей впечатление полуживых людей: «бледных, зеленых, до крайности худых, с воспаленными глазами, с постоянно выступающими каплями пота, с сухим надрывающим беспрестанным кашлем»[2].

Е. А. Олюнина, приведя ряд данных о заболеваемости среди портных, писала: «По внешнему виду почти все портные производят очень тяжелое и удручающее впечатление. Уже лет 12 тому назад, по исследованиям в Москов-

---

[1] Там же, стр. 59—60 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] *П. А. Вихляев* Земледельческое хозяйство и крестьянские промыслы Московской губ., т. IV, ч. II, стр. 380—381.

ской губернии [1], они имели вид «полуживых людей». В настоящее время вид портных ничем не отличается от вышеописанного.

Работа с раннего детства настолько ослабляет организм и подрывает здоровье портных, что они в большинстве случаев забраковываются при наборе в рекруты.

Из следующей таблицы видно, что во всех избах вышеописанных селений находилось в возрасте:

	Всего лиц	Портных	Прочих профессий	Солдат на службе	% солдат к общему числу лиц
От 20 до 25 лет	183	153	13	17	9,3»[2]

Приводим из статьи А. Карпова описание условий труда и быта в начале 80-х годов кузнецов, занятых в гвоздарном промысле в Нижегородской губернии:

«Кузнецы встают обыкновенно в 1—2 часа после полночи, потом в 8 часов завтракают (обыкновенный завтрак кузнеца—кусок черного хлеба, посоленный, с водой); после завтрака—отдыхают с час или с полчаса. Отдых производится тут же в кузнице, для чего в некоторых кузницах вдоль стен устроены узенькие дощатые примосты, на которые ложатся кузнецы. Обедают кузнецы около 12 часов, потом, не отдыхая, работают по 4—5 часов и ложатся в это время спать слегка поужинав. Следовательно, кузнецы спят около 6 часов. Вследствие такой постоянной тяжелой работы большая часть кузнецов хилы здоровьем; это заметно особенно в тех селениях, где кузнечные работы производятся целый год: бледность, малорослость, какая-то расслабленная походка бросаются в глаза при первом взгляде. Особенно хилы дети, которые принуждены работать одинаковое со взрослыми количество времени, тяжело видеть, как замазанный углями бледнолицый ребенок торопливо и неловко возится с своим тяжелым молотом, который не по силам его слабым ученкам»[3].

О крайне низком уровне заработков гвоздарей Нижегородской губернии сообщает Гусев в статье «Промыслы Нижегородской губ.»:

«Заработки здешних кустарей были поистине нищенскими. А. М. Плотников определяет их в 1 р. 70 к. в неделю, через пятнадцать лет после обследования района Плотниковым в десятилетие, предшествовавшее войне 1914 г., заработок взрослого кузнеца-гвоздаря колебался от 2 до 3 руб. в неделю.

Не надо забывать, что этот заработок приходится за 16 часов в сутки тяжелого труда в самой неблагоприятной обстановке, в которой рабочего попеременно обдает жаром раздуваемых горнов и холодным ветром через двери и окна, открываемые нарочно для вытягивания из кузницы смрада и жара, которого в кузнице всегда много, так как кустарь перерабатывает разный железный хлам» [4].

К. Маркс в «Капитале», указывая на весьма тяжелые формы эксплоатации женского и детского труда в мануфактуре, писал о «домашнем труде»: «При так называемом домашнем труде эксплоатация приобретает еще более бесстыдный характер, чем в мануфак-

[1] «Московская губ. по местному обследованию 1898—1900 гг.», т. IV, вып. 2, стр. 381; Богословский («Санитарное описание мелкой промышленности Богородского уезда», изд. Московского земства, 1907, стр. 117) пишет: «Портные бледные, худые, с плохо развитой мускульной системой и подкожным жирным слоем производят впечатление людей истощенных».

[2] *Е. А. Олюнина*, Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ., М. 1914, стр. 157—168.

[3] *А. Карпов*, Кузнечный промысел в северо-восточной части Арзамасского уезда и смежной части Нижегородского уезда, «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. IV, 1880, стр. 186—187.

[4] «Нижегородский краеведческий сборник», т. I, 1925, стр. 148.

туре, потому что способность рабочих к сопротивлению уменьшается их разделением и потому что между собственно работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, потому что домашний труд повсюду борется с машинным или по меньшей мере мануфактурным производством той же самой отрасли, бедность похищает у рабочего необходимейшие условия труда—просторное помещение, свет, вентиляцию и т. д.,—нерегулярность занятий растет и, наконец, потому что в этих последних убежищах для всех, кого крупная промышленность и земледелие сделали «излишними», конкуренция между рабочими необходимо достигает своего максимума»[1].

Нижеприведенные данные о возрасте и грамотности являются показательными для сравнительной характеристики состава фабричных и домашних ткачей.

Массовые данные подворного обследования Московской губернии 1898—1900 гг. о возрастном распределении фабричных и домашних ткачей также свидетельствуют о том, что фабрика привлекала наиболее трудоспособные группы работников:

Возрастной состав ткачей (в % к итогу)

		Мужчины			Женщины		
		до 17 лет	18—45 лет	46 лет и старше	до 17 лет	18—45 лет	46 лет и старше
Бронницкий уезд	Фабричные ткачи .	10,4	78,5	11,1	14,7	80,8	4,5
	Домашние » . .	13,3	56,3	30,4	19,2	64,8	16,0
Волоколамский уезд	Фабричные » . .	8,2	75,3	16,5	16,8	75,1	8,1
	Домашние » . .	15,9	54,3	29,8	22,9	65,9	11,2

Анализируя эти данные, П. А. Вихляев в текстовом обзоре писал:

«Среди фабричных ткачей как мужского, так и женского пола резко выделяется относительно высоким значением наиболее трудоспособная группа 18—45 л.»[2].

На основании материалов указанного обследования, произведенного в Московской губернии в 1898—1900 гг., П. А. Вихляев также отметил сравнительно повышенную грамотность фабричных рабочих:

«Распространение грамотности среди ткачей домашних и ткачей фабричных представляет, как видно из помещаемых ниже сведений, крупные отличия (см. табл. на стр. 288).

По всем 3 уездам одинаково как среди мужского, так и женского населения наблюдается более высокая грамотность среди фабричных ткачей по сравнению с домашними ткачами. В особенности крупная разница в состоянии грамотности по двум сравниваемым категориям ткацкого населения наблюдается

[1] *Маркс*, Капитал, т. I, 1935, стр. 357—358.

[2] «Московская губ. по местному обследованию 1898—1900 гг.», т. IV. Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения вып. 2. Промыслы. Составил П. А. Вихляев, М. 1908, стр. 644.

Процент грамотных и учащихся

	Бронницкий уезд	Волоколамский уезд	Московский уезд
	мужского пола		
Ткачи домашние	46,1	55,7	67,4
» фабричные	74,0	63,7	71,5
	женского пола		
Ткачи домашние	11,3	11,7	24,1
» фабричные	21,3	12,3	29,1

по Бронницкому уезду, так как мы здесь встречаемся с двумя наиболее резко выраженными крайними типами—фабричными рабочими Раменской мануфактуры и домашними ткачами гладких бумажных материй»[1].

Третьим основным источником пополнения рядов промышленного пролетариата в капиталистическую эпоху, чье значение все увеличивалось, были семейства самих фабрично-заводских рабочих (группа «потомственных пролетариев»). На этой группе мы остановимся в следующей главе, при характеристике процессов образования постоянных кадров в промышленности.

В течение всего рассматриваемого периода значительно увеличилась роль городского населения в деле формирования промышленного пролетариата. О динамике численности городского населения за капиталистическую эпоху приведем следующие общие показатели:

Динамика численности городского населения Европейской России за 1863 г.—1 января 1914 г.[2]

Годы	Численность городского населения	
	в тыс.	в % к 1863 г.
1863	6 105,1	100
1885	9 964,8	163
1897	12 049,3	197
1 января 1909	14 977,9	245
1 » 1914	18 596,8	305

За 50 лет численность городского населения Европейской России увеличилась в три раза. В то время как численность городского населения с 1863 по 1897 г.—за 34 года—увеличилась почти на 6 млн. человек, с 1897 по 1914 г.—лишь за семь лет—абсолютная численность городского населения Европейской России увеличилась свыше чем на 6 млн. человек. Рост численности городского населения в Сибири и на Кавказе за период 1863—1914 гг. был более высоким, чем в Европейской России.

[1] «Московская губ. по местному обследованию 1898—1900 гг.», т. IV. Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения, вып. 2. Промыслы. Составил П. А. Вихляев, М. 1908, стр. 656—657.

[2] Таблица составлена на основании официальных данных, опубликованных в изданиях Центрального статистического комитета.

Для характеристики движения численности населения в крупных центрах ограничимся данными в отношении обеих столиц, причем мы приводим данные начиная с 1869—1871 гг., так как имеющиеся данные за 1863—1864 гг. представляются нам явно преуменьшенными.

Динамика численности населения Петербурга и Москвы за с 1869—1871 гг. по 1914 г. [1]

Петербург			Москва		
годы	численность населения		годы	численность населения	
	в тыс.	в % к 1869 г.		в тыс.	в % к 1871 г.
1869	668,0	100	1871	602,0	100
1881	928,0	139	1882	753,5	125
1890	1 033,6	155	1897	1 038,6	173
1895, середина года	1 202,1	180	1902	1 174,7	195
1900 » »	1 418,0	212	1907	1 345,7	224
1905 » »	1 635,1	245	1912	1 617,7	269
1910 » »	1 881,3	282	1914	1 762,7	293
1914 » »	2 217,5	332			

Темп движения численности населения столиц за рассматриваемый период был интенсивнее по сравнению с соответствующим, исчисленным для всего городского населения Европейской России. Следует также отметить, что в абсолютных числах прирост населения в столицах с конца 90-х годов по 1914 г. был более высоким, чем за предшествующий период.

Так, численность населения Петербурга с 1869 по 1895 г. (за 26 лет) увеличилась на 534 тыс., а с 1895 по 1914 г. (за 19 лет)—на 1 015 тыс. человек; в Москве численность населения увеличилась с конца 1871 по начало 1897 г. (за 25 лет) на 436 тыс., а с 1897 по 1914 г. (за 17 лет)—на 724 тыс. человек. Накануне империалистической войны численность населения в обеих столицах составляла около 4 млн.

С 60-х годов XIX в. по 1913 г. численность фабрично-заводских рабочих увеличилась свыше чем на 2 млн. человек. Одновременно создалась многочисленная армия строительных рабочих, этого «нового класса промышленных рабочих», по выражению В. И. Ленина. Столь значительное увеличение численности промышленного пролетариата происходило в результате весьма интенсивных миграционных процессов.

[1] Источники для Петербурга за 1869, 1881, 1890 гг.—данные переписей за эти годы, за 1895—1914 гг.—«Материалы по статистике Петрограда», вып. I, П. 1920, стр. 10; для Москвы—«Статистический ежегодник города Москвы», вып. 4, 1911—1913 гг., М. 1916, стр. 40, и «Статистический ежегодник за 1914 г.», изд. ЦСК, СПБ 1915.

Из общей характеристики формирования промышленного пролетариата в России мы выделили в специальный раздел исследование связанных с этим формированием миграционных процессов. Это исследование в основном было произведено в двух направлениях. Мы стремились выяснить по материалам первой всеобщей переписи населения, произведенной в 1897 г., ряда переписей населения крупных центров, отдельных специальных исследований, а также переписей рабочего состава ряда крупных промышленных предприятий, из каких районов происходил в наиболее значительных размерах приток рабочих масс в эти центры и предприятия. Одновременно по материалам, главным образом, земских обследований также устанавливалось, в какие промышленные районы преимущественно направлялся неземледельческий отход. При сочетании данных, полученных из указанных двух источников, оказалось возможным наметить основные миграционные процессы и тем самым осветить один из существенных вопросов при характеристике формирования промышленного пролетариата в России.

В настоящем разделе мы ограничились лишь общей характеристикой соответствующих миграционных процессов, ряд же дополнительных показателей, более подробно освещающих эти явления, приведен в последующем изложении при характеристике процессов формирования состава рабочих отдельных отраслей промышленности.

Используя материалы Департамента земледелия, основанные на показаниях хозяев, В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» указывает на направления внеземледельческого отхода: «Главнейшие передвижения *неземледельческих рабочих*: 1) В столицы и в большие города главным образом из неземледельческих, но в значительной степени и из земледельческих губерний. 2) В промышленный район на фабрики Владимирской, Ярославской и др. губерний из тех же местностей. 3) Передвижение к новым центрам промышленности или к новым отраслям ее, к центрам промышленности не-фабричной и пр. Сюда относится движение: а) на свеклосахарные заводы юго-западных губерний; б) в южный горный район; в) на портовые работы (в Одессу, Ростов н/Д., Ригу и пр.); г) на разработку торфа во Владимирской и др. губерниях; д) в Уральский горнопромышленный район; е) на рыбные промыслы (в Астрахань, к Черному и Азовскому морям и пр.); ж) на судовые, судоходные работы, на вырубку и сплав леса и т. п.; з) на работы железнодорожные и т. д.»[1].

Таким образом, если обратиться к приведенному В. И. Лениным перечню районов и отраслей народного хозяйства, куда преимущественно направлялись неземледельческие рабочие, то в основном эти передвижения были связаны с работой в промышленности.

Общее представление о значительных миграционных процессах населения 50 губерний Европейской России за четыре десятилетия

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 458.

(1861—1900 гг.) можно получить также по данным о количестве выданных паспортных документов. Сводка соответствующих данных была приведена в «Материалах учрежденной 10 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России»[1].

Согласно указанной сводке количество выданных паспортных документов в 50 губерниях Европейской России изменялось по десятилетиям следующим образом:

Десятилетия	Количество выданных документов (в тыс.) в переводе на годовые паспорта[2]	Прирост за десятилетие	
		в тыс.	в %
1861—1870 гг.	8 680,0	—	—
1871—1880 »	18 900,6	10 220,6	118
1881—1890 »	24 631,6	5 731,0	30
1891—1900 »	50 410,6	25 779,0	105

Таким образом, особенно резкий скачок в абсолютном количестве выданных паспортных документов произошел в десятилетие 1891—1900 гг., когда по сравнению с предыдущим десятилетием количество паспортных документов увеличилось почти на 25 млн., или на 105%. Этот весьма значительный прирост был вызван отчасти промышленным подъемом 90-х годов. Но следует также учесть изменения в условиях выдачи документов. В «Обзоре табличного материала» имеются следующие указания:

«Коренные облегчения в условиях выдачи видов на жительство произведены лишь в последнее десятилетие, на основании законов 3 июня 1894 г. и 7 апреля 1897 г. Этим, повидимому, и объясняется главным образом усиленная продажа за это десятилетие бланков видов, как общего количества их, так и особенно долгосрочных»[3].

Помимо этих сводных данных значительный интерес представляют также данные по отдельным районам. Не приведя абсолютных показателей, мы считали возможным ограничиться относительными показателями[4], приведенными в следующей таблице, где отдельные районы расположены в убывающем порядке на основании показателей, исчисленных за десятилетие 1891—1900 гг. (см. табл. на стр. 292).

Как видно из приведенных показателей, число паспортов, приходившихся на 1 тыс. душ, колебалось по отдельным районам в весьма значительных размерах. Так, за десятилетие 1891—1900 гг. при среднем показателе в 53,1 повышенные показатели определялись в средне-промышленном районе—113,1 и в столич-

[1] Разработано Департаментом окладных сборов, ч. III, П. 1903, стр. 226.

[2] Принимая кратковременные билеты за 1/4, полугодовые—за 1/2, на год и более—за 1.

[3] «Обзор табличного материала», стр. 112.

[4] «Материалы учрежденной 19 ноября 1901 г. Комиссии...», ч. III, стр. 226.

Районы	На 1 000 душ обоего пола приходилось паспортов ежегодно			
	1861—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.
50 губерний Европейской России .	13,9	26,8	30,2	53,1
В том числе:				
средне-промышленный	39,4	71,9	75,5	113,1
столичный	39,5	57,1	60,5	96,2
северо-западная группа средне-земледельческого	20,5	40,6	47,8	86,1
северный	16,6	35,1	34,4	64,9
средне-приволжский	10,7	27,2	29,8	54,1
прибалтийский	10,4	14,3	15,9	51,1
северо-восточный	5,9	16,4	18,9	44,1
юго-восточная группа средне-промышленного	8,8	18,8	22,3	42,3
Полтавская и Черниговская губ.	7,9	16,9	22,3	41,3
северо-западный	9,4	16,9	22,8	40,2
юго-западный	3,7	11,4	18,1	33,6
новороссийский	6,4	14,1	17,0	25,6
юго-восточный	1,7	6,6	10,8	25,3
восточный	2,6	7,5	7,4	15,8

ном—96,2, а сравнительно пониженные показатели в юго-восточном—25,3 и в восточном—15,8. Следует также отметить, что авторы текстового обзора к «Материалам», указав на сравнительно высокие показатели передвижения также в районах среднеземледельческом, северном и в средне-приволжских губерниях, писали: «Большое же развитие передвижения населения означенных губерний даст, казалось бы, некоторое основание к заключению, что живущее в них население менее обеспечено, сравнительно с населением других местностей, средствами, добываемыми в месте приписки, вследствие чего оно вынуждено пополнять недостаток этих средств заработками на стороне». За первые десятилетия XX в. сводные данные об отходе на заработки по всей стране не были опубликованы. Но из работы Н. В. Турчанинова[1] заимствуем следующие существенные показатели, составленные на основании ряда источников (см. табл. на стр. 293).

Таким образом, по этим четырем районам с наиболее значительным отходом на заработки показатели отхода увеличились в 1906—1910 гг. по сравнению с 1891—1900 гг. примерно на 30%. Более заметно повысились рассматриваемые показатели в отношении северо-западного района.

[1] *Н. В. Турчанинов*, Потребность в миграциях сельского населения в связи с его диференциацией в центрально-земледельческом, западном, центрально-промышленном и северо-западном районах, «Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института», т. III, М. 1926, стр. 359—360.

Районы [1]	Выдано паспортов в % к наличному населению в среднем в год	
	1891—1900 гг.	1906—1910 гг.
Центрально-земледельческий . . .	8,9	9,7
Западный	6,6	9,3
Центрально-промышленный	17,2	23,6
Северо-западный	9,3	17,0
В среднем по 4 районам . .	12,1	15,8

Отдельные губернии резко различаются по направлению отхода. В одних губерниях направляющиеся на заработки рабочие находят применение своему труду в пределах своей же губернии или смежных; это последнее весьма часто встречается в губерниях, в которых имеется развитая промышленность, в других отход, главным образом, направляется в сравнительно более отдаленные районы. Так, в частности губернией, в которой отход преимущественно сосредоточен в ней самой, является Московская. На основании материалов местного обследования Московской губернии 1898—1900 гг. П. А. Вихляев приходит к следующим выводам: «Из общего числа лиц обоего пола, занятых в отхожих промыслах, работает в своем уезде 39,1%, в своей губернии—5,5%, в г. Москве—46,0%, в Петербурге—2,4%, в других губерниях—4,5% и для 2,5% отхожих промышленников не удалось точно установить место их занятий. Как видно из приведенных сведений, главнейшим пунктом, в который направляется население для промыслов, является Москва, затем крупную величину составляют промышленники, находящие место для приложения своего труда в пределах своего уезда. Преобладающее большинство промышленников, не менее $^9/_{10}$ общего числа лиц, работающих вне своего селения, находят себе занятие, не выходя из пределов губернии, чем и отличается Московская губ. от других отхожепромысловых районов, как например соседние с ней губернии, где население для приложения своего труда должно продвинуться на весьма значительное пространство»[2].

Эти различия можно проследить не только в отношении отдельных губерний, но также между отдельными уездами внутри одной и той же губернии.

Еще по материалам обследования Московской губернии, произведенного в начале 80-х годов, Ф. Ф. Эрисман указывал на различия между отдельными уездами в степени применения труда уроженцев своего или других уездов: «В этом отношении между отдельными уездами Московской губ. существует большая разница в том смысле, что в одних уездах та часть населения, которая занимается фабричным трудом, работает почти исключительно на местных фабриках, тогда как в других уездах фабричные рабочие лишь в небольшом количестве остаются на территории своего уезда, преимущественно отпра-

[1] Распределение отдельных губерний по районам иное, чем в «Материалах учрежденной 10 ноября 1901 г. Комиссии...»

[2] «Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения», вып. II. Промыслы. Составил П. А. Вихляев, М. 1908, стр. 34.

вляясь на фабрики других уездов, либо просто потому, что они предпочитают работать на стороне, либо потому, что к этому их принуждает слабое развитие промышленности в собственном уезде»[1]. Ограничимся отдельными показателями. Так, из всех рабочих уроженцев данного уезда работало на фабриках своего уезда в Богородском уезде 90,8%, в Московском—86,7, в Можайском—36,3 и в Рузском—19%.

В «Русской фабрике в прошлом и настоящем» М. И. Туган-Барановский на основании земских статистических работ опубликовал ряд весьма существенных данных, характеризующих резкий рост отхода крестьян на заработок, наблюдавшийся в 90-х годах.

В особенности заслуживают внимания отмеченные им изменения в характере отхода: увеличился отход на фабрики и заводы. Так, в отношении Псковской губернии М. И. Туган-Барановский приводил из работы «Промыслы крестьянского населения Псковской губернии» следующие наблюдения:

«Главным местом отхода для мужчин служит Петербург. В Петербурге псковичи «обыкновенно поступают в качестве чернорабочих на различные фабрики и заводы или же поступают в дворники, ломовые и легковые извозчики». Уходят также торговать вразнос, но любопытно, что за последнее время отход на фабрики стал вытеснять торговый отход: «привычного к отходу вязовца (Вязовская волость—центр торгового отхода) с каждым годом стала все более захватывать петербургская фабрика, и подсчет отхожих рабочих по видам занятий, по всей вероятности, покажет, что эта волость, прежде занимавшаяся сплошь торговлей, половину отхожих рабочих в настоящее время посылает на петербургские фабрики, заводы и другие места» [2].

На основании материалов Ярославской губернии он указывал:

«Весьма интересно, что в Ярославском уезде за последнее время замечается изменение рода отхода: раньше уходили преимущественно в Питер для услужения в мелочные лавки, трактиры и пр., теперь же все больше и больше привлекает крестьянское население фабрика. По словам местных корреспондентов, «отход на заработки, особенно фабричные, увеличивается с каждым годом», «на фабричные работы как лучше оплачиваемые начинают переходить от других видов отхода»; «фабричным промыслом, по выгодности заработка от него, крестьяне увлекаются все более и более с каждым годом и оставляют другие промыслы»[3].

Приведем данные, относящиеся к отходу на работу на фабрики, заводы и рудники из Смоленской губернии:

«Первое место занимает работа на различных *фабриках* и *заводах*, показанная в 93 волостях 10 уездов и особенно в Вяземском, Гжатском и Сычевском. Смоленцы идут главным образом в Петербург, Москву и в московский промышленный район; время отхода и продолжительность отлучки самые раз-

---

[1] «Сборник статистических сведений по Московской губ.». Отдел санитарной статистики. Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губ. за 1879—1885 гг., т. IV, ч. I, под ред. Ф. Ф. Эрисмана, стр. 242—244.

[2] *М. И. Туган-Барановский*, Русская фабрика в прошлом и настоящем, Соцэкгиз, М. 1938, стр. 416—417.

[3] Там же, стр. 417.

нообразные; большинство отсутствует круглый год, известная часть приходит домой на 1—3 месяца для всех полевых работ или только для сенокоса. Время отхода из деревни у многих, еще не порвавших окончательно связи с деревней и землей, около пасхи и покрова, когда происходит на фабриках перемена количества и состава рабочих»[1].

Особенный интерес представляют указания Д. И. Жбанкова о том, как происходило развитие отхода из Смоленской губернии на каменноугольные копи и металлургические и металлообрабатывающие заводы.

«Пятое место занимает *работа в рудниках, каменноугольных копях, на железных и рельсопрокатных заводах*; этот отход указывается главным образом в юго-западной части губернии, почти во всем Рославльском уезде, в большинстве волостей Ельнинского и в отдельных соседних с первыми волостях Смоленского, Дорогобужского, Краснинского и Юхновского уездов. Такое сосредоточение этого отхода в одной части губернии, как фабричной, в другой указывает на постепенное развитие и распространение каждого специального отхода. Оно, вероятно, шло таким образом: сначала рославльцы пошли на на соседние с ними Брянские заводы Орловской губ., здесь узнали об открытии новых заводов в Екатеринославской губ., часть направилась туда на «авось», устроилась более или менее сносно, потянула за собой других как из своей, так и соседних волостей Рославльского уезда; из последних волостей слух о хороших заработках перешел в смежные волости соседних уездов, и, таким образом, круг двигающихся на юг постепенно расширяется и захватывает новые области. Идут эти промышленники главным образом в Брянск и в Бежицу Орловской губ., а большая масса в копи и заводы Екатеринославской губ. Продолжительность отсутствия из дому и время ухода различны; одни живут на стороне круглый год, другие уходят только на осень и зиму до начала полевых работ, а третьи наоборот—отсутствуют с весны до зимы, на которую возвращаются домой» [2].

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин отмечал положительную роль неземледельческого отхода. Указывая, что в результате неземледельческого отхода повышается грамотность и сознательность населения, появляются новые культурные потребности и привычки, происходит освобождение от ряда «...патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях...», ослабляется в значительной степени старая патриархальная семья, растет заработная плата, В. И. Ленин писал: «Подобно отвлечению населения от земледелия в города, неземледельческий отход представляет из себя *явление прогрессивное*»[3].

Переходим к характеристике и обзору второй группы материалов, полученных в результате общих переписей населения и специальных обследований фабрично-заводской промышленности, произведенных в районах значительного притока рабочей силы. Указанная группа статистико-экономических материалов представляет особый интерес при исследовании процессов формирования промышленного пролетариата. Обзор этой группы материалов мы начнем с краткой характеристики соответствующих данных, полученных при первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Несмотря на существенные дефекты при производстве и разработке материалов первой всеобщей переписи 1897 г., отмеченные

---

[1] *Д. И. Жбанков*, Отхожие промысла в Смоленской губ. в 1892—1895 гг., изд. Смоленского губернского земства, Смоленск 1896, стр. 39—41.

[2] Там же.

[3] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 449.

рядом исследователей, мы считали возможным частично использовать эти материалы, так как вследствие массовости данных они все же отразили важные процессы. Перепись была в конце XIX в., в разгар промышленного подъема, и, несомненно, по ее материалам можно проследить значительные миграционные процессы, происходившие за эти годы.

Обратимся к данным о распределении рабочих по месту рождения, полученным в результате разработки материалов переписи 1897 г.[1]. К сожалению, данные о распределении по месту рождения не были разработаны отдельно в отношении рабочих фабрично-заводской промышленности, а лишь в отношении сводной группы «Рабочие и прислуга», в состав которой входили и рабочие фабрично-заводской промышленности. Поэтому эти данные не вполне сопоставимы с последующими данными. Но так как эти данные являются наиболее массовыми за дореволюционный период, а также учитывая, что фабрично-заводские рабочие значительно представлены в этой сводной группе, следует признать, что указанные данные переписи 1897 г. о распределении по месту рождения если не в полной мере, то все же несомненно отразили миграционные процессы фабрично-заводских рабочих.

Приведем наиболее существенные показатели. Рабочие и прислуга в Европейской России, на Кавказе, в Сибири и Средней Азии по месту рождения в 1897 г. распределялись следующим образом:

В числе рабочих и прислуги было уроженцев

		Той же губернии, где их застала перепись		Других губерний		Других государств	
		мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Европейская Россия	Всего	3224 989	1705 253	1357 695	489 209	26 998	5 765
	В %	70,0	77,5	29,4	22,2	0,6	0,3
Кавказ	Всего	201 068	40 896	175 686	41 819	37 734	1 108
	В %	48,6	48,8	42,3	49,9	9,1	1,3
Сибирь	Всего	118 944	63 256	161 854	27 846	31 086	191
	В %	38,1	69,3	51,9	30,5	10,0	0,2
Средняя Азия	Всего	193 684	12 370	36 916	10 355	10 587	155
	В %	80,3	54,1	15,3	45,2	4,4	0,7

[1] «Распределение рабочих и прислуги по группе занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.», под ред. Н. А. Тройницкого, П. 1905.

Уроженцев других губерний и государств было учтено среди мужчин в Европейской России 30%, на Кавказе—51,4, в Сибири—61,9 и в Средней Азии—19,7%. Соответствующие показатели для женщин: 22,5, 51,2, 30,7 и 45,9%.

В следующей таблице группа наиболее промышленных губерний распределена в убывающем порядке по проценту уроженцев других губерний и государств среди группы «Рабочие и прислуга»:

Распределение рабочих и прислуги наиболее промышленных губерний в 1897 г. по месту рождения

Губернии местонахождения рабочих и прислуги во время переписи	Всего переписано рабочих и прислуги (в тыс.)	Из них уроженцев других губерний и иностранных государств (в % к итогу)
Петербургская	516,6	79,2
в том числе г. Петербург	433,2	80,3
Область Войска Донского	188,2	61,5
Екатеринославская	179,6	54,7
Бакинская	62,4	53,8
Московская	660,7	52,9
в том числе г. Москва	443,8	61,7
Херсонская	237,1	45,4
Харьковская	137,8	25,3
Саратовская	142,1	23,8
Киевская	226,5	23,4
Пермская	245,8	16,3
Нижегородская	106,7	15,5
Владимирская	199,4	15,3
Тульская	85,6	9,2
Тверская	120,2	6,1
Костромская	111,9	6,1

Рассматриваемый показатель колебался в значительных пределах по отдельным губерниям. В то время как уроженцы других губерний составляли в Петербурге 80,3% и в Москве 61,7% общего числа рабочих и прислуги, соответствующая группа в Тверской и Костромской губерниях равнялась 6%.

Основные показатели трех таблиц, опубликованных в приложении к работе Б. П. Кадомцева[1], приведены в сводной таблице на стр. 298.

Отметим ряд существенных особенностей, характеризующих миграционные процессы в этих трех крупных промышленных районах. В Московской губернии число уроженцев этой же губернии было сравнительно значительным—47% общей численности рабочих и прислуги. Затем весьма значительно были представлены уроженцы шести соседних губерний—Тульской, Рязанской, Ка-

[1] *Б. П. Кадомцев*, Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г., П. 1909, стр. 102—104.

Распределение рабочих и прислуги Петербургской, Московской и Екатеринославской губерний в 1897 г. по месту рождения

Рабочие и прислуга Петербургской губ.			Рабочие и прислуга Московской губ.			Рабочие и прислуга Екатеринославской губ.		
губернии	число уроженцев данной губернии среди рабочих и прислуги Петербургской губ. (в тыс.)	на 100 рабочих и прислуги приходилось уроженцев данной губернии	губернии	число уроженцев данной губернии среди рабочих и прислуги Московской губ. (в тыс.)	на 100 рабочих и прислуги приходилось уроженцев данной губернии	губернии	число уроженцев данной губернии среди рабочих и прислуги Екатеринославской губ. (в тыс.)	на 100 рабочих и прислуги приходилось уроженцев данной губернии
Петербургская . . .	128,0	24,77	Московская	310,9	46,91	Екатеринославская	81,4	45,31
Тверская	79,1	15,31	Тульская	64,9	9,83	Орловская	12,6	7,02
Ярославская	50,0	9,67	Рязанская	64,4	9,73	Курская	11,6	6,46
Новгородская . . .	45,5	8,80	Калужская	47,1	7,13	Харьковская . . .	11,0	6,12
Псковская	31,0	5,82	Смоленская	34,7	5,25	Полтавская	10,2	5,66
Витебская	19,7	3,81	Владимирская . . .	32,1	4,85	Черниговская . . .	5,9	3,28
Рязанская	19,4	3,75	Тверская	28,5	4,31	Смоленская	5,4	3,01
Смоленская	18,7	3,02	Ярославская	10,9	1,65	Могилевская	5,2	2,88
Костромская	11,6	2,25	Тамбовская	5,5	0,83	Тульская	4,9	2,73
Московская	8,6	1,66	Костромская	5,3	0,80	Калужская	4,3	2,37
Вологодская	8,5	1,65	Петербургская . . .	5,0	0,75	Киевская	3,4	1,89
Калужская	8,5	1,65	Орловская	4,1	0,63	Таврическая	2,6	1,47
Олонецкая	8,0	1,55	Прочие 38 губерний.	40,1	6,00	Область Войска Донского	2,1	1,15
Тульская	7,2	1,39				Минская	1,9	1,06
Лифляндская	7,2	1,39				Херсонская	1,7	0,97
Виленская	6,9	1,33				Рязанская	1,7	0,92
Архангельская . . .	6,3	1,21				Воронежская . . .	1,6	0,89
Ковенская	6,2	1,19				Тамбовская	1,1	0,59
Эстляндская	5,6	1,08						
Прочие 31 губерния.	24,2	4,60				Прочие 32 губернии	6,3	3,35

лужской, Смоленской, Владимирской и Тверской; на эти губернии приходилось 41%. В Петербургской губернии лишь около 25% рабочих и прислуги приходилось на уроженцев этой же губернии. Весьма значительно были представлены уроженцы Тверской губернии (15,3%), Ярославской (9,7%), Новгородской (8,8%), и Псковской (5,8%). Уроженцы большего числа губерний были представлены среди рабочих и прислуги Петербургской губернии. Это же явление можно проследить и в отношении рабочего состава Екатеринославской губернии.

Наряду с материалами первой всеобщей переписи населения России 1897 г. в дальнейшем изложении приведены также материалы городских переписей столиц и вместе с тем крупных промышленных центров—Москвы и Петербурга. Эти материалы, помимо того что они в общем качественно были выше материалов переписи 1897 г., предоставляли возможность проследить рассматриваемые процессы в их динамическом развитии.

Помимо данных переписи 1897 г. и материалов городских переписей Петербурга и Москвы нижеприводимые данные о том, в какой степени фабрично-заводские предприятия пополнялись местными жителями или выходцами из других районов и каких именно, были получены в результате специальных обследований фабрично-заводских предприятий.

Анализ и сопоставление этих показателей в значительной степени затрудняются тем обстоятельством, что в многочисленных отдельных исследованиях, в которых имелись соответствующие сведения, формулировка самого вопроса и методы его разработки были различными. Так, в частности, укажем, что в одних исследованиях пришлыми считались уроженцы других губерний, в других—уроженцы не только других губерний, но и других уездов той же губернии. Иногда встречалось также и более распространенное толкование, когда к пришлым относили даже и уроженцев дальних волостей того же уезда. Наиболее массовые данные из указанной группы материалов были собраны за 1902 г. и приведены в работе А. В. Погожева. Следует оговорить, что и А. В. Погожев относится к этим данным критически. Так, он писал: «В официальных материалах 1902 г., послуживших основой для предлагаемого исследования, содержатся, между прочим, не лишенные интереса данные об участии пришлых рабочих в местной промышленной деятельности. Так как эти сведения собирались административным путем *в разное время и вне определенных инструкций*, то, само собой разумеется, они едва ли могут быть признаны однородными и достаточно определенными. Прежде всего можно предположить, что под «пришлыми» разумелись уроженцы других губерний и уездов, частью более или менее отдаленных волостей данного уезда[1]. При всем том подробная разработка этого материала представляет интерес, ибо указывает, что

[1] При таком несколько распространенном понимании группы пришлых эта группа должна была охватить значительные массы рабочих.—*А. Р.*

в 12 592 промышленных заведениях (от 6 рабочих и более) в 50 губерниях Европейской России при общей численности 1 535 842 работающих занято было в 1902 г. свыше 805 тыс. пришлых или 52,4% в пределах от 3,4% (Псковская губ.) до 80,5% (С.-Петербургская губ.). Пришлое рабочее население в г. Москве составляет 90,5% (при 53,4% для всей губернии), а в С.-Петербурге—90%»[1].

Так как эти данные относились свыше чем к 1,5 млн. работающих, то следует более подробно на них остановиться. Для детального освещения вопроса об удельном весе пришлых среди общей массы работающих составлены на основании данных, опубликованных А. В. Погожевым в вышеуказанном исследовании, две таблицы: одна—по группам производств, другая—по наиболее промышленным губерниям.

Пришлые рабочие в промышленных предприятиях с количеством от 6 до 1 000 и более рабочих в 1902 г. по группам производств

Группы производств	Число заведений	Общее число рабочих	В том числе пришлых	На 100 рабочих приходилось пришлых
		(в тыс.)		
Обработка хлопка	578	347,5	175,9	50,6
» шерсти	762	95,8	45,8	47,8
» шелка	193	23,9	14,2	59,4
» льна, пеньки и джута	348	55,3	17,8	32,2
» смешанных волокнистых веществ	259	15,1	10,4	68,9
Всего по обработке волокнистых веществ	2 140	537,6	264,1	49,1
Бумажное производство	548	44,3	18,6	42,0
Обработка дерева	1 136	61,9	36,6	59,1
» металлов	1 356	216,8	139,6	64,4
» минеральных продуктов	2 042	128,0	82,3	64,3
» животных продуктов	1 012	39,0	22,0	56,4
» питательных веществ	1 642	49,7	23,9	48,1
Химическое производство	339	32,2	23,8	73,9
Не вошедшие в предыдущие группы	76	8,1	5,7	70,4
Подлежащие акцизу	2 145	183,5	65,6	35,7
Горные заводы	156	232,7	123,7	53,2
Всего по 15 группам	12 592	1 533,8	805,9	52,5

Выше среднего (52,5%) оказался процент пришлых в группе химических производств (74%), в группе по обработке металла (64,4%) и в группе по обработке минеральных продуктов (64,3%).

[1] *А. В. Погожев*, Учет численности и состава рабочих в России, П. 1906, стр. 92—96 (курсив наш.—*А. Р.*).

Незначительно отклонялся от среднего процент в группах производств по обработке волокнистых веществ (49,1%), в горных заводах (53,2%) и в группах производства по обработке питательных веществ (48,1%).

Пониженный по сравнению со средним процент пришлых рабочих следует отметить в производствах, подлежащих акцизу (35,7%), и в бумажном производстве (42%). Колебания процента пришлых рабочих в общей массе рабочих по отдельным губерниям были более значительны. Ограничимся данными в отношении наиболее промышленных губерний.

Пришлые рабочие в промышленных предприятиях с количеством от 6 до 1 000 и более рабочих в 1902 г. по губерниям

Губернии и пункты	Число заведений	Общее число рабочих	В том числе пришлых	На 100 рабочих приходилось пришлых
		(в тыс.)		
Всего по Европейской России . . .	12 592	1 535,8	805,2	52,4
В том числе:				
Москва	785	96,7	87,6	90,6
Петербург	453	126,3	113,7	90,0
Екатеринославская	250	78,9	65,3	82,8
Петербургская	179	26,3	21,2	80,6
Область Войска Донского . . .	216	61,5	47,8	77,7
Нижегородская	105	29,1	18,6	63,9
Ярославская	203	30,6	18,4	60,1
Московская	766	173,7	92,7	53,4
Владимирская	387	141,7	70,8	50,0
Саратовская	381	21,3	10,3	48,4
Херсонская	428	23,6	11,0	46,6
Харьковская	289	36,8	16,0	43,5
Орловская.	269	24,2	8,0	33,1
Подольская	334	27,9	8,1	29,0
Киевская	430	50,3	14,1	28,0
Пермская	204	99,7	25,1	25,2
Костромская	297	61,3	13,6	22,2
Рязанская	269	19,7	4,1	20,8
Тверская	179	26,9	5,6	20,8

Процент пришлых рабочих оказался повышенным в Москве (90,6%), Петербурге (90%) и в ряде губерний, где значительное число предприятий расположено в городах. В Московской и Владимирской губерниях процент пришлых рабочих оказался близким к среднему (52,4%). Пониженный процент пришлых можно отметить в губерниях с развитой сахарной промышленностью—Подольская, Киевская губернии, в текстильных районах—Костромская, Рязанская и Тверская—и в Пермской губернии, где в горнозаводской промышленности работало местное население.

ГЛАВА 9

ФОРМИРОВАНИЕ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ В ОСНОВНОМ ИЗ СРЕДЫ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Помимо данных, характеризующих общие процессы формирования промышленного пролетариата и связанных с ними миграционных процессов, мы считали необходимым в дальнейшем изложении привести также ряд более или менее подробных показателей в отношении рабочего состава важнейших отраслей промышленности: текстильной, металлической, горной, строительной, и ряд отрывочных данных по другим отраслям промышленности, причем мы рассмотрим эти показатели по возможности раздельно для групп фабрично-заводских рабочих, которые в основном формировались или из среды местного населения или в своей преобладающей массе из пришлого населения. Но полностью так распределить соответствующие статистико-экономические материалы не оказалось возможным, так как в ряде случаев формирование рабочего состава происходило как из среды местного населения, так и из среды пришлых.

Для характеристики процессов формирования значительных групп промышленного пролетариата из среды местного населения или населения ближайших уездов или губерний мы располагаем сравнительно подробными статистическо-экономическими материалами в отношении рабочего состава текстильной промышленности центрального района, горнозаводского Урала, некоторых крупных заводов металлопромышленности, расположенных в центре (Коломенский, Сормовский).

Из этой группы статистико-экономических материалов обратимся в первую очередь к материалам, характеризующим преимущественно процессы формирования рабочего состава текстильной промышленности центрального района. Соответствующие материалы имеются почти по всем губерниям этого района, в которых была сравнительно значительно представлена указанная отрасль промышленности.

В «Общей сводке по санитарным обследованиям фабричных заведений Московской губернии»[1], произведенных за период 1879—1885 гг., опубликована детальная таблица со сведениями о месторождении рабочих. Эту таблицу мы приведем в сокращенном виде (см. табл. на стр. 303).

Авторы текста на основании этих данных приходят к следующим выводам: «При всем разнообразии в отношении месторождения и даже в этнографическом смысле состава наших рабочих, мы все же из вышеприведенной таблицы убеждаемся в том, что *за исключением небольшого, исчезающего в общей массе, количества людей фабрично-заводские рабочие в Московской губ. всецело*

[1] «Сборник статистических сведений по Московской губ.». Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. I, под редакцией Ф. Ф. Эрисмана, стр. 236—237.

Распределение рабочих Московской губернии в 80-х годах по месту рождения

Губернии	Мужчины		Женщины		Итого	
	в абсолютных числах	в % к итогу	в абсолютных числах	в % к итогу	в абсолютных числах	в % к итогу
Московская . . .	41 817	63,11	24 221	65,60	66 038	64,01
Тульская	5 687	8,58	3 038	8,23	8 725	8,46
Рязанская	5 272	7,96	2 914	7,89	8 186	7,93
Калужская . . .	5 028	7,59	2 793	7,56	7 821	7,58
Владимирская . .	3 438	5,19	1 558	4,22	4 996	4,84
Смоленская . . .	3 241	4,89	1 752	4,75	4 993	4,84
Тверская	906	1,37	409	1,11	1 315	1,27
Прочие губернии	864	1,31	237	0,64	1 101	1,07
Всего . . .	66 253	100,00	36 922	100,00	103 175	100,00

принадлежат к уроженцам центральной России и можно даже прямо сказать,—к уроженцам Московской и непосредственно граничащих с ней губерний. Именно мы имеем:

Уроженцев Московской губ.	66 038 = 64,01%
» соседних с ней губерний	36 167 = 35,05%
» других губерний	828 = 0,80%
Неизвестных и иностранцев	142 = 0,14%
Итого . . .	103 175=100,0%

Можно, стало быть, сказать, что Московская губ. дает две трети, а остальная Россия—$^1/_3$ всех наших фабрично-заводских рабочих. Мужчины и женщины распределяются в этом отношении не совсем одинаково, а именно:

	Мужчины	Женщины
Уроженцев Московской губ.	41 817 = 63,11%	24 221 = 65,60%
» соседних с ней губерний .	23 663 = 35,72%	12 504 = 33,86%
» других губерний	670 = 1,01%	158 = 0,43%
Неизвестных и иностранцев	103 = 0,16%	39 = 0,11%
Итого . . .	66 253=100,0%	36 922=100,0%

Следовательно, женщин из своей, Московской губ., оказывается, относительно, несколько больше мужчин, число сторонних женщин—соответственно меньше»[1].

О весьма значительной роли местного населения в комплектовании рабочего состава такой крупной хлопчатобумажной фабрики Бронницкого уезда Московской губернии, как Раменская, писал И. П. Сидоров на основе материалов специального обследования, произведенного в 1880 г.:

[1] Там же.

«Из числа 3 190 человек только 435 пришлых, т. е. или из других губерний, или уездов Московской губернии, а остальные 2 755 принадлежат к местным жителям...

Вышеприведенная цифра показывает, что Раменская фабрика пользуется трудом местных рабочих. Это явление произошло не по случайности, а по прямому расчету со стороны фабрики, потому что ей выгодней иметь дело с местным населением...

Влияние фабрики на население фабричного района усиливается по мере приближения селений к фабрике; так, из ближайших селений работает на фабрике до 75% населения, а из более удаленных всего 4—5%» [1].

Ф. Ф. Эрисман на основании материалов обследования фабрик и заводов Московской губернии за 1879—1885 гг. попытался определить, «каким образом осмотренные нами фабрики и заводы распределяются по отношению к своему расстоянию от Москвы» [2]. Пользуясь указанными данными, он исчислил также число фабрично-заводских рабочих, приходящееся на 1 кв. версту, в зависимости от расстояния фабрик от Москвы.

Районы	Площадь каждого района (в кв. верстах)	Сколько фабричных рабочих приходится на 1 кв. версту
От 1— 20 верст	1 877	11,2
21— 40 »	4 396	4,4
41— 60 »	6 908	3,9
61— 80 »	9 420	1,2
81—100 »	11 932	2,1
101—120 »	14 444	0,5
121—140 »	16 956	0,3

Таким образом, по рассматриваемому показателю отдельные районы Московской губернии различаются между собой весьма резко. В то время как в прилегавшем к Москве районе (от 0 до 20 верст) на 1 кв. версту приходилось 11 фабричных рабочих, в более отдаленных районах число фабричных рабочих на 1 кв. версту в значительной степени снижается, причем в районах от 100 верст от Москвы этот показатель уже ниже единицы, и Ф. Ф. Эрисман поэтому утверждает, что «по мере удаления от Москвы, развитие фабрично-заводской промышленности постепенно уменьшается».

Для характеристики весьма значительных колебаний удельного веса фабричного населения в отдельных уездах Московской губернии П. И. Куркин приводит на основании данных 1897 г. следующую группировку уездов Московской губернии по удельному весу фабричного населения ко всему населению:

«Фабричное население в уездах на 1 000 наличного населения

I		II		III	
Богородский . .	229,1	Дмитровский . .	93,9	Волоколамский .	20,8
Коломенский . .	226,1	Верейский . . .	77,0	Рузский	14,0
Московский . . .	193,3	Бронницкий . . .	76,9	Можайский . . .	4,5
Серпуховский . .	181,9	Клинский	72,3		
		Подольский . . .	67,2		
		Звенигородский .	59,7		

[1] *И. П. Сидоров*, Раменская фабрика, «Юридический вестник» № 1, 1886, стр. 147—149.

[2] «Сборник статистических сведений по Московской губ.». Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. I, М. 1890, стр. 146—148.

Таким образом, в группу уездов с наибольшим развитием фабрично-заводской промышленности входят 4 уезда, 2 центральных и 2 юго-восточных, с отношением от 180 до 230 на 1000 населения, в среднюю группу с отношениями от 60 до 100 на 1000—6 уездов, 2 северных, 2 юго-восточных, 1 западный и 1 центральный, и в последнюю—3 западных уезда, с отношениями от 5 до 20 на 1000 населения»[1].

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что в результате спроса на рабочую силу со стороны весьма развитой промышленности Московской губернии значительные массы обезземеленного крестьянства привлекались на работу на фабриках и заводах этой же губернии. П. А. Вихляев на основании анализа материалов углубленных исследований, произведенных в начале XIX в., приходит к следующему выводу: «Преобладающее большинство промышленников, не менее $^{9}/_{10}$ общего числа лиц, работающих вне своего селения, находят себе занятие, не выходя из пределов губернии, чем отличается Московская губ. от других отхожепромысловых районов, как например соседние с ней губернии, где население для приложения своего труда должно передвинуться на весьма значительное пространство»[2].

Данные о формировании фабрично-заводских рабочих г. Москвы будут приведены в следующей главе.

Резко преобладающую массу рабочих фабрично-заводской промышленности Владимирской губернии составляли рабочие текстильной промышленности. В отношении процессов формирования рабочего состава в этой губернии также сохранились массовые показатели.

На основании материалов переписи 117 тыс. рабочих Владимирской губернии, произведенной в 1897 г., составлена следующая таблица о месторождении фабрично-заводских рабочих[3]:

---

[1] *П. И. Куркин*, Статистика движения населения в Московской губ. в 1883—1897 гг., изд. Московского губернского земства, М. 1902, стр. 14.

[2] «Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения», т. IV, вып. II. Промыслы. Составил П. А. Вихляев, М. 1908, стр. 34.

[3] Эти и ряд других весьма существенных данных о составе рабочих Владимирской губернии содержатся в «Отчете чинов фабричной инспекции Владимирской губ. за 1894—1897 гг.» (Владимир 1899). Они относятся к почти 117 тыс. фабрично-заводских рабочих, преимущественно занятых в текстильной промышленности.

О порядке собирания сведений и о степени охвата переписью фабрично-заводских рабочих мы встречаем следующие указания в этой работе:

«Нижепомещенные сведения были собраны весной 1897 г. посредством всеобщей переписи фабрично-заводских рабочих, произведенной по карточной системе...

Заполнение карточек производилось личным опросом каждого отдельного рабочего...

Сравнивая число переписанных (116 798 чел.) и не переписанных (3 938 чел.) рабочих, оказывается, что первые составляют 96,6% всего фабрично-заводского населения. Поэтому относящиеся к ним выводы можно действительно считать характеризующими вообще положение фабрично-заводских рабочих губернии».

Состав фабрично-заводских рабочих Владимирской губернии в 1897 г. по их происхождению из разных губерний

Из каких губерний	Мужчины	Женщины	Всего	В %
Владимирская	56 475	36 175	92 650	79,3
Смежные:				
Московская	4 381	2 572	6 953	6,0
Тверская	230	146	376	0,3
Ярославская	154	77	231	0,2
Костромская	4 270	2 613	6 883	5,9
Нижегородская	294	138	432	0,4
Тамбовская	610	568	1 178	1,0
Рязанская	2 797	1 925	4 722	4,0
Итого по смежным губерниям	12 736	8 039	20 775	17,8
Все прочие губернии	2 020	1 353	3 373	2,9
Всего	71 231	45 567	116 798	100,0

Подавляющая масса фабрично-заводских рабочих по своему происхождению из Владимирской (79,3%) и смежных (17,8%) губерний.

Еще резче выступают процессы комплектования рабочего состава промышленных предприятий этой губернии из местного населения по следующим данным:

Расстояние родины рабочих Владимирской губернии от промышленного заведения

Показатели	Все рабочие	В том числе из Владимирской губ.
Всего учтено рабочих	116 798	92 650
Расстояние родины рабочих от промышленного заведения (в % итогу):		
до 5 верст включительно	24,2	30,0
от 5 до 15 »	26,8	32,4
» 15 » 30 »	16,5	16,7
» 30 » 100 »	20,0	16,6
больше 100 верст	12,5	4,3

Лишь 12,5% рабочих Владимирской губернии родились в местностях, отстоящих свыше чем на 100 верст от промышленного предприятия. Расстояние родины не превышало 30 верст у 67,5% всего числа переписанных рабочих.

В текстовом обзоре к работе «Промыслы крестьянского населения. Шуйский уезд» Н. И. Воробьев на основании материалов переписи, произведенной в 1899 г., указывает источники комплектования рабочими одного из основных центров текстильной промышленности—Иваново-Вознесенска:

«Откуда главным образом стекаются в Иваново-Вознесенск рабочие? Такой исключительно большой фабричный центр, как Иваново-Вознесенск, несомненно стягивает рабочих из очень отдаленных углов России, особенно рабочих, подготовленных к специальным и ответственным работам. Но масса рабочих набирается из прилегающей к городу местности»[1].

Далее, приведя подробную таблицу районов, откуда притекают рабочие Иваново-Вознесенска, Н. И. Воробьев продолжает:

«Более $^1/_3$ рабочих, живущих в исследованной части Ям, по прописке принадлежит к крестьянам Костромской губ., которая граничит с Шуйским уездом в очень близком расстоянии от Иваново-Вознесенска. Затем значительный контингент рабочих дают Шуйский и Суздальский уезды, оба 36,2% работников и 39,8% работниц. Другие уезды Владимирской губ. дают менее $^1/_{10}$ всех рабочих и, наконец, 8,9% мужчин и 4,8% женщин по прописке принадлежат к различным губерниям, кроме Владимирской и Костромской. Этих рабочих и можно только считать «пришлым» элементом, *все же остальные 92—95% рабочих принадлежат к местному населению в сравнительно узких рамках иваново-вознесенских окрестностей*. Замечательно, что из отдаленных местностей собираются не столько семейные рабочие, сколько одинокие; среди работников первых из разных местностей 6,6%, а вторых 16,3%. Но среди работниц больше семейных, чем одиноких; следовательно, женщины или принадлежат к местному сельскому населению, или, если пришли из отдаленных местностей, к семьям чисто фабричного населения.

Из разных мест, кроме Владимирской и Костромской губ., женщины-одиночки встречаются только в первых трех экономических группах населения и очень мало в последних, семейные же работницы одинаково встречаются во всех группах.

Таким образом расстояние очень сильно влияет на подбор рабочих; на большие расстояния свободно передвигаются главным образом те рабочие, которые порывают связь с землей, становятся истинным пролетариатом»[2].

Дополнительно приводим из текстового обзора Н. И. Воробьева материалов подворной переписи всего приписного населения Шуйского уезда в 1899 г. также следующие данные о степени притока рабочих на фабрики в связи с расстоянием от фабричных центров:

«Фабричная промышленность сосредоточена в уезде в нескольких крупных центрах, как гг. Иваново-Вознесенск, Шуя и сс. Кохма, Тейково. Очевидно, не весь уезд находится под одинаковым влиянием этих центров: чем дальше

[1] «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X, вып. III. Владимир 1908, стр. 105—106.

[2] Там же (курсив наш.—*А. Р.*).

от центра, тем это влияние будет слабее. Действительно, распределяя все семьи с фабричными рабочими по концентрическим районам вокруг фабричных центров, получаем следующее относительное распределение фабричных рабочих.

	На 100 душ населения приходится фабричных рабочих	
	мужчин	женщин
В расстоянии до 1 версты от фабрики	50,9	28,0
» » от 2 до 5 верст »	39,6	27,3
» » » 6 » 10 » »	37,5	24,3
» » » 11 » 15 » »	35,6	21,7
» » » 16 » 20 » »	35,0	19,1
» » » 21 и больше »	30,4	17,8

Расстояние до фабрики, даже в пределах двадцати верст, уже оказывает влияние на приток рабочих на фабрику: процент первых с 50,9 в ближайшей к фабрикам полосе падает до 30,4—в последней, самой дальней полосе, а разница в процентах фабричных женщин в тех же полосах выражается числами 28,0—17,8» [1].

На основании материалов обследования четырех крупных предприятий Владимирской губернии, произведенного в начале XX в., А. Смирнов приходит к следующим выводам об источниках комплектования фабричных рабочих:

«Рабочие набираются на фабрику преимущественно из ближайших деревень. Более трети всей рабочей массы (36,7%) выходит из округа не дальше 7—8 верст от фабрик. В следующем поясе—на расстоянии от 7—8 верст до 15 верст—уже только 14—19% рабочих, от 15 до 25 верст—около 13,8%; остальная треть (34,6%) набирается из деревень, отстоящих от фабрики дальше 25 верст... Из чужих губерний, кроме соседней Московской, на фабриках живет только 7,6%. Таким образом, хотя более половины всего мужского населения губернии идет на отхожие промыслы, *фабрика до сих пор еще стягивает к себе только ближних крестьян.*

В выборе профессии и места отхода привычка еще очень сильна у владимирского крестьянина: целые округа целые десятилетия занимаются одним и тем же, часто невыгодным и обветшавшим промыслом. Так и на фабриках: те, кто живет близко, устраиваются на них, а приток дальних крестьян туго проникает сюда, несмотря на бо́льшую выгодность фабричной работы сравнительно со многими другим отхожими промыслами» [2].

В дальнейшем изложении нам придется неоднократно отмечать тот факт, как в начальной стадии развития той или другой отрасли в новом районе привлекались рабочие, в особенности квалифицированные, из других районов. Это явление можно проследить и в отношении Владимирской губернии.

Даже в таком впоследствии крупном промышленном районе, как Иваново, в начальный период его развития, когда технический уровень производства был еще весьма примитивен, приходилось привлекать рабочих со стороны [3]. Правда, через непродолжитель-

[1] «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X, вып. III, Владимир 1908, стр. 42.

[2] *А. Смирнов*, Из наблюдений земского статистика, «Русское богатство» № 4, 1904, стр. 2 (курсив наш.—*А. Р.*).

[3] Вот как происходил процесс образования рабочего состава на фабриках Грачева в 40—50-х годах XVIII в. (*А. А. Степанов*, Крестьяне-фабриканты Грачевы. К характеристике крепостных капиталистов, «Государственный русский музей. Записки историко-бытового отдела», т. I, Л. 1928, стр. 221):

«Наиболее трудным для фабрикантов моментом было, повидимому, обес-

ное время они постепенно заменялись уже рабочими из местных крестьян.

Из сравнительно подробных материалов, относящихся к Костромской губернии, мы приводим наиболее существенные показатели. С. Гвоздев в «Записках фабричного инспектора» приводит ряд весьма характерных данных о составе фабрично-заводских рабочих одного крупного промышленного района[1]. Эти данные явились результатом разработки обследования, произведенного С. Гвоздевым в 1897 г. и охватившего 41 фабрику и завод и 18 707 рабочих, в число которых вошло 17 346 занятых на мануфактурных фабриках. На основании этих данных С. Гвоздев приходит к следующим общим выводам: «Из приведенных мною весьма кратких данных все же можно видеть, что преобладающая часть рабочих, с которыми мы имеем дело, представляет собою уже типичных фабричных рабочих, порвавших всякую связь с землей, и лишь меньшая часть рабочих находится как бы в переходном состоянии. Положение, констатированное для 1897 г., надо думать, остается таким же в настоящее время. Общее число рабочих за 8 лет увеличилось более, чем в $1^1/_2$ раза, а за 12 лет моего заведывания участком вдвое. Фабрика извлекала из деревни новые элементы. Эти последние, вероятно, еще частью связаны с деревней, зато те, которые 10 лет тому назад находились в таком положении, теперь несомненно успели уже вполне ассимилироваться с фабрикой. Этот процесс постепенного разложения деревни заметно совершился на моих глазах. Рабочих, пришлых из других промышленных районов, на фабриках моих участков никогда не было; на этот счет наши фабриканты были очень строги: относясь с крайним предубеждением к рабочим, являющимся из других районов, опасаясь, что такой бывалый рабочий внесет «заразу»

печение фабрики рабочими; дело осложнялось постепенными трениями с крестьянским обществом. За отсутствием нужных знаний среди местных крестьян первоначально приходилось набирать рабочих исключительно на стороне. Если верить показанию Бутримова (окт. 1748 г.), даже через шесть лет после основания его фабрики «фабришные... у него работники имеются все посторонние люди разных дворцовых и монастырских волостей». Трудность найти подготовленных мастеров, видимо, заставила Бутримова с появлением новой фабрики опасаться, что Грачев начнет переманивать к себе его людей. Вероятно, не без настояний Бутримова, «чтобы предупредить и пресечь несогласие между фабрик Бутримова и новостроющеюся Грачева», под опасением штрафа в 100 руб., графская канцеляриая предписала «запретить, чтоб мастеров друг у друга ни под каким видом и ни за какую цену отнюдь не перекупали и не принимали, а сыскивали бы всякой своим коштом»; исключение допускалось только в случае, если «в чем между ими сообщаго согласия друг другу уступка будет».

Мало-помалу, однако, создалась возможность в массе заменить посторонних рабочих местными крестьянами. Уже в конце 1749 г. оба фабриканта, вменяя себе в особую заслугу, доносили графу, что «при заводе обучено Ивановской вотчины крестьян с 250 человек разным мастерствам, для которых нам повступлении их внауки происходило траты немалое их число, а ныне оные внауку произведены».

[1] Е. Дюбюк в статье «Рабочее движение в Кинешемско-Юрьевецком фабричном районе» («Труд в России», кн. 1-я, 1925) указал, что район, описанный С. Гвоздевым, был Кинешемский уезд Костромской губернии.

на их фабрики, фабриканты никогда таких рабочих не принимали.

Таким образом *увеличение числа рабочих на фабриках происходило исключительно за счет свежего деревенского населения, немногих ближайших к фабрике уездов, причем источники, из которых черпались фабриками новые силы, увеличивались и вглубь и вширь.*

Из местностей, ближайших к фабрикам, на фабрики шли все работоспособные члены семьи; молодых девушек, замужних женщин фабрики забирали всех до последней. Если здесь оставались свободные руки, то только мужские: мужчин местных, уже в известной степени эмансипированных фабрикой, фабрика часто браковала как элемент наиболее беспокойный. В этом отношении дело доходило до того, что мне, помимо единоличных жалоб, приходилось выслушивать во время забастовок коллективные, проникнутые злобным чувством, жалобы мужчин на то, что их на свои фабрики не принимают, что все места отбили женки и девицы.

С другой стороны, источники расширялись и вширь. С каждым годом все больше и больше стало являться на фабрики народу из дальних углов уезда или из соседних уездов, где прежде население жило исключительно крестьянством.

О причинах этого явления вряд ли нужно распространяться: на земле стало тесно, земля перестала кормить»[1].

В статье Е. Дюбюка «Обрабатывающая промышленность Костромского края» опубликованы данные о размещении накануне империалистической войны фабричной промышленности Костромской губернии, которая являлась крупным промышленным центром:

«Другую характерную особенность фабричной промышленности Костромской губ. составляло размещение ее по преимуществу вне городских центров, в сельских местностях. В 1908 г. из 190 числившихся по губернии предприятий с общим числом рабочих в 82,7 тыс. чел. в сельских местностях находилось 130 предприятий (68%) с 61,4 тыс. рабочих (74%).

По данным «Обзора за 1911 г.», из общей по губернии суммы производства, исчисляемой в 127,5 млн. руб., на долю сельских фабрик приходилось 107,9 млн., или около 85%.

Размещение фабричного производства в сельских местностях — явление отнюдь не случайное и объясняется, главным образом, стремлением фабрикантов обеспечить себя более дешевыми и менее требовательными рабочими из сельских местностей.

Распределение крупной промышленности вне городов, при общем стремлении насаждать промышленность в старинных промышленных районах (в пределах юго-западных уездов), где имелись готовые кадры рабочих, подготовленных кустарной и мануфактурной промышленностью, привело к созданию особого типа индустриально-сельских поселений, так называемых фабричных

---

[1] «Из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг.», изд. 2-е, М.—Л. 1925, стр. 34—37 (курсив наш.—*А. Р.*).

поселков с значительным скоплением населения, полугородской стройкой, своеобразным бытом и нравами. О крупных размерах отдельных фабричных центров сельского типа, постепенно выраставших в характерные фабричные города и городки, можно судить по следующим данным: по сведениям 1911 г. считалось фабричных рабочих в поселках: Середе—11,1 тыс., Родниках—8,1, Тезине—5,6, Бонячках—4,8, Ярославском—4,0 тыс. и т. д. В 1908 г. на территории Костромской губ. имелось всего 19 фабричных, городских и сельских центров с общим числом рабочих в 73,9 тыс. человек»[1].

В работе П. Макарьева «Фабрично-заводская промышленность Костромской губ. накануне мировой войны» опубликованы данные о распределении фабрично-заводских рабочих указанной губернии в 1913 г. по месту их происхождения:

«Обследование промышленности Костромской губ. для местной выставки 1913 г. показало:

По уезду	Общее число фабрично-заводских рабочих	Из общего числа рабочих приходится % на рабочих		
		своей волости и соседних волостей своего уезда	соседних уездов своей губернии	других губерний
По 8 северным уездам губернии	1 964	86,3	6,7	7,0
Костромскому	12 577	69,6	21,6	8,8
Нерехтскому	20 266	94,4	2,2	2,6
Кинешемскому	38 264	65,6	30,4	4,0
Юрьевецкому	10 549	81,6	11,9	6,5
По губернии	83 620	75,1	19,3	5,6

В таблицу под рубрикой «своей волости и соседних волостей своего уезда» заносились исключительно рабочие местные, живущие от места службы не далее 50 верст. К таким рабочим относилось около трех четвертей общего числа рабочих губернии, а на всех остальных приходилось только около четверти»[2].

Насколько значительно были представлены фабричные рабочие в отдельных уездах Костромской губернии, можно судить по следующему утверждению В. Пирогова, основанному еще на материалах первой половины 70-х годов:

«Вообще можно заметить, что в тех местностях Кинешемского и Нерехтского уездов, где находятся главные центры фабричного производства, здешнее население настолько втянулось в фаб-

[1] «Прошлое и настоящее Костромского края», Кострома 1926, стр. 227—228.
[2] «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. XXII, Кострома 1921, стр. 15.

ричные работы, что в них участвует приблизительно один из трех или один из двух членов каждого крестьянского семейства»[1].

На основании переписи рабочих крупной льняной фабрики Костромской губернии, произведенной в 1908 г., можно также проследить, как постепенно замещались рабочие, прибывшие из других районов, в особенности квалифицированные, рабочими данного района. В докладе Н. И. Воробьева дана следующая характеристика этого процесса:

«Как создавался постоянный контингент рабочих на фабрике, видно, между прочим из следующего распределения мужчин-рабочих по расстоянию их родины от фабрики и по продолжительности службы на данной фабрике:

Продолжительность службы	Число рабочих в %		
	расстояние до фабрики		
	до 10 верст	11—30 верст	более 30 верст
1— 2 года	39,0	32,9	28,1
3— 5 лет	38,5	30,1	31,4
6—10 »	33,1	31,6	35,3
11—20 »	32,8	26,3	40,9
21 год и более	43,4	25,0	31,6

То есть, чем продолжительнее служба, тем больше в группе дальних рабочих, исключение составляет только группа рабочих, живущих на фабрике 21 год и более. Следовательно, фабрика, расширяясь, комплектовала рабочих по преимуществу из местных жителей, не нуждаясь в притоке дальних рабочих.

Другими словами, пролетаризация местного населения происходила настолько энергично, что быстро расширяющаяся большая фабрика наполнялась все более и более местными рабочими силами»[2].

В статье Ф. П. Хлопотухина «Положение ярцевских рабочих в 90-годах» мы встречаем следующие указания о районах, из которых происходило комплектование рабочих одной из крупных текстильных фабрик того периода—Ярцевской фабрики:

«Преобладающее большинство рабочих было из Смоленской губ. За рассматриваемое десятилетие количество рабочих из других губерний значительно сократилось. В числе рабочих фабрики в 1884 г. было из Смоленской губ. 75,1%, из Московской губ.—13%, из Калужской губ.—7,5% и из других губерний всего только 4,4%. Преобладающее большинство рабочих из Смоленской губ. падает на Духовщинский уезд, на территории которого построена фабрика. На долю Духовщинского уезда приходилось в этот период 43,5% из общего числа рабочих фабрик. Местное население, в большинстве не имеющее квалификации, использовалось, главным образом, на подсобных работах.

[1] *В. Пирогов*, Очерки промышленности Костромской губ., «Материалы для статистики Костромской губ.», вып. III, Кострома 1875, стр. 113.

[2] *Н. И. Воробьев*, Перепись рабочих на одной фабрике г. Костромы, «Труды подсекции статистики XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве 29 декабря 1909—5 января 1910 г.», стр. 596—597.

Рабочих ведущих и массовых профессий (подмастерья, прядильники, ткачи) из местных жителей было мало.

За одиннадцать лет происходят значительные изменения в территориальном составе рабочих. За этот период несколько увеличивается списочное количество рабочих и в то же время увеличивается процентное соотношение выходцев из Смоленской губ. В 1895 г. количество рабочих из Смоленской губ. составляло 80,3%, из Московской губ.—3%, из Калужской—8,1 % и из других губерний—2,9%...

Приведенные выше данные говорят о значительном сокращении за этот период числа приезжих из других губерний и преобладании местных жителей среди рабочих фабрики. Это отражается и в численном количестве: в 1884 г. прибывших из других губерний было 645 чел. из 2 588 чел. рабочих, а в 1895 г. приезжих 666 из 3 387 рабочих. За 11 лет число рабочих из Смоленской губ. увеличилось на 778 чел., а приезжих из других губерний всего на 21 чел.»[1].

В статье П. Т. Андреева «Состав рабочих Ярцевской фабрики в 1900—1917 гг.» дана характеристика процессов комплектования рабочими Ярцевской фабрики в последующий период:

«Из каких районов притекали на Хлудовскую мануфактуру эти крестьянские рабочие руки?

Годы	Смоленская губ.		Духовщинский уезд Смоленской губ.		Калужская губ.		Московская губ.		Другие губернии		Всего
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
1900/01	3 060	85,27	2 618	72,90	263	7,31	191	3,31	77	2,17	3 591
1913/14	6 081	90,41	5 348	79,51	256	3,81	189	2,81	200	2,97	6 726
1916/17	6 829	90,47	6 090	80,68	248	3,28	130	1,72	341	4,53	7 548

Здесь прежде всего бросается в глаза совершенно исключительное значение Смоленской губ. в отношении притока рабочей силы на Ярцевскую фабрику. В последние годы существования Хлудовской мануфактуры девять десятых ее рабочих принадлежало к числу уроженцев Смоленской губ. Притом, это значение очевидно и неуклонно растет...

Роль Духовщинского уезда в поставке рабочей силы на Ярцевскую мануфактуру растет еще более интенсивно и ярко, нежели значение всей губернии в целом: в том же 1895 г. Духовщинский уезд дал 62,4% всех рабочих фабрики, 1900/1901 г.—уже 72,9%, 1913/1914 г.—79,51%, и, наконец, накануне революции 1917 г.—80,68%.

Расчеты фабриканта Хлудова при основании фабрики на обилие дешевых рабочих рук в районе, где создавалась фабрика, вполне, таким образом, оправдались. Духовщинская деревня, до основания фабрики лишенная заработка, можно сказать, толпой повалила к Хлудову, и Хлудовская мануфактура росла, главным образом, на эксплоатации местного духовщинского крестьянства.

В этом отношении Ярцевская фабрика представляет собою, по нашему мнению, очень любопытный и яркий пример крупного промышленного пред-

[1] *Г. К. Цветков, Ф. П. Хлопотухин* и *П. Т. Андреев*, Ярцево, Партиздат, 1932, стр. 43—45.

приятия, обслуживаемого почти исключительно рабочими руками крестьянства того района, на территории которого это предприятие расположено» [1].

Для характеристики процессов формирования рабочего состава крупных машиностроительных заводов, расположенных в центральном районе, представляют значительный интерес данные в отношении Коломенского и Сормовского заводов.

О динамике численности рабочих Коломенского завода за 1878—1901 гг. можно судить по следующей таблице [2]:

Динамика численности рабочих Коломенского завода за 1878—1901 гг.

Годы	Среднее число рабочих	Годы	Среднее число рабочих
1878—1880	3 032	1891—1895	4 730
1881—1885	3 199	1896—1900	6 675
1886—1890	3 630	1901	7 460

За 20 лет численность рабочих Коломенского завода увеличилась в 2,4 раза, причем в основном указанный прирост приходился на 90-е годы.

Несмотря на столь интенсивный рост численности рабочих на Коломенском заводе, недостатка в новых пополнениях не ощущалось, так как окружающие местности выделяли рабочих не только для Коломенского завода, но и для заводов других районов страны.

Заимствуем из таблицы, опубликованной в работе П. А. Вихляева, на основании материалов подворной переписи Московской губернии 1898—1900 гг., следующие данные о численности рабочих механических заводов в четырех волостях Коломенского уезда, в котором наиболее значительно представлены рабочие механических заводов [3]:

Волости	Рабочие машиностроительного и чугунолитейного заводов	В % к общему числу промышленников по волости
Парфентьевская	872	48,1
Протопоповская	422	33,6
Сандыревская	314	22,8
Акатьевская	184	20,1

Анализируя эти данные, П. А. Вихляев писал:

«Волости Парфентьевская, Протопоповская, Сандыревская и Акатьевская составляют промышленный округ, по которому работы на заводах по обработке металлов играют весьма суще-

[1] *Г. К. Цветков, Ф. П. Хлопотухин* и *П. Т. Андреев*, Ярцево, Партиздат, 1932, стр. 114 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в «Техническом описании Коломенского машиностроительного завода», Коломна 1903, стр. 25.

[3] *П. А. Вихляев*, Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения, стр. 264—265.

ственную роль в хозяйственной жизни местного населения. Развитие означенных промысловых занятий среди местного населения находится в связи с местонахождением в окрестностях гор. Коломны обширного машиностроительного завода. Преобладающее большинство лиц, значившихся в приведенных выше списках волостей, работает на Коломенском машиностроительном заводе в качестве слесарей, кузнецов, литейщиков, токарей по металлу и т. п.»[1]. Вместе с тем П. А. Вихляев отмечал роль этого района, откуда направлялись рабочие в различные центры металлопромышленности: «Но наряду с тем, хотя и в значительно меньшем количестве, рабочие, получившие подготовку на Коломенском заводе, расходятся на промыслах по обширной области Европейской и даже Азиатской России.

Из Коломенского машиностроительного округа рабочие уходят между прочим на заводы по обработке металлов в Москву, в С.-Петербург, Екатеринослав, Луганск, Харьков, Нижний, Рязань, Полтаву, Енисейскую губ. и т. д.»[2].

В дальнейшем изложении П. А. Вихляев приводил список 37 селений Коломенского уезда, в которых заводские рабочие составляют свыше 10% от общего числа промышленников всех видов по селению:

«Таким образом в пределах Коломенского уезда мы насчитываем 37 селений, по которым работа на механических заводах является преобладающей или одним из существенных видов промысловых занятий местного приписного крестьянского населения»[3].

А. Гайсинович при характеристике развития в 70-х годах Коломенского завода писал:

«Вокруг Коломны теснились густонаселенные деревни и села. Они задыхались от лишних ртов. Земли было мало, да и та истощена веками хищнической обработки и давала скудные урожаи. Крестьяне бросали «куриные» наделы, уходили в город.

Победное шествие машинного производства губило «кустарей», лишало их последних остатков самостоятельности. Умолкали в избах коломенского округа ткацкие станки, бумажные и шелковые ручные прядильни, пустели «светелки». Много фабрик, преимущественно текстильных, было тут же под боком, в Коломенском уезде. Но они не поглощали крестьянской безработицы. *К услугам Коломенского завода было любое количество людей, готовых к фабричному труду на любых условиях.* На казенных и частных заказах и поставках да на рабочем поте ширилось предприятие братьев Струве»[4].

Помимо такого крупного завода, каким являлся Коломенский машиностроительный, и в ряде других предприятий металлопромышленности Московской губернии в результате продолжительной

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *А. Гайсинович*, Экономическое развитие Коломенского завода до 1905 г., «Шестнадцать заводов», Огиз, 1933, стр. 104 (курсив наш.—*А. Р.*).

заводской работы готовились квалифицированные металлисты, частично даже и для заводов других районов страны.

Так, П. А. Вихляев, описывая на основании материалов переписи 1899 г. также один из районов «слесарного промысла» Московской губернии в волостях Подольского, Бронницкого и Серпуховского уездов, указывает:

«Важнейшим пунктом отхода слесарей из местного района является Москва и с. Климовка Добрятинской вол. Подольского у., при котором находится крупный машиностроительный и чугунолитейный завод Московского товарищества механических изделий. *Климовский завод для всех прилегающих местностей является как бы подготовительной школой по обучению слесарному ремеслу.*

На местный завод поступают подростки не моложе 15 лет первоначально за плату по 25 коп. в день, затем последовательно, по мере подготовки, переходят в слесаря. Пройдя через Климовский завод, молодое поколение местного крестьянства направляется затем на московские фабрики и заводы. «Слесарь в Москве» является преобладающей отметкой среди местного населения, занимающегося слесарным промыслом. В значительно меньшем уже количестве уходят слесаря в С.-Петербург, Серпухов, Подольск и Мытищи»[1].

С. Архангельский в статье «Пролетариат Сормовского промышленного района», приведя ряд выдержек из земских отчетов об экономическом положении Балахнинского уезда, где указывалось, как в 80-х и 90-х годах происходил постепенный упадок сельского хозяйства и кустарных промыслов, писал:

«Отчеты за 1904—1910 гг. прямо уже подводят итог процессу пауперизации крестьянского населения района. Случаи нужды обыкновенной относятся к случаям нужды необыкновенной, т. е. крайней, как 17 : 83 (1904 г.); крестьяне Козинской волости в 1906 г. съели весь хлеб, пока его молотили и сеяли,—так мало его уродилось. Отсюда неизбежность ухода на сторонние заработки и работы на заводах этого округа, число которых, как мы увидим ниже, к тому времени возрастает.

Главным промыслом жителей Козинской, Гордеевской и Гнилицкой волостей становится работа на Сормовском заводе в качестве чернорабочих, котельщиков, слесарей, плотников, кузнецов, пильщиков и проч. Так, из числа 1 254 домохозяев в 7 селениях Козинской волости работает на Сормовском заводе 1 000 семей, т. е. 80%; в Гордеевской волости 30%, в Гнилицкой около 40%. Эти данные за 1905 г. красноречиво свидетельствуют, какую исключительно важную роль стали играть фабрики в жизни района. Отчет за 1910 г. говорит, что не малое число рабочих рук притягивают к себе фабрики и заводы, расположенные в районе Гордеевской волости. Особенно значительное число их отпускают селения, расположенные вблизи их. Так, например, в Гордеев-

[1] *П. А. Вихляев*, Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения, М. 1908, стр. 220 (курсив наш.—*А. Р.*).

ской волости заводских мастеровых из Бурнаковки насчитывается 30%, из Борзовки 28%, из Рахманихи, Княжихи и Косторихи до 80%. Не меньшее число крестьян занято этим промыслом также в селениях Козине и Копосове Козинской волости. В Сормовских заводах работает из Копосова в качестве котельщиков, сверлильщиков, слесарей, литейщиков до 300 семей, т. е. до 75%; из Козина уже несколько меньше, и чем дальше от Сормова, тем число уходящих на завод понижается. Понятно, как пагубно действовало сокращение работы на заводах; контингент безработных возрастал до громадных размеров, так как деревня ежегодно высылала новые кадры ищущих работы на стороне. По выражению отчета за 1907 г., труд обесценивался до крайности: многим пришлось жить впроголодь. *Район был таков, что в нем всегда была наготове для фабрики и завода резервная армия рабочих.*

Итак, если искать сжатой формулировки социального процесса, который протекал на протяжении периода более ста лет, от 90-х годов XVIII в. до второго десятилетия XX в., то можно сказать, что за это время население, увеличиваясь количественно, все более отрывалось от земли, переходило к отхожим и местным промыслам, а с падением последних и развитием фабрично-заводской деятельности района переходило в разряд промышленного пролетариата, связывая свою судьбу с предприятиями, организованными на капиталистический лад, т. е. с целью извлечения возможно большей прибыли из труда того же населения»[1].

В отношении Сормовского завода мы встречаем еще следующие указания:

«Вторым преимуществом, которым пользовался завод, было то обстоятельство, что Сормово окружали уезды, славящиеся опытными кустарями: Семеновский уезд—плотниками, Павловский—металлистами и т. д.

Все это дало возможность Сормовскому заводу быстро развиваться и вырасти в один из самых больших заводов в России, с разнообразными видами производства»[2].

Значительная часть вышеприведенных данных относилась к характеристике процессов формирования рабочего состава в предприятиях, расположенных вне городов. В главе о размещении крупной промышленности В. И. Ленин писал:

«...Фабричная промышленность имеет, повидимому, тенденцию с особенной быстротой распространяться вне городов;—создавать новые фабричные центры и быстрее толкать их вперед, чем городские;—забираться вглубь деревенских захолустий, оторванных, казалось бы, от мира крупных капиталистических предприятий»[3]. И в дальнейшем В. И. Ленин отмечал возможность обеспечить фабрики и заводы в сельских местностях дешевой рабочей силой,

---

[1] *С. Архангельский*, Пролетариат Сормовского промышленного района, исторические сборники «Труд в России» № 2, Л. 1924, стр. 52 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] *А. Безруков*, Сормово (1848—1908), Нижний Новгород 1925, стр. 11.

[3] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 409.

как одно из основных условий сосредоточения значительного числа крупных промышленных предприятий вне городов:

«...Переселение фабрик в деревню показывает, что капитализм преодолевает те препятствия, которые ставит ему сословная замкнутость крестьянской общины, и извлекает даже для себя пользу из этой замкнутости. Если устройство фабрик в деревнях представляет не мало неудобств, зато оно обеспечивает дешевого рабочего. Мужика не пускают на фабрику,—фабрика идет к мужику. Мужик не имеет полной свободы (благодаря круговой поруке и стеснениям выхода из общины) искать себе самого выгодного нанимателя, а наниматель прекрасно умеет отыскивать самого дешевого рабочего»[1].

Ряд исследователей указывает в своих работах условия возникновения внегородской крупной промышленности[2]. Несомненно, что наряду с другими факторами наличие свободной и дешевой рабочей силы в сельских местностях являлось одним из основных. Весьма существенными в этом отношении являются данные о рабочем составе ряда крупнейших предприятий. По этому вопросу были опубликованы материалы сравнительно значительного числа обследований, произведенных в различных районах страны и за различные периоды. Для иллюстрации указанных процессов мы приводим в дальнейшем изложении наиболее характерные данные в отношении крупнейших предприятий.

О мотивах, которыми руководствовались во вторую половину XIX в. при размещении промышленности вне городов, сохранились указания в работах исследователей этой эпохи.

Так, указывая на преобладание в России внегородских промышленных предприятий, А. В. Погожев пишет: «Следует заметить, что стремление концентрировать рабочие силы в центрах внегородских находит себе объяснение, главным образом, в желании предпринимателей обеспечить себя более дешевыми и менее требовательными «живыми орудиями производства», как называл рабочих еще в 1876 г. покойный директор Раменской мануфактуры проф. Ф. М. Дмитриев. Кроме того внегородские фабрики требуют меньше формальностей, хлопот и расходов по своему устройству и содержанию. Покупные и арендные цены на землю, близость воды и лесов, дешевые двигатели и топливо, наличный контингент рабочих сил, подготовленных предварительно мелкими и кустарными промыслами, выделяющие впоследствии отдельные крупные

---

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 409—410.

[2] В статье «О фабриках и мануфактурах в России», опубликованной в «Северной почте» № 42 за 1810 г., мы встречаем следующие замечания о преимуществах устройства фабрик и заводов вне столиц и больших городов: «Одно из ближайших средств довести произведения фабрик и заводов до большого количества и дешевизны есть то, чтобы оные были не в столицах и больших городах, а в тех местах, где первая материя ближе достается, или куда водою великие грузы привозиться могут, где жизненные припасы дешевле, и дрова выгоднее запасать можно; наипаче же разумеется сие о тех мануфактурах, кои требуют большого количества дров. При всем том стараться заводить машины, посредством коих убавляется число работников».

промышленные фирмы, запасы сырых продуктов для обработки и т. п. также имеют в этом отношении немаловажное значение»[1].

О стремлении фабрикантов перебросить промышленные предприятия в сельские местности мы встречаем также указания и в отношении Костромской губернии:

«Вычугские фабриканты, учитывая всю важность приобрести дешевую и оседлую рабочую силу, еще в 60-х годах начали отделения своих фабрик перекидывать в нефабричные местности, где можно было получить более дешевую рабочую силу, расселяясь по железной дороге, и более дальновидные, желавшие заполучить вместе с дешевой живой силой и дешевое топливо, стали перебрасывать свои фабрики или их филиалы прямо на Волгу. Примером в этом отношении может быть фирма И. Коновалов с с-м, первая построившая белильно-красильно-аппретурное отделение своей Вычугской фабрики в Каменке на р. Волге. За ней последовали другие. Этому течению среди промышленников обязаны своим возникновением в начале теперешнего столетия на р. Волге фабрика Анненской м-ры И. К. Коновалова н-ков, П. Е. Севрюгина и др.»[2].

Приведем еще следующие весьма характерные данные: Е. Дюбюк в очерке «Фабрики в деревне», отметив значительное фабричное строительство во Владимирской губернии в период после 1906 г., писал: «Другую особенность фабричного строительства последних лет составляет возникновение заведений в стороне от старых центров промышленности. Фабрики строятся главным образом не в Иванове-Вознесенске или тому подобных центрах, а в глухой провинции. .

Фабричное строительство,—читаем в «Старом владимирце»,—особенно сильно проявляется не в крупных, уже населенных промышленных центрах, а на новых местах, в провинции, в глухих дотоле деревнях и селах... Возле полузабытых полустанков и станций, среди тихих деревушек и сел, как грибы, растут всевозможные фабрички и заводы, а порою даже целые мануфактуры с левиафанами-корпусами. И там, где раньше вилась проселочная дорога, по которой нет-нет одиноко проедет крестьянская скрипучая телега, теперь шумят и гудят многоэтажные фабричные корпуса, к которым со всех сторон тянутся подводы».

Стремление фабричной промышленности к рассеянию, к проникновению в глушь деревни проявлялось еще и в 1906 г. и отмечено фабричной инспекцией»[3].

Формирование рабочего состава по преимуществу или в значительной части из среды местного населения наблюдалось не только в отношении внегородских предприятий, но и в отношении ряда фабрик и заводов, расположенных в городах. По этому вопросу

---

[1] *А. В. Погожев*, Учет численности и состава рабочих в России, изд. Академии наук, П. 1906, стр. 68.

[2] *П. Макарьев*, Фабрично-заводская промышленность Костромской губ. накануне мировой войны, Кострома 1924, стр. 61.

[3] «Современный мир» № 4, 1911, стр. 277—278.

заслуживают внимания данные об образовании промышленного пролетариата в ряде городов, как Тула, Кострома, Клинцы, Нижний Новгород и др.

На таком крупном заводе, как Тульский оружейный, рабочий состав в основном формировался из местного населения. В. Борисов в статье «История развития кустарных промыслов в городе Туле, Тульском уезде...» приводит следующие данные о распределении рабочих Тульского оружейного завода по сословиям в 1881 г.:

«Мещане тульские и других городов	2 344	рабочих	72,2%
Крестьяне	396	»	12,2%
Нижние воинские чины	314	»	9,8%
Привилегированные сословия	103	»	3,1%
Малолетние	86	»	2,6%
Иностранцы	4	»	0,1%
Итого . . .	3 247	рабочих	100,0%

Из последних данных мы видим, что лица, не принадлежащие к сословию тульских мещан, т. е. бывших оружейников, составляют немного более $^1/_4$ всех заводских рабочих; в частности же крестьяне составляют уже более $^1/_{10}$ всех рабочих оружейного дела»[1]. Таким образом, в отличие от ряда других заводов центрального района следует отметить среди рабочих Тульского оружейного завода высокий удельный вес группы городских жителей[2]— тульские мещане и др. составляли 72% общей численности рабочих.

Выше, в первом отделе нашей работы, мы уже подробно охарактеризовали условия, при которых были созданы еще в крепостную эпоху значительные кадры потомственных рабочих в уральской горнозаводской промышленности. Для характеристики соответствующих процессов в пореформенный период ограничимся наиболее существенными показателями.

Р. Попов на основании материалов о поземельном устройстве 147,6 тыс. душ населения частных заводов и 46,5 тыс. душ населения казенных заводов в начале 70-х годов приходит к следующим общим выводам о поземельном устройстве горнозаводского населения:

---

[1] «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. IX, П. 1883, стр. 2274.

[2] Следующие данные (*Зыбин*, История Тульского оружейного завода, т. I, М. 1912, стр. 291—292) свидетельствуют о развитии оружейного промысла в Туле в XVI—XVII вв. и о том, насколько значительной была группа «оружейных мастеровых людей» еще в XVIII в. среди жителей Тулы: «В 1515 г. в кузнечной слободе значилось 30 самопальных кузнецов, по переписке 1641 г. их было 152 чел., по переписке 1696 г. их было 194 чел., в 1715 г. оружейных мастеров с учениками было 1 161 чел., в 1736 г.—2 291 чел., в 1778 г. в подушном окладе состояло *оружейных мастеровых людей* с детьми 4 777 чел.

По VII ревизии в 1816 г. состояло: 7 071 чел. мужского пола и 6 930 чел. женского».

«Подводя итоги этим данным, мы найдем, что приблизительно 10 000 душ, не имеющих надела, и 56 794 души на заводах частных и 23 712 душ на заводах казенных, получившие надел *менее одной десятины* на душу, совершенно не обеспечены землей; затем 22 381 душа на заводах частных и 15 533 души на заводах казенных, получившие надел от одной до полуторы десятин (исключительно покосных земель), обеспечены настолько, что могут содержать одну, иногда две коровы; 24 261 душа на заводах частных и 3 219 душ на заводах казенных, получившие надел от двух до трех десятин, обеспечены настолько, что могут иметь корову и лошадь, иногда и больше, и вести небольшое хозяйство; наконец, только 9 620 душ на заводах частных и 2 525 душ на заводах казенных, получившие надел от трех до четырех десятин, и 3 548 душ на заводах частных и 2 213 душ на заводах казенных, получившие надел более четырех десятин, могут считаться обеспеченными настолько, что не поставлены в *прямую* необходимость отыскивать пропитание помимо земледелия, хотя и они все-таки не могут покрыть все свои нужды исключительно земледельческим трудом.

Таким образом в результате исследования всех этих данных о поземельном устройстве горнозаводского населения мы приходим к тому несомненному выводу, что земельные наделы этого населения, составляя в большинстве случаев ничтожное, в других более или менее значительное подспорье в хозяйстве, только в редких, исключительных случаях представляют некоторое облегчение его быта. Такое положение дел ставит его судьбу в полную зависимость от горнозаводской промышленности, так как в ней одной оно может отыскать средства для покрытия своих нужд, и следовательно, горнозаводский труд при существующих условиях будет главным источником существования многочисленного горнозаводского населения»[1].

Следовательно, еще материалы начала 70-х годов безусловно свидетельствуют о полной зависимости горнозаводского населения от работы на горных заводах Урала.

В работе П. Степанова приведены соображения уездных земских собраний Пермской губернии по вопросу об обеспеченности в 90-х годах горнозаводского населения заводскими заработками. Ограничимся наиболее характерными иллюстрациями:

«В большинстве местных заводов,—читаем мы в журнале Соликамского уездного земства,—постоянных заработков на заводе для горнозаводского населения недостает, и введение усовершенствованных паровых машин и других технических приспособлений сокращает спрос на рабочие руки. Заработками от местных заводов вполне обеспечены только население Кизеловской и Кувинской волостей, в заводах же Чермозском, Пожевском и Никитинском, а также на Усольских и Лысьвенских солеварных промыслах около 39% способного к труду мужского населения остаются без работы вследствие сокращения заводской промышленности...

Положение мастерового населения,—сообщает Кунгурское земство,—представляется шатким и незавидным даже со стороны главного источника

---

[1] *Р. Попов*, Горнозаводский Урал, «Отечественные записки» № 12, 1874, стр. 336—363.

средств их существования—заработков на заводах. Застой в сбыте и меньшее совершенство изделий русских заводов по сравнению с иностранными ведут к сокращению заводских работ, а вместе с тем к ухудшению быта мастеровых на всем пространстве Приуралья. Ни одно общество мастеровых уезда нельзя назвать обеспеченным заработками на заводе». По мнению Оханского земства «изыскания мер для обеспечения в продовольственном отношении горнозаводского населения в особенности необходимо для мастеровых Очерского и Павловского заводов. Мастеровое население этих заводов живет исключительно заработками на заводах, хлебопашество у них вовсе не существует. А так как производство заводов с каждым годом сокращается по усмотрению заводовладельцев и вследствие незначительного сбыта заводских произведений, то экономическое благосостояние как всех вообще горнозаводских мастеровых, так и в особенности сказанных двух заводов—представляется слишком шатким и необеспеченным»[1].

При такой исключительной зависимости горнозаводского населения Урала от заработков на заводах какова же была возможность получить на них работу?

В этом отношении заслуживают внимания данные, опубликованные в «Материалах к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губернии в продовольственном отношении»[2]. Эти данные содержат сведения о распределении горнозаводского населения Пермской губернии на рабочих и на не занятых работами на заводах по отдельным селениям. В следующей таблице приведены на основании этих данных сводные показатели как в отношении всей Пермской губернии, так и в отношении ее наиболее промышленных уездов (см. табл. на стр. 323).

Согласно приведенным показателям свыше половины (53,3%) мужчин рабочего возраста из горнозаводского населения Пермской губернии оказалось не занятыми заводскими работами. По уездам этот показатель значительно различался, а в отдельных пунктах расхождение между численностью горнозаводского населения и числом занятых на заводах было весьма резким. Следует отметить, что, вероятно, некоторая часть горнозаводского населения была занята другими работами (кустари и т. д.), но все же приведенные данные несомненно свидетельствуют о значительном несоответствии между предложением труда и возможностью получить работу в этом промышленном районе Урала.

Столь значительное предложение труда по сравнению с наличием заводской работы вызвало даже такое явление, как распределение более или менее продолжительных работ по жребию. Так, в отношении Верхне-Сергинского и Козинского заводов мы встречаем следующее указание: «Работ заводских на всех нехватает. Работа выпрашивается. В цехах работают попеременно, чтобы дать возможность пользоваться заработками большему

---

[1] *П. Степанов*, Наделение землей горнозаводского населения на Урале, изд. Петербургского политехнического института, II. 1919, стр. 45—47.

[2] «Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губернии в продовольственном отношении», изд. Статистического отделения Пермской губернской земской управы, Пермь 1900, стр. 139—150.

Число горнозаводских мастеровых мужского пола в рабочем возрасте, входящих в районы горных заводов Пермской губернии, и количество этого населения, занятое горнозаводскими работами, в 1897 г.

Уезды	Число мужчин в рабочем возрасте, принадлежащих к составу горнозаводского населения	Количество местных и постоянных служащих, рабочих, принадлежащих к составу горнозаводского населения	Количество горнозаводского населения мужского пола в рабочем возрасте, не занятого работами на заводе	% не занятых заводскими работами лиц мужского пола рабочего возраста к общему числу мужского населения в этом возрасте
	в тыс.			
Всего в селениях, входящих в районы горных заводов Пермской губ.	147,4	68,8	78,6	53,3
В том числе:				
Верхотурский	39,8	18,6	21,2	53,3
Екатеринбургский .	44,0	24,0	20,0	45,5
Красноуфимский . .	24,1	10,0	14,1	58,5
Пермский	13,0	7,3	5,7	43,8
Соликамский	6,7	4,3	2,4	35,8

числу лиц. Некоторые работы, где рабочему приходится работать подряд 2 недели, разбираются рабочими по жребию»[1].

Помимо отсутствия заработков для значительных групп горнозаводского населения Урала для этого района характерным явилось также наличие систематической частичной безработицы среди занятых рабочих уральской горнозаводской промышленности. С. И. Сигов на основании материалов специального обследования действующих горных заводов Пермской губернии, произведенного в конце XIX в., приводит следующие данные об этом явлении:

«Вследствие избытка рабочих рук на многих заводах Пермской губернии издавна установился порядок, по которому цеховые работы распределяются между несколькими группами рабочих, чередующихся через известное число дней или неделю. Величина этих «гулевых» промежутков крайне различна не только в отдельных округах, но и в различных цехах внутри одного и того же завода. При выяснении обеспеченности населения горнозаводскими работами этот порядок распределения работ между рабочими особенно необходимо иметь в виду, по крайней мере, по отношению к тем заводам, где «гулевые» промежутки между работами более значительны.

[1] «Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губ.», вып. V, ч. I. Заводской район, Казань 1894, стр. 51.

Из 88 действующих горных заводов Пермской губернии доставлены сведения (заводскими конторами и волостными правлениями) о существующих между рабочими очередях по 81 заводу (в 1897 г.)...

Суммируя все эти данные, получаем следующую таблицу:

Нет «гулевых» дней	в 22 заводах	(27,2%)
Число «гулевых» дней в течение месяца на некоторых цеховых работах достигает:		
до 10%	» 2 »	(2,5%)
» 25%	» 20 »	(24,7%)
» 50%	» 24 »	(29,6%)
» 75% и выше	» 13 »	(16%)
	в 81 заводе	100%

Таким образом «гулевые» дни существуют в громадном большинстве заводов Пермской губ., причем в некоторых цеховых работах число этих нерабочих дней в пределах рабочего месяца достигает до 75% и выше.

Кроме «гулевых» дней, на некоторых заводах вследствие избытка рабочих рук существуют частые смены цеховых рабочих в течение дня, которые вследствие того, вместо обычных 10—12 часов, отрабатывают по 8 и даже по 6 часов в сутки»[1].

Эти особенности Урала имели место в результате прикрепления рабочих. В. И. Ленин писал: «В естественной и неразрывной связи с низкой заработной платой и с кабальным положением уральского рабочего стоит техническая отсталость Урала»[2].

Е. И. Рагозин следующим образом характеризует как общие условия снабжения уральской промышленности рабочей силой, так и специфические условия, наблюдаемые на отдельных группах заводов к началу XX в.:

«Громадное большинство уральских заводов располагает таким образом устойчивым контингентом рабочих рук, навсегда прикрепленных к данному заводу земельной собственностью. В некоторых случаях заводы располагают рабочими даже в избытке, так что иногда одновременно работы на всех желающих и способных работать нехватает. В таких случаях разделяют рабочих на партии, которые поочередно на 2 недели в месяц допускаются к заводским работам. В других заводах ощущается, наоборот, недостаток в рабочих и их приходится заимствовать на соседних заводах. Надо заметить, что коренное население вообще крайне неохотно расстается с насиженным местом. Так, для вспомогательных работ (добыча руды и др. материалов, заготовка топлива,

---

[1] «Материалы по выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губернии в продовольственном отношении», Пермь 1900, стр. 31—32.

[2] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 379.

барок для караванов и пр.) почти все заводы вынуждены привлекать значительное число пришлых рабочих. На север от Пермской железной дороги и в полосе ее контингент вспомогательных рабочих пополняется зырянами из Вологодской губернии, татарами и русскими крестьянами из земледельческих уездов Пермской губернии, не из соседних губерний Вятской и Казанской; в Уфимской же и Оренбургской губерниях главный контингент таких рабочих составляют башкиры»[1].

Отметив появление к концу XIX в. небольшой группы новых заводов, преимущественно акционерных обществ, «не располагавших при своем основании постоянным составом рабочих», Е. И. Рагозин в отношении общего положения с рабочей силой на уральских заводах приходит к следующему выводу:

«Немногочисленная группа новых заводов представляет собою, впрочем, исключительное явление. *Общим же признаком для остальной массы заводов Урала надо считать наличность коренного населения, удовлетворяющего в избытке надобность в рабочих руках для каждого данного завода*»[2].

В отношении еще одного района горнозаводской промышленности мы располагаем сведениями о том, что его рабочий состав формировался из среды местного населения. В отчете Горного департамента за 1900 и 1901 гг. указано: «В Замосковском крае, на горных заводах и промыслах рабочих обращалось: в 1900 г.—28 264 чел. и в 1901 г.—25 970 чел. ...Заводскими работами в крае занималось горнозаводское население старинных местных заводов, которого пока с избытком хватает и на все вновь возникающие за последнее время горные заводы, на рудничных же работах задолжаются, почти исключительно, местные крестьяне и только на некоторые каменоломни приглашаются рабочие из других губерний»[3].

В отношении стекольно-фарфоровой промышленности являются характерными следующие данные о формировании рабочего состава в 90-х годах XIX в. на крупной фарфоровой фабрике Кузнецова, расположенной в 30 *км* от Новгорода, вблизи деревни Бронниц: «Расширяя производство, Кузнецов начал вербовать рабочих из окрестных деревень: Дорожно, Красные станки, Чавницы, Этьяны, Бронницы, Белагóра и даже Жихново. Такая вербовка рабочей силы не требовала затрат, ибо не нужно было расходоваться на привоз рабочей силы, а также не требовалось строить жилых бараков для содержания рабочих, так как они жили в своих деревнях, в 5—15 *км* от завода. Все это давало возможность Кузнецову приковывать крестьян ближайших деревень к заводу и неограниченно их угнетать. Это обстоятельство для Кузнецова облегчалось тем, что местное крестьянство, как и крестьянство всей царской России было сильно разорено,

---

[1] *Е. И. Рагозин*, Железо и уголь на Урале, П. 1903, стр. 8—9.
[2] Там же, стр. 9 (курсив наш.—*А. Р.*).
[3] Отчет Горного департамента за 1900—1901 гг., стр. 462—463.

и, чтобы просуществовать, массами шли из деревень на заводы— и там крепко держались за работу, несмотря на варварские условия жизни. Получалась двойная связь: с одной стороны, завод, а с другой—клочок своей земли и небольшое свое хозяйство. Наплыв рабочей силы давал Кузнецову возможность ставить поступающим на работу самые дикие кабальные условия работы. Для обучения фафоровому производству Кузнецов усиленно привозил московских мастеров»[1].

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что не только в текстильной, но и в других отраслях промышленности формирование рабочего состава в ряде районов страны происходило из среды местного населения.

ГЛАВА 10

ФОРМИРОВАНИЕ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ В ОСНОВНОМ ИЗ СРЕДЫ НЕМЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Обратимся к второй группе материалов, характеризующей процессы формирования рабочего состава в основном из среды неместного населения. Этим путем происходило, главным образом, формирование рабочих большинства отраслей тяжелой промышленности, расположенной в таких районах страны, где местное население не могло обеспечить промышленность, быстро развивавшуюся в пореформенную эпоху, необходимой рабочей силой. Приведем соответствующие показатели для важнейших районов металлопромышленности (петербургской и южной), горной промышленности (каменноугольной, железорудной, нефтяной и золотопромышленности начальных периодов ее развития), строительной.

Первые данные за пореформенный период о районах, откуда происходили петербургские фабрично-заводские рабочие, имелись в материалах переписи населения Петербурга, произведенной в декабре 1864 г.[2].

Группа рабочих, занятых в фабрично-заводских предприятиях, не была полностью выделена при производстве переписи. В текстовом обзоре материалов переписи указано: «Наименьшей полнотой отличаются собранные переписью данные о занимающихся на фабриках и заводах. В самом деле, трудно себе представить, чтобы в таком городе, как Петербург, фабрично-заводское население было так незначительно, каким оно оказывается по переписи. Собственно работников на фабриках и заводах около $13^1/_2$ тыс. (11 698 мужчин и 1 757 женщин), что составляет только 2,5% всего населения. По всей вероятности и значительная часть

---

[1] *И. М. Малий*, Из истории завода «Пролетарий», «Новгородский исторический сборник», вып. III и IV, под общей ред. акад. Б. Д. Грекова, М. 1938, стр. 140.

[2] «Санктпетербург. Исследования по истории, топографии и статистике столицы», изд. Центрального статистического комитета, т. I, СПБ 1868, стр. 122—123.

фабрично-заводских работников занесена при переписи в широкий отдел чернорабочих или поденщиков»[1].

Учитывая эту оговорку, мы все же полагаем, что данные о распределении в 1864 г. по месту рождения 11,7 тыс. петербургских фабрично-заводских рабочих мужчин, притом более квалифицированной части их, представляют значительный интерес. Обратимся к соответствующим показателям:

Уроженцы каких губерний	В % к общей численности фабрично-заводских рабочих		Уроженцы каких губерний	В % к общей численности фабрично-заводских рабочих
Тверской губ.	22,3		Рязанской губ.	3,3
Петербурга	10,4	20,8	Витебской »	3,2
Петербургской губ.	10,4		Иностран. государств.	2,5
Ярославской »	9,1		Калужской губ.	2,0
Смоленской »	8,3		Костромской »	1,9
Псковской »	4,8		Олонецкой »	1,1
Финляндии	4,7		Архангельской »	1,1
Новгородской губ.	3,7		Самарской »	1,0
Московской »	3,3			

Наиболее значительно были представлены среди фабрично-заводских рабочих Петербурга в 1864 г. уроженцы Тверской губ. (22,3%), Петербурга и Петербургской губернии (20,8%), Ярославской (9,1%), Смоленской (8,3%) и Псковской (4,8%). Сравнительно значительное число среди петербургских рабочих было уроженцев Финляндии (4,7%) и иностранцев (2,5%). Следует также отметить, что среди петербургских рабочих были представлены и уроженцы ряда дальних губерний.

При разработке материалов последующих переписей населения Петербурга данные в отношении рабочих фабрично-заводской промышленности не подверглись специальной разработке. Но так как в своей преобладающей массе по сословному признаку фабрично-заводские рабочие относились к крестьянам, то нижеприводимые показатели в отношении жителей Петербурга крестьян, по данным переписей 1869 и 1910 гг., заслуживают внимания (см. табл. на стр. 328).

В Петербург крестьяне направляются из значительно большего числа губерний, по сравнению с Москвой, причем в числе этих губерний имеются и более отдаленные. Отметим также, что крестьяне выходцы из шести губерний (Ярославской, Тверской, Петербургской, Новгородской, Костромской и Псковской), по данным переписи 1869 г., составляли 71% общей численности крестьян жителей Петербурга.

[1] Там же.

Распределение жителей Петербурга крестьян в 1869 г. по губерниям выхода [1]

Из каких губерний	В тыс.	В %	Из каких губерний	В тыс.	В %
Всего учтено крестьян	204,3	100,0	Рязанской	7,4	3,6
			Московской	6,9	3,4
В том числе из губерний:			Смоленской	6,3	3,1
Ярославской	45,2	22,1	Витебской	5,5	2,7
Тверской	34,4	16,8	Архангельской	5,3	2,6
Петербургской	27,0	13,2	Казанской	5,1	2,5
Новгородской	18,3	9,0	Олонецкой	4,4	2,2
Костромской	12,5	6,1	Вологодской	3,9	1,9
Псковской	8,2	4,0			

Сопоставим приведенные показатели с соответствующими по данным переписи 1910 г. В целях более правильного сопоставления мы ограничились данными лишь по городу Петербургу без пригородов.

Распределение жителей Петербурга крестьян в 1910 г. по губерниям выхода [2]

Из каких губерний	В тыс.	В % к итогу	Из каких губерний	В тыс.	В % к итогу
Всего учтено крестьян.	1 076,4	100,0	Смоленской	40,3	3,7
			Костромской	40,1	3,7
В том числе из губерний:			Калужской	24,9	2,3
Тверской	210,8	19,6	Виленской	23,7	2,2
Ярославской	133,5	12,4	Московской	22,7	2,1
Новгородской	88,0	8,2	Вологодской	22,4	2,1
Петербургской	85,3	7,9	Тульской	20,0	1,9
Псковской	84,0	7,8	Олонецкой	14,5	1,3
Рязанской	50,4	4,7	Лифляндской	13,4	1,2
Витебской	47,6	4,4	Ковенской	13,2	1,2

Если сравнить, какие губернии расположены в убывающем порядке по их удельному весу в отношении численности своих выходцев в Петербург в 1869 и 1910 гг., то окажется, что из десяти губерний, расположенных первыми в 1869 г., оставались в числе первых десяти и в 1910 г. девять губерний. Это свидетельствует о том, что в 1910 г. направлялись в Петербург в основном крестьяне тех же губерний, что и в 1869 г. Но все же за эти 40 лет—с 1869

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в издании «Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г.», изд. Центрального статистического комитета, т. I, П. 1872, стр. 118.

[2] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в издании «Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.», под ред. В. В. Степанова. Население, ч. I, стр. 290.

по 1910 г.—наметились некоторые изменения. Так, в то время как в 1869 г. на первые шесть губерний, расположенных в убывающем порядке, приходилось 71% общей численности рассматриваемой группы жителей Петербурга, в 1910 г. на соответствующие шесть губерний приходилось 60,6%. За рассматриваемый период в отходе на Петербург уменьшился в общем удельный вес группы губерний с более развитой промышленностью (из Ярославской губ. 22,1% в 1869 г. и 12,4% в 1910 г.; из Костромской губ—6,1% в 1869 г. и 3,7% в 1911 г.; из Московской губ.—3,4% в 1869 г. и 2,1% в 1910 г.). Наметился также значительный отход крестьян в Петербург из новых губерний.

Весьма характерные сведения приводит В. А. Полетика в своих публичных лекциях о том, как была удовлетворена сравнительно значительная потребность в квалифицированных рабочих петербургских металлообрабатывающих заводов в годы, непосредственно следующие за реформой 1861 г.: «Примером, как легко скопляются мастеровые там, куда призывает их заработок, могут служить теперь петербургские механические заводы. Предпринятые в этом году вооружения потребовали самого усиленного действия этих заводов. Для исполнения всех заказов правительства петербургским казенным и горным заводам потребовалось задолжать до 8 тыс. ремесленников по железному делу, и, несмотря на эту почтенную цифру, потребные рабочие явились из внутренних губерний и работы производятся с замечательным успехом»[1].

Существенные данные для характеристики формирования петербургского пролетариата были получены при обследовании Петербургского уезда.

Я. Абрамов в «Очерке крестьянского хозяйства в Петербургском уезде» указал, что по мере роста Петербурга и в Петербургском уезде развивалась фабрично-заводская промышленность, причем более значительно были представлены в уезде бумагопрядильни, в которых были заняты 6117 мужчин и 4679 женщин, за ними по численности рабочих выделялись чугуно- и сталелитейные заводы и железнодорожные мастерские—8603 (данные обследования 1882—1885 гг.). Я Абрамов писал:

«Громадный спрос рабочих рук на последних (заводах и фабриках) далеко не мог быть покрыт силами приписного населения уезда. Явилась нужда в пришлых рабочих, и последние массою повалили сюда со всех концов России. В настоящее время пришлое население уезда уже превосходит численностью население приписное. Сосредоточено оно почти исключительно по обеим сторонам Невы, и, главным образом, в пределах Московской волости. Все это по преимуществу безземельный и бесхозяйственный народ, имеющий в своем распоряжении одни рабочие руки»[2]. Всего в Петербургском уезде было учтено фабрично-

[1] *В. А. Полетика*, О железной промышленности в России, СПБ 1864, стр. 138.

[2] «Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губ.», вып. V, ч. 2, СПБ 1887, стр. 21 и 270—272.

заводских рабочих из местных крестьян 1 661 мужчина и 281 женщина, а из пришлых—19 851 мужчина и 5 768 женщин.

Весьма интенсивный рост населения Петербургского уезда происходил за счет пришлых в значительной степени в результате развития фабрично-заводской промышленности в этом уезде. Об этом можно судить также по данным об удельном весе рабочих фабрик и заводов среди пришлого населения в рабочем возрасте, полученным на основании материалов обследования 1882—1885 гг.

Процент занятых на фабриках и заводах

Волости	К общему числу пришлых в рабочем возрасте	
	мужчин	женщин
Ново-Саратовская	89	94
Московская	85	47
Александровская	79	27
Рыбацкая	69	14
Усть-Ижорская	53	4
Палюстровская	46	3
Сестрорецкая	34	—

В дальнейшем Я. Абрамов, приводя данные о том, что из общей численности фабрично-заводских рабочих в 21 512 мужчин и 6 049 женщин 21 399 мужчин и 6 039 женщин заняты работами в пределах уезда, отмечал: «Фабрично-заводский промысел самый важный для населения уезда, как по числу занятых им рабочих рук, так и по общей сумме заработков. В местном крестьянском населении фабрично-заводские рабочие и служащие составляли 9% мужчин и 1% женщин (в рабочем возрасте 15% и 2%) и в пришлом 60% мужчин и 27% женщин (в рабочем возрасте 73% и 36%). Значение промысла, таким образом, оказывается наиболее важным для пришлого населения, в котором взрослые мужчины дают фабрично-заводских рабочих более $^{7}/_{10}$ своего общего числа, а женщины более $^{1}/_{3}$. Общая сумма заработков от фабрично-заводского промысла равняется для местных крестьян 488 064 руб., что составляет 17% общей суммы промыслового заработка, а для пришлого населения—5 582 610 руб., или 64% всего промыслового заработка пришлых»[1].

В отношении одного из крупных районов текстильной промышленности—петербургского, формировавшего в основном свой рабочий состав, в отличие от большинства районов указанной отрасли промышленности, неместными рабочими, мы располагаем показателями на основании материалов специального обследования состава рабочих петербургской хлопчатобумажной промышленности в 1900—1902 гг.[2] (см. табл. на стр. 331).

Уроженцев Петербургской губернии оказалось всего 11,8%. Из обследованных 11,3 тыс. рабочих хлопчатобумажной промыш-

[1] «Материалы по статистике народного хозяйства С.-Петербургской губ.», вып. V, ч. 2, СПБ 1887, стр. 21 и 270—272.

[2] *W. Leontiew*, Die Lage der Baumwollarbeiter in St.-Petersburg, München 1906, S. 70—73.

Состав рабочих петербургской хлопчатобумажной промышленности в 1900—1902 гг. по их происхождению из разных губерний

Губернии	Число рабочих	
	абс. число	в % к итогу
Тверская	2 932	26,0
Псковская	1 451	12,8
Петербургская	1 338	11,8
Смоленская	1 069	9,5
Витебская	979	8,7
Новгородская	655	5,8
Рязанская	548	4,9
Московская	436	3,8
Калужская	356	3,1
Ярославская	335	3,0
Тульская	258	2,3
Прочие губернии	938	8,3
Всего	11 295	100,0

ленности уроженцев пяти губерний (Петербургской и четырех близких к Петербургской губернии—Тверской, Псковской, Смоленской и Витебской) было учтено 7,8 тыс., или 69%. В. Леонтьев, отмечая сравнительно высокий удельный вес уроженцев Тверской губернии среди рабочих петербургской хлопчатобумажной промышленности (26%), объясняет это обстоятельство как наличием Тверской морозовской фабрики, на которой население приучилось к работе в хлопчатобумажной промышленности, так и недостаточными земельными наделами, вследствие чего сельское хозяйство не в состоянии было прокормить население.

Развивающаяся металлопромышленность требовала новых пополнений, и они в массе своей притекали на заводы из сельских местностей. В работах отдельных исследователей мы встречаем ряд данных для характеристики указанного процесса. Ограничимся наиболее существенными иллюстрациями условий формирования кадров в важнейших районах металлопромышленности.

Крестьяне, пополнявшие ряды фабрично-заводского пролетариата, в основном привыкшие к работе в сельском хозяйстве с весьма примитивными орудиями производства, поступив на завод или фабрику, обыкновенно приступали к работе в качестве чернорабочих, грузчиков, возчиков, строительных рабочих, в общем на работах, требующих применения значительной физической силы[1]. Лишь после сравнительно продолжительной работы в качестве неквалифицированных рабочих они становились подручными, и впоследствии отдельные их группы превращались

[1] В статье А. Р. «Рабочие Сормовских заводов» («Народное хозяйство» № 4, 1902, стр. 88), в которой приведены результаты произведенного в конце XIX в. специального обследования рабочего состава Сормовских заводов, о роли хозяйственного (чернорабочего) цеха сказано: «Хозяйственный цех— это преддверие заводов, сюда первоначально попадают все пришлые новички рабочие, которых еще в первый раз выгнала нужда из деревни на фабрику и которые не имеют за собой той или другой специальности: кузнеца, плот-

в квалифицированных рабочих. В докладной записке начальника Балтийского завода К. Ратнека, представленной в правление Балтийского завода 12 декабря 1901 г., описывается на основании продолжительных наблюдений процесс создания заводских кадров из крестьян на одном из крупных петербургских заводов в начале XX в.:

«Эти цеха (требующие приложения более физической силы и машинального навыка, как например: плотничный, судостроительный и такелажный) усиленно наполняются крестьянами, особенно плотницкий цех, наиболее подходящий по их деревенской практике, равно как и кузнечные. Судостроительное дело, которое занимает по обилию крестьян второе место после плотницкого в ряду специальностей завода, знакомо крестьянам по практике их отчасти по железнодорожным, мостовым и строительным работам, исполняемым летом, и преимущественно по пароходостроению на Волге, исполняемом, главным образом, зимой. В свою очередь многочисленные железнодорожные мастерские приучили многих соседних крестьян к механическим работам (литейному, котельному, столярному) и преимущественно к слесарному и отчасти металло-токарному, почему и в механической, электротехнической, водопрудной и столярной мастерских завода сравнительно так много 2-й руки слесарей, токарей, столяров и медников из крестьян, преимущественно из безземельных, так как продолжительное предварительное изучение этих ремесл до поступления на завод в железнодорожных мастерских по хозяйственному складу надельных крестьян мало им доступно, а устроившиеся там предпочитают держаться поближе к наделам. Во всех других цехах и в выше перечисленных роли подручных и менее оплачиваемые степени мастеровых занимаются исключительно крестьянами и притом большей частью безземельными вследствие отвычки от деревни, неимеющими такой земляческой поддержки, как надельные крестьяне, между тем как заводской порядок работ, приспособленный к узкой специальности, дает мало шансов для изучения на опыте деталей ремесла без доброжелательного руководства со стороны близких людей, каковыми являются у всех родственники и свояки, а у надельных крестьян сверх того односельчане. На южнорусских заводах, осмотренных мною в марте 1900 г., являются большие затруднения в подборе мастеровых и рабочих, так как среди местного крестьянства безземельных мало, почти нет, в сельских рабочих руках большая нужда и оплата их хорошая, а надельные сравнительно зажиточны и на заводы для заработков ходить не нуждаются, почему весь контингент рабочих южных заводов пришлый из северо-западного края и губерний оскудевшего центра; напр., на доменных печах работали почти исключительно одни витебчане. *Петербургские заводы также работают не местными крестьянами, имеющими другие более выгодные промысла, а пришлыми людьми из тех же обездоленных наделами районов, как и южные заводы*»[1].

Заслуживает также внимания следующее указание К. Ратнека, которое несомненно имело и более общий характер, а именно о том, что петербургские заводы металлопромышленности пополнялись не только выходцами из сельских местностей, у которых отсутствовали достаточные профессиональные навыки, а также другими сравнительно значительными группами преимущественно из без-

---

ника, столяра и т. п. Обязанности рабочих этой группы довольно несложны; весь их труд в большинстве случаев утилизируется на переноску и перетаскивание различных тяжестей из одного цеха в другой, на выгрузку разных материалов из барж и вагонов, на нагрузку готовых фабрикатов в вагоны и платформы. Словом все черные работы. *Труд часто слишком тяжелый, но в то же время самый неблагодарный по оплате*».

[1] *А. Блек*, Условия труда рабочих петербургских заводов по данным 1901 г., «Архив истории труда», кн. 2, стр. 82—83 (курсив наш.—*А. Р.*).

земельных крестьян, уже ранее работавших в многочисленных железнодорожных мастерских, на ремонте судов и т. п. Эта предварительная работа и приобретенные в связи с ней профессиональные навыки способствовали в дальнейшем более быстрому превращению указанной группы рабочих в полуквалифицированных и квалифицированных металлистов.

Мы рассматриваем в настоящей главе также процессы формирования рабочих фабрично-заводской промышленности Москвы. Эти процессы отличались рядом особенностей по сравнению с соответствующими процессами по всей Московской губернии. Преобладающая масса промышленных рабочих Москвы формировалась из неместного населения. Ввиду важного значения этого центра мы приводим наиболее существенные материалы в более подробном изложении.

В работе д-ра П. А. Пескова [1] были опубликованы данные за 1881 г. о распределении по месторождению рабочих фабрик г. Москвы по обработке волокнистых веществ. Всего было распределено по месторождению 9 318 рабочих мужчин и 2 569 работниц. Наиболее значительно представлены среди рабочих рассматриваемой отрасли промышленности уроженцы следующих губерний:

Из каких губерний	В % к итогу	Из каких губерний	В % к итогу
Московская	42,1	Тульская	5,2
Калужская	25,7	Владимирская	2,4
Смоленская	15,4	Тверская	1,3

На Московскую и пять ближайших губерний приходилось в 1881 г. 92% общей численности рабочих Москвы, занятых в обработке волокнистых веществ.

Помимо уроженцев Московской губернии (42%) также значительную группу среди рабочих текстильной промышленности Москвы в 1881 г. составляли уроженцы Калужской губернии (25,7%). Для некоторых профессий удельный вес рабочих из этой губернии был еще более высоким: для бумажных ткачей—42,8%, для ткачих—42,4% и т. д. П. А. Песков отмечал исторические причины этого явления: «Калужская губ., и в особенности Медынский уезд ее, когда-то славилась своими парусинными полотнами, выделка которых в одном только сказанном уезде давала хлеб не менее 7 500 мужчин и 100 000 женщин, выпрядавшим пряжу для этих полотен. В Калужской губ. с давних пор самым распространенным кустарным промыслом был миткальный и выделка других бумажных простых тканей. Промыслы эти и до сих пор существуют там, но с каждым годом все более и более падают, вследствие конкуренции появившихся в последнее время сильных хлопчато-бумажных фабрик. Этим и объясняется такое

[1] *П. А. Песков*, Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве, «Труды Комиссии, учрежденной московским ген.-губ. кн. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве», ч. I, М. 1882, стр. 102—121.

сравнительно громадное количество, в особенности между бумажными ткачами, рабочих из этой губернии»[1].

Приведя ряд данных о том, как были представлены среди рабочих отдельных профессий уроженцы Московской и прочих губерний, П. А. Песков писал: «Из уроженцев Московской губ. комплектуются рабочие главным образом для тех занятий, которые представляют наибольшую специальность и требуют от работающих более навыка и уменья, а не одной только физической силы. Напротив, чем работы грубее и проще, тем они чаще совершаются уроженцами из других губерний. Между занятиями, выполняемыми по преимуществу уроженцами Московской губ., на первом плане... стоят шелковые ткачи, затем ручные набойщики и наконец граверы с рисовальщиками—все такого рода занятия, которые... есть одни из самых тонких и сложных»[2].

В годы, близкие к 1870, были произведены переписи населения в столицах: в Москве—12 декабря 1871 г. и в Петербурге—10 декабря 1869 г. По материалам этих переписей можно проследить, из каких губерний притекали новые пополнения населения столиц. Следует оговорить, что материалы этих двух переписей не содержат сведений специально о рабочих, а относятся к жителям столиц крестьянам. Но так как в обеих столицах рабочие были сравнительно значительно представлены среди всего населения, то и эти общие показатели отразили соответствующие процессы и в отношении рабочего состава. Обратимся к данным по Москве. Крестьяне были значительно представлены среди московского населения и по переписи 1871 г. составляли около 43%.

В следующей таблице отдельные губернии выхода крестьян жителей Москвы распределены в убывающем порядке по их удельному весу:

Распределение жителей Москвы крестьян в 1871 г. по губерниям выхода[3]

Из каких губерний	В тыс.	В % к итогу
Всего учтено крестьян	256,1	100,0
В том числе из губерний:		
Московской	105,0	41,0
Калужской	27,4	10,7
Смоленской	23,6	9,2
Тульской	20,0	7,8
Тверской	19,8	7,7
Ярославской	14,6	5,7
Рязанской	13,4	5,2
Владимирской	7,8	3,0
Костромской	2,7	1,1

[1] *П. А. Песков*, Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве, «Труды Комиссии, учрежденной московским ген.-губ. кн. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве», ч. I, М. 1882, стр. 118—119.

[2] Там же, стр. 114—115.

[3] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в «Статистических сведениях о жителях г. Москвы по переписи 12 декабря 1871 г.», М. 1874, стр. 76—77.

Крестьяне, выходцы из девяти губерний, составляли в 1871 г. 91,4% общей численности крестьян, жителей Москвы, причем на долю крестьян Московской губернии приходилось 41%. В общем для Москвы характерным является приток крестьян из небольшого числа губерний, расположенных вокруг Москвы.

При разработке материалов переписи населения Москвы, произведенной в 1902 г., были выделены данные в отношении рабочих фабрично-заводской промышленности.

Среди 107,7 тыс. рабочих фабрик и заводов, учтенных по данным переписи 1902 г., родилось в Москве лишь 7,9 тыс. человек, остальная резко преобладающая масса проживавших в Москве фабрично-заводских рабочих (99,8 тыс. человек) родилась вне Москвы[1]. По месту рождения они распределялись по отдельным губерниям следующим образом. Данные приведены лишь по основным губерниям выхода рабочих:

	В тыс.	В % к итогу
Все пришлое население среди рабочих фабрик и заводов Москвы в 1902 г.	99,8	100,0
В том числе из следующих губерний:		
Московской	31,4	31,5
Калужской	16,3	16,3
Рязанской	14,3	14,3
Тульской	12,3	12,3
Смоленской	11,0	11,0
Владимирской	4,7	4,7
Тверской	2,9	2,9
Тамбовской	1,0	1,0
Ярославской	1,0	1,0

На эти девять губерний приходилось 95% общей численности пришлых среди фабрично-заводских рабочих Москвы, причем свыше 60% приходилось на три губернии—Московскую, Калужскую и Рязанскую.

В работе Н. Д. Соколова приведены на основании материалов, относящихся к началу XX в., следующие данные о том, как в связи с неодинаковой степенью развития промышленности в том или другом уезде был различным характер отхода в Москву из отдельных уездов Московской губернии:

«По величине процента рабочих промышленности среди всех пришлых в Москву из каждого уезда, уезды группируются следующим образом:

Уезды	Процент
Московский и Богородский	21,6—22,6
Серпуховской, Коломенский, Бронницкий и Клинский . .	26,4—31,3
Подольский, Звенигородский и Дмитровский	32,1—36,3
Волоколамский, Можайский, Рузский и Верейский	36,5—40,4

...Меньше всего в этой промышленности по Москве заняты пришлые из Московского и Богородского у., т. е. из уездов с сильно развитыми, как

[1] Приводимые данные исчислены на основании материалов «Переписи Москвы 1902 г.», ч. I. Население, вып. 2, М. 1906, стр. 24—26.

мы видели, общими и особенно местными заработками. Уезды эти, так сказать, исчерпывают свое население для занятий на фабриках и заводах на месте, дома, или в пределах уезда и сравнительно мало дают для этого в Москву... Наоборот, уезды, отдаленные от Москвы, с слабо развитыми местными промыслами, уезды по преимуществу сельскохозяйственные—Волоколамский, Рузский, Можайский, Верейский... около $^2/_5$ всех ищущих заработка представляют для занятий в фабричной и иной добывающей и обрабатывающей промышленности. Такое различие особенно резко сказывается в мужском населении... Мужчины, пришедшие в Москву из Богородского и Московского уездов, уездов типично фабричных, дают для занятий в промышленности 36,3—45,8%, тогда как пришедшие из отдаленных сельскохозяйственных уездов (в эту группу в данном случае должен быть включен еще Подольский у.) дают для таких занятий от 59 до 64,5% своего состава»[1].

Выше мы приводили данные переписей населения Москвы 1871 и 1902 гг. о том, что удельный вес уроженцев Московской губернии среди рабочих фабрично-заводской промышленности Москвы был сравнительно невысоким, причем наблюдалась тенденция к некоторому снижению этого показателя. В основном рабочие, занятые на фабриках и заводах Москвы, по их происхождению были из среды населения ряда губерний, расположенных вокруг Москвы. Таким образом, процессы формирования промышленных рабочих в этом крупном центре более приближались к процессам формирования рабочего состава второй группы, т. е. из среды неместного населения. Это можно проследить и по материалам, относящимся к отдельным крупным предприятиям.

Так, весьма характерны данные о районах, из которых пополнялся рабочий состав одной из самых крупных текстильных фабрик Москвы—Трехгорной мануфактуры. 90—95% рабочих принадлежали к крестьянскому сословию.

Распределение рабочих-крестьян Трехгорной мануфактуры по губерниям выхода[2]

Губернии	По «Рядной» 1884 г.	Работавшие с 1886 по 1890 г.	«Рядная» за 1905/06 г.	«Рядная» 1913/14 г.
Всего учтено рабочих	1 287	339	6 683	7 560
В том числе в % к итогу из губерний:				
Рязанской	33,72	38,64	32,46	31,30
Московской	33,10	30,39	28,38	23,92
Тульской	9,25	10,91	16,25	19,31
Смоленской	13,52	13,27	8,77	9,33
Калужской	4,89	4,42	7,54	6,49
Владимирской	—	—	1,87	2,18
Тверской	3,18	—	1,17	1,24
Прочих	2,34	2,37	3,56	6,23

[1] *Н. Д. Соколов*, Промысловые занятия населения Московской губ. и его обращаемость в лечебницы, М. 1909, стр. 89—90.

[2] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в статьях М. К. Рожковой о Трехгорной мануфактуре в сборниках 1 и 5 «История пролетариата СССР» и в сборнике «Русский рабочий в революционном движении», изд. 1930 г.

За весьма длительный период—почти за 40 лет—особенно значительных изменений в удельном весе отдельных губерний не произошло. Резко преобладающая масса рабочих Трехгорной мануфактуры—это выходцы пяти вблизи расположенных губерний—Рязанской, Московской, Тульской, Смоленской и Калужской. Удельный вес выходцев из Рязанской губернии в общем остается неизменным—около $^1/_3$ всего числа. Московская и Смоленская губернии со второй половины 80-х годов к 1913/14 г. несколько снизили свой удельный вес; за тот же период повысился удельный вес выходцев из крестьян Тульской и Калужской губерний.

В отношении же отдельных профессий показатели по отдельным губерниям значительно отклоняются от вышеприведенных общих показателей. Так, по данным за 1913/14 г., выходцы из крестьян Московской губернии были значительно представлены среди ткачей—46,1% общего их числа, набойщиков—67,6, граверов—40,1 и раклистов—41,9%; выходцы из крестьян Рязанской губернии—среди отделочников—51,2%, красковаров—46,6%; из крестьян Владимирской губернии среди плотников—47,7%.

Произведенное весной 1899 г. обследование рабочих мануфактуры товарищества Циндель показало, что резко подавляющая часть рабочих—94,2%—была крестьянами. Лишь 5,8% приходилось на мещан, личных почетных граждан, дворян и т. д. П. М. Шестаков приводит следующие данные о месте рождения рабочих мануфактуры Циндель:

«Сведения о месте рождения рабочих были разработаны только относительно 1 213 крестьян. При этом оказалось следующее распределение по губерниям:

Губернии	Абсолютные числа	% ко всему числу рабочих
Рязанская	628	51,8
Тульская	306	25,2
Московская	104	8,6
Смоленская	97	8,0
Прочие губернии	78	6,4
Всего . . .	1 213	100,0

Таблица показывает, что более половины рабочих крестьянского сословия дает Рязанская губ. и четверть—Тульская губ., остальная четверть приходится на Московскую, Смоленскую и другие губернии»[1].

И в этой для периода 90-х годов сравнительно крупной мануфактуре значительная часть рабочих принадлежала к уроженцам Рязанской губернии.

Таким образом, на основании этих данных, относящихся к двум крупным хлопчатобумажным фабрикам Москвы, можно установить, что резко преобладающая масса рабочих этих фабрик была

[1] *П. М. Шестаков*, Рабочие на мануфактуре товарищества Циндель в Москве. Статистическое исследование, М. 1900, стр. 19—20.

уроженцами Рязанской, Московской, Тульской и Смоленской губерний, причем по своему удельному весу особенно выделялась Рязанская губерния.

В 80-е и в особенности в 90-е годы XIX в., когда бурно развивалась металлопромышленность юга России, в основном кадры металлистов в этом районе пополнялись за счет выходцев из других районов страны, преимущественно из центральных губерний.

Весьма характерны в этом отношении данные посемейной переписи заводского населения Юзовки, произведенной в 1884 г.[1]. По месту приписки заводское население Юзовки распределялось следующим образом:

	Семей	
	абс. число	в % к итогу
Всего распределено по месту приписки	1 752	100,0
В том числе:		
из Бахмутского уезда	277	15,8
» 8 остальных уездов Екатеринославской губ.	150	8,6
» центральных губерний	722	41,2
» южных и юго-западных губ. . .	390	22,3
» северо-западных и прибалтийских губерний	130	7,4
» иностранцев	83	4,7

На Екатеринославскую губернию приходилось 24,3% общего числа семей, а наиболее значительно представлены выходцы из центральных губерний—41,2%.

В книге Е. И. Рагозина на основании материалов, относящихся к первой половине 90-х годов, также указано, что формирование рабочих кадров на металлургических заводах юга России в основном происходило за счет выходцев из губерний центральной России. Приводим наиболее характерные данные: «Всех рабочих на заводе (Днепровский) 3625 чел. ...Находящиеся на заводе рабочие собрались из различных местностей России: из великороссийских губерний около 55%, из польских 27% и малороссийских—15% (исключительно горнорабочие), остальные же 3% составляют немцы и французы...

Рабочих на Александровском заводе числилось 3756 чел. и все они почти из губерний: Орловской, Калужской, Смоленской, Тверской и частью Витебской. Малороссов очень мало, в особенности в летнее время, и все они служат чернорабочими или строителями и дворниками»[2].

Б. Ф. Брандт в своей работе о металлургической и каменноугольной промышленности, отметив, что в период бурного развития горнозаводской промышленности юга России в 90-е годы

---

[1] «Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ.», т. II, Бахмутский уезд, Екатеринослав 1886, стр. 231—232.

[2] *Е. И. Рагозин*, Железо и уголь на юге России, II. 1896, стр. 374—376.

в этом районе ощущался недостаток рабочих, указывал на необходимость привлекать рабочих из других районов:

«Это последнее обстоятельство особенно имело место у нас на юге России, где местное население даже за высокую заработную плату не соглашается вступать в ряды рабочих, предпочитая заниматься земледельческим трудом и теми побочными промыслами, которые вызываются существованием в крае металлургической промышленности,—извозом, добыванием флюсов, обработкой материалов и пр.,—и где рабочих в общепринятом смысле, для надобности самих заводов и каменноугольных шахт, приходится привлекать извне, из центральных губерний и других районов. Таким образом, здесь происходит конкуренция не между предлагающими свой труд, а между ищущими рабочих рук, не между рабочими, как всегда бывает в промышленных районах с давно сконцентрировавшимся в особый класс рабочим населением, а между предпринимателями, отбивающими друг у друга рабочих, переманивающими к себе наиболее ловких и дельных из них предложением более высокой рабочей платы и разных других более выгодных условий. Возникновение на юге каждого нового завода сопровождается неизбежно этими явлениями: исканием рабочих в разных местах, часто весьма отдаленных, и *привлечением рабочих из других уже существующих заводов. Последние образуют как бы школу, в которой формируются кадры рабочих для возникающих новых заводов.* Так, например, ранее других возникшее на юге Южно-Днепровское общество, перенесшее туда свой завод из Царства Польского, привлекло также и первые кадры своих рабочих оттуда. Другие заводы на юге, позже образовавшиеся, в свою очередь привлекли часть рабочих из Царства Польского, где металлургическая промышленность ранее получила развитие и успела образовать значительный контингент опытных рабочих. Недавно возникшие заводы—Петровский, Донецко-Юрьевский, Таганрогский, Никополь-Мариупольский—привлекают рабочих из ранее образовавшихся заводов—Юзовского, Южно-Днепровского, Александровского Дружковского, Гданцевского и т. д.» [1].

Несомненно, что даже и для этого периода основания ряда крупнейших металлургических заводов на юге России недостаток в рабочих не ощущался в столь резкой степени, как об этом писал Б. Ф. Брандт. Но уже в ближайшие годы, когда разразился промышленный кризис, во многих заводских центрах юга России появились массы безработных в результате сокращения производства и массовых расчетов рабочих. Во втором отделе при характеристике промышленного кризиса 900-х годов мы уже отметили это явление (см. стр. 136—137).

В последующие годы несомненно наметились значительные сдвиги в составе рабочих, занятых на заводах металлургии юга. Эти заводы при их относительно более высокой технической оснащенности требовали менее значительных кадров, причем вследствие непрерывного характера производства на металлургических заводах эти кадры должны были быть более постоянными. Ряд заводов был основан во время промышленного подъема 90-х годов, и за истекший период до начала империалистической войны уже создались и на этих заводах сравнительно многочисленные кадры постоянных рабочих. Этому способствовало также то обстоятельство, что уровень заработной платы на юге был несколько более высоким по сравнению с другими районами. В этот период рабочие

[1] *Б. Ф. Брандт*, Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны, ч. II. Иностранные капиталы в России. Металлургическая и каменноугольная промышленность, П. 1899, стр. 249—250 (курсив наш.—*А. Р.*).

кадры металлургических заводов уже частично пополнялись из семей, работавших на этих заводах в первые годы их основания. Таким образом, накануне империалистической войны рабочий состав металлургических заводов юга России в значительной степени был уже иным по сравнению с тем, каким он был в первый период интенсивного развития заводов этого района.

Даже на Урале с его в общем весьма значительными неиспользованными запасами рабочей силы в отдельных пунктах привлекались квалифицированные рабочие из других районов страны. Это явление наблюдалось на ряде вновь построенных или на некоторых старых заводах в связи с существенными изменениями в технике производства. Соответствующие явления отмечались в ряде работ. Е. И. Рагозин указывал: «К числу заводов, не располагавших при своем основании постоянным составом рабочих, относятся все вновь возникшие на Урале в конце XIX в. как все заводы новых иностранных акционерных обществ—Камского, Волжско-Вишерского и Урало-Волжского, далее Теплогорский наследников графа Шувалова, Балашевский—Балашевых, Инзерский—Фон-Дервиза (теперь акционерного общества Инзерских заводов) и Лукьяновский—Лукьянова, построенные в нежилых местностях.

Перечисленные выше заводы должны были искусственно создавать рабочее население, для чего обеспечить его готовыми жилищами и обставить теми жизненными условиями, какие вызываются отсутствием при заводе населенного пункта»[1].

Также Г. Рычкова в брошюре «Лысьва», отмечая, что на Лысьвенском заводе число рабочих выросло с 750 человек в 1895—1896 гг. до 5 тыс. человек в 1913 г., пишет, что «с ростом и механизированием производства Шуваловым уже нехватало местных рабочих, к тому же заводу требовалась теперь, помимо вспомогательных рабочих, выполнявших подсобные работы для завода, высококвалифицированная рабочая сила, которой на месте не было. Оборудование и инженеры-специалисты выписывались Шуваловым из-за границы, квалифицированные же рабочие приглашались из крупных промышленных центров юга России и Поволжья—Сормова, Саратова и др.»[2].

Во втором отделе мы отметили, как за сравнительно непродолжительный период в каменноугольной промышленности Донбасса образовалась значительная группа рабочих (19 тыс. в 1887 г. и 168,4 тыс. человек в 1913 г.). Следовательно, за 26 лет численность рабочих в этой отрасли промышленности увеличилась почти в девять раз. Исключительно тяжелые условия труда в каменноугольной промышленности Донбасса также повлияли на то, что в основном ее рабочий состав пополнялся не из местного населения, а из пришлых из ряда районов страны[3].

---

[1] *Е. И. Рагозин*, Железо и уголь на Урале, СПБ 1903, стр. 9.

[2] *Г. Рычкова*, Лысьва, Огиз, Уральское обл. гос. изд., 1932, стр. 9—10.

[3] В «Сборнике статистических сведений по Екатеринославской губернии» (т. II. Бахмутский уезд, Екатеринослав 1886, стр. 40) содержатся интересные сведения об образовании первых рабочих кадров в каменноугольной промыш-

А. Кеппен в статье «Горная и соляная промышленность» указывал, что в годы, непосредственно следующие за реформой 1861 г., добыча угля в Земле Войска Донского была преимущественно сосредоточена на Грушевских антрацитовых копях, о составе же рабочих на этих копях он писал: «Коренные жители Войска Донского сами не занимались добычею антрацита на Грушевском руднике, а для занятий горными работами ежегодно приходили туда крестьяне за несколько сот верст из губерний: Тамбовской, Тульской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Смоленской, Нижегородской, Калужской и других, числом до 2 тыс. человек» [1].

При характеристике рабочего вопроса в горнозаводской промышленности Донецкого бассейна в начальный период его развития В. Ислявин писал:

«Еще 3 года тому назад полагали, что единственный контингент, на который можно будет рассчитывать при дальнейшем развитии горнозаводской промышленности на юге России,—это для каменноугольного промысла уезды: Славяносербский и Бахмутский, Екатеринославской губернии, и Миусский, Черкасский—Донецкого округа Войска Донского, где местные жители с давних уже пор занимаются этим делом; и для доменного и железоделательного производства—Лисичанский и Луганский заводы. Вышло иначе. Приходит уже довольно значительное число заводских мастеровых из дальних мест, и оказывается, что они лучше работают, чем лисичанские и луганские заводские люди; а землепашцы, которые ни чем иным не управляли, как сохой, приучаются уже работать киркою и молотом, одобряемые своими хозяевами» [2].

На XVIII съезде горнопромышленников юга России, происходившем в 1893 г., в докладе Комиссии по вопросу об обеспечении горных промыслов рабочими (председатель комиссии Н. С. Авдаков) дана следующая характеристика рабочего состава Донецкого каменноугольного бассейна:

«Все рабочие, обращающиеся на рудниках, копях и заводах, как на поверхности, так и при подземных работах, разделяются на местных и пришлых. Контингент местных рабочих доставляют следующие села: Лисичанск, 3 рота, 5 рота, села: Конопляновка,

---

ленности юга России в конце XVIII в.: «Прочное основание разработке угля положено лишь в конце прошлого столетия, с целью поставки отсюда топлива для Луганского чугунолитейного завода. Разработка каменного угля в первый раз начата около *Лисячей балки*, где теперь село *Лисичанск*. Для этого сюда были высланы рабочие в 1796 г. с Урала и из Липецка, Тамбовской губ. и поселены в с. Верхнем и в Лисячей балке, около рудника. Потом контингент рабочих усиливался партиями рекрутов, водворявшихся тут на срок службы, и даже приговоренными к каторге преступниками. Таким образом возникло с. Лисичанск».

[1] «Исторический обзор промышленности России», СПБ 1883, т. I, стр. 28—29.

[2] *В. Ислявин*, Обзор каменноугольной и железоделательной промышленности Донецкого кряжа, СПБ 1875, стр. 46—47.

Петропавловка, Орехово, Белая, Новопавловка, 11 и 12 рота, село Иллирия, Петровка, Ивановка, Красный Кут, село Железное, Никитовка, Щербиновка, Васильевка, Успенское, Георгиевка, Орловка, Фащевка и некоторые другие. Часть из этих рабочих занята в зимнее время горными работами на своих собственных крестьянских шахтах, другая часть работает на других некрестьянских шахтах с ноября по 1 апреля. Общее количество местных рабочих не превышает 2 тыс. человек. Все остальные рабочие суть пришлые.

Таким образом, приблизительно можно принять, что из вышеприведенного числа горнорабочих в Донецком каменноугольном бассейне около $^1/_8$ составляют местные и около $^7/_8$ пришлые рабочие, а принимая во внимание, что местные рабочие работают не круглый год на рудниках и копях, а лишь известную часть, примерно с ноября по апрель, то значение местных рабочих делается еще меньше. Пришлые рабочие приходят в Донецкий бассейн из следующих губерний средней России: наибольшее число рабочих из губерний Тульской, Смоленской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Курской, затем из губерний Черниговской, Могилевской и частью Киевской, далее из губерний Воронежской, Пензенской и частью из Нижегородской и Московской и наименее из губерний Харьковской и Полтавской»[1].

И хотя в следующие годы кадры рабочих каменноугольной промышленности Донбасса начали пополняться также за счет подрастающих поколений горнорабочих, но вследствие тяжелых условий труда и весьма неблагоприятных бытовых условий[2] попрежнему в основном новые пополнения рабочих каменноугольной промышленности Донбасса притекали из рядов обнищавшего крестьянства центрально-земледельческого района.

О наметившихся процессах образования и в этой отрасли промышленности более постоянных рабочих кадров мы скажем в следующей главе.

В двух статьях, опубликованных в 1905 и 1907 гг., были приведены данные о районах, откуда притекали рабочие железорудной промышленности Криворожского района. Данные относились к нескольким рудникам. И. Л. Лиссер на основании опроса

---

[1] «Труды XVIII съезда горнопромышленников юга России, бывшего в г. Харькове с 1 по 14 декабря 1893 г.», ч. I, Харьков 1894, стр. 334.

[2] Так, П. Сурожский в статье «Край угля и железа» («Современник» № 4, 1913, стр. 297), характеризуя условия труда в каменноугольной промышленности Донецкого бассейна накануне империалистической войны, писал: «Шахтеров называют вольными каторжниками, мучениками труда, подземными кротами—и все это справедливо, жизнь оправдывает эти названия. Трудно сказать, где шахтеру хуже—в шахте или наверху. Наверху—землянки или в лучшем случае казармы, грязь, вонь, теснота, плохая пища, пьянство, отсутствие каких бы то ни было духовных интересов,—некуда деть себя в свободную минуту, не с кем слова сказать по-человечески. А под землею каторжный труд, низкая плата, обвалы, взрывы, затопления, простуда и т. д... Нет черней и беспросветней жизни у нас в России, как на шахтах. Это предел, дальше которого итти некуда».

2 520 горнорабочих-рудокопов указывает, что они были уроженцами следующих губерний (в % к итогу)[1]:

Киевской	53,2	Полтавской	2,2
Черниговской	15,1	Калужской	1,8
Херсонской	13,1	Курской	1,7
Могилевской	8,6	Прочих	1,3
Орловской	3,1		

Данные В. А. Мехмандрова следующие:

«Поступление рабочих из разных губерний в % к сумме всех принятых за три года выражается так:

Черниговская губ.	35,1%	Могилевская губ.	10,3%
Орловская »	27,2%	Курская »	6,4%
Киевская »	12,8%	Прочие »	8,2%

Следовательно, судя по этим данным, среди рабочих железорудной промышленности Криворожского района были наиболее значительно представлены уроженцы Киевской, Черниговской, Орловской и Могилевской губерний.

Интересны замечания автора одной из указанных статей, И. Л. Лиссера, по вопросу о том, чем вызвано преобладание на отдельных рудниках уроженцев определенной губернии: «Из двух соседних к нам рудников преобладают на одном рудокопы орловцы, а на другом могилевцы. Чем объясняется подобное соотношение числа рабочих, почему на одном руднике преобладают рудокопы—уроженцы одной губернии, а на другом—другой, точно установить не могу. Условия и обстановка производства работ одинакова на всех рудниках; условия жизни рудокопов на рудниках тоже одинаковы, так что не в этом лежит причина вышеуказанного явления. Мне кажется, что это простая случайность, обусловливаемая стремлением рабочих группироваться в землячества, жить и работать возле своих земляков—зависящая от того, откуда были первые рабочие на руднике. На наших рудниках, когда приступили к разведкам, первые рабочие случайно были из Киевской губ.; в дальнейшем, когда рудники расширились, эти первые рабочие и привлекли на работу своих земляков».

О процессах формирования рабочего состава одной из важнейших отраслей горной промышленности—золотопромышленности—мы имеем одно из лучших и обстоятельных исследований В. И. Семевского. Это исследование дает возможность проследить весьма своеобразные процессы формирования рабочих в данной отрасли промышленности.

В. И. Семевский в указанном исследовании приводит ряд данных о том, как происходил процесс замены труда ссыльнопоселенцев на золотых приисках Восточной Сибири: «Частные предприниматели имели под рукой готовый контингент рабочих-пролетариев в виде ссыльных поселенцев, которые соста-

[1] *И. Л. Лиссер*, Горнорабочие на железных рудниках Криворожского района, «Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова» № 8, 1907. *В. А. Мехмандров*, Заболеваемость горнорабочих на юге России, «Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены» № 3, 1905.

вляли в 1834 г. 82% всех сибирских приисковых рабочих; правда, число их постепенно уменьшалось; в 1847 г. на промыслах Енисейской губ. их было 68%, в 1850—53%, но и по перечислении в крестьяне поселенцы все же сплошь и рядом нуждались в заработках на приисках; с своей стороны золотопромышленники предпочитали поселенцев, как более сговорчивых рабочих, людям полноправным, да и из их среды бездомным поселенцам отдавали предпочтение перед людьми более обеспеченными. Однако постепенно все увеличивается приток полноправных рабочих из Европейской России, и среди приисковых рабочих Восточной Сибири в 1858 г. мещан и крестьян великороссийских губерний было 21% (в 60-х годах число их уменьшилось). В 80-х годах ссыльнопоселенцы составляли уже меньшинство рабочих... В северо-енисейской системе ссыльнопоселенцы в 1880—1887 гг.—от 24 до 39% рабочих, в южноенисейской системе в 1882—1884 гг. —41—47% и в 1889—1890 гг.—17—18%»[1].

Впоследствии удельный вес рабочих выходцев из Европейской России также уменьшился, и главную массу рабочих на золотых промыслах составляли вольные рабочие из мещан и крестьян Сибири. Но, к сожалению, в большинстве данных, приводимых В. И. Семевским, «сибирские обыватели» не распределены на отдельные группы, поэтому невозможно достаточно ясно проследить, как совершался процесс постепенного формирования рабочего состава золотых промыслов из крестьян и мещан Сибири. Приведем из работы В. И. Семевского наиболее характерные данные: «На промыслах всей Енисейской губернии в 1873 г. сибирские мещане и крестьяне составляли 53,6%, ссыльнопоселенцы—39,8%, следовательно сибирские обыватели вообще 93,4%, мещане и крестьяне—6,6%. В 1878 г. сибирских мещан и крестьян на промыслах этой губернии было 53,7%, ссыльнопоселенцев 37,5%, инородцев 1,2%, итого сибирских обывателей 92,4%, великороссийских мещан и крестьян 7,6%... На промыслах Нерчинского округа в 1870 г. сибирские обыватели составляли 97%, великороссийские 3%, в 1873 г. ссыльнопоселенцев на промыслах Читинского, Нерчинского, Ачинского и Нерчинско-Заводского округов был 21%, в 1879 г. там же поселенцы составляли 30%, инородцы 5% и каторжные 4%. На промыслах Олекминского округа сибирские обыватели составляли 97%, великороссийские—3%; в 1877 г. первые 95%, вторые—5%.

На промыслах Амурской области в 1870 г. сибирских обывателей было 96%, а великороссийских 4%»[2].

Для характеристики изменений в составе рабочих, занятых на золотых приисках, за последующий период значительный интерес представляют следующие данные, опубликованные в отчете Манухина по расследованию забастовки на Ленских промыслах:

«Состав рабочих на золотых промыслах Ленской тайги за последние годы существенно изменился. Прежний тип «таежного» рабочего, представителя сибирского бродячего люда, постепенно исчезает и сменяется рядовым крестьянином-хлебопашцем, ищущим заработка или стремящимся найти средства для поправления своего домашнего хозяйства»[3]. В отчете отмечено, что еще в конце 90-х годов прошлого века число ссыльных среди рабочих не превышало 25%, и также указано: «Что же касается приисков Ленского товарищества; то по сведениям, доставленным местною полицией, к 14 июля 1912 г. на этих приисках работало 99 человек и 12 человек было расчитано за операцию 1911/12 г...

Таким образом, ссыльный элемент как на приисках Ленского золотопромышленного товарищества, так и во всей Ленской тайге представлен в весьма ограниченном количестве и не может иметь влияния на характер состава рабочих упомянутых приисков. Подавляющее большинство рабочих составляют крестьяне, пришедшие на Ленские промыслы из разных мест Российской империи... Из всего количества рабочих (7 508 чел.), бывших в работе на приисках

---

[1] *В. И. Семевский*, Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. I, П. 1898, Предисловие, стр. XXXI, т. II, стр. 147.

[2] Там же, т. II, стр. 854—855.

[3] Там же.

Ленского золотопромышленного товарищества в операцию 1911/12 г., Европейская Россия и Сибирь дали почти одинаковое количество представителей, даже пришедших из значительно более отдаленной Европейской России (3 951 чел.), на несколько сот более, чем явившихся из Сибири (3 687 чел.).

Наибольшее количество рабочих за указанную операцию из губерний Европейской России дали: Симбирская—884, Нижегородская—785, Вятская—754, Костромская—424 и Пермская—314, а из сибирских губерний: Тобольская—1 356, Иркутская—800 и Томская—390»[1].

В отчете Манухина также указано, что «состав рабочих на других существующих приисках Витимского и Олекминского горных округов ничем почти не отличается от состава приисковых рабочих Ленского товарищества» [2].

Помимо приведенных показателей, относящихся к основным отраслям промышленности и характеризующих общее направление миграционных процессов, связанных с формированием рабочего состава за капиталистический период развития России, приведем еще некоторые дополнительные материалы для освещения частных вопросов.

Различия в уровнях заработной платы в отдельных районах также способствовали миграционным процессам, причем указанные различия были столь значительны, что одновременно наблюдались в пределах одной и той же губернии отход в одни уезды, где уровень заработной платы был более высоким, и приток в эти же уезды из других уездов или районов страны с более пониженной оплатой труда. Отметив соответствующие процессы в пределах Московской губернии, В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» писал: «Рабочие уходят, след., не только потому, что не находят «местных занятий под руками», но и потому, что они стремятся туда, где лучше»[3].

Соответствующие явления для отдельных отраслей промышленности и районов страны мы уже отмечали в предшествующем изложении. Ограничимся еще некоторыми дополнительными иллюстрациями.

В статье «Металлисты Урала накануне 1905 г.» приведены из материалов архива бывшего Уральского горного управления следующие данные об отходе уральских рабочих на заработки в другие промышленные центры.

Воткинский завод: «Население Воткинского завода само существует отхожими заработками, работая на стороне—на Каме, Волге—и пробираясь до Баку, который составляет излюбленное место для рабочих благодаря существующей там высокой заработной плате, хотя большинство, проработав там несколько лет, приходят в конце концов нищими»[4].

Пермские пушечные заводы. «Многие из рабочих, приобревших навык и опытность в разного рода работах, главнейше по обра-

---

[1] «Всеподданнейший отчет члена государственного совета, сенатора, тайн. сов. Манухина по исполнению выс. возложенного на него 27 апреля 1912 г. расследования о забастовке на Ленских приисках», 1912; стр. 74—80.

[2] Там же.

[3] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 430.

[4] «Металлисты Урала накануне и в период 1905 г.», Свердловск 1926, стр. 34.

ботке металлов (кузнечное дело, слесарное дело, обработка на механических станках), переходят на работу в другие заводы Урала и России, конечно, благодаря тому, что в названного рода специальностях во многих местах чувствуется недостаток опытных рабочих, и они оплачиваются весьма высоко. Облегчается также передвижение иногда в весьма отдаленные местности (напр. в Баку) тем, что большинство рабочих Пермских пушечных заводов отстало от земли и усадебная оседлость не может удержать рабочего на месте, если ему не представляется перспектива больших заработков»[1].

Одновременно следует также отметить стремления фабрикантов и заводчиков привлекать более дешевую рабочую силу из других районов.

На основании материалов первых отчетов фабричных инспекторов это же явление в отношении сахарной промышленности отметил В. Бирюкович в статье «Рабочие на сахарных заводах»: «Из этих отчетов (фабричных инспекторов) между прочим прежде всего видно, что местное население вовсе не так заинтересовано в процветании сахароварения, как об этом протрубили сахароовары. Они, напротив, избегают найма местных рабочих, во-первых, потому, что те требуют высшей заработной платы, и, во-вторых, при всяких столкновениях эти последние находятся в большей возможности уйти с завода. „Заводы избегают вообще набирать рабочих из местного населения, говорится в отчете киевского инспектора г. Новицкого. Местному рабочему всегда удобнее бросить работу по тем или другим причинам и уйти с завода, тогда как пришлому, попавшему в завод за сотни верст от дому и поставленному на родине в более тяжелые экономические условия, чем местный крестьянин, остается только одно—работать во что бы то ни стало до конца производства, лишь бы заработать на дорогу для обратного пути". Харьковский фабричный инспектор д-р Святловский, говоря о таком же стремлении сахарозаводчиков своего округа, поясняет, что „наем дальних рабочих, как уверяют знатоки дела, объясняется желанием держать рабочих в руках; с местными, своими, рабочими нет никакого сладу; чуть что не так, они бросают работу и требуют расчет и уходят, особенно если подойдут какие-либо деревенские работы".

Таким образом, бо́льшая часть рабочих нанимается сахарозаводчиками в других губерниях, преимущественно же в беднейших западных и юго-западных» [2].

Казалось бы, что в такой сезонной отрасли промышленности, притом требующей по преимуществу применения неквалифицированного труда, какой являлось винокурение, рабочий состав ее мог бы целиком пополняться за счет местного населения. Но в действительности в погоне за дешевой, а главное нетребовательной рабочей силой, согласной работать и жить в исключительно

[1] «Металлисты Урала накануне и в период 1905 г.», Свердловск 1926, стр. 34.

[2] «Русская мысль», декабрь 1886 г., стр. 31—32.

тяжелых условиях, владельцы винокуренных заводов набирали рабочих в других губерниях.

В. Тимофеев в статье «Из быта рабочих винокуренных заводов» указал, что крестьяне Вятской губернии в значительном числе работают на винокуренных заводах Казанской, Нижегородской, отчасти Саратовской и Самарской губерний, и, отметив также большую самостоятельность местных рабочих в защите своих интересов, писал: «...не таков вятчанин-рабочий... Со своей стороны, в качестве лица, наблюдавшего быт рабочих-вятчан, я должен сказать, что я еще не встречал существа более крепкого и более безответного, как рабочий-вятчанин. Понятно, что не говоря о низшей заработной плате, какою довольствуется, за отсутствием дома заработков, вятчанин-рабочий, иметь дело с такою послушною рабочею силой, само по себе, уже огромная выгода для заводских администраторов» [1].

Вследствие низкого уровня заработной платы рабочих и исключительно тяжелых условий труда на кирпичных заводах Московской губернии рабочий состав указанной группы заводов пополнялся также в своей преобладающей массе из пришлых рабочих. Так, в «Трудах Вольного экономического общества» за 1878 г. была опубликована статья В. Б. о положении рабочих на кирпичных заводах Московского уезда. Автор отмечал, что в результате значительного развития строительства в Москве «...в течение протекших 70-х годов производство кирпича в Московском уезде почти учетверилось». О составе рабочих на этих заводах автор сообщает следующие сведения: «На 70 кирпичных и двух гончарных заводах работает 7 432 чел. рабочих. Громаднейшее большинство рабочих пришлые, а местных рабочих самая незначительная часть: местных рабочих на кирпичных заводах работает только 197 чел., а пришлых 7 235 чел., или пришлые составляют 97,3%, а местные только 2,7% всех рабочих» [2]. Столь незначительное участие местного населения в этом производстве В. Б. объясняет следующим образом: «...оно, находя выделку кирпича очень тяжелой работой, подыскивает для себя другие, более легкие способы заработка» [3]. На кирпичных заводах Московского уезда заняты рабочие из Калужской, Тульской, Смоленской, Рязанской, Тверской, Костромской и Владимирской губерний.

Весьма характерные данные о кабальных условиях найма рабочих на указанные заводы сообщает А. В. Погожев:

«С этой целью контора обыкновенно командирует доверенных лиц для найма рабочих в местности, доставляющие главный контингент кирпичнозаводского люда: преимущественно в Калужскую (Козельский и Жиздринский у.), Рязанскую, Тульскую и другие губернии. Чаще всего для этого выбирается время, когда крестьяне, пробившись кое-как зиму и распродав почти все свое убогое хозяйство, оказываются между Сциллой и Харибдой сельского быта: уплатой податей и расправой в волостном правлении. Эти бытовые условия найма, как нельзя лучше, охарактеризовал в разговоре со мной прикащик одного из кирпичных заводов, мастак в своем деле, выросший и состарившийся на нем. «Об эту пору приедешь в деревню, мужик тощ, как моль: наголодался за зиму. Тут он сам тебе в руки лезет, только бери, ради Христа, ни за что пойдет работать» [4].

---

[1] «Отечественные записки», т. CLXXVIII, 1868, стр. 534—537.

[2] *В. Б.*, Отхожий промысел Московского уезда, «Труды Вольного экономического общества», т. III, 1878, стр. 75—76.

[3] Там же.

[4] *А. В. Погожев*, Кирпично-гончарное производство Московского уезда, М. 1881, стр. 185—186.

В предыдущем изложении нам уже неоднократно приходилось отмечать, что отдельные районы и местности страны выявились как постоянные источники снабжения рабочей силой для определенных производств, причем это явление наблюдалось не только в отношении важнейших отраслей промышленности, но и для многих производств. Приводим дополнительно ряд соответствующих указаний.

Некоторые из этих районов определились еще в крепостную эпоху.

На основании детального анализа материалов обследования 1880—1881 гг. Ф. Ф. Эрисман отметил указанное явление в отношении рабочего состава фабрик Московского уезда:

«На бумагопрядильных фабриках встречаются главным образом рабочие из местного населения и затем смоленцы (в сложности 50% всех рабочих на этих фабриках)... Состав рабочих на шелкоткацких фабриках комплектуется преимущественно из Московского, Богородского и Дмитровского уездов, отчасти и из Владимирской губ.; такое преобладание на шелковых фабриках жителей названных уездов объясняется частью расположением этих фабрик в восточной и северо-восточной частях Московского уезда, частью же, по крайней мере, по отношению к Богородскому уезду, тем, что население его издавна занимается ткачеством шелковых материй. На ткацких фабриках, кроме жителей Московского уезда, мы встречаем, главным образом, калужан и смоленцев (в сложности около $^2/_3$ всех рабочих на этих фабриках). В суконном производстве, в котором местное население участвует сравнительно весьма слабо, подвизаются, главным образом, сторонние рабочие, а именно смоленцы, рязанцы и жители Тульской губ.; из уездов Московской губ. доставляют рабочих на суконные фабрики преимущественно Можайский и Дмитровский уезды... На механических, химических и т. п. заводах работает, по преимуществу, народ дальний—из Смоленской, Рязанской, Калужской и Тульской губерний. То же можно сказать и о кожевенных заводах, между рабочими которых наибольший процент составляют рязанцы. На рогожных заведениях работают исключительно пришлые рабочие из Калужской, частью и из Смоленской губ.»[1].

А. В. Погожев в «Санитарном исследовании фабричных заведений Богородского уезда» при анализе материалов о месторождении рабочих в частности отмечал: «Работницы из Рязанской губ. почти исключительно работают при пунцевом крашении миткаля (с. Зуево, Павловский пос. и д. Соболево), чем они занимаются из года в год, начиная с 9—11 лет. Участие их в этой отрасли промышленности настолько велико, что на некоторых более крупных пунцевых фабриках целые спальни или кухни заняты бывают девушками и женщинами одной какой-нибудь деревни

[1] *Ф. Ф. Эрисман*, Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда, ч. I, «Сборник статистических сведений по Московской губ.», т. III, вып. IV, М. 1888, стр. 128.

и даже волости Пронского, Спасского и других уездов Рязанской губ.[1].

На основании материалов обследования фабрик Московской губернии в 1884—1885 гг. Е. М. Дементьев приводит характерные в этом отношении данные о рабочем составе рогожных фабрик: «На рогожных фабриках все рабочие исключительно пришлые—уроженцы Масальского уезда, Калужской губ. и лишь в ничтожном числе (5,5%) уроженцы нескольких деревень пограничного с Масальским Ельнинского уезда, Смоленской губ. Поголовный опрос рабочих в тех фабриках, где мы при их посещении застали работу в полном ходу, показал, что почти весь контингент рабочих набирается в четырех волостях Масальского уезда: Лазинской, Артинской, Морозовской и Пятницкой. На долю других четырех волостей уезда, из которых встречаются рабочие и Смоленской губ., остается ничтожное число всего в 6,5%»[2].

Автор текстового обзора материалов обследования промыслов крестьянского населения Московской губернии, произведенного в 1898—1899 гг., П. А. Вихляев сообщает следующие данные об одном вполне определившемся районе, откуда направлялись в промышленные центры рабочие пекаря, булочники и кондитеры.

«Наибольшим же распространением из всех местностей губернии пользуется хлебопекарный и булочный промысел по волостям Бавыкинской, Семеновской и Харунской». Указав, что из состава крестьянского населения этих трех волостей Серпуховского уезда было занято в указанном промысле около 1 тыс. пекарей и булочников, П. А. Вихляев продолжает: «Исследуемый промысел имеет существенное хозяйственное значение в жизни местного населения. Очерченный район отмечен широко распространенным и дальним отходом и снабжает своими промышленниками обширную область России. Большинство булочников направляется на отхожие промысловые заработки в Москву, но наряду с тем мы встречаем серпуховских пекарей и булочников на обширном пространстве, границы которого могут быть определены наименованием тех пунктов, в которые направляются работающие в отхожих промыслах. Из волостей Семеновской, Бавыкинской и Хатунской булочники направляются, помимо Москвы и отдельных городов Московской губ., в южные города России—Луганск, Екатеринослав, Ростов на Д., Харьков, Севастополь, Одессу, Чернигов, Саратов, Тулу, Тамбов, Елец, а также в С.-Петербург, Тверскую и Владимирскую губернию...

Главным пунктом отхода кондитеров из волостей южных уездов является Москва. Кондитера из очерченного района работают на крупных московских фабриках—Динг, Эйнем, Яни, Флей, Абрикосова и др. Отхожие промышленники работают в Москве круглый год. Для получения возможности заниматься промыслом необходимо продолжительное учение... Из волостей Серпуховского у. кондитеры направляются кроме Москвы в южные города России следом за пекарями и булочниками, выходящими из того же района и пункты отхода которых были отмечены»[3].

В указанном же обзоре П. А. Вихляев характеризует следующим образом один из районов отхода на фарфоро-фаянсовые фабрики:

«Но местное фарфоро-фаянсовое производство находится много лет в неуклонном упадке. Поэтому отход на сторонние заработки по фарфоровому делу,

---

[1] *А. В. Погожев*, Санитарное исследование фабричных заведений Богородского уезда, «Сборник статистических сведений по Московской губ.». Отдел санитарной статистики, т. III, вып. XI, М. 1885, стр. 88.

[2] *Е. М. Дементьев*, Фабрика, что она дает населению..., изд. 2-е, М. 1897, стр. 147.

[3] *П. А. Вихляев*, Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения, стр. 324—328.

усиливаясь с каждым годом, привел в 1899 г. к преобладанию отхожепромысловой формы фарфоро-фаянсового промысла. Отход носит тот же характер, как и по Карповской Богородского уезда. Уходят на фарфоро-фаянсовые фабрики Кузнецовых—в Дулево Покровского у. Владимирской губ., Волхов Новгородской губ., Рыбинск, Корчевский уезд, Тверской губ., Харьков, Ригу и в меньшем количестве на соседние фабрики Храпунова и Бармина в Карповской в. Население тоже отмечает разрушительное влияние на здоровье фарфоро-фаянсового производства и под влиянием наблюдения над быстротой изнашивания организма в своем исконном промысле молодое поколение гжельцев начинает понемногу отставать от этого промысла и переходит к работе на соседней Раменской мануфактуре.

Заработок на стороне представляется более значительным, чем оплата труда на местных фарфоровых фабриках, и поэтому отлив населения в отхожие заработки наблюдается не только по селениям, в которых не имеется своих фабрик, но также и из центральных пунктов местного фарфоро-фаянсового производства, как из Речиц и Турыгина.

Отходят нередко целыми семьями, что приводит к окончательному разрыву с местом своей приписной оседлости и к переходу в категорию отсутствующих семей» [1].

Описывая процессы образования рабочих кадров промышленного Петербургского уезда Петербургской губернии, Я. Абрамов писал: «Характерною чертою фабрично-заводского быта уезда является сосредоточение на некоторых отраслях фабрично-заводской промышленности рабочих, пришедших в уезд из какой-либо определенной местности. Так, например, почти все рабочие лесопильных заводов и лесопильных дворов—выходцы из следующих местностей: Морданской волости, Онежского уезда, Архангельской губ.; Инякинской волости, Спасского уезда, Рязанской губ.; Подольской волости, Вышневолоцкого уезда, Тверской губ. При этом на отдельных заводах и дворах группируются почти исключительно выходцы из одной волости—морданцы, инякинцы или подольцы» [2].

Указанное явление представлялось возможным проследить не только в отношении отдельных отраслей промышленности, но и отдельных предприятий [3].

Процессы формирования строительных рабочих оказались весьма близкими к вышеописанным (формирование в основном из среды неместного населения). Но принимая во внимание весьма значительную численность этой группы промышленного пролетариата, мы характеристику формирования строительных рабочих выделили в специальную главу.

---

[1] *П. А. Вихляев*, Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения, стр. 289.

[2] *Я. Абрамов*, Очерк крестьянского хозяйства в С.-Петербургском уезде, «Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии», вып. V, ч. II, П. 1887, стр. 272.

[3] Весьма характерные указания о комплектовании рабочего состава из определенного района содержатся также в письме Н. К. Крупской, опубликованном в брошюре М. Шагинян «Фабрика Торнтон».

«Я когда-то работала в смоленской школе, у меня было много учеников от Торнтона.

Интересно, как Торнтон, член Форфоровского попечительства, вносивший деньги на устройство вечерних школ на Шлиссельбургском тракте, закабалял своих рабочих.

Большинство рабочих он подбирал из определенных сел Смоленской губ., смоленские рабочие особенно держались Торнтона, потому что там больше всего работало земляков. Торнтон даже разрешал им праздновать свои престольные праздники».

В статье М. И. Гильберта «К вопросу об экономическом положении рабочих завода «Серп и молот» («История пролетариата СССР», сборник 6, 1931,

ГЛАВА 11

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ

В отношении столь многочисленной группы промышленных рабочих, какими являлись строительные рабочие, мы располагаем сравнительно ограниченным количеством исследований. Это тем более заслуживает сожаления, что в отношении строительных рабочих рассматриваемые нами также в этом отделе миграционные процессы имели особенное значение, так как семьи преобладающей массы этой группы рабочих оставались в сельских местностях и сами они в значительном числе приходили в города на заработки на 7—10 месяцев.

Характеризуя развитие и состояние строительства в конце XIX в., В. И. Ленин писал:

«Рост торговли, фабрик, городов, железных дорог предъявляет спрос на совершенно иные постройки, непохожие ни по своей архитектуре, ни по своей величине на старинные здания патриархальной эпохи. Новые постройки требуют очень разнообразных и дорогих материалов, требуют кооперации масс рабочих самых разнообразных специальностей, требуют продолжительного времени для своего завершения; размещение этих новых построек совершенно не сообразуется с традиционным размещением населения: они возводятся в больших городах или пригородах, среди незаселенных мест, по линиям строящихся жел. дор. и т. п. Местный ремесленник превращается в отхожего рабочего, которого нанимает предприниматель-*подрядчик*, постепенно втирающийся между потребителем и производителем и превращающийся в настоящего капиталиста. Скачкообразное развитие капиталистического хозяйства, смена продолжительных плохих годов периодами «строительной горячки» (подобно переживаемой ныне, в 1898 г.) дает громадный толчок расширению и углублению капиталистических отношений в строительном деле»[1].

Материалы земских обследований состава строителей, уходивших на заработки, а также данные городских переписей о занятых на строительных работах указывают, что среди строителей резко преобладали наемные рабочие.

стр. 167) отмечалось это же явление, когда на заводы поступали значительными группами из одних и тех же деревень: «Приедет один «чеченец» из какой-нибудь деревни Калужской или Смоленской губ. и тащит за собой всю деревню,—рассказывает т. Лидванский.—Администрация этих земляков охотно принимала, так как если «чеченец» приведет своего земляка или брата, то он его знает и за него ручается». Изучение состава рабочих завода Гужона показало, что на заводе работало очень много рабочих, пришедших из одних и тех же деревень (село Били и деревня Праволочная, Верхнежелезницкого уезда, Нижегородской губернии; деревня Казачья слобода, Московской волости, Крапивенского уезда, Тульской губернии; из деревень Гжатского уезда, Смоленской губернии; Пронского уезда, Рязанской губернии, и т. д.

П. Тимофеев в своих очерках «Чем живет заводской рабочий» (СПБ 1906, стр. 11) указывает, что «...в Петербурге есть завод, где в целом отделе работают исключительно два уезда Тверской губ.—Старицкий и Новоторжский».

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 415.

Так, насколько значительной была группа наемных рабочих среди строителей, уходивших на заработки, можно судить по следующим данным, относящимся к Ярославской губернии[1]. Вместе с учениками удельный вес рабочих согласно этим данным составлял 85,3% общей численности строителей.

Положение в промысле	Общее число строителей	На 100 строителей	На 100 землекопов	На 100 каменщиков	На 100 печников	На 100 плотников	На 100 кровельщиков	На 100 маляров	На 100 штукатуров	На 100 обойщиков
Сами хозяева . .	725	4,0	5,6	0,6	4,7	4,7	7,6	3,7	2,9	4,0
Одиночки	1 941	10,7	9,8	2,5	7,3	6,4	7,8	2,2	31,9	0,3
Рабочие	14 495	80,2	84,1	96,4	83,1	86,9	80,1	89,9	60,7	68,7
Мальчики-ученики	915	5,1	0,5	0,5	4,9	2,0	4,5	4,2	4,5	27,0
Всего. . .	18 076	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Еще более высоким был этот показатель среди рабочих ряда отдельных профессий. Так, группа наемных рабочих с учениками составляла среди каменщиков 96,9%, маляров—94,1 и плотников—89,1% общего числа соответствующей профессии.

Приведем соответствующие данные городской переписи Петербурга, произведенной 15 декабря 1910 г. Эти данные также указывают, что среди занятых на строительных работах резко преобладали наемные рабочие. Так, этой переписью было учтено на строительных работах 19 823 наемных рабочих и лишь 2 889 одиночек[2].

Эти процессы развития капиталистических отношений в строительном деле определились еще в предшествующие десятилетия. В этом отношении заслуживают внимания следующие данные о строителях в Саратове, опубликованные в статье «Строительные работы в Саратове». Приведем из этой статьи данные по каменным и штукатурным работам: «Для производства каменных работ в Саратове существует всего 18 крупных и мелких хозяев, у которых от 220 до 290 человек рабочих...

Из числа хозяев-каменщиков 6 принадлежат к местным жителям, остальные же 12 все пензенские, причем на артели местных хозяев приходится от 95 до 125 человек рабочих, а артели пен-

[1] «Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губ.», Ярославль 1907, стр. 86—87.

[2] «Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.». Население, ч. II, стр. 10—11.

зенских в общей сложности занимают от 125 до 165 человек. Из представленного сопоставления местных хозяев с пензенскими усматривается, что местные ведут более обширные подряды, так как на их артели средним числом приходится от 16 до 21 человека, на артели же пензяков значительно меньше: от 10 до 14 человек»[1]. Одиночек же по этой группе работ было от 25 до 40 человек. О штукатурных работах сказано: «Всего хозяев 28 человек и в артелях работают от 160 до 215 человек рабочих; стало быть средним числом на каждую артель приходится от 6 до 8 человек»[2]. Кроме того, одиночками работали от 40 до 70 штукатуров. Большинство рабочих-штукатуров были местными.

В отношении ряда районов страны мы встречаем указания о том, что строительный отход имел весьма значительную давность и существовал в ряде губерний еще с начала XVIII в.

Так, о времени начала строительного отхода в Ярославской губернии имеются следующие указания: «Судя по сообщениям корреспондентов строительный отход в Ярославской губ. начался не позже первых годов XVIII в.— эпохи основания Петербурга. Промысел возник «по рассказам старожилов, со времен императора Петра I, вызвавшего мастеров из означенной местности (Вятская в. Даниловского уезда) для постройки Петербурга; вообще промысел существует исстари». Если были вызваны «мастера», нужно думать, что отход из этой местности существовал и раньше. Другой корреспондент о времени возникновения отхода сообщает то же самое: «...очень давно, вероятно, с возникновения Петербурга, занимаются (каменщики) этим промыслом». Только 15 корреспондентов относят начало строительного отхода уже к пореформенному времени, остальные же говорят о более или менее отдаленном времени (33), которого «даже старожилы не запомнят», или прямо указывают на эпоху крепостного права. Самое возникновение отхода корреспонденты ставят в связь с крепостным правом. По словам корреспондента, промысел вызвали «вероятнее всего потребности помещиков, строивших дома в столицах и нуждавшихся в рабочих людях». Вместе с тем помещики поощряли отход как выгодную доходную статью, так как оброк с промышленников был всего выше, чем с оседлого населения»[3].

Д. И. Жбанков в своей известной работе «Бабья сторона» указывал, что отход на строительные работы из Костромской губернии определился также с начала XVIII в.:

«Начался отход в-сторону очень давно, и костромские плотники нередко упоминаются в истории. Отсутствие источников по этому вопросу затрудняет точное решение его, но существующие предания относят отход к началу прошлого столетия. Неизвестный автор описания Костромского наместничества в 1792 г. (Костр. губ. вед. 1859 г.) говорит, что «в наместничестве пустует большое пространство земли, ибо многие из крестьян ища лучшего пособия в платеже податей своих от городских работ и рукоделий, нежели от бедной сохи, расходятся по столицам и другим городам; помещики же, наложив на крестьянина двойной оброк, о том не беспокоятся». В этой официальной и довольно древней цитате мы видим указание на давность отхода, на причины, место и доходность его для помещиков,—и прежде земледелие было неудовлетворительным и население поддерживало свое существование отходом в столицы»[4].

---

[1] «Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губ.», т. I, отд. II, Саратов 1881, стр. 54—55.

[2] Там же.

[3] «Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губ.», Ярославль 1907, стр. 44.

[4] Статистическо-этнографический очерк «Материалы для статистики Костромской губ.», вып. VIII, Кострома 1891, стр. 17—18.

В «Статистическом обозрении состояния Владимирской губернии в 1817 г.» при характеристике крестьянских промыслов и «рукоделий» в Покровском уезде указано: «Главнейшим из них почитается плотничное, для которого отходят в отдаленные города и в Москву и им везде славятся под именем Аргунов по названию сего же имени прихода в коем находятся весьма знающие люди в сем деле. Сие ремесло сделалось почти общим во всем уезде; им занимаются более шестой части жителей; ревизских душ мужского пола считается до 34 887 и отходят в плотничную работу до 6 020 человек,—и по сему и можно заключить, что навык к сему делу получают еще с малолетства, а некоторые как видно основывают на нем и главное пропитание, тем более, что земля здесь по причине худого урожая не может прокормить всех жителей» [1].

Для пореформенного периода ограничимся следующими характерными данными.

Отмечая ряд условий, способствующих развитию плотничного промысла в Костромской губернии, В. Пирогов в статье «Очерки промышленности Костромской губернии» так характеризовал распространение и направление этого промысла, а также сроки ухода плотников на заработки в начале 70-х годов:

«Все это делает плотничный промысел самым распространенным среди других отхожих промыслов Костромской губ.: отхожие плотники в более или менее значительном числе местностей встречаются по всем уездам, главным же образом они распространены в уездах Солигаличском, Буйском, Галичском, Чухломском, Кологривском и в западной полосе Нерехтского.

Места и сроки плотничных работ весьма разнообразны: одни работают неподалеку от дома, в периоды времени свободные от земледельческих занятий; другие—в соседних уездах и губерниях. В последнем случае плотники уходят большей частью в два срока или «конца», по местному выражению: с первых чисел марта до 29 июня, возвращаясь к этому времени на самую нужную пору летних работ, и с 15 августа по 14 ноября или в декабре. Работающие в С.-Петербурге, Москве, Казани и других более отдаленных поволжских городах обыкновенно оставляют родину на весь период рабочего времени, с марта по декабрь, и живут дома только три зимних месяца; некоторые, впрочем, несколько сокращают этот срок, отправляясь в апреле и возвращаясь в ноябре.

Наконец, из Солигаличского и Кологривского уездов весьма большое число плотников живет в Петербурге по 3 и 5 лет и имеет там постоянные квартиры. Вообще можно заметить, что в Солигаличском уезде отхожие промыслы распространены настолько, что, например, в приходе села Зашугомья и других, одну половину крестьян каждой деревин составляют плотники, а другую печники и маляры. В Кологривском уезде, во многих селениях западной его половины, на лето уходит почти все мужское население, за исключением должностных, лиц, стариков и детей»[2].

---

[1] «Памятная книжка Владимирской губ. на 1862 г.», стр. 46—47.

[2] «Материалы для статистики Костромской губернии», вып. III, Кострома 1875, стр. 100—102.

В статье «Кустарная промышленность Вятской губ.», отмечая волости Орловского уезда Вятской губернии, в которых наиболее был распространен плотничный промысел, автор писал: «Но в поименованных сейчас волостях имеется значительное число таких плотников, которые занимаются крупными постройками в городах здешней губернии и за пределами ее—в Пермской, Уфимской, Казанской... Плотники, работающие за пределами губернии, или хотя и в своей губернии, но производящие большие постройки, всегда нанимаются подрядчиками по контрактам. Подрядчики бывают или из местных крестьян—богатые, искусные и опытные плотники, или приезжие»[1].

В статье Л. Кириллова «Отхожие промысла» на основании преимущественно материалов 80-х и 90-х годов отмечается также существенная роль отхода на строительные работы:

«В составе *внеземледельческого* отхода, преобладающего в 1-м районе[2], наиболее значительную роль играет отход на *строительные* промыслы (плотники, каменщики, штукатуры, мостовщики, печники и т. п.). Из Калужской губ. на эти промыслы отходит до 28,7% общего числа отхожих промышленников, из Ярославской—12,4%, из Тверской—до 10%. Очень значителен этот вид отхода в Костромской губ.; с 15 по 24 марта 1899 г. через г. Рыбинск прошло более 1 000 чел., отправляющихся на строительные работы, преимущественно уроженцев Солигаличского уезда («Северный край» № 109). Из черноземной полосы также многие уходят на строительные работы—в Воронежской губ.—7%, в Орловской—20%, в Курской—21%. Вообще строительных рабочих среди отхожепромышленников $^1/_5$ общего числа, что свидетельствует о значительном росте в стране постоянного капитала, в форме зданий, железных дорог и пр.»[3].

Вся эта группа материалов свидетельствует как о сравнительной давности существования значительных групп населения, занятых на строительных работах, так и о том, что строители в своей преобладающей массе являлись наемными рабочими. Обратимся к дополнительным данным о районах, откуда направлялись строительные рабочие, полученным на основании материалов обследований, произведенных накануне империалистической войны.

Во втором отделе мы приводили общее распределение массы рабочих (учтенных анкетой 1911 г.), ушедших на строительные и дорожные работы. Дополнительно в следующей таблице мы приводим также данные о распределении этой $2^1/_2$-миллионной массы рабочих по губерниям выхода, расположенных в убывающем порядке по численности рабочих, ушедших на заработки:

---

[1] «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. XII, II. 1884, стр. 575.

[2] Область средней полосы нечерноземной России.

[3] Энциклопедический словарь Брокгауза—Эфрона, т. XXVII, стр. 267.

Распределение строительных и дорожных рабочих, ушедших на заработки в 1911 г., по губерниям выхода [1]

Из каких губерний	Численность ушедших на заработки		Из каких губерний	Численность ушедших на заработки	
	в тыс.	в % к итогу		в тыс.	в % к итогу
Всего ушло на заработки	2 503,3	100,0	Пермской	77,6	3,1
В том числе из губерний:			Владимирской	75,2	3,0
			Казанской	64,8	2,6
			Нижегородской	60,8	2,4
			Симбирской	58,9	2,3
Рязанской	133,1	5,3	Воронежской	55,5	2,2
Пензенской	133,0	5,3	Витебской	53,9	2,2
Курской	115,8	4,6	Тамбовской	53,2	2,1
Тверской	110,1	4,4	Пензенской	48,4	1,9
Орловской	108,7	4,3	Петроковской	47,3	1,9
Киевской	105,1	4,2	Московской	47,2	1,9
Воронежской	92,1	3,7	Подольской	45,2	1,8
Полтавской	88,5	3,5	Херсонской	41,7	1,7
Калужской	87,7	3,5	Могилевской	40,6	1,6
Тульской	87,5	3,5	Новгородской	36,6	1,5
Черниговской	84,5	3,4	Уфимской	34,4	1,4
Костромской	82,1	3,3	Ярославской	32,9	1,3
Смоленской	78,4	3,1	Саратовской	32,3	1,3

Следует отметить, что в указанном неземледельческом отходе было представлено значительное число губерний. Так, с количеством ушедших из каждой губернии на заработки свыше 30 тыс. рабочих в 1911 г. была учтена 31 губерния. По многочисленности ушедших на заработки рабочих рассматриваемой группы в основном выделяются губернии центрально-земледельческого и центрально-промышленного районов и правобережной Украины. В первых 15 губерниях, в которых численность уходивших на строительные и дорожные работы превышала 75 тыс. человек, было учтено 58% общей численности рассматриваемой группы рабочих.

В основном по типу отхода отдельные губернии можно распределить на: а) губернии со значительным преобладанием квалифицированных строителей и б) губернии со значительным преобладанием в числе ушедших на заработки чернорабочих. Из губерний первой группы отметим Владимирскую, в которой 75,2 тыс. общей численности ушедших на заработки было учтено плотников 25,9 тыс., каменщиков—14,8 тыс., маляров—6,6 тыс. и т. д.,

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в работе «Движение рабочих на заработки в 1911 г. Строительные и дорожные работы», изд. Комитета по заселению Дальнего Востока, П. 1911.

а чернорабочих—12,2 тыс., или 16%, и Костромскую, в которой из 82,1 тыс. ушедших на заработки было учтено плотников 33,7 тыс., маляров—19,9 тыс. и т. д., а чернорабочих—18,5 тыс., или 22%. Из губерний второй группы укажем Пензенскую, в которой из 133 тыс. было учтено 122,8 тыс. чернорабочих, и Орловскую, в которой из 108,7 тыс. ушедших на строительные и дорожные работы было учтено 68,4 тыс. чернорабочих.

Помимо этих общих сведений о численности ушедших на заработки строительных рабочих по профессиям и губерниям в указанной работе «Движение рабочих на заработки» содержатся также более детальные данные относительно отдельных профессий. На основании этих данных приводим ряд показателей об основных районах, из которых направлялись на заработки в 1911 г. значительные группы важнейших профессий строительных рабочих.

Районы отхода можно проследить по данным следующей таблицы, в которой отдельные губернии расположены в убывающем порядке по численности плотников, направлявшихся на заработки из этих губерний:

Распределение плотников, ушедших на заработки в 1911 г., по губерниям выхода

Из каких губерний	Численность ушедших на заработки		Из каких губерний	Численность ушедших на заработки	
	в тыс.	в % к итогу		в тыс.	в % к итогу
Всего ушло на заработки	285,4	100,0	Тамбовской	13,6	4,8
В том числе из губерний:			Нижегородской	9,8	3,4
			Симбирской	8,0	2,8
			Смоленской	7,8	2,7
			Воронежской	7,2	2,5
Костромской	33,7	11,8	Тульской	5,7	2,0
Рязанской	30,1	10,6	Пензенской	3,9	1,4
Владимирской	25,9	9,1	Черниговской	3,7	1,3
Вятской	23,2	8,1	Казанской	3,5	1,2
Тверской	20,3	7,1	Пермской	3,4	1,2
Калужской	20,1	7,0	Московской	3,2	1,1
Курской	15,6	5,5	Ярославской	3,0	1,1
Орловской	13,9	4,9	Витебской	2,9	1,0

Наиболее значительный отход плотников на заработки, по данным 1911 г., был из следующих шести губерний: Костромской, Рязанской, Владимирской, Вятской, Тверской и Калужской. Из каждой из перечисленных губерний уходило на заработки свыше 20 тыс. плотников, и в сумме на эти шесть губерний приходилось свыше половины общей численности плотников,

ушедших на заработки. Но одновременно следует отметить, что из ряда других губерний (Курская, Орловская, Тамбовская) также наблюдался отход на заработки сравнительно значительного числа плотников. В общем губерний, где число плотников, ушедших на заработки, превышало 1% всей численности плотников (2,9 тыс. человек), насчитывалось 21, что свидетельствует о широком распространении рассматриваемой профессии по всей стране.

Приводим также из указанной работы весьма характерные данные об основных районах, из которых направляются на заработки значительные группы маляров:

«Главным поставщиком маляров на всю Россию является Костромская губ. Отсюда вышло 19 950 чел., или более 48,5% всего зарегистрированного числа маляров. Много маляров дал центральный район, где первое место занимает Владимирская губ., которая дала 6 605 чел., за нею следуют: Ярославская (2 262), Калужская (1 699), Тверская (1 379), Рязанская (1 231), Нижегородская (1 087) и Орловская (1 064). Остальные губернии всех трех районов дали менее 1 000 чел.»[1].

Обратимся к соответствующим данным о распределении землекопов, ушедших в 1911 г. на заработки:

Распределение землекопов, ушедших на заработки в 1911 г., по губерниям выхода

Из каких губерний	Численность ушедших на заработки		Из каких губерний	Численность ушедших на заработки	
	в тыс.	в % к итогу		в тыс.	в % к итогу
Всего ушло на заработки	141,5	100,0	Калужской	4,2	3,0
			Симбирской	4,1	2,9
			Виленской	3,7	2,6
			Гродненской	3,4	2,4
В том числе из губерний:			Нижегородской	3,4	2,4
			Могилевской	2,9	2,0
Киевской	14,7	10,4	Владимирской	2,8	2,0
Витебской	12,9	9,1	Пензенской	2,6	1,8
Рязанской	8,4	5,9	Тульской	2,6	1,8
Пермской	8,2	5,8	Тверской	2,5	1,8
Курской	8,0	5,7	Петербургской	2,5	1,8
Смоленской	7,6	5,4	Минской	2,4	1,7
Казанской	7,1	5,0	Полтавской	2,3	1,6
Орловской	6,3	4,5	Тамбовской	2,1	1,5
Черниговской	4,3	3,0	Саратовской	2,0	1,4

[1] «Движение рабочих на заработки в 1911 г. Строительные и дорожные работы», изд. Канцелярии по заселению Дальнего Востока, составил А. А. Панов, П. 1911, стр. 7.

Отход этой группы строительных рабочих также наблюдался из значительного числа губерний.

На первые же восемь губерний приходилось свыше 50% общей численности землекопов. Из отдельных губерний отметим значительный отход землекопов из Киевской и Витебской губерний, из восточных губерний—Пермской и Казанской, затем из Рязанской, Курской и Смоленской.

Весьма распространенное представление о том, что строительные рабочие в массе своей являлись исключительно пришлыми рабочими, безусловно не соответствовало тому фактическому положению, которое создалось в начале XX в. В некоторых районах наряду с пришлыми рабочими в строительстве имелись сравнительно значительные кадры рабочих, уже постоянно живущих в промышленных центрах. Это явление можно проследить, главным образом, по следующим материалам: 1) по материалам анкеты редакции «Вестника финансов», произведенной летом 1911 г., и 2) по материалам городских переписей, которые учитывали значительные группы строительных рабочих.

В программу указанной анкеты 1911 г.[1] был включен вопрос о том, какие рабочие в данной местности преимущественно заняты строительными работами: местные или пришлые. На этот вопрос были получены ответы из 218 местностей, причем в 97 местностях было указано, что строительными работами заняты только местные рабочие, в 64 местностях заняты как местные, так и пришлые рабочие, а в ответах из 57 местностей было указано, что на строительных работах заняты только пришлые рабочие.

При производстве анкеты в 1911 г. понятие «местные рабочие» было принято весьма распространенным; так, мы встречаем в «Обзоре строительной деятельности в России» следующее указание: «...в одних местностях строительными работами заняты только местные рабочие, включая в это понятие также рабочих, прибывающих из ближайших к данному городу окрестных деревень или даже вообще из той губернии или области, в которой город расположен»[2].

Приведем также таблицу о числе городов с различным составом строительных рабочих:

Рабочие	Города с числом жителей						
	до 5 000	5 000—10 000	10 000—25 000	25 000—50 000	50 000—75 000	75 000—100 000	свыше 100 000
Местные	13	30	29	12	4	—	1
Местные и пришлые	9	10	15	14	4	3	3
Пришлые	5	7	10	13	7	4	8
Всего	27	47	54	39	15	7	12

[1] «Обзор строительной деятельности в России», П. 1912, стр. 30.
[2] Там же.

Но эти сводные данные разработки анкеты 1911 г. по числу городов не являются в достаточной степени показательными, так как преобладающая масса строительных рабочих занята в более крупных городах. Если обратиться к данным в отношении городов с 50 тыс. жителей и свыше, то из 34 городов в пяти обходятся только местными рабочими, а в 19 городах указаны лишь пришлые рабочие.

Из материалов переписей населения Петербурга заимствуем следующие данные. Так как эти переписи были произведены зимой, то несомненно, что те строительные рабочие, которые были учтены этими переписями, в своей преобладающей массе относились к местным, а не к пришлым рабочим. Переписью 15 декабря 1900 г.[1] были учтены рабочие строительных профессий:

Плотников	5 989
Маляров	5 661
Печников	2 282
Штукатуров	1 926
Кровельщиков	1 562
Каменщиков	1 129

Переписью, произведенной 15 декабря 1910 г.[2], было учтено около 20 тыс. наемных рабочих, занятых на строительных работах. Даже весьма многочисленная группа пришлых рабочих была занята на строительных работах значительную часть года. Об этом свидетельствовали уже материалы 80-х годов.

* * *

Дополнительно к характеристике основных источников формирования промышленного пролетариата, приведенной в 8-й главе, материалы третьего отдела позволяют сделать следующие выводы. Формирование рабочего состава в промышленности из выходцев сельских местностей развивалось по двум основным путям. Первый—это путь формирования промышленного пролетариата из выходцев ближайших сельских районов, в отдельных случаях лишь в пределах своего уезда, своей губернии или соседних губерний. Это наиболее резко проявилось в текстильной промышленности. Но указанный путь оказался характерным также для ряда крупных машиностроительных заводов центральной России (Коломенский, Сормово).

Этим же путем происходило формирование рабочего состава в капиталистическую эпоху в таком старом промышленном районе, каким являлся Урал. Во всех этих районах с избыточным рабочим населением имелась дешевая рабочая сила в весьма значительных размерах.

---

[1] «С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г.». Население, вып. 2. Распределение населения по занятиям, СПБ 1903, стр. 66—67.

[2] «Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.». Население, ч. II, стр. 10—11.

Второй путь—это в основном пополнение рядов фабрично-заводского пролетариата за счет пришлых из других районов. Так формировался рабочий состав в ряде отраслей и районов тяжелой промышленности, в частности в ленинградской промышленности, в металлургии и каменноугольной промышленности юга России.

Но вместе с этими двумя определившимися путями формирования рабочего состава в ряде случаев, когда основным источником формирования рабочих кадров оказывались уроженцы других районов, образование новых крупных промышленных центров являлось той притягательной силой, которая способствовала быстрому вовлечению из сельских местностей значительных новых местных пополнений в развивающуюся фабрично-заводскую промышленность.

Относительно же общих условий, при которых происходило формирование фабрично-заводского пролетариата в капиталистической промышленности России, в «Кратком курсе истории ВКП(б)» указано: «Остатки крепостнического хозяйства, громадные подати и выкупные платежи помещикам, которые нередко превышали доходность крестьянского хозяйства, вызывали разорение, обнищание крестьянских масс, заставляли крестьян уходить из деревень в поисках заработка. Они шли на фабрики и заводы. Фабриканты получали дешевую рабочую силу»[1].

Следует также еще раз указать на значительные различия в условиях формирования рабочего состава даже в пределах отдельных отраслей промышленности. Во вводной части настоящей главы мы уже отметили это явление для ряда отраслей тяжелой промышленности. Но даже в текстильной промышленности, для которой условия формирования рабочего состава являлись сравнительно менее сложными, мы наблюдаем в этом отношении для отдельных районов значительные различия. Так, предприятия текстильной промышленности ряда губерний (Владимирская, Смоленская, Костромская, часть Московской губернии) комплектовали свой рабочий состав исключительно, или почти исключительно, из среды местного населения. Затем следует отметить переходную группу—предприятия отдельных уездов Московской губернии, в которых рабочие формировались как из среды местного, так и из среды пришлого населения. В Москве уже значительную массу рабочих текстильной промышленности составляли пришлые и, наконец, в петербургской текстильной промышленности рабочий состав формировался в резко преобладающей своей массе из пришлых. Таким образом, в отношении текстильной промышленности мы встречаем все виды комплектования рабочего состава, причем наиболее различающимся являлось, с одной стороны, формирование рабочих в отдельных районах Владимирской губернии, а с другой—формирование рабочих в Петербургской губернии. Но все же рабочие текстильной промышленности в своей преобла-

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 6.

дающей массе формировались из среды населения своего или ближайших уездов.

Вышеприведенные данные в отношении ряда отраслей промышленности и районов страны предоставляют возможность также проследить, как вновь образовавшаяся отрасль промышленности в том или другом районе в начальные периоды своего развития черпала квалифицированные рабочие силы из других районов страны, оказавшихся по отношению к ней «старыми» районами, и как впоследствии эти позже образовавшиеся районы в свою очередь пополняли своими квалифицированными кадрами другие районы, развивавшиеся в последующие периоды.

ОТДЕЛ IV

ПРОЦЕССЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОСТОЯННЫХ РАБОЧИХ КАДРОВ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Мы не располагаем массовыми и сплошными показателями для характеристики процессов создания постоянных рабочих кадров в фабрично-заводской промышленности в период ее капиталистического развития. Но несомненно, что следующая группа показателей в состоянии отчасти отразить указанные процессы, а именно: продолжительность работы предприятия (число рабочих дней на одного рабочего в год), продолжительность работы отдельных рабочих на фабриках и заводах вообще или в одном и том же предприятии, преемственность фабрично-заводского труда, а также данные об уменьшающейся связи фабрично-заводских рабочих с сельским хозяйством[1]. Совокупный анализ отмеченных показателей безусловно свидетельствует о том, что в капиталистической промышленности России были уже созданы значительные постоянные кадры фабрично-заводских рабочих.

Обратимся к первой группе показателей.

ГЛАВА 12

ДАННЫЕ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ РАБОТЫ ПРЕДПРИЯТИЯ И О ПРОИЗВОДСТВЕННОМ СТАЖЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ

Центральным статистическим комитетом были собраны сведения о паровых двигателях, действовавших в горном промысле и обрабатывающей промышленности в 1875—1878 гг. В числе прочих вопросов в бланке о паровых машинах был поставлен вопрос: «8. Время действия машины? Среднее число рабочих дней в году и рабочих часов в день». На основании данных разработки указанного обследования[2] и составлена следующая таблица, в которой

[1] В этом отношении могли бы иметь значение данные о распределении фабрично-заводских рабочих по группам квалификации. Но в статистических материалах дореволюционной России эти показатели отсутствовали.

[2] «Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи», изд. Центрального статистического комитета, СПБ 1882.

приведены данные о продолжительности работы паровых двигателей в важнейших производствах.

Среднее число рабочих дней в году действия паровых двигателей на фабриках и заводах (по данным 1875—1878 гг.)

Производства	Число фабрик и заводов	Среднее время действия паровых двигателей (дней в году)
Добыча каменного угля	54	305
Производство меди и медных изделий	14	294
Обработка льна	30	278
» хлопка	165	261
Химические производства	32	256
Производство машин	96	253
» стеклянных и хрустальных изделий	15	253
Обработка шерсти	205	252
Лесопильные заводы	165	246
Судостроение	10	246
Производство военного снаряжения	16	243
» фарфоровых и фаянсовых изделий	10	240
» разных железных изделий	37	239
Шерстомойн., красильно-белильн. и аппретурн. производства	98	237
Производство чугуна и железа	132	215
» железнодорожных принадлежностей	28	215
Добыча золота и платины	50	213
Мукомольные мельницы	347	209
Маслобойни	26	200
Винокуренные заводы и мукомольные мельницы	221	199
» и водочные заводы	1 949	173
Производство кирпича	19	162
» сахарного песка и рафинада	270	147

В основных отраслях текстильной и металлообрабатывающей промышленности среднее время действия паровых двигателей в течение года колебалось в пределах 240—270 дней. Повышенным оказался этот показатель в каменноугольной промышленности. Ниже 200 дней в году работали паровые двигатели в некоторых отраслях пищевой промышленности, в сезонном кирпичном производстве.

Для характеристики отрыва фабричных рабочих от сельского хозяйства В. И. Ленин придавал особое значение показателям о числе рабочих дней одного рабочего на фабрике в течение года. На основании «Перечня фабрик и заводов» (сведения 1894—1895 гг.) в «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин исчислил, что среднее число рабочих дней на одного рабочего крупной фабрики (имеющей 100 и более рабочих) составляло 253. При этом показатель повышался по мере перехода к наиболее крупным фабрикам. Приведя эти данные, В. И. Ленин писал: «Таким образом, чем крупнее фабрики, тем большее число дней заняты они в течение года. Общие данные о всех крупнейших фабриках Евр. России

подтверждают, следовательно, выводы московской санитарной статистики и доказывают, что фабрика создает класс постоянных фабричных рабочих»[1].

В последующий период А. В. Погожевым была произведена разработка данных министерства финансов за 1900 г. о числе дней, в течение которых действовали фабрики. Указанная разработка относилась к предприятиям, в которых было занято 50 рабочих и свыше[2].

Среднее число занятых дней по отдельным группам производств в 1900 г.

Группы производств	Число заведений	Общее число рабочих	Среднее число занятых дней
Обработка хлопка	1 039	303 209	256
» шерсти	1 001	99 798	266
» шелка	200	20 540	256
» льна и джута	299	62 519	247
» смешанных волокнистых веществ	171	17 271	284
Полиграфическое, бумагомассное	573	41 282	279
Обработка дерева	410	32 412	211
» металлов	1 677	183 085	261
» минеральных веществ	781	84 350	232
» животных продуктов	305	24 060	251
Производство питательных веществ	374	22 543	239
Химические производства	248	18 603	276
Производства, обложенные акцизом	650	112 964	204
Всего	7 728	1 022 636	264

Весьма существенным является следующее указание А. В. Погожева в отношении этих показателей: «Должно заметить, что указанные средние данные определяют не годовое число дней работы, но количество времени, когда то или иное предприятие фактически находилось в действии»[3].

Приведенные данные указывают, что в среднем время действия учтенных предприятий в 1900 г. равнялось 264 дням, причем по отдельным группам наблюдались значительные колебания этого показателя. Отметим крайние отклонения по группам производств: 211 дней в обработке дерева и 284 дня в обработке смешанных волокнистых веществ. В следующих производствах среднее время действия предприятий было наиболее продолжительным: в производстве светильного газа—355 дней, в хлебопекарном производстве—306 и обработке нефти—303 дня.

Помимо того следует учесть также следующее правильное

[1] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 423.

[2] *А. В. Погожев*, Учет численности и состава рабочих в России, П. 1906, стр. 110—112.

[3] Там же.

заключение А. В. Погожева: «1900 г. мы считаем недостаточно характерным в промышленном отношении, в особенности с точки зрения статистики труда (промышленный кризис)»[1].

Обобщая эти показатели, А. В. Погожев писал: «Данные нашего исследования, характеризующие *степень постоянства занятия фабрично-заводскими работами* и, следовательно, до известного предела связь рабочих с землей, по сведениям в период 1886—1893 гг. и за 1900 г., несомненно, представляют интерес по своему практическому значению. Вообще говоря, они подтверждают быстрый и прогрессирующий успех тех усилий, которые, начиная с 1861 г., прилагались для того, чтобы самыми разнообразными путями создать и умножить особый класс людей, исключительно, в течение круглого года, занятых фабрично-заводским трудом. Наряду с прежними материалами по шести округам фабричной инспекции (1886—1893 гг.) и с местными исследованиями по Московской и Владимирской губерниям, извлеченные нами и подробно разработанные рукописные данные министерства финансов за 1900 г. не только усиливают значение раньше сделанных выводов, но могут также служить и для исследований колебаний найма по отдельным месяцам для различных губерний и производств»[2].

Приведенные данные, если их рассматривать в историческом развитии, показывают непрерывный рост числа рабочих дней на одного рабочего. Это обстоятельство свидетельствует об увеличении связи рабочих с предприятием и об определившихся процессах уменьшения связи с сельским хозяйством. Таким образом, для рассматриваемого периода развития капиталистической промышленности России характерным является не только рост абсолютной численности фабрично-заводских рабочих, но одновременное превращение их в постоянных рабочих, тесно связанных с фабрикой и заводом[3].

---

[1] *А. В. Погожев*, Учет численности и состава рабочих в России, П. 1906, стр. 110—112.

[2] Там же, введение, стр. XXIII.

[3] В связи с этими материалами мы считаем необходимым напомнить следующие замечания проф. П. Г. Любомирова в его работе «Очерки истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в.» (стр. 49—51 и 84—85). Приведя ряд данных о связи рабочих суконных и полотняных фабрик с предприятием, относящихся ко второй половине XVIII в., П. Г. Любомиров писал: «Поэтому мы, кажется, вправе сформулировать хотя бы в осторожной форме вывод, что суконные «указные» фабрики не прекращали производства и в летние месяцы. Или, переворачивая этот вопрос другой стороной, можно сказать, что на централизованных мануфактурах суконного производства в средине XVIII в. стали обозначаться кадры постоянных рабочих, формировавшиеся не только из приписных, отданных из платежа подушных и купленных к фабрике безземельных и несвободных элементов; сюда же дают часть состава крепостные или купленные к фабрике с землей крестьяне; наконец, и у наемных из разных состояний рабочих намечается более или менее устойчивая связь с фабрикой, конечно у получивших на ней известную квалификацию...

В отношении полотняных фабрик можно с бо́льшей решительностью, чем в применении к суконным, констатировать непрерывность в течение года производства и можно определеннее говорить о постоянной связи рабочих, даже и наемных, с фабрикой».

За дореволюционный период сохранились сравнительно малочисленные материалы как об общем производственном стаже фабрично-заводских рабочих, так и о продолжительности их работы в одном и том же предприятии, причем преобладающая часть этих данных относится к текстильной промышленности.

Первая разработка данных о распределении рабочих по продолжительности их фабричной работы за капиталистический период была опубликована д-ром П. А. Песковым в работе «Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве»[1]. Обратимся к этим данным.

Распределение рабочих по обработке волокнистых веществ в Москве в 1881 г. по продолжительности их фабричной работы

Группы по продолжительности фабричной работы	Мужчины	Женщины	Все рабочие
Всего учтено рабочих	9 291	2 571	11 862
Из них в % к итогу работало на фабриках:			
до 1 года	6,2	15,2	8,2
от 1 до 3 лет	12,2	23,5	14,7
» 3 » 6 »	10,7	19,5	12,6
» 6 » 15 »	26,3	25,8	26,1
» 15 » 25 »	22,7	11,0	20,1
свыше 25 лет	21,9	5,0	18,3

Отметим следующие показатели общего распределения рабочих по продолжительности фабричной работы. Рабочих с фабричным производственным стажем до трех лет было учтено 22,8%, а рабочих с длительным стажем 15—25 лет—20,1% и свыше 25 лет—18,3%. Значительные различия по рассматриваемому показателю определились в отношении рабочих мужчин и работниц. Так, работавших на фабриках до трех лет было учтено среди рабочих мужчин 18,3%, а среди работниц удельный вес этой группы был в два раза более высоким—38,7%. В еще более значительной степени различались по своему удельному весу группы с весьма длительным производственным стажем, а именно работавших более 15 лет: среди рабочих мужчин их оказалось 44,6%, а среди работниц—16% общей численности обследованных рабочих по обработке волокнистых веществ.

---

[1] «Труды Комиссии, учрежденной московским ген.-губ. кн. В. А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве», 1882, стр. 102—125.

Мы приводим, а также и приводили в четвертой главе ряд материалов из указанной работы П. А. Пескова как одной из первых углубленных исследовательских работ о положении рабочих фабрично-заводской промышленности. И хотя это исследование было опубликовано в 1882 г., еще до появления сводных работ по материалам обследования промышленности Московской губернии, произведенных в 1879—1885 гг., оно, к сожалению, в недостаточной степени было использовано последующими исследователями.

Продолжительный производственный стаж фабричной работы сравнительно значительного числа рабочих по обработке волокнистых веществ в Москве в 1881 г. в основном объясняется как давностью существования этого производства в Москве, так и тем обстоятельством, что большинство рабочих начало работать на фабриках с весьма раннего возраста—приблизительно с десяти лет.

Дополнительно по материалам указанного обследования приведены также данные о распределении рабочих мужчин ряда профессий по продолжительности их фабричной работы (см. табл. на стр. 369).

Рабочие с продолжительным производственным стажем были значительно представлены среди следующих профессий: удельный вес группы работавших на фабриках 15 лет и свыше составлял у ручных набойщиков 69,6%, у суконных ткачей—59, у шелковых ткачей—58,9, у шерстяных ткачей—54,3 и у бумажных ткачей и шпульников—47,3%.

На основании данных, опубликованных в «Общей сводке по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губ. за 1879—1885 г.»[1], составлена следующая таблица о распределении рабочих фабрично-заводской промышленности Московской губернии по продолжительности их работы на фабриках:

Распределение рабочих Московской губернии по продолжительности их работы на фабриках в 1879—1885 гг.

Группировка по продолжительности работы	Мужчины	Женщины	Всего
Учтено рабочих	49 555	5 378	54 933
В том числе в % к итогу работавших:			
от 0 до 1 года	2,09	2,27	2,11
» 1 » 3 лет	19,05	31,31	20,25
» 4 » 6 »	13,81	17,22	14,15
» 7 » 15 »	32,12	34,05	32,32
» 16 » 25 »	19,06	9,95	18,13
» 26 » 35 »	8,99	3,66	8,48
» 36 » 45 »	3,77	1,54	3,56
» 45 лет и более	1,11	—	1,00

Почти $^2/_3$ учтенных рабочих работали на фабриках семь лет и свыше. Столь высокий удельный вес фабрично-заводских рабочих с длительным производственным стажем объясняется отчасти тем, что обследование производилось в первой половине 80-х годов, в период промышленного кризиса. Даже в группе с производственным стажем 15 лет и свыше было учтено 31% общего числа рабочих.

[1] «Сборник статистических сведений по Московской губ.». Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. I, под ред. Ф. Ф. Эрисмана, М. 1890, стр. 287.

Распределение рабочих мужчин по обработке волокнистых веществ в Москве в 1881 г. по продолжительности их фабричной работы

Группы по продолжительности фабричной работы	Бумажные ткачи и шпульники	Шелковые ткачи и шпульники	Шерстяные ткачи и шпульники	Суконные ткачи и шпульники	Ручные набойщики	Прядильщики, ватерщики, крутильщики и пр.	Красильщики, отбельщики и пр.	Прессовщики, сушильщики и пр.	Слесаря, кузнецы и пр.	Граверы, рисовальщики и пр.
Всего учтено рабочих . .	2 196	956	1 507	670	495	417	678	302	131	179
Из них в % к итогу работало на фабриках:										
до 1 года	3,7	1,1	2,8	1,9	1,8	14,4	16,5	13,2	6,1	7,3
от 1 до 3 лет	12,2	5,0	6,3	6,5	4,4	31,7	17,1	21,5	14,5	17,8
» 3 » 6 »	9,5	5,2	8,6	9,4	5,7	17,5	14,9	15,6	13,7	12,8
» 6 » 15 »	27,3	29,8	28,0	23,2	18,3	13,4	27,8	26,2	30,5	34,7
» 15 » 25 »	22,3	28,2	25,5	31,0	36,2	11,7	16,3	16,2	26,0	13,4
свыше 25 »	25,0	30,7	28,8	28,0	33,6	11,3	7,4	7,3	9,2	14,0

Что же касается группировки по продолжительности работы на фабриках раздельно рабочих мужчин и работниц, то следует указать, что в то время как удельный вес рабочих мужчин и работниц в группе с производственным стажем в 7—15 лет был примерно одинаковым, в крайних группах он был представлен неравномерно: в группе с производственным стажем до трех лет было учтено 21% рабочих мужчин и 34% работниц, в группе с производственным стажем в 15 лет и свыше—33% рабочих мужчин и 15% работниц.

Дополнительно к этим общим показателям приводим также на основании материалов, опубликованных в упомянутой «Общей сводке»[1], данные о распределении рабочих отдельных профессий по продолжительности их работы на фабриках:

Группы рабочих по числу лет, проведенных на фабриках	Мужчины						Женщины		
	прядильщики	ткачи	красильщики	отделочники	мастеровые	итого	ткачихи	приготовительный отдел	итого
Учтено рабочих	9 448	19 337	9 088	3 773	7 909	49 555	2 044	3 334	5 378
Из них в % к итогу по числу лет, проведенных на фабриках:									
до 1 года	2,6	0,9	2,8	3,1	3,1	2,1	1,1	3,0	2,3
от 1 до 3 лет . . .	27,4	13,1	23,5	27,4	14,4	19,0	26,7	34,1	31,3
» 4 » 6 » . . .	16,3	11,6	14,3	19,3	13,0	13,8	19,8	15,6	17,2
» 7 » 15 » . . .	28,4	34,8	29,5	30,3	33,9	32,7	39,7	30,6	34,0
» 16 » 25 » . . .	14,4	23,1	16,5	12,8	20,9	19,1	9,9	10,0	10,0
» 26 » 35 » . . .	6,9	10,9	8,1	4,6	9,9	9,0	2,2	4,6	3,7
более 35 » . . .	4,0	5,6	5,3	2,5	4,8	4,9	0,6	2,1	1,5

По продолжительности работы на фабриках выделяются ткачи. Свыше семи лет работало на фабриках около 75% общей численности ткачей, причем у них почти 40% работало свыше 15 лет. Соответствующие показатели для ткачих—52 и 12,7%. Повышенные показатели по продолжительности работы на фабриках следует указать также для мастеровых, а именно работавших свыше семи лет было учтено в этой группе 69,5%, из них работавших более 15 лет—35,6%. Сравнительно непродолжительный производственный стаж можно отметить у работниц приготовительного отдела: почти 53% их работало на фабриках менее семи лет.

Вышеупомянутая перепись фабрично-заводских рабочих Владимирской губернии, произведенная в 1897 г., в числе других

[1] «Сборник статистических сведений по Московский губ.». Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. I, под ред. Ф. Ф. Эрисмана, М. 1890, стр. 289—291.

данных выявила также показатели продолжительности работы рабочих в том предприятии, в котором их застала перепись.

Группировка рабочих Владимирской губернии в 1897 г. по продолжительности их работы в том предприятии, в котором их застала перепись [1]

Показатели	Мужчины	Женщины	Всего
Учтено рабочих (в тыс.)	71,2	45,6	116,8
Из них в % к итогу с продолжительностью работы:			
до 2 лет	36,5	36,7	36,6
от 2 до 5 лет	18,3	20,4	19,1
» 5 » 10 »	16,8	18,5	17,5
» 10 » 15 »	11,0	11,2	11,1
» 15 » 20 »	8,6	7,7	8,2
» 20 » 30 »	6,8	4,6	5,9
свыше 30 »	2,0	0,9	1,6

Продолжительность работы на последнем месте 36,6% переписанных рабочих Владимирской губернии не превышала двух лет. Но одновременно следует также отметить, что было учтено 44,4% рабочих с производственным стажем в пять лет и свыше в предприятии, в котором их застала перепись, причем и работницы в значительном числе были представлены в этих группах. Лишь в группах с наиболее высоким производственным стажем—свыше 20 лет—работницы были менее значительно представлены (5,5%) по сравнению с рабочими мужчинами (8,8%).

Дополним эти общие данные относительно рабочих Владимирской губернии следующими более детальными данными, полученными на основании материалов подворной переписи населения Шуйского уезда Владимирской губернии, произведенной в 1899 г. (Иваново-Вознесенский район).

В текстовом обзоре Н. И. Воробьева к работе «Промыслы крестьянского населения. Шуйский уезд» [2] приведена весьма показательная таблица (см. табл. на стр. 372).

При анализе этой таблицы Н. И. Воробьев писал: «Среди женщин наибольший процент падает на лиц, работающих только 2—3 года, а среди мужчин на группу работающих более 16 лет. Свыше десяти лет на фабрике вообще работает 42,3% мужчин и 20,3% женщин. В самой земледельческой группе таких рабочих 27,4% мужчин и 13,6% женщин. Эту группу рабочих можно считать вполне

[1] Таблица исчислена на основании абсолютных данных, опубликованных в «Отчете чинов фабричной инспекции Владимирской губ. 1894—1897 гг.». Вторая (специальная) часть. Таблицы и приложения, Владимир 1899, стр. 214.

[2] «Материалы для оценки земель Владимирской губ.», т. X, вып. III, Владимир 1908, стр. 53—54.

Группы по полу и по посеву	Из рабочих работают на фабриках вообще (в %)							
	1 год и менее	2—3 года	4—5 лет	6—7 лет	8—10 лет	11—15 лет	16 лет и более	неизвестно
I. Мужчины								
Без посева	9,1	9,8	7,9	4,7	9,8	11,8	39,9	7,0
С посевом до 3 дес.	10,4	12,8	7,5	5,7	7,7	9,8	39,8	6,3
» » от 3,1 до 6 дес. . .	11,9	16,5	13,2	7,6	8,9	9,7	25,5	6,7
» » » 6,1 дес. и более	12,6	19,2	13,7	9,4	12,6	8,8	18,6	5,1
Итого . . .	10,9	14,1	10,4	6,5	9,3	10,2	32,1	6,5
II. Женщины								
Без посева	12,1	15,2	12,4	7,0	12,2	13,0	20,7	7,4
С посевом до 3 дес.	17,8	26,7	14,8	6,5	9,8	7,9	10,6	5,9
» » от 3,1 до 6 дес. .	17,9	29,1	17,8	8,6	8,4	5,6	7,2	5,4
» » » 6,1 дес. и более	15,8	26,2	16,6	8,2	14,3	6,5	7,1	5,3
Итого . . .	16,1	24,2	15,4	7,6	10,5	8,3	11,8	6,1

ассимилировавшейся в условиях фабричного труда и жизни; их связи с деревней едва ли могут быть очень прочны и очень выгодны для них. Непрерывное пребывание на фабрике в течение более чем десяти лет должно изменить весь строй жизненных интересов и требований, «отучить» от крестьянского труда и крестьянской жизни, и во всяком случае наложить прочную печать городской жизни... Женщины в среднем работают на фабрике меньше, чем мужчины, работа земледельческих дворов меньше, чем неземледельческих, и крупных земледельческих меньше, чем мелких. У работников эти отношения выражены полнее и ярче, чем у работниц. Процент работников, работающих на фабриках более 16 лет, в первой земледельческой группе дворов 39,8%, в следующей—с запашкой 3—6 дес.—25,5 и в последней—с посевом более 6 дес.—только 18,6, т. е. более, чем вдвое меньше против первой группы. Обратный ряд цифр дает графа работников, работающих 2—3 года на фабрике»[1].

О продолжительности фабричной работы имеются также данные по материалам переписи рабочих одной крупной костромской льняной фабрики, произведенной за ноябрь 1908 г. под руковод-

[1] «Материалы для оценки земель Владимирской губ.», т. X, вып. III, Владимир 1908, стр. 53—54.

ством Н. И. Воробьева[1]. Всего было переписано 2 406 рабочих мужчин и 2 447 работниц. Соответствующий вопрос был формулирован в опросном бланке следующим образом:

Работает на фабрике лет
Всего лет
На данной фабрике без переходов

Более значительный интерес представляет группировка рабочих по общей продолжительности фабричной работы:

Распределение рабочих костромской льняной фабрики в 1908 г. по продолжительности фабричной работы вообще

Продолжительность работы	На фабриках вообще	
	мужчин	женщин
	в % к итогу работало	
1 год	15,5	11,1
2 года	11,6	9,9
3— 5 лет	22,4	23,3
6—10 »	19,6	24,7
11—15 »	12,4	15,1
16—20 »	7,7	5,9
21 год и более	10,8	10,0

Среди рабочих мужчин 30,9% и среди работниц 31% работали на фабриках свыше 10 лет. Сверх того было учтено с фабричным стажем 6—10 лет 19,6% рабочих мужчин и 24,7% работниц. Эти данные безусловно свидетельствуют о сравнительном постоянстве рабочего состава.

На основании материалов переписи рабочих хлопчатобумажной промышленности Петербурга, произведенной в 1900—1902 гг., мы располагаем сведениями о продолжительности фабричной работы на фабрике, в которой обследованных рабочих застала перепись[2]. Переписано было 11 285 рабочих—46% общей численности рабочих указанной отрасли промышленности.

Группа по продолжительности работы на фабрике	В % к итогу	
	мужчины	женщины
До 1 года	22,7	19,6
От 1 года до 5 лет	42,2	44,5
» 5 » » 15 »	23,1	24,9
Свыше 16 лет	12,0	11,0

35—36% переписанных рабочих работало на данной фабрике свыше пяти лет. Следует указать, что этой переписью было также учтено ранее работавших в других фабриках 46% среди рабочих мужчин и 34% среди работниц.

---

[1] «Перепись рабочих на одной фабрике в г. Костроме». Доклад Н. И. Воробьева, заслушанный в заседании Комиссии по статистике труда 2 января 1910 г., «Труды подсекции статистики XII съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Москве 29 декабря 1909 г.—5 января 1910 г.», стр. 592.

[2] *W. Leontiew*, Die Lage der Baumwollarbeiter in St.-Petersburg, München 1906, S. 61—67,

В. Леонтьев отметил среди переписанных работниц в возрасте 50—60 лет, которые работали на данной фабрике 40—50 лет, причем еще в этом возрасте работали как подручные работницы, которые зарабатывают в день 35—45 коп.

В брошюре А. Н. Чиколева опубликована разработка результатов произведенного в начале 1906 г. медицинского обследования всех работников Балтийского завода, одного из крупнейших металлических заводов Петербурга. При опросе рабочих были получены также данные об их возрастном составе и о продолжительности их работы на Балтийском заводе. На основании материалов указанной разработки и составлена следующая таблица[1]:

Распределение рабочих Балтийского завода по продолжительности предыдущей службы на заводе (по данным 1906 г.)

Профессии	Всего вошло в подсчет рабочих		Из них прослужили на заводе (в % к общему числу по группе)					
	абсолютно	в % к общей численности	до 1 года	до 5 лет	до 10 лет	до 15 лет	до 20 лет	свыше 20 лет
Все рабочие	4 551	100,0	13,9	51,4	25,9	5,2	2,1	1,5
В том числе:								
слесаря	751	16,5	8,9	48,7	32,6	5,1	2,7	2,0
плотники и шаблонщики	500	11,0	11,8	45,4	33,0	7,4	1,6	0,8
подручные	487	10,7	10,7	68,8	18,3	1,4	0,6	0,2
сверловщики и обрубщики	460	10,0	0,4	70,2	26,3	2,0	0,9	0,2
сборщики	394	8,7	0,3	39,6	50,0	6,3	3,0	0,8
станочники	310	6,8	19,7	33,9	27,1	8,7	3,5	7,1
клепальщики	203	4,5	18,2	70,0	7,3	2,0	1,5	1,0
ученики	207	4,6	52,7	47,3	—	—	—	—
кузнецы и молотобойцы	184	4,0	25,0	42,4	17,9	9,8	2,2	2,7
чеканщики	141	3,1	14,2	67,4	12,1	3,5	1,4	1,4
маляры	139	3,1	5,8	72,6	18,0	2,2	0,7	0,7
чернорабочие	127	2,8	18,9	63,7	12,6	1,6	2,4	0,8
машинисты и кочегары	114	2,5	18,4	22,8	32,5	18,4	6,1	1,8
чугунолитейщики	105	2,4	32,4	28,6	26,7	9,5	2,8	—
столяры	107	2,4	6,6	57,0	28,0	4,7	2,8	0,9

Таким образом, по данным 1906 г. 34,7% рабочих Балтийского завода работало на заводе свыше пяти лет, причем удельный вес указанной группы по ряду важнейших профессий был еще более высоким:

[1] *А. Н. Чиколев*, Опыт исследования по влиянию заводских работ на заболеваемость и состояние здоровья рабочих, СПБ 1909.

Профессии	% рабочих, работавших на Балтийском заводе свыше 5 лет
Сборщики	60,1
Машинисты и кочегары	58,8
Станочники	46,4
Плотники	42,8
Слесаря	42,4
Чугунолитейщики	39,0

Эти показатели являются сравнительно высокими, так как они характеризуют лишь продолжительность работы на одном и том же заводе, и несомненно, что при значительных переходах с одного завода на другой, что являлось возможным в Петербурге с весьма развитой металлопромышленностью, общий производственный стаж рабочих Балтийского завода должен был быть безусловно более высоким.

Одновременно следует отметить, что в группе со стажем до пяти лет на заводе было учтено среди учеников 100%, клепальщиков—88,7, чернорабочих—82,6 и подручных—79,5% общей численности.

Еще в одном издании[1] мы встречаем соответствующие показатели. Так, в анкете петербургского союза металлистов, проведенной в феврале—марте 1908 г., в числе прочих вопросов был поставлен также следующий: «Сколько времени работает он на данном заводе». Ответили 3 564 члена союза и 2 156 нечленов, всего 5 720 металлистов. При этом оказалось, что на каждого металлиста приходилось 5,4 года работы на заводе.

Распределение петербургских металлистов в 1908 г. по продолжительности работы на данном заводе

Группы рабочих по продолжительности работы на данном заводе	Число рабочих	
	абсолютно	в % к итогу
Менее 1 года	884	15,5
От 1 до 2 лет	699	12,2
» 2 » 5 »	1 921	33,6
» 5 » 10 »	1 477	25,8
» 10 » 20 »	639	11,2
Свыше 20 »	100	1,7
Всего	5 720	100,0

38,7% опрошенных петербургских металлистов работали на том же заводе, в котором их застал опрос, свыше пяти лет, в том числе свыше 10 лет работало 12,9%. В этом издании опубликованы также данные о количестве металлистов, проработавших свыше пяти лет на последнем предприятии, в зависимости от его размеров.

[1] «Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу», СПБ 1909, стр. 81—83.

Хотя количество показаний является сравнительно невысоким, но, учитывая, что вообще показатели по этому вопросу являются весьма ограниченными, нам они представляются заслуживающими внимания:

Заводы с числом рабочих	В них опрошено рабочих	В том числе проработавших на данном заводе свыше 5 лет	
		абсолютно	в % к итогу
Свыше 1 000	2 436	1 299	53,3
От 500 до 1 000	1 243	399	32,1
» 200 » 500	704	208	29,5
» 50 » 200	1 050	256	24,4
Менее 50	94	12	12,8
Всего	5 527	2 174	39,3

На крупнейших заводах (свыше 1 тыс. рабочих) удельный вес металлистов, проработавших на данном заводе свыше пяти лет, был высоким и составлял 53,3%.

И на заводах, изготовляющих предметы военного снаряжения (эти заводы в своем большинстве старые), имелись значительные кадры рабочих со сравнительно продолжительным производственным стажем. Так, в частности в отношении рабочего состава Охтенского завода взрывчатых веществ в докладе А. А. Артемьева «Условия работы в технических заведениях Артиллерийского ведомства и постановка здесь медицинской помощи» указано:

«Среди рабочих завода,—как мужчин, так и женщин,—имеется немало лиц, работающих уже по 20 и более лет, работающих же по 10 и более лет уже много, а лица, работающие всего 5—6 лет—самими рабочими, как мне неоднократно приходилось слышать, считаются еще молодыми, недавно поступившими. Большею частью работает один член семьи—отец, муж, но немало имеется семейств рабочих, где кроме того работает еще жена, а часто и взрослые дети; я, например, знаю семью, где сразу работают 4 ее члена»[1].

О том, что подавляющее большинство рабочих Николаевского адмиралтейства морского ведомства являлось постоянными рабочими, можно судить по следующему указанию в докладе Л. Л. Гавришева «Образование мастеровых Николаевского адмиралтейства и его влияние на производительность их работы». Доклад основан на материалах статистического исследования 2 100 рабочих адмиралтейства, произведенного в 1896 г.

[1] «Труды II Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности», М. 1911, стр. 15.

«Однородность состава мастеровых адмиралтейства проявляется еще в том, что в подавляющем большинстве они являются коренными жителями Николаева.

Так, единственный случай, где много людей пришлых, представляет строение броненосца и канатный завод. Но и здесь из 550 человек строения броненосца отмечено мною приписанных вне Николаева 200 с небольшим человек. Но среди них около 140 находятся здесь на работах более 8, и многие и до 30 лет. Все имеют семьи в Николаеве и прочно в нем ужились. Да и среди остальных 60, т. е. находящихся в городе менее 8 лет, большинство считает себя постоянными жителями. Такие же результаты дает канатный завод. В остальных мастерских пришлые являются спорадически»[1].

Подобные же указания встречаются в отношении рабочего состава и других казенных заводов. Многие из этой группы рабочих являлись потомственными заводскими рабочими, причем наличие постоянных квалифицированных кадров с длительным стажем нередко отмечалось в отношении отдельных заводов еще по данным конца XVIII и первой половины XIX в.[2].

Мы располагаем соответствующими данными и по деревообделывающей промышленности в отношении рабочего состава значительного числа лесопильных заводов Архангельской губернии. Эти данные были получены в результате обследования, произведенного в течение зимнего сезона 1912/13 г. (см. табл. на стр. 378).

Половина учтенных рабочих работала на заводах шесть и свыше лет. Следует, таким образом, отметить, что группа, проработавшая свыше 10 лет, оказалась сравнительно значительной—почти 30% общей численности обследованных рабочих лесопильных заводов Архангельской губернии.

Представляют значительный интерес также данные о продолжительности фабрично-заводской работы рабочих Смоленской губернии, в которой фабрично-заводская промышленность была сравнительно слабо развита. Эти данные были получены в результате исследования санитарного состояния фабрик и заводов Смоленской губернии, произведенного в 1894—1895 гг. На основании таблицы IV

---

[1] «Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем-Новгороде», т. VI, вып. XI. Техническое образование, СПБ 1897, стр. 280.

[2] С. М. Левидова в своей работе «История Онежского (бывшего Александровского) завода» (Петрозаводск 1938, стр. 45) при характеристике квалифицированных рабочих Александровского завода писала:

«По ведомости 1786 г. «у приходу и расходу заводских припасов и материалов было 222 человека». Это кадровые мастеровые. Они работали на заводе в качестве доменных мастеровых, кузнечных подмастерьев, доменных работников по двадцать, тридцать, сорок лет. И они—потомственные пролетарии.

Из двухсот двадцати двух человек—семнадцать из крестьян, из солдатских детей—четверо, один—подканцелярский сын, один—конюхов сын, «один из незаконнорожденных», а остальные сто девяносто восемь человек из «майстерских детей», один сын умершего мейстера, один сын рудокопного мастера».

Распределение рабочих лесопильных заводов Архангельской губ. в 1912/13 г. по продолжительности их заводской работы [1]

Группы рабочих по продолжительности их заводской работы	Число рабочих	
	абсолютно	в % к итогу
Менее года	234	4,9
От 1 до 5 лет	2 170	45,5
» 6 » 10 »	973	20,4
» 11 » 15 »	658	13,8
» 16 » 20 »	355	7,4
» 21 » 25 »	162	3,4
» 26 » 30 »	103	2,2
Свыше 30 »	112	2,4
Всего . . .	4 767	100,0

«Продолжительность и постоянство работы» [2] нами исчислены следующие относительные показатели распределения всех рабочих мужчин и женщин, а также занятых в двух основных отраслях промышленности Смоленской губернии по продолжительности их работы на фабриках и заводах:

Распределение рабочих фабрично-заводской промышленности Смоленской губ. в 1894—1895 гг. по продолжительности работы

Группа рабочих	Учтено рабочих	Из них работали на фабриках и заводах (в % к итогу)				
		менее 1 года	1—5 лет	5—10 лет	10—20 лет	свыше 20 лет
Рабочие всех производств . . .	5 026	13,8	36,1	23,1	21,1	5,9
В том числе:						
мужчины	3 490	13,6	36,3	21,1	21,0	8,0
женщины	1 536	14,2	35,5	27,6	21,8	0,9
В том числе:						
рабочие ярцевских фабрик .	2 653	10,5	32,7	27,5	26,1	3,2
рабочие стеклянных и хрустальных заводов	1 096	9,6	28,7	21,2	24,0	16,5

Половина всех рабочих работала на фабриках и заводах свыше пяти лет, из них 27%—свыше 10 лет. Хотя процент работавших свыше пяти лет был почти одинаков у мужчин и женщин, но внутри этой группы определились различия в проценте мужчин и женщин.

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в работе *И. Степанова*, К вопросу о положении рабочих на лесопильных заводах Архангельской губ., П. 1915, стр. 90—91.

[2] *Д. Н. Жбанков*, Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии, вып. II, Смоленск 1896, стр. 469.

8% рабочих мужчин работало свыше 20 лет, в отношении работниц этот показатель составлял лишь 0,9%. Характерны данные о распределении рабочих стеклянных и хрустальных заводов Смоленской губернии по продолжительности их заводской работы. Эти заводы основаны давно. Свыше пяти лет работало на заводах 60,7%, из них 16,5% работало на заводах свыше 20 лет. В текстовом обзоре данных относительно Ворошиловского, или Екатерининского, хрустального завода И. А. Соколова Д. Н. Жбанков писал: «*Постоянство и продолжительность* работы на заводе значительные и находятся в неразрывной связи с самым занятием: раз человек обучался с детства производству стекла, затратил на него десяток лет, он поневоле должен всю жизнь заниматься им. Поэтому все рабочие, кроме только чернорабочих, всю жизнь постоянно служат на стеклянных заводах, здесь или в других местах, только 15 человек из опрошенных рабочих не постоянно, с перерывами, все они чернорабочие. Прежде работать на заводе нанимали с раннего детства—с 7—8 лет, почему есть работающие по 50 лет»[1].

Большинство приведенных показателей о продолжительности фабрично-заводской работы было получено в результате разработки материалов, относящихся к 80-м и 90-м годам XIX в. Темп прироста численности рабочих фабрично-заводской промышленности за 1900—1913 гг. был, как указывалось, в $2^1/_2$ раза ниже, чем за 1887—1900 гг.

В результате сравнительно пониженного темпа роста численности рабочих в годы монополистического капитализма удельный вес постоянных рабочих кадров и рабочих с более продолжительным производственным стажем в значительной степени повысился.

Остановимся несколько подробнее на данных, относящихся к характеристике процессов образования постоянных кадров в каменноугольной промышленности Донбасса, где вследствие исключительной эксплоатации труда и весьма неблагоприятых бытовых условий указанный процесс в значительной степени замедлялся по сравнению с другими отраслями промышленности.

На основании данных официального «Сборника статистических сведений по горной части на 1867 г.» П. И. Фоминым дана следующая характеристика рабочего состава частных каменноугольных копей Новороссии этого периода:

«В этом сборнике содержится интересное указание на сезонный характер работы на каменноугольных копях Новороссии в то время. «Каменноугольная кампания», если можно так выразиться, продолжается с октября по май, и на этот срок нанимаются рабочие на каменноугольные копи. Летом работы прекращаются от трех причин: 1) уход рабочих на полевые работы, отвлекающие рабочие руки от каменноугольного промысла; 2) дурная вентиляция; 3) недостаток рыночного спроса: семимесячная зимняя работа дает возможность сполна насытить весь рынок»[2].

[1] Там же, вып. I, стр. 28.

[2] *П. И. Фомин*, Горная и горнозаводская промышленность юга России, т. I, Харьков 1915, стр. 138.

П. И. Фомин, отметив на основании материалов 80-х годов сравнительно незначительное число семейных среди рабочих-шахтеров, в то же время указал на низкий уровень их заработка, достаточный лишь для одинокого рабочего.

Надо заметить, что заработок, получаемый шахтерами в то время, не давал никакой возможности содержать семью, как об этом красноречиво говорит нижеследующая таблица, помещенная на стр. 392 земского сборника по Славяносербскому уезду: «...

	Число	В них едоков	Сумма месячного заработка	На семью	На едока
Семей	113	441	2 703 руб.	24 руб.	6 руб.
Одиночек	1 507	1 507	33 207 »	22 »	22 »

Очевидно, невозможно прокормить на 6 руб. едока шахтерской семьи, и при том заработке, который получали тогда рабочие, очевидно, могли существовать только одиночки»[1].

Следующие, хотя и отрывочные, данные о продолжительности работы в каменноугольной промышленности, полученные в результате обследования, произведенного в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии в 1884 г., указывали на значительную текучесть рабочего состава в этой отрасли промышленности:

«Что же касается вопроса о продолжительности времени занятия каждым из трудящихся рабочих рудничным каменноугольным промыслом, то в этом отношении имеющиеся у нас сведения дают следующую картину:

Вышедших на работы в рудниках первый год	268 раб.	21%
Работающих от 1 года до 5 лет	520 »	42%
» » 5 до 10 лет	275 »	22%
» более 10 лет	186 »	15%
	1 249 раб.	100%

В этих абсолютных и относительных величинах каждой категории рабочих следует отметить то, что до 5 лет работавшие по рудникам не теряют связи с родиной, часто возвращаются для занятий земледелием домой, и, по миновании надобности в них, снова уходят на работу на рудники. У занимающихся рудничным делом 5—10 лет связь с прежним занятием и прежним бытом почти порвана, если только они не принадлежат к числу местных жителей; тут, однако, еще можно найти лиц, ведущих сношение со своим первоначальным гнездом. Среди группы работающих на рудниках более 10 лет изредка можно встретить таких, которые не порвали

[1] *П. И. Фомин*, Горная и горнозаводская промышленность юга Росии, т. I, Харьков 1915, стр. 138.

связи с общинным бытом, надельной землей и более или менее оседлой жизнью земледельца»[1].

То обстоятельство, что 63% общего числа обследованных рабочих работало в каменноугольной промышленности менее пяти лет, безусловно свидетельствует о том, что постоянные кадры в общем еще не были созданы в каменноугольной промышленности[2].

Исследователи процесса формирования рабочего состава в каменноугольной промышленности Донбасса, которые писали об этих процессах даже в более поздний период, весьма часто для обоснования своих суждений по этому вопросу использовали материалы обследований Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии, опубликованных в 1886 г. При этом не в достаточной степени они учитывали то обстоятельство, что обследования были произведены в первой половине 80-х годов и что с того времени, как выше было указано, численность рабочих Донецкого бассейна весьма значительно повысилась. И несомненно, что процессы формирования рабочего состава в этом важнейшем центре тяжелой промышленности в последующие годы в значительной степени различались от тех, которые наблюдались в самой начальной стадии развития каменноугольной промышленности Донбасса.

Но уже в докладе комиссии XVIII съезда горнопромышленников юга России по рабочему вопросу в 1893 г. было указано, что в Донецком каменноугольном бассейне наметился процесс создания более или менее постоянных кадров горнорабочих: «Не следует игнорировать, что по мере того, как каменноугольные рудники принимают тип предприятий крупных, постоянно около них зарождаются поселения рабочих, из коих, при всяких условиях, известный процент рабочих не уходит, а остается всегда или же в течение более или менее долгого срока на месте. Так, например, в этом году при самом блестящем урожае, всегда отнимающем рабочих от каменноугольных копей, не все рабочие ушли. На экстренном съезде горнопромышленников в Харькове определено, что на 34 копях при нормальных обстоятельствах должно было бы быть 22 тыс. рабочих, но на полевые работы ушло 9 тыс. и осталось на копях

---

[1] «Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ.», вып. 3. Славяносербский уезд, Екатеринослав 1886, стр. 391.

[2] На основании данных этого обследования в Славяносербском уезде Э. Ф. Богуцкий в статье «Положение горнорабочих в Донецком бассейне» («Юридический вестник», кн. XI, 1890) писал: «Понятно, что работающие более 10 лет (15%) на рудниках порвали уже все связи со своим земледельческим трудом и прежним общинным бытом. Между ними можно встретить рабочих, занимающихся горным делом с самого начала развития каменноугольной промышленности. Труд на шахте является у них уже не подсобным промыслом, а единственным средством заработка и пропитания с семьей. Из этой-то части рудничного населения должен выработаться со временем специальный класс углекопов, занимающийся только угольным делом и населяющий рудники более или менее постоянно. Но при теперешнем положении углекопа на шахтах, его необеспеченности как с материальной, так и нравственной стороны, ничто особенно не привлекает его к руднику,—кроме нужды. Вследствие этого класс профессиональных углекопов образуется очень медленно».

13 тыс. рабочих, т. е. все-таки осталось до 60% и недоставало 40%. В частности можно указать, что на копях французского горного и промышленного общества осталось 65%, на копях Алексеевского общества до 60%, на копях Голубовского товарищества до 70% и т. д., но зато на других рудниках оставалось рабочих значительно меньший процент. Это ясно указывает, что такие рудники имеют и более благоприятные условия, коими рабочие удерживаются, но, конечно, весьма большое влияние имеет и увеличение заработной платы»[1].

Указанный в докладе процент постоянных рабочих следует признать высоким, если учесть ту тяжелую общую обстановку, в которой приходилось в это время жить и работать донецкому углекопу. Исключительно неблагоприятные условия труда, резко повышенный уровень травматизма, невыносимые жилищные условия и в связи с этим весьма часто наблюдаемая абсолютная невозможность жить с семьей, невысокий заработок—все эти обстоятельства препятствовали процессу создания постоянных рабочих кадров в каменноугольной промышленности.

По сравнению с другими основными отраслями промышленности, в каменноугольной промышленности колебания численности рабочих по отдельным месяцам в течение каждого года были весьма значительными. Несомненно, некоторое влияние на эти колебания оказало происходившее в этой отрасли промышленности за рассматриваемые годы заметное увеличение численности рабочих. Но помимо этого обстоятельства можно на основании нижеприводимых данных за 1904, 1907, 1910 и 1913 гг. проследить и сезонные колебания численности рабочих:

Изменения численности рабочих каменноугольной промышленности Донецкого бассейна по месяцам за 1904—1913 гг.

Месяцы	Число рабочих (в тыс.)				В % к средней годовой			
	1904 г.	1907 г.	1910 г.	1913 г.	1904 г.	1907 г.	1910 г.	1913 г.
Январь	86,3	114,5	112,9	169,1	111,6	97,8	101,3	100,4
Февраль	84,0	122,5	116,4	165,1	108,7	104,6	104,5	98,0
Март	77,0	124,0	112,1	168,4	99,6	105,9	100,6	100,0
Апрель	78,3	112,5	114,8	145,7	101,3	96,1	103,1	86,5
Май	78,3	122,6	110,0	157,5	101,3	104,7	98,7	93,5
Июнь	77,0	112,5	85,5	156,9	99,6	96,1	76,7	93,2
Июль	69,0	113,0	86,2	152,7	89,3	96,5	77,4	90,7
Август	67,3	107,0	95,9	163,9	87,1	91,4	86,1	97,3
Сентябрь	71,2	114,0	108,4	158,2	92,1	97,4	97,3	93,9
Октябрь	79,0	122,5	127,8	182,1	102,2	104,6	114,7	108,1
Ноябрь	78,5	128,0	133,1	200,6	101,6	109,3	119,5	119,1
Декабрь	82,0	112,5	134,3	201,0	106,1	96,1	120,6	119,4
В среднем за год	77,3	117,1	111,4	168,4	100,0	100,0	100,0	100,0

[1] «Труды XVIII съезда горнопромышленников юга России, бывшего в Харькове, с 1 по 14 декабря 1893 г»., ч. I, Харьков 1894, стр. 337.

Максимум численности рабочих каменноугольной промышленности Донецкого бассейна обычно приходился на зимние месяцы, минимум—на летние месяцы. И непосредственно перед империалистической войной, в 1913 г., сезонность в этой отрасли промышленности нашла свое яркое отражение в том, что отношение численности рабочих в месяцы максимума (ноябрь—декабрь) к минимальной численности в апреле составляло 1,4 : 1.

Но вместе с тем следует отметить, что данные, приведенные в этой же таблице, а именно что даже в летние месяцы численность рабочих каменноугольной промышленности Донбасса в 1904, 1907 и 1913 гг. не была ниже 87% средней годовой численности рабочих[1], косвенно свидетельствуют о том, что и в этой отрасли промышленности, где влияние сезонности было особенно резким, уже также образовались значительные кадры рабочих, связанных продолжительной работой на производстве.

Несомненно, одним из показателей, характеризующих процессы создания постоянных кадров в каменноугольной промышленности, явились данные о значительном росте населения рудничных поселков за 1905—1913 гг., происходившем в более интенсивном темпе по сравнению с ростом численности рабочих, так как за эти годы вместе с рабочими уже в значительном числе начали селиться и члены их семей.

Динамика населения рудничных поселков Донецкого бассейна за 1905—1913 гг.[2]

Годы	Численность населения (в тыс.)
1905	118,4
1906	186,0
1907	228,0
1908	256,5
1909	268,5
1910	227,8
1911	289,5
1912	301,0
1913	374,3

В численности населения рудничных поселков учтены как рабочие и служащие рудников, так и члены их семейств и посторонние предприятиям лица. Таким образом, за 1905—1913 гг. численность населения рудничных поселков Донецкого бассейна увеличилась в три раза. За эти же годы число рабочих на каменноугольно-антрацитовых копях Донецкого бассейна увеличилось в два раза.

---

[1] Пониженные показатели в 1910 г. были вызваны бегством рабочих из Донецкого бассейна в связи с эпидемией холеры.

[2] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в статье д-ра *И. Лященко*, Условия труда на рудниках Донецкого бассейна, «Общественный врач» № 2—3, 1914, стр. 271, и в ежегоднике «Каменноугольная промышленность России в 1913 г.», вып. II, Харьков 1915, стр. XXXVII.

Данные о времени выселения из сельских местностей и о продолжительности проживания фабрично-заводских рабочих в промышленных центрах также характеризуют процессы образования постоянных кадров в промышленности. Эти данные свидетельствуют о значительном удельном весе группы рабочих, выселившихся сравнительно давно из сельских местностей и длительно проживающих в промышленных центрах. Для иллюстрации указанных явлений ограничимся следующими показателями.

В этом отношении значительный интерес представляют следующие данные по Шуйскому уезду Владимирской губернии, относящиеся к 1899 г.:

Распределение фабричных рабочих Тейкова, Кохмы и пригорода Иваново-Вознесенска Ямы по годам выселения из родного селения[1]

Сколько лет назад выселились из родного селения	В % к итогу		
	мужчины	женщины	всего
1 год	6,0	14,3	10,2
2—5 лет	22,9	25,0	24,0
6—10 »	21,5	19,9	20,7
11—15 »	15,4	14,9	15,1
16—20 »	14,7	13,0	13,8
21 год и более	19,5	12,9	16,2
Всего	100,0	100,0	100,0

Приведенные данные свидетельствуют о непрерывном процессе оседания фабрично-заводских рабочих в промышленных центрах. Весьма существенным представляется также и то обстоятельство, что сравнительно значительная группа рабочих (45%) выселилась из родного селения уже свыше 11 лет. Среди работниц почти 40% выселилось из родного селения в течение последних пяти лет, предшествующих обследованию.

Ряд исследователей крестьянских промыслов отмечал процессы образования более постоянных рабочих кадров, занятых в промышленности. А. Смирнов в статье «Земледелие и земледелец центральной промышленной области», указав на значительный рост отхожих промыслов во Владимирской губернии во второй половине 90-х годов, писал: «Изменяется теперь и самый характер промыслов. Если раньше они носили временный, сезонный характер, отнимая крестьянина из деревни лишь на несколько времени, часто даже отпуская его среди лета на полевые работы, то теперь не только фабрика, но и остальные занятия берут у крестьянина все время,

[1] В подсчет вошло 3 410 рабочих мужчин и 3 398 работниц, всего 6 808 человек. Таблица составлена на основании данных, опубликованных в «Материалах для оценки земель Владимирской губ.», т. X. Шуйский уезд, вып. III. Промыслы крестьянского населения, Владимир 1908, стр. 394.

не отпуская его в деревню ни на минуту до тех пор, пока нельзя уже силою вещей продолжать работы. Так фабричные теперь работают круглый год, не уходя домой ни на один день, каменщики 6—7 месяцев в году подряд, плотники еще дольше, часто круглый год, котельщики не возвращаются домой по 3—5 лет и т. д. Даже такие работы, как плотницкие, имеют теперь тенденцию к занятию рабочего круглый год, так что в Покровском уезде,—уезде плотников, масса семейств переселяется на сторону, в южные города только потому, что главы семейств прочно устраиваются там на неопределенно долгое время»[1].

Приведем данные, свидетельствующие о продолжительности отхода на заработки плотников Вятской губернии: в обзоре плотничного промысла среди крестьян Уржумского уезда отмечалось, что из волостей наиболее значительного развития этого промысла «плотники уходят за пределы губернии на весь период плотничных работ, т. е. с 1 марта по 21 ноября, а некоторые живут даже по несколько лет в Иркутской губ. Забайкальской области и др., высылая домой деньги и получая новые паспорта...

Плотники проводят дома только три зимних месяца, а остальное время на работах; следовательно, вовсе не занимаются сельским хозяйством» (Нолинский уезд)[2].

Общая характеристика продолжительности ухода на заработки, данная во введении к материалам массового обследования строительных и дорожных работ, произведенного в 1911 г., также указывает на то, что к этому периоду среди строительных рабочих уже образовались значительные кадры постоянных рабочих: «Время выхода рабочих на заработки и продолжительность промыслового сезона отличаются крайним разнообразием, претерпевая значительные колебания не только в пределах отдельных районов, но даже на пространстве одной и той же губернии. Большинство рабочих уходит на заработки весной, но значительная часть их уходит также и осенью. В некоторых местностях нет определенных сроков для выхода, и рабочие нанимаются в течение целого года. В других отхожие промыслы из подсобных успели превратиться в главные, *в течение целого года занимая рабочих*, которые один—два раза в год, и то лишь на короткое время выезжают в деревню. Наконец, *значительное число рабочих*, *повидимому*, *совершенно порвало всякую связь с деревней*, которая остается для них лишь местом приписки»[3].

Если обратиться к данным вышеуказанной переписи 1902 г. о том, как столь значительная масса «пришлых» фабрично-заводских рабочих Москвы распределялась по продолжительности пре-

---

[1] «Русская мысль» № 7, 1901, стр. 182—183.

[2] «Кустарная промышленность Вятской губ.», «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. XII, П. 1884, стр. 663—758.

[3] «Движение рабочих на заработки в 1911 г. Строительные и дорожные работы», изд. Комитета по заселению Дальнего Востока. Составил А. А. Панов, П. 1911, стр. 10 (курсив наш.—*А. Р.*).

Распределение жителей Петербурга крестьян и мещан в 1910 г. по времени поселения

	Крестьяне	Мещане
Всего распределено по времени поселения (в тыс.)	894,9	134,4
Из них в % к итогу поселилось в Петербурге:		
в 1910—1906 гг.	45,1	34,9
» 1905—1901 »	17,7	16,1
» 1900—1896 »	12,9	12,4
» 1895—1891 »	8,4	8,9
» 1890—1886 »	5,8	7,0
» 1885 г. и ранее	10,1	20,7

Эти данные указывают, что из рассматриваемой группы 37,2% крестьян и 49% мещан поселилось в Петербурге еще до 1900 г. В отношении же общей численности каждой из этих групп удельный вес родившихся вне Петербурга и поселившихся в нем до 1900 г. составлял соответственно для крестьян 28,6%, а для мещан 24%. Таким образом, эти две группы постоянного населения Петербурга, а именно: 1) родившиеся в Петербурге и 2) проживающие в нем свыше 10 лет, составляли в 1910 г. 53% среди крестьян и 75%, среди мещан жителей Петербурга.

Группа соответствующих показателей, полученных на основании материалов разработки данных переписи населения Баку, произведенной в 1913 г. и разработанной весьма подробно по разделу занятий, представляет существенный интерес для характеристики рабочего состава важнейшего центра нефтяной промышленности—Баку—в 1913 г. В результате сравнительно продолжительного периода развития нефтяной промышленности к 1913 г. частично и в этом районе уже были созданы постоянные кадры рабочих.

Обратимся к данным, относящимся к рабочим добывающей и обрабатывающей промышленности. Основную массу рабочих рассматриваемых отраслей промышленности составляли рабочие, занятые по добыче и обработке нефти. Сравнительно значительно были также представлены рабочие машиностроительной промышленности, преимущественно механических мастерских.

Учитывая различия в составе рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности, живущих в городе Баку в пределах его муниципальной черты и в Промыслово-заводском районе, соответствующие показатели в таблице приведены раздельно (см. табл. на стр. 388).

Чтобы судить о том, насколько значительной являлась группа постоянных рабочих, укажем, что среди рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности в 1913 г. было учтено родившихся в Баку и Промыслово-заводском районе 6,8%, родившихся вне Баку и Промыслово-заводского района и проживших в них 6—10 лет—14,9% и 11 лет и свыше—17,3%. Таким образом, почти 40% бакинских рабочих в 1913 г. можно отнести к группе постоян-

Распределение рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности в Баку и Промыслово-заводском районе в 1913 г. по месторождению и продолжительности пребывания [1]

	Численность рабочих					
	в г. Баку		в Промыслово-заводском районе		в г. Баку и Промыслово-заводском районе	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
I. Родившиеся в Баку и Промыслово-заводском районе	2 675	12,9	1 949	4,2	4 624	6,8
II. Родившиеся вне Баку и Промыслово-заводского района . . и прожившие в них:	18 086	87,1	44 963	95,8	63 049	93,2
менее года	3 281	15,8	10 727	22,9	14 008	20,7
1 год	1 616	7,8	7 809	16,6	9 425	13,9
2—5 лет	4 197	20,2	12 896	27,5	17 093	25,3
6—10 »	3 287	15,8	6 811	14,5	10 098	14,9
11 лет и свыше	5 473	26,4	6 221	13,3	11 694	17,3
неизвестно	232	1,1	499	1,0	731	1,1
Всего . . .	20 761	100,0	46 912	100,0	67 673	100,0

ных рабочих. Соответствующие показатели составляли для рабочих, живущих в самом городе Баку, даже 55%, а в Промыслово-заводском районе—лишь 32%. Сравнительно менее значительный удельный вес рассматриваемой группы в рабочем составе Промыслово-заводского района отчасти был вызван высокими темпами роста его населения. Напомним, что численность населения Промыслово-заводского района увеличивалась следующим образом: в 1897 г.—34 тыс., в 1903 г.—70 тыс. и в 1913 г.—119 тыс. человек. Выше мы отметили лишь группы рабочих, проживших в Баку и Промыслово-заводском районе шесть лет и свыше. Но несомненно, что и из группы проживших 2—5 лет часть могла быть также отнесена к постоянным рабочим, а эта группа составляла 25,3% общей численности рабочих.

При учете этой сравнительно значительной группы постоянных рабочих в Баку не надо забывать и многонациональный состав бакинских рабочих. В «Обзоре бакинской нефтяной промышленности за 1915 г.»[2] были опубликованы следующие данные о национальном составе рабочих и служащих бакинской нефтяной промышленности в 1915 г.:

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в издании «Перепись Баку 1913 г.», ч. III. Население, вып. 2. Баку. Население по занятиям, Баку 1916, стр. 10, и вып. 4. Промыслово-заводской район. Население по занятиям, Баку 1915.

[2] «Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1915 г.», Баку, 1916, стр. 95—97.

	Число рабочих и служащих	
	абсол. число	в %
Русские	10 317	22,3
Армяне	8 720	18,8
Местные татары (тюрки)	5 127	11,1
Персы	13 499	29,1
Казанские татары	1 879	4,0
Лезгины	5 266	11,4
Грузины	405	0,9
Евреи	491	1,0
Прочие	643	1,4
Итого	46 347	100,0

Распределение рабочих отдельных национальностей по группам профессий было весьма различным. Так, отметим, что русские рабочие более значительно были представлены в нефтеперегонных заводах, а также в подсобных предприятиях—механических заводах и мастерских. Мастеровые имелись также и среди армян. Но больше половины армян было занято по добыче нефти. Местные татары и лезгины в своей преобладающей массе работали по добыче нефти. И среди этих рабочих бакинской нефтяной промышленности встречались группы потомственных пролетариев [1].

О процессах образования постоянных рабочих кадров, проживающих уже со своими семьями в крупных промышленных центрах, и о процессах роста применения труда женщин в производстве свидетельствуют также следующие показатели о населении Москвы за период с 1871 по 1912 г. [2]:

Годы переписи	Число женщин на 1 000 мужчин
1871	700
1882	742
1892	755
1902	782
1907	803
1912	843

За эти 40 лет приме́рно в 1½ раза увеличился также удельный вес численности детей в возрасте до 10 лет в отношении к общей численности населения Москвы (10,6% в 1871 г. и около 16% в 1912 г.).

[1] Автор очерка «Селение бурильщиков» («Известия» от 11/IX 1939 г.), описывая азербайджанское селение Амираджаны, указывал: «В старину амираджанцы жили бедно. Земли нехватало, поэтому еще на заре нефтяной промышленности они рыли в балаханской степи колодцы и добывали нефть...

Много лет спустя, когда на Апшеронских промыслах стали применять бурение, амираджанцы познакомились с бурильным станком, и тогда их жизнь еще теснее связалась с нефтью. Почти в каждой семье от дедов к отцам и сыновьям по наследству передавалась трудная, но увлекательная профессия. За 70 с лишним лет применения бурения в нефтяной промышленности из селения вышло около 400 буровых мастеров и бурильщиков».

[2] «Санитарно-статистические таблицы» П. И. Куркина, М. 1910, и «Статистический ежегодник города Москвы», вып. 4, М. 1916.

Отмеченный процесс еще более резко выступал по данным шести переписей населения Петербурга, произведенных в течение периода 1864—1910 гг.:

Годы переписи	Число женщин на 1 000 мужчин[1]
1864	720
1869	769
1881	822
1890	867
1900	835
1910	911

Таким образом, на 1 тыс. мужчин приходилось в 1864 г. 720, а в 1910 г. 911 женщин. В результате более интенсивных темпов возрастания женского населения в Петербурге расхождение между приведенными относительными показателями в значительной степени уменьшилось.

Аналогичные процессы наметились и в отношении Баку[2]: на 1 тыс. мужчин в 1897 г. приходилось 679 женщин, а в 1913 г.— 761.

ГЛАВА 13

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО ТРУДА

Статистические материалы, характеризующие преемственность фабрично-заводского труда, были разработаны более подробно о рабочих текстильной промышленности.

Одна из первых разработок данных о преемственности фабричного труда была опубликована д-ром П. А. Песковым[3] (см. табл. на стр. 391).

Таким образом, 42,8% обследованной группы рабочих мужчин, занятых на фабриках по обработке волокнистых веществ в Москве в 1881 г., были детьми фабричных рабочих. Отметив этот факт, а также и то явление, что часть рабочих «уже не отлучается в деревни и, следовательно, исключительно живет фабричным только трудом», П. А. Песков указывал, что «...фабричный пролетариат у нас не за горами».

В вышеприведенной таблице резко выступают различия рассматриваемого показателя в отношении отдельных профессий. Так, отметим, что число имевших отцами фабричных рабочих составляло среди прядильщиков 82%, среди ткачей—68, в частности среди шелковых ткачей—79, а среди группы прочих рабочих и чернорабочих—24 и красильщиков—18%. Останавливаясь на этих показателях, П. А. Песков столь значительные различия в процен-

---

[1] Для сопоставимости данных показатели исчислены лишь в отношении населения города, не включая населения пригородов.

[2] *Г. Григорьян*, Баку по данным переписи 22 октября 1913 г., стр. 14.

[3] *П. А. Песков*, Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве, «Труды Комиссии, учрежденной московским ген.-губ. кн. В. А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве», вып. I, 1882, стр. 133—141.

Преемственность фабричного труда рабочих мужчин по обработке волокнистых веществ в Москве в 1881 г.

Профессии	Всего учтено рабочих	Из них имевших отцами фабричных рабочих (в % к итогу)
Все рабочие	4 391	42,8
В том числе:		
прядильщики	124	82,1
ручные набойщики	136	72,8
все ткачи	1 537	68,0
в том числе:		
а) шелковые ткачи	256	78,9
б) бумажные »	324	72,1
в) шерстяные »	287	64,1
г) суконные »	670	63,5
самоткачи	110	53,6
граверы	162	36,4
прессовщики	259	26,6
слесаря	129	24,0
прочие рабочие и чернорабочие	1 140	21,0
красильщики	605	17,8

те имевших отцами фабричных рабочих среди отдельных профессий в основном объяснял: «1) специализацией занятий и 2) большей или меньшей давностью возникновения их в России»[1]. Приведем также еще некоторые существенные объяснения П. А. Пескова в отношении некоторых профессий: «На первом плане по количеству происшедших от фабричных отцов стоят прядильщики, что обусловливается тем, что лица эти, из всех занимающихся на фабриках, по преимуществу фабричные рабочие. Они все начинают работать на фабриках с весьма раннего возраста, в качестве присучальщиков, съемщиков и т. д., вследствие чего на прядильных фабриках... в составе рабочих чрезвычайно много детских возрастов... Ткацкое производство... есть одно из старейших в области обработки волокнистых веществ и древнейшим из них считается производство шелковых тканей. За шелковыми ткацкими, в виде фабричного производства, нужно считать бумажные ткацкие, которые в большинстве, хотя и имели характер кустарного промысла, тем не менее представляли собой заведения со всеми атрибутами фабричного производства, в том же виде, как это и теперь существует во многих деревнях. Шерстяные и суконные ткацкие, работающие преимущественно на Жакардовских станках, возникли еще позднее. Наконец, всех позднее водворялось у нас производство тканей на механических станах. В этом же порядке, как мы видим, располагаются все категории ткачей, причем все они имеют сравнительно наибольший процент происшедших от фабричных отцов... Красильное и отбельное производство... есть одно из самых простых. Они не требуют почти никакой подготовки... В красильщики поступают

[1] Там же.

по преимуществу чисто деревенский народ и иногда прямо, как говорится, от сохи, и никогда не работавшие на фабриках. Отсюда понятны причины, почему между ними так сравнительно мало происшедших от фабричных отцов. Между чернорабочими еще менее таких лиц, что объясняется, разумеется, еще меньшей их соприкосновенностью с собственно фабричными занятиями» [1].

В работе Е. М. Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет» опубликована таблица о преемственности фабричного труда 18 576 рабочих мужчин, занятых на фабриках трех уездов Московской губернии—Серпуховского, Коломенского и Бронницкого, по данным специального опроса рабочих, произведенного в 1884—1885 гг. Рабочие распределены также по месту своего рождения. Приведем эту таблицу в несколько сокращенном виде [2] (см. табл. на стр. 393).

Приведя эти данные, Е. М. Дементьев пишет: «Из 18 576 рабочих (кроме рогожников) мужского пола всех сословий и возрастов 55% оказались имеющими отцов, работавших или работающих на фабриках в различных занятиях. Наибольший процент рабочих, имеющих отцами фабричных же (70,5), падает на группу рабочих, обрабатывающих волокнистые вещества, наименьший же (15,0), как и следовало ожидать, на рабочих общей службы, т. е. чернорабочих, возчиков, сторожей и кочегаров. Вообще больший процент падает на те именно группы занятий, в которых наиболее применяется механический труд, и, наоборот, чем большее значение в занятиях имеет труд ручной, тем меньше и процент рабочих, имеющих отцами фабричных. А мы должны заметить притом, что «фабричными» нами считались лишь те отцы, которые буквально работали на фабриках, следовательно в их счет нами не вводились те, которые занимались каким-либо ремеслом вне фабрики или каким-либо кустарным производством.

Между уроженцами различных губерний различие в этом отношении достигает довольно крупных размеров. Наибольшее количество подобных рабочих, как в отношении всех вообще, без различия занятий, так и по отдельным группам последних, дают уроженцы Калужской губ., несмотря на исключение из счета рабочих рогожных фабрик. Если же в расчет принять и последних, уже много десятков лет из рода в род занимающихся рогожным делом, то процент для уроженцев Калужской губ. в I отделе рабочих (обработка волокнистых веществ), куда входят и рогожники, поднимается с 94,5 до 97,0, т. е. почти все рабочие этого отдела поголовно, оказывается, происходят от отцов, занимавшихся фабричными же работами. Второе место в этом отношении принадлежит уроженцам Московской губ., дающим процент немного больший общего

---

[1] *П. А. Песков*, Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве, «Труды Комиссии, учрежденной московским ген.-губ. кн. В. А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве» вып. I, 1882, стр. 133—141.

[2] *Е. М. Дементьев*, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, М. 1897, стр. 45—48.

Преемственность фабричного труда у рабочих Московской губернии в 1884—1885 г.

	Московская губ.		Тульская губ.		Рязанская губ.		Калужская губ.		Прочие губ.		Все рабочие без различия месторождения	
	число всех рабочих	из них рабочих, имеющих отцами фабричных рабочих (в %)	число всех рабочих	из них рабочих, имеющих отцами фабричных рабочих (в %)	число всех рабочих	из них рабочих, имеющих отцами фабричных рабочих (в %)	число всех рабочих	из них рабочих, имеющих отцами фабричных рабочих (в %)	число всех рабочих	из них рабочих, имеющих отцами фабричных рабочих (в %)	число всех рабочих	из них рабочих, имеющих отцами фабричных рабочих (в %)
I. Рабочие, обрабатывающие волокнистые вещества . . .	5 113	75,3	1 812	57,9	430	41,9	476	94,5	32	34,4	7 863	70,5
II. Рабочие красильных, отбельных, ситценабивных и отделочных фабрик . .	2 171	71,4	1 006	64,1	376	34,3	234	90,6	41	19,5	3 828	66,4
III. Рабочие прочих фабрик	1 190	60,9	90	32,2	135	11,1	9	33,3	16	25,0	1 440	53,9
IV. Мастеровые	2 195	27,1	296	60,5	402	11,1	187	81,3	327	25,3	3 407	30,9
V. Рабочие общей службы всех фабрик . .	1 235	11,8	381	26,5	198	3,0	130	20,7	94	28,7	2 038	15,1
II—V. Рабочие, обрабатывающие неволокнистые вещества . . .	6 791	44,4	1 773	53,7	1 111	17,6	560	70,3	478	25,5	10 713	43,7
Все рабочие без различия занятий	11 904	57,7	3 585	55,9	1 541	24,3	1 036	81,5	510	26,1	18 576	55,5

среднего для всех вообще рабочих. Третье место занимает Тульская губ., а последнее место, если не считать малочисленной группы уроженцев различных губерний со всех концов России («прочие губернии»)—Рязанская»[1].

Заслуживает также внимания следующее указание А. В. Погожева о наличии групп потомственных фабричных рабочих в районах, где в дореформенный период существовали вотчинные или посессионные фабрики, сделанное им на основании материалов обследований фабрик Московской губернии конца 70-х и начала 80-х годов:

«В свое время, описывая вотчинные фабрики Верейского уезда, мы обратили внимание на то, что одним из главнейших характерных признаков вотчинных и посессионных фабрик можно признать следующее: почти исключительно только на них встречается тип *коренного фабричного*, оторванного от земли и усадьбы и, кроме силы собственных рук, не имеющего за душой ровно ничего, привыкшего только к одному виду работы и вне ее лишенного всякого другого источника даже для мизерного существования.

В коренном фабричном населении, насажденном заботами крупных помещиков, занятие фабричной работой переходило и переходит по наследству от деда к отцу и от отца к сыну. Таким образом, при объективном исследовании физического развития рабочих на той или другой из вотчинных фабрик, приходится обыкновенно иметь дело с несколькими поколениями бывшего крепостного рабочего»[2].

Наиболее массовые данные о преемственности фабричного труда за дореволюционный период содержатся в опубликованных материалах разработки переписи рабочих Владимирской губернии, произведенной в 1897 г.[3].

На основании этих материалов и составлены нижеприводимые таблицы (см. табл. на стр. 395).

Таким образом, эти данные, относящиеся к 116,8 тыс. рабочих фабричной промышленности Владимирской губернии, дают возможность установить, что свыше трети—37,2%—общего числа переписанных рабочих в 1897 г. являлись потомственными пролетариями, причем этот показатель сравнительно незначительно различался у рабочих мужчин (37,7%) и работниц (36,3%). Весьма характерны данные об удельном весе фабричных рабочих второго или третьего поколения среди отдельных групп. Так, преемственность фабричного труда среди рабочих мужчин составляла в группе крестьян, имеющих надел, 31,6%, крестьян, не имеющих надела,—43,5 и мещан—56%. Следует также отметить во Владимирской губернии сравнительно высокий процент рабочих из мещан, который достигал у мужчин 13,3.

---

[1] *Е. М. Дементьев*, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, М. 1897, стр. 45—48.

[2] *А. В. Погожев*, Вотчинные фабрики и их фабричные, «Вестник Европы», т. IV, 1889, стр. 15.

[3] «Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губ. 1894—1897 гг.». Вторая специальная часть. Таблицы, Владимир 1899, стр. 203 и 205—206.

Преемственность фабричного труда у рабочих Владимирской губернии в 1897 г.

Подразделения по сословиям	Мужчины			Женщины			Все рабочие		
	учтено рабочих	из них рабочих, у которых родители работали на фабриках		учтено работниц	из них работниц, у которых родители работали на фабриках		учтено рабочих	из них рабочих, у которых родители работали на фабриках	
		абс.	в %		абс.	в %		абс.	в %
Крестьяне: имеющие надел	43 763	13 841	31,6	—	—	—	43 763	13 841	31,6
Крестьяне: надела не имеющие	16 811	7 307	43,5	39 386	13 650	34,7	56 197	20 957	37,4
Мещане	9 595	5 370	56,0	5 583	2 660	47,6	15 178	8 030	52,9
Прочие сословия	1 062	334	31,4	598	244	40,8	1 660	578	34,8
Итого	71 231	26 852	37,7	45 567	16 554	36,3	116798	43 406	37,2

Приведем также данные о преемственности фабричного труда в отношении рабочих важнейших производств:

Преемственность фабричного труда рабочих Владимирской губернии в 1897 г. по производствам

Название производств	Мужчины			Женщины		
	всего	в том числе родители работали на фабриках		всего	в том числе родители работали на фабриках	
		абс.	в %		абс.	в %
Бумагопрядильное	11 073	4 540	41,0	10 885	4 240	39,0
Бумаготкацкое	22 465	7 195	32,0	24 545	8 567	34,9
Бумагокрасильное	5 503	1 982	36,0	1 785	546	30,6
Бумаго-ситценабивное	10 660	3 746	35,1	488	145	29,7
Льно- и джутопрядильное	3 949	994	25,2	2 734	720	26,3
Льноткацкое	2 103	819	38,9	2 178	803	36,9
Медно-латунное и церковной утвари	2 009	974	48,5	—	—	—
Механическое, машиностроительное и слесарное	1 742	765	43,9	—	—	—
Стеклянное	4 565	3 271	71,7	484	436	90,1
Фарфоровое	1 532	668	43,6	477	291	61,0

В производствах хлопчатобумажной промышленности показатели преемственности фабричного труда были близкими к средним, исчисленным в отношении всей фабричной промышленности Владимирской губернии. Удельный вес потомственных пролетариев оказался повышенным в металлической, стеклянной и фарфоровой промышленности, пониженным в льно- и джутопрядильном производстве.

Весьма существенными являются показатели о преемственности фабричного труда различных по возрасту рабочих[1]:

Преемственность фабрично-заводского труда рабочих Владимирской губ. в 1897 г. в связи с их возрастом

Возраст	% рабочих, у которых родители работали на фабриках		
	мужчины	женщины	все рабочие
12—15 лет	62,17	80,61	67,99
15—17 »	54,08	50,13	52,31
17—20 »	43,97	41,39	42,74
20—25 »	42,56	39,04	40,98
25—30 »	37,79	34,42	36,47
30—40 »	32,88	29,15	31,54
40—50 »	28,53	24,33	27,33
50—60 »	25,92	18,40	24,25
Старше 60 лет	24,95	15,17	23,65
Итого	37,71	36,67	37,18

Колебания процента потомственных пролетариев среди рабочих различных возрастных групп являются значительными: при среднем проценте в 37,2 этот показатель достигал у рабочих в возрасте 12—15 лет 68%, 15—17 лет—52,3, а в возрасте старше 50 лет—24%.

В текстовом обзоре к разработке обследования Иваново-Вознесенского фабричного района, произведенного в 1899 г., Н. И. Воробьев, приведя интересную комбинационную таблицу, указывает на ряд весьма существенных процессов формирования рабочего состава в этом крупном промышленном центре:

«Фабричная промышленность Шуйского уезда получила широкое развитие только в 40—60-х годах минувшего столетия; ей предшествовала мануфактурная и домашняя промышленность, которая была распространена в уезде еще в XVIII в. Население было подготовлено к новой форме производства, но из мануфактурного и домашнего рабочего превратилось в фабричного только в лице одного—двух последних поколений. «Наследственным» фабричный

[1] *И. М. Козьминых-Ланин*, Фабрично-заводской рабочий Владимирской губ. (1897 г.), Владимир 1912, стр. 32.

промысел считается у меньшинства рабочих; у женщин работниц наследственность промысла отмечена у 36,6%, у мужчин—48,2%. Около 63% женщин и 52% мужчин выступают первым в своей семье поколением фабричных рабочих. Если эти цифры и не вполне точны, то все-таки они показывают, как еще молода наша фабричная промышленность даже в таком районе, как Иваново-Вознесенский. Как постепенно внедряется фабричный промысел среди местного населения, видно из следующих цифр:

	Мужчины			Женщины		
	наследственные	не наследственные	неизвестно	наследственные	не наследственные	неизвестно
	в % по данной группе					
До фабрики 0— 1 вер.	66,5	33,5	—	46,3	53,7	—
» » 2— 5 »	58,5	41,1	0,4	43,9	56,0	0,1
» » 6—10 »	48,1	51,8	0,1	39,6	60,3	0,1
» » 11—15 »	44,4	55,4	0,2	29,9	70,0	0,1
» » 16—20 »	43,6	56,3	0,1	29,1	70,3	0,6
» » 21 вер. и более	21,9	77,4	0,7	23,3	75,2	1,5
Неизвестно	37,5	60,3	2,2	19,3	73,7	7,0
Итого	48,2	51,6	0,2	36,6	63,1	0,3

В ближайших к фабричным центрам селениях уже более ½ мужчин и почти ½ женщин работает на фабрике не в первом поколении; по мере удаления от фабрик процент наследственных фабричных рабочих сильно понижается: у мужчин с 66,5 до 21,9, а у женщин с 46,3 до 23,3, и соответственно увеличивается процент рабочих первого поколения, только вступающего в кадры фабричного пролетариата»[1].

Данные, приводимые Н. И. Воробьевым, получены в результате разработки материалов подворной переписи населения Шуйского уезда, произведенной в 1899 г., еще в период промышленного подъема конца 90-х годов. Несомненно, что через 15 лет после производства подворной переписи 1899 г., накануне империалистической войны, удельный вес группы потомственных пролетариев среди текстильщиков Иваново-Вознесенского района значительно повысился.

Шульце-Геверниц, изучавший хлопчатобумажную промышленность центральной России в 90-е годы, писал:

«Таким путем известное число фабрик уже теперь имеет возможность пополнять весь рабочий персонал из местных же рабочих.

[1] «Материалы для оценки земель Владимирской губ.», т. X. Шуйский уезд. вып. III. Промыслы крестьянского населения, Владимир 1908, стр. 51—52.

На место «фабричного номада» появляется специальный, связанный с производством рабочий. На многих лучших московских бумагопрядильных уже и теперь есть рабочие, деды и отцы которых были фабричными рабочими. Носителем прогресса и здесь является хлопчатобумажная промышленность. Хлопчатобумажные прядильщики и ткачи—самый постоянный слой рабочих в Московской губ.

Описанные изменения прежде всего в интересах фабрикантов. Дети фабричных рабочих, выросшие при фабрике и прошедшие через фабричную школу, по словам хорошо осведомленных фабрикантов, в 3—4 месяца выучиваются трудным работам, к которым крестьяне из деревни привыкают только в 3—4 года. Последние почти непригодны для работы при машинах, требующих обучения, и потери времени и материала при их работе постоянно гораздо больше, чем у рабочих, родившихся на фабрике. Один из опрошенных г. Шейкевичем фабрикантов определяет эту разницу в 20—25%»[1].

Еще в «Капитале» К. Маркс дает по этому вопросу обобщающую характеристику: «Самый метод данной частичной работы совершенствуется вследствие того, что она становится самостоятельной, исключительной функцией определенного рабочего. Постоянное повторение одной и той же несложной операции и сосредоточение внимания в этой узкой области научают опытным путем достигать искомого полезного результата с наименьшей затратой силы. А так как все время различные поколения рабочих сталкиваются между собою на почве совместного труда в одних и тех же мануфактурах, то приобретенные указанным путем приемы технического искусства быстро укрепляются, накопляются и передаются новым поколениям. («Легкий труд есть унаследованное искусство») (Th. Hodgskin Popular Political Economy, London 1827, p. 48)»[2].

В работе И. М. Козьминых-Ланина[3] опубликованы данные о преемственности фабрично-заводского труда 69,4 тыс. рабочих в 1908 г. (см. табл. на стр. 399).

Потомственных пролетариев, по данным 1908 г., в предприятиях, обследованных И. М. Козьминых-Ланиным, среди рабочих мужчин—44,4% и среди работниц—35%. По мере перехода к рабочим младших возрастных групп удельный вес потомственных пролетариев в значительной степени повышался.

Так , в то время как среди рабочих мужчин в возрасте 20—25 лет потомственных пролетариев было учтено 52,4%, в возрасте 50—60 лет эта группа была равна лишь 27%, среди работниц соответствующие показатели были 39 и 20—22%.

---

[1] *Шульце-Геверниц*, Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, П. 1901, стр. 129—130.

[2] *Маркс*, Капитал, т. I, 1935, стр. 254—255.

[3] *И. М. Козьминых-Ланин*, Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губ., М. 1912, табл. VI.

Преемственность фабрично-заводского труда рабочих Московской губернии в 1908 г.

Возрастные группы	Отцы работали на фабриках (в %) среди мужчин	среди женщин
От 12 до 15 лет	67,7	57,1
» 15 » 20 »	59,9	38,3
» 20 » 25 »	52,4	38,8
» 25 » 30 »	44,6	35,3
» 30 » 35 »	41,8	32,8
» 35 » 40 »	37,9	31,2
» 40 » 45 »	35,3	28,6
» 45 » 50 »	32,2	26,4
» 50 » 55 »	27,0	21,6
» 55 » 60 »	27,1	19,7
Старше 60	22,6	18,8
Всего	44,4	35,0

Удельный вес группы потомственных пролетариев, полученный в результате этого обследования, оказался несколько пониженным вследствие недостаточной формулировки вопроса в бланке: «Работал ли отец на фабрике или нет». В ряде земских обследований мы встречаем более подробную формулировку этого вопроса, в частности включен также вопрос о работе матери на фабрике.

Дополнительно на основании данных указанного обследования приводим также раздельно данные о преемственности фабрично-заводского труда среди рабочих бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик и механических заводов:

Преемственность фабрично-заводского труда среди рабочих бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик и механических заводов Московской губернии в 1908 г.

Возрастные группы	Отцы работали на фабриках (в %)		
	рабочие бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик		рабочие механических заводов
	мужчины	женщины	мужчины
От 12 до 15 лет	65,8	62,7	—
» 15 » 20 »	56,4	42,9	73,0
» 20 » 25 »	51,6	41,3	59,6
» 25 » 30 »	44,3	35,4	47,7
» 30 » 35 »	39,5	32,4	45,9
» 35 » 40 »	36,8	29,1	37,3
» 40 » 45 »	33,0	26,6	35,0
» 45 » 50 »	29,5	24,1	29,0
» 50 » 55 »	27,9	19,3	24,3
» 55 » 60 »	26,4	18,3	19,7
Старше 60 лет	20,4	18,7	15,5
Всего	43,4	35,8	54,0

Сравнительно повышенным оказался удельный вес группы потомственных пролетариев, по обследованию 1908 г., среди рабочих младших возрастных групп.

Более высокие показатели в отношении рабочих механических заводов были вызваны тем, что среди рабочих механических заводов преимущественно были представлены рабочие старого (Коломенского) завода.

Весьма значительны различия удельного веса потомственных пролетариев среди рабочих различных возрастных групп двух крупных фабрик Середского района, Костромской губернии:

Процент потомственных пролетариев среди рабочих различных возрастных групп двух фабрик Середского района Костромской губернии в 1911 г.[1]

Показатели	Фабрика Горбунова	Фабрика Павлова
Всего учтено рабочих	5 117	2 931
Процент потомственных пролетариев среди рабочих:		
в среднем по фабрике	30,9	40,6
в том числе среди рабочих в возрасте:		
до 19 лет	51,0	70,9
20—29 »	36,4	46,5
30—39 »	22,7	28,3
40—49 »	9,2	12,1
50 лет и старше	6,9	5,4

Так, на фабрике Горбунова потомственные пролетарии среди рабочих в возрасте до 19 лет составляли 51% и в возрасте 20—29 лет—36,4%, в возрасте 40—49 лет указанная группа была равна лишь 9,2% и в возрасте 50 лет и старше—6,9%. Соответствующие показатели на фабрике Павлова были для рабочих младших возрастных групп 70,9 и 46,5%, а для старших возрастных групп—12,1 и 5,4%.

В предыдущей главе мы приводили данные о том, что в ряде районов страны уход на строительные работы наблюдался в течение весьма длительного периода. Некоторые из этих данных относятся к XVIII в. Несомненно, что в указанных районах имелись значительные группы строительных рабочих, в которых работа по строительству переходила из одного поколения в другое. Так, при характеристике плотничного промысла в текстовом обзоре к «Промыслам крестьянского населения по Александровскому уезду» мы читаем: «Промысел этот, как везде во Владимирской губ., ведет свое начало с глубокой старины. В настоящее время из всех плотников в уезде ровно $^2/_3$ работают наследственно, т. е. из 100 плотников у 66 плотничали отец, часто дед и прадед»[2].

---

[1] Таблица исчислена на основании данных, опубликованных в работе «Статистические сведения о Середском фабричном районе Нерехтского уезда», вып. II. Таблицы исследования 1911 г., Кострома 1915, стр. 74—93.

[2] «Материалы для оценки земель Владимирской губ.», т. XI. Александровский уезд, вып. III, Владимир 1908, стр. 36.

Соответствующие указания о работе сына или дочери в той же отрасли промышленности, где ранее работали отец или мать, мы встречаем и по другим отраслям промышленности.

Так, И. Андреевский, характеризуя условия технической подготовки рабочих на Ижевском оружейном заводе, указывал: «Необходимо прежде всего сообразить, что довольно высокая степень технического искусства, которое и теперь еще требуется от оружейника, не приходит к нему по вдохновению. Чтобы быть рабочим, нужно прежде всего научиться работать, нужно пройти предварительно довольно длинную школу, а пока единственная школа для этого—оружейная фабрика. *Различные отрасли оружейного искусства передаются обыкновенно у оружейников из рода в род: у замочника отца—замочник сын и т. д.*

Происходит это от того, что рядом с отцом, его же инструментом, приучается с малолетства и сын»[1].

В статье, опубликованной в «Известиях», Герой Социалистического Труда, известный изобретатель, слесарь-самоучка, а ныне доктор технических наук В. А. Дегтярев писал:

«Я родился в семье тульского рабочего-оружейника Алексея Дегтярева. Моя судьба была предрешена на семейном совете. Отец заявил:

— Оружейником был его дед. Я—оружейник. Брат и женина родня—оружейники. Оружейных дел мастером будет и Василий.

На этом и порешили. Осенью 1886 года я поступил в приходскую школу, а через три года отец сказал:

— Грамоту понимаешь, и ладно. Мы—не баре! Надо определиться к делу!

Меня устроили на Тульский оружейный завод.

Двенадцати лет я уже был учеником, потом стал слесарем-контролером»[2].

Историки Путиловского завода при характеристике состава рабочих в 90-е годы прошлого столетия, отметив продолжающиеся процессы формирования рабочего состава на этом заводе за счет выходцев из сельских местностей, в особенности после голода 1891 г., в то же время указывали на наличие значительных кадров путиловцев-металлистов:

«Из поколения в поколение работали на Путиловском заводе целые семьи слесарей, токарей, прокатчиков. Это были потомки крепостных рабочих казенного завода и тульских кустарей, вывезенных Путиловым—коренные жители Нарвской заставы. Они не имели наделов, не были связаны с деревней, хотя по паспорту многие продолжали числиться крестьянами. Они начинали работу с мальчиков при конторе, при отметчике, при мастере»[3].

---

[1] *И. Андреевский*, Ижевский оружейный завод, «Военно-медицинский журнал» № 5, 1877, стр. 224 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] *В. Дегтярев*, .Хочется работать еще больше и лучше, «Известия» от 4 января 1940 г.

[3] *М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский*, История Путиловского завода, 1939, стр. 50.

И далее было сказано об условиях комплектования рабочих в механических мастерских на станочные и слесарные работы: «Но туда брали с выбором, прежде всего детей коренных путиловских рабочих, ребят грамотных и уже понимающих кое-что в механическом производстве» [1].

Эти часто наблюдаемые случаи работы в той же профессии, в которой работали отец или мать, отмечаются и самими рабочими. Так, мы читаем в автобиографии В. И. Петровой, работницы Трехгорной мануфактуры: «С 14 лет поступила учиться в ткачихи на фабрику, училась у матери, а брат мой был учеником-слесарем, учился у отца. *У рабочего народа так уж принято: мать—ткачиха и дочь ткачиха; отец—слесарь и сын слесарь*» [2].

При анализе приведенных показателей следует отметить, что представление, которое на первый взгляд может показаться правильным, о том, что в более поздние периоды развития промышленности являлся неизбежным пониженный удельный вес выходцев из сельских местностей и одновременно должен был также повышаться удельный вес выходцев из пролетарских семей (группа потомственных пролетариев), не всегда соответствовало действительности. Фактически мы таких устойчивых процессов не наблюдаем. Во многих случаях при формировании рабочего состава решающим моментом являлись темп развития отраслей промышленности и соответствующая динамика численности рабочих. В периоды интенсивного роста численности фабрично-заводских рабочих в новых промышленных районах нашей страны весьма часто преобладающую массу новых пополнений составляли выходцы из сельских местностей.

При этих условиях удельный вес потомственных пролетариев среди общей массы фабрично-заводских рабочих мог в отдельных случаях и понижаться.

Приведенные данные о преемственности фабрично-заводского труда относились преимущественно к текстильной и металлообрабатывающей промышленности. Несомненно, что в стране имелся ряд других отраслей промышленности и районов с давно сформировавшимся рабочим составом, среди которых были представлены в значительном числе и потомственные пролетарии, но в отношении которых не производилось статистических обследований о преемственности фабрично-заводского труда. Ряд вышеприведенных данных о процессах формирования рабочего состава в уральской горнозаводской промышленности, где значительное число заводов было основано еще в XVIII в., доказывает, что в этой отрасли промышленности безусловно существовали многочисленные кадры потомственных пролетариев [3]. Об этом косвенно можно судить

---

[1] *М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский*, История Путиловского завода, 1939, стр. 51.

[2] «Работница на социалистической стройке», сборник автобиографий работниц, Партиздат, 1932, стр. 41 (курсив наш.—*А. Р.*).

[3] В материалах архива бывшего Уральского горного управления приведена следующая характеристика рабочих Серебрянского завода («Метал-

и по данным переписи фабрично-заводских рабочих в 1929 г.[1], когда среди рабочих уральской металлургии и металлообработки было учтено 70% потомственных пролетариев.

ГЛАВА 14

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОЦЕССОВ УМЕНЬШЕНИЯ СВЯЗИ С СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ У ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

Одним из показателей, свидетельствующих о процессах создания в крупной промышленности постоянных кадров, являются данные о все уменьшающейся связи рабочих с сельским хозяйством. В. И. Ленин писал: «...крупная машинная индустрия производит полный и решительный переворот в условиях жизни промышленного населения, отделяя его окончательно от земледелия и от связанных с этим последним вековых традиций патриархальной жизни» [2].

В отношении характеристики связи фабрично-заводских рабочих с сельским хозяйством за капиталистический период мы располагаем в высокой степени разнородными материалами. Во многих работах исследователи ограничивали свою задачу в этом направлении постановкой лишь одного вопроса—об уходе фабрично-заводских рабочих на полевые работы. В частности следует указать, что при разработке соответствующих материалов в большинстве случаев исследователи не стремились выяснить, работает ли рабочий в фабрично-заводском предприятии в той же местности где находится принадлежащий ему или его семье сельскохозяйственный участок, вследствие чего эти статистические материалы в некоторой степени и обесценивались. С другой стороны, отдельные исследователи, и в частности такой крупный статистик, как Н. И. Воробьев, собрали при подворных переписях и разработали весьма ценные статистико-экономические материалы по детальной программе о крестьянских хозяйствах, в состав которых входили фабричные рабочие. В послереволюционный период также появился ряд работ, в которых имелись соответствующие показатели. И в то время как при исследовании столь сложной проблемы почти исключительно была использована первая группа методологически менее совершенных материалов, вторая группа материалов, опубликованная в печати уже в период после 1900 г., к сожалению, до настоящего времени далеко не в достаточной степени была использована. Между тем разработка указанных материалов имеет

листы Урала накануне и в период 1905 г.», Свердловск 1926, стр. 49): «Уральский рабочий представляет тип настоящего коренного заводского рабочего... Начинает работать в заводе с 15—16 лет, и притом всегда в том цехе, где работает отец или брат, и поэтому есть целые семьи пудлинговых рабочих, сварщиков, кузнецов, слесарей и других».

[1] «Перепись рабочих и служащих 1929 г. Металлисты СССР», текст А. Г. Рашина, М. 1930, стр. 22.

[2] *Ленин*, Соч., т. III, стр. 423.

существенное значение для более правильного и углубленного понимания процессов формирования промышленного пролетариата.

В этом разделе наряду с данными об уходе на сельскохозяйственные работы приводятся также и другие показатели, характеризующие разнообразные формы связи фабрично-заводских рабочих с сельским хозяйством. Хотя не все эти показатели являются в достаточной степени массовыми, все же они в совокупности позволяют дать общую оценку исследуемого явления.

На основании материалов обследования фабрик Московской губернии, произведенного в первой половине 80-х годов, был впервые сделан ряд весьма важных выводов о связи фабрично-заводских рабочих с сельским хозяйством. Приведем наиболее существенные выдержки по рассматриваемому вопросу из работы Е. М. Дементьева:

«Как только мы приступили к исследованию фабрик Подольского уезда, одного из четырех, павших на нашу долю, мы тотчас же увидели необходимость точной проверки ходячего мнения, что и было исполнено нами при исследовании фабрик Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов путем поголовного опроса всех рабочих мужского пола всех возрастов. Каждый рабочий опрашивался: 1) уходит ли он летом с фабрики на полевые или другие какие-либо работы или просто на отдых домой и на сколько времени и 2) чем занимался его отец, не был ли он фабричным рабочим и на каком именно занятии.

Общее число рабочих мужского пола, к которым относятся наши сведения по обсуждаемому вопросу, составляет 19 616 человек. Из этого числа 1040—рогожники, пришлые из Масальского уезда, Калужской губ.: условия работы и все обычаи их настолько своеобразны, что их гораздо удобнее рассмотреть отдельно от прочих фабричных рабочих. Выключив рогожников, мы получим 18 576 рабочих мужского пола всех возрастов»[1].

Е. М. Дементьев приводит таблицу о числе рабочих, уходящих на полевые работы, и сопровождает ее пояснениями (см. табл. на стр. 405).

«Из таблицы № 1 мы видим, что наибольшее число уходящих на полевые работы дает группа III («рабочие прочих фабрик»), в которую нами включены все фабрики, не входящие ни в одну из прочих групп фабрики, в преобладающем большинстве стоящие на рубеже кустарых заведений и притом мелкие. Треть их рабочих—30,7% летом бросает фабрики[2]. Второе место занимают фабрики, обрабатывающие волокнистые вещества, т. е. все рабочие по прядильному и ткацкому делу при обработке хлопка, шерсти, шелка и льна, они дают 19,7%. Третье место (12,2%) занимают

---

[1] *Е. М. Дементьев*, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, изд. 2-е, М. 1897, стр. 3—4.

[2] Ради ясности изложения и во избежание повторений мы будем говорить лишь о полноправных рабочих с 18-летнего возраста, а потому в дальнейшем изложении цифры, приведенные без оговорок, везде относятся к рабочим этого возраста (прим. Е. М. Дементьева.—*А. Р.*).

Таблица 1

	От 14 лет и старше			От 18 лет и старше		
	число всех рабочих	число уходящих на полевые работы		число всех рабочих	число уходящих на полевые работы	
		абсолютно	%		абсолютно	%
Все рабочие без различия занятий	17 729	2 123	12,0	14 552	2 054	14,1
I. Рабочие, обрабатывающие волокнистые вещества	7 377	1 173	15,9	5 738	1 130	19,7
II. Рабочие красильных, отбельных, ситценабивных и отделочных фабрик	3 601	348	9,7	2 774	339	12,2
III. Рабочие прочих фабрик . . .	1 372	385	28,1	1 218	374	30,7
IV. Мастеровые	3 351	101	3,0	2 896	96	3,3
V. Рабочие общей службы всех фабрик	2 028	116	5,7	1 926	115	6,0
II—V. Рабочие, обрабатывающие неволокнистые вещества . . .	10 352	950	9,2	8 814	924	10,5

рабочие красильных, отбельных, ситценабивных и отделочных фабрик. Наполовину меньшее, чем эти последние, относительное число дают рабочие общей службы различных фабрик, и, наконец, наименьшее число рабочих, не разорвавших своей связи с землей, мы находим среди мастеровых всякого рода—только 3,3%. Вообще, в противоположность первой группе рабочих прядильных и ткацких фабрик, четыре последние группы, т. е. рабочие, обрабатывающие неволокнистые вещества, дают почти наполовину меньшее число, всего 10,5% уходящих на полевые работы»[1].

В дальнейшем Е. М. Дементьев путем весьма детального анализа ряда данных об.удельном весе уходящих на полевые работы рабочих в отношении различных групп промышленных рабочих приходит к следующим выводам: «...разбор только что представленных данных указывает нам, во-первых, что с фабриками, работающими механической силой, неразрывно связано отчуждение рабочих от земли: во-вторых, что на тех же работающих механическою силою фабриках это отчуждение тем значительнее, чем бóльшую специализацию представляет то или другое занятие»[2].

При анализе этих данных следует учесть, что указанное обследование производилось в период кризиса, в результате которого на фабриках оставались группы рабочих, наиболее тесно связанные с производством.

В целях установления фактической последовательности исторических процессов формирования промышленного пролетариата

[1] *Е. М. Дементьев*, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, изд. 2-е, М. 1897, стр. 4.

[2] Там же, предисловие.

в России считаем необходимым дополнительно к высказываниям Дементьева сделать еще следующие замечания. В предисловии к «Фабрике» Е. М. Дементьев указывал, что «предлагаемое исследование основано на данных, собранных нами по трем промышленным уездам Московской губ.: Серпуховскому, Коломенскому и Бронницкому», поэтому приведенные им показатели не могут быть признаны достаточными для общероссийских выводов, тем более что в период промышленного подъема 90-х годов, происходившего уже после обследования фабрик Московской губернии, темп роста численности рабочих фабрично-заводской промышленности, как уже выше было указано, был наиболее интенсивным в течение всего капиталистического периода развития России. В результате этого в промышленность были вовлечены новые весьма значительные пополнения, среди которых несомненно были значительно представлены выходцы из крестьянской среды.

Несмотря на эти ограничивающие замечания, историческая ценность работы Е. М. Дементьева продолжает оставаться весьма значительной, как одной из первых работ, основанной на обширном статистическом материале и установившей новые существенные выводы о процессах формирования фабрично-заводского пролетариата.

Одновременно необходимо оговорить, что и в других работах, опубликованных до появления работы Е. М. Дементьева «Фабрика, что она дает населению...», мы встречаем также ряд утверждений об образовании в России фабричного пролетариата. Так, в статье «Образование и обеспечение быта рабочих в России» И. Абрамов указывал: «При этом нам кажется, пора бы уже сознать, что как ни мал еще сравнительно у нас класс рабочих, тем не менее он существует и с каждым годом увеличивается.

Так, из сведений, доставленных петербургскими фабрикантами в 1874 г., оказывается, что «у них имеются рабочие, живущие десятки лет при фабриках; они выписали с родины жен и семью и тяготеют к селам только тем, что числятся членами сельских обществ и платят лежащие на них, по раскладке общества, повинности; кроме того, оказывается, что при наших петербургских фабриках выросло и пошло по дороге отцов не одно поколение фабричных рабочих» («Труды Комиссии по вопросу о работе малолетних», приложение к «Трудам Комиссии по техническому образованию», 1874, стр. 15). С дальнейшим развитием промышленности, класс фабричных рабочих несомненно будет возрастать, большинство нынешних работников, связанных с землею, станет все уменьшаться и развитие пролетариата станет очевиднее»[1].

На основании материалов обследования фабрик одного из наиболее промышленных уездов Московской губернии—Богородского, произведенного в первой половине 80-х годов, А. В. Погожев, приведя данные о распределении фабричных рабочих мужчин указанного уезда по сословиям, писал: «Из вышеприведенных дан-

[1] «Вестник Европы» № 1, 1879, стр. 328.

ных видно, что число рабочих не-крестьян простирается до 4 359 человек, что составляет почти 25%, или *четвертую часть всего рабочего населения* на местных фабриках и заводах. Если мы припомним, что все эти 25% принадлежат к безземельным сословиям, для которых фабричный заработок является единственным и исключительным подспорьем в жизни, то, очевидно, нельзя не задуматься серьезно над вышеприведенными цифрами, которые значительно меньше действительных, ибо, во всяком случае, помимо нашей воли, многие рабочие из не-крестьян, в силу разных причин, остались не зарегистрированными... Приняв во внимание, что, кроме этих, так сказать, *забытых* и предоставленных самим себе сословий, сюда следовало бы причислить также и тех рабочих, которые *числятся* крестьянами, но de facto совершенно отвыкли от земли и с давних пор, в трех поколениях, живут и работают на фабриках и заводах, мы должны будем признать несомненный *факт существования в России довольно многочисленного фабричного пролетариата...*»[1]

Во Владимирской губернии переписью рабочих, произведенной в 1897 г., было учтено около 117 тыс. человек. Данные этой переписи также свидетельствуют о том, что удельный вес группы рабочих, уходящих летом на полевые работы, и в этой губернии с резким преобладанием текстильной промышленности был невысоким—10,7% общего числа переписанных рабочих[2]. Соответствующие показатели для рабочих мужчин—12,3%, а для работниц—8%.

Весьма характерным является также то обстоятельство, что удельный вес группы рабочих, уходящих летом на полевые работы, был пониженным среди потомственных пролетариев, в то время как этот показатель у рабочих, родители которых не работали на фабриках, достигал 12,5%.

Главу «Описание фабричных промыслов сельского населения» Н. И. Воробьев на основании материалов подворной переписи населения Шуйского уезда Владимирской губернии, произведенной в 1899 г., начинает с установления следующих положений: «Фабрика требует рабочего, вполне порвавшего связь с отцовским гнездом в деревне, она требует развитого, свободного, специализированного рабочего. Рабочий, интересы которого раскололись между городом и деревней, одинаково ненадежен и в деревне у земли и на фабрике у станка. Он хорош только в одном отношении: он нетребователен, он довольствуется низким заработком, не способен к защите своих интересов и усвоению воззрений своего класса. Но эта его дезорганизованность обходится слишком дорого не только ему самому, но и фабриканту, так как такой рабочий

---

[1] *А. В. Погожев*, Санитарное исследование фабричных заведений Богородского уезда, «Сборник статистических сведений по Московской губ.». Отдел санитарной статистики, т. III, вып. XI, М. 1885, стр. 173—174.

[2] Показатели исчислены на основании таблицы 13, «Сведения о числе рабочих, уходящих на летние работы, в связи с занятием фабрично-заводским трудом их родителей», «Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губ. 1894—1897 гг.», стр. 216.

не приспособлен в должной степени к производству. Пока фабрикант строит свои расчеты на беззастенчивой эксплоатации дешевых рабочих рук, а не на технических усовершенствованиях и высокой производительности квалифицированного высоко оплачиваемого труда, для фабриканта выгоден дешевый рабочий, еще не совсем осевший в городе, не порвавший связи с деревней, если только эти связи не особенно крепки. Но несомненно, что половинчатый рабочий для фабрики не годится, а рабочий, который бросает деревню и идет на фабрику, в большинстве случаев, порывает хозяйственную связь с деревней навсегда»[1].

В этом отношении безусловно заслуживают внимания также данные, полученные в результате подворной переписи Нерехтского уезда, произведенной в 1897 г.[2]. В этом уезде учтено было 16 793 фабричных рабочих, из которых работало внутри уезда 9 211, человек, вне уезда 6 834 и неизвестно где 748 человек. Среднее количество месяцев работы для фабричных рабочих оказалось для мужчин в рабочем возрасте 11,3, в полурабочем 11,5, для женщин соответственно 11,8 и 11,3 месяца. О том, что резко преобладающая масса фабричных рабочих Нерехтского уезда работает круглый год, свидетельствуют также приводимые в этом экономическом очерке данные, полученные фабричной инспекцией Костромской губернии за 1897 г., о колебаниях по месяцам числа фабричных рабочих на бумагопрядильных и ткацких фабриках Нерехтского уезда:

Месяцы	Число рабочих по месяцам	Месяцы	Число рабочих по месяцам
Январь	6 938	Август	6 638
Февраль	6 943	Сентябрь	6 829
Март	6 938	Октябрь	6 983
Апрель	6 510	Ноябрь	7 047
Май	6 564	Декабрь	7 164
Июнь	6 585		
Июль	6 572	В среднем за год	6 809

Приведя эти данные, С. С. Колокольцев, автор раздела о промыслах, указывал: «Понижение числа рабочих даже не приурочено к месяцам усиленных крестьянских работ; так, в апреле 1897 г. число рабочих на фабриках было меньше, чем в июле, т. е. во время покоса и жатвы. Это еще более утверждает нас в мысли, что правильного, регулярного ухода сколько-нибудь значительной части фабричных рабочих на летние земледельческие работы нет; ничтожные же колебания, выраженные в приведенных цифрах, могут быть с такою же степенью вероятности объяснены и обычным летним ремонтом фабрик, побуждающим хозяев несколько сокращать производство»[3].

[1] «Материалы для оценки земель Владимирской губ.», т. X. Шуйский уезд, вып. III. Промыслы крестьянского населения, Владимир 1908, стр. 40—41.

[2] «Сборник статистических сведений по Костромской губ.», т. I. Нерехтский уезд, вып. I. Экономическая часть, Кострома 1901, стр. 43—47.

[3] Там же.

Относительно рабочих фабрично-заводской промышленности Московской губернии были получены данные также за 1908 г. в результате обследования, произведенного под руководством И. М. Козьминых-Ланина[1]. Всего было учтено 34,8 тыс. фабрично-заводских рабочих мужчин. Согласно данным этого обследования группа уходящих на полевые работы в 1908 г. составила лишь 5,6% обследованных рабочих. Соответствующие показатели были равны для рабочих мужчин бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик 5,7%, механических заводов—2,6 и шелковых фабрик—19,3%. Таким образом, резко пониженной оказалась группа уходящих на полевые работы среди рабочих механических заводов. При сопоставлении данных 1908 г. с данными начала 80-х годов XIX в., приведенными в работе Е. М. Дементьева, можно установить значительное снижение удельного веса группы уходящих на полевые работы, что несомненно свидетельствует об установившейся более тесной связи рабочих с фабрикой или заводом.

Прямыми массовыми статистическими данными о связи рабочих фабрично-заводской промышленности Петербурга с сельским хозяйством мы не располагаем. Но весьма существенными в этом отношении являются данные об удельном весе группы уходивших на летние работы среди жителей Петербурга крестьян[2], полученные в результате переписи населения Петербурга 15 декабря 1910 г.[3]. Так как преобладающую массу рабочих фабрично-заводской промышленности Петербурга составляли выходцы из крестьянских семей, то несомненно, что нижеприводимые показатели в общем являются характерными и для петербургских фабрично-заводских рабочих:

Процент уходивших на летние работы среди жителей Петербурга крестьян в 1910 г.

Из каких губерний по приписке	В тыс.	% уходивших на летние работы
Всего	1 076,4	10,4
В том числе из губерний:		
Петербургской	85,3	17,1
Ярославской	133,5	12,7
Новгородской	88,0	12,2
Тверской	210,8	11,4
Псковской	84,0	11,2
Рязанской	50,4	10,5
Смоленской	40,3	9,2
Витебской	47,6	8,8
Тульской	20,0	8,5
Московской	22,7	8,0
Костромской	40,1	6,7

[1] *И. М. Козьминых-Ланин*, Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губ., М. 1912.

[2] По приписке.

[3] «Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.», под ред. В. В. Степанова. Население.

Таким образом, по данным переписи 15 декабря 1910 г., среди крестьян жителей Петербурга было учтено 10,4% уходивших на летние работы. Колебания этого показателя по отдельным губерниям были незначительны. Приведенные данные указывают, что на величину этого показателя в общем решающее влияние оказывало расстояние от Петербурга. Так, отметим повышенный процент уходивших на летние работы у крестьян, приписанных в Петербургской (17,1%) и Новгородской (12,2%) губерниях, а пониженный—у крестьян, приписанных в Московской (8%) и Костромской (6,7%) губерниях.

На основе углубленной разработки материалов о фабричных рабочих в Ямах—пригороде Иваново-Вознесенска,—собранных в 1899 г. при подворной переписи всего приписного населения Шуйского уезда, автор текста Н. И. Воробьев приходит к весьма существенным выводам о связи фабричных рабочих с деревней.

Указав, что резко преобладающая масса обследованных фабричных рабочих является по сословному признаку крестьянами и что несколько более половины из них принадлежит к «надельным крестьянам», он писал:

«Насколько, однако, эта связь с деревней действительна? Действительная связь должна, главным образом, выразиться в общности семейного бюджета. Если живущая в городе семья есть только часть большой земледельческой семьи, живущей постоянно в деревне, если «одиночка» член деревенской семьи, то и семья и одиночка должны своим заработком участвовать в общих семейных расходах, должны часть своего заработка высылать в деревню. Особенно несомненна такая связь в группе рабочих, принадлежащих к земледельческому населению, так как в группе этой часть семьи живет в деревне на земле, обрабатывает надел.

Собственно семейные связи, при действующих законодательных стеснениях семейных разделов, держатся номинально дольше, чем это возможно, и соответственно с экономическими условиями. Такая же фиктивная и номинальная связь может сохраниться и с землей, в форме номинального владения наделом и весьма реальной связи с «обществом», по уплате податей и повинностей. Поэтому указанные выше факты о связи с деревней недостаточно убедительны. Следующие факты нужно признать более близкими к правде, рисующими более действительные связи фабричного населения с деревней (см. табл. на стр. 411).

Очень понятно, что утеряли всякую связь с деревней семейные и одиночки безнадельного населения, но и из них одиночки-женщины в 10 случаях из 100 посылают в деревню деньги, значит имеют в деревне семьи, с которыми соединены общностью хозяйства.

Но вообще фабричные рабочие, даже одиночки, в большинстве случаев уже не имеют в деревне материальных интересов и связей. Из 85,4% мужчин и 88,0% женщин, принадлежащих к фабричным семьям, может быть, значительная часть совсем не имеет в деревне представителей своей семьи, но несомненно, что часть из них имеет тесные родственные связи, но хозяйственные связи уже порвались.

	Мужчины					Женщины				
	не посылают	посылают из заработка				не посылают	посылают из заработка			
		до ¼ заработка	¼—½	½—¾	больше ¾		до ¼	¼—½	½—¾	больше ¾
	в процентах									
Безнадельные										
Семейные . .	97,6	1,6	0,8	—	—	99,5	0,5	—	—	—
Одиночки . .	95,5	3,6	0,9	—	—	90,4	1,1	4,8	3,2	0,5
Земледельческие										
Семейные . .	69,2	16,6	6,0	6,0	2,2	67,5	8,6	17,8	4,3	1,8
Одиночки . .	38,8	13,1	32,9	16,2	4,0[1]	32,8	14,8	31,8	12,8	7,8
Все рабочие										
Семейные . .	85,4	7,5	3,8	2,1	1,2	88,0	3,7	6,3	1,4	0,6
Одиночки . .	58,0	10,6	21,0	8,6	1,8	59,9	8,3	20,4	7,8	3,6

Среди одиночек такой «отставший» от деревни элемент составляет 58,0 и 59,9—немного больше половины всего числа одиночек. Суммируя всех рабочих, получим, *что из 5 061 рабочего обоего пола*[2] *4 083 рабочих не посылают из своего заработка в деревню; они составляют 80,6% всех рабочих. Это и есть число рабочих, порвавших действительную хозяйственную связь с деревней, и только 19,4% рабочих несомненно близко стоят к деревне»*[3].

Значительная часть строителей-отходников непосредственно не принимает участия в сельскохозяйственных работах, так как строительный отход в общем совпадает по времени с периодом сельскохозяйственных работ. Приводим данные в отношении строителей-отходников Ярославской губернии, относящиеся к началу 900-х годов[4]:

Отношение к земледелию	Общее число	На 100 строителей
Возвращаются на все работы	1 589	10,3
» » часть работы	821	5,3
» » сенокос	661	4,3
Не возвращаются	12 365	80,1
Всего	15 436	100,0

Таким образом, 80% строителей «совершенно не участвуют в полевых работах».

---

[1] При подсчете допущена ошибка, так как сумма процентов по данной группе составляет 105.—*А. Р.*

[2] Сверх того о 662 рабочих нет сведений о присылке ими домой денег из заработка (прим. Н. И. Воробьева.—*А. Р.*).

[3] «Материалы для оценки земель Владимирской губ.», т. X. Шуйский уезд, вып. III. Промыслы крестьянского населения, Владимир 1908, стр. 101—108 (курсив наш.—*А. Р.*).

[4] «Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губ.», Ярославль 1907, стр. 54—55.

В последующие годы под влиянием столыпинской реформы усилились процессы разрыва связи рабочих фабрично-заводской промышленности с сельским хозяйством. Насколько значительно было число вышедших из общины на основании указа 9 ноября 1906 г., можно судить по следующим данным (в тыс.)[1]:

Годы	Число домохозяев, заявивших требования об укреплении земли в собственность	Число домохозяев, окончательно вышедших из общины
1907 (неполный)	211,9	48,3
1908	840,1	508,3
1909	649,9	579,4
1910	341,9	342,3
1911	242,3	145,7
1912	152,4	122,3
1913	160,3	134,5
1914	120,3	97,9
1915	36,5	29,8
Итого . . .	2 755,6	2 008,5

По подсчетам И. В. Чернышева, «два миллиона вышедших из общины к 1 января 1916 г. дворов составило приблизительно около $^1/_5$ общего числа общинных дворов Европейской России»[2].

Характеризуя столыпинскую «реформу», В. И. Ленин в статье «Последний клапан» («Невская Звезда» № 20, 18 (5) августа 1912 г.) указывал, что она ускорила процессы пролетаризации в деревне:

«Открыт клапан и выпущен несколько пар—тем, что часть совершенно обнищавших крестьян «укрепили» свои наделы в личную собственность и продали их, *превратившись из пролетариев с наделом в чистых пролетариев*, — далее, тем, что часть зажиточных крестьян, укрепив свои наделы и иногда устроившись на отрубах, поставили еще более прочное капиталистическое хозяйство, чем прежде»[3].

Опубликованные результаты частичной разраб тки материалов профессиональной переписи рабочих фабрично-заводской промышленности, произведенной в 1918 г.[4], в числе других материалов содержат также ряд данных о связи рабочих с сельским хозяйством. Перепись была произведена в тот период, когда демобилизация промышленности была в общем уже завершена и численность фабрично-заводских рабочих была пониженной не только по сравнению с 1917 г., но и по сравнению с довоенной. Хотя перепись не распространилась на ряд районов страны, как Украина, Урал и Сибирь, и тем самым далеко не с достаточной полнотой были переписаны рабочие топливной и металлической промышленности, все же данные этой переписи имеют существенное значение, так как они являются наиболее массовыми и характеризуют отношение к сельскому хозяйству почти миллиона фабрично-заводских рабо-

[1] *И. В. Чернышев*, Община после 9 ноября 1906 г., ч. I, П. 1917, стр. XIII.
[2] *Ленин*, Соч., т. XVI, стр. 89 (курсив наш.—*А. Р.*).
[3] Там же.
[4] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», ч. II. Профессиональная перепись, изд. ЦСУ, М. 1926.

чих. Программа вопросов о связи с сельским хозяйством была впервые в массовой переписи составлена сравнительно подробно, но не вполне удачно. Наряду с вопросами, относящимися ко дню переписи, был поставлен ряд вопросов о связи рабочих с сельским хозяйством до революции.

Ввиду краткого срока, отделяющего время производства переписи от Октябрьской революции, получение ответов на последнюю группу указанных вопросов переписи представлялось возможным. Обратимся к наиболее существенным результатам разработки материалов профессиональной переписи 1918 г. о связи с сельским хозяйством рабочих до революции 1917 г.:

Связь рабочих фабрично-заводской промышленности с сельским хозяйством по группам производств до революции

Группы производств	Число рабочих	Из них		В % к общему числу рабочих	
		имели до революции свою землю или землю своей семьи	в том числе вели свое хозяйство при помощи членов своей семьи	имели до революции свою землю или землю своей семьи	имели землю и вели свое хозяйство при помощи членов семьи
	в тыс.				
Все группы производств	983,8	308,4	205,5	31,3	20,9
В том числе:					
добывание и обработка камней, земли и глины	37,2	7,7	5,1	20,7	13,7
горная и горнозаводская промышленность	35,1	15,6	13,6	44,4	38,7
металлообрабатывающая промышленность	20,5	6,0	4,3	29,3	21,0
производство машин, инструментов и аппаратов	127,0	30,6	17,7	24,1	13,9
обработка дерева	26,0	7,4	5,1	28,5	19,6
химическая промышленность	43,4	13,0	8,8	30,0	20,3
производство пищевых продуктов, напитков и наркотиков	77,7	29,6	22,7	38,1	29,2
кожевенная и механическая промышленность	22,9	6,8	5,1	29,7	22,3
производство по обработке хлопка	370,4	123,6	75,4	33,4	20,4
производство по обработке шерсти	50,7	18,8	12,7	37,1	25,0
производство по обработке щелка	10,2	4,2	2,9	41,2	28,4
производство по обработке льна	53,4	18,4	13,9	34,5	26,0
одежда и туалет	37,4	8,9	6,3	23,8	16,8
полиграфические производства	31,1	5,4	3,0	17,4	9,6

В итоге по всем производствам из 983,8 тыс. рабочих, о которых по материалам переписи 1918 г. было известно об их отношении к земле, 31,3% имели до революции свою землю или землю своей семьи. При анализе этого сводного показателя следует учесть, что значительное количество рабочих текстильной промышленности в числе переписанных в 1918 г. безусловно повысило этот сводный показатель. В числе рабочих, о которых имелись сведения об их отношении к земле, текстильщики были представлены в более значительном количестве, чем их удельный вес в общей численности рабочих текстильной промышленности. Но одновременно следует указать, что перепись была произведена осенью 1918 г., и к этому времени часть рабочих, связанных с сельским хозяйством, уже ушла с фабрик и заводов.

Из отдельных показателей отметим следующие. Процент имевших землю среди рабочих хлопчатобумажной и льняной промышленности был в общем близким к среднему для всей промышленности, а именно 33,6 и 34,5. В остальных отраслях текстильной промышленности более повышенные показатели у рабочих по обработке шелка—41,2% и у рабочих по обработке шерсти—37,1%. Пониженные показатели по сравнению со средним для рабочих всей промышленности оказались в следующих производствах: имели землю до революции в обработке дерева 28,5% рабочих, в производстве машин, инструментов и аппаратов—24,1, в производствах одежды и туалета—23,8 и в полиграфических производствах —17,4%.

Более существенный интерес представляют результаты разработки других данных переписи, а именно о числе имевших землю до революции и обрабатывавших землю при помощи членов своей семьи.

В итоге по всем производствам среди переписанных фабрично-заводских рабочих, о которых имелись сведения об их отношениях к земле, было учтено 20,9% рабочих, имевших свою землю или землю своей семьи и обрабатывавших землю при помощи членов своей семьи, причем указанная группа составляла в обработке льна 26%, в обработке хлопка—20,4, в производстве машин, инструментов и аппаратов—13,9 и в полиграфических производствах—9,6%.

В следующей таблице, составленной по материалам профессиональной переписи рабочих 1918 г., приведены данные о связи с сельским хозяйством до революции рабочих, занятых в губерниях с более развитой промышленностью (см. табл. на стр. 415).

Повышенные показатели для имевших землю оказались в Рязанской, Калужской и Тамбовской губерниях. Выше среднего был также процент имевших землю среди рабочих в трех губерниях, в которых особенно значительно была развита хлопчатобумажная промышленность,—во Владимирской, Московской и Иваново-Вознесенской. В перечисленных губерниях была значительно развита внегородская промышленность. Весьма резко различался рассматриваемый показатель в отношении рабочих двух столиц—

Связь рабочих фабрично-заводской промышленности с сельским хозяйством по губерниям до революции

Губернии	Число рабочих	Из них		В % к общему числу рабочих	
		имели до революции свою землю или землю своей семьи	в том числе вели свое хозяйство при помощи членов своей семьи	имели до революции свою землю или землю своей семьи	имели землю и вели свое хозяйство при помощи членов семьи
	в тыс.				
По 31 губернии	983,8	308,4	205,5	31,3	20,9
В том числе:					
Владимирская	83,7	33,6	25,9	40,1	30,9
Иваново-Вознесенская	132,1	47,2	29,8	35,7	22,6
Казанская	19,3	4,1	2,8	21,2	14,5
Калужская	16,3	6,6	6,1	40,5	37,4
Костромская	14,7	2,9	1,6	19,7	10,9
г. Москва	101,9	40,2	23,2	39,5	22,8
Московская	147,7	55,2	35,0	37,4	23,7
Нижегородская	44,7	12,8	9,6	28,6	21,5
Орловская	21,1	5,2	4,1	24,6	19,4
Петербургская	95,0	15,7	7,5	16,5	7,9
Рязанская	32,6	15,9	11,6	48,8	35,6
Самарская	18,9	3,5	2,1	18,5	11,1
Саратовская	17,9	5,3	3,4	29,6	19,0
Симбирская	15,6	2,7	1,8	17,3	11,5
Тамбовская	19,5	8,4	6,5	43,1	33,3
Тверская	34,5	6,4	5,2	18,6	15,1
Тульская	25,4	8,9	4,0	35,0	15,7
Ярославская	37,5	5,6	3,8	14,9	10,1

Петрограда и Москвы. В то время как процент имевших землю составлял среди рабочих Петрограда 16,5, в Москве он достигал 39,8. Отчасти это объясняется тем обстоятельством, что к моменту производства переписи—осень 1918 г.—в результате демобилизации и эвакуации промышленности из Петрограда часть рабочих, связанных с сельским хозяйством, покинула Петроград.

Следует также отметить значительное расхождение показателей о проценте рабочих: а) имевших землю и б) имевших землю и обрабатывавших ее с помощью членов своей семьи, по ряду губерний, в частности по губерниям, в которых была значительно развита текстильная промышленность.

При разработке материалов переписи рабочих, произведенной в 1929 г., вопрос о связи с сельским хозяйством изучался в зависимости от времени начала работы в промышленности. Если обратиться к группировкам до советского периода, то отчетливо можно проследить, как понижался процент имевших землю по мере перехода к более поздним пополнениям. Ограничимся весьма характер-

ными показателями в отношении рабочих металлопромышленности [1]:

Год начала работы в производстве и % металлистов, имевших землю

Производство и районы \ Год начала работы в промышленности	До 1095 г.	1906—1913 гг.	1914—1917 гг.
Вся металлопромышленность . . .	26,0	22,6	19,4
I. Металлообработка и машиностроение	24,7	21,2	18,8
В том числе:			
Ленинград	17,6	14,5	12,3
Московская губ.	41,1	34,6	30,8
УССР	5,8	7,7	5,7
Урал	43,3	29,0	25,9
II. Металлургия	29,3	26,1	20,8
УССР	17,4	21,7	17,9
Урал	51,6	39,6	30,1

В то время как удельный вес металлистов, имевших землю, среди начавших впервые работать в промышленности в период до 1905 г. составлял 26, этот показатель для начавших работать в 1906—1913 г., был равен 22,6%, а для начавших работать в 1914—1917 гг.— 19,4%. Аналогичные соотношения определялись и для металлистов отдельных районов страны.

* * *

Ряд вышеприведенных показателей свидетельствует о том, что в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности России были созданы значительные постоянные, в ряде случаев и потомственные, кадры рабочих со сравнительно продолжительным производственым стажем, о которых писал один из исследователей рабочего состава, А. В. Погожев: «особый класс людей, исключительно, в течение круглого года, занятых фабрично-заводским трудом». Помимо тех групп, которые мы отметили при анализе данных за крепостную эпоху (горнозаводские рабочие Урала, рабочие казенных военных заводов, рабочие текстильной промышленности ряда губерний), за 50 лет капиталистического развития России в пореформенный период появились значительные постоянные рабочие кадры и в других отраслях промышленности. И в первую очередь следует указать на наличие соответствующих групп в связи со значительным развитием машинного производства помимо металлургии Урала и в других отраслях и районах металлопромышленности (петер-

[1] «Перепись рабочих и служащих 1929 г.», т. I. Металлисты СССР, текст А. Г. Рашина, М. 1930, стр. 26—27.

бургском, южном и др.). Появление отдельных групп рабочих со значительным производственным стажем можно также отметить в каменноугольной промышленности Донбасса и в нефтяной промышленности Баку.

Данные переписей населения ряда крупных центров страны также указывают на наметившиеся процессы образования постоянных рабочих кадров, проживающих со своими семьями в крупных промышленных центрах. В связи с этим повысился темп роста применения труда женщин, подростков и малолетних в фабрично-заводской промышленности.

Среди всех показателей о связи фабрично-заводских рабочих с сельским хозяйством наиболее часто встречаются показатели об удельном весе той группы рабочих, которая уходила на сельскохозяйственные работы. Эти показатели можно отметить как в материалах обследований фабрично-заводских рабочих, произведенных в начале 80-х годов, так и в обследованиях первого десятилетия XX в., причем неизменно вся эта группа показателей свидетельствует в общем о сравнительно незначительном и в то же время уменьшающемся удельном весе среди обследованной массы фабрично-заводских рабочих группы уходивших на сельскохозяйственные работы.

Вышеприведенные наиболее массовые данные по вопросу о связи фабрично-заводских рабочих с сельским хозяйством свидетельствуют о том, что в период до 1917 г. примерно 30% фабрично-заводских рабочих имели землю, а имели землю и вели свое хозяйство при помощи членов своей семьи лишь 20% общей численности обследованных рабочих.

Все эти данные в совокупности указывают на сравнительно значительное уменьшение связи фабрично-заводских рабочих с сельским хозяйством. Эти же данные свидетельствуют о том, что в период, предшествующий империалистической войне, были созданы значительные массы рабочих, постоянно работающих в фабрично-заводской промышленности России.

Отмечая эти процессы, В. И. Ленин в статье «Развитие революционной стачки и уличных демонстраций» (январь 1913 г.) писал: «Усилилась чисто пролетарская основная опора движения *в силу ускоренного освобождения от связи с землей*»[1].

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVI, стр. 240—241 (курсив наш.—*А. Р.*).

ОТДЕЛ V

ГЛАВА 15

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Данные об образовательном уровне фабрично-заводских рабочих за дореволюционный период необходимы при характеристике состава промышленного пролетариата России. Но для этого периода сохранилось недостаточное количество общих показателей. В своем большинстве они относились лишь к отдельным группам фабрично-заводских рабочих. Эти показатели важны при сопоставлении с показателями резко повысившегося культурно-технического уровня промышленных рабочих СССР. Эта сравнительная характеристика могла бы конкретно выявить, насколько значительны происшедшие культурные сдвиги в Стране социализма.

Данные переписи 1897 г. являются единственными сплошными данными, по которым можно выявить уровень грамотности всего населения России к концу XIX в. Основные показатели грамотности населения России в 1897 г. приведены в следующей таблице:

Процент грамотных

	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Все население	29,3	13,1	21,1
В том числе:			
городское	54,0	35,6	45,3
сельское	25,2	9,8	17,4

В отношении к численности всего населения грамотных оказалось в 1897 г. 21,1%. Исключительно резко выступают различия в грамотности мужчин и женщин, городского и сельского населения. Так, грамотных насчитывалось среди мужчин 29,3%, или в 2,2—2,3 раза больше, чем среди женщин (13,1%). В городах процент грамотных (45,3) был в 2,6 раза выше, чем в сельских местностях (17,4).

Обратимся к показателям грамотности всего населения России в связи с возрастом:

Грамотность населения России по полу и возрастным группам в 1897 г.[1]

Возрастные группы	Общая численность населения (в тыс).			% грамотных		
	мужчины	женщины	обоего пола	мужчины	женщины	обоего пола
Все население	62 477,3	63 162,7	125 640,0	29,3	13,1	21,1
В том числе в возрасте:						
менее 10 лет	17 131,0	17 208,5	34 339,5	4,6	2,7	3,6
10—19 лет	13 094,4	13 359,4	26 453,8	45,1	21,8	33,5
20—29 »	10 045,1	10 215,9	20 261,0	45,3	19,5	32,3
30—39 »	7 893,9	7 912,1	15 806,0	39,5	15,7	27,6
40—49 »	5 873,6	5 832,9	11 706,5	33,2	12,6	22,9
50—59 »	4 110,8	4 211,6	8 322,4	26,5	11,1	18,7
60 лет и старше	4 182,6	4 398,8	8 581,4	20,0	9,7	14,8

Если не принимать во внимание первую возрастную группу (менее 10 лет), в которой значительная часть вследствие своего возраста не обучалась еще грамоте, то в остальных возрастных группах мы по мере перехода к более младшим возрастным группам наблюдаем нарастание процента грамотных—с 14,8% в группе 60 лет и старше до 33,5% в возрасте 10—19 лет.

Отдельные губернии в значительной степени различались по проценту грамотных. Весьма характерно, что губернии с более развитой промышленностью выделялись сравнительно более высоким процентом грамотных. Так, грамотные составляли в Петербургской губернии 55,1%, в Московской—40,2, Ярославской—36,2 и Владимирской—27%.

При характеристике грамотности населения России за предреволюционный период нередко приводят данные этой первой переписи населения 1897 г. Показательными в этом отношении, являются ежегодники Центрального статистического комитета, в которых в течение ряда лет мы встречаем одни и те же данные о грамотности населения России, полученные на основании разработки материалов переписи 1897 г. Между тем за 16—17 лет, протекших с момента указанной переписи до 1913—1914 гг., произошли сдвиги в развитии школьного дела в России и в связи с этим и изменения в уровне грамотности населения. Так как за этот период мы не располагаем материалами о грамотности населения, аналогичными данным переписи 1897 г., то соответствующие показатели о грамотности нам пришлось исчислить,

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в издании «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.», СПБ 1905.

используя для этого в основном имеющиеся массовые данные в отношении грамотности отдельных групп населения. Согласно этим исчислениям грамотные составляли среди всего населения России в 1913 г. примерно 30%. Соответственно для населения России в возрасте от восьми лет и старше показатель грамотности может быть исчислен в 38—39%. Следовательно, и в 1913 г. свыше 60% населения в возрасте от восьми лет и старше было неграмотным.

Массовыми сопоставимыми данными о динамике процента грамотных за 40 лет (1874—1913 гг.) мы располагаем лишь в отношении группы принятых на военную службу. Мы приводим в дальнейшем изложении эти показатели, но они *безусловно не являлись характерными для динамики грамотности всего населения и даже всего мужского*. В общем они отразили изменения в динамике грамотности мужчин в возрасте 20—24 лет. Грамотность среди принятых на военную службу была в 1913 г. примерно на 70—75% выше грамотности всего населения. Развитие школьной сети за рассматриваемый период не могло, понятно, повлиять на грамотность населения старших возрастных групп. Внешкольным путем приобреталась грамотность лишь отдельными группами населения. Приводим ниже подсчеты об изменении процента грамотных среди принятых на военую службу за 1874—1913 гг. по десятилетиям:

Годы	% грамотных среди принятых на военную службу
1874	21,4
1884	25,5
1894	37,8
1904	55,5
1913	67,8

За 40 лет (1874—1913 гг.) процент грамотных среди принятых на военную службу в значительной степени повысился, но все же следует отметить и в 1913 г. наличие около трети—32,2%—неграмотных среди принятых на военную службу.

Хотя общее число учащихся в начальных школах за капиталистическую эпоху повышалось, но недоступность школьного обучения для детей трудящихся в период, предшествующий Октябрьской революции, была исключительной. Об этом можно судить даже по следующим данным министерства народного просвещения, опубликованным в приложении к изданию «Начальные училища ведомства министерства народного просвещения в 1914 г.» (П. 1916) под заглавием «К вопросу о введении всеобщего обучения». В этом приложении были приведены данные о численности детей школьного возраста, о численности учившихся и не учившихся детей. Необходимо отметить, что школьный возраст принимался весьма ограниченным, а именно тот же самый, что и в правительственных проектах о всеобщем обучении (8—11 лет). Согласно этим официальным подсчетам из 15 253,8 тыс. детей школьного воз-

раста (8—11 лет) на 1 января 1915 г. не училось 7 465,3 тыс. детей, или 49%.

Заимствуем из XVI выпуска издания министерства народного просвещения «Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г.»[1], в котором были опубликованы итоговые данные переписи, следующие показатели об изменении процента учащихся в сельских начальных школах к детскому населению в возрасте 7—14 лет за 1880—1911 гг.:

Годы	% учащихся к детскому населению 7—14 лет		
	мужского пола	женского пола	обоего пола
1880	14,6	3,2	8,7
1894	25,3	6,1	15,6
1911	33,3	14,2	23,8

Следовательно, и в 1911 г. лишь 23,8% детей в возрасте 7—14 лет обучалось в сельских начальных школах.

В статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения» В. И. Ленин на основании анализа официальных данных за 1908 г. писал: «Итак, детей в школьном возрасте 22%, а учащихся 4,7%, то-есть *почти впятеро меньше!!* Это значит, что около *четырех пятых* детей и подростков в России *лишено* народного образования!!

Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания,— такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а *неизбежна* при гнете помещиков, захвативших десятки и десятки миллионов десятин земли, захвативших и государственную власть...»[2].

Каков же фактически был образовательный уровень фабрично-заводских рабочих за капиталистический период? Первыми подробными сведениями по этому вопросу мы располагаем на основании материалов обследований, произведенных в первой половине 80-х годов[3]. В работе д-ра П. А. Пескова «Санитарное исследование

---

[1] «Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г.». Итоги по империи, ред. В. И. Покровского, П. 1916, стр. 110.

[2] *Ленин*, Соч., т. XVI, стр. 410.

[3] Следует также указать, что хотя в обрабатывающей промышленности России в 1860 г. было занято 565 тыс. рабочих и начальное образование по сравнению с многочисленным населением в этот период, накануне крестьянской реформы, в стране почти отсутствовало, а также уже вполне определилась потребность в грамотных рабочих, школы на фабриках и заводах для детей рабочих и малолетних рабочих встречались исключительно редко. В этом отношении характерным представляется следующий факт. В издании «Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на ма-

фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве»[1] были опубликованы данные о грамотности рабочих мужчин и работниц в связи с их возрастом и профессией в 1881 г. В следующей табличке приведены общие показатели:

	Мужчины	Женщины	Все рабочие
Учтено рабочих	9 421	2 571	11 992
% грамотных	36,3	2,2	28,9

Таким образом, еще в начале 80-х годов среди рабочих, занятых по обработке волокнистых веществ в Москве, грамотные составляли менее 30% общей численности рабочих. Приходится отметить исключительные различия по проценту грамотных среди рабочих мужчин (36,3%) и работниц (2,2%).

Обратимся к данным о грамотности рабочих в связи с их возрастом:

Грамотность рабочих мужчин, занятых на фабриках по обработке волокнистых веществ в Москве, по возрастным группам в 1881 г.

Возрастные группы	Учтено рабочих	% грамотных
До 8 лет	7	14,3
8—12 лет	255	21,6
12—14 »	525	39,5
14—18 »	1 271	43,2
18—20 »	739	40,5
20—22 »	523	35,5
22—25 »	626	35,5
25—30 »	1 331	38,2
30—35 »	1 076	39,8
35—40 »	1 096	35,1
40—50 »	1 200	31,8
50—60 »	627	27,9
Старше 60 лет	145	19,3
В среднем . . .	9 421	36,3

нуфактурной выставке 1861 г.» (СПБ 1862), где приведены данные в отношении значительного числа отдельных наиболее технически оборудованных предприятий, сведения о наличии школ, аналогичные нижеприводимым, являются лишь единичными (стр. 8—9): *Я. П. Гарелин, ситценабивная фабрика Шуйского уезда Владимирской губернии* (основана в 1752 г.). Число рабочих предприятия до 4 700. «Для обучения грамоте детей рабочих основано в Вознесенском посаде, на счет владельца фабрики, приходское училище, в котором обучаются ныне до 65 мальчиков. Сверх сего, при самой фабрике заведена воскресная школа, число посещающих ее простирается до 180 чел. взрослых и малолетних» (стр. 26—27). *М. С. Мазурин, бумагопрядильная фабрика находится в Московской губернии и уезде.* «Для фабричных мальчиков устроены при фабрике: 1) школа на 200 человек для бесплатного обучения письму, чтению, первым правилам арифметики и закону божию и 2) слесарная мастерская для бесплатного обучения мальчиков слесарному искусству».

[1] «Труды Комиссии, учрежденной московским ген.-губ. кн. В. А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве», М. 1882, стр. 125—132.

Сравнительно повышенный процент грамотных оказался среди рабочих мужчин в возрасте 12—20 лет. В возрастных группах 20—40 лет грамотность рабочих почти совпадала со средней. Пониженный процент грамотных следует отметить для обеих крайних возрастных групп.

Весьма значительные различия процента грамотных можно проследить также среди рабочих отдельных профессий. Приведем соответствующие показатели в отношении рабочих мужчин:

Профессии	% грамотных	Профессии	% грамотных
Граверы и рисовальщики	91,8	Прочие рабочие	39,0
Сновальщики	72,1	Прядильщики	37,2
Ручные набойщики . .	63,1	Суконные ткачи	36,2
Слесаря и пр.	49,6	Красильщики	31,8
Самоткачи	45,5	Трепальщики	30,0
Шелковые ткачи . . .	43,4	Шерстяные ткачи . . .	28,9
Стригачи	42,6	Бумажные »	21,3
Прессовщики	41,7		

Более высокий процент грамотных среди профессий, помещенных в начале таблицы, П. А. Песков объяснял специальностью занятия. Останавливаясь на причинах сравнительно низкого процента грамотных среди рабочих ряда профессий, П. А. Песков писал: «...меньшая сравнительно грамотность объясняется здесь повидимому тем, что ручные ткачи вообще и между ними бумажные в особенности представляют собою наиболее деревенский элемент. В числе их, как мы уже упомянули, встречается не малое количество кустарей и мастерков, следовательно воспитавшихся в деревне и там узнавших свое ремесло...

После ткачей, наименьшей и близкой к ним грамотностью отличаются трепальщики и красильщики с отбельщиками—тоже... народ наиболее деревенский»[1].

В результате обследования фабрично-заводской промышленности Московской губернии, произведенного в начале 80-х годов, мы располагаем также массовыми данными о грамотности рабочих, занятых в промышленных предприятиях ряда уездов этой губернии, причем данные о грамотности были разработаны в связи с возрастом рабочих. В работе Ф. Ф. Эрисмана приведены соответствующие показатели, полученные в результате разработки данных о 21,8 тыс. рабочих фабрично-заводской промышленности Московского уезда в 1881 г. В числе этих 21,8 тыс. рабочих было учтено 14,2 тыс. рабочих мужчин и 7,6 тыс. работниц [2] (см. табл. на стр. 424).

Среди фабрично-заводских рабочих Московского уезда в 1881 г. оказалось 23,1% грамотных. Следует отметить значительные различия процента грамотных среди рабочих мужчин (33%) и работниц (4,7%). Сравнительно повышенный процент грамотных у рабо-

[1] Там же, стр. 131—132.

[2] *Ф. Ф. Эрисман*, Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда, ч. I, «Сборник статистических сведений по Московской губ.». Отдел санитарный, т. III, вып. IV, М. 1882, стр. 209—216.

Грамотность рабочих фабрично-заводской промышленности Московского уезда в 1881 г. по полу и возрастным группам

Возрастные группы	Мужчины		Женщины		Все рабочие	
	общее число рабочих	% грамотных	общее число работниц	% грамотных	общее число рабочих	% грамотных
В среднем	14 242	33,0	7 606	4,7	21 848	23,1
В том числе рабочих в возрасте:						
моложе 10 лет	45	6,7	32	6,3	77	6,5
от 10 до 12 »	267	27,3	127	9,5	394	21,6
» 12 » 14 »	683	46,9	333	13,6	1 016	36,0
» 14 » 18 »	1 933	43,8	1 430	10,7	3 363	29,8
» 18 » 40 »	7 894	33,8	4 180	3,1	12 074	23,1
» 40 » 60 »	2 582	28,4	1 168	0,9	3 750	19,9
старше 60 »	254	22,0	53	0,0	307	18,2

чих младших возрастных групп—14—18 лет. Отметим также следующие показатели. Процент грамотных среди рабочих мужчин в возрасте 18—40 лет почти совпадал со средним и был равен 33,8%. Грамотных среди работниц в возрасте 18—40 лет оказалось лишь 3,1%, а в возрасте 40 лет и старше почти все работницы были неграмотными.

Исследователи положения труда фабрично-заводских рабочих в первой половине 80-х годов неоднократно отмечали этот исключительно низкий уровень грамотности работниц. В одной из работ Московского земства Е. М. Дементьев писал:

«Грамотность фабричных рабочих Серпуховского уезда не представляет сколько-нибудь значительного отличия от аналогичных данных по другим уездам. Здесь повторяется совершенно то же явление: почти половина мужчин (46,6%) грамотны, напротив, среди женщин грамотные редкое исключение, между ними грамотных оказалось только 6%, т. е. на каждую грамотную приходится более 15 неграмотных» [1].

В работе А. В. Погожева «Санитарное исследование фабричных заведений Богородского уезда» [2] была опубликована весьма детальная разработка материалов обследования 1883—1884 гг. о грамотности рабочих указанного уезда Московской губернии, в котором промышленность была наиболее развита.

---

[1] «Сборник статистических сведений по Московской губ.», т. III, вып. XV. Санитарное обследование фабрик и заводов Серпуховского уезда, ч. I, стр. 79.

[2] «Сборник статистических сведений по Московской губ.». Отдел санитарной статистики, т. III, вып. XI, ч. I, М. 1885, стр. 182—195.

Грамотность рабочих фабрично-заводской промышленности Богородского уезда в 1883—1884 гг. по полу и возрастным группам

Возрастные группы	Мужчины		Женщины		Все рабочие	
	общее число рабочих	% грамотных	общее число работниц	% грамотных	общее число рабочих	% грамотных
В среднем	17 545	41,3	10 127	5,8	27 672	28,3
В том числе рабочих в возрасте:						
моложе 10 лет	39	15,4	40	7,5	79	11,4
от 10 до 12 »	302	33,8	242	9,5	544	23,0
» 12 » 14 »	737	47,4	567	12,0	1 304	32,0
» 14 » 18 »	2 474	47,7	2 429	9,4	4 903	28,8
» 18 » 40 »	10 109	42,8	5 561	4,4	15 670	29,2
» 40 » 60 »	3 463	33,7	1 235	1,3	4 698	25,2
старше 60 »	421	26,6	53	—	474	25,7

При среднем проценте грамотных среди фабричных рабочих Богородского уезда в 28,3 мы наблюдаем значительные различия этого показателя в отношении рабочих мужчин и работниц и рабочих отдельных возрастных групп. Так, грамотных было учтено среди фабричных рабочих мужчин 41,3%, а среди работниц—5,8%. Выше среднего грамотные были представлены в возрасте 12—18 лет: среди рабочих мужчин—47—48% и среди работниц—9,5—12%.

Приводим из цитированной работы А. В. Погожева ряд дополнительных данных, характеризующих грамотность фабричных рабочих. Так, при указанном обследовании фабрик Богородского уезда в 1883—1884 гг. были собраны также интересные данные в отношении 7 123 фабричных рабочих о том, каким путем была приобретена ими грамотность. Сводные показатели по этому вопросу были следующие:

Источник приобретения грамотности	В % к итогу
Вне школы (самоучкой)	36,1
Земские (сельские) школы	28,6
У лиц духовного звания	9,1
Фабричные школы	9,5
В солдатах	7,0
Городские школы	4,6
Уездные училища	4,0
Прочие учебные заведения	0,1
Итого	100,0

Следует отметить, что из рассматриваемой группы грамотных фабричных рабочих Богородского уезда 36% обучилось грамоте вне школы (самоучкой) и 7% во время пребывания на военной службе. В фабричных же школах училось сравнительно незначительное число рабочих (9,5%).

Заслуживает внимания также группировка волостей Богородского уезда для выяснения степени грамотности населения в связи с развитием промышленности в отдельных волостях.

В группе волостей с весьма развитой промышленностью грамотных оказалось среди мужчин 35,8% и среди женщин 6,8%, а в малопромышленных волостях соответственно—31,8 и 2,9%.

На основании этих данных А. В. Погожев приходил к следующему выводу: «...чем более развита в той или другой волости фабрично-заводская промышленность, тем более распространена грамотность среди местного населения» [1].

Сравнительно повышенные показатели грамотности рабочих фабрично-заводской промышленности следует отметить по Коломенскому уезду, что в основном было вызвано наличием машиностроительного завода в этом уезде.

Грамотность рабочих фабрично-заводской промышленности Коломенского уезда в 1883 г. по полу и возрастным группам [2]

Возрастные группы	Мужчины		Женщины		Все рабочие	
	общее число рабочих	% грамотных	общее число работниц	% грамотных	общее число рабочих	% грамотных
В среднем	5 991	50,7	2 674	6,0	8 665	36,9
В том числе рабочих в возрасте:						
моложе 10 лет	9	20,2	3	—	12	16,7
от 10 до 12 »	92	26,1	60	—	152	15,8
» 12 » 14 »	314	43,0	260	8,3	574	27,1
» 14 » 18 »	1 047	54,3	979	7,5	2 026	31,6
» 18 » 40 »	3 604	55,6	1 231	5,0	4 835	41,2
» 40 » 60 »	845	41,5	128	3,1	973	36,5
старше 60 »	80	30,6	8	—	88	27,3

Процент грамотных среди рабочих мужчин достигал 50,7. В частности на Коломенском заводе он был более высоким и составлял 66,4. Е. М. Дементьев отмечает также и то явление, что процент грамотных фабрично-заводских рабочих по отдельным возрастным группам в Коломенском уезде отличался по сравнению с соответствующими показателями в других уездах Московской губернии. Наибольший процент грамотных мужчин не между малолетними, но между подростками и взрослыми. Выше было указано, что, по данным обследования 1883 г., $^2/_3$ рабочих Коломенского завода грамотны, причем отдельные профессии значительно

[1] «Сборник статистических сведений по Московской губ.». Отдел санитарной статистики, т. III, вып. XI, ч. I, М. 1885, стр. 182—195.

[2] *Е. М. Дементьев*, Санитарное исследование фабрик и заводов Коломенского уезда, «Сборник статистических сведений по Московской губ.». Отдел санитарной статистики, т. III, вып. XIII, М. 1885, стр. 76—77 и 123—124.

различались по проценту грамотных. Как и следовало ожидать, повышенный процент грамотных был среди наиболее квалифицированных рабочих:

Профессии	% грамотных
Токаря	91
Слесаря	78
Столяры	69
Кузнецы	53
Молотобойцы	49
Прочие мастеровые	67
Чернорабочие и возчики	51

Таким образом, было учтено грамотных среди токарей Коломенского завода 91% и среди чернорабочих и возчиков—51%. На повышенную грамотность у более квалифицированных групп рабочих указывает также А. Смирнов на основании данных о рабочих фабрик Владимирской губернии:

«В высших, наиболее оплачиваемых фабричных профессиях грамотных больше, чем в средних, в средних больше, чем в низших. Так, среди последних (чернорабочих, поденщиков и т. п.) грамотных—44,7% и из них прошедших 3-летний и более школьный курс—38%; среди средних, ординарных рабочих грамотных—45,8% и из них с 3-летним школьным курсом—42,1%; среди высших кадров рабочих (слесарей, подмастерьев и проч.) 77,8% и с 3-летним курсом—42,1%. Последняя цифра не выше соответствующей предыдущей, но это потому, что среди последнего рода рабочих много лиц в пожилых летах, учившихся, когда еще мало было школ. Повышенный возрастной состав последней группы еще больше увеличивает значение приведенных нами цифр»[1].

Значительный интерес представляют также сведения о грамотности и постановке школьного обучения несовершеннолетних рабочих, занятых на фабриках и заводах, собранные фабричными инспекторами, в связи с применением закона 1882 г. о работе малолетних на заводах и фабриках.

К. Маркс при анализе условий появления аналогичного закона в Англии писал:

«Интеллектуальное же одичание, искусственно производимое превращением незрелых людей в простые машины для фабрикации прибавочной стоимости,—его легко отличить от того первобытного невежества, которое оставляет ум невозделанным, не причиняя вреда его способности к развитию, его естественному плодородию,—это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить начальное образование обязательным условием «производительного» потребления детей до 14-летнего возраста во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству»[2].

---

[1] *А. Смирнов*, Фабрика и фабричный рабочий, «Русская мысль» № 5, 1902, стр. 154—155.

[2] *Маркс*, Капитал, т. I, 1935, стр. 304.

Несомненно также, что и при издании закона о школьном обучении малолетних рабочих в России руководствовались этими же мотивами.

Фабричный инспектор Владимирского округа П. А. Песков приводит в своем отчете за 1882—1883 гг. следующие данные о грамотности 4 965 малолетних рабочих в возрасте до 15 лет, занятых в фабрично-заводской промышленности Владимирской губернии в 1883 г. Среди 4 965 обследованных малолетних рабочих оказалось 30,4% грамотных и полуграмотных, причем среди 3 154 мальчиков грамотных и полуграмотных было 39,4%, а среди 1 811 девочек всего 14,6%. «Училищное свидетельство об окончании учения из 3 154 мальчиков имели только 167 человек, или 5,29%»[1].

А. В. Погожев в статье «Школьно-фабричные нужды России» следующим образом характеризует положение школьно-фабричного дела в 1885 г.:

«Вообще, судя по имеющимся официальным данным, в частности по сведениям фабричной инспекции за 1885 г., положение школьно-фабричного дела в России весьма плачевно и едва ли оно во многом изменится к лучшему в скором времени. Так, например, по сведениям о состоянии грамотности на осмотренных фабричною инспекцией в 1885 г. промышленных заведениях в 7 фабричных округах, кроме московского и варшавского, по которым сведения о числе грамотных не доставлены, оказалось, что из общего числа 15 тыс. с лишком опрошенных малолетних рабочих грамотных было менее $5^1/_2$ тыс. человек. По степени грамотности они разделялись следующим образом: имеющих училищные свидетельства было до 500 чел., или свыше 9%, грамотных, не имеющих свидетельств, около тысячи, а остальные принадлежали к числу полуграмотных, т. е. умели только читать. Вообще, число малолетних, которые не имели свидетельств об окончании курса в народных училищах и для которых, на основании закона 1 июня 1882 г., следовало позаботиться об устройстве или приспособлении школ, составляло в 1885 г. около 97% общего числа малолетних»[2].

Авторами записки «Сведения об образовании малолетних рабочих», составленной по отчетам фабричных инспекторов за 1885 г., также отмечается незначительное использование фабричных школ фабричным населением:

«Замеченная инспектором *выдающаяся черта* наших фабричных школ—существование большинства из них лишь для потребностей *нефабричного населения* делает их, за редким исключением, преимущественно городскими или крестьянскими, смотря по местонахождению, но не школами рабочих. При этом инспектором приведено в пример несколько школ, прекрасно устроенных и почти всецело существовавших (в 1882—1883 г.) для потребителей—соседних крестьян или мещан,—лиц совершенно посторонних фабрике, из чего очевидно, что устройство, иногда с очень значительными затратами, фабричных школ имело целью способствовать образованию бедных жителей данной местности и совсем не имея в виду доставить образование рабочим, что впрочем, при продолжительности фабричной работы было трудно, за немно-

[1] «Фабричный быт Владимирской губ.», отчет за 1882—1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа П. А. Пескова, СПБ 1884, стр. 26.

[2] *А. В. Погожев*, Школьно-фабричные нужды России, «Русская мысль» № 9, 1894, стр. 21.

гими исключениями, и осуществить,—и следовательно существующие фабричные школы, в большинстве случаев, являются дополнением к недостаточному числу имеющихся начальных школ»[1].

Для характеристики успеваемости малолетних рабочих в этих фабричных школах приведем отдельные иллюстрации. В. Герасимов в своих воспоминаниях писал об условиях, при которых ему приходилось заниматься в школе в середине 60-х годов:

«На работу нас поднимали в 4 часа утра. Я работал на ватерных машинах, и мне приходилось стоять все время на одной ноге, что было очень утомительно. Этот адский труд продолжался до 8 часов вечера.

Измученные этой работой до полного истощения сил, мы принуждены были в 9 час. вечера итти еще в школу, где нас учили или, вернее сказать, мучили до 11 часов. В школе нас обучали письму, чтению и арифметике. Но, конечно, учение наше шло очень плохо: до учения ли нам было в этот поздний час, тем более шло оно плохо, что наш учитель принадлежал к типу тех педагогов, которые признают кулак да розгу лучшими средствами для воспитания детей»[2].

В. Покровский, приведя данные о том, что на Тверской морозовской фабрике в 1878 г. работало 736 детей в возрасте до 15 лет, или 16,1% общей численности рабочих, и отмечая наличие при фабрике хорошего начального училища, писал: «Но большинство посещающих школу принадлежит к числу детей, не участвующих в фабричной работе и живущих при родителях. Детям, которые заняты по 12 часов в сутки сортировкою или очисткою хлопка, складыванием кусков миткаля, или какими-нибудь другими фабричными работами,—не до ученья»[3].

Е. Андреев на основании материалов осмотров фабрик, произведенных в Московском округе проф. Янжулом, отметил, что школы имелись лишь в незначительном числе осмотренных фабрик, причем и в этих школах, по словам проф. Янжула, имеется «...ничтожное число учащихся в них действительных рабочих...

Так, в большой и прекрасно устроенной школе Реутовской мануфактуры из 262 мальчиков и 97 девочек до 15 лет, имеющихся на фабрике, школу посещают не более 20 мальчиков; девочки же совсем не посещают ее, почему—как это обнаружилось из его личного опроса каждого малолетнего—$^{9}/_{10}$ детей в школьном возрасте на фабрике безграмотны. То же самое повторяется и в прочих школах. На городской мануфактуре Третьяковых имеется 69 мальчиков и 38 девочек, работающих на фабрике, и из них посещает школу всего 20 человек. На Балашинской мануфактуре

---

[1] «Сведения по различным вопросам технически-промышленного образования в России и за границей», приложение 3-е, П. 1888, стр. 12—13.

[2] *В. Герасимов*, Жизнь русского рабочего полвека тому назад, 1929, стр. 10.

[3] *В. Покровский*, Историко-статистическое описание Тверской губернии, т. II, вып. I и II, 1882, стр. 44 и 57.

из 101 детей, работающих на фабрике, посещают школу лишь 21»[1].

И далее Е. Андреев следующим образом характеризует причины непосещения школ:

«Этот отзыв—о неаккуратном посещении классов малолетними рабочими у нас—совершенно естествен при тех условиях, в которых поставлена у нас работа малолетних, т. е. при 12-часовой работе, будет ли она работа на 6- или на 8-часовые смены, она всегда занимает в действительности более времени, потому что рабочие должны притти на фабрику *до звонка*, а уходить после; выспаться в течение действительно остающегося 5- или 7-часового перерыва малолетние не успевают; весь день их расположен неправильно, им нет времени ни для отдыха, ни для необходимого движения на воздухе; в школу они не приходят, или приходят сонные, и из этого многие выводят заключение, что посещение школы, совместно с работой на фабрике, невозможно или бесплодно»[2].

Фабричный инспектор С. Г. Гвоздев, приведя данные, относящиеся к концу 90-х годов, о том, что 85% общей численности малолетних рабочих не имели свидетельств об окончании начальной школы, указывая, что по закону фабриканты должны были предоставить им возможность посещать школу, и учитывая свои наблюдения, писал:

«В это время я уже перестал настаивать на том, чтобы малолетние рабочие посещали школу. Более подробное исследование вопроса об обучении малолетних привело меня к заключению, что совместить работу на фабрике и учение в школе является невозможным. В самом деле, нужно представить себе, что 12—13-летний ребенок, проведя 8 часов на фабрике в обстановке, которая, несомненно, утомляюще действует на всю нервную систему, должен еще 3—4 часа сидеть в классе, где от него требуется особенное внимание и нервное напряжение; если посещение школы предшествует работе на фабрике или происходит в промежуток между двумя рабочими сменами, дело от этого не меняется: в общем все же получается 11—12-часовой рабочий день, непосильный для слабого организма ребенка. В несколько более благоприятных условиях находятся те малолетки, которые заняты на фабрике только 6 часов в сутки. Но все же в результате получается, что обучение малолетних, истощая их организм, не приносит для них почти никакой пользы. Школьные учителя и учительницы, ведущие занятия с малолетними рабочими, постоянно указывали мне на весьма слабую успешность их»[3].

И для последующего периода—для начала XX в.—указанные причины столь низкого образовательного уровня фабрично-заводских рабочих продолжают оказывать свое воздействие.

---

[1] *Е. Андреев*, Работа малолетних в России и Западной Европе, вып. I, СПБ 1884, стр. 186.

[2] Там же, стр. 187.

[3] *С. Г. Гвоздев*, Записки фабричного инспектора. Из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг., М.—Л. 1925, стр. 51.

В этом отношении весьма характерные иллюстрации приведены в статье А. Смирнова «Фабрика и фабричные рабочие»:

«Любопытны ответы молодых рабочих о причинах безграмотности и неокончания курса в школе. Было опрошено всего 100 рабочих на Дулевской фабрике. Больше всего указывают на бедность семьи—27 ответов; затем вообще «родители не отдавали», или «взяли из школы»—23 случая. Нетрудно видеть в последнем ту же бедность или отчасти невежество старшего поколения деревни. Отдача ребенка на фабрику помешала учиться в 17 случаях; сами дети не хотели учиться—8; бросили учиться сами, чтобы скорее итти на фабрику—5; детей заставляли заниматься домашними промыслами: мотать бумагу и пр.—6; 2-х ребят «хозяева взяли из школы». Это последнее относится к Дулевской фабричной школе. При фабрике существует так называемая школа ремесла. Дети от 12—14 лет работают на фабрике под тем условием, чтобы 3—4 часа в день они проводили в школе. Работа на фабрике считается как бы обучением ремеслу. По фабричным законам иначе дети в этом возрасте не могут работать на фабрике. Точка зрения на «школу ремесла» со стороны фабриканта вполне определенная. Во время нашего обследования в середине сентября 1900 г. фабричная школа грамоты еще не была открыта и дети те 3—4 часа, которые они должны были провести в школе, отдавали той же фабрике. Кроме того, возможны, как мы видели, случаи, что хозяин берет нескольких мальчиков из школы, когда они нужны для фабрики. Один взят по истечении одного года обучения грамоте, еще не успев выучиться писать, другой—после двухлетнего пребывания в школе. Так заботятся наши фабриканты о развитии образования среди своих рабочих» [1].

Вторую группу материалов составляют данные первой всеобщей переписи населения 1897 г. и ряда городских переписей и обследований состава рабочих фабрично-заводской промышленности, произведенных преимущественно в первом десятилетии XX в., о грамотности рабочих.

Наиболее массовыми данными о грамотности фабрично-заводских рабочих России за капиталистический период ее развития являются данные переписи населения 1897 г. На основании материалов ее специальной разработки, произведенной в отношении рабочих [2], составлена следующая таблица (см. табл. на стр. 432).

Приведенные показатели исчислены для фабрично-заводских рабочих 50 губерний Европейской России. Накануне XX в. почти половина фабрично-заводских рабочих Европейской России была неграмотна. Отметим еще следующие показатели. По группам производств колебания процента неграмотных были значительными. Грамотность была сравнительно повышенной в полиграфическом производстве и в обработке металлов: неграмотные среди рабочих полиграфического производства составляли лишь 17,4%, а среди металлистов—33,8%. Процент неграмотных был выше среднего среди рабочих по добыче руд и копей (68,2%), выплавке металла (61,8%) и обработке волокнистых веществ (61,1%). Еще более резкие различия по проценту неграмотных можно проследить в отношении рабочих мужчин и работниц. В среднем по фабрично-заводской промышленности неграмотные составляли 43,5% среди рабочих мужчин и 78,7% среди работниц.

[1] *А. Смирнов*, Фабрика и фабричные рабочие, «Русская мысль» № 5, 1902, стр. 155.

[2] «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Численность и состав рабочих в России», под ред. Н. А. Тройницкого, т. I, П. 1906.

Грамотность фабрично-заводских рабочих Европейской России в 1897 г. по группам производств и по полу

Группы производств	Всего учтено рабочих (в тыс.)			% грамотных к общему числу рабочих соответствующей группы		
	мужчин	женщин	всех рабочих	мужчин	женщин	всех рабочих
Добыча руд и копи	100,7	7,4	108,1	33,3	12,2	31,8
Выплавка металлов	36,9	1,6	38,5	39,3	12,5	38,2
Обработка волокнистых веществ	256,9	188,9	445,8	53,9	18,6	38,9
Обработка животных продуктов	57,4	2,5	59,9	49,1	20,0	47,9
Обработка дерева	139,2	5,6	144,8	59,6	28,6	58,4
» металлов	311,1	5,3	316,0	66,8	32,1	66,2
» минеральных веществ	58,3	7,1	65,4	50,6	28,2	48,2
Химические производства	39,6	14,5	54,1	46,8	30,3	49,7
Пищевкусовое производство	193,0	27,0	220,0	52,6	28,9	49,7
Полиграфические производства	41,3	5,2	46,5	87,4	44,2	82,6
Производства инструментов физических, оптических и часов	6,7	0,3	7,0	85,1	57,9	82,9
В среднем по всем группам	1 241,1	265,4	1 506,5	56,5	21,3	50,3

По материалам той же разработки переписи 1897 г. можно также установить, как различался процент неграмотных среди рабочих отдельных возрастных групп. Для иллюстрации указанного явления приводим соответствующие показатели для рабочих и работниц по обработке волокнистых веществ и рабочих мужчин по обработке металла (см. табл. на стр. 433).

Процент грамотных оказался сравнительно повышенным у рабочих в возрасте 13—19 лет. В этих возрастных группах процент грамотных был выше, чем у малолетних рабочих в возрасте до 12 лет. Это свидетельствует о том, что частично рабочие становились грамотными, уже работая на фабриках и заводах. В группах рабочих старше 40 лет процент неграмотных был повышенным. Среди работниц по обработке волокнистых веществ процент неграмотных в 1897 г. во всех возрастных группах был весьма высоким, даже среди работниц в возрасте 13—16 лет этот показатель достигал примерно 60%.

В ряде обследований рабочего состава отдельных отраслей фабрично-заводской промышленности, отдельных районов и крупных предприятий вопрос о грамотности рабочих изучался в связи с их возрастом, причем распределение фабрично-заводских рабочих производилось по сравнительно детальным возрастным группам.

Грамотность рабочих по обработке волокнистых веществ и металла в Европейской России в 1897 г. по возрастным группам

Возрастные группы	% грамотных к общему числу рабочих соответствующей группы		
	обработка волокнистых веществ		обработка металлов
	мужчины	женщины	мужчины
Все рабочие	53,9	18,6	66,8
В том числе:			
12 лет и моложе	43,9	27,4	55,4
13—14 лет	72,3	41,4	71,2
15—16 »	72,6	32,1	76,0
17—19 »	67,0	27,0	75,5
20—39 »	53,4	15,3	68,1
40—59 »	61,9	9,0	51,6
60 лет и старше	58,6	13,5	40,9

Материалы указанных обследований дают возможность проследить, насколько различался удельный вес группы неграмотных рабочих среди рабочих отдельных возрастных групп.

На основании материалов переписи рабочих Владимирской губернии, произведенной фабричной инспекцией в 1897 г., составлена следующая таблица об удельном весе грамотных среди рабочих и работниц различных возрастов. Переписью было учтено 71,2 тыс. рабочих мужчин и 45,6 тыс. работниц, всего 116,8 тыс. человек, занятых преимущественно в текстильной промышленности.

Грамотность рабочих и работниц различных возрастных групп Владимирской губернии в 1897 г. [1]

Возрастные группы	% грамотных к общему числу рабочих соответствующей группы		
	мужчин	женщин	всех рабочих
12—15 лет	72,3	43,7	62,8
15—17 »	76,8	29,8	55,7
17—20 »	69,8	22,8	48,0
20—25 »	57,4	18,5	45,5
25—30 »	59,3	11,1	40,3
30—40 »	53,3	6,6	36,7
40—50 »	45,6	4,0	33,8
50—60 »	39,8	2,1	31,3
60 лет и старше	33,5	1,4	29,2
Всего	59,6	15,5	41,9

[1] Таблица составлена на основании абсолютных данных, опубликованных в «Отчете чинов фабричной инспекции Владимирской губернии за 1894—1897 гг». Вторая специальная часть (таблицы и приложения), Владимир 1899.

Лишь $^2/_5$ (41,9%) переписанных рабочих оказались грамотными, среди рабочих мужчин грамотные составляли 59,6%, а среди работниц—15,5%. Удельный вес грамотных непрерывно повышался по мере перехода к рабочим младших возрастных групп. Так, неграмотные составляли около 70% среди рабочих в возрасте 50 лет и старше и 37%—в возрасте 12—15 лет. Следует также отметить, что удельный вес неграмотных, по данным переписи 1897 г., среди работниц фабрично-заводской промышленности Владимирской губернии во всех возрастных группах, начиная с 30—40 лет, был исключительно повышенным—около 90%.

Разработка статистических данных за 1896 г. о грамотности 7 618 рабочих крупного машиностроительного завода—Сормовского—также свидетельствует о значительных колебаниях процента грамотности среди рабочих отдельных возрастных групп:

Грамотность рабочих Сормовского завода в 1896 г. по возрастным группам [1]

Возрастные группы	Общее число рабочих	% грамотных
15—20 лет	1 182	75,5
21—25 »	2 205	66,0
26—30 »	1 646	60,3
31—35 »	899	60,1
36—40 »	724	54,0
41—45 »	305	53,1
46—50 »	251	41,6
51 год и старше	406	30,2
Всего	7 618	62,4

В то время как среди рабочих Сормовского завода младших возрастных групп—до 25 лет—грамотные составляли 70% общей численности рабочих этих возрастных групп, соответствующий показатель для рабочих в возрасте старше 50 лет достигал лишь 30%.

В среднем по Сормовскому заводу в 1896 г. процент грамотных среди рабочих был равен 62,4.

Приведенные данные о грамотности рабочих машиностроительных Сормовского и Коломенского заводов, даже не расположенных в крупных центрах, указывают, насколько более высоким был процент грамотных среди металлистов по сравнению с соответствующими показателями для рабочих других отраслей промышленности.

Весьма характерными являются также данные об удельном весе грамотных среди рабочих фабрично-заводской промышленности Москвы различных возрастных групп в 1902 г. Переписью 1902 г. было учтено 78,1 тыс. рабочих мужчин и 29,7 тыс. работниц, всего 107,8 тыс. человек.

---

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в статье *А. Р.*, Рабочие Сормовских заводов, «Народное хозяйство» № 4, 1902, стр. 93.

Грамотность рабочих фабрик и заводов Москвы в 1902 г. [1]

Возрастные группы	% грамотных среди		
	мужчин	женщин	всех рабочих
В среднем	69,9	19,3	56,0
В том числе рабочих в возрасте:			
до 14 лет	89,8	56,9	81,3
15—17 »	86,5	37,0	71,8
18—19 »	81,3	29,8	65,8
20—24 »	74,7	23,4	60,5
25—29 »	74,3	18,4	58,8
30—39 »	65,1	10,5	50,2
40—49 »	53,9	6,1	42,9
50—59 »	43,9	4,9	35,1
60 лет и старше	41,5	5,1	32,6

При среднем проценте грамотных 56 этот показатель был равен у рабочих в возрасте 15—17 лет 71,8%, 18—19 лет—65,8, а в возрасте 50 лет и старше—33—35%. Грамотность среди фабрично-заводских работниц Москвы в начале XX в. была резко пониженной—19,3%. Даже в возрастной группе 20—24 лет она не превышала 24%.

На основании разработки материалов обследования состава рабочих фабрично-заводской промышленности Московской губернии, произведенного за 1908 г., возможно также проследить, как по мере перехода к старшим возрастным группам резко повышается процент неграмотных среди рабочих отдельных возрастных групп. При разработке материалов данного обследования рабочие были разделены по 11 возрастным группам. Мы приводим соответствующие показатели в отношении бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик (учтено 44,4 тыс. рабочих), фабрик по обработке шелка (7,6 тыс. рабочих) и механических заводов (8,5 тыс. рабочих) (см. табл. на стр. 436).

Отметим наиболее существенные показатели. Так, на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках грамотные составляли среди рабочих в возрасте от 12—15 лет 81,4%, а в возрасте старше 50 лет—19—22%. Соответствующие показатели для рабочих мужчин—92,6 и 32—41%, а работниц—72,8 и 2—1%. На механических заводах в возрасте 12—15 лет все грамотны, в возрасте 15—20 лет грамотных было учтено 97%, а среди рабочих в возрасте 55 лет и старше грамотных было 58,6%. Таким образом, колебания процента грамотных среди рабочих отдельных возрастов даже в пределах одной производственной группы являются весьма значительными. Материалы отдельных исследований свидетельствуют и о том, что удельный вес грамотных является сравнительно повышенным среди потомственных пролетариев. Так, на основании

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в изд. «Перепись Москвы 1902 г.», ч. I, вып. 2, М. 1906, стр. 27.

Грамотность рабочих фабрично-заводской промышленности Московской губернии в 1908 г. по возрастным группам [1]

Возрастные группы	% грамотных к общему числу рабочих соответствующей группы								
	бумагопрядильные и бумаготкацкие фабрики			фабрики по обработке шелка				механические заводы	
	мужчин	женщин	всех рабочих	мужчин		женщин	всех рабочих	мужчин	
12—15 лет	92,6	72,8	81,4	—		77,6	80,6	100,0	
15—20 »	88,8	46,3	63,5	97,3		40,8	42,8	97,0	
20—25 »	82,4	33,8	52,2	91,4		30,2	35,5	94,9	
25—30 »	78,1	18,9	44,3	98,5		18,6	29,2	90,4	
30—35 »	74,4	16,6	44,1	80,6		14,9	32,9	88,6	
35—40 »	65,8	9,7	35,7	75,9		7,6	24,4	83,6	
40—45 »	57,9	5,9	31,4	66,7		7,3	24,6	78,7	
45—50 »	47,4	4,0	26,3	62,8		3,7	21,8	73,5	
50—55 »	51,3	2,0	22,0	61,0	50,0	9,1	35,1	65,6	58,6
55—60 »	36,8	2,2	19,9	45,8		—	19,3	57,4	
60 лет и старше	32,3	0,9	19,1	54,2		9,1	40,0	61,5	
В среднем	72,5	25,3	46,0	78,2		26,6	34,5	84,6	

материалов обследования рабочих московских бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик, произведенного И. М. Козьминых-Ланиным за 1908 г.[2], исчислены следующие показатели:

	% грамотных среди рабочих	
	отцы работали на фабриках	отцы не работали на фабриках
Мужчины	80,5	66,4
Женщины	34,4	20,2
Все рабочие	52,5	39,0

Таким образом, можно проследить, как повышается грамотность рабочих в связи с участием родителей в фабрично-заводском труде.

Выше мы приводили данные фабричной инспекции за 1885 г., указывающие, насколько незначительно было число малолетних рабочих, имеющих свидетельство об окончании курса в народных училищах. Показатели за последующие годы не свидетельствуют о значительных достижениях в этом отношении. Так, Н. В. Чехов

[1] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в работе *И. М. Козьминых-Ланина*, Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии, М. 1912, стр. 1—3.

[2] *И. М. Козьминых-Ланин*, Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии, М. 1912.

отмечает, что «...огромное большинство поступающих в начальные школы курса в них не оканчивает...»[1], и приводит на основании массовых материалов следующие данные: в отношении к общему числу учившихся окончило курс во всех начальных сельских и городских школах 10,2% и в церковно-приходских—10,5% (данные 1908 г.).

И, наконец, третью группу соответствующих статистических материалов составляют данные профессиональной переписи рабочих фабрично-заводской промышленности 1918 г.

В период после переписи 1897 г. наиболее массовыми данными о грамотности фабрично-заводских рабочих явились данные профессиональной переписи, произведенной уже в послереволюционный период, а именно осенью 1918 г. Но в тот сравнительно короткий период, который отделяет момент переписи от Октябрьской Социалистической революции, не могли произойти значительные изменения, и потому можно считать, что в общем материалы профессиональной переписи 1918 г. отразили состояние грамотности фабрично-заводских рабочих накануне Октябрьской революции.

Переписью 1918 г. не были охвачены такие промышленные районы страны, как Украина и Урал, в результате чего удельный вес рабочих текстильной промышленности, сосредоточенной, главным образом, в центральных районах, оказался повышенным. Поэтому и работницы в отношении общей численности фабрично-заводских рабочих, учтенных переписью, оказались представленными в более значительном проценте по сравнению с соответствующим показателем численности в отношении рабочих всех районов страны. Следовательно, можно предположить, что итоговые данные о проценте грамотных, возможно, были несколько преуменьшенными. Если от итоговых данных по всем производствам обратиться к показателям по группам производств, то, несмотря на то, что перепись не распространялась на отдельные районы, все же массовые данные переписи безусловно позволяют считать нижеприводимые показатели по отдельным производствам в общем отражающими фактическое состояние (см. табл. на стр. 438).

В итоге по группам производств в 1918 г. грамотных оказалось среди всех рабочих 64%; соответствующие показатели для рабочих мужчин—79,2 и работниц—44,2%; при среднем проценте грамотных 64 пониженные показатели следует отметить для рабочих по обработке шерсти и хлопка—52%, повышенные—для рабочих по производству машин, инструментов и аппаратов—83,6, полиграфического производства—94,7%. Неграмотные среди работниц текстильной промышленности составляли 60—62%.

В значительной степени различались по проценту грамотных рабочие отдельных возрастных групп. Соответствующие показатели, по данным переписи 1918 г., приведены для рабочих всех производств и в частности для рабочих по обработке хлопка и металлопромышленности (см. первую табл. на стр. 439).

[1] *Н. В. Чехов*, Народное образование в России с 60-х годов XIX в., М. 1912, стр. 155.

Грамотность фабрично-заводских рабочих в 1918 г. по группам производств и по полу [1]

Группы производств	Учтено рабочих (в тыс.)			% грамотных к общему числу рабочих соответствующей группы		
	мужчин	женщин	всех рабочих	мужчин	женщин	всех рабочих
Все группы производств	550,6	423,0	973,6	79,2	44,2	64,0
В том числе:						
добывание и обработка камней, земель и глин	25,8	12,4	38,2	73,3	58,0	68,3
горная и горнозаводская промышленность	25,4	3,3	28,7	74,0	42,6	70,0
металлообрабатывающая промышленность	17,2	3,2	20,4	81,4	50,0	76,5
производство машин, инструментов и аппаратов	106,4	14,2	120,6	86,7	59,9	83,6
обработка дерева	20,6	4,1	24,7	84,3	46,6	69,6
химическая промышленность	29,6	17,0	46,6	78,7	54,7	70,0
производство пищевых продуктов, напитков и наркотиков	52,8	26,7	79,5	75,0	48,3	66,0
кожевенная и меховая промышленность	17,5	5,1	22,6	69,7	45,1	64,1
производства по обработке хлопка	133,3	227,0	360,3	76,4	37,9	52,2
» » » шерсти	25,5	27,8	53,3	68,2	37,1	52,2
» » » льна	20,3	30,5	50,8	78,3	40,3	55,5
одежда и туалет	17,2	19,8	37,0	82,6	68,2	74,9
обработка бумаги	12,5	8,5	21,0	78,4	52,9	68,1
полиграфические производства	29,5	10,4	39,9	96,6	89,4	94,7

Отметим следующие показатели. Почти совпадал со средним процентом грамотных (64%) процент грамотных среди рабочих в возрасте 30—34 лет (64,8%). В итоге по всем производствам грамотные среди рабочих в возрасте до 14 лет составляли 80,6%, а среди рабочих в возрасте 50 лет и старше—42,3%. Соответствующие показатели для рабочих металлопромышленности—93,6 и 62,8%.

На основании указанных материалов профессиональной переписи 1918 г. составлена также следующая таблица о проценте грамотных в связи с их возрастом среди работниц хлопчатобумажной промышленности,—отрасли труда, в которой весьма значительно были представлены работницы (см. вторую табл. на стр. 439).

Весьма характерными представляются исключительно резкие различия процента грамотных среди работниц отдельных возрастных групп. Так, при среднем проценте грамотных в 37,6, исчислен-

[1] Настоящая и последующая таблицы составлены на основании данных, опубликованных в издании «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.»., изд. ЦСУ, М. 1926.

Грамотность фабрично-заводских рабочих различных возрастных групп в 1918 г.

Возрастные группы	% грамотных к общему числу рабочих соответствующей группы		
	все производства	в том числе	
		обработка хлопка	металлопромышленность
Все рабочие	64,0	52,2	82,6
В том числе в возрасте:			
до 14 лет	80,6	80,3	93,6
15—19 »	77,1	71,7	92,1
20—24 »	69,2	59,3	88,6
25—29 »	66,2	53,0	87,2
30—34 »	64,8	49,8	86,7
35—39 »	59,2	43,8	81,1
40—44 »	58,2	43,3	79,7
45—49 »	51,9	37,6	72,6
50 лет и старше	42,3	30,2	62,8

ном для всех работниц хлопчатобумажной промышленности, этот показатель повышается до 63—70% для работниц младших возрастных групп—до 19 лет—и понижается до 5—7% для работниц в возрасте 50 лет и старше. Даже в возрасте 25—29 лет, по данным 1918 г., неграмотных среди работниц хлопчатобумажной промышленности оказалось 61,4%. Несомненно на уменьшение процента неграмотных среди работниц младших возрастных групп оказало влияние то обстоятельство, что происходил рост числа девочек, обучавшихся в начальных школах. Но одновременно необходимо отметить, что этот рост происходил весьма медленно.

Процент грамотных среди работниц хлопчатобумажной промышленности в 1918 г.

Возрастные группы	Всего распределено работниц по грамотности	Из них % грамотных
До 14 лет	1 814	70,0
От 15 до 19 лет	48 601	62,8
» 20 » 24 »	45 258	51,7
» 25 » 29 »	34 159	38,6
» 30 » 34 »	25 392	28,6
» 35 » 39 »	23 079	19,9
» 40 » 44 »	15 645	15,1
» 45 » 49 »	12 728	10,7
» 50 » 54 »	8 359	7,9
» 55 » 59 »	6 061	5,0
60 лет и старше	4 049	5,9
Итого	225 115	37,6

О непрерывном повышении процента девочек в отношении к общей численности учащихся в начальных школах, хотя все еще продолжающем оставаться на низком уровне, свидетельствуют следующие данные[1]:

Годы	% учащихся девочек
1880	20,6
1896	24,2
1906	29,2
1911	32,1

Но вместе с тем приведенные данные о сравнительно низком проценте девочек среди учащихся в 80—90-х годах (20—24%) в значительной степени объясняют, почему так незначителен был процент грамотных среди работниц фабрично-заводской промышленности за эти годы.

Влияние грамотности и общего образования фабрично-заводских рабочих отчасти можно проследить при сопоставлении заработков грамотных и неграмотных рабочих. Из материалов специальных исследований ограничимся нижеприводимыми данными.

В статье А. Смирнова «Промыслы крестьянского населения Суздальского уезда» приведены данные о различиях в заработках неграмотных и грамотных рабочих трех фабрик Покровского уезда Владимирской губернии при одинаковом производственном стаже рабочих. Данные эти получены в результате исследования, произведенного в начале XX в. А. Смирнов в этой статье указывал: «Для избежания влияния на заработок опытности рабочих, они разделены на группы по опытности, для устранения же влияния на средние числа слишком высокого заработка некоторых привилегированных рабочих из общей массы были выделены низший и высший слои рабочих и взяты только средние ординарные рабочие. Решительно всегда грамотный рабочий получает больше своего неграмотного соседа, ставшего рядом у такого же станка (заработок везде сдельный). Простая грамотность, какая дается в наших сельских школах, только выучка читать и писать, дает уже крестьянину в руки такое орудие, с которым он на всю жизнь обеспечивает себе 2—5 руб. в месяц добавочной платы»[2].

В следующей таблице сопоставлены заработки грамотных и неграмотных рабочих при условиях равной продолжительности их работы на фабрике (см. табл. на стр. 441).

На трех фабриках Покровского уезда заработки грамотных рабочих примерно на 20% превышали заработки неграмотных и полуграмотных рабочих, причем это превышение для групп рабочих с производственным стажем 10—29 лет оказалось еще более значительным. А. Смирнов также отметил, что «...высшие

[1] *Н. В. Чехов*, Народное образование в России с 60-х годов XIX в., М. 1912, стр. 145.

[2] *А. Смирнов*, Промыслы крестьянского населения Суздальского уезда. «Вестник Владимирского губернского земства» № 1, 1902, стр. 31—32.

Группы рабочих, работающих на фабрике	Месячный заработок (в руб.)		Заработок грамотных в % к заработку неграмотных и полуграмотных
	неграмотных и полуграмотных	грамотных	
До 1 года	10,3	12,9	125
От 1—1,9 года	12,0	14,0	117
» 2— 4 лет	15,0	17,2	115
» 5— 9 »	17,0	18,2	107
» 10—19 »	18,4	24,2	131
» 20—29 »	18,3	24,4	133
» 30 лет и более	21,3	25,6	120

кадры фабричных рабочих пополняются исключительно только грамотными, а они получают в $1^1/_2$—2 раза больше, чем ординарные рабочие»[1].

Массовые данные о различиях в заработках грамотных и неграмотных рабочих были получены также в результате обследования рабочих фабрично-заводской промышленности Московской губернии, произведенного за 1908 г. Эти данные относились примерно к 70 тыс. рабочих. Соответствующие показатели приведены в таблице на стр. 442 [2].

В отношении ко всей массе обследованных рабочих средний заработок грамотных рабочих оказался на 13% выше заработков неграмотных рабочих. Сравнительные же данные о заработках, относящиеся к отдельным возрастным группам, представляют существенный интерес и свидетельствуют о более значительных различиях. На итоговых показателях помимо различий в уровне заработков, зависящих от влияния грамотности, сказывалось также влияние неравномерного распределения рабочих по отдельным возрастным группам; в значительной степени связано с этим и различное распределение рабочих по производственному стажу, причем показатели грамотности у рабочих старших возрастных групп были более низкие.

Весьма характерно также и то, что в наиболее резкой степени проявлялись различия в заработной плате грамотных и неграмотных рабочих в машиностроительной промышленности.

В статье А. Р. «Рабочие Сормовских заводов»[3] опубликованы результаты статистического исследования состава рабочих Сормовского завода за 1896 г. В числе других материалов приведены также сравнительные данные о заработках грамотных и неграмотных рабочих. Особенного внимания заслуживают данные о рабочих механического цеха, в котором процент грамотных (76,87) оказался

[1] Там же.

[2] *И. М. Козьминых-Ланин*, Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии, М. 1912.

[3] *А. Р.*, Рабочие Сормовских заводов, «Народное хозяйство» № 4, 1902.

Заработная плата фабрично-заводских рабочих Московской губ. в 1908 г. в зависимости от грамотности

Возрастные группы	Все рабочие			В том числе					
				все рабочие за исключением рабочих механических заводов			рабочие механических заводов		
	месячный заработок (в руб.)		заработок грамотных в % к заработку неграмотных	месячный заработок (в руб.)		заработок грамотных в % к заработку неграмотных	месячный заработок (в руб.)		заработок грамотных в % к заработку неграмотных
	грамотных	неграмотных		грамотных	неграмотных		грамотных	неграмотных	
12—15 лет	8,81	9,69	91	8,81	9,69	91	—	—	—
15—20 »	14,12	14,27	99	13,57	14,12	96	16,48	16,89	98
20—25 »	21,31	18,50	115	19,59	18,25	107	25,96	21,14	123
25—30 »	25,22	20,70	122	21,85	19,98	109	32,68	24,69	132
30—35 »	27,92	21,56	129	23,79	20,51	116	36,36	27,32	133
35—40 »	28,51	22,57	126	24,61	21,37	115	36,96	29,45	125
40—45 »	29,78	22,58	132	26,27	21,61	122	37,96	28,34	134
45—50 »	30,36	22,53	135	26,86	21,34	126	37,08	29,05	128
50—55 »	29,91	22,25	134	26,81	20,71	129	35,72	29,50	121
55—60 »	28,18	21,18	133	26,39	19,44	136	31,81	27,87	114
Старше 60 лет	24,51	18,57	132	22,98	17,98	128	29,09	23,73	123
Итого	23,64	20,97	113	20,64	19,95	103,5	31,38	27,21	115,3

наиболее высоким на Сормовском заводе. По средней продолжительности пребывания рабочего на заводе грамотные и неграмотные в механическом цехе почти не различались: в первой группе—4,4, во второй—4,5 года. Средний же дневной заработок грамотного (86,6 коп.) превышал заработок неграмотного (78 коп.) на 11%. О причинах более повышенных заработков грамотных рабочих механического цеха автор статьи писал:

«Среди рабочих механического цеха главным фактором влияния на более высокую заработную плату грамотных рабочих сравнительно с неграмотными и *будет грамотность рабочих*: труд этого цеха большей частью настолько сложный, что он доступнее грамотному, а следовательно и более продуктивен в руках такого рабочего. При необходимости грамотный рабочий лучше разберется в указаниях мастера, осмысленнее отнесется там, где иногда нужна математическая точность, без чего работа теряет всякую ценность, а потому большинство работ механического цеха нельзя даже и поручить рабочему неграмотному. В виду этих особенностей труда механического цеха вполне понятен и перевес заработной платы рабочих грамотных над неграмотными»[1].

Приведенные нами показатели относятся к различным отраслям промышленности и различным районам страны—Московской, Владимирской, Нижегородской губерниям. Но все эти показатели несомненно свидетельствуют о более высоких заработках грамотных по сравнению с заработками неграмотных. Эти более высокие заработки являлись результатом более высокой производительности труда грамотных рабочих. И при свете этих данных становится также понятным наблюдаемый в ряде случаев, хотя и сравнительно немногочисленных, чисто утилитарный положительный подход к грамотности рабочих отдельных фабрикантов и заводчиков, проявлявших интерес к устройству школ для малолетних рабочих или воскресных школ для взрослых.

Большинство исследований о влиянии образования на производительность труда и заработную плату в капиталистической России ограничивалось постановкой вопроса о наличии лишь элементарной грамотности. Этого в общем и следовало ожидать, так как продолжительность школьного обучения для всей массы фабрично-заводских рабочих была низкой. Нам известны только разработки данных двух обследований о связи уровня заработной платы рабочих с продолжительностью их школьного обучения. Эти два обследования были произведены под руководством Л. Л. Гавришева среди рабочих заводов Николаева, где постановка школьного дела была несколько улучшенной, чем в общем по стране. Результаты этих обследований были им сообщены на двух съездах, происходивших во второй половине 90-х годов. При первом обследовании в июле и августе 1895 г.[2] было опрошено около 1 500 рабочих группы механических заводов Николаева. Для большей однородности групп данные о части обследованных не были включены в разработку, и группировка материалов обследования была произведена в отношении 1 100 человек.

---

[1] *А. Р.*, Рабочие Сормовских заводов, «Народное хозяйство» № 4, 1902, стр. 91.

[2] *Л. Л. Гавришев*, О влиянии общего образования рабочих на продуктивность их труда. II съезд деятелей по техническому профессиональному образованию в России 1895—1896 гг. Секция IV, общих вопросов, М. 1898, стр. 133—142.

Л. Л. Гавришев, указав, что «для характеристики получения образования отмечалось, где учился грамоте, в какой школе, кончил школу или нет, сколько лет учился в школе, учился ли еще в других школах, где и сколько лет»[1], полагал, что в результате этих подробных и перекрестных вопросов сведения об образовании рабочих были получены правильные. За показатель образования принималось число лет, проведенных в школе, и за показатель производительности, по неимению других данных,—поденная заработная плата. Приводим также следующее указание Л. Л. Гавришева: «Разгруппировав таким образом мастеровых по числу лет, проведенных ими в школах, я получил в общем от 50 до 150 человек в каждой группе. Эти числа мне кажутся уже достаточными, чтобы сгладились другие факторы, влияющие на производительность: возраст, индивидуальные различия, продолжительность однородной практики и т. п., так как, распределяясь по выбранным группам безразлично и независимо от заголовка группы,—а при большом числе наблюдений и равномерно,—факторы эти должны взаимно компенсироваться»[2].

Основные результаты обследования можно проследить по прилагаемой таблице [3].

Группы по числу лет школьного образования	Учтено рабочих в группе	Средняя поденная плата (в коп.)
Неграмотные	274	103,0
1 год	117	105,1
2 года	217	108,3
3 »	112	117,2
4 »	88	119,0
5 лет	38	122,1
6 »	43	123,6
Домашнее образование . .	168	109,8

Приведя эти данные, Л. Л. Гавришев указывал, что «...средняя заработная плата непрерывно возрастает, начиная с неграмотных, до группы мастеровых, проведших в школьном обучении 6 лет... Лица домашнего образования, стоящие отдельно, приближаются по своей плате к лицам с двухлетним обучением»[4].

Обратимся к данным второго обследования, результаты которого были доложены в секции по техническому образованию Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г.[5].

В целях достижения более однородного состава рабочих Л. Л. Гавришевым при втором обследовании были собраны сведения лишь о мастеровых одного учреждения—Николаевского адмиралтейства морского ведомства. Обследованием было охвачено свыше 2 100 мастеровых. Как уже было указано, показателем производительности труда была принята поденная заработная плата.

Не имея возможности привести подробные расчеты Л. Л. Гавришева, ограничимся его заключительной таблицей, данные которой, по его мнению, являются наиболее показательными [6].

---

[1] *Л. Л. Гавришев*, О влиянии общего образования рабочих на продуктивность их труда. II съезд деятелей по техническому профессиональному образованию в России 1895—1896 гг. Секция IV, общих вопросов, М. 1898, стр. 133—142.

[2] Там же.

[3] Не включены в таблицу данные о рабочих со школьным обучением свыше шести лет вследствие малого числа показаний.

[4] *Л. Л. Гавришев*, О влиянии общего образования рабочих на продуктивность труда. II съезд деятелей по техническому профессиональному образованию в России 1895—1896 гг. Секция IV, общих вопросов, М. 1898, стр. 142.

[5] «Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде», т. VI, вып. XI. Техническое образование, СПБ 1897, стр. 279—296.

[6] Там же, стр. 293—294.

Средняя из средних заработных плат всех возрастных групп по годам учения в школах (в коп.)

Неграмотных	1 г.	2 г.	3 г.	4 г.	5 л.	6 л.	Домашнее образование
88,8	91,4	89,4	94,8	97,3	102,3	104,8	94,4

На основании этих данных Л. Л. Гавришев приходит к следующему выводу: «При правильном пользовании общеобразовательными школами производительность труда рабочих возрастает с числом лет, проведенных ими в школе» [1].

* * *

В этом же отделе обратимся также к сохранившимся материалам о том, как происходила подготовка квалифицированных фабрично-заводских рабочих в период капиталистического развития России. К сожалению, соответствующие данные имеются в весьма ограниченном количестве.

Нижеприводимая характеристика постановки технической подготовки промышленных рабочих, данная И. Абрамовым в конце 1870-х годов, в значительной степени сохранила свою силу и для последующих десятилетий развития капиталистической промышленности России: «Обыкновенно техническая подготовка наших рабочих достигается путем ремесленного и фабричного «ученичества». Кто знает, как непроизводительно для ученика тратится 5—6 лет пребывания его у хозяина, как мало занимаются его обучением и как он весь расходуется на исполнение разных хозяйских поручений, вовсе не относящихся к делу, тот поймет, почему наши рабочие, при поступлении на завод, являются так мало технически подготовленными. В большинстве случаев, во все время своего пребывания на заводе или в ремесленной мастерской малолетние успевают научиться только первым приемам известной работы, не будучи, притом, в состоянии относиться сознательно к ее исполнению; иного, впрочем, и быть не может, так как мастер, к которому приставлены ученики, имеет свою собственную работу и потому лишен всякой возможности заниматься с ними более или менее систематически. В результате получается крайняя односторонность и неполнота знаний даже и этих первых приемов,—и, при всем том, масса буквально потерянного времени» [2].

Весьма типичными для характеристики постановки профессионального обучения на капиталистической фабрике являются также общие данные в отношении Клинцовской шерстяной фабрики:

«После сказанного не приходится долго останавливаться и на постановке профессионального обучения. В этой области рабочие целиком были предоставлены самим себе. В старину, когда ребенку наступал седьмой, восьмой год, родители обычно приводили его

---

[1] Там же.

[2] *И. Абрамов*, Образование и обеспечение быта рабочих в России, «Вестник Европы» № 1, 1879, стр. 346.

на ту же фабрику, где работали и сами, и упрашивали либо мастера, либо самого хозяина взять ребенка на работу. В случае согласия, малолетний поступал в помощь ткачу, по большей части к своему же отцу ткачу, шпулевальщиком, присучальщиком к прядачу, «столешником» к аппаратчику. Так начиналось профессиональное обучение будущего рабочего. Ребенок, постепенно развиваясь и вырастая, уже сам выучивался тому, чего от него требовали старшие. Учиться можно было только у своих отцов, как отцы, в свою очередь, учились у дедов» [1].

Что же касается значения низшей профессиональной школы в деле подготовки квалифицированных рабочих для фабрично-заводской промышленности, то ее роль в течение всего периода капиталистического развития России была незначительной. Так, для характеристики состояния низшей профессиональной школы в России в конце XIX в. мы заимствуем следующие данные из доклада С. А. Владимирского на Всероссийском торгово-промышленном съезде в 1896 г. С. А. Владимирский, указав, что в низших профессиональных школах ежегодно обучается около 7 тыс. учеников, причем оканчивает в них курс 1 тыс. человек, приходит к следующему основному выводу:

«Наши низшие профессиональные школы ежегодно дают не более 1 000 работников для заводско-фабричной промышленности и железных дорог и весьма ничтожное число работников для ремесленной промышленности.

В сравнении с полуторамиллионным населением, занимающимся на наших заводах и фабриках, это число так незначительно, что можно вполне согласиться с мнением тех лиц, которые говорят, что низшая профессиональная школа почти ничего не дает для русской промышленности» [2].

В этом же докладе С. А. Владимирского имеются и сведения о составе окончивших курс в школах по профессиям:

«Большую часть окончивших курс в низших профессиональных школах составляют слесаря-механики, а именно около 65% всего числа окончивших курс, меньшую часть, около 25%, столяры и, наконец, около 10% составляют сапожники, шорники, портные и др.» [3].

Весьма существенное значение в деле подготовки квалифицированных кадров в течение всего рассматриваемого периода имели практические навыки, которые приобретали рабочие в результате их работы на более крупных и вместе с тем технически более оборудованных заводах, в особенности на петербургских, некоторых южных и др.

В предыдущем изложении при характеристике формирования

---

[1] *Ф. Евгеньев*, Сто лет клинцовской шерстяной промышленности, 1926, стр. 79.

[2] *С. А. Владимирский*, Низшая профессиональная школа в России, что от нее требуют и что она дает, «Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде», т. VI, вып. IX, СПБ 1897, стр. 4—6.

[3] Там же.

промышленного пролетариата это явление уже отмечалось. Дополним некоторыми иллюстрациями в отношении рабочих металлопромышленности[1].

Проф. П. К. Худяков в статье «Машины, аппараты и машиностроение» при характеристике развития машиностроения за дореформенный период указывал: «Некоторые из наиболее крупных механических заводов того времени (Берда и Александровский механический завод в С.-Петербурге) являлись в то же время и официальными школами, которые брали на себя труд подготовлять за плату различных специалистов по мастерствам. Выучка продолжалась от 10 до 15 и более лет. В ученики отдавались сюда наиболее толковые рабочие с уральских и сибирских заводов»[2]. Историк Обуховского завода, отметив, что этому заводу как сталелитейному при его образовании особенно нужны были кадры опытных литейщиков и сталеваров и что таковые имелись преимущественно на Урале, писал:

«Вот почему в 1864 г. под именем казенных «государевых» людей были привезены на новый Обуховский завод из Златоуста сначала одиннадцать, а потом еще тридцать девять потомственных литейщиков, мастеров стального «огненного» дела»[3].

Напомним также указание Б. Ф. Брандта при характеристике им условий формирования рабочего состава на заводах горнозаводской промышленности юга России в 90-е годы о том, что «возникновение на юге каждого нового завода сопровождается неизбежно... привлечением рабочих из других уже существующих заводов. Последние образуют как бы школу, в которой формируются кадры рабочих для возникающих новых заводов» (см. стр. 339).

Вышеприведенные показатели фактического состояния образования рабочих капиталистической промышленности России мы считаем необходимым дополнить общей характеристикой взглядов крупнейших фабрикантов и заводчиков и руководителей предпринимательских организаций на постановку обучения фабрично-заводских рабочих. Ограничимся наиболее характерными выступлениями.

---

[1] М. Ф. Злотников во вводной статье к работе *Вильгельма де Геннина*, Описание уральских и сибирских заводов. 1735 (М. 1937, стр. 27—28), отмечает соответствующие процессы также и для начальной стадии развития уральской горнозаводской промышленности: «Отправляясь на Урал, Геннин забирает с собой ряд иностранных специалистов, а также русских мастеров, подмастерьев и учеников с Олонецких заводов и из Петербурга. Снова с Олонецких заводов направляются на Урал лучшие работники исправлять старые заводы, строить новые и обучать производству уральцев».

При просмотре приводимого М. Ф. Злотниковым списка работников, отправленных с Олонецких заводов на Урал, можно убедиться, что хотя среди них были иностранцы, но значительное большинство мастеровых составляли русские, как-то: доменный подмастерье Максим Орловский, фурмовой подмастерье Панкрат Ефтифеев, укладные мастера Никита Укладников, Анкудин Баташев и др.

[2] Проф. *П. К. Худяков*, Машины, аппараты и машиностроение, «Производительные силы России», СПБ, 1896.

[3] *М. Рованов*, Обуховцы, Л. 1938, стр. 16.

Хотя в течение ряда периодов дореволюционной эпохи промышленностью резко ощущался недостаток в квалифицированных рабочих, но в общем следует признать, что никакой широкой системы подготовки рабочей силы не существовало, и в первое десятилетие XX в., так же как и во второй половине XIX в., русские фабриканты и заводчики больше полагались на «изумительную способность русского народа к механическому и вообще заводскому делу», чем на результаты предварительной подготовки. В речи Путилова на торжестве по случаю отливки Путиловским заводом 4 млн. пуд. рельсов эта установка нашла весьма образное отражение:

«Если бы вы были знакомы столько же, сколько случай привел мне познакомиться с русским рабочим людом, то каждый из вас мог бы сделать то же, что и я. Я позволю себе при этом торжественном случае продиктовать во всеуслышание страницу будущему историку развития русской промышленности. Я расскажу вам о четырех фактах, бывших на моей практике, о таких фактах, которые поразительны по своей необычайности и о которых можно говорить лишь в присутствии тысячи свидетелей, очевидцев, моих рабочих. Факты эти доказывают изумительную способность русского народа к механическому и вообще заводскому делу. Первый факт: в Крымской войне потребовалось до 100 паровых военных судов с 11 тыс. паровых сил. Для одновременного исполнения этих 11 тыс. сил, конечно, мастеров не имелось, потому что в это время у нас едва ли изготовлялось одновременно 500 сил. Следовательно, надо было увеличить в 20 раз число рабочих. Не оставалось ничего более сделать, как послать в Ржев за *прядильщиками*, которые оставались во время войны без работы по случаю прекращения вывоза пряжи за границу. Привезли их, расписали по заводам, *наименовали*, *кому быть литейщиком*, *кому кузнецом*, *кому слесарем*, *кому молотобойцем*. Новичкам дали на артель по одному старому мастеровому. Через неделю прядильщики принялись за дело. Это было в январе, а в мае, через 100 дней, 32 вооруженные канонерские лодки стояли уже в рядах сражавшихся против неприятеля. Затем постепенно спускались остальные суда, и машины были прядильщиками настолько сделаны удовлетворительно, что корветы и клиперы после окончания войны заняли станции на Тихом океане, в Средиземном и Черном море, и на этих судах прядильщики пошли за старших машинистов. Во всем этом я ссылаюсь на свидетелей, здесь присутствующих, и спрашиваю: не доказывает ли это способность русского человека к механическому и заводскому делу вообще и не следует ли этот факт занести на страницы истории развития заводского дела? Второй факт: в 1868 г. Николаевская железная дорога оказалась неожиданно без рельс настолько, что грозила остановка движения. По этому случаю был куплен этот завод, был послан клич по губерниям—привезти свободный народ по железной дороге и на почтовых, и через 10 дней привезены были 1 500 человек. *Опять расписали, кому быть литейщиком, кому кузнецом и т. д.*; опять дали на артель по одному старому мастеровому, и через 18 дней завод уже давал по 5 тыс. пудов в сутки. Разве этот факт не доказывает вам способность русского народа к механическому делу и этот факт разве не заслуживает быть внесенным на страницы истории русского заводского дела? Третий факт: в 1869 г. приказано было машинистам и механикам-слесарям на 6 заводах переделать ружья на заряжающиеся с казенной части. Дан был только один образец на все 6 заводов и ни одного другого пособия. Через 2 месяца 10 тыс. винтовых ружей было сделано по новому образцу. Разве это не факт, доказывающий способность русского народа к механическому делу, и разве опять не следует внести его на страницы истории развития русской заводской промышленности? Наконец, четвертый факт: когда я начал строить эту кузницу, невольно явился вопрос: откуда взять для нее кузнецов. Ответ был прост. И, действительно, проходя со мной по этой кузнице, мы любовались работой этих молодцов и между ними едва 10—15 старых мастеров, остальные—все новобранцы. После этих четырех фактов, пожалуйста, не приписывайте мне много заслуг

Если я и заслужил что-нибудь, то только вследствие способности русского народа к механическому делу»[1].

Следует также отметить, что наряду с этими взглядами, которые находили широкое распространение и в последующие годы, более дальновидным представителям господствующих классов уже в 80-х годах была вполне ясна необходимость повысить как общую, так и специальную подготовку фабрично-заводских рабочих. В записке бывшего министра финансов и крупного руководителя протекционистской политики И. А. Вышнеградского мы встречаем следующие утверждения:

«В настоящее время значительное большинство рабочих в наших промышленных учреждениях не получает никакого общего образования, специальное же обучение получает лишь самое узкое практическое, занимаясь прямо в промышленных учреждениях той работой, которая составляет предмет деятельности сих учреждений». И далее в этой записке указывается, что «...отсутствие всякого общего образования... не дозволяет им (рабочим) в большинстве случаев возвыситься до сознательного и ясного понимания производимой ими работы и тем самым понижает ее достоинство, ставя таким образом преграду надлежащему усовершенствованию промышленности»[2].

Помимо основного мотива—стремления фабрикантов и заводчиков увеличить эксплоатацию рабочих путем повышения производительности их труда—боязнь иностранной конкуренции также являлась одним из основных мотивов к повышению общей и специальной подготовки фабрично-заводских рабочих. В записке также сказано: «...наша промышленность, неизбежно и несмотря ни на какие покровительственные пошлины, должна выдерживать тяжелую борьбу с иностранным производством, которое располагает рабочим, имеющим средства и к довольно высокому общему образованию, и к образованию специальному. Рабочие эти, конечно, и в качестве изделий, и в быстроте изделий, значительно превышают людей без всякого общего образования, которые, по преимуществу, являются в наших промышленных учреждениях, так что нашей промышленности приходится бороться с заграничной неравным оружием, а это, конечно, не может не приводить ее к постоянным экономическим поражениям»[3].

Записка заканчивается следующими пожеланиями:

«В силу всех этих обстоятельств как общее, так и специальное общее образование русских рабочих должно составлять предмет

---

[1] Эта речь приведена в работе *П. Н. Столпянского*, Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования, 1704—1914 гг., изд. Ленинградского губернского совета профсоюзов, 1925, стр. 154—155 (курсив наш.—*А. Р.*).

[2] «Сборник материалов по техническому и профессиональному образованию», вып. II, изд. министерства народного просвещения, СПБ 1895, стр. 8—9; *Ал. Г. Неболсин*, Организация курсов для взрослых рабочих, «Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде», т. VI, вып. IX. Техническое образование, СПБ 1897, стр. 122—123.

[3] Там же.

самых энергичных и неотложных мер со стороны правительства». В действительности эти пожелания осуществлялись лишь в весьма незначительной степени.

П. А. Вихляев в предисловии к работе И. М. Козьминых-Ланина писал:

«Рабочий класс начинает находить в грамотности самостоятельную духовную ценность. Несколько иначе смотрит на этот вопрос класс предпринимателей, как это видно из писем, приложенных к статье И. М. Козьминых-Ланина»[1].

И далее П. А. Вихляев отмечает чисто утилитарную оценку грамотности предпринимателями: «*...для них грамотность—прежде всего одно из средств к ограждению внутреннего распорядка на фабриках и к предупреждению несчастных случаев, влекущих за собой некоторые расходы по вознаграждению пострадавших рабочих*»[2].

Совет съездов горнопромышленников Урала в своей записке, направленной в 1905 г. министру земледелия и государственных имуществ, в которой он доказывал «настоятельную необходимость открытия на Урале целой сети низших горнотехнических школ», вынужден был дать следующую удручающую характеристику состояния школьного обучения детей заводского населения Урала в начале XX в.:

«В настоящее время положение детей заводского населения Урала таково: вследствие громадного избытка рабочих рук, почти повсеместного сокращения вследствие этого рабочего дня иногда до 4-х часов, даже для взрослых рабочих,—малолетние в возрасте до 15 лет фактически на работу не принимаются. Школы грамотности, церковно-приходские школы, одноклассные училища и пр. дети кончают в возрасте 9—10 лет...» Далее в записке указывается, что хотя при некоторых больших заводах имеются двухклассные училища с 5-летним курсом, но «...эти училища редки, всегда переполнены настолько, что не могут поместить всех желающих, и потому *огромное большинство детей оканчивает свое обучение в одноклассном училище.*

Вследствие вышеизложенного дети в возрасте от 10 до 12 и до 15 лет не имеют возможности ни работать, ни учиться в школе. В семье они являются лишними ртами; время теряют безвозвратно в том именно возрасте, когда легче всего дается всякого рода обучение, будь это мастерство или школьное преподавание. Такое положение малолетков Урала приводит к самым печальным последствиям. Первоначальное обучение совершенно забывается; иногда остается умение читать только по печатному, а чаще всего и оно исчезает. В 15-летнем возрасте подросток не умеет ничего; ни к какой работе не приучен, не имеет понятия ни о каком мастерстве»[3].

---

[1] *И. М. Козьминых-Ланин*, Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии, М. 1912, предисловие, стр. XXII.

[2] Там же (курсив наш.—*А. Р.*).

[3] «Материалы по вопросам, направленным Советом съездов горнопромышленников Уральской горной области в Совет по горнопромышленным делам», П. 1906, стр. 18—19 (курсив наш.—*А. Р.*).

Вопрос о необходимости организации подготовки значительных групп квалифицированных рабочих для фабрично-заводской промышленности был более резко поставлен представителями крупной промышленности лишь тогда, когда в связи с предстоящим военным столкновением империалистических государств они забеспокоились о том, что военная промышленность будет ощущать резкий недостаток в технически подготовленных рабочих. И это беспокойство нашло свое отражение в речи крупнейшего капиталиста Рябушинского, впоследствии одного из главарей буржуазной контрреволюции, произнесенной им накануне империалистической войны на VIII съезде представителей промышленности и торговли. В своей речи он, жалуясь на то, что «правительство, никогда не заботившееся о подготовке необходимых для себя кадров рабочих...», переманивает путем более высокой заработной платы на казенные заводы уже подготовленных рабочих, говорил:

«Нас удивляет, что дело технической подготовки рабочих сил не встречает должного отклика со стороны нашей правительственной власти. *Ведь эта подготовка важна не только сама по себе, но она важна и для нашего военного министерства.* В самом деле, при столкновении двух армий, одинаково патриотически настроенных, какая из армий должна при современных условиях иметь преимущество? Несомненно та армия, которая обладает достаточными кадрами людей, умеющих управлять машинами, друг против друга направленными»[1].

И несмотря на эти опасения, даже более чем ограниченный проект закона Государственной думы о введении всеобщего начального образования не был осуществлен.

Исключительное отставание царской России в области народного образования в дореволюционный период резко выступает при сопоставлении так называемых «показателей образования». Так, в то время как по данным школьной переписи, произведенной 18 января 1911 г., в России на каждых 100 жителей приходилось 4,04 учащегося в начальных школах, по данным отчета Комиссии по народному образованию Соединенных штатов за 1910 г.[2] в большинстве стран показатели образования были в значительной степени более высокими.

Лишь культурная революция, происшедшая в Советской стране в послеоктябрьский период, ликвидировала это исключительное отставание. Для того чтобы представить, как значительны достижения в нашей стране в деле повышения культурного уровня всего населения в результате Октябрьской Социалистической революции, ограничимся следующими показателями.

Грамотность населения в возрасте 9 лет и старше повысилась с 24% в 1897 г. до 81,2%, по данным переписи 1939 г. Еще более

---

[1] «Журналы заседаний VIII очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 2, 3 и 4 мая (1914 г.) в Петрограде», П. 1915, стр. 99 (курсив наш.—*А. Р.*)

[2] *Н. В. Чехов*, Народное образование в России с 60-х годов XIX в., М. 1912, стр. 142—143.

значительными оказались достижения в отношении грамотности женщин тех же возрастов: 12,4% грамотных в 1897 г. и 72,6% в 1939 г. «В учебных заведениях СССР в период переписи состояло 37,9 миллиона учащихся, из них 18,4 миллиона—женщины; 31 миллион обучалось в общеобразовательных школах для детей и почти 5 миллионов—в общеобразовательных школах для взрослых, в школах для неграмотных и малограмотных и на различных курсах; остальные обучались в техникумах и высших учебных заведениях. В среднем по СССР на каждую тысячу человек населения приходилось 223 учащихся»[1]. Лишь за годы второй пятилетки численность учащихся в общеобразовательных школах для детей увеличилась свыше чем на 8 млн., в то время как вся численность учащихся в указанной группе школ царской России в 1914 г. не превышала 8 млн. человек.

Переписью 1939 г. также было учтено в нашей стране свыше 13 млн. человек со средним образованием, причем резко подавляющее большинство их получило среднее образование за годы советской власти, и 1 080 тыс. человек с высшим образованием.

Для характеристики грандиозной работы по подготовке квалифицированных рабочих в СССР достаточно привести следующие показатели. Согласно отчетным данным Госплана о выполнении первого и второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР лишь школы ФЗУ и типа ФЗУ подготовили за годы первой пятилетки 450 тыс. и за годы второй пятилетки 1 400 тыс. человек квалифицированных рабочих.

* * *

Во введении уже было указано, что мы рассматриваем настоящую работу лишь как одну из ряда работ по пути к разрешению весьма сложной задачи исследования процессов формирования промышленного пролетариата в России. Ряд важнейших вопросов, затронутых в нашей работе, должен был быть разработан более подробно и углубленно, чем мог это сделать отдельный исследователь. Знакомство с состоянием источников позволяет утверждать, что вполне возможно появление ряда специальных работ по исследованию процессов формирования рабочих всей металлопромышленности, текстильной и горной промышленности, промышленного пролетариата Петербурга, Московской губернии, Урала и ряда других.

При производстве указанных работ необходимо будет использовать наряду с печатными источниками также материалы как местных архивных учреждений, так и архивов отдельных предприятий. Значительная часть этих архивных материалов сохранилась.

Работа по указанным темам помимо разрешения своих специальных задач будет способствовать выявлению новых дополнитель-

---

[1] *И. Саутин*, Население страны социализма, «Большевик» № 10, 1940, стр. 20—22; «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР», Госполитиздат, М. 1939, стр. 113.

ных материалов и позволит дать более углубленную сводную характеристику формирования промышленного пролетариата в нашей стране.

Дальнейшего развития требует также вопрос о формировании промышленных рабочих в крепостную эпоху и в особенности настоятельно необходима разработка архивных материалов о формировании промышленных рабочих за десятилетия с начала по 60-е годы XVIII в., а также за периоды 1904—1907 и 1914—1917 гг.

Заканчивая наше исследование, мы вновь выражаем уверенность, что в результате дальнейшей развернутой коллективной работы историков и экономистов можно будет рассчитывать и на более полно обобщающую характеристику процессов формирования промышленного пролетариата в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АВТОРОМ

I. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс, Капитал, т. I, 1935.

Маркс и *Энгельс*, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1939.

Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, Сочинения Маркса и Энгельса, т. III.

«Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI).

Ленин, Соч., изд. 3-е:

«К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике», т. II;

«Задачи русских социал-демократов», т. II;

«Развитие капитализма в России», т. III;

«Аграрный вопрос в России к концу XIX века», т. XII;

«„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция», т. XV;

«Последний клапан», т. XVI;

«Развитие революционной стачки и уличных демонстраций», т. XVI;

«Рабочий день и рабочий год в Московской губернии», т. XVI;

«К вопросу о политике Министерства Народного Просвещения», т. XVI;

«Империализм, как высшая стадия капитализма», т. XIX;

«Об условиях приема новых членов в партию», т. XXVII;

«Капиталистический строй современного земледелия», ст. 1, «Ленинский сборник» XIX.

Сталин, Об основах ленинизма, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е.

«История ВКП(б)». Краткий курс, Госполитиздат, 1938.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

И. Абрамов, Образование и обеспечение быта рабочих в России, «Вестник Европы» № 1, 1879.

Я. Абрамов, Очерк крестьянского хозяйства в Петербургском уезде, «Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии», вып. V, ч. 2, СПБ 1887.

«Адмиралтейские ижорские заводы». Краткий исторический очерк. Составлен Г. Городковым, СПБ 1903.

С. Аксенов. Положение фабрично-заводской промышленности и рабочих в Екатеринославской губернии в 1899—1900 гг., «Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1903 г.», Екатеринослав 1903.

«Александровская мануфактура в начале 1831 г.», «Северная пчела» № 112, 1831.

Е. Андреев, Работа малолетних в России и Западной Европе, СПБ 1884.

Е. Н. Андреев, Обзор действия Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. XIV, П. 1885.

И. Андреевский, Ижевский оружейный завод, «Военно-медицинский журнал» № 5, 1877.

А. Р., Рабочие Сормовских заводов, «Народное хозяйство» № 4, 1902.
С. Архангельский, Пролетариат Сормовского промышленного района, исторические сборники «Труд в России», Л. 1924.
С. Архангельский, Крупная промышленность и образование пролетариата в Нижегородском крае, «Краеведческий сборник», т. I, Нижний Новгород 1925.
Д. Бабурин, Очерки по истории Мануфактур-коллегии, М. 1939.
Н. Б. Бакланов, Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, М.—Л. 1935.
М. Балабанов, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I, Киев 1923, ч. III, М. 1926.
В. П. Безобразов, Народное хозяйство в России. Московская (Центральная) промышленная область, ч. I, СПБ 1882.
А. Безруков, Сормово 1848—1908 гг., Нижний Новгород 1925.
В. Белов, Исторический очерк уральских горных заводов, П. 1896.
И. Д. Беляев, Крестьяне на Руси, изд. 4-е, М. 1903.
С. Бернштейн-Коган, Численность, состав и положение петербургских рабочих, П. 1910.
В. Бирюкович, Рабочие на сахарных заводах, «Русская мысль» № 12, 1886.
Н. А. Благовещенский, Семидесятые годы на фабриках и заводах, 1929.
А. Блек, Условия труда рабочих петербургских заводов по данным 1901 г., «Архив истории труда», кн. 2-я, 1921.
С. М. Богословский, Заболеваемость фабричных рабочих Богородско-Глуховской и Истоминской мануфактур Богородского уезда за 1896—1900 гг., М. 1906.
Э. Ф. Богуцкий, Положение горнорабочих в Донецком бассейне, «Юридический вестник», т. XI, 1890.
В. Борисов, История развития кустарных промыслов в г. Туле, «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. IX, П. 1883,
Б. Ф. Брандт, Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны, ч. II. Иностранные капиталы в России. Металлургия и каменноугольная промышленность, П. 1899.
Ф. Булкин, На заре профдвижения, 1924.
А. Бутовский, Опыт о народном богатстве, или о началах политической экономии, т. II, СПБ 1847.
В. Бухина, Из истории детского труда в крепостной России, «История пролетариата СССР» № 4, 1934.
В. Б., Отхожий промысел Московского уезда (положение рабочих на кирпичных заводах), «Труды Вольного экономического общества», т. III, 1878.
«Ведомость о мануфактурах России за 1813—1814 гг.», П. 1816.
«Ведомость статистическая о мануфактурах за 1815—1820 гг.», П. 1822.
Н. Н. Владимирский, Отход крестьянства Костромской губернии на заработки, Кострома 1928.
С. А. Владимирский, Низшая профессиональная школа в России, «Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем-Новгороде», т. VI, вып. IV, СПБ 1897.
«Владимирский фабричный округ», отчет за 1885 г. фабричного инспектора Владимирского округа д-ра П. Пескова, 1886.
К. Г. Воблый, Третья профессионально-промысловая перепись в Германии, Киев 1911.
К. Г. Воблый, Опыт истории свеклосахарной промышленности России, т. I. До освобождения крестьян 1861 г., М. 1928.
С. Вознесенский, Рабочие Экспедиции заготовления государственных бумаг в первую половину XIX в., «Архив истории труда в России», вып. 6—7.
С. Вознесенский, Рост промышленного капитала в 20—50-х годах и его столкновение с феодально-крепостным строем, в очерках «Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг.», М. 1932.
Н. Воскобойников, Несколько вопросов о положении фабричных рабочих, преимущественно на петербургских фабриках, «Библиотека для чтения», т. 171, СПБ 1867.

«Всеподданнейший отчет члена государственного совета, сенатора тайн. сов. Манухина по исполнению возложенного на него 27 апреля 1912 г. расследования о забастовке на Ленских приисках».

Л. Гавришев, Образование мастеровых Николаевского адмиралтейства и его влияние на производительность их работы, «Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем-Новгороде», т. XI, СПБ 1897.

Л. Л. Гавришев, О влиянии общего образования рабочих на продуктивность их труда, «II съезд деятелей по техническому профессиональному образованию в России 1895—1896 гг.», М. 1898.

А. Гайсинович, Экономическое развитие Коломенского завода до 1905 г., «Шестнадцать заводов», Огиз, 1933.

А. Гатцук, Обработка металлов и механическое производство, «Россия в конце XIX в.», под ред. В. А. Ковалевского, изд. министерства финансов, П. 1900.

С. Гвоздев, Записки фабричного инспектора, изд. 2-е, 1925.

В. Герасимов, Жизнь русского рабочего полвека тому назад, 1929.

К. Герман, Статистические исследования относительно Российской империи, ч. I, СПБ 1819.

К. Герман, Статистическое описание Ярославской губернии, СПБ 1808.

В. F. I. Hermann, Die Wichtigkeit des Russischen Bergbaues, St. Petersburg 1810.

В. Ю. Гессен, Труд детей и подростков в России, т. I, М.—Л. 1927.

Ю. Гессен, История горнорабочих в СССР, т. I. История горнорабочих России до 60-х годов XIX в., М. 1926, т. II, 1929.

И. Гибсон, Уральский рабочий, «Бюллетень Политехнического общества, состоящего при Техническом училище» № 2, 1909.

М. И. Гильберт, К вопросу об экономическом положении рабочих завода «Серп и молот», «История пролетариата СССР», сб. 6-й, 1931.

А. Голубев, Пряжи и ткани из хлопчатой бумаги, «Историко-статистический обзор промышленности России», т. II, П. 1886.

«Горнозаводская промышленность России. Всемирная Колумбова выставка 1893 г.», изд. Горного департамента, П. 1893.

Г. Григорьян, Баку по данным переписи 22 октября 1913 г.

Гусев, Промыслы Нижегородской губернии, «Краеведческий сборник», т. I, Нижний Новгород 1925.

«Данные о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, за 1913 г.», министерство торговли и промышленности, отдел промышленности, П. 1914.

«Движение рабочих на заработки в 1911 г. Строительные и дорожные работы», изд. Комитета по заселению Дальнего Востока, сост. А. Попов, П. 1911.

В. А. Дементьев, Хочется работать еще больше и лучше, «Известия» от 4 января 1940 г.

Е. М. Дементьев, Санитарное исследование фабрик и заводов Коломенского уезда, «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. III, вып. XIII, М. 1883.

Е. М. Дементьев, Санитарное обследование фабрик и заводов Серпуховского уезда, «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. III, вып. XV, М. 1885.

Е. М. Дементьев, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, изд. 2-е, М. 1897.

Е. М. Дементьев, Рабочие фабричной промышленности, «Россия в конце XIX в.», под ред. В. И. Ковалевского, изд. министерства финансов, П. 1900.

И. В. Джервис, Русская табачная фабрика в XVIII—XIX вв., «Известия Академии наук СССР», Отдел общественных наук, № 10, 1932.

«Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет (1887—1926 гг.)», т. I, ч. I, Госиздат, 1930.

Е. Дюбюк, Фабрики в деревне (письмо из Владимира), «Современный мир» № 4, 1911.

Е. Дюбюк, Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX в., Кострома 1911.
Е. Дюбюк, Обрабатывающая промышленность Костромского края, сб. «Прошлое и настоящее Костромского края», Кострома 1920.
Е. Дюбюк, Рабочее движение в Кинешемско-Юрьевецком фабричном районе, «Труд в России», кн. 1-я, 1925.
Ф. Евгеньев, Сто лет клинцовской шерстяной промышленности, 1926.
Ф. Евгеньев, Развитие русской шерстяной промышленности, «Шерстяное дело» № 10—12, 1923.
«Ежегодник министерства финансов на 1869 г.», вып. I. Составлено под ред. А. Б. Бушена, П. 1869.
Д. И. Жбанков, Бабья сторона, статистико-этнографический очерк, «Материалы для статистики Костромской губернии», вып. VIII, Кострома 1891.
Д. И. Жбанков, Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии, вып. I—II, Смоленск 1894—1896.
Д. И. Жбанков, Отхожие промыслы в Смоленской губернии, Смоленск, 1896.
«Журналы заседаний VIII очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшихся 2, 3 и 4 мая в Петрограде», П. 1915.
«Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения», т. IV, вып. II. Промыслы, сост. П. А. Вихляев, М. 1908.
Н. Зобнин, Положение рабочих, историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа «Алтай», под ред. П. А. Голубева, Томск 1890.
Зыбин, История Тульского оружейного завода, т. I, М. 1912.
Е. Зябловский, Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, изд. 1-е, П. 1808; изд. 2-е, 1815.
И. И. Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, М. 1910.
«Известия Отдела по топливу Высшего совета народного хозяйства» № 1/8, 1918.
«Искра», вып. I и II, Истпарт, Л. 1926
В. Ислявин, Обзор каменноугольной и железоделательной промышленности Донецкого кряжа, СПБ 1875.
«Историко-статистическое описание Тверской губернии, составленное В. Покровским», т. II, вып. 1 и 2. Тверь и Тверской уезд, 1882.
М. Мительман, Б. Глебов и А. Ульянский, История Путиловского завода, 1939.
Е. А. Кадомцев, Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г., П. 1909.
К. И. Каменев, Историческое описание Охтенского порохового завода, СПБ 1891.
«Каменноугольная промышленность в России в 1908 г.»; то же в 1913 г., изд. Статистического бюро Съезда горнопромышленников юга России, Харьков.
А. Карпов, Кузнечный промысел в северо-восточной части Арзамасского уезда и смежной части Нижегородского уезда, «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. IV, П. 1880.
С. Каплун, Женский труд и его охрана, Госиздат, 1921.
А. Кеппен, Горная и соляная промышленность, «Исторический обзор промышленности России», т. I, СПБ 1883.
П. Кириллов, Отхожие промысла, Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. XXVII.
Ф. К-ий, Рынок труда, «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» № 7, 1915.
В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. V, П. 1921.
А. Корсак, О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и России, М. 1861.
И. М. Козьминых-Ланин, Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии, М. 1912.
И. М. Козьминых-Ланин, Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии, М. 1912.

И. М. Козьминых-Ланин, Фабрично-заводский рабочий Владимирской губернии (1897 г.), Владимир 1912.
Н. Колюпанов, Колонизация Пермской губернии и распространение горного промысла, «Беседа» № 9, 1871.
В. Крутиков, Положение рабочих на постройке Петербургско-Московской железной дороги (1843—1851 гг.), «Красный архив» № 4, 1937.
П. Крюков, Очерк мануфактурной промышленности в Европейской России, служащий текстом промышленной карты, СПБ 1853.
«К столетию Путиловского завода 1801—1901 гг.», П. 1902.
И. Н. Кубиков, Рабочий класс в русской литературе, М. 1928.
П. И. Куркин, Статистика движения населения в Московской губернии в 1885—1897 гг., изд. Московского губернского земства, М. 1902.
П. И. Куркин, Санитарно-статистические таблицы, М. 1910.
«Кустарная промышленность Вятской губернии», «Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», вып. XII, П. 1884.
А. Ламанский, Опыт описания крестьянской промышленности Калужской губернии, «Журнал министерства государственных имуществ», ч. 73, 1860.
С. М. Левидова, История Онежского (бывшего Александровского) завода, П. 1938.
И. Л. Лиссер, Горнорабочие на железных рудниках Криворожского района, «Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова» № 8, 1907.
И. Литвинов и *А. Голубев*, Шерстяные изделия, «Историко-статистический обзор промышленности Росиии», т. II, П. 1886.
А. Лосицкий, Хозяйственные отношения при падении крепостного права, «Образование» № 11, 1906.
М. Г. Лунц, Сборник статей «Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России», М. 1909.
П. Г. Любомиров, Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв., Л. 1930.
П. Г. Любомиров, Крепостная Россия XVII—XVIII в., Энциклопедический словарь Граната, т. 36, ч. III.
П. Г. Любомиров, Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России, «Исторический сборник» № 5, изд. Академии наук, М.—Л. 1936.
П. Г. Любомиров, Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности, Л. 1937.
И. Лященко, Условия труда на рудниках Донецкого бассейна, «Общественный врач» № 2—3, 1914.
П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, М. 1939.
П. И. Лященко, Экономическое развитие России в XIX и начале XX в., Энциклопедический словарь Граната, т. 36, ч. IV.
W. Leontiew, Die Lage der Baumwollarbeiter in St.-Petersburg, München 1905.
П. Макарьев, Фабрично-заводская промышленность Костромской губернии накануне мировой войны, «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. XII, Кострома 1921.
И. М. Малий, Из истории завода «Пролетарий», «Новгородский исторический сборник», вып. III и IV, под общей ред. акад. Б. Д. Грекова, М. 1938.
Д. И. Малинин, Полотняный завод в XVIII в., Калуга 1929.
«Материалы для географии и статистики России». Рязанская губерния, сост. М. Баранович, СПБ 1860.
«Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X. Шуйский уезд, вып. III. Промыслы крестьянского населения; т. XI. Александровский уезд. Промыслы крестьянского населения.
«Материалы для статистики России, собираемые по ведомству министерства государственных имуществ», вып. I, СПБ 1858; вып. V, 1871.
«Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи», изд. Центрального статистического комитета, СПБ 1882.
«Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии», вып. V, ч. I. Заводский район, Казань 1894.
«Материалы к выяснению вопроса об обеспеченности горнорабочего населения Пермской губернии в продовольственном отношении», изд. Ста-

тистического отдела Пермской губернской земской управы, Пермь 1900.
«Материалы учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России», разработано Департаментом окладных сборов, ч. I и III, П. 1903.
«Материалы об экономическом положении профессиональной организации петербургских рабочих по металлу», П. 1909.
«Материалы по учету рабочего состава и рабочего рынка», изд. Центрального военно-промышленного комитета, вып. I—II, П. 1916—1917.
«Материалы по вопросам, направленным Советом съездов горнопромышленников Уральской горной области в Совет по горнопромышленным делам», П. 1906.
«Материалы по статистике Петрограда», вып. I, П. 1920.
М. Б., К ликвидации посессионных фабрик, «Исторический архив» № 1, изд. Академии наук, 1936.
«Металлисты Урала накануне и в период 1905 г.», Свердловск 1926.
В. А. Мехмандров, Заболеваемость горнорабочих на юге России, «Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены» № 3, 1905.
П. Милюков, Очерки из истории русской культуры, изд. 5-е, СПБ 1904.
А. М. Митинский, Горнозаводский Урал, П. 1909.
«Начальные училища ведомства министерства народного просвещения в 1914 г.», П. 1916.
А. Т. Небольсин, Организация курсов для взрослых рабочих, «Труды Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем-Новгороде», т. VI, вып. IX, СПБ 1897.
Л. Н. Нисселович, История заводско-фабричного законодательства Российской империи, ч. I и II, П. 1883—1884.
«О действиях губернских механиков», «Журнал мануфактур и торговли», ч. II, 1853.
«О деятельности фабричной инспекции», отчет главного фабричного инспектора Е. Т. Михайловского, П. 1886.
«О писчебумажном производстве в России вообще и бумагоделательной фабрике Варгуниных в особенности», «Журнал мануфактур и торговли», ч. I, 1852.
«О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губернии в 900-х годах», вып. II, изд. Владимирского истпарта, 1926.
«О соотношении мастеровых к их хозяевам», «Журнал мануфактур и торговли» № 6, 1832.
«О фабриках и мануфактурах в России», «Северная почта» № 42, 1810.
«О табачных фабриках в С.-Петербурге», «Журнал министерства внутренних дел», ч. 40, 1852.
«Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1913 и за 1915 гг.», Баку 1914, 1916.
«Обзор строительной деятельности в России», СПБ 1912.
«Обзор Ярославской губернии», вып. II. Отхожие промыслы крестьян, под ред. А. Р. Свирщевского, Ярославль 1896.
«Обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России», П. 1845.
«Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.», СПБ 1905.
«Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г.», вып. XVI, ред. В. И. Покровского, П. 1916.
Е. А. Олюнина, Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губерний, М. 1914.
Вильгельм де Геннин, Описание уральских и сибирских заводов. 1835, М. 1937.
«Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии», Ярославль 1907.

«Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии 1894—1897 гг.», Владимир 1899.
«Отчет Горного департамента за 1900 и 1901 гг.», П. 1903.
«Отчет Отдела промышленности за 1915 г.», министерство торговли и промышленности, П. 1916.
К. А. Пажитнов, Положение рабочего класса в России, т. I, изд. 2-е, Л. 1925.
К. А. Пажитнов, Очерки по истории рабочего класса на Украине, Харьков 1927.
К. А. Пажитнов, Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности, М. 1940.
«Памятная книжка для русских горных людей на 1863 г.», изд. Ученого комитета Корпуса горных инженеров.
В. Пельчинский, О санктпетербургских фабриках, «Журнал мануфактур и торговли» № 3, 1828.
«Перепись Баку 1913 г.», ч. III, вып. 2—4, Баку 1915—1916.
«Перепись рабочих на одной фабрике в г. Костроме», доклад Н. И. Воробьева, «Труды подсекции статистики XII съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Москве 29 января 1909 г.—5 января 1910 г.».
«Перепись Москвы 1902 г.», ч. I. Население, М. 1906.
«Перепись рабочих и служащих 1929 г.», т. I. Металлисты СССР, текст А. Г. Рашина, М. 1930.
П. А. Песков, Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве, «Труды Комиссии для осмотра фабрик и заводов в Москве», М. 1882.
«Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.», под ред. В. В. Степанова, П. 1915.
В. Пирогов, Очерки промышленности Костромской губернии, «Материалы для статистики Костромской губернии», вып. III, Кострома 1875.
М. А. Плотников, Кустарные промыслы Нижегородской губернии, Нижний Новгород 1894.
А. В. Погожев, Кирпично-гончарное производство Московского уезда, М. 1881.
А. В. Погожев, Санитарное исследование фабричных заведений Богородского уезда, «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. III, вып. XI, М. 1885.
А. В. Погожев, Вотчинные фабрики и их фабричные, «Вестник Европы», т. IV, 1889.
А. В. Погожев, Школьно-фабричные нужды России, «Русская мысль» № 9, 1894.
А. В. Погожев, Учет численности и состава рабочих в России, П. 1906.
В. А. Полетика, О железной промышленности в России, СПБ 1864.
«Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.», т. IV, VI, XII, П. 1830.
«Положение труда в Петербургской губернии за 1918—1923 гг.», статистический атлас, сост. К. Н. Яковлева, П. 1923.
Р. Попов, Горнозаводский Урал, «Отечественные записки» № 12, 1874.
Я. Я. Полферов, Кустарная промышленность в России. (Опыт экономического исследования), СПБ 1913.
С. Приклонский, Внутреннее обозрение, «Русская мысль» № 4, 5, 10, 1882.
С. Приклонский, Хроника рабочей силы, «Дело» № 1, 1883.
А. Н. Путилов, Материалы для истории фабрично-заводской промышленности Ульяновской губернии, 1928.
«Работница на социалистической стройке», Партиздат, 1937.
«Рабочие и служащие на нефтяных промыслах и заводах» (доклад Т. Е. Старцева), «Нефтяное дело» № 5—6, 1900.
«Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах», т. I, Свердловск 1927.
Е. И. Рагозин, Железо и уголь на юге России, П. 1896.
Е. И. Рагозин, Железо и уголь на Урале, СПБ 1903.
«Районы Ивановской промышленной области», ч. I. Экономическая характеристика, Москва—Иваново-Вознесенск 1933.
«Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения

на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.», под ред. Н. А. Тройницкого, П. 1905.
«Ремесленники и ремесленное управление в России», министерство торговли и промышленности, П. 1916.
М. К. Рожкова, Статьи о Трехгорной мануфактуре в сб. «История пролетариата СССР» № 1, 5 и в сб. «Русский рабочий в революционном движении», 1930.
В. Родзевич, Историческое описание С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования. 1712—1912, СПБ 1914.
М. Розанов, Обуховцы, Л. 1938.
А. Романов, Ижевский оружейный завод, «Сборник сочинений по судебной медицине...» т. II, 1875.
«Русский рабочий в революционном движении», сб. статей «Рабочие завода «Серп и молот» (б. Гужона) в 1905 г.», М. 1931.
Г. Рычкова, Лысьва, Уральское областное государственное издательство, 1932.
Ф. Самойлов, По следам минувшего. Воспоминания старого большевика, М. 1934.
«Санкт-Петербург», исследование по истории, топографии и статистике столицы, изд. Центрального статистического комитета, т. I. Исследование по статистике Петербурга, СПБ 1868.
«Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г.», т. I, изд. ЦСК, П. 1872.
И. Саутин, Население Страны социализма, «Большевик» № 10, 1940.
«Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии», т. I, Саратов 1881.
«Сборник материалов по техническому и профессиональному образованию», вып. II, изд. министерства народного просвещения, СПБ 1895.
«Сборники Русского исторического общества», т. 10, П. 1872; т. 115, 1903.
«Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии», т. II. Бахмутский уезд; т. III. Славяносербский уезд, Екатеринослав 1886.
«Сборник статистических сведений по Костромской губернии», т. I. Нерехтский уезд, вып. I. Экономическая часть, Кострома 1901.
«Сборник статистических сведений по горной части на 1864 г.», изд. Ученого комитета Корпуса горных инженеров, СПБ 1864.
«Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности» за 1887—1911 гг.
«Сведения по различным вопросам технико-промышленного образования в России и за границей», П. 1888.
«Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1867—1888 гг.», П. 1890.
«Свод данных о фабрично-заводской промышленности за 1885—1887 гг.», изд. Департамента торговли и мануфактур, П. 1889.
«Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.», министерство финансов, П. 1900.
«Своды отчетов фабричных инспекторов» за 1901—1913 гг.
В. И. Семевский, Рабочие на сибирских золотых приисках, т. I—II, 1898.
В. И. Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, изд. 2-е, 1903; т. II, П. 1901.
В. И. Семевский, Крестьянский вопрос во второй половине XVIII и в первой половине XIX в., сб. «Крестьянский строй», СПБ 1905.
С. П. Сигов, Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, Свердловск 1936.
Н. П. Сидоров, Раменская фабрика, «Юридический вестник» № 1, 1886.
А. Смирнов, Земледелие и земледелец центральной промышленной области, «Русская мысль» № 7, 1901.
А. Смирнов, Промыслы крестьянского населения Суздальского уезда, «Вестник Владимирского губернского земства» № 1, 1902.
А. Смирнов, Фабрика и фабричный рабочий, «Русская мысль» № 5, 1902.
А. Смирнов, Ручной ткач или фабрика, «Русская мысль» № 3, 1903.
А. Смирнов, Из наблюдений земского статистика, «Русское богатство» № 4, 1904.

Н. Д. Соколов, Промысловые занятия населения Московской губернии и его обращаемость в лечебницы, М. 1909.
«Состояние фабрик и заводов в Калужской губернии в 1828 г.», «Журнал мануфактур и торговли» № 1, 1830.
«Состояние фабрик и заводов в Тамбовской губернии в 1828 г.», «Журнал мануфактур и торговли» № 5, 1830.
«Состояние фабрик и заводов в Костромской губернии в 1828 г.», «Журнал мануфактур и торговли» № 5, 1830.
«Состояние фабрик и заводов Курской губернии к 1828 г.», «Журнал мануфактур-торговли», 1829.
«Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.», изд. Академии наук, Л. 1934.
«Статистика несчастных случаев с рабочими в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции», за 1901—1912 гг..
«Статистическое обозрение состояния Владимирской губернии в 1817 г.», «Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 г.».
«Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на мануфактурной выставке 1861 г.», СПБ 1862.
«Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г.», изд. Отдела промышленности министерства финансов, П. 1903.
«Статистические сведения о Середском фабричном районе Нерехтского уезда», вып. II, Кострома 1915.
«Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.», министерство торговли и промышленности. Отдел промышленности, П. 1912.
«Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи», СПБ 1842.
«Статистические таблицы Российской империи за 1856 г.,» СПБ 1858.
«Статистический ежегодник г. Москвы», вып. 4, 1911—1913 гг., М. 1916.
«Статистический ежегодник за 1914 г.», изд. ЦСК, СПБ 1915.
«Статистический сборник за 1913—1918 гг.», вып. 1, изд. ЦСУ, М. 1921.
«Статистический ежегодник за 1918—1920 гг.», вып. II, изд. ЦСУ, М. 1922.
«Статистическое изображение городов и посадов Российской империи за 1825 г.».
А. А. Степанов, Крестьяне-фабриканты Грачевы, Государственный русский музей. Записки историко-бытового отдела, Л. 1928.
И. Степанов, К вопросу о положении рабочих на лесопильных заводах Архангельской губернии, П. 1915.
П. Степанов, Наделение землей горнозаводского населения на Урале, изд. Петербургского политехнического института, П. 1914.
H. Storch, Statistische Uebersicht Statthalterschaften des Russischen Reichs etc., in tabellen, Riga 1795.
П. Н. Столпянский, Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования (1704—1914 гг.), Л. 1925.
С. Г. Струмилин, Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913 — 1922 гг., М. 1923.
С. Г. Струмилин, Черная металлургия в России и в СССР, изд. Академии наук, М.—Л. 1935.
Б. И. Сыромятников, Распадение крепостного строя и переход к буржуазному государству, Энциклопедический словарь Граната, т. 36, ч. IV.
«Табели к отчету министерства внутренних дел за 1804 г.».
С. Тарасов, Статистическое обозрение промышленности Московской губернии, М. 1856.
«Техническое описание Коломенского машиностроительного завода», Коломна 1903.
В. Тимофеев, Из быта рабочих винокуренных заводов, «Отечественные записки», ч. CXXVIII, 1868.
П. Тимофеев, Чем живет заводский рабочий, СПБ 1906.
«Труд в Московской губернии в 1923—1925 гг.,» М. 1926.
«Труд и профсоюзы на Украине», статистический сборник, Харьков 1928.
«Труды Вольного экономического общества», ч. VIII, 1768.

«Труды XVIII съезда горнопромышленников юга России», Харьков 1894.
«Труды II Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности», М. 1911.
М. И. Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, изд. 3-е, П. 1907.
М. И. Туган-Барановский, Крепостная фабрика. Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем, т. III, М. 1911.
М. И. Туган-Барановский, Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900—1909 гг. и виды на будущее, сб. «К лучшему будущему», П. 1912.
М. Туган-Барановский, Народное хозяйство, «Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г.», СПБ.
Н. В. Турчанинов, Потребность в миграциях сельского населения в связи с его диференциацией в центрально-земледельческом, западном, центрально-промышленном и северо-западном районах, «Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института», т. III, М. 1926.
«Указатель фабрик и заводов Европейской России», П. А. Орлова и С. Г. Будагова, изд. 3-е, П. 1894.
«Україна. Статистичный щорічник 1929 г.», Харків 1929.
«Фабричный быт Владимирской губернии», отчет за 1882—1883 гг. фабричного инспектора П. А. Пескова, СПБ 1884.
«Фабрично-заводская промышленность за период 1913—1918 гг.», изд. ЦСУ, М. 1926.
П. Фомин, Очерк истории гвоздарной промышленности в России, Харьков 1897.
П. Фомин, Горная и горнозаводская промышленность юга России, т. I, Харьков 1915.
И. Фундуклей, Статистическое описание Киевской губернии, ч. III, П. 1852.
Т. К. Цветков, *Ф. П. Хлопотухин* и *П. Т. Андреев*, Ярцево, Партиздат, 1932.
П. К. Худяков, Машины, аппараты и машиностроение, «Производительные силы России», под ред. В. И. Ковалевского, СПБ 1896.
И. В. Чернышев, Община после 9 ноября 1906 г., ч. I, П. 1917.
Н. В. Чехов, Народное образование в России с 60-х годов XIX в., М. 1912.
А. Н. Чиколев, Опыт исследования по влиянию заводских работ на заболеваемость и состояние здоровья рабочих, П. 1909.
«Численность и состав рабочих в России», «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», под ред. Н. А. Тройницкого, т. I, П. 1906.
А. К. Чугунов, Отчет по обозрению фабрик и заводов Самарской, Московской и С.-Петербургской губерний, произведенному в летние месяцы в 1858 г., «Ученые записки, издаваемые Казанским университетом», кн. IV, Казань 1859.
П. К. Чупин, О Богословских заводах и заводчике Походяшине, «Сборник статей, касающихся Пермской губернии», вып. I, Пермь 1887.
А. Шабалов, Фабрично-заводские предприятия в помещичьих имениях, «Архив истории труда в России», кн. III, П. 1922.
М. Шагинян, Фабрика Торнтон, М. 1927.
В. Швецов и *К. Петров*, Из прошлого южноуральских заводов, «Записки Златоустовского окружного общества краеведения», вып. II, Златоуст 1927.
П. М. Шестаков, Рабочие на мануфактуре т-ва Циндель в Москве, М. 1900.
Шульце-Геверниц, Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, П. 1901.
Ф. Ф. Эрисман, Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда, ч. I. «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. III, вып. IV, М. 1881.
Ф. Ф. Эрисман, Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879—1885 гг., «Сборник статистических сведений по Московской губернии». Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. I, 1890.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
От автора 6
Отдел I. Общая характеристика процессов формирования промышленных рабочих в крепостную эпоху 11
Глава 1. Динамика численности промышленных рабочих в крепостную эпоху . . 12
Динамика численности рабочих обрабатывающей промышленности 12
Динамика численности рабочих горнозаводской промышленности 43
Некоторые данные о применении женского и детского труда в промышленности за крепостную эпоху 49
Глава 2. К характеристике формирования промышленных рабочих в крепостную эпоху 54
Рабочие посессионных и помещичьих мануфактур и казенных предприятий . . 57
Вольнонаемные рабочие в промышленности за 1800—1860 гг. 79
Отдел II. Динамика численности рабочих в капиталистической промышленности России 98
Глава 3. Динамика численности рабочих фабрично-заводской промышленности России за 1865—1900 гг. 101
Глава 4. Динамика численности рабочих фабрично-заводской промышленности России за 1900—1913 гг. 130
О численности строительных рабочих 167
Глава 5. К характеристике процессов концентрации пролетариата в капиталистической промышленности России 169
Глава 6. Труд женщин, детей и подростков в капиталистической промышленности России. Возрастной состав рабочих 184
Динамика численности фабрично-заводских работниц 184
Труд детей и подростков в капиталистической промышленности России 203
К характеристике возрастного состава фабрично-заводских рабочих 223
Глава 7. Изменения в численности и составе промышленных рабочих в годы империалистической войны 239
Отдел III. Процессы формирования пролетариата в капиталистической промышленности России 268
Глава 8. Общая характеристика формирования промышленного пролетариата и связанных с ним миграционных процессов 271
Глава 9. Формирование фабрично-заводских рабочих в основном из среды местного населения 302
Глава 10. Формирование фабрично-заводских рабочих в основном из среды неместного населения 326
Глава 11. К характеристике процессов формирования строительных рабочих . . . 351
Отдел IV. Процессы образования постоянных рабочих кадров в капиталистической промышленности России 363
Глава 12. Данные о продолжительности работы предприятия и о производственном стаже промышленных рабочих 363
Глава 13. Преемственность фабрично-заводского труда 390
Глава 14. К характеристике процессов уменьшения связи с сельским хозяйством у фабрично-заводских рабочих 403
Отдел V
Глава 15. Образовательный уровень промышленного пролетариата в капиталистической России 418
Список литературных работ и источников, использованных автором 454

А. Г. Рашин—Формирование промышленного пролетариата в России. Соцэкгиз. 1940.

Индекс $\frac{331(09)}{\text{Р 28}}$ доб. 9(с)16.

Редактор **Т. Каневская** Техред **О. Гурова**

Корректор **В. Матисен**

Сдано в набор 26/VII 1940 г. Подписано к печати 14/X 1940 г. Формат бумаги $60\times92^1/_{16}$. 29 печ. листов. Уч.-авт. л. 36,023. Тираж 10 тыс. экз. Огиз № 2259. А28740. Заказ № 1344. Серия: Монография.

Цена книги 9 руб. Переплет 1 р. 75 к.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный, 9.

37